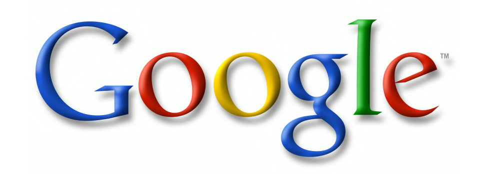
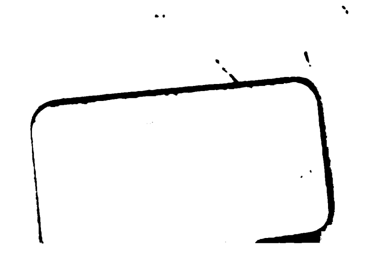

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ IV.

ПЕРЕЖИТОЕ.—ПОЛЕМИКА.—ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.—КРИТИКА.

Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета.—Вопросъ о національностяхъ.—Опытъ построенія соціологіи.—Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина «Задачи этики».—Отвѣтъ Г. Юркевичу.—По поводу брошюры Ор. Миллера «Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни».—По поводу полемики Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ.—Польскія фантазіи на славянофильскую тему.—Рѣчь на обѣдѣ въ честь И. С. Тургенева.—Письмо изъ Кракова.—Поѣздка въ Брюссель.—Двѣ недѣли въ Болгаріи.—Поѣздка въ Далмацію, Боснію и Герцеговину въ 1882 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская, 26.

1891.

С.-Петербургъ. Типографія Р. Голике, Екатерининскій каналъ, 166.

Значительная часть статей настоящаго IV тома моихъ сочиненій почерпнута изъ личныхъ впечатлѣній и имѣетъ отчасти автобіографическое значеніе. Въ печальномъ кризисѣ 1861 года, случившемся въ С.-Петербургскомъ университетѣ, я былъ небезучастнымъ зрителемъ, я это событіе сердцемъ моимъ выстрадалъ. Два празднества, одно въ Брюсселѣ, другое въ Краковѣ, по поводу чествованія Крашевскаго, остались въ моемъ умѣ въ видѣ свѣтлыхъ, весьма пріятныхъ воспоминаній. Разсказъ о поѣздкѣ въ Краковъ оставленъ въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ написанъ для «Вѣстника Европы», то есть не отъ себя, а въ третьемъ лицѣ.—Какъ ни отрывочны мои путевыя замѣтки о славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова, онѣ имѣютъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторую цѣнность по самому моменту, въ который я эти земли наблюдалъ, немедленно послѣ прекращенія войны, когда неубраны еще были ужасающіе слѣды разрушенія отъ кровопролитнѣйшей борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ великъ былъ подъемъ духа у призванныхъ къ самостоятельности новыхъ славянскихъ народностей, и исполнены онѣ были надеждъ, изъ которыхъ потомъ далеко не всѣ оправдались, а рѣдкія исполнились. — Изъ тѣхъ писателей, съ которыми я полемизировалъ, ни одинъ не остался въ живыхъ. — Изъ вызываемыхъ мною умершихъ въ особенности дорога мнѣ память двухъ, которыхъ дружескимъ расположеніемъ я гордился и капитальнымъ сочиненіямъ которыхъ я посвятилъ подробные разборы:—К. Д. Кавелина и А. И. Стронина.

В. Спасовичъ.

4-го мая 1891 года.

Содержаніе IV тома.

ПЕРЕЖИТОЕ. — ПОЛЕМИКА. — ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ. — КРИТИКА.

I.	Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета .	1 – 66
II.	Вопросъ о національностяхъ. Введеніе къ новѣйшей исторіи Австріи	67— 82
III.	Опытъ построенія соціологіи	83 —145
IV.	Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина «Задачи этики».	155 210
V.	Отвѣтъ Г. Юркевичу.	210 —229
VI.	По поводу брошюры Ореста Миллера «Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни» . . .	231 —244
VII.	По поводу полемики Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ	245 –258
VIII.	Польскія фантазіи на славянофильскую тему .	259—287
IX.	Рѣчь на обѣдѣ въ честь И. С. Тургенева . .	289—296
X.	Письмо изъ Кракова. Юбилей Крашевскаго 3—5 октября 1879 года	297—337
XI.	Поѣздка въ Брюссель	339—360
XII.	Двѣ недѣли въ Болгаріи. (Путевыя замѣтки) .	361—389
XIII.	Поѣздка въ Далмацію, Боснію и Герцеговину въ 1882 году.	391—432

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По поводу книги В. В. Григорьева: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. С.-Петербургъ 1870).

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По поводу книги В. В. Григорьева: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. (Петербургъ, 1870).

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займетъ видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно что, какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначенію можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошная. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частію другъ другу чуждые, праздновать вмѣстѣ свои юношескія воспоминанія, которыя у каждаго изъ нихъ совершенно различны. Если бы каждый изъ нихъ исповѣдалъ порознь, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направленій, слѣдовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился бла-

гополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе спѣлись и, тщательно избѣгая всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, unissono пѣли хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то-есть о томъ, чтобы хваленіе соотвѣтствовало хвалимому предмету. Эфектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личныя воспоминанія можно поставить подъ заоблачными вершинами какого-нибудь многовѣковаго учрежденія: тогда историческія тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядами на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событій прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г., будетъ праздновать свою пятисотлѣтнюю годовщину, ему придется помянуть и Лютера съ реформаціею, и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною, и Völkerschlacht и Tugenbund. Имена людей и событій имѣютъ силу магическую и вдохновеніе нисходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованіе такой декораціи надобно нѣсколько сотъ лѣтъ, въ пятьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолѣваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были воспитанники перваго выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока лишь нѣсколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3285 человѣкъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (стр. 307), попали въ государственные дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К.

И. Паленъ и два члена государственнаго совѣта А. Л. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ),—фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространялся въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 года. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ университета болѣе нежели въ государственной службѣ посчастливилось въ наукѣ и искуствѣ, и есть два-три крупныя имена (Грановскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на западѣ Европы, за предѣлами нашего весьма, правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ невеликій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такіе памятники по способу внѣшней своей отдѣлки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи и щеголяютъ богатствомъ мелочныхъ подробностей тончайшей работы, но незачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессіи. Всѣ лица выходятъ одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальнія горы, отдѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіяся на первомъ планѣ. Если бы жилъ до сихъ поръ маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтія предсѣдательствовавшій съ неизмѣнявшимъ ему никогда достоинствомъ въ совѣтѣ *almae matris*, то, по всей вѣроятности, ему бы пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣніемъ, которому отдаетъ честь самъ Григорьевъ (237). На выполненіе задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А Плетневъ воздалъ бы должное всякому, показавъ хорошую его сторону, промолчавъ о дурныхъ; физически умершихъ онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета

умершихъ, то-есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и объ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурного слова, потому что, значитъ своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соотвѣтствовалъ бы, какъ нельзя болѣе, цѣли своей: онъ былъ бы настоящій юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значитъ требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись—замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перенесемся мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что покойный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сановникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго проку.

II.

Выборъ Совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ человѣкъ самый способный для выполненія возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г., значитъ онъ стоялъ внѣ всякихъ университетскихъ партій и къ событіямъ 1861 г. могъ относиться вполнѣ

объективно и, безъ всякаго надъ собою усилія, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльныхъ членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, наконецъ, изъ устнаго преданія отъ сотоварищей, изъ коихъ четверо образовали по порученію Совѣта юбилейную комиссію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, матеріалъ обработывался исподволь и составленіе записки вмѣстѣ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 года). По его размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи и, отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освященныхъ обычаемъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ безпорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но и въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто вродѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждаго его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что in magnis voluisse sat est! Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо быть еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейнаго пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на ста, можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искуства для искуства стало бы меньше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, къ которымъ

авторъ лично былъ расположенъ или не расположенъ; есть также и посильная оцѣнка внутреннихъ въ микрокосмѣ университетскомъ переворотовъ. Я не знатокъ китайской живописи, но прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочной работѣ надо придерживаться все-таки явленій, достигающихъ извѣстной величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстилъ въ бюллетенѣ Ак. Н. «Объ одномъ ариѳметическомъ вопросѣ», а въ 1869 г. «Объ одномъ механизмѣ» (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ въ 1863 г. статью «Навертень XVII столѣтія» и «Византійскій ковчежецъ» (411); что проф. Благовѣщенскій тиснулъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статейку: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержки ученой жизни въ университетахъ» и въ «Голосѣ» статейку: «Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ» (408); что доцентъ Ламанскій печаталъ «О нѣмецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ Gartenlaube (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же нѣмецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, очутился на слѣдующей страницѣ, 413, съ отмѣткою, что онъ редактируетъ «S.-Petersburger Zeitung», но ужъ безъ всякаго замѣчанія на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыя по роду своихъ занятій и обязанностямъ службы пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его спеціальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали? чѣмъ же бы, спрашивается, занимались господа оффиціальные представители науки?)

Излишекъ, конечно, не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то заносится въ нее всякая

тряпка и всякій гвоздикъ; отъ описи требуется только полнота и точность, но я и этихъ достоинствъ описи не могу вполнѣ признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такіе, которые видимо обдѣлены. При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена большая часть его трудовъ (стр. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, надлежало перепечатать только оглавленіе собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причемъ оправдалась вполнѣ пословица: *les absents ont tort*. Еще болѣе печальная участь постигла Б. И. Утина [1]). «Изъ дѣлъ университета не видно, говоритъ записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каѳедрѣ ему порученной [2]), ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣй-

[1]) Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы, между прочимъ, прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиціи» 1861 г.; Муниципальныя учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г.; Государственный бытъ въ Англіи въ «Отеч. Зап.» 1862 г., за авг.; тамъ же, за ноябрь; Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстникѣ Европы». Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакстгаузена «О конституціонномъ началѣ». Все это умолчано, а «Византійскій ковчежецъ» г. Срезневскаго не забытъ.

[2]) Между тѣмъ, вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительною лекціею г. Утина, напечатанною въ январской книгѣ «Отеч. Зап.» за 1860 г.; тамъ указанъ и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каѳедры иностранныхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналамъ ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 г., вѣроятно, не безъизвѣстнымъ составителямъ «Записки».

шихъ предметовъ юридическаго курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учрежденій, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскій со свойственною ему предупредительностью сообщилъ бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой кафедры сравнительной исторіи законодательствъ и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой каѳедры, и о запискахъ, которыя подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что каѳедра, открытая впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что потомъ тотъ же самый предметъ преподавали г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ. На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 г. профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народнаго просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитанниковъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполнѣ согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, по крайней мѣрѣ, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживалъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-молъ такой человѣкъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыя двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ за границею и у кого учился профессоръ о. Полисадовъ (134, 135). Если о Тургеневѣ нѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромнѣйшій уголокъ, то нечего и удивляться пропуску

имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шайнохи польскаго историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedja powszechna», на которую г. Григорьевъ поминутно ссылается, и въ изданіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Ламанскому его участіе въ осуществленіи «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и заздравными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянской идеи зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведенія каждымъ изъ сподвижниковъ славянизма великаго начала: Slavus sum, nihil slavici a me alienum puto.

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительныя ошибки. Нелегко догадаться, напримѣръ, на стр. CV, что Маріанъ Красильниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль на стр. LVI Маріаномъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Маріанъ Кросновскій, нынѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ «Записки» при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпались не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записки объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записку о Коссовичѣ (прил. 417), то всякому понятно, что эта записка есть нѣчто производное и что первоначальный матеріалъ доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Также точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной

дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» за 1868 г., на статью «Григорьевъ» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старчевскаго, и на статью Grigorjew въ «Encyklopedja powszechna», то становишься въ недоумѣніе, въ чемъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старчевскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственною рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какая бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Заимствованіе свѣдѣній не критическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавныя послѣдствія. На стр. 167 сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ его занятій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней *Уголовное уложеніе*. Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется «Уголовнымъ Уложеніемъ», названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ *Encyklopedja powszechna*, въ которой уложеніе о наказаніяхъ названо Kodeks karny, что и перевелъ г. Григорьевъ дословно: уголовное уложеніе.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи «Записки» далеко не можетъ считаться безукоризненною и аккуратною. Перехожу теперь къ предмету,

который несравненно важнѣе и интереснѣе, къ сужденіямъ г. Григорьева о лицахъ и событіяхъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записки, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое понятіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ университета съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были имъ внушаемы подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр. 103: Треуголки, шпаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшею любовью къ наукѣ.

Стр. 88. На каѳедру философіи вступилъ человѣкъ многосторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ университету — А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣнскій философъ, знакомившій слушателей по Канту съ философіею, не отуманивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ указанной какой бы то ни было перемѣны въ направленіи, является поборникомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записки признаетъ мѣрою безусловно благодѣтельною для университета освобожденіе университетовъ отъ завѣдыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее профессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185. Авторъ сожалѣетъ объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г. главнаго педагогическаго института. Введеніе въ университетъ преподаванія строеваго устава, артиллеріи и фортификаціи авторъ записки объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитниковъ отечества и

успѣли уже отчасти отличиться, что̀ хронологически невѣрно, такъ какъ открыть преподаваніе повелѣно еще въ 1854 г., то есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзывается дурно о весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товарищей, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіереѣ Райковскомъ (132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ тѣхъ, которымъ на долю достались однѣ похвалы, на недосягаемой высотѣ поставленъ Сенковскій (74, 250), «дивный», «несравненный» профессоръ, геніальный человѣкъ, который способенъ былъ бы произвести въ арабской и оттоманской литературѣ точно такой же переворотъ, какой онъ произвелъ въ русской,— живая энциклопедія науки о Востокѣ. Авторъ записки превозноситъ Сенковскаго не только какъ оріенталиста, но и за его государственныя услуги по польскому вопросу—тѣ самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между своими соотечественниками. Перломъ, валяющимся въ сору, считаетъ авторъ мысль Сенковскаго, что польское дворянство имѣетъ происхожденіе отличное отъ польскаго народа и есть остатокъ азіатскихъ ордъ, можетъ быть аваровъ VI вѣка (прим. 188). Замѣтимъ автору, что перлъ этотъ былъ поднятъ и расчищенъ, что имъ-то и прославился въ Парижѣ нѣкто Духинскій, съ своею теоріею о турецкомъ происхожденіи великоруссовъ. Теорія Сенковскаго и теорія Духинскаго двѣ одного поля ягоды. Обѣ онѣ бредни, пущенныя въ ходъ съ цѣлью политическою: пустивъ ихъ, обѣ литературы поквитались, и искренно говоря жаль людей, которые бы пустились собирать этого рода маргариты. Авторъ не разрѣшаетъ вопроса, куда ушли эти громадныя дарованія, разсыпавшіяся по мелочамъ, исчезнувшія какъ фейерверкъ, и недоумѣваетъ, почему товарищи боялись Сенковскаго, почему его вліяніе ограничивалось даже между слушателями нѣсколькими единицами, почему его аудиторія—зеленѣющій оазисъ среди пустынь—оставалась безслѣдною и никто изъ обитателей пустынь въ

нее не закочевывалъ (76), почему даже Плетневъ не почтилъ выраженіемъ сухого сожалѣнія минуту, когда съ выходомъ Сенковскаго въ отставку въ 1848 году университетъ лишился *величайшей* изъ своихъ знаменитостей (251). Понятно, что при такомъ апотеозированіи Сенковскаго, авторъ записки не любитъ Бѣлинскаго; онъ и выражается иронически (226) объ «оракулѣ» начала сороковыхъ годовъ. Послѣ Сенковскаго всего больше почета оказано Неволину (113, 155)—знаменитѣйшему доселѣ изъ русскихъ юристовъ. Его энциклопедія обработана въ своей положительной части по источникамъ, бывшимъ частью неизвѣстными западной Европѣ (??). Его исторія гражданскихъ законовъ есть произведеніе образцовое и не имѣющее себѣ равнаго. Онъ далъ юридическимъ занятіямъ историческое направленіе и образовалъ цѣлую школу юристовъ, пошедшихъ по его слѣдамъ. Любопытно было бы узнать, кто эти юристы и гдѣ элементы той исторической школы, которую создалъ Неволинъ? Школа предполагаетъ въ основателѣ извѣстную органическую идею, объемлющую весь предметъ изученія и методъ, по которому производится и основателемъ и учениками приложеніе этой идеи и ея разработка. Идей органическихъ о развитіи русскаго гражданскаго права у Неволина не было никакихъ. Онъ и не ставилъ себѣ никогда задачею объяснить въ логической послѣдовательности преемство формъ, рождающихся одна изъ другой по необходимымъ законамъ развитія и въ связи съ общимъ теченіемъ жизни русскаго народа. Его «Исторія» есть громаднѣйшій анатомическій неодушевленный аппаратъ. Для юриста-практика она даетъ нисколько не больше того матеріала, который содержится въ полномъ собраніи законовъ. Для юриста-теоретика или историка она не болѣе какъ справочная книга. Она такъ и остается памятникомъ египетскаго труда, одинокою гранитною пирамидою. Подражать не будетъ потомство этой постройкѣ: оно будетъ строить жилыя зданія поменьше, но поуютнѣе, въ видѣ учебника Мейера,

руководства Побѣдоносцева и др. На стр. 169 встрѣчается какое-то странное и не требующее по своей несообразности опроверженія извѣстіе о томъ, что В. С. Порошинъ пріобрѣлъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ точно такое же вліяніе, какое имѣлъ Грановскій въ Московскомъ.—Стр. 225. Объ Устряловѣ узнаемъ мы, что неизмѣнно слышался въ немъ съ свѣтлымъ взглядомъ на прошлое *настоящій русскій* человѣкъ—(225), какъ будто бы это качество было столь рѣдкое и какъ будто бы его недоставало другимъ историкамъ Россіи, г. С. Соловьеву или «поэтической», какъ называетъ авторъ (227), личности Костомарова. Изъ живыхъ товарищей г. Григорьева всего болѣе превознесенъ И. И. Срезневскій, который, по словамъ записки, поставилъ имя свое на ряду (!) съ славнымъ именемъ Шафарика и пріобрѣлъ неоспоримое право считаться нынѣ, о-бокъ съ Палацкимъ, блистательнѣйшимъ свѣтиломъ на горизонтѣ славянской науки (248). Диссертація г. Владиславлева «О философіи Плотина» есть трудъ по исторіи философіи, какого еще не являлось у насъ (368). Книга Ѳ. Ѳ. Соколова «О древнѣйшей исторіи Сициліи»—есть трудъ по древней исторіи Запада, какого еще у насъ не бывало (370). Съѣздъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ былъ первымъ у насъ обще-русскимъ научнымъ дѣломъ (418). Юбилей Ломоносова былъ первымъ у насъ чисто общественнымъ торжествомъ (въ какомъ отношеніи? не въ гастрономическомъ ли, такъ какъ главнымъ образомъ онъ ознаменовался обѣдомъ?) (стр. 376). Наконецъ (стр. 321), послѣ положенія 19 февраля никакой законъ не обработывался такъ старательно, какъ университетскій уставъ 1863 г. (помилуйте, г. историкъ, а судебные-то уставы 22 ноября 1864 г.: университетскій выработанъ въ десятеро меньшимъ числомъ лицъ и потребовалъ въ десять разъ меньше труда), за то и вышелъ этотъ уставъ, по словамъ записки, однимъ изъ совершеннѣйшихъ у насъ произведеній законодательства. Какъ въ этомъ предложеніи, такъ, конечно, и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ видна, если не

ошибаюсь, сноровка употреблять прилагательныя въ превосходной степени и, можетъ быть, склонность къ амплификаціи, свойственная всякому слогу восточному. Я не коснулся ни разу въ моихъ замѣчаніяхъ восточнаго факультета, хотя исключительно этому факультету посвящено 60 страницъ въ запискѣ; не коснулся потому, что неспеціалисты лишены всякой возможности повѣрить, какой величины свѣтила вмѣщаетъ въ себѣ этотъ факультетъ и должны на слово вѣрить оріенталистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ восточномъ факультетѣ есть знаменитости первостепенныя, но все-таки желательно было бы видѣть въ запискѣ если не рѣшеннымъ, то затронутымъ вопросъ, какое вліяніе на успѣхъ изученія Востока произвело перенесеніе изъ Казани и сосредоточеніе въ С.-Петербургѣ громадныхъ средствъ, коими обладаетъ факультетъ, и соотвѣтствуютъ ли предположеннымъ цѣлямъ достигаемые результаты. На стр. 253 есть одно извѣстіе весьма, въ этомъ отношеніи, неутѣшительное. Оказывается, что когда въ С.-Петербургъ былъ приглашенъ знаменитый каирскій ученый арабъ Шейхъ Тантави, котораго славу разнесли по Европѣ его ученики французы, онъ не нашелъ въ С.-Петербургѣ слушателей (съ 1848 по 1858 г.), которые могли бы извлекать пользу изъ его преподаванія. Увидѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ.

IV.

Если отдѣльныя сужденія о предметахъ и лицахъ запечатлѣны въ запискѣ отчасти восточнымъ колоритомъ, то разсказы о внутренней жизни университета и о случавшихся въ немъ переворотахъ носятъ характеръ можетъ быть средневѣковый, можетъ быть византійскій, но никакъ не современный, потому что всѣ событія и всѣ перемѣны объясняются постоянно не свойствами предмета изслѣдованія, не присущими ему законами его

развитія, но чисто внѣшними причинами, которыя являются нежданно, какъ deus ex machina, возмущая покой, прерывая мирныя занятія наукою и производя тѣ или другія катастрофы. Исторіи нынѣ никто такъ не пишетъ. Никакая исторія не можетъ представляться произведеніемъ двухъ началъ, изъ которыхъ одно — пассивное, тотъ человѣкъ, общество, учрежденіе или народъ, чьи судьбы изображаются, и другое — активное, внѣшнія случайныя событія, которыя безпрепятственно и неотразимо совершаютъ свою лѣпную работу. Нѣтъ возможности разсматривать университетъ самъ по себѣ, а русское общество XIX вѣка само по себѣ — безъ всякаго живаго ихъ другъ на друга воздѣйствія, а этого-то взаимнодѣйствія живыхъ силъ именно и нѣтъ у г. Григорьева; оттого и катастрофы являются нежданно, негаданно, внезапно, какъ тать, пробирающійся въ чужіе хоромы въ полночь за добычею. Послѣдовательность внезапныхъ катастрофъ, изъ которыхъ слагается, по понятіямъ г. Григорьева, исторія судебъ университета, представляется въ запискѣ въ сущности въ слѣдующемъ видѣ.

Небо было пасмурное, его заволакивало громовыми тучами, когда С. С. Уваровъ второпяхъ открылъ университетъ. Громъ грянулъ, имя ему было Руничъ; онъ опалилъ новое учрежденіе и оторвалъ нѣсколько вѣтвей, но не положилъ конца его существованію, и совершилась такимъ образомъ катастрофа первая. Виноватъ, кто-бы вы думали? Іезуиты, хотя и изгнанные изъ Россіи до происшествія, но вскормившіе ядомъ своихъ доктринъ многихъ сановныхъ питомцевъ (стр. 9, 33, 44). Оно и легче на душѣ, по крайней мѣрѣ не свои виноваты, не свои, а чужіе, остается только нѣкоторое сомнѣніе насчетъ того, не были ли митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій тайные послѣдователи Лойолы, и нѣкоторое недоумѣніе насчетъ того, какими чарами и какимъ навожденіемъ злого духа могъ орденъ, неимѣющій всетаки корней въ Россіи, забрать такую силу надъ бѣд-

ною русскою мыслью; весь же пріемъ, въ цѣломъ взятый, много теряетъ потому, что онъ есть вольное подражаніе въ иной формѣ знаменитому по своему успѣху пріему г. Каткова съ его всеобъясняющею польскою интригою.

Случилась февральская революція въ западной Европѣ (1848 г.). Она отразилась на университетѣ рядомъ строгихъ мѣръ, стѣснившихъ преподаваніе и выборное начало въ совѣтѣ, затруднившихъ пріемъ въ студенты. Случилась катастрофа вторая, которая свалилась—я въ этомъ совершенно согласенъ съ г. Григорьевымъ—какъ снѣгъ съ кровли на голову съ европейскаго Запада; но здѣсь-то именно всего умѣстнѣе было бы изобразить, какое могли въ сущности имѣть вліяніе на внутреннюю жизнь организма сжимающіе его наружные тиски, въ какой мѣрѣ выносливымъ оказался организмъ въ годину испытаній, бережливо-ли онъ хранилъ священный огонь любви и уваженія къ наукѣ. Трудно было жить и дѣйствовать, но обновленіе съ силами было возможно, оно совершилось на яркой зарѣ новаго царствованія. Тогда-то и общество окружило университетъ любовью и сочувствіемъ, и начался блистательный періодъ существованія университета, который выразился цифрою полуторы тысячи постоянныхъ посѣтителей (стр. 305), и котораго значеніе не отрицаетъ и г. Григорьевъ на стр. 127. Желательно было бы знать, какъ держалъ себя Совѣтъ въ тяжелые годы послѣ 1849 г. подъ благоразумнымъ началомъ своего опытнаго ректора Плетнева, служившаго эгидою университету и студентамъ, когда внѣ университетской полиціи явилась тяжелая въ обыкновенное время по уставу 1835 г. попечительская власть. Слѣдовало бы возстановить въ болѣе опредѣлительныхъ очертаніяхъ характеристическую фигуру Мусина-Пушкина суроваго сенатора, рѣзкаго и грубаго въ манерахъ, добряка душою, и дать понятіе о патріархальности отношеній между попечителемъ, Совѣтомъ и студентами, патріархальности, которая къ счастію безвозвратно миновала, но которая спасала во-время оно

отъ многихъ невзгодъ и непріятностей. Наконецъ, въ запискѣ совсѣмъ не обозначенъ переходъ отъ этого патріархальнаго режима къ управленію въ діаметрально противоположномъ духѣ князя Григорія Щербатова, къ его широкимъ планамъ преобразованія университета. Обходя многозначительнымъ молчаніемъ дѣятельность кн. Щербатова, авторъ записки съ одной стороны пресѣкаетъ себѣ возможность объяснить смыслъ и мотивы устава 1863 г., въ основаніе котораго легли идеи университетской реформы, опредѣлившіяся именно при пересмотрѣ устава совѣтомъ, по предложенію князя Щербатова; съ другой стороны, авторъ теряетъ всякій ключъ къ уразумѣнію смутъ 1861 г., такъ какъ всѣ эти смуты имѣли свой корень въ недостаткахъ устава 1835 г., въ невозможныхъ въ 1858 г. отношеніяхъ между студентами и попечителемъ, основанныхъ на патріархальности, и въ попыткахъ пересоздать эти отношенія, предпринятыхъ впервые княземъ Щербатовымъ,—въ разрѣшеніи студентами корпоративной организаціи.

Опять просіяли небеса, опять ободрился университетъ, подготовлялся единый уставъ, было единодушіе и правительства и совѣта и всѣхъ его членовъ въ усиліяхъ ихъ на пользу наукъ, какъ вдругъ осенью 1861 г. начались смуты и приключилась катастрофа третья (стр. 127). И опять ставится роковой вопросъ: кто виноватъ; и опять новое появленіе deus ex machina. Виновата-молъ прежде всего литература, виноваты журналы да застольные спичи на торжественныхъ обѣдахъ (стр. 308); они-то распространяли пагубную философію, что цыплята умнѣе курицъ и дѣти заткнутъ за поясъ отцовъ. Виноватъ-молъ затѣмъ злодѣй Фицтумъ фонъ-Экштедтъ за свою любовь къ музыкѣ—онъ, вѣдь, первый затѣялъ въ 1847 г. публичные студенческіе концерты, за концертами пошелъ «Сборникъ», изданіе сборника повело къ кассѣ, касса повела профессорскія чтенія въ пользу студентовъ; хлопоты по кассѣ, сборнику и лекціямъ повели къ тому, что студенты перестали твердить записки, работать и

стали дѣлать сходки и вѣчевать. Въ этихъ хлопотахъ *«мельчало и принижалось нравственное и гражданское чувство въ студентахъ»* (стр. 312), и вслѣдствіе этой деморализаціи они и начали бѣситься (такъ сказать, отъ жиру) и произвели извѣстный кавардакъ. Самой передряги г. Григорьевъ не описываетъ (онъ въ ней не участвовалъ), но совѣтуетъ обратиться желающимъ съ нею познакомиться «хронологически» къ весьма вѣрному и правдивому повѣствованію (risum teneatis amici!) къ «Панургову Стаду» — роману г. Всеволода Крестовскаго (прил. 502). Конечно, г. Григорьевъ волёнъ въ выборѣ вожатыхъ,—одно только можно сказать, что ему, являющему собою подобіе университетскаго Данта при размѣщеніи отверженныхъ и блаженныхъ по разнымъ кругамъ университетскаго неба и преисподней, подобало избрать въ Виргиліи кого-нибудь посолиднѣе, а то, еслибы живъ былъ Конрадъ Лиліеншвагеръ, какъ издѣвался бы онъ надъ тѣмъ, что торжественная симфонія, начавшаяся съ andante, кончилась игривымъ финаломъ въ родѣ Оффенбаха, чѣмъ-то вродѣ свистопляски, рука-объ-руку съ романистомъ «Русскаго Вѣстника», г. Всев. Крестовскимъ—онъ же и авторъ «Петербургскихъ Трущобъ», а отнынѣ—источникъ для оффиціальныхъ историковъ петербургскаго университета.

Г. Григорьевъ можетъ быть какого угодно мнѣнія объ университетскихъ событіяхъ; жаль только, что къ этому мнѣнію подвѣшенъ авторитетъ юбилейной коммиссіи и университетскаго совѣта, въ которомъ большинство членовъ помнитъ очень хорошо 1861 годъ и знаетъ событія несравненно лучше г. Всеволода Крестовскаго. Г. Григорьеву я не сталъ бы и отвѣчать, потому что имя его связано теперь неразрывно съ именемъ автора «Петербургскихъ Трущобъ»; но г. Григорьеву, какъ оффиціальному исторіографу отъ Совѣта, я не могу отпустить его изложенія фактовъ и его выводовъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ молчать грѣшно, потому что, когда пройдетъ время и выбудутъ живые свидѣ-

тели, всякое опроверженіе можетъ сдѣлаться, по запоздалости, напраснымъ; само молчаніе, въ минуту когда надо было спорить, превратится въ обстоятельство, подрывающее довѣріе къ запоздалому опроверженію. Вотъ почему я, послѣ зрѣлаго раздумья, рѣшился противопоставить разсказу г. Григорьева, по «источникамъ», мой разсказъ о происшествіяхъ 1861 года по личнымъ воспоминаніямъ, и совершенно независимо отъ г. Всев. Крестовскаго; при этомъ я сохраняю надежду, что мои бывшіе товарищи этого университета, къ которымъ я не могу питать иныхъ чувствъ, кромѣ глубочайшаго уваженія, исправятъ въ моемъ разсказѣ неизбѣжныя порою неполноты и неточности.

V.

Прошло десять лѣтъ со времени студенческихъ безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ—періодъ, повидимому, достаточный для того, чтобы улечься страстямъ и начаться исторіи. Между тѣмъ мы видѣли, что даже въ «Исторической Запискѣ» о Петербургскомъ университетѣ, составленной по порученію университетскаго совѣта ординарнымъ профессоромъ В. В. Григорьевымъ, исторіографъ, коснувшись той эпохи университетской жизни, не нашелъ къ объясненію ея другаго средства, какъ отослать читателей къ новѣйшему произведенію Всеволода Крестовскаго «Панургово Стадо». Мы очень хорошо понимаемъ, что со стороны г. Григорьева такая ссылка была не болѣе какъ полемическій пріемъ,—недостойный его положенія исторіографа; г. Григорьевъ пожелалъ внести въ свою исторіографію тотъ же духъ, которымъ отличались фельетонисты извѣстнаго закала, исполняющіе данныя имъ особыя порученія. Конечно, было бы приличнѣе въ «Исторической Запискѣ», предназначавшейся быть памятникомъ пятидесятилѣтія университета, устранить фельетонные расчеты и отнестись къ прошедшему спокойно, sine ira et studio. Та-

кова, повидимому, была священная обязанность г. Григорьева; не знаемъ, почему онъ ею пренебрегъ, но во всякомъ случаѣ такое пренебреженіе съ его стороны возлагаетъ на насъ прямую обязанность принести посильную дань уваженія дорогой памяти мѣста лучшей нашей дѣятельности и избавить исторію любимаго нами университета отъ ссылокъ на нечистые источники, къ числу которыхъ нельзя не отнести романы г. Вс. Крестовскаго. Вотъ почему мы и рѣшились предложить съ своей стороны простую исторію того времени: такая исторія послужитъ, надѣемся, не только къ возстановленію истины, но и къ нѣкоторому назиданію.

Начало университетскихъ безпорядковъ скрывается въ цѣлой предшествующей эпохѣ и потому не можетъ быть связано ни съ какимъ отдѣльнымъ фактомъ. Къ концу 50-хъ годовъ, когда чрезвычайно быстро начала оживать внутренняя дѣятельность университета, совмѣстно съ оживленіемъ въ нынѣшнее царствованіе всей общественной жизни, различные, отдѣльные, часто маловажные случаи начали обнаруживать не разъ одно обстоятельство, которое при прежнемъ состояніи университета проходило незамѣченнымъ. Въ основѣ университета покоился Уставъ 1835 года, но на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмѣненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятилѣтіе 1845—55 г., расшатало окончательно силу Устава: власть попечителя рѣшала и опредѣляла все, а отъ Устава едва сохранилось нѣсколько параграфовъ въ цѣлости. По удаленіи Мусина-Пушкина, въ Совѣтѣ зародилась справедливая мысль о необходимости положить конецъ такому хаосу, сдѣлать сводъ различнымъ узаконеніямъ, съ тѣмъ, чтобы дать строго законное основаніе всѣмъ функціямъ и отношеніямъ жизни университета, которыя, давно вышедши изъ рамокъ Устава 1835 года, въ послѣднее время начинали отражать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ стовь памят-

ное и во многихъ отношеніяхъ столь отрадное пробужденіе самой общественной жизни.

Попечительство князя Г. А. Щербатова началось именно такою работою, которая повела сама собою къ составленію цѣлаго проекта реформы университетскаго устава. Пока собирались мнѣнія профессоровъ и разбирались въ Совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ попечителя, попечитель разрѣшилъ предварительно студентамъ учредить «Сборникъ», имѣть кассу, собираться, однимъ словомъ устроить то студенческое корпоративное самоуправленіе, внезапное уничтоженіе котораго и послужило поводомъ къ катастрофѣ 1861 года. Общество студентовъ стало такимъ образомъ организоваться съ вѣдома власти, подъ наблюденіемъ попечителя, но безъ всякаго непосредственнаго вліянія на эту организацію ученаго университетскаго сословія, потому что по уставу 1835 г. весь надзоръ за студентами и вся университетская полиція переданы были попечителю и инспектору студентовъ, всѣ же отношенія профессоровъ къ студентамъ заключались въ чтеніи лекцій и производствѣ экзаменовъ. Справедливость требуетъ при этомъ сказать, что студенческое общество устраивалось и существовало въ то время очень мирно и спокойно. Кто желалъ бы составить себѣ понятіе о добромъ оживленіи университетской молодежи той эпохи, тому могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ оставшіеся два тома студенческаго «Сборника», о которыхъ, какъ мы увидимъ, самъ г. Григорьевъ отзывается съ величайшею похвалою.

Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова, попечительская власть перестала вникать въ студенческое общество, перестала руководить имъ и контролировать, и продолжала жить эта община предоставленная сама себѣ. Съ 1860 года идетъ посему цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движеній, вспышекъ и столкновеній съ попечительскою властью, которыя, при нѣкоторомъ умѣньи взяться за дѣло, можно было бы и предупредить, и исправить, и направить къ луч-

шему. Въ октябрѣ 1860 г., кассиръ студентовъ Б. уличенъ былъ въ растратѣ 1000 р. изъ кассы, относительно которыхъ онъ отозвался, что потерялъ ихъ на улицѣ. Студенты ходатайствовали о томъ, чтобы имъ разрѣшено было произвести судъ надъ провинившимся, и обратились ко мнѣ, какъ къ профессору уголовнаго права, съ просьбою руководить ихъ по этому дѣлу. Я устроилъ, съ разрѣшенія попечителя, нѣчто вродѣ суда съ присяжными, объ общемъ введеніи котораго въ нашу жизнь тогда уже ходили слухи. Сходка выбрала пятерыхъ судей, обвинительный актъ составленъ былъ депутатами и редакторами «Сборника». Обвиняемый содержался въ карцерѣ и имѣлъ двухъ защитниковъ. Два засѣданія посвящены были разбору дѣла, спросу обвиняемаго и свидѣтелей, рѣчамъ обвиненія и защиты; потомъ я поставилъ вопросы, судьи удалились и, послѣ полуторачасоваго совѣщанія, въ одиннадцать часовъ вечера, въ аудиторіи № XI, устроенной амфитеатромъ, среди глубочайшаго молчанія многочисленной, слѣдившей за исходомъ процесса публики, признали бывшаго кассира виновнымъ въ растратѣ денегъ и заслуживающимъ исключенія изъ университета. Потомъ это заключеніе представлено было начальству и утверждено попечителемъ. Съ началомъ 1861 года волненіе между студентами усилилось, и наконецъ, 8 февраля 1861 г., на университетскомъ актѣ, когда профессоръ Костомаровъ долженъ былъ прочесть рѣчь о К. Аксаковѣ, дѣло дошло до настоящихъ безпорядковъ. Высшее начальство распорядилось, чтобы для сокращенія акта рѣчь эта не читалась, и чтобы актъ ограничился прочтеніемъ отчета. Произошелъ шумъ, публика и студенты громко требовали рѣчи Костомарова, ректоръ съ трудомъ успокоивалъ толпу и успокоилъ ее только посредствомъ обѣщанія, что Костомаровъ прочтетъ свою рѣчь въ формѣ публичной лекціи, что̀ и было исполнено.

Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью,

принимавшихъ все болѣе крупные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ Совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина, какъ мы замѣтили, власть попечительская забрала къ себѣ всю администрацію. Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Вслѣдствіе письма попечителя (И. Д. Делянова) къ пр. Кавелину, въ мартѣ составлена была комиссія изъ четырехъ профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студенческую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довѣріе къ этимъ правиламъ, комиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ 8 человѣкъ, которые были выбраны студенческимъ обществомъ. Со дня открытія коммиссіи всѣ безпорядки исчезли, и до конца апрѣля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примѣра нарушеній порядка.

Члены комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кавелина, составляли проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли и, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, приходили къ результатамъ, которыми хотя и не удовлетворялись вполнѣ представители студентовъ, но которымъ они однакоже изъявляли совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось бы играть при осуществленіи этой организаціи, все же была бы нелегкая, невеселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякіе дальнѣйшіе безпорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ какъ, до того времени, студенты видѣли предъ собою одну только власть и волю начальства. Главныя черты проекта заключались въ слѣдую-

щемъ. Общая сходка подъ предсѣдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла, касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студентскому самоуправленію. Тотъ же профессоръ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ изъ пяти выборныхъ студентовъ, завѣдующемъ кассою, библіотекою, изданіемъ «Сборника». Всякое предложеніе сходкѣ должно быть предварительно обсуждаемо комитетомъ, отъ котораго зависитъ допустить его или не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами изъ трехъ профессоровъ долженъ рѣшать, безъ участія студентовъ, дѣла о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ родѣ присяжныхъ, дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозилъ строгими взысканіями за всякія попытки не-университетской агитаціи. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесетъ на своихъ плечахъ масса, состоящая изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя придется обуздать сильными домашними мѣрами, не прибѣгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университетъ.

Само собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управленія университетомъ будетъ тотъ же, то есть, что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, причемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранить, а именно— корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чему служатъ

примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ— Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студенческія корпораціи даже совершенно отчуждаютъ студентовъ отъ всего, что́ лежитъ внѣ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

Проектъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе попечителя, а отъ него пошелъ на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управленія, и система. Вышеупомянутый проектъ правилъ былъ оставленъ въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредное; во всякомъ случаѣ, ему не дали никакого движенія. Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31-го мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, что составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студенческихъ, запрещеніе всякихъ сходокъ, и *ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа*. Появленіе распоряженія 31-го мая почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія адмирала Путятина и попечителемъ кавказскаго генерала Филипсона. Такъ какъ распоряженіе сдѣлано было въ самомъ началѣ университетскихъ каникулъ, то оно и прошло незамѣтно, но можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студенческихъ учрежденій, уже несовмѣстныхъ съ распоряженіемъ 31-го мая, не обойдется безъ сопротивленія и безпорядковъ при открытіи курсовъ послѣ каникулъ, а ограниченіе числа бѣдныхъ студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій, возбудитъ ропотъ въ массѣ ихъ товарищей [1]).

---

[1]) Историч. зап. В. В. Григорьева, прим. 502: «Волненія эти—говоритъ г. Григорьевъ—могли имѣть источникомъ разныя побужденія, но несомнѣнно, что главнымъ къ нимъ поводомъ, въ глазахъ студентовъ,

VI.

Лѣтомъ 1861 года я ѣздилъ за границу и, возвратившись въ августѣ, засталъ лекціи еще не открытыми. Вслѣдствіе отпуска я не имѣлъ возможности принимать участіе въ лѣтнихъ засѣданіяхъ совѣта и его работахъ, а эти работы были не малыя. По закрытіи лекцій, въ началѣ іюня, новый министръ предложилъ совѣту университета обсудить, какъ можно скорѣе, мѣры для введенія въ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 31-го мая и составить правила для студентовъ. Для послѣдняго дѣла совѣтъ назначилъ особую комиссію изъ профессоровъ, оставшихся на вакаціи въ городѣ, подъ предсѣдательствомъ пр. Чебышова. Членами комиссіи были: пр. Чубиновъ, Стасюлевичъ, Сухомлиновъ, Утинъ, Андреевскій и Пыпинъ. Задача комиссіи была тяжелая: высшее начальство, безъ сомнѣнія, было воодушевлено лучшими намѣреніями въ томъ смыслѣ, что оно желало возстановленія порядка; съ этой стороны, не могло быть и не было никакого различія между стремленіями начальства и профессоровъ. Но мѣры, предложенныя начальствомъ къ достиженію порядка, заключали въ себѣ новый источникъ безпорядковъ. Приходилось исполнить чужую, хотя и добрую волю, но какъ было видно по всему, совершенно незнакомую съ новою для нея средой. При такомъ затруднительномъ и почти безвыходномъ положеніи, комиссія рѣшилась по возможности смягчить ту строгость закона, которая неизбѣжно повлекла бы за собою безпорядки и жертвы безпорядковъ, и примирить сколько возможно обязательныя для университета требованія высшей власти съ условіями прежней студенческой жизни;

было требованіе новыхъ правилъ, которымъ всѣ, *безъ исключенія*, студенты обязывались къ ежегодному взносу 50 руб. сер. за право слушанія лекцій, вслѣдствіе чего лишались доступа къ высшему образованію всѣ тѣ молодые люди, которые не имѣли средствъ къ выполненію этого требованія»

съ этою цѣлью комиссія заимствовала почти цѣликомъ отъ Дерптскаго университета его студенческія правила, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались столь ненавистными, совершенно независимо отъ воли ихъ составителей. Несмотря на все пристрастіе г. Григорьева, онъ, однако, даетъ понять, что матрикулы, составленныя комиссіею, и матрикулы, введенныя въ дѣйствіе, были не одно и тоже: «Правила, составленныя означенною комиссіею—говоритъ г. Григорьевъ, представлены были 7-го августа, по одобреніи ихъ совѣтомъ, г. попечителю учебнаго округа. Сентября 2-го были они возвращены къ немедленному исполненію, *съ нѣкоторыми перемѣнами* (курсивъ автора), сдѣланными въ нихъ попечителемъ по указанію г. министра народнаго просвѣщенія». Вся сила и была именно въ этихъ «нѣкоторыхъ перемѣнахъ». Имя «матрикулъ» стало впослѣдствіи ненавистнымъ, именно потому, что съ ними соединилось представленіе о всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя пали на университетскую жизнь съ новою системою и которыя были закрѣплены тѣми «нѣкоторыми перемѣнами». Но возвратимся къ *первоначальному* содержанію матрикулъ.

Каждый студентъ долженъ былъ получить особую книжку, которая бы замѣняла ему прежній видъ на жительство и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла бы для него памятную книжку: въ нее вписывались бы книги, взятыя изъ библіотеки, экзаменныя отмѣтки и т. п. На первыхъ страницахъ книжки должны были помѣщаться правила поведенія и отношеніяхъ студента къ начальству и къ новому полицейско-административному устройству. Во главѣ этого устройства поставлены два новыя учрежденія, которыхъ мы давно добивались: избираемый совѣтомъ изъ среды его проректоръ, долженствующій замѣнить прежняго инспектора студентовъ, и профессорскій судъ надъ студентами изъ трехъ ежегодно избираемыхъ судей-профессоровъ. Комиссія предложила разрѣшить каждому подсудимому студенту взять себѣ въ защит-

ники кого-нибудь изъ товарищей. Это обстоятельство повело бы къ тому, что судоговореніе было бы устное; дѣло разбиралось бы гласно, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ быть на судѣ студентовъ. Гласный судъ въ университетѣ при открытыхъ дверяхъ опережалъ бы судебную реформу, которая имѣлась въ то время въ виду еще въ весьма неопредѣленныхъ предначертаніяхъ. Комиссія не могла допустить сходокъ, формально запрещенныхъ повелѣніемъ 31-го мая; но такъ какъ новый законъ ничего не упоминалъ о студенческихъ кассахъ, читальной, библіотекѣ, для завѣдыванія же этими учрежденіями нужны лица, то комиссія рѣшила, что эти учрежденія будутъ завѣдываемы выборными изъ студентовъ. Выборное начало предполагало выборы, выборы предполагаютъ собраніе, слѣдовательно, по заключенію комиссіи, разъ въ годъ имѣло бы мѣсто собраніе студентовъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ проректора и ректора, для выборовъ и замѣщенія должностей. Касательно изъятія отъ взноса денегъ бѣдняковъ, неимѣющихъ средствъ вносить по 50 р. въ годъ за слушаніе лекцій, комиссія ничего не могла постановить, въ виду прямого указанія закона; была только надежда, что эта мѣра окажется временною.

Въ чемъ же состояли «нѣкоторыя перемѣны», которымъ подверглись правила? По представленіи ихъ министру? Министръ исключилъ изъ проекта единственныя двѣ вещи, которыя могли хотя нѣсколько сгладить переходъ отъ существующаго къ новому порядку, а именно защиту на судѣ и выборы на должности. Завѣдывающихъ кассою, библіотекою и т. д. долженъ былъ *назначать*, изъ среды студентовъ, по своему усмотрѣнію, проректоръ. Въ тоже время въ проектъ включены подробности, хотя и второстепенныя, но не совсѣмъ понятныя по своей цѣли и назначенію. Возстановлены переходныя испытанія съ перваго курса на второй. Всякій студентъ, невыдержавшій переходнаго экзамена, долженъ былъ подлежать исключенію изъ университета.

Профессорскій судъ увеличенъ присоединеніемъ къ тремъ профессорамъ-судьямъ депутатовъ, по два отъ каждаго факультета, къ которому будутъ принадлежать подсудимые. Служители аудиторій или педеля, которыхъ предполагала ввести комиссія и которыхъ она хотѣла одѣть въ черные фраки съ серебряными цѣпями на плечахъ, получили подробно описанный полувоенный мундиръ и право ареста. Между тѣмъ приближалось время открытія лекцій.

VII.

Ректоръ П. А. Плетневъ уѣхалъ давно, въ маѣ, за границу и еще не возвращался. Должность ректора исполнялъ въ его отсутствіе деканъ филологическаго факультета Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Особыми повѣстками созваны мы были въ совѣтъ въ самомъ началѣ сентября подъ предсѣдательствомъ новаго попечителя, которому мы должны были быть представлены. Новый попечитель открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ просилъ насъ относиться къ нему не какъ къ чужому, потому что «мы здѣсь, какъ въ семьѣ». Затѣмъ онъ сказалъ, что ѣдетъ отъ министра и везетъ въ корректурѣ послѣднюю редакцію правилъ для студентовъ, съ измѣненіями, подѣланными въ этой редакціи министромъ, и что эти правила онъ намъ прочтетъ. Передъ чтеніемъ кто-то изъ членовъ совѣта спросилъ, окончательно-ли утверждены эти правила и подлежатъ-ли только исполненію, или могутъ быть измѣнены еще и дополнены, значитъ, допускаютъ критику? Попечитель отвѣчалъ намъ просьбою дѣлать замѣчанія. Началось чтеніе статьи за статьею, прерываемое преніями и сужденіями, изъ которыхъ легко можно было видѣть, что совѣтъ не совсѣмъ одобряетъ то, чего отъ него требуютъ, и не въ состояніи будетъ исполнить все то, чего отъ него ожидаютъ. Наши замѣчанія клонились къ тому, что измѣненія, сдѣланныя въ правилахъ, не практичны, а нѣ-

которыя обременительны; что, напримѣръ, подвергать исключенію невыдержавшихъ экзамена, значитъ располагать экзаменаторовъ къ снисхожденію, между тѣмъ, какъ, напротивъ того, надлежитъ быть какъ можно строже въ требованіяхъ отъ экзаменующихся студентовъ; что тяжело исключать бѣдняковъ за неимѣніе 50 р.; что проректоръ не можетъ назначать самъ, по своему усмотрѣнію директоровъ кассы, библіотеки и т. д. Намъ отвѣтили, что выборное начало не можетъ быть терпимо, что если имъ обусловливается существованіе кассы, библіотеки, «Сборника», то эти учрежденія должны быть исключены изъ университета. За стѣнами университета они могутъ существовать на сторонѣ какъ угодно. Мы заявляли, что при подобныхъ условіяхъ едва ли найдется кто-либо изъ насъ, кто бы взялъ на плечи тяжелую должность проректора. Засѣданіе такъ и кончилось безъ какихъ бы то ни было результатовъ.

Вскорѣ потомъ послѣдовало предложеніе Совѣту избрать проректора изъ профессоровъ. Выборы должны были произойти 6-го сентября, поутру.

По принятому обычаю, въ виду важности засѣданія предстоящаго Совѣта, собралось около 10-ти членовъ на предварительное совѣщаніе. Вопросъ состоялъ въ томъ: есть ли возможность будущему проректору, при новой обстановкѣ, которую ему давали перемѣны въ правилахъ, дѣйствовать съ успѣхомъ? Сначала, одинъ Стасюлевичъ поддерживалъ мнѣніе, что отказываться отъ проректорства не слѣдуетъ, такъ какъ эта должность, при всей ея дурной обстановкѣ, даетъ, хотя и небольшія, средства къ защитѣ студентовъ отъ крайнихъ и крутыхъ мѣръ. Но доводы противнаго мнѣнія одержали верхъ: Стасюлевичъ уступилъ большинству, и всѣ единогласно рѣшили отказаться отъ проректорства, а на Стасюлевича возложили обязанность выразить нашу общую мысль въ Совѣтѣ 6-го сентября.

Засѣданіе Совѣта 6-го сентября было весьма замѣчательно, какъ предварительная повѣрка направленій въ

средѣ самого Совѣта. Оказалось, что въ этой средѣ на безусловную поддержку во всѣхъ мѣропріятіяхъ попечитель можетъ разсчитывать только со стороны трехъ, четырехъ человѣкъ; всѣ остальные присоединились къ взгляду, высказанному на предварительномъ совѣщаніи. Какъ ни блистательно было въ матеріальномъ отношеніи положеніе, предназначаемое проректору, никто не рѣшался брать на себя эту тяжесть, зная, что ему надо идти на открытую войну со студентами, и что Совѣтъ не можетъ стать за него грудью. Рѣчь Стасюлевича произвела впечатлѣніе: въ ней проводилась параллель между профессорскимъ проректоромъ по проекту комиссіи и чиновническимъ проректоромъ по редакціи правилъ, передѣланныхъ министромъ. Очевидность невозможности держаться на этомъ постѣ была столь велика, что каждаго по одиночкѣ изъ людей сколько нибудь способныхъ занять этотъ постъ Совѣтъ упрашивалъ взять его, но не нашлось охотниковъ. Совѣтъ подписалъ единогласно протоколъ, въ которомъ было выражено, что Совѣтъ не можетъ представить ни одного кандидата для занятія должности проректора, по причинѣ труднаго положенія, въ которое поставленъ будетъ проректоръ по *измѣненнымъ* правиламъ для студентовъ.

Постановленіемъ Совѣта опредѣлилась и на будущее время его пассивная роль; но другой роли не могло и быть среди готовящихся событій. Совѣтъ не рѣшался выйти изъ того положенія, которое ему принадлежало по уставу 1835 года и не принялъ предлагаемыхъ ему административно-полицейскихъ обязанностей по отношенію къ студентамъ, потому что предвидѣлъ послѣдствія крутого перелома: онъ нашелъ себя вынужденнымъ остаться въ сторонѣ. Съ минуты, когда дѣло рѣшительно пошло на безусловное, безъ всякихъ смягченій, упраздненіе студентскихъ учрежденій, благоразуміе требовало заручиться силою, достаточною для охраненія порядка, но это-то послѣднее обстоятельство и было упущено изъ виду. Намъ объявили, что за отказомъ профессоровъ

принять на себя званіе проректора, исправлять его должность будетъ бывшій инспекторъ Фицтумъ фонъ-Экштедтъ. Онъ вмѣстѣ съ субъ-инспекторами долженъ былъ блюсти порядокъ, раздавать матрикулы. Библіотеку и кассу предполагалось отдать на руки кому-либо изъ студентовъ, для поступленія съ ними какъ хотятъ. Упраздненію подлежали и публичныя лекціи, и концерты; какъ тѣ, такъ и другіе признаны ненужными и отрывающими молодыхъ людей отъ ихъ учебныхъ занятій. Попечитель не согласился на предложеніе Кавелина созвать въ послѣдній разъ студентовъ съ тѣмъ, чтобы объявить объ упраздненіи студентской корпораціи и дать имъ возможность распорядиться находящеюся въ стѣнахъ университета ихъ общественною собственностью. Попечитель распорядился открыть курсы съ 17-го сентября, хотя новыя правила для студентовъ не только не были имъ объявлены, но не были даже и напечатаны, такъ что студентамъ представлялась такимъ образомъ полная возможность защищаться неизвѣстностью о новыхъ вводимыхъ начальствомъ порядкахъ. Однимъ словомъ, подняли занавѣсь, когда еще сцена не была готова, а потому не мудрено, что на сценѣ появились тотчасъ незваныя дѣйствующія лица.

VIII.

Курсы открыты были въ воскресенье, 17-го сентября. Послѣ молебствія, студенты составили сходку, отправили депутацію къ попечителю, прося его пожаловать на сходку и ходатайствуя о поясненіи имъ, въ чемъ состоятъ новые порядки. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ заняться науками, а не сходками. На слѣдующій день (18-го сентября) читались лекціи, но сходка все-таки собралась въ одной изъ пустыхъ аудиторій; тоже происходило во вторникъ и среду, въ четвергъ и пятницу, съ тою только разницею, что въ каждый послѣдующій день собранія

были шумнѣе и волненіе возрастало. Не зная какъ поступить, мѣстная власть показывала видъ, что она ничего не знаетъ о происходящемъ. На наши запросы И. И. Срезневскій говорилъ, что ему о сходкахъ ничего неизвѣстно. Ни инспекторъ, ни субъ-инспектора не показывались на сходкахъ; наконецъ, въ пятницу, послѣдовало распоряженіе запереть на ключъ тѣ аудиторіи, гдѣ лекціи не читаются, чтобы такимъ образомъ сходкѣ негдѣ было происходить. Нашедши пустыя аудиторіи запертыми, студенты поднялись на верхъ къ дверямъ большой актовой залы. Двери уступили давленію множества рукъ, распахнулись, молодежь хлынула въ залу и стала разсуждать, посылала депутатовъ къ И. И. Срезневскому, приглашала его въ залу. На этотъ разъ студенты толковали только объ участи своихъ товарищей, которые по бѣдности не могли больше пользоваться правомъ дароваго слушанія лекцій, и желали просить ректора именно по этому дѣлу. И. И. Срезневскій явился, успокоивалъ, но не успѣлъ заставить разойтись; до него доносилось не одно непріятное выраженіе. Въ 4 или 5 часовъ вечера, когда университетъ опустѣлъ, происходило, въ присутствіи попечителя съ университетской полиціей, освидѣтельствованіе дверей залы, написанъ былъ протоколъ о слѣдахъ взлома. По докладу попечителя рѣшено было тогда же прекратить чтеніе лекцій, закрывъ на время университетъ. О сходкѣ субботней и о ея послѣдствіяхъ мы сами узнали въ первый разъ только на слѣдующій день, 24 сентября, въ 10 часовъ утра, при торжественномъ представленіи новому министру народнаго просвѣщенія всего университетскаго ученаго сословія и преподавателей гимназій города С.-Петербурга. Тогда только въ первый разъ мы увидали министра.

Торжественность минуты придавала особенное значеніе каждой подробности пріема. Г. министръ былъ взволнованъ, когда произносилъ рѣчь, съ которою онъ къ намъ обратился. Произносилъ онъ ее медленно, съ остановками, какъ будто бы ожидая отвѣтовъ. Онъ говорилъ

намъ то самое, что̀ уже выражено было въ одномъ изъ первыхъ его циркуляровъ, а именно, что онъ старается всячески объ улучшеніи матеріальнаго нашего быта и увеличеніи содержанія; онъ выразилъ ту мысль, что высшее образованіе не должно быть даровое и что за него должны платить тѣ, которые имъ пользуются, потому что въ противномъ случаѣ оно будетъ обременять неучаствующіе въ немъ низшіе классы населенія; наконецъ, онъ приглашалъ насъ употребить наше нравственное вліяніе на студентовъ для удержанія ихъ отъ безпорядковъ и помочь такимъ образомъ правительству. Рѣчь министра выслушана была среди мертваго молчанія. Одинъ только И. И. Срезневскій по окончаніи ея, принимая на себя роль ходатая за студентовъ, просилъ министра о снисхожденіи и о томъ, чтобы не были наказываемы и не страдали всѣ учащіеся молодые люди за вину немногихъ изъ нихъ. Представленіе скоро кончилось, извѣстіе о закрытіи университета пронеслось съ быстротою по всему городу. Такъ какъ засѣданія Совѣта происходили по понедѣльникамъ, значитъ намъ приходилось собраться въ слѣдующій же день вечеромъ, 25-го сентября, то нѣсколько человѣкъ товарищей-профессоровъ, бывъ вечеромъ у К. Д. Кавелина, принимавшаго знакомыхъ по воскресеньямъ, согласились, что слѣдуетъ взять починъ возбужденія слѣдствія надъ студентами за безпорядки 23-го сентября и подать въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣту.

Перехожу теперь къ описанію событій 25-го сентября, которыя подраздѣляются на весьма извѣстное шествіе студентовъ въ Колокольную улицу и на гораздо менѣе извѣстное засѣданіе Совѣта.

IX.

Чтобы понять эти событія, надо принять въ соображеніе: 1) что у студентовъ была уже давно своя готовая организація, въ редакторахъ и депутатахъ по

кассѣ. Кромѣ того, они имѣли полную возможность устроиться кружками въ теченіе того, потеряннаго для лекцій, полумѣсяца, который предшествовалъ открытію курсовъ. Сговорившихся какъ дѣйствовать была можетъ быть неполная сотня, но она-то и давала цѣлому движенію тонъ и направленіе. 2) Надо также вспомнить, что въ обществѣ петербургскомъ начала шестидесятыхъ годовъ было сильное расположеніе къ студентамъ и ко всякому вообще движенію, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, легальныхъ или даже не совсѣмъ легальныхъ. Въ исторіи петербургскаго общества весь періодъ отъ Крымской войны до настоящей минуты можетъ быть раздѣленъ на двѣ почти равныя половины. Первая часть этого періода представляетъ собою работу мысли, законодательную подготовку всевозможныхъ реформъ, изъ которыхъ крестьянская стояла на первомъ планѣ, а судебная на второмъ; полный разгулъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ, при которомъ невозможное казалось легко осуществимымъ. Вторая часть представляетъ медленное введеніе въ дѣйствіе реформъ, работу дробную, мелкую, практическую. Между обѣими частями точно глубокую борозду провели 1862 и 1863 годы, когда открыто высказалось обратное движеніе, начавшееся собственно еще раньше. Нѣсколько единичныхъ примѣровъ увлеченія въ средѣ русскаго общества, а потомъ въ особенности польскій вопросъ, заставили большинство отказаться отъ всякаго либерализма, послѣ чего эти недавніе либералы стали столь же крайними реакціонерами. Университетская исторія совпадала съ самымъ сильнѣйшимъ разгаромъ умственнаго движенія въ обществѣ, движеніемъ, которое произвело крестьянскую реформу и другія преобразованія и не унималось, хотя видимо наставали другія времена. Это настроеніе общества отражалось и на студентахъ; съ другой стороны, оно вселяло въ студентахъ надежду, что на ихъ сторонѣ будетъ общественное мнѣніе столицы.

Не бывъ свидѣтелемъ шествія въ Колокольную улицу,

я опишу его по тому, чтó слышалъ отъ очевидцевъ. Съ ранняго утра огромныя толпы осаждали университетъ, кто за книгами въ читальную, кто для занятій въ кабинетахъ, большинство подъ видомъ того, что оно является освѣдомиться у начальства, почему закрытъ университетъ, и какъ долго будутъ они лишены слушанія лекцій и обречены на бездѣйствіе. Въ университетъ не пускали никого. Попечитель находился въ своемъ кабинетѣ (который онъ избралъ себѣ въ зданіи университета), но велѣлъ сказать, что его нѣтъ.—«Такъ какъ попечителя нѣтъ въ университетѣ, то пойдемте къ нему на квартиру въ Колокольную»,—сказали другъ другу молодые люди и отправились по нѣскольку человѣкъ въ рядъ длинною колонною чрезъ Невскій проспектъ, сопровождаемые множествомъ любопытныхъ, не постигающихъ цѣли этой процессіи. Квартира попечителя въ Колокольной охраняема была полиціею и жандармами. Такъ какъ студенты двигались весьма медленно, то пока они дошли до Колокольной, уже тамъ были с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, оберъ-полиціймейстеръ Паткуль и рота стрѣлковаго батальона, шедшая занимать караулы и остановленная на пути. Столкновеніе вооруженной силы со студентами могло произойти съ минуты на минуту, когда появился на улицѣ и самъ попечитель, ѣдущій изъ университета слѣдомъ за студентами. Попечитель явился миротворцемъ, просилъ военное начальство и полицію воздержаться отъ всякихъ дѣйствій и не вмѣшиваться въ его, такъ-сказать, семейное объясненіе со студентами; студентамъ онъ объявилъ, что не можетъ принять ихъ у себя, но готовъ объясниться съ ними въ университетѣ, куда онъ намѣренъ тотчасъ же отправиться. Студенты отнеслись къ этимъ словамъ недовѣрчиво, такъ что для доказательства, что онъ говоритъ искренно, попечитель пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи студентовъ на Невскій и только близъ Гостинnаго двора ему можно было сѣсть на дрожки, которыя прослѣдовали потомъ, подъ эскортомъ студентовъ, шагъ

за шагомъ, чрезъ Дворцовый мостъ въ университетъ. Въ университетѣ его поджидали в. г. г. Игнатьевъ, о. п. Паткуль; изъ профессоровъ присутствовали только И. И. Срезневскій и А. В. Никитенко. Совѣщанія происходили внизу, въ длинной комнатѣ Совѣта. Студентамъ, остававшимся на улицѣ и на дворѣ университета, предложено объяснить свои требованія посредствомъ депутатовъ. Студенты выбрали трехъ депутатовъ, но только тогда, когда получили отъ попечителя увѣреніе, что эти депутаты не будутъ арестованы. Депутаты были спрошены о томъ, подчиняются ли студенты раздачѣ имъ матрикулъ. Депутаты отвѣчали, что пріемъ матрикулъ послѣдуетъ со стороны студентовъ только по необходимости и безъ всякаго намѣренія исполнять ихъ. Вопросъ о матрикулахъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Желая успокоить студентовъ и заставить ихъ разойтись, попечитель выразилъ надежду, что курсы будутъ открыты на слѣдующей недѣлѣ, 2-го октября. Толпы разсѣялись и къ четыремъ часамъ университетъ уже опустѣлъ.

Въ 6 часовъ вечера, въ той же комнатѣ Совѣта внизу, занятой во всю ея длину столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сталъ собираться университетскій Совѣтъ. Большинство его членовъ только теперь узнавало о происшедшемъ. И. И. Срезневскій предупредилъ, что засѣданіе будетъ происходить въ присутствіи попечителя. Явился г. попечитель и открылъ засѣданіе рѣчью, которой содержаніе было почти слѣдующее: «Послѣ печальныхъ событій нынѣшняго дня, вы, м.м. г.г., конечно, сами убѣждены, что правительство не уступитъ ни на шагъ; всякая уступка была бы слабостью. Матрикулы должны быть введены, правила для студентовъ должны быть приведены въ исполненіе, но такъ какъ и. д. проректора и его помощники дискредитированы, то министръ рѣшилъ возложить раздачу матрикулъ на болѣе вліятельныя лица, то есть на самихъ профессоровъ. Матрикулы должны быть раздаваемы въ засѣданіяхъ факультетовъ. Деканъ каждаго факультета будетъ

ихъ раздавать торжественно студентамъ своего факультета, по очереди, отбирая отъ каждаго студента честное слово, что онъ подчинится правиламъ, содержащимся въ матрикулахъ. Отказывающійся дать это слово будетъ исключенъ. Отношенія давшихъ слово къ начальству будутъ основываться такимъ образомъ на добровольномъ подчиненіи и уговорѣ».

Всѣ замолкли, чувствовалось приближеніе рѣшительной минуты. К. Д. Кавелинъ прервалъ это молчаніе замѣчаніемъ, что профессорамъ неудобно и невозможно раздавать правила, противъ редакціи которыхъ они имѣли основаніе протестовать, и которыя считаютъ точно также и теперь неудобоисполнимыми. На это замѣчаніе послѣдовалъ категорическій отвѣтъ, что *государственная служба имѣетъ свои требованія, и что кто не хочетъ нести обязанностей ея, воленъ ее оставить*. Затѣмъ пошли иныя замѣчанія со стороны другихъ членовъ Совѣта. Заявлено было между прочимъ, что полицейскія обязанности не входятъ въ кругъ дѣятельности профессоровъ по уставу 1835 г., а другого устава пока не существуетъ; что въ самихъ матрикулахъ написано, что матрикулы раздаются студентамъ проректоромъ, слѣдовательно неудобно при самомъ введеніи матрикулъ нарушать одну изъ первыхъ статей правилъ, отбирая въ тоже время слово отъ студентовъ, что правила будутъ со всею точностью исполняться. Дѣлаемы были замѣчанія, что раздача матрикулъ профессорами, обнаруживая непослѣдовательность со стороны Совѣта, уронитъ его совершенно задаромъ, нисколько не содѣйствуя цѣли предполагаемой начальствомъ и не принося никакой пользы правительству. Протестующихъ голосовъ было много, предложеніе попечителя поддерживали только трое: Срезневскій, Никитенко и Савичъ. Такъ какъ единогласія вовсе не было, то попечитель потребовалъ, чтобы его предложеніе пущено было на голоса. Голосованіе было открытое, результатъ его былъ таковъ, что за предложеніе попечителя подано было 14, а противъ него 15

голосовъ [1]). Этотъ результатъ вышелъ въ противность всѣмъ ожиданіямъ; предложеніе пущено было на голоса совсѣмъ неожиданно, и при отбираніи голосовъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словъ попечителя К. Д. Кавелину, подразумѣвалось, что вотировать *противъ*, значитъ тоже самое, что *подавать въ отставку*. Попечитель былъ видимо пораженъ и сказалъ, послѣ минутнаго размышленія: «М.м. г.г., я бы могъ присовокупить мой голосъ къ 14 голосамъ, причемъ бы образовалось 15 голосовъ противъ 15, а такъ какъ при равенствѣ голосовъ предсѣдатель даетъ перевѣсъ, то мое предложеніе прошло бы, но я не желаю пользоваться этимъ преимуществомъ и находя, что мое предложеніе не нашло въ Совѣтѣ поддержки, доложу о случившемся министру». Попечитель послѣ этихъ словъ оставилъ засѣданіе.

Послѣ ухода его, засѣданіе продолжалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что происшедшаго, Совѣтъ принялъ единогласно два предложенія. Одно, приготовленное мною наканунѣ того дня, о томъ, чтобы Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему нарядить слѣдствіе надъ виновниками въ безпорядкахъ [2]). Другое

---

[1]) Галстунскій, Березинъ, Андреевскій, Утинъ, Кавелинъ, Благовѣщенскій, Спасовичъ, Пыпинъ, Сухомлиновъ, Костомаровъ, Павловъ, Сомовъ, Мухлинскій, Стасюлевичъ и Бекетовъ.

[2]) Такъ какъ у меня сохранилась черновая этой рѣчи, то я позволю себѣ помѣстить ее здѣсь.

Мм. гг. Вчера г. министръ выразилъ желаніе, чтобы мы, члены совѣта, содѣйствовали ему по мѣрѣ возможности въ успокоеніи волненія между студентами. Мы ничего не отвѣчали г. министру, потому что и отвѣчать не могли: онъ къ намъ обращался какъ къ совѣту in corpore, мы не могли ему отвѣчать viritim. Но мы въ долгу отвѣтомъ, и мнѣ кажется, что теперь всего удобнѣе обсудить, какъ могли бы мы исполнить ожиданія начальства. Я полагаю, что если бы даже мы и хотѣли оставаться пассивными зрителями совершающихся въ университетѣ событій, то мы бы не могли этого сдѣлать, не подвергаясь вполнѣ заслуженнымъ упрекамъ. Говорятъ, что въ субботу взломаны были двери, ведущія въ большую актовую залу; говорятъ, что на сходкѣ студентовъ оказано было неуваженіе къ лицу, которое должно считаться представителемъ совѣта

предложеніе сдѣлано было Кавелинымъ. По этому предложенію Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему войти въ разсмотрѣніе вопроса, не могутъ ли быть допущены нѣкоторыя облегченія для бѣдныхъ студентовъ, относительно взноса 50-рублевой платы, разсрочкою платежей и тому подобными средствами. Мы разошлись поздно вечеромъ. Ночью того же дня, съ 25-го на 26-е, арестовано человѣкъ 30 изъ студентовъ и вольнослушателей, считаемыхъ зачинщиками движенія. Эти аресты коснулись преимущественно студентовъ, бывшихъ редакторами сборника или депутатами кассы за послѣднее время, причемъ не обошлось безъ весьма обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ промаховъ, состоящихъ въ томъ, что вмѣсто настоящихъ дѣятелей задержано нѣсколько однофамильцевъ, и что вмѣсто руководителей попались многіе люди совершенно невиновные въ агитаціи.

и коему нанесенное оскорбленіе мы должны принимать за наше собственное. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ спокойныя занятія наукою невозможны. Если мы располагаемъ извѣстнымъ вліяніемъ на наше юношество (а я полагаю, что мы располагаемъ, потому что къ каждому изъ насъ обращается множество студентовъ ежеминутно съ вопросами о томъ, что́ имъ дѣлать), то мы должны употребить нынѣ это вліяніе, въ противномъ случаѣ начальство можетъ насъ заподозрить въ попустительствѣ безпорядкамъ, въ злорадостномъ бездѣйствіи и выжиданіи того, чтобы дѣла дошли до крайности и чтобы натянутая струна лопнула. Съ другой стороны, есть еще обстоятельство, которое не можетъ насъ не обезпокоивать—это судьба тѣхъ молодыхъ людей, надъ которыми теперь нависла гроза. Я полагаю, что обязанности наши не ограничиваются только чтеніемъ лекцій и производствомъ испытаній, что мы имѣемъ и другія, нравственныя обязанности въ отношеніи къ нимъ. Мы не знаемъ, какія мѣры предполагаетъ въ отношеніи къ нимъ высшее начальство, можетъ быть Измаилу Ивановичу извѣстно что-нибудь объ этихъ мѣрахъ, можетъ быть министерство намѣрено само отъ себя нарядить слѣдствіе, можетъ быть оно намѣрено слѣдствіе и судъ поручить обыкновеннымъ судебнымъ властямъ, но можетъ быть оно и само еще не рѣшило какой путь избрать. Въ первыхъ двухъ случаяхъ намъ, конечно, дѣлать нечего, но въ послѣднемъ мы могли бы оказать огромную и ничѣмъ незамѣнимую услугу министерству, университету и студентамъ, взявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ раскрытія и пресѣченія безпорядковъ. Мы это

X.

Мѣры, предпринятыя противъ предполагаемыхъ зачинщиковъ студенческаго движенія, считались, повидимому, достаточными для укрощенія студентовъ, хотя опытъ доказалъ, что онѣ далеко не были достаточными. Затѣмъ, что касается до той пассивной оппозиціи, которую попечитель встрѣтилъ въ средѣ Совѣта, постановлено было слѣдующее. Утромъ 26-го сентября, во вторникъ, разосланъ былъ намъ циркуляръ, въ которомъ

можемъ сдѣлать очень просто: просить, чтобы намъ дано было нарядить изъ среды себя комиссію для предварительнаго разбора дѣла о безпорядкахъ, случившихся 23-го сентября и представленія потомъ по этому дѣлу своихъ соображеній. Позвольте мнѣ изложить вкратцѣ всѣ выгоды, которыя мы могли бы извлечь изъ подобнаго образа дѣйствій.

Ссылаясь на вчерашнія слова Изм. Ив., я утверждаю, что въ безпорядкахъ, т.-е. въ сходкѣ, участвовала только меньшая часть молодежи, а между тѣмъ всѣ страдаютъ нынѣ отъ прекращенія лекцій. Желательно, чтобъ эта остановка была какъ можно менѣе продолжительна. Наша иниціатива можетъ сократить этотъ срокъ и ускорить развязку.

Исключимъ тѣхъ студентовъ, которые въ сходкѣ не участвовали, и остановимся на тѣхъ, кои участвовали. И изъ нихъ мнѣ кажется немногіе виноваты. Большинство увлечено было любопытствомъ, неопытностью. заразительностью примѣра, наконецъ тѣмъ, что это время для студентовъ переходное и что то, чтó нынѣ запрещается, весьма недавно составляло фактъ совершенно законный. Намъ прежде всего надобно постараться выгородить эту массу людей увлекшихся и увлеченныхъ, и поставить ихъ внѣ отвѣтственности.

Затѣмъ останутся настоящіе виновные. Число ихъ вѣроятно не велико. Я не думаю, чтобы кто либо изъ насъ былъ того мнѣнія, что ихъ надобно оставить безъ всякаго взысканія, но я думаю, что взысканія, нами налагаемыя или предлагаемыя, будутъ справедливѣе и сообразнѣе съ виною, нежели взысканія, налагаемыя внѣ-университетскими властями. Насъ никто не заподозритъ въ желаніи дать происшествію преувеличенные размѣры. Нами будетъ руководить чистѣйшая любовь къ истинѣ во всей простотѣ. Мы не связаны и относительно средствъ взысканія. Гдѣ законъ уголовный грозитъ мѣрами, которыя могутъ отразиться на всей будущей жизни молодыхъ людей, мы можемъ употребить дисциплинарныя мѣры, болѣе кроткія, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныя для

сообщалось, что г. министръ, не довольствуясь общимъ результатомъ голосованія по предложенію попечителя, и принимая въ соображеніе, что не всѣ члены Совѣта присутствовали въ засѣданіи, желаетъ имѣть отъ каждаго изъ членовъ Совѣта письменный отзывъ по этому вопросу съ изложеніемъ основаній его мнѣнія. Въ циркуляры были обстоятельно прописаны содержаніе предложенія попечителя и содержаніе мнѣнія К. Д. Кавелина, причемъ предлагаемо было каждому изъ насъ присоединиться къ одному изъ двухъ этихъ заключеній посредствомъ рапортовъ, которые должны были быть поданы И. И. Срезневскому въ среду, не позже 5 часовъ. Цѣль этого циркуляра, заставлявшаго профессоровъ выска-

---

охраненія на будущее время порядка. Притомъ недостаточно ограничиваться установленіемъ одной матеріальной стороны событія; справедливость требуетъ, чтобы были уважены и всѣ тѣ второстепенныя обстоятельства, которыя могутъ усиливать или уменьшать вину, а этихъ обстоятельствъ никто не въ состояніи такъ хорошо оцѣнить, какъ мы, знакомые со всѣми подробностями быта студентовъ.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ всѣми властями внѣуниверситетскими: намъ вѣрятъ студенты. Они полагаются на наши правосудіе, добросовѣстность и честность. Я разговаривалъ со многими студентами и узналъ, что изъ всѣхъ новыхъ учрежденій вводимыхъ нынѣ, одного они всего больше желали—профессорскаго суда; его не ввели до сихъ поръ, и полагаю, что это была со стороны начальства важная ошибка.

Меня спросятъ, можетъ быть, какъ будетъ дѣйствовать комиссія? Очень просто. Она призоветъ бывшихъ редакторовъ, депутатовъ, всѣхъ студентовъ, принимавшихъ въ сходкахъ болѣе или менѣе живое участіе; она ихъ переспроситъ, она попроситъ г. инспектора и его помощниковъ о сообщеніи надлежащихъ объясненій и свѣдѣній; потомъ представитъ дѣло со своимъ заключеніемъ на обсужденіе Совѣту, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ далъ ему ходъ сообразный съ тѣмъ, что было комиссію обнаружено и чего будутъ требовать обстоятельства.

Можетъ быть наше представленіе о комиссіи не удостоится того, чтобы его уважили, но во всякомъ случаѣ мы очистимся посредствомъ него передъ собственною совѣстью и будемъ носить въ себѣ сознаніе, что мы сдѣлали все возможное для блага дорогого для всѣхъ насъ университета.

заться категорически и документально, могла бы быть достигнута, и большинство голосовъ въ пользу предложенія попечителя, не образовавшееся 25-го числа, могло бы, пожалуй, теперь образоваться въ Совѣтѣ, если бы не встрѣтились два непреодолимыя препятствія, на которыя циркуляръ, кажется, не разсчитывалъ: 1) думали, что студенты достаточно укрощены, между тѣмъ какъ ихъ движеніе развивалось и росло, молодежь жужжала точно пчелы, выгнанныя изъ улья, собирались кружки, предполагаема была со стороны студентовъ подача адреса и общее сходбище въ среду передъ университетомъ; 2) полагали, что большинство профессоровъ, состоящее изъ людей весьма спокойныхъ и дорожащихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не рѣшится подтвердить по одиночкѣ и на письмѣ своихъ голосовъ, данныхъ устно и въ собраніи совѣта. Между тѣмъ вышло совсѣмъ другое: къ намъ присоединились два-три человѣка изъ тѣхъ, которые были противнаго намъ мнѣнія въ засѣданіи 25-го сентября. Такъ какъ голосованіе 25-го сентября раздѣлило довольно опредѣлительно наше ученое сословіе на два лагеря, причемъ въ нашемъ оказалось 15 человѣкъ, то эти 15 человѣкъ и были приглашены собраться въ среду утромъ въ мою квартиру для обсужденія, какой отвѣтъ дать на послѣдній циркуляръ. Во время нашихъ совѣщаній опять на улицѣ произошли событія, которыя обратили на себя все вниманіе и министерства и правительства, и заставили забыть о нашихъ отвѣтахъ, отнимая у нихъ всякое значеніе. Событія эти были слѣдующія.

Въ среду, около часу пополудни, толпа студентовъ, еще болѣе многочисленная, нежели въ предыдущіе дни, осаждала университетъ, домогаясь или того, чтобы выпущены были товарищи, или чтобы всѣхъ взяли подъ стражу и позволили раздѣлить участь товарищей. Составленный въ этомъ смыслѣ адресъ подписывался на дворѣ университета. Произносились рѣчи, куча дровъ заступала мѣсто каѳедры. Множество любопытныхъ вся-

каго званія, офицеры и штатскіе, занимали всю набережную Невы. Носились самые нелѣпые слухи о томъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ сходки, и что воспитанники ихъ готовятся дѣлать демонстрацію и выручать такимъ образомъ студентовъ. Въ залѣ Совѣта находились военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полицій̆мейстеръ и министръ народнаго просвѣщенія (первое посѣщеніе имъ университета). На-готовѣ была и вооруженная сила: полицейскіе, жандармы и батальонъ Финляндскаго полка, который, выстроившись передъ самымъ университетомъ, отрѣзалъ студентовъ на дворѣ отъ студентовъ и публики на набережной. Чуть-чуть не дошло до столкновенія между войскомъ и студентами; наконецъ студенты разошлись около трехъ часовъ, войска возвратились въ казармы, но усиленные патрули ходили по Васильевскому острову весь вечеръ обходомъ; аресты продолжались. То, что происходило въ среду, повторялось регулярно, однообразно, по той же, можно сказать, программѣ и въ слѣдующіе дни: собирались студенты, являлась и полиція и войско, кончалось тѣмъ, что брали подъ стражу кое-кого изъ публики и изъ студентовъ и отправляли въ крѣпость, послѣ чего сборища разсѣевались съ приближеніемъ обѣденнаго времени. Прошла молва, что въ воскресенье, 1-го октября, на Невскомъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній будутъ сходиться, дружиться, изъявлять свое сочувствіе студентамъ. Демонстраціи, конечно, не было, но по Невскому сновали толпы публики непроходимыя, отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, между тѣмъ, какъ военные караулы были усилены, войска стояли въ манежѣ 1-го корпуса и расположились по коридору и въ шинельной университета; сдѣлано было распоряженіе о подчиненіи вѣдѣнію генералъ-губернатора двора, сѣней и нижняго коридора въ университетѣ. Само собою разумѣется, что эти приготовленія на всякій случай дѣлались не для студентовъ, а для публики, хотя въ сущности эта публика, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, оказалась бы

совсѣмъ неспособною возбуждать какія бы то ни было опасенія. Для мужика, извощика, купца движеніе студенческое была вещь совершенно непонятная. Въ Москвѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ простонародье помогало арестовать и вязать студентовъ. Въ С.-Петербургѣ оно безучастно глядѣло, какъ «студенты бунтуютъ». Даже въ мелкомъ и среднемъ чиновничьемъ классѣ, а также въ иныхъ группахъ петербургскаго общества, претендующихъ на извѣстную культуру, сочувствіе къ студентамъ было весьма умѣренное, боязливое и, такъ сказать, платоническое. Въ публикѣ родилась мысль о томъ, что недурно бы составить адресъ и поднести его по возвращеніи Государя Императора изъ Крыма. На подписныхъ листахъ къ проектируемому адресу собрано около тысячи подписей, больше охотниковъ не нашлось, собиратели поплатились, и все предпріятіе потерпѣло страшнѣйшее *fiasco*.

XI.

Отъ студентовъ перехожу къ профессорамъ. Наше большинство совѣщалось, какъ я сказалъ, въ среду объ отвѣтѣ на циркуляръ министра. Всѣ были согласны относительно содержанія отвѣта, каждый старался дать ему иную редакцію; впрочемъ, мы чувствовали, вслѣдствіе дошедшихъ до насъ слуховъ о томъ, что происходило на Васильевскомъ острову, что туча, висѣвшая надъ нами, прошла и что теперь никому нѣтъ собственно дѣла до нашихъ рапортовъ и донесеній. Таже туча разражалась теперь надъ студентами, и такъ какъ ежеминутно можно было ожидать какой-нибудь большой бѣды, кроваваго столкновенія, то мы рѣшили слѣдить за всѣмъ происходящимъ, собираться то у того, то у другаго изъ насъ поочереди, просить, ходатайствовать, стараться всячески о смягченіи по возможности зла нашимъ вмѣшательствомъ, не покидая въ то же время строго легальной почвы и не выходя изъ предѣловъ, предостав-

ляемыхъ намъ университетскимъ уставомъ. Тогда же, въ среду, мы отправили депутацію просить попечителя о сдѣланіи нѣкоторыхъ перемѣнъ въ правилахъ для студентовъ или по крайней мѣрѣ о непубликованіи ихъ (правила эти еще *не были* напечатаны). Попечитель выслушалъ депутацію, благодарилъ за совѣты, обѣщалъ принять наши доводы въ соображеніе. Впрочемъ, правила уже печатались въ ту самую минуту и на слѣдующій день утромъ газеты помѣстили какъ подлинный текстъ правилъ, такъ и форму матрикулъ.

Въ четвергъ, 28-го сентября, мы собрались у И. Е. Андреевскаго. Рѣшено было подать адресъ министру, ходатайствуя за арестованныхъ студентовъ. Редакція адреса была безукоризненно почтительная, въ такомъ тонѣ и духѣ, чтобы ее могли подписать всѣ члены Совѣта безъ различія партій. Члены ученаго университетскаго сословія просили министра, какъ начальника, коего попеченію ввѣренъ университетъ, о возможномъ облегченіи участи юношей, заслуживающихъ снисхожденія по молодости своей и неопытности.

Въ пятницу происходило еще большее собраніе у Н. М. Благовѣщенскаго, въ которомъ участвовали, кромѣ членовъ Совѣта, адъюнкты и доценты. Нашъ адресъ имѣлъ успѣхъ; его подписали, не запинаясь, всѣ, не исключая декановъ, и даже люди совершенно противныхъ нашему направленій (Ленцъ, Гоффманъ, Воскресенскій, Савичъ, самъ Срезневскій). Дошло до нашего свѣдѣнія, что наряжена слѣдственная комиссія надъ студентами, и что депутатомъ назначенъ А. В. Никитенко. Мы отправили депутацію просить его, чтобы онъ отказался отъ этой должности, которая требовала юридическихъ познаній, такъ что выполнить ее могъ бы только кто-либо изъ членовъ юридическаго факультета.

Въ субботу, 30 сентября, наша депутація (по одному члену отъ каждаго изъ четырехъ факультетовъ) поднесла адресъ министру, который принялъ ее весьма холодно и сухо. Депутатомъ къ слѣдствію назначенъ И. Я. Горловъ.

За отказомъ Совѣта отъ раздачи матрикулъ, необходимо было придумать иной способъ приведенія въ исполненіе правилъ для студентовъ. Рѣшено было осуществить эту раздачу посредствомъ городской почты. Послѣ 1 октября явились объявленія въ газетахъ о томъ, что, по распоряженію министра, студентамъ, желающимъ продолжать учиться въ университетѣ, предоставляется подать по городской почтѣ прошеніе на имя ректора съ съ просьбою о выдачѣ матрикулы, причемъ нежелающіе получить матрикулу предваряемы были, что они вслѣдствіе неподачи просьбъ въ срокъ зачислены будутъ выбывшими изъ университета, и всѣ бумаги будутъ имъ возвращены, по мѣсту ихъ жительства, чрезъ полицію. Это распоряженіе министерства поставило студентовъ втупикъ и породило между ними величайшее раздвоеніе и споры. Брать матрикулы или не брать? съ этимъ вопросомъ обращались къ намъ поминутно студенты. Мы совѣтовали студентамъ подчиниться и просить о выдачѣ матрикулъ. Мы имъ ставили на видъ, что всякое дальнѣйшее противодѣйствіе будетъ крайне безполезно и непрактично, что немыслимо, чтобы всѣ, изъ числа полуторы тысячи студентовъ, дѣйствовали за одно, тѣмъ болѣе, что между ними есть многіе, которые вполнѣ зависятъ отъ своихъ семействъ, есть многіе, для которыхъ стипендіи даютъ хлѣбъ насущный и составляютъ единственное средство существованія. Изъ числа 1.500 найдется какихъ-нибудь 300 человѣкъ, которые во что бы то ни стало попросятъ матрикулъ или за которыхъ просить будутъ ихъ родители и родственники, а при 300 студентахъ университетъ можетъ существовать, и даже существовалъ въ весьма недавнее еще время. Наши совѣты студентамъ не имѣли никакого успѣха, страсти дѣйствовали слишкомъ сильно, а извѣстно, что на страсть никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ. Кавелинъ получилъ множество ругательныхъ писемъ по почтѣ. Наши предсказанія студентамъ однако сбылись. До окончанія срока подано было до 500 про-

шеній о выдачѣ матрикулъ отъ студентовъ и вольныхъ слушателей. Многочисленность прошеній объясняется какъ тѣмъ разладомъ, который былъ неизбѣжно порожденъ между студентами вопросомъ о подачѣ прошеній по почтѣ, такъ и тѣмъ, что полиціи удалось наконецъ напасть на слѣдъ организаціи, заправлявшей движеніемъ, и выловить нѣкоторыхъ главныхъ руководителей, накрывъ одну изъ сходокъ и отправивъ до 19 человѣкъ въ крѣпость, гдѣ общее число заключенныхъ по студенческому дѣлу простиралось до 80 человѣкъ. Лишенное многихъ предводителей, студенческое общество раздѣлилось и сильно спорило. Маленькая драма видимо клонилась къ концу, къ развязкѣ.

XII.

Таково было положеніе дѣла, когда попечитель созвалъ опять Совѣтъ въ засѣданіе 8 октября, въ воскресенье, въ 12 часовъ дня. Нижній корридоръ наполненъ былъ солдатами. Собраніе было весьма многочисленное, почти въ полномъ составѣ. Возлѣ попечителя сидѣлъ только-что возвратившійся изъ-за границы П. А. Плетневъ. Попечитель сообщилъ, что открытіе вновь университета дѣло окончательно рѣшенное, но начальство желаетъ выслушать мнѣнія профессоровъ насчетъ того, какого числа должны быть открыты курсы и какія мѣры должны быть предприняты для охраненія спокойствія внутри университета? Кавелинъ поставилъ вопросъ весьма понятный въ настоящемъ нашемъ положеніи: такъ какъ наши совѣты и представленія повели только къ тому, что мы имѣли несчастіе навлечь на себя неудовольствіе начальства; можемъ ли мы и теперь говорить откровенно все то, что думаемъ, не опасаясь того, что слова наши будутъ истолкованы въ дурную сторону? Андреевскій и Стасюлевичъ замѣчали, что такъ какъ мы не участвовали въ распоряженіяхъ по закрытію университета, и такъ какъ мы собственно не знаемъ, суще-

ствуютъ ли и нынѣ тѣ причины, которыя вызвали это закрытіе, то мы и сказать ничего не въ состояніи по этому вопросу. Бесѣда видимо не клеилась и прерывалась ежеминутно. Попечитель озабоченъ былъ соображеніями о томъ, сколько должно быть поставлено служителей аудиторій (педелей) для водворенія тишины въ университетѣ, пять, десять, или пятнадцать человѣкъ, на что никто изъ насъ не могъ ничего ни посовѣтовать, ни объяснить. Наше молчаніе не удовлетворяло предсѣдательствующаго, который видимо ожидалъ еще чего-то, и не добившись коллективнаго отвѣта, потребовалъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ, что онъ думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о способахъ выйти изъ этого положенія? Плетневу приходилось говорить по порядку первому. Почтенный и искренно уважаемый нами старецъ произнесъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе и которой сущность заключалась въ слѣдующемъ: «Я двадцать слишкомъ лѣтъ исправляю должность ректора, прошу довѣриться моей опытности. Никакіе полицейскіе порядки не помогутъ и удвоенное или утроенное число служителей аудиторій не будетъ въ состояніи охранять порядокъ. Студентами можно управлять, но на то нужна извѣстная нравственная сила, силу эту надо найти, открыть и на нее опереться...» При этомъ случаѣ Плетневъ сталъ разсказывать про былое, приводить примѣры образцоваго порядка на лекціяхъ, экзаменахъ, и случаи, когда одно слово ректора, сказанное во-время, успокоивало толпу и разсѣевало сходки. — Чего же вы желаете, господа? спросилъ попечитель. «Отмѣны правилъ и передачи намъ заботъ объ усмиреніи студентовъ».—Это вещь невозможная, правительство не можетъ отступать разъ на что-нибудь рѣшившись. «О правительствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи,—отвѣчали ему; дѣло идетъ только о начальствѣ. Никогда не поздно сознать ошибку и сойти съ ненадлежащаго пути на надлежащій. Мы всѣ готовы оказать начальству всевозможную помощь и поддержку.

Мы нисколько не заботимся о формѣ, лишь бы спасена была сущность. Начальство не желаетъ отмѣнять правилъ; ихъ можно и не отмѣнять явнымъ образомъ, стоитъ только развязать намъ руки и предоставить намъ, Совѣту, дѣйствовать на нашу отвѣтственность. Мы выберемъ проректора, но этому проректору должно быть предоставлено право созывать студентовъ, выслушивать ихъ прошенія и жалобы, единичныя и коллективныя, распрашивать ихъ о предполагаемыхъ къ введенію порядкахъ, представлять проекты чрезъ Совѣтъ на утвержденіе къ министру, съ нѣкоторою увѣренностью, что министерство не откажется утвердить проекты, планы и правила организаціи студентовъ, кои будутъ приняты и одобрены Совѣтомъ. На этихъ основаніяхъ мы беремся и теперь возстановить пошатнувшійся порядокъ». Такія мнѣнія слышались со всѣхъ сторонъ. Попечитель возражалъ, спорилъ, но встрѣчалъ всюду полнѣйшее единодушіе.—Вы ставите, господа, на вѣсы: или университетъ, или Россія? «Нѣтъ, мы только спрашиваемъ: что вы предпочитаете имѣть, университетъ безъ матрикулъ, или матрикулы безъ университета?»—Чѣмъ же дурны и неудобны матрикулы? кто ихъ получилъ, тотъ подчинился имъ, вольная воля всякому молодому человѣку войти на этихъ условіяхъ или не входить.

Одинъ изъ профессоровъ замѣтилъ на это, что «теорія свободнаго договора не можетъ быть примѣняема къ подобнымъ отношеніямъ, потому что это повело бы къ разсматриванію и самого государства, какъ договора,— то-есть поставило бы насъ на точкѣ зрѣнія давно всѣми покинутой. Притомъ не всякій такой мнимый договоръ свободенъ. Назначьте таксу на хлѣбъ по 1 рублю за фунтъ; сколько тысячъ людей умретъ съ голоду при такой мнимой свободѣ покупать хлѣбъ по таксѣ! Высшее образованіе также нужно, какъ и хлѣбъ насущный для общества, а на него наложена слишкомъ высокая такса для бѣдныхъ».—Слѣдовательно, это ваше общее мнѣніе, господа, мнѣніе всѣхъ васъ? – «Всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія!»

(Никитенко, Савичъ были съ нами за-одно). Попечитель сказалъ, что онъ доложитъ о происходившемъ министру, что наше заключеніе можетъ быть и резонно, но едва ли будетъ принято. Тѣмъ кончилось послѣднее засѣданіе Совѣта по старому уставу 1835 года. Въ этомъ засѣданіи опредѣлительно и рѣзко поставленъ былъ вопросъ объ автономіи университета, которая не принадлежала университету по уставу 1835 г., но была понимаема нами какъ одно изъ условій будущей организаціи и осуществлена, если не въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее понимали, то до извѣстной степени, однако, согласно нашимъ понятіямъ, въ уставѣ 1863 года. Если бы намъ предоставили въ этотъ моментъ, согласно нашему заключенію, возстановить спокойствіе, взявъ волнующуюся молодежь въ руки законнаго порядка, то мы бы нашлись въ положеніи далеко неудобномъ и весьма непріятномъ, но мы бы пошли на проломъ и сдѣлали бы должное. Впрочемъ, до того не дошло, такъ какъ наше предложеніе не было принято. Изъ газетъ мы узнали, что университетъ будетъ открытъ въ среду, 11 октября. Особымъ циркуляромъ, отъ 9 октября 1861 г., № 5335, мы были извѣщены о возобновленіи лекцій; циркуляръ оканчивался слѣдующими словами: «гг. профессорамъ должно быть объявлено, что правительство ожидаетъ отъ каждаго изъ нихъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія своего дѣла и не сомнѣвается, что они употребятъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ нихъ средства къ объясненію студентамъ ихъ обязанностей и къ отвращенію безпорядковъ, которыхъ возобновленіе можетъ повести къ печальной необходимости совсѣмъ закрыть университетъ».

XIII.

Не будучи пророкомъ, всякій могъ угадать и предсказать, что студенты соберутъ всѣ силы, чтобы произвести послѣднюю уличную демонстрацію передъ университетомъ по новоду его открытія. Прибавимъ къ тому,

что погода какъ нельзя болѣе способствовала демонстраціи, осень стояла великолѣпная, теплая, чрезвычайно рѣдкая для петербуржцевъ. Обѣ двери, ведущія въ университетъ, и малая отъ набережной Невы и большая со стороны биржеваго сквера, были снабжены крѣпкими замками и задвижками. У дверей стояли сторожа, не пускавшіе никого безъ предъявленія матрикулъ. Въ среду, 11 октября, университетъ былъ почти совсѣмъ пустъ, ходило по корридорамъ какихъ нибудь полсотни слушателей, да и изъ нихъ многіе совсѣмъ не заглядывали въ аудиторіи, а видимо желали только посмотрѣть, что̀ дѣлается въ университетѣ и, запугивая «матрикулистовъ», совѣтовали имъ не бывать на лекціяхъ. Въ четвергъ 12 октября пустота въ университетѣ была еще бо̀льшая, лекціи не читались по полнѣйшему отсутствію слушателей, за то въ вогнутомъ полукругѣ передъ парадною дверью университета, насупротивъ сквера, стояла густая толпа молодыхъ людей «матрикулистовъ» и «нематрикулистовъ», насильно добивающаяся входа въ университетъ подъ разными предлогами, за книгами, бумагами, въ музей, лабораторію, канцелярію. Весьма многіе «матрикулисты», упрекаемые своими товарищами, отказавшимися подчиниться новымъ правиламъ, рвали свои матрикульныя книжки и бросали ихъ на мостовую, такъ что пропасть бумагъ валялось вдоль всего фасада университетскаго зданія. Вскорѣ потомъ за появленіемъ военной силы студенты, находившіеся въ полукругѣ у двери, заключены были въ этомъ пространствѣ и отрѣзаны отъ площади тройною цѣпью полицейскихъ, конныхъ жандармовъ и солдатъ Финляндскаго и Преображенскаго полковъ. Безъ всякаго сопротивленія, по требованію команды, окруженные такимъ образомъ были отведены подъ эскортомъ на дворъ университета чрезъ заднія ворота этого двора со стороны Малой Невы и таможни, послѣ чего эти ворота были заперты. На дворѣ арестованные стояли нѣкоторое время шутя, громко разговаривая, куря папироски, между тѣмъ, какъ полиція

записывала ихъ фамиліи. Въ 2 часа перепись была кончена, заднія ворота опять отворились и солдаты выстроились въ двѣ шеренги, чтобы конвоировать арестантовъ. Въ эту минуту вся биржевая площадь и набережная Невы усѣяны были густыми толпами публики, среди которой сновали малыми группами студенты, не попавшіе подъ арестъ. Какъ только замѣчены были приготовленія для препровожденія арестантовъ въ крѣпость, разсѣянные вдоль всего протяженія университетскаго зданія свободные студенты хлынули къ заднимъ воротамъ проститься съ взятыми подъ стражу товарищами. На воздухъ взлетали кидаемыя вверхъ фуражки, дѣлаемы были знаки платками, раздались крики: «и мы съ вами! отведите и насъ въ крѣпость!» Данъ былъ приказъ оцѣпить и заарестовать кричащихъ; приказъ этотъ исполнила рота преображенцевъ, причемъ нѣкоторые студенты получили ушибы прикладами ружей, а кандидату естественныхъ наукъ Лебедеву нанесенъ былъ ударъ штыкомъ по головѣ до крови. Вторая кучка арестантовъ была нѣсколько больше первой, ее задержали и отправили вслѣдъ за первою въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости помѣщалось уже около сотни человѣкъ, къ нимъ прибыло сто человѣкъ первой и до 130 человѣкъ второй группы арестантовъ, освобождено около 30 человѣкъ, попавшихся случайно, оставалось 300. Такъ какъ въ крѣпости не было достаточнаго числа помѣщеній, то всѣ заарестованные 12 октября, въ четвергъ, отправлены на пароходахъ въ Кронштадтъ. Для производства слѣдствія наряжена особая комиссія и депутатомъ отъ университета назначенъ въ эту комиссію И. Е. Андреевскій. Слѣдствіе началось въ октябрѣ, продолжалось въ ноябрѣ и, не дошедши до суда, кончилось тѣмъ, что 6 декабря 1861 г. послѣдовала высылка пятерыхъ студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, въ дальнія губерніи подъ надзоръ полиціи и исключеніе изъ университета 32 человѣкъ, которымъ, однако, это обстоятельство не помѣшало держать потомъ экза-

менъ на ученыя степени въ качествѣ вольныхъ слушателей.

Хотя университетъ продолжалъ считаться оффиціально открытымъ, но въ сущности пользы отъ открытія было мало; по одному только физико-математическому факультету продолжались кое-какія занятія, по остальнымъ они совершенно прекратились, потому что даже студенты «матрикулисты» считали какъ-бы священною обязанностію не бывать въ аудиторіяхъ, такъ что и мы, профессора, перестали ходить на лекціи. Притомъ даже и снабженная матрикулами молодежь обнаруживала, какъ то мы предвидѣли, наклонности къ безпорядкамъ, были попытки дѣлать сходки въ курильной и на одной изъ нихъ подвергся оскорбленію дѣйствіемъ кто-то изъ субъ-инспекторовъ. Университетъ, существуя только на бумагѣ, перестанъ работать въ дѣйствительности и пробылъ въ этомъ положеніи вплоть до 20 декабря, когда, по докладу министра народнаго просвѣщенія, онъ былъ вторично и окончательно закрытъ до пересмотра университетскаго устава. Это было едва-ли не послѣднее дѣйствіе бывшаго министра. Тотчасъ же потомъ назначенъ былъ на эту должность А. В. Головнинъ.

Между тѣмъ въ послѣднія пять-шесть недѣль управленія министерствомъ гр. Путятина, пока разыгрывалась до конца студенческая исторія, проходя различные фазисы, держался, совѣщался и дѣйствовалъ Совѣтъ университета. Совѣтъ, не будучи въ состояніи воспрепятствовать столкновенію высшей власти со студентами, старался только по мѣрѣ возможности смягчать мѣры строгости и ходатайствовать. Министерство вслѣдствіе того еще болѣе обвиняло большинство Совѣта, если не въ томъ, что оно возбуждало и поддерживало безпорядки, то въ томъ, что оно не оказало мѣрамъ правительства безусловной поддержки, на которую министерство видимо расчитывало. Но послѣ развязки студенческой исторіи и прекращенія на дѣлѣ всякихъ учебныхъ

занятій, причины, соединявшія воедино большинство членовъ, перестали существовать; каждый изъ его членовъ пошелъ своею дорогою, такъ что вопросъ о томъ, чѣмъ каждому дальше быть и что дѣлать? сталъ вопросомъ чисто индивидуальнымъ, рѣшаемымъ уже не коллективно, а каждымъ порознь, смотря по своимъ личнымъ взглядамъ, соображеніямъ и обстоятельствамъ. Нѣкоторые изъ насъ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены Совѣта сочли съ своей точки зрѣнія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои не менѣе важныя основанія и побужденія, помимо вышеприведеннаго замѣчанія попечителя, напомнившаго намъ, что слѣдуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыя были однако, какъ мы видѣли, отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно былъ думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: прошеніе объ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идей новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали пять человѣкъ: К. Д. Кавелинъ, В. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ. Прежде всего подалъ въ отставку Кавелинъ, потомъ я хлопоталъ о

перемѣщеніи меня изъ университета въ училище Правовѣдѣнія на каѳедру уголовнаго права, чего и достигнулъ 4-го декабря 1861 года *). Всѣ остальные подали прошенія въ теченіи ноября. Вслѣдъ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ.

XIV.

Этимъ я долженъ бы былъ закончить собственно разсказъ объ университетскихъ событіяхъ 1861 г., насколько я былъ въ нихъ самъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцемъ; но не могу не прибавить при этомъ случаѣ еще одну черту, характеризующую духъ времени, тогдашній либерализмъ и вообще пониманіе обществомъ сущности университетскаго вопроса въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

---

*) Я позволю себѣ исправить одну, касающуюся меня неточность въ запискѣ г. Григорьева. Г. Григорьевъ исключаетъ меня изъ числа уволенныхъ изъ университета по прошенію въ концѣ 1861 г. (№ 503 ссылки, примѣчаній и дополненій) и приводитъ (№ 512), что я оставленъ за штатомъ въ іюлѣ 1863 г., изъ чего прямо слѣдовало бы заключить, что я пробылъ все время съ 1861 по 1863 г. и объ увольненіи не ходатайствовалъ. Что это невѣрно, въ томъ ссылаюсь я на нижеслѣдующія доказательства:

1) Въ аттестатѣ моемъ значится: согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія перемѣщенъ на службу и. д. профессора уголовнаго права въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія 1861 г. декабря 4-го.

2) У меня сохранилось оффиціальное письмо ректора П. А. Плетнева отъ 9-го февраля 1862 г.: «Вслѣдствіе поданнаго вами прошенія объ увольненіи васъ отъ службы при Спб. университетѣ, для представленія объ этомъ попечителю, я предварительно входилъ въ сношеніе съ директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, когда именно послѣдуетъ окончательное опредѣленіе вашего высокоблагородія въ должность профессора означеннаго училища. Такъ какъ это свѣдѣніе получено было 12-го декабря, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало 20-го декабря Высочайшее повелѣніе о закрытіи университета, по которому всѣ бывшіе профессоры оставлены были за штатомъ, то излишне было бы испрашивать разрѣшенія высшаго начальства на увольненіе васъ отъ службы при закрытомъ уже Спб. университетѣ. Нынѣ по

С.-Петербургскій университетъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до крушенія его въ 1861 году, былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой, оригинальный, русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіемъ князя Щербатова, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ сороковыхъ годахъ. Программа кратковременнаго министерства Путятина состояла, сколько извѣстно, въ томъ, чтобы преобразовать университеты въ закрытыя

воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія о предоставленіи права всѣмъ оставшимся за штатомъ профессорамъ Спб. университета причисляться къ министерству народнаго просвѣщенія съ правами учебной службы и съ сохраненіемъ прежняго содержанія ихъ по службѣ въ университетѣ, я покорнѣйше прошу васъ, м. г., доставить мнѣ къ 12-му сего февраля отзывъ вашъ о томъ, желаете ли вы быть причисленнымъ на изложенныхъ правахъ къ министерству народнаго просвѣщенія, или останетесь при прежнемъ желаніи вашемъ, выраженномъ въ поданномъ прошеніи объ увольненіи васъ вовсе отъ службы при Императорскомъ Спб. университетѣ. Примите и т. д. П. Плетневъ».

3) По сохранившейся у меня черновой, я отвѣчалъ слѣдующее: «Причины, заставившія меня просить въ октябрѣ прошлаго года о переводѣ меня на службу въ Императорское училище правовѣдѣнія съ отчисленіемъ отъ Спб. университета, большею частію уже теперь не существуютъ, но не существуетъ также университетъ, въ которомъ, состоя, я могъ быть полезенъ министерству народнаго просвѣщенія моимъ преподаваніемъ уголовнаго права. Вотъ почему я не желаю быть причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія и имѣю честь почтительнѣйше просить ваше превосходительство дать ходъ прошенію моему объ отставкѣ.

4) Отставки однако я не получилъ, потому что новый министръ, когда къ нему поступило дѣло объ увольненіи меня, предложилъ мнѣ принять участіе въ работахъ по составленію новаго университетскаго устава, вслѣдствіе чего я и былъ причисленъ къ *министерству* приказомъ 7-го марта 1862 г. № 8. Въ ученомъ комитетѣ мнѣ была поручена разработка отдѣла о правахъ учащихся (см. Журналы засѣданій ученаго комитета по проекту устава университетовъ. С.-Петербургъ, 1862 г.).

заведенія на подобіе англійскихъ, съ тюторами, сожительствомъ студентовъ и разными иными затѣями аристократическаго англійскаго воспитанія, переложенными на скорую руку кое-какъ на наши нравы. Въ странѣ, имѣющей мало преданій и не дорожащей ими, никто почти не отстаиваетъ учрежденія, которому грозитъ опасность, и частые переходы отъ одной крайности къ другой составляютъ явленіе самое обыкновенное. Когда опасность стала грозить петербургскому университету, нашлись многіе, которые предпочли отдать его, не защищая, но такъ какъ они не желали все-таки имѣть закрытый университетъ, то они и противопоставили этому закрытому университету иной, какъ будто бы наилиберальнѣйшій изо всѣхъ, какіе можно придумать, вольный университетъ à la française, по образцу и типу Collège de France, который не исключаетъ однако парижской Сорбонны, Школы права и Школы медицины; но это упустили изъ виду наши мыслители. Вмѣсто настоящаго учебнаго заведенія предлагаема была публикѣ система безусловно открытыхъ публичныхъ лекціи, читаемыхъ совершенно даромъ. Это учрежденіе никого бы не подвергало испытанію, не раздавало бы ученыхъ степеней, не допускало бы никакой студенческой корпораціи, потому что собственно оно и не вмѣщало бы въ стѣнахъ своихъ учащихся, а просто только на атомы разбитую и не образующую никакихъ группъ публику. Такъ какъ вольный университетъ представлялъ бы заведеніе столь же публичное, сколь публичны рынокъ, церковь, улица, то соблюденіе порядка лежало бы въ стѣнахъ его на обязанности обыкновенной городской полиціи. Этотъ проектъ, покрытый дешевымъ либерализмомъ точно лакомъ, прельщалъ людей не очень разборчивыхъ изъ публики тѣмъ, что онъ вводилъ бы преподаваніе безусловно даровое для учащихся. Онъ прельщалъ и правительство совершеннымъ упраздненіемъ корпораціи учащихся и введеніемъ полиціи въ самыя аудиторіи; онъ подкупалъ профессоровъ освобожденіемъ

ихъ отъ всякихъ хлопотъ въ сношеніяхъ съ молодежью; наконецъ, онъ могъ нравиться всѣмъ вообще необыкновенною простотою, съ которою при этой системѣ разрубался бы гордіевъ узелъ многотруднаго университетскаго вопроса. Въ самомъ разгарѣ университетской исторіи, тотчасъ послѣ похода въ Колокольную, нѣсколько членовъ университетскаго совѣта (Костомаровъ, Сухомлиновъ, Соколовъ, Бекетовъ), ходили къ министру и пробовали, не разрѣшатъ ли имъ осуществить идею вольнаго университета (подобное разрѣшеніе могло бы послужить выходомъ изъ непріятнаго положенія министерства по отношенію къ университету). Въ срединѣ октября, тотчасъ послѣ послѣдней сходки студентовъ предъ университетомъ, Костомаровъ напечаталъ статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой дѣлилъ заведенія, посвященныя наукѣ, на воспитательно-учебныя и образовательно-ученыя и доказывалъ, что всѣ смуты, волненія и безпорядки въ университетѣ происходятъ оттого, что всѣ относятся къ университету какъ къ заведенію педагогическому, между тѣмъ какъ онъ долженъ быть учрежденіемъ только культурнымъ и просвѣтительнымъ безъ всякихъ цѣлей воспитательныхъ.

Многое можно было возразить почтенному Николаю Ивановичу, а прежде всего пришлось бы указать на несвоевременность его предложенія. Несвоевременно было бросать камень въ старый университетъ, въ ту минуту, когда надъ нимъ разражались всѣ громы небесные. Притомъ всѣ доводы были построены въ этомъ планѣ на очевидномъ парадоксѣ. Старому университету ставилось въ вину то именно, въ чемъ онъ не былъ ни на волосъ повиненъ, а именно его упрекали, будто бы онъ— будучи заведеніемъ педагогическимъ, не былъ въ то же самое время великимъ центромъ культуры и просвѣщенія. Въ видѣ новости, проектъ предлагалъ тоже самое, что въ полной мѣрѣ существовало въ старомъ университетѣ, куда могъ заходить всякій, какъ богатый, такъ и бѣдный, мужчина и женщина, безъ всякихъ билетовъ

и безъ всякой платы. Подъ видомъ кореннаго разрѣшенія вопроса, проектъ только выбрасывалъ университетъ на улицу. Публика находилась бы на лекціи прямо подъ рукою городской полиціи. До сихъ поръ профессора имѣли право, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за провинившихся студентовъ. По проекту всякая нравственная связь была бы пресѣчена между профессоромъ и его аудиторіею, потому что аудиторія его—это протекающая чрезъ залу и ежеминутно мѣняющаяся публика, которую болѣе занимаетъ, чѣмъ поучаетъ, наемный популяризаторъ науки. Проектъ Костомарова осуждалъ студенческую корпорацію, какъ анахронизмъ, какъ средневѣковое учрежденіе, не принимая вовсе въ соображеніе, что студенческая корпорація не вмѣщаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ замкнутаго средневѣковаго цеха, что она не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ привилегій и преимуществъ, что она могла бы составлять осуществленіе права людей, принадлежащихъ къ одному званію или сословію и имѣющихъ одинаковые интересы, сойтись и посовѣщаться объ этихъ интересахъ; наконецъ, она могла бы подготовлять юношей къ жизни практической, къ искуству говорить и разсуждать о предметахъ, непосредственно касающихся ихъ быта, къ тому, какъ имъ сдѣлаться современемъ толковыми и полезными гражданами, радѣющими о благѣ общественномъ. Вольный университетъ представлялъ собою механическое дѣленіе труда, введенное въ дѣло народнаго просвѣщенія и господствующее вполнѣ и исключительно. Сколько каѳедръ, столько профессоровъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ министерствомъ, зависимыхъ отъ министерства и никогда не собирающихся вмѣстѣ, потому что и совѣщаться то имъ не о чемъ. Наконецъ, даже сама польза отъ безплатнаго преподаванія подлежала критикѣ и могла казаться сомнительною. Нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, если достаточные люди вносятъ деньги за ученье, лишь бы бѣдные пользовались въ этомъ отношеніи возможными льготами. Плата за лекціи

съ достаточныхъ служитъ ручательствомъ нѣкоторой самодѣятельности со стороны университета, средствомъ завести новыя каѳедры, имѣть доцентовъ, устроить кабинеты и музеи, не прибѣгая всякій разъ за пособіемъ къ правительству. Плату за слушаніе преподаванія можно было бы согласовать съ свободою посѣщенія лекцій гостями, публикою; можно бы взимать плату не съ билетовъ за лекціи, а съ экзаменовъ и дипломовъ, давая притомъ бѣднымъ людямъ отсрочку въ платежѣ, пока они не обзаведутся по выходѣ изъ университета.

Противникомъ Костомарова явился Стасюлевичъ въ тѣхъ же «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но такъ какъ время было не такое, которое бы допускало свободную защиту или, по крайней мѣрѣ, разборъ вопроса о корпораціи, то нельзя было и высказать вполнѣ своихъ мыслей, на сторонѣ Костомарова стало множество голосовъ въ литературѣ, и публика видимо тяготѣла къ его идеѣ, привлекаемая кажущеюся ея новизною. Идеѣ этой дано было даже нѣкоторымъ образомъ и осуществиться. Послѣ выпуска бывшихъ студентовъ изъ крѣпости и изъ Кронштадта, ихъ взялъ подъ свое спеціальное покровительство любезный, популярный, гуманный, новый военный генералъ-губернаторъ А. А. князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій. Давались бѣднымъ пособія, оказывалось покровительство нуждающимся; разрѣшено вмѣсто закрытаго университета устроить публичныя лекціи въ огромныхъ залахъ городской думы. Лучшіе и любимѣйшіе профессора, какъ университетскіе, такъ и другихъ учебныхъ заведеній, были приглашены читать эти лекціи и читали ихъ при громадномъ стеченіи публики. Но онѣ кончились печальнымъ образомъ на лекціи самаго главнаго защитника вольнаго университета.

Однимъ словомъ, наши защитники вольнаго университета не нашли на практикѣ подтвержденія своихъ идей о томъ, что стоитъ только уничтожить историческій университетъ, съ его общиннымъ устройствомъ,

кассою бѣдныхъ студентовъ, библіотекою и т. д.—и дѣло пойдетъ отлично. Даже г. Григорьевъ вынужденъ теперь сознаться въ противномъ, и намъ пріятно указать въ его трудѣ хотя на одно мѣсто, выступающее изъ общаго тона обвинительнаго акта. «Не было—говоритъ онъ (стр. 310)—казалось бы, *ничего предосудительнаго* въ томъ, что любители музыки изъ студентовъ соединялись по нѣсколько разъ въ годъ, чтобы давать публичные концерты въ пользу недостаточныхъ товарищей своихъ (безъ сомнѣнія!); мысль печатать лучшія изъ студенческихъ работъ, получающихъ существованіе по разнымъ поводамъ, была *очень хорошею мыслью,* такъ какъ между работами этими встрѣчаются нерѣдко весьма замѣчательныя; *добрымъ дѣломъ,* повидимому, была и забота студентовъ объ устройствѣ вспомогательной кассы для наиболѣе нуждающихся изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе достойныхъ. Но все это дѣлалось, къ сожалѣнію, такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы». Итакъ, самъ г. Григорьевъ не видитъ въ студенческихъ порядкахъ конца 50-хъ годовъ «ничего предосудительнаго»; во многомъ лежала «очень хорошая мысль»; многое было «добрымъ дѣломъ». Очевидно, бѣда состояла только въ томъ, что это все это дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ. А чего же хотѣли профессора того времени? Они именно и желали, чтобы все это дѣлалось такъ, какъ слѣдуетъ. Мы раздѣляли, слѣдовательно, вышеприведенные взгляды г. Григорьева на студенческій журналъ, кассу и т. п., и просили только начальство позволить намъ устроить все это, какъ слѣдуетъ. Въ виду такой цѣли работала Кавелинская комиссія въ мартѣ и апрѣлѣ 1861 года; этими же мыслями была воодушевлена совѣтская комиссія въ іюнѣ и іюлѣ того же года; съ тѣмъ же сознаніемъ Совѣтъ не осмѣлился принять на себя матрикулъ съ «нѣкоторыми перемѣнами»; наконецъ, въ самую критическую минуту, 8-го октября, Совѣтъ изъявилъ полную готовность взять на себя отвѣтственность за все, если ему будетъ дозволено распоряжаться, не утрачивая

авторитета. Но ему предоставляли невозможную задачу; исполнить безусловно предписаніе начальства и въ тоже время сохранить свой авторитетъ; повиноваться и повелѣвать; между тѣмъ, первое лишало его силъ для втораго.

Что же, спрашиваемъ мы въ заключеніе, нашелъ г. Григорьевъ общаго между университетскими событіями 1861 г. и романомъ Всев. Крестовскаго «Панургово стадо»? Насколько справедливы заказныя обвиненія литературныхъ кондотьери, восклицающихъ, что профессора того времени оставались равнодушны къ судьбѣ студентовъ и играли въ оппозицію? Но пусть иные фельетонисты черпаютъ изъ всякихъ романовъ свои соображенія и отвѣтъ на предложенный выше вопросъ; мы останемся въ надеждѣ, что многіе предпочтутъ свидѣтельство очевидца, высказанное среди бѣлаго дня и не въ царствѣ мертвыхъ, а при жизни массы людей, пережившихъ эту, уже давнопрошедшую эпоху.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ КЪ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ АВСТРІИ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ.

ВОПРОСЪ О НАЦІОНАЛЬНОСТЯХЪ.

ВВЕДЕНІЕ КЪ
НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ АВСТРІИ.

Составленной по книгѣ А. Шпрингера, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. 2 B-de, Leipzig, 1863—65.

Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ.

Въ VII столѣтіи мавры завоевали Испанію, въ XI Англія сдѣлалась добычею офранцузившихся норманновъ, въ XIII столѣтіи орденъ тевтонскій покоряетъ язычниковъ пруссаковъ, а орденъ ливонскихъ меченосцевъ—латышей и эстовъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ и во множествѣ тому подобныхъ сталкивались двѣ расы, двѣ культуры, два языка; борьба происходила съ крайнимъ ожесточеніемъ, но она все-таки ведена была не изъ-за національности, а изъ-за другихъ какихъ-либо причинъ. Предметомъ ея было или порабощеніе, закрѣпощеніе, экономическая эксплоатація одного народа другимъ или господство извѣстныхъ идеаловъ религіозныхъ. Съ теченіемъ времени войны съ этими цѣлями сдѣлались рѣже, во-первыхъ, потому, что вывелись политическіе илоты и что въ настоящее время, если присоединяется какая-либо область къ какому-либо государству, то жители ея дѣлаются eo ipso соучастниками какъ во всѣхъ службахъ, такъ и въ политическихъ правахъ наравнѣ съ коренными подданными государства; во-вторыхъ, потому, что вопросъ о вѣрѣ сталъ по всеобщему признанію вопросомъ личной совѣсти каждаго, рѣшаемымъ каждымъ изъ интересантовъ за себя и для себя, съ

устраненіемъ всякаго внѣшняго насильства. Вмѣсто выбывающихъ изъ строя мотивовъ борьбы явились другіе. Племенныя и культурныя противоположности и различія нашли себѣ новое выраженіе. Народныя страсти, взаимныя влеченія и отвращенія возведены были въ принципъ, за главный показатель движенія и развитія человѣчества взятъ языкъ, на различіи языковъ выстроилась цѣлая теорія національностей. Принято было за аксіому, что только классификація людей по языкамъ есть естественная, а по государствамъ—искуственная, что главная болѣзнь Европы состоитъ въ томъ, что интересы національностей идутъ въ разрѣзъ съ интересами династій и правительствъ, и поставлена смѣло гигантская задача новаго передѣла Европы, такимъ образомъ, чтобы всякая національность образовала по возможности самостоятельную политическую единицу. Нашему вѣку, и, почти можно сказать, нашему поколѣнію суждено было присутствовать при нарожденіи этой теоріи и при попыткахъ практическаго осуществленія ея въ дѣйствительности. Вѣкъ XVIII нисколько не причастенъ этой теоріи, принципы 89 года имѣютъ вполнѣ космополитическій характеръ, національная струна не звучитъ ни у Байрона, ни у Шиллера и Гёте, хотя они до мозга костей народные поэты своего племени. Италіанская поэзія процвѣтала при дворѣ Маріи Терезіи (Metastasio, Casti), Фридрихъ В. и его сподвижники были французы по образованію. Возрожденные подъ скипетромъ россійской державы, университеты виленскій и дерптскій и преподаютъ науки, и переписываются съ министерствомъ народнаго просвѣщенія по-польски, французски, нѣмецки. Венгерскій сеймъ отклоняетъ въ 1807 г. предложеніе сдѣлать оффиціальнымъ языкомъ мадьярскій языкъ вмѣсто латинскаго, словами: «Венгрія не принадлежитъ единому племени, но составляетъ государство, въ которомъ всѣ христіанскіе народы обрѣтали пріютъ и родину» (Springer I, 80). Первые судороги движенія національностей совпадаютъ съ періодомъ великихъ наполеонов-

скихъ войнъ (испанская война, нѣмецкая война за независимость 1813 г.), что и подало, фантазерамъ и мистикамъ, поводъ доискиваться таинственнаго соотношенія и сродства между личностью Наполеона и духомъ національностей, хотя между этими двумя терминами можетъ быть только такая связь, какая, напр., между татарами и теперешнимъ могуществомъ Россіи. Движеніе національностей росло послѣ вѣнскихъ трактатовъ, всколебало всю Европу, произвело нѣсколько безсмертныхъ произведеній искуства, содѣйствовало образованію одного великаго государства—Италіи, взбудоражило въ 1848 г. весь юго-востокъ, поставило Австрію на краю погибели, явивъ примѣръ, напоминающій почти вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, оно виситъ до сихъ поръ мечомъ Дамокла надъ Турціею, наконецъ, оно разразилось грознымъ пожаромъ въ такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, который вызвалъ такъ называемую національную политику. Теперь, повидимому, наступилъ въ жизни Европы моментъ отдыха, когда всеобщее вниманіе развлечено еще другими заботами, время, самое удобное на то, чтобы свести итоги, составить балансъ и, взвѣсивъ и добро и зло, оцѣнить по достоинству эту теорію національностей, которая принадлежитъ безспорно къ самымъ крупнымъ фактамъ нашего вѣка. Всякая теорія можетъ быть повѣряема двояко: во-первыхъ, осуществима ли она на дѣлѣ, не ведетъ ли она къ нелѣпымъ результатамъ? Если выведенныя изъ теоріи практическія заключенія окажутся ни съ чѣмъ несообразными, то это прямо наведетъ на мысль, что и большая посылка, изъ которой они выведены, заражена какимъ-либо порокомъ. Во-вторыхъ, достовѣрны ли и собраны ли въ надлежащей полнотѣ тѣ факты, на которыхъ держится теорія, и которымъ она служитъ объясненіемъ? Подвергнемъ теорію національностей въ обоихъ этихъ отношеніяхъ перекрестному допросу.

Теорія національностей могла бы практически осуществиться только при наличности слѣдующихъ условій:

если бы-географическое распространенie народностей было таково, чтобы онѣ могли быть разграничены на картѣ прямыми линiями безъ зубцовъ, извилинъ и анклавовъ; если бы теперешнiя общества состояли сверху до низу изъ сплошныхъ массъ безъ всякой пестроты, безъ всякихъ наслоенiй; наконецъ, если бы каждая нацiональность, имѣющая значительные размѣры, не скрывала въ нѣдрахъ своихъ безчисленнаго множества сепаратизмовъ. Вслѣдъ за большими нацiональностями поднялись провинцiализмы, нарѣчiя; зашевелились даже и такiе дробные народчики, которые не въ состоянiи вынести на плечахъ своихъ тяжесть самобытнаго существованiя политическаго. Теорiя нацiональностей не въ состоянiи отвѣчать отказомъ на требованiя какого-нибудь самомалѣйшаго народчика, когда онъ предъявляетъ идiомъ литературно обработанный, или даже только способный къ литературной обработкѣ. Какъ трудно справиться нацiональности, основывающей права свои на исторiи, съ разъѣдающими ее и пытающимися образовать новыя нацiональности провинцiализмами, тому примѣромъ можетъ служить борьба элементовъ польскаго и русинскаго въ Галицiи. Съ другой стороны, для уничтоженiя иноплеменныхъ зубцовъ, анклавовъ и этнографической пестроты, теорiя нацiональностей не имѣетъ иного средства кромѣ германизацiи, мадъяризацiи, славянизацiи и т. д., то есть механическаго объединенiя съ помощью того же самаго начала государственности, которое она первоначально отрицала, и которому она противупоставляла общественность. Физически сильнѣйшей нацiональности для того, чтобы одолѣть другiя слабѣйшiя, враждебно настроенныя, стоитъ только стать на одну и ту же съ ними почву, усвоить себѣ ихъ программу и поступать съ ними по закону возмездiя. Успѣхъ вѣренъ, хотя и сопровождается потерею сѣмянъ культуры, взаимнымъ очерственiемъ бойцовъ. Такимъ образомъ теорiя нацiональностей въ практическомъ своемъ развитiи ведетъ къ отрицанiю всѣхъ другихъ нацiональностей,

кромѣ одной, причемъ сія послѣдняя подвергаетъ себя риску быть въ свою очередь раздавленною и съѣденною противниками. Прямымъ рефлексомъ національныхъ движеній является національная политика осилившаго ихъ государства, которая, не изобрѣтая ничего новаго, дѣлается въ свою очередь органомъ теоріи національностей, идетъ по стезямъ, протореннымъ противниками, и заимствуетъ всѣ свои орудія изъ доставшагося въ добычу непріятельскаго парка. Народы далеко небезсмертны; во многихъ случаяхъ сраженную національность можно не только обуздать, но и совершенно вытѣснить и уничтожить, водворяя формальное единство и ставя вмѣсто чуженароднаго свое собственное. Этимъ ли однимъ, весьма бѣднымъ результатомъ ограничиваются всѣ плоды много стоившей побѣды? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, заглянемъ въ самый корень теоріи національностей, разберемъ составные элементы этого для всякаго повидимому доступнаго, а между тѣмъ крайне сложнаго и весьма туманнаго понятія.

Прежде всего замѣтимъ, что *національность* есть понятіе совершенно формальное, не имѣющее никакого опредѣленнаго содержанія. Есть народныя достоинства, и есть народные предразсудки и пороки. Ни объ одномъ общественномъ явленіи, къ которому приклеенъ національный ярлыкъ, нельзя еще напередъ сказать что оно: добро или зло, правда или кривда? Поэтому національность есть вообще дурной вожатый, которому не надобно слишкомъ довѣряться при выборѣ путей и образовъ дѣйствія. Много было толкуемо о чуткости національной совѣсти; это absurdum in adjecto. Національная совѣсть вообще туга на ухо и неразборчива въ средствахъ; въ пылу борьбы разыгрываются страсти, меркнутъ всѣ иныя соображенія, кромѣ одного, и воскресаетъ во всей своей грозѣ старинное римское правило: *in hostem omnia licita*. Національность мѣняется съ каждымъ моментомъ времени; ненаціональное сегодня можетъ сдѣлаться весьма національнымъ завтра и на-

оборотъ. Національность есть обоюду острое оружіе, которое можетъ служить въ одинаковой степени движенію и застою, прогрессу, обскурантизму и реакціи. Національность не создала ни одного государства, хотя она имѣла иногда важное значеніе, какъ одна изъ причинъ, предрасполагающихъ къ возникновенію и распаденію государствъ. Толчокъ къ образованію отдѣльныхъ политическихъ единицъ даютъ одни только бытовые интересы, каковы: организація труда, вѣра, право, наука, искусство. Національность не умѣщается въ этой группѣ, не есть бытовой интересъ человѣка и сообщаетъ только бытовымъ интересамъ нѣкоторую особенную окраску. Сражающіеся за національность часто и не подозрѣваютъ, что въ сущности они подвизаются не за нее, а за тѣ или за другіе бытовые интересы, за тѣ или другія направленія въ наукѣ, религіи, искуствѣ. Только въ моментъ кризиса борьба можетъ происходить на остроконечіи чистой національности, послѣ чего она тотчасъ скатывается на бытовые интересы, какъ сошла, напримѣръ, въ настоящее время послѣдняя національная борьба, которой судороги еще не прекратились, отчасти на религіозную, отчасти на экономическую почву (православіе и католицизмъ, помѣщики и крестьяне). При изученіи отношеній между національностью и государствомъ поражаютъ прежде всего два обстоятельства: a) что всякая національность образовалась изъ скрещенія расъ и сліянія разнообразныхъ элементовъ, причемъ возникло химическое соединеніе, специфически отличное отъ всѣхъ, вошедшихъ въ составъ его веществъ; b) что она скорѣе есть продуктъ жизни государственной, а не наоборотъ. «Чувство національности, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, можетъ проистекать отъ различныхъ причинъ. Иногда оно есть дѣйствіе единства племени или происхожденія; часто образованію ея содѣйствуютъ общность языка и вѣры, равно какъ и географическія границы. Но сильнѣйшая изъ порождающихъ ее причинъ есть общность политическаго прошедшаго, облада-

ніе національною исторіею, а слѣдовательно и общность воспоминаній, общеніе въ гордости и униженіи, общія радости и печали, привязанныя къ однимъ и тѣмъ же событіямъ въ прошедшемъ. Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ, само по себѣ взятое, не есть ни безусловно необходимое, ни вполнѣ достаточное». Сынъ политической исторіи, духъ національный носится невидимою, безплотною, нравственною силою между людьми, хотя можетъ быть и обрушились стропила того политическаго зданія, которое служило ему жилищемъ; онъ служитъ въ этомъ видѣ иногда орудіемъ для политики, а иногда помѣхою послѣдовательному проведенію той или другой политической системы, но создать и выработать для себя новое жилье онъ не въ состояніи, потому что въ жизни народовъ нѣтъ воскресенія политическихъ мертвецовъ, и что, если великое и многовѣковое государство падаетъ, то его паденіе должно быть всегда почти отнесено на счетъ патологическихъ причинъ, на счетъ внутреннихъ болѣзней его организма.

Изъ приведеннаго выше отрывка Милля видно, что весьма трудно сказать, по какимъ признакамъ распознавать національности и отличать ихъ однѣ отъ другихъ. Эти признаки не *вѣра* (есть нѣмцы католики и нѣмцы протестанты, сербы католики и сербы православные, англичане, французы и русскіе еврейскаго и происхожденія, и вѣроисповѣданія); не *законы* (польская національность давно потеряла свои національные законы во всѣхъ частяхъ бывшей польской рѣчипосполитой); не *наука* и *искуство* (онѣ вездѣ и всегда по принципу своему космополитичны); не *сословіе* и не родъ *занятій* (національное чувство тѣмъ собственно и характеризуется, что оно обхватываетъ всѣ классы и званія, отъ мужика и рабочаго до первѣйшаго вельможи и главы государства); не *нравы* (давно замѣчено, что по наклонностямъ своимъ крестьянинъ вездѣ одинаковъ; есть больше сходства, чѣмъ можно бы предполагать, между тучнымъ гостиннодворскимъ купцомъ и французскимъ épicier, или

между дворянами и помѣщиками на всемъ земномъ шарѣ); наконецъ, даже не *языкъ* (О'Коннель агитировалъ Ирландію рѣчами на англійскомъ языкѣ, по-англійски говорятъ теперешніе феніи, есть триединая національность швейцарская, которая столь сильна, что тессинскій кантонъ нисколько не помышляетъ о томъ, чтобы примкнуть къ единой Италіи, хотя его жители говорятъ италіанскимъ языкомъ). Итакъ, за исключеніемъ всѣхъ этихъ признаковъ, единственнымъ рѣшителемъ вопроса можетъ быть признано одно непосредственное чувство каждаго лица порознь взятаго, и для классификаціи людей по національностямъ надлежало бы допросить поголовно всякаго, къ какой національности по совѣсти желаетъ онъ быть причисленъ; но и этотъ послѣдній способъ не совсѣмъ удобоисполнимъ, потому что есть безчисленное множество помѣсей, многія лица найдутся въ затрудненіи куда примкнуть, наконецъ въ нижнихъ этажахъ общества помѣщаются чернорабочія массы, которыя положительно не въ состояніи дать никакого отвѣта, потому что онѣ жизнью историческою не жили и заняты всецѣло заботами о хлѣбѣ насущномъ, причемъ имъ недосугъ помышлять о болѣе возвышенныхъ предметахъ. Притомъ критикѣ разума нѣтъ никакого дѣла до непосредственнаго чувства, потому что тихій голосъ разума долженъ замолкнуть, когда заговоритъ сильная и жгучая страсть.

Борьба за національности—борьба безплодная. Спрашивается: неужели она есть неразумное увлеченіе, эпидемическая болѣзнь рода человѣческаго? неужели люди дрались, шли на муки и погибали изъ-за пустяковъ? Неужели ложь и обманъ то чувство, которое потрясаетъ человѣка до мозга костей, дѣлаетъ его способнымъ къ самопожертвованію и облагораживаетъ его въ собственныхъ его глазахъ?—Нисколько. Предметомъ борьбы были дражайшіе и ближайшіе человѣку интересы, только формула, въ которой эти интересы выразились, оказывается несостоятельною. Желательно, чтобы циклъ войнъ за національность кончился безвозвратно; кончится же

онъ тогда, когда уяснится, что національность есть общее понятіе, добытое посредствомъ весьма грубой и несовершенной индукціи, что теорія національностей была только оболочка, за которою скрывались другіе предметы, что идеалы человѣка лежатъ дальше и цѣли его должны быть поставлены выше. Къ чувству можетъ быть приложенъ съ успѣхомъ пріемъ анализа, при которомъ оно разложится на свои составные элементы. Такихъ элементовъ, совмѣщающихся въ чувствѣ національности и вступающихъ во всѣ права свои по упраздненіи теоріи національностей, я могу назвать по крайней мѣрѣ три: протестъ противъ общественнаго индифферентизма, привязанность къ историческимъ преданіямъ, наконецъ, жажда разнообразія, инстинктъ оригинальности, неудовлетворяемый никакимъ нормальнымъ, законченнымъ единствомъ.

Возбужденіе національнаго чувства есть прежде всего протестъ противъ общественнаго индифферентизма, которому часто даютъ не свойственное ему названіе *космополитизма.* Общественный индифферентизмъ есть болѣзнь, находящаяся въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ самоуправленія и въ прямомъ—съ системою правительственной опеки и централизаціи. Если въ теченіи многихъ поколѣній отъ массы общества не требовалось никакого другаго участія въ жизни общественной кромѣ исправнаго платежа податей и отбыванія повинностей, если она, вслѣдствіе того, разучилась брать въ толкъ дѣла и интересы общины, земства, а тѣмъ болѣе государства, если много лѣтъ ей твердилось, что главная добродѣтель гражданина есть пассивность, съ предоставленіемъ всѣхъ заботъ о благосостояніи тѣмъ, которые стоятъ у кормила правленія, если въ самихъ правителяхъ цѣнились выше всего подобострастіе и аккуратность при исполненіи приказаній, то понятно, что при такихъ условіяхъ долженъ былъ размножиться классъ политическихъ амфибій, людей безъ прочныхъ вѣрованій и принциповъ. Мертвящее вліяніе такого отношенія къ дѣлу дѣйствуетъ разрушительно на общество, кото-

рое существовать не можетъ безъ нравственныхъ силъ. Реакціею противъ него является настоящій патріотизмъ, любовь къ живому народу, каковъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками, причемъ всѣ неразделяющіе этого чувства относятся огуломъ въ разрядъ космополитовъ, то-есть людей, которые преданы только себѣ и своимъ личнымъ интересамъ и притворяются, что любятъ отвлеченное человѣчество, чтобы избавиться отъ ближайшей обязанности любить своихъ земляковъ. Нужно-ли доказывать, что это противупоставленіе патріотизма космополитизму, при которомъ слово космополитъ становится укоромъ и почти ругательствомъ, не имѣетъ никакого основанія? Просвѣщенный патріотизмъ не долженъ никогда отдѣлять своего дѣла отъ дѣла истины, добра, цивилизаціи. Нѣтъ въ мірѣ ничего выше человѣчности («He was a man», Hamlet, act 1. sc. 2) и счастливъ тотъ, кто, не переставая быть патріотомъ, умѣетъ въ то же время быть гражданиномъ міра, сочувствовать всему великому и благородному, гдѣ бы оно ни проявилось, понимать, цѣнить и уважать даже и національнаго своего врага.

Сильнѣе всего въ національномъ чувствѣ звучитъ *привязанность къ историческимъ преданіямъ*. Историческія преданія народа, какъ умственныя, такъ и нравственныя—это громадной величины капиталъ, въ сбереженіи котораго заинтересованы не только самъ народъ, котораго опытъ выражаютъ преданія, но и весь родъ человѣческій. Лица и народы, которые своихъ преданій имѣютъ весьма мало, а чужими не дорожатъ и ими помыкаютъ, называются варварами. Крѣпостью и тягучестью историческихъ преданій опредѣляются и степень образованности народа и его долговѣчность. Если разобрать изъ чего состоитъ общій фондъ народной образованности, то окажется, что онъ слагается: a) изъ идей, принадлежащихъ исключительно въ собственность единицамъ, изъ коихъ состоитъ народъ; b) изъ идей, обращающихся внутри извѣстной національности, но не вы-

ходящимъ за ея предѣлы; с) изъ общечеловѣческихъ культурныхъ идей, обращающихся по всему свѣту и потерявшихъ всякій и индивидуальный, и національный колоритъ. Первый изъ этихъ элементовъ весьма малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ двумя остальными; если второй элементъ малъ, то-есть, если народъ успѣлъ уничтожить всѣ свои народныя идеи, перевести и обратить ихъ въ общекультурныя, то это доказываетъ, что онъ народъ состарѣвшійся и отпѣтый, который свое сдѣлалъ и сходитъ съ поприща. Кромѣ естественной смерти исторически сложившіяся національности могутъ вымирать и смертью насильственною, то-есть онѣ могутъ въ теченіи весьма продолжительнаго времени быть систематически раздавливаемы и вытравляемы посредствомъ могущественныхъ механическихъ пріемовъ, которыми располагаетъ государство, но этотъ результатъ достигается цѣною вѣковаго безплодія и нравственнаго запустѣнія почвы. На выгорѣломъ мѣстѣ трава не будетъ рости, точно прошелся по нимъ бѣлый конь, описанный въ Апокалипсисѣ. Кто изучалъ исторію Богеміи послѣ бѣлогорскаго сраженія, подъ тяжкимъ австрійско-нѣмецкимъ владычествомъ, тотъ безъ сомнѣнія согласится, что два-три вѣка не залѣчиваютъ ранъ, нанесенныхъ въ короткій промежутокъ времени. Почва общественная отчасти похожа на физическую: она покрыта тонкимъ слоемъ растительной земли, внѣ котораго прекращается органическая жизнь. Если этотъ слой срѣзать, то останутся голый камень или песчаная степь. Немного найдется любителей физической пустыни съ ея безграничнымъ простоiромъ и невозмутимою тишиною, еще меньше любителей той нравственной пустыни, которая бы образовалась на мѣстѣ, гдѣ срѣзанъ слой историческихъ преданій, и едва ли рѣшится кто-либо сказать открыто, что онъ по принципу историческій нигилистъ.

Если бы чувство національности опиралось на одни историческія преданія, то оно бы не проявлялось у народовъ, никогда политически не жившихъ и не имѣю-

щихъ своей собственной исторіи или совершенно отъ нея отрѣзанныхъ ходомъ послѣдующихъ событій; но вѣкъ XIX отличается именно тѣмъ, что забота о созданіи народнаго языка и объ особности овладѣла даже и такими мелкими племенами, которыя исторіи своей почти не имѣютъ и могли бы примкнуть къ другимъ, болѣе крупнымъ единицамъ. Засуетились галицкіе русины, протестуя противъ историческихъ правъ польской національности, возникли литературы малороссійская, словацкая, фламандская, валашская и множество другихъ. Не всѣ эти попытки одинаково удачны; вообще, выработка отдѣльной національности только тогда экономически выгодна, когда относительное богатство полученныхъ или ожидаемыхъ въ скоромъ времени результатовъ покрываетъ издержки производства, но самъ фактъ повсемѣстнаго появленія этихъ сепаратистическихъ тенденцій весьма знаменателенъ. Движущая въ этомъ случаѣ сила есть *индивидуализмъ*, стремленіе къ относительной самостоятельности частицъ, къ децентрализаціи. Кровь, прилившая къ центру, начинаетъ возвращаться опять къ оконечностямъ. Провинціи начинаютъ претендовать на столицы, поглощающія всѣ живыя силы страны и освобождаться отъ рабскаго подражанія столичной модѣ, столичному вкусу. Земствамъ приходится тѣсно подъ нависшимъ надъ ними куполомъ центральной администраціи; имъ не помогло бы нисколько, въ этомъ отношеніи, центральное и единое народное представительство, новая подпорка, подставленная подъ этотъ куполъ. Весь этотъ снарядъ политической и административной централизаціи, закрѣпленной конституціонализмомъ, испортился и не внушаетъ болѣе довѣрія. Идеалъ иного устройства еще неизмѣримо далекъ, но есть возможность догадываться, какія будутъ главныя его черты: федеративность, рѣзкое разнообразіе и широкая автономія частей, подчиняющихся единой власти. Приведемъ слова Прудона въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ его сочиненій (Du principe fédératif): «идея федераціи есть несомнѣнно

высшая изъ тѣхъ, до какихъ доработался въ наше время геній политическій. Федеративному началу посвящены были послѣднія мысли могучаго діалектика, и кончилъ онъ свое поприще, укоряя демократію въ томъ, что она признала своими идеалами національность и форменное единство сильно сосредоточеннаго государства, за то, что она была совершенно равнодушна къ уничтоженію мѣстныхъ свободъ и всѣ силы свои обратила на уничтоженіе и искорененіе провинціальнаго и муниципальнаго духа (l'ésprit du clocher)».

Какъ ни велико имя Прудона, идеи его бывали иногда до того парадоксальны, что позволительно относиться къ нимъ съ недовѣріемъ. Можно было бы подумать, что онъ увлекся и въ настоящемъ случаѣ, если бы слова его не находили подтвержденія въ самоновѣйшихъ событіяхъ современной исторіи. Есть государство, котораго существованіе можетъ служить пробнымъ оселкомъ теоріи національностей, въ томъ смыслѣ, что, по страшной пестротѣ своего народонаселенія, оно должно было разлетѣться въ дребезги, если бы только теорія національностей была сама по себѣ состоятельна. Роковой часъ для австрійской монархіи насталъ, повидимому, въ 1848 году, когда, вслѣдствіе вспыхнувшей въ Вѣнѣ революціи и совершеннаго безсилія центральной власти, всѣ племена и народности возстали, заявляя каждое свои особенныя требованія. Ко всеобщему удивленію, неурядица миновалась, единство возстановилось само собою и возродившееся государство стало крѣпче и здоровѣе прежняго. Мы такъ привыкли презрительно отзываться объ Австріи, что теряемъ изъ виду, что между Австріею Меттерниха и теперешнею весьма мало общаго, что нѣтъ ни единой частицы государственнаго организма, которая бы не подверглась радикальному преобразованію, что вопросъ крестьянскій рѣшенъ благополучно и притомъ посредствомъ надѣленія крестьянъ землею, что неизбѣжный послѣ революціонныхъ смутъ моментъ реакціи миновалъ, что введена система представительства и об-

ластнаго и имперскаго, что вопросъ о національностяхъ превращается видимо въ вопросъ о центральномъ конституціонализмѣ или о федераціи. Колебанія отъ одной крайности къ другой были и будутъ; не скоро отыщется формула, которая бы удовлетворила и помирила всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, тѣмъ не менѣе сила событій такова, что Австрія, если не погибнетъ и не распадется, то превратится современемъ въ федеративную державу, основанную на равноправности входящихъ въ ея составъ вѣроисповѣданій, народностей и языковъ. Постараемся прослѣдить ходъ національныхъ движеній и развитія федеративныхъ началъ въ Австріи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Главнымъ матеріаломъ при изложеніи событій до 1850 года послужитъ намъ обширное и превосходное сочиненіе Шпрингера, котораго заглавіе выписано нами въ началѣ настоящей статьи. Слышно, что это сочиненіе переводится на русскій языкъ; пока совершена будетъ эта работа, не лишнимъ будетъ передача вкратцѣ содержанія этого замѣчательнаго сочиненія.

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ

СОЦІОЛОГІИ.

А. Стронинъ, его „Методъ“ и „Политика“.

ОПЫТЪ ПОСТРОЕНІЯ СОЦІОЛОГІИ.

А. Стронинъ, его «Методъ» и «Политика».

I.

«*Новаторство* есть открытіе новаго инстинкта или мнѣнія, оно есть то же, что въ физіологіи зачатіе, рожденіе. Характеристическая особенность его заключается въ томъ, что оно непремѣнно сопряжено со страданіемъ. Мѣра и степень этого страданія могутъ быть безконечно различны: отъ смертной казни онѣ могутъ ниспадать до простого непониманія новатора, какъ, напримѣръ, случилось это съ Шекспиромъ, Ньютономъ или, въ наши времена, съ О. Контомъ, но такъ какъ самосохраненіе (общества) навсегда останется самосохраненіемъ, то оно всегда будетъ противупоставлять препятствія и всякому будущему новаторству, а препятствія эти всегда будутъ отзываться страданіемъ на личностяхъ новаторовъ, каковы бы ни были его относительныя формы».

Въ этихъ отрывкахъ, извлеченныхъ нами изъ новой книги г. Стронина [1]), авторъ имѣлъ прежде всего въ виду великаго названнаго имъ человѣка, котораго имя только теперь пріобрѣтаетъ заслуженное признаніе и из-

[1]) «Политика, какъ Наука». Спб. 1872, стр. 228—233.

вѣстность, когда давно уже истлѣли его кости. Отношеніе г. Стронина къ Огюсту Конту, перваго и лучшаго періода его дѣятельности, заканчивающагося 1842 годомъ, т.-е. изданіемъ послѣдняго тома «Курса положительной философіи», есть прежде всего отношеніе ученика къ учителю, у котораго ученикъ зажигаетъ свой свѣточъ, заимствуетъ исходную точку своего міросозерцанія.— «О. Контъ, по словамъ предисловія къ «Политикѣ» (стр. 7) есть зодчій, положившій вѣчный и незыблемый фундаментъ обществовѣдѣнію; онъ такой Аристотель обществознанія, какимъ первый былъ для естествознанія». Какъ приготовленіе къ «Политикѣ», г. Стронинъ совѣтуетъ прежде всего читателю прочесть и усвоить себѣ 50-ю лекцію «Курса положительной философіи», какъ несомнѣнное достояніе политической науки. Но, изображая невыгоды новаторства, г. Стронинъ, по всей вѣроятности, относилъ мысленно эти невыгоды и къ самому себѣ. Хотя онъ позитивистъ и контистъ, но въ контизмѣ онъ новаторъ, безконечно отличный отъ тѣхъ приверженцевъ О. Конта, которые съ сектаторскою нетерпимостью, остановившись на «Курсѣ положительной философіи», отвергаютъ все то, что не согласуется съ этимъ евангеліемъ, и которые заявляютъ себя едва-ли не единственными хранителями настоящаго Контова ученія. У Конта, какъ извѣстно, начерченъ только планъ будущей науки соціологіи, доказана ея необходимость и преподаны нѣкоторыя наставленія, какъ ее созидать. Г. Стронинъ задался мыслью науку эту строить по частямъ; онъ убѣжденъ, что мы засидѣлись слишкомъ долго на сыромъ матеріалѣ, что въ настоящее время пора не только выдѣлывать и обжигать кирпичи, но и выводить стѣны, выводить общіе законы для науки, вмѣсто того, чтобы подбирать одни наблюденія, да факты. Такъ какъ г. Стронинъ питаетъ величайшее неуваженіе къ такъ-называемой академической наукѣ; такъ какъ онъ не обращаетъ никакого вниманія на способъ и порядокъ, по которымъ распредѣлено въ настоящее время

обширное поле знанія между отдѣльными спеціальностями; такъ какъ для него какъ будто бы вовсе не существуютъ тѣ заборы, которыми каждая спеціальность обнесла свой участокъ, то очевидно, что идеи г. Стронина не могутъ и разсчитывать на скорый и радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что онѣ настолько же парадоксальны, насколько оригинальны. Г. Стронинъ имѣетъ отвращеніе къ общепринятымъ пріемамъ и протореннымъ путямъ; онъ, какъ піонеръ, врубается въ неизвѣданную чащу лѣса, отыскивая новыя точки зрѣнія; онъ не отступаетъ ни предъ какими выводами, вытекающими изъ предвзятыхъ посылокъ, какъ бы странны ни казались эти выводы,—а выводы иногда дѣйствительно странны и дики, такъ что небольшого труда стоитъ представить ихъ въ забавномъ видѣ. Въ г. Стронинѣ замѣчательна не только оригинальность замысловъ, но и настойчивость, съ которою онъ преслѣдуетъ цѣль и задачу своей жизни: выстройку соціологіи, какъ онъ ее понимаетъ, по частямъ. Въ 1869 году появилась первая его книга: «Исторія и методъ», въ прошедшемъ году издана «Политика, какъ наука», нынѣ, какъ заявлено авторомъ, онъ работаетъ надъ обширнымъ сочиненіемъ, посвященнымъ исторіи, которое будетъ такимъ же продолженіемъ «Политики», какимъ «Политика» была въ отношеніи къ «Методу». Такъ какъ «Политика» есть опытъ приложенія «Метода», то, предположивъ изложить критически содержаніе «Политики», мы должны коснуться сначала книги о «Методѣ». Содержаніе этого перваго труда г. Стронина заключается въ слѣдующемъ.

II.

Есть громадная разница между группою наукъ, въ полномъ смыслѣ слова точныхъ, т.-е., математическихъ и естественныхъ, и областью наукъ, которыя можно до сихъ поръ называть неточными, каковы: психологія, обществовѣдѣніе, философія. По одной сторонѣ мы ви-

димъ настоящіе законы, аксіомы, выведенныя изъ безчисленнаго множества методически совершаемыхъ наблюденій, по другой сторонѣ,—сколько головъ, столько теорій, никакой аксіомы, а одно только записываніе и описываніе фактовъ. Правило Конта: *savoir pour prévoir* еще непримѣнимо вовсе, реформы производятся ощупью, царитъ одно вдохновеніе, и при отсутствіи знанія обществомъ руководятъ одни инстинкты, которые, какъ извѣстно, бываютъ всякіе, и хорошіе, и дурные, напримѣръ, тѣ, которые заставляютъ общество кидаться поперемѣнно изъ революціи въ реакцію и изъ реакціи въ революцію. Давно пора въ обществовѣдѣніи искать неизмѣнныхъ законовъ, добираться до аксіомъ, въ противномъ случаѣ насъ подавитъ сырой матеріалъ. Спрашивается: какими путями можно дойти до открытія законовъ? Общее мнѣніе приписываетъ нынѣшнее процвѣтаніе естествовѣдѣнія автору книги «Novum Organon», Бэкону, и его индуктивному методу, отъ частностей восходящему къ общимъ понятіямъ и добывающему эти общія понятія посредствомъ самаго постепеннаго, самаго трезваго и осторожнаго отвлеканія. Не всякая наука имѣетъ одинаковые съ другими способы и средства изслѣдованія. Наиболѣе дедуктивная изъ наукъ, математика, началась съ индукціи, посредствомъ которой она добыла свои аксіомы — истины столь очевидныя, что умъ можетъ ихъ повѣрять и убѣждаться въ нихъ ежеминутно внѣшними чувствами. Въ естественныхъ наукахъ познавательныя средства, коими распоряжается индукція, уже менѣе надежны; они состоятъ въ производствѣ физическихъ опытовъ, причемъ наблюдатель воспроизводитъ явленія, уединяетъ ихъ, исключая все несущественное изъ существеннаго, и изощряетъ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ искуственными снарядами. Чѣмъ выше будемъ подвигаться по лѣстницѣ наукъ, отъ простыхъ восходя къ сложнѣйшимъ, тѣмъ слабѣе становиться будутъ основанія, по которымъ изъ частностей мы заключаемъ объ общемъ, такъ что на высотѣ обще-

ственной исторіи или соціологіи, у насъ въ рукахъ останется только то, что авторъ называетъ *обсерватикою*— наблюденія надъ переходящими явленіями, кои не могутъ повториться. У наблюдателя нѣтъ снаряда ни для приближенія безконечно далекаго (вѣка до-историческіе), ни для увеличенія безконечно малаго и близкаго (настоящая минута). Изолированіе явленій бываетъ въ этой области самое неточное, оно—подобіе настоящаго изолированія и заключается въ томъ, чтобы, изучая какой-либо общественный элементъ, брать его въ томъ именно обществѣ, гдѣ это начало преобладало въ жизни и положило на ней свое клеймо (методъ Бокля). Индукція есть способъ познанія вѣрный, но медлительный: она движется точно ползкомъ. Ея достоинство въ томъ, что каждое положеніе и обобщеніе можно тотчасъ повѣрить, но ея обобщенія и законы бываютъ только эмпирическіе. Усматривая, что одно существовало всегда въ пространствѣ съ другимъ, или что одно слѣдовало всегда во времени за другимъ, индукція заключаетъ, что и напередъ такъ будетъ. Такимъ-то образомъ древніе жрецы предсказывали день и часъ затменія свѣтилъ, не зная причинъ его, а можетъ быть предполагая, что каждое предыдущее затменіе есть собственно причина всякаго послѣдующаго, пока не былъ открытъ, посредствомъ смѣлой дедукціи, раціональный законъ обращенія планетъ вокругъ солнца и потомъ еще болѣе коренной законъ тяготѣнія космическихъ тѣлъ, послѣ чего индукція, поступивъ въ помощницы дедукціи, сдѣлалась полезнѣйшимъ средствомъ повѣрки истинъ, предвосхищенныхъ дедукціею. Со времени Бэкона естественныя науки ушли шибко впередъ и изъ индуктивныхъ сдѣлались въ весьма значительной степени дедуктивными, чему онѣ и обязаны блистательнѣйшими своими открытіями, лучшими своими теоріями; когда эти теоріи будутъ повѣрены и превратятся въ аксіомы, естествознаніе уподобится математикѣ и займется, главнымъ образомъ, дѣланіемъ частныхъ выводовъ изъ общихъ

истинъ или аксіомъ. Индукція и дедукція столь же неразрывно связаны другъ съ другомъ, какъ впечатлѣніе и рефлексъ, какъ нервы чувства и нервы движенія, какъ наука и искуство; въ общемъ итогѣ мышленія онѣ всегда въ полнѣйшемъ равновѣсіи, но въ каждомъ періодѣ исторіи мышленія преобладаетъ то одна, то другая. Чѣмъ сильнѣе преобладаетъ одна, тѣмъ съ большею достовѣрностью можно предсказать, что въ слѣдующемъ затѣмъ періодѣ будетъ господствовать другая. Взаимное ихъ содѣйствіе въ образованіи наукъ подлежитъ слѣдующему закону: въ младенчествѣ знанія дедукція почти опережала индукцію, какъ метафизическая философія опережала положительную; дедукція толкала впередъ науку, строя смѣлыя догадки. Самыя смѣлыя и богатыя ипотезы ни къ чему, однако, не послужатъ, если не будутъ поддержаны индукціею, которая необходима, какъ средство повѣрочное, для обработки и претворенія ипотезъ въ аксіомы. Индукція преобладаетъ во второмъ періодѣ наукъ, самомъ производительномъ, но коль скоро она дойдетъ до аксіомъ и утвердится на нихъ, то отношеніе способовъ изслѣдованія мѣняется и наступаетъ дедукція завершенія, тѣмъ отличающаяся отъ дедукціи почина, что эта послѣдняя ставила общіе законы въ видѣ неповѣренныхъ догадокъ, а первая изъ утвердившихся аксіомъ выводитъ нескончаемыя вереницы результатовъ. Математика и астрономія давно вступили въ періодъ дедукціи завершенія. Химія, физика, біологія обрѣтаются въ періодѣ индуктивномъ самосильнѣйшаго творчества, склоняются уже, однако, къ дедукціи завершенія. Наоборотъ, въ соціологіи, по причинѣ наибольшаго осложненія явленій и наибольшей неточности способовъ изслѣдованія, настоящая наука едва зарождается; самое полезное для нея средство въ настоящую минуту заключалось бы въ дедукціи почина, но эта дедукція не можетъ донынѣ развернуть своихъ крыльевъ потому, что, замыкаясь въ средѣ данныхъ, исключительно соціологическихъ, она одними этими данными хотѣла про-

бавляться и довольствоваться. Такія тощія общія понятія и начала, каковы идея прогресса, законы свободы и равенства, максимація счастія и тому подобное, истощены до послѣдней капли во всевозможныхъ философіяхъ исторіи. Обыкновенный пріемъ, употребляемый въ этого рода работахъ, состоялъ въ томъ, что брали какое-нибудь одно человѣческое свойство, отправленіе, явленіе, иногда даже непосредственное чувство, и растягивали его въ безконечность на все прошлое и будущее человѣчества, вслѣдствіе чего въ обществознаніи не только нѣтъ такихъ аксіомъ, какъ въ математикѣ, но даже и такихъ теорій, какими изобилуютъ физика, химія, физіологія,—а кишатъ одни противоположныя мнѣнія, изрекаемыя со всѣмъ увлеченіемъ страстей, затрогиваемыхъ общественными вопросами. Такъ какъ, продолжая вращаться въ этомъ заколдованномъ кругу, мы не дойдемъ никогда ни до какого подобія аксіомы, то для созданія соціологіи необходимо прибѣгнуть къ тому роду дедукціи, который еще не примѣнялся къ обществовѣдѣнію, между тѣмъ какъ онъ-то и обѣщаетъ, по мнѣнію г. Стронина, дать самые богатые результаты. Этотъ родъ дедукціи есть *аналогика;* онъ состоитъ въ перенесеніи въ обществовѣдѣніе готовыхъ законовъ и аксіомъ, признанныхъ въ другихъ областяхъ знанія и въ изслѣдованіи. Не тѣ-ли самые законы управляютъ жизнью народовъ, судьбами государствъ, которые проявляются въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ и въ развитіи каждаго растенія и каждаго животнаго? Съ давнихъ временъ науки дѣлали одна у другой такія заимствованія, которыя всегда давали самые цѣнные результаты, вели къ величайшимъ открытіямъ въ лѣтописяхъ науки. Заимствуемый законъ объяснялъ сразу цѣлые ряды явленій или фактовъ, которыхъ связи ни между собою, ни съ этимъ закономъ никто и не подозрѣвалъ. Такія приложенія законовъ одной науки къ области другой бывали чаще всего дѣломъ вдохновенія, но есть возможность совершать открытія методически и безъ вдох-

новенія, исходя изъ предположенія, что нѣтъ въ мірѣ явленій, которыя бы не управлялись законами, что законы эти во всѣхъ наукахъ, если не тождественны, то аналогичны, подобны, соотвѣтственны, такъ какъ всѣ науки находятся между собою въ тѣснѣйшемъ родствѣ. Аналогичность законовъ пропорціональна близости родства между науками, близость родства измѣряется мѣстомъ, занимаемымъ каждою наукою въ общей классификаціи ихъ, донынѣ же нѣтъ классификаціи, которая была бы лучше и совершеннѣе Контовой, основанной на старшинствѣ происхожденія и простотѣ содержанія и состоящей въ томъ, что первою въ ряду наукъ является математика — наука пространства и времени; за нею механика и астрономія—науки движенія; затѣмъ, физика и химія — науки силъ и матеріи; далѣе, біологія—наука жизни органической со своими подраздѣленіями на жизнь растительную и животную; наконецъ, соціологія—наука жизни общественной. Каждая предыдущая наука, будучи общѣе и проще, входитъ своими законами въ каждую изъ послѣдующихъ. Элементы наукъ математическихъ и естественныхъ, по перенесеніи ихъ въ обществовѣдѣніе, дадутъ начало разнымъ наукамъ соціальнымъ. Г. Стронинъ предлагаетъ цѣлую схему соціальныхъ наукъ, имъ собственно изобрѣтенную, которая, по своей сложности, по странности и содержанія своего, и терминологіи, едва-ли можетъ кому-либо понравиться, но она-то и важности не имѣетъ никакой. Для насъ интересно собственно знать, не какъ называться будутъ соціальныя науки, но доказалъ-ли г. Стронинъ возможность примѣненія и превосходство своего метода выводной аналогики въ области обществовѣдѣнія? Для поясненія этого предмета мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ книги «Объ Исторіи и Методѣ» нѣсколько выписокъ и извлеченій (190—301 стр.).

III.

Въ механикѣ сила опредѣляется скоростью движенія, помноженною на массу; тоже бываетъ и въ жизни общественной. Сотня людей образованныхъ въ уровень съ эпохою произведетъ дѣйствіе на массу въ десять разъ меньшее, нежели тысяча. Если вся эта сотня скоплена въ одномъ пунктѣ, напримѣръ, столицѣ, то она можетъ здѣсь произвести движеніе, котораго не произведетъ и тысяча людей, разсѣянныхъ по всему государству. Въ механикѣ есть законъ сохраненія движенія центра тяжести, по которому центръ тяжести бомбы или гранаты, разорванной на лету, продолжаетъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ осколковъ и движется по той же параболѣ, по которой двигался до разрыва. Такъ же точно послѣ разрыва французскаго монархизма, всѣ осколки этой бомбы: конвенты, директоріи, консульства продолжали описывать параболу монархизма, продолжали его работу — централизацію. Ежеминутно можно повѣрять въ обществѣ законы тренія и сопротивленія среды; для человѣка такая среда — государство; для государства—человѣчество. Сопротивленіе среды тѣмъ больше, чѣмъ больше поверхность движущагося тѣла, обращенная въ сторону движенія. Неорганизованныя тѣла, двигаясь всею массою, плашмя, развиваются очень трудно и медленно; съ появленімъ дѣленія на классы, высшій—управляющій и низшій—управляемый, скорость движенія усиливается, когда значительный, утонченный, хотя еще тупой конецъ аристократіи превращается въ остроконечіе монархіи, вслѣдствіе чего тѣло получаетъ форму конуса, самую удобную для быстраго движенія. Космическая сила тяготѣнія становится въ общественной средѣ общительностью. Влеченіе частей человѣчества къ единенію прямо пропорціонально массамъ притягающихся тѣлъ. Можно доказать почти математически, что оно растетъ пропорціонально квадратамъ разстояній, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Половину законовъ физики можно

бы перенести цѣликомъ въ соціологію, и законъ параллелограмма силъ, и законъ инерціи, и законъ рычага. Машинамъ физики соотвѣтствуютъ учрежденія общественныя въ соціологіи; машина не создаетъ силы, но примѣняетъ ее къ производству извѣстной работы, напримѣръ, къ поднятію тяжести. Чѣмъ длиннѣе плечо рычага, тѣмъ большую работу можно произвести тою же силою. Въ обществѣ есть, положимъ, извѣстная сила знанія, извѣстный запасъ нравственности, энтузіазма или суевѣрія и порочности. Если мы возьмемъ машину суда и продолжимъ плечо гласности, тогда посредствомъ этого снаряда подѣйствуютъ въ извѣстномъ смыслѣ на общество знаніе, честность и всѣ присущія обществу скрытыя силы, хорошіе инстинкты, которымъ льститъ гласность, которые она вызываетъ наружу. Наоборотъ, негласность суда стала бы плечомъ рычага, на который бы дѣйствовали невѣжество, лицемѣріе, своекорыстіе и всѣ пороки, избѣгающіе свѣта, гласности. Вѣсу и центру тяжести тѣла соотвѣтствуютъ въ обществѣ власть и правительство. Отъ помѣщенія этого центра тяжести вверху или внизу общества, отъ количества точекъ опоры, то-есть, общественнаго сознанія націи, зависитъ устойчивость тѣла, прочность правительствъ или зависимость ихъ отъ преторіанцевъ, отъ заговорщиковъ, отъ черни столичной. Переходъ силъ теплоты въ движеніе и движенія въ теплоту наблюдается и въ обществѣ, напримѣръ, въ отношеніяхъ мысли къ дѣлу, правительственной опеки къ самоуправленію. Всѣ физическія силы сводятся въ концѣ концовъ къ простѣйшей—движенію, такъ точно и всѣ общественныя силы сводятся къ самой простой, мускульной, военной, къ праву сильнѣйшаго, къ праву кулачному, составляющему неизбѣжную подкладку всякаго общественнаго строя, будь онъ плодомъ самой высокой цивилизаціи. Контъ, Г. Спенсеръ, Д. С. Милль заимствовали отъ физики дѣленіе соціологіи на статику и динамику. Даже акустика воспроизводится въ институтѣ

цензуры: звукъ теряется на открытомъ воздухѣ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, но онъ усиливается въ ограниченномъ со всѣхъ сторонъ, получая резонансъ. Образованіе народовъ въ исторіи подлежитъ всѣмъ законамъ химическихъ соединеній. Въ историческіе народы сплачиваются племена, имѣющія между собою извѣстное химическое сродство, въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ паяхъ (во всѣхъ слояхъ или только въ верхнихъ) и при извѣстномъ нагрѣваніи, при довольно высокой температурѣ. Этому нагрѣванію соотвѣтствуетъ, по мнѣнію г. Стронина, знаніе, просвѣщеніе—сравненіе неудачное, сомнительное; успѣхи знанія могутъ порою исправлять функцію масла, вливаемаго въ огонь племенныхъ распрей и усобицъ (напримѣръ, въ нынѣшней Австріи), нисколько не содѣйствуя сліянію племенныхъ элементовъ въ одну историческую націю. Нагрѣваніе, которымъ обусловливается образованіе не только соединенія, но даже простого сплава разнородныхъ элементовъ, происходило большею частью при освобождающихъ скрытый теплородъ великихъ потугахъ, при внезапныхъ и дружныхъ напряженіяхъ воли. Случалось, что въ критическую минуту соединялись въ народѣ партіи для проведенія возрождающей, спасительной реформы; племена братались, забывая рознь для отраженія общей опасности, или дружились для пріобрѣтенія общими усиліями славы и добычи. Еще больше аналогіи существуетъ между всякимъ существомъ органическаго міра, начиная съ гриба и инфузоріи и кончая человѣкомъ, и между обществомъ, таже преемственность формъ, та же наслѣдственность, та же борьба за существованіе, тотъ же естественный подборъ родичей, то же безконечное и вѣчное эксплоатированіе слабѣйшаго сильнѣйшимъ, съ тою только разницею, что эксплоатированіе современемъ перемѣщается и дѣлается тоньше, благороднѣе; сначала властвуетъ аристократія физической силы, потомъ аристократія возраста, породы, потомъ преобладаніе переходитъ къ аристократіи экономи-

ческой, къ поземельной собственности, капиталу, нынѣ на смѣну капиталу подымается трудъ, и въ отдаленномъ будущемъ виднѣются даже будущія формы этой аристократіи психологической: аристократія геніальности, наконленнаго знанія или учености и метода. Въ каждомъ животномъ организмѣ различаются процессы растительные, совершающіеся непрерывно, напримѣръ, процессъ питанія и процессы животные (чувства и движенія) съ перемежающимися періодами дѣятельности и отдыха. Растительный процессъ общества заключается въ жизни его экономической, животный процессъ въ жизни общества интеллектуальной, моральной и политической съ ея очередями акцій и реакцій.

Здѣсь намъ приходится разстаться съ авторомъ; мы не намѣрены слѣдовать за нимъ въ область анатоміи человѣческаго тѣла и общества. Каждой части тѣла, каждой почти кости, каждому нерву и мускулу соотвѣтствуютъ, по его словамъ, извѣстные общественные органы такого же числа и состава. Воображеніе окрыляетъ аналогику г. Стронина и увлекаетъ его Богъ-вѣсть куда. Вмѣсто метода, во всякомъ случаѣ рискованнаго, ипотетическаго, является простое остроуміе, игра сравненіями. Авторъ, конечно, можетъ защищаться тѣмъ, что онъ предлагаетъ не аксіомы, а только систематическій рядъ предположеній, которыя индукція можетъ принять или отвергнуть. Индукціи придется работать надъ ними долго, въ концѣ ея работы виднѣется вдали общая цѣль и будущность не одной соціологіи, но и всѣхъ вообще наукъ, даже философіи, которую преждевременно хотѣли похоронить. Эта цѣль представляется приблизительно въ слѣдующемъ видѣ.

Аналогика заставляетъ насъ повѣрять ея коренное положеніе о тождествѣ или подобіи общественныхъ скоропреходящихъ явленій съ явленіями, которыя естествоиспытатель можетъ повторять по произволу. Аналогика пополняетъ въ извѣстной степени общій недостатокъ точности, присущей общественнымъ наукамъ, вводя въ

изслѣдованія, совершаемыя помощью одной лишь обсерватики, начало опыта, имѣющее то преимущество, что оно, во-первыхъ, воспроизводитъ по произволу наблюдаемый фактъ, и, во-вторыхъ, уединяетъ его, освобождая отъ всѣхъ несущественныхъ, случайно соединенныхъ съ нимъ элементовъ. Спрашивается: имѣетъ-ли соціологія способъ, соотвѣтствующій изолированію? Г. Стронинъ убѣжденъ, что этотъ способъ существуетъ, и что онъ былъ употребляемъ съ успѣхомъ сознательно Боклемъ и безсознательно многими другими. Есть и теперь наука, недавно развѣнчанная и низведенная съ престола, которая служила складочнымъ мѣстомъ соціологическихъ изолированій — это философія. Наслѣдница богословія, онтологическая философія, или такъ-называемая метафизика, дѣйствовала всегда такимъ образомъ, что, подмѣтивъ въ природѣ внѣшней, или душѣ какой-нибудь законъ, начало, явленіе: матерію, силу, духъ, идею, чувство, волю, она возводила это начало въ міровое начало, въ суть всего сущаго. Отсюда эти матеріализмы, спиритуализмы, пантеизмы, атеизмы, которые нынѣ считаются демонетизированными, вслѣдствіе того, что потрясена до основанія вѣра въ какіе бы то ни было абсолюты. Всѣ эти *измы* не что иное, однако, какъ систематическое изолированіе въ области мысли отдѣльныхъ элементовъ дѣйствительности, и представленіе ихъ съ помощью діалектики въ такой полнотѣ и послѣдовательности, съ какими они никогда не существовали въ дѣйствительности, и съ такою притомъ односторонностью, которая ведетъ къ абсурдамъ. Тысяча геніальныхъ умовъ трудились надъ созданіемъ философскихъ системъ, изъ которыхъ ни одна не годится какъ безусловная истина, но всякая полезна, какъ изолированіе извѣстнаго начала. Всѣ философскія системы походятъ на банки, наполненныя спиртомъ въ кунсткамерѣ, въ которыхъ плаваютъ анатомическіе препараты. Когда философія перестанетъ быть изслѣдованіемъ абсолюта, а возьмется за изученіе однихъ вещей скончаемыхъ и условныхъ, когда она

откажется отъ притязаній на то, чтобы все знать, и превратится въ одну діалектику, въ искусство дѣлать логическіе препараты, изолировать отдѣльные начала и элементы, когда она будетъ работать съ полнымъ сознаніемъ, что ея предположенія не суть нѣчто дѣйствительное, не суть нѣчто безусловно-истинное, что это такія же отвлеченности и искуственныя подставки, какъ точка и линія въ математикѣ, какъ матерія и сила въ естественныхъ наукахъ, тогда она и поможетъ выстроиться соціологіи, а потомъ, можетъ быть, она и совсѣмъ поглощена будетъ соціологіею. По достиженіи соціологіею совершеннолѣтія, отъ нынѣшней философіи останется немногое: наука о человѣкѣ—*антропософія* и въ ней собственно только наука о строеніи души—*психологія*, послѣднее звено, котораго недоставало въ классификаціи Конта, конецъ и вѣнецъ организованнаго знанія. Мѣсто психологіи будетъ по необходимости послѣднее, потому что того требуетъ законъ постепенности въ знаніи, законъ перехода отъ болѣе общаго къ болѣе частному, отъ содержащаго къ содержимому, отъ звѣздъ къ землѣ, отъ общества къ отдѣльному человѣку. Въ настоящее время психологія походитъ на космическое туманное пятно, она моложе соціологіи, которая сама, въ свою очередь, только-что зарождается. Психологія пробавлялась донынѣ либо мелкими средствами личнаго самосознанія, либо метафизическими фантазіями на темы о безусловномъ добрѣ, истинѣ, красотѣ. Группа наукъ психологическихъ только тогда начнетъ, по мнѣнію г. Стронина, развиваться, когда соціологія успѣетъ окрѣпнуть и выработаться, потому что легче изучать вселенную, нежели микрокосмъ души, и легче познавать законы, которыми управляется цѣлое общество, нежели законы жизни и дѣятельности отдѣльнаго человѣка.

Книга г. Стронина о «Методѣ» въ теченіи трехъ лѣтъ отъ ея изданія мало была распространена въ публикѣ, для которой вообще всякая методологія представляется чѣмъ-то сухимъ, непривлекательнымъ, наставле-

ніемъ, какъ производить будущія изслѣдованія, которымъ посвятятъ себя, конечно, немногіе. Притомъ достоинство методологіи опредѣляется прежде всего тѣмъ, какою окажется она на практикѣ, при примѣненіи къ дѣлу метода. Г. Стронинъ предлагаетъ теперь опытъ примѣненія своего метода къ частицѣ соціологіи—политикѣ. Обойдя растительный процессъ жизни общества, получившій уже свою научную обработку въ политической экономіи, г. Стронинъ изучилъ нервную систему общества, законы общественныхъ впечатлѣній и рефлексовъ, законы настроенія общественнаго въ его причинахъ, проявленіяхъ и послѣдствіяхъ. Проводниками его въ этой области являются Аристотель, О. Контъ и Бокль, котораго г. Стронинъ величаетъ Геродотомъ будущей науки исторіи. Задача, избранная имъ, немалая; насколько успѣшно ея разрѣшеніе, о томъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ параграфамъ, которые докажутъ, что, въ большинствѣ случаевъ, теорія несравненно легче приложенія ея на практикѣ.

IV.

Слѣдуя Конту, позитивисты дѣлятъ всякую науку объ организмахъ, значитъ и соціологію, на *статику*, излагающую законы равновѣсія, и *динамику*, излагающую законы движенія, иными словами, на науку о строеніи организма и науку о его функціяхъ. Желая въ введеніи къ «Политикѣ» начертить статику общества, дать понятіе о его строеніи, г. Стронинъ видимо увлекся задачею примѣнить во что бы то ни стало математику къ соціологіи. Онъ могъ-бы составить анатомическій очеркъ строенія общественнаго на основаніи данныхъ исключительно соціологическихъ, къ чему богатымъ матеріаломъ послужили-бы вскрытія историческихъ труповъ и наблюденія надъ живущими теперь общественными группами, но онъ предпочелъ изобразить графически общество въ видѣ геометрическихъ фигуръ,

которыя не только на государство, но вообще ни на что въ свѣтѣ непохожи. Общество самаго высшаго порядка или государство можетъ быть представлено въ видѣ конуса. Горизонтальный разрѣзъ этого конуса изображается чертежомъ, въ которомъ малыя клѣточки семьи группируются въ большіе круги—роды, общины, тѣ бо́льшіе круги еще въ бо́льшія — земли, страны; наконецъ, всѣ круги вмѣщаетъ въ себѣ и опоясываетъ наибольшій кругъ—государство. Состоящая изъ мелкихъ клѣточекъ ткань этого поперечнаго разрѣза даетъ наглядное понятіе объ отношеніи селъ, городовъ и столицъ, причемъ большое значеніе имѣетъ положеніе столицы въ центрѣ площади разрѣза или близъ самой окружности. Вертикальный разрѣзъ конуса образуетъ треугольникъ, который можетъ быть разсѣкаемъ двумя линіями, параллельными его основанію, на три яруса или классы: верхній—аристократія, котораго главная примѣта собственность; средній—тимократія, котораго главная примѣта капиталъ, и нижній трудовый ярусъ или демократія. Двѣ наклонныя линіи, проведенныя отъ вершины треугольника къ его основанію, прорѣзываютъ всѣ три главные класса и образуютъ по три части въ каждомъ, а именно, въ господствующемъ верхнемъ: законодательство, судъ и администрацію, въ среднемъ—предводителей въ дѣятельности экономической, арендаторовъ, мануфактуристовъ и банкировъ, и въ нижнемъ, рабочемъ,—земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ. Клѣточки разрѣзаннаго такимъ образомъ на 9 частей треугольника изображаютъ сумму главныхъ членовъ общества, но не самъ его разумъ, не интеллигенцію общественную. Подобно тому, какъ нервная сѣть проникаетъ во всѣ части тѣла, такъ что нервныя нити присущи каждому мускулу, хотя сильнѣйшее сосредоточеніе всей нервной системы имѣетъ мѣсто въ мозгу, общественная интеллигенція проникаетъ насквозь весь общественный конусъ и присуща каждой клѣточкѣ продольнаго и поперечнаго разрѣза, такимъ, однако, образомъ, что наиболь-

шія массы этой интеллигенціи расположены въ верхнемъ ярусѣ, гдѣ законодательство сплетается съ администраціею и судомъ. Основная мысль этого геометрическаго чертежа дѣтски проста, забавна и даже смѣшна. Она напоминаетъ миѳологическую химеру льва-козла-змѣи — такъ странно сложены въ ней элементы математическіе съ физіологическими; она указываетъ на то, что авторъ забрелъ въ такія дебри, гдѣ и витаютъ только одни чудовища да небылицы. Собирательный человѣкъ есть предметъ невидимый, отвлеченный; если-бы намъ удалось обозрѣть разомъ весь аѳинскій народъ, собравшійся на вѣче, или все населеніе Франціи съ его размѣщеніемъ на территоріи, то эти картины не доставили-бы намъ никакого понятія о строеніи государства или народа аѳинскаго или французскаго, какъ не доставили-бы намъ никакого понятія объ организаціи общества пчелинаго или муравейнаго всевозможные разрѣзы, поперечные и продольные муравейника или улья. Отвлеченный предметъ нельзя срисовать, какъ нельзя изобразить кругомъ, треугольникомъ или иною фигурою добро или любовь. Притомъ, если авторъ задался мыслью живописать общество, какъ организмъ, непосредственно сосѣдствующій съ царствомъ животныхъ и растеній и весьма далеко отстоящій отъ области геометрическихъ фигуръ, то ему-бы слѣдовало, при составленіи атласа обществъ, взять за основаніе работъ не геометрическую фигуру, но какое-либо органическое тѣло, напримѣръ, тѣло человѣка съ большимъ мозгомъ и мозжечкомъ, со всѣми парами нервовъ, съ лёгкими, почками и печенью. Будь авторъ немного смѣлѣе и послѣдовательнѣе, онъ-бы никакъ не ограничился одними скромными догадками въ припискахъ на стр. 247, 302 и 326 о подобіи формы общества съ формою человѣческаго тѣла, но онъ бы составилъ цѣлый иллюстрированный атласъ въ этомъ родѣ, съ изображеніемъ общественныхъ ногъ, рукъ, печени и лёгкихъ. Ближайшее знакомство со строеніемъ человѣческаго тѣла избавило-бы его отъ отождествленія ин-

теллигенціи съ сѣтью нервныхъ волоконъ, расходящихся по тѣлу. Нервы дѣйствительно расходятся по тѣлу и служатъ проводниками ощущеній и движеній, но именно никто не выдавалъ ихъ за органы мышленія,—сіе послѣднее считается функціею мозга. Уподобленіе общества тѣлу человѣка помогло-бы автору совершить болѣе правильное расчлененіе общественнаго организма. Вмѣсто тощихъ девяти клѣточекъ треугольника, изъ коихъ три верхніе наполнены содержаніемъ, при помощи Аристотеля (власти: законодательная, судебная и исполнительная), а шесть остальныхъ, при содѣйствіи политической экономіи, мы бы имѣли три или четыре десятка органовъ, потому что неменьшее число ихъ открыла столь пренебрегаемая авторомъ эмпирическая обсерватика. Мы не имѣли бы дѣленія органовъ по ярусамъ, но собственно и ярусовъ-то нѣтъ, потому что всякій общественный органъ имѣетъ развѣтвленія свои и внизу и вверху, въ семьѣ, общинѣ и сословіи. Изъ сопоставленія фактовъ, извлеченныхъ изъ любого учебника, авторъ убѣдился бы, что въ обществѣ бываетъ не то, что въ физіологіи, что одна и та же функція, напримѣръ, мышленіе или правленіе, можетъ быть исправляема попеременно разными общественными органами. Ог. Контъ замѣтилъ, что умственная жизнь общества проходитъ три періода: религіозный, метафизическій и научный. Въ первомъ мыслителями являются жрецы, правителями—воины; во второмъ во главѣ мышленія становятся философы, а во главѣ правленія—юристы; съ теченіемъ времени мышленіе и правленіе опошлились, доставшись въ руки литераторовъ и адвокатовъ, иными словами, фразеровъ и софистовъ, но впослѣдствіи вожатыми общества сдѣлаются люди, обладающіе высшимъ положительнымъ знаніемъ и крупные промышленники. Мы можемъ спорить съ Контомъ и о господствѣ ученыхъ, и о господствѣ промышленниковъ, но мы никакъ не въ состояніи опровергнуть главную мысль его, заключающуюся въ томъ, что тѣ же функціи въ обще-

ствѣ могутъ быть исправляемы разными органами поочередно, между тѣмъ у г. Стронина нѣтъ даже и полнаго перечня этихъ органовъ; у него нѣтъ не только органовъ, чередующихся при отправленіи одной и той же функціи, но не имѣется даже важныхъ органовъ, неизмѣнно исправляющихъ одну и ту же функцію. Въ атласѣ г. Стронина нѣтъ вовсе такой функціи, какъ религія, ни органа ея—духовенства, нѣтъ даже отведеннаго особаго помѣщенія для организованной вооруженной силы народа, между тѣмъ, какъ уже Аристотель далъ особое мѣсто состоянію воиновъ. Въ послѣдующихъ частяхъ своей книги авторъ сравниваетъ войско съ костною системою въ тѣлѣ человѣка; въ концѣ оказывается, что война есть судебная подъ-функція функціи правленія, значитъ, что самъ органъ, исправляющій эту подъ-функцію, есть подъ-органъ правительства и одинъ изъ видовъ суда; слѣдовательно, что его, пожалуй, надо бы помѣстить постоемъ въ верхнемъ ярусѣ общественнаго конуса, гдѣ отведена уже квартира аристократіи, но гдѣ и сама аристократія до того стѣснена, что пришлось вытѣснить и зачислить въ праздношатающіеся ту часть ея, которая не посвящаетъ себя спеціально ни законодательству, ни суду, ни администраціи. Хорошо размѣщеніе силъ, при которомъ подъ самою крышею, въ верхнемъ этажѣ, помѣщены самыя большія тяжести! Зданіе обвалилось бы тотчасъ, какъ обваливались и падали не разъ правительства, опиравшіяся на одно регулярное войско. Еслибы авторъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ въ сравненіи общества съ тѣломъ человѣка, то онъ бы открылъ при нѣкоторыхъ сходствахъ громадныя несходства въ сравниваемыхъ предметахъ. Тѣло человѣка имѣетъ опредѣленное число органовъ, которые всѣ организованы и развиваются почти равномѣрно, такимъ образомъ, что каждому возрасту человѣка соотвѣтствуетъ извѣстная степень развитія всѣхъ органовъ. Г. Стронинъ сознаетъ, что не то бываетъ съ обществами, что будущія общества, которыя сложатся изъ соединенія цѣлыхъ

рассъ, будутъ громаднѣе теперешнихъ государствъ и будутъ обладать бо́льшимъ числомъ ярусовъ и бо́льшимъ числомъ клѣточекъ въ обоихъ разрѣзахъ, и продольномъ и поперечномъ, значитъ, что и органовъ у нихъ будетъ не въ примѣръ болѣе противу настоящаго. Г. Стронинъ признаетъ, что въ обществахъ, и современныхъ, и уже умершихъ, органы не развивались и не развиваются одновременно и равномѣрно, есть органы выработанные, организованные и есть другіе неорганизованные, въ зачаточномъ состояніи, указанные природою, аморфные. По мнѣнію г. Стронина, только правительство, а послѣ него костная система общества, массовая его сила, то-есть войско, вполнѣ организованы и служатъ образцомъ для выработки всѣхъ остальныхъ членовъ, для совмѣщенія разнообразія живого существа съ единствомъ мертвой машины. Слабѣе сплоченъ механизмъ гражданскаго управленія или бюрократія. Скорѣе другихъ устраиваются группы, соприкасающіяся съ правительствомъ, напримѣръ, вѣроисповѣданія, политическія партіи, даже заговорщики и агитаторы. Изъ вѣроисповѣданій, одно римско-католическое выработало организацію, которая и составляетъ весь секретъ его прочности, но наука, искуство и всѣ отрасли промышленности пребываютъ въ хаотическомъ состояніи броженія; отсутствіе организаціи дѣлаетъ ихъ совершенно безсильными въ отношеніи правительства. Европа страдаетъ нынѣ отсутствіемъ надлежащей организаціи труда. Громадная сила присуща всякому узелку, всякой клѣточкѣ устраивающейся матеріи. Современемъ всѣ члены общества получатъ организацію, такъ что вовсе не будетъ атомовъ въ состояніи броженія. Есть еще черта, отличающая общество отъ высшихъ животныхъ организмовъ, но одинаково замѣчаемая какъ въ обществахъ, такъ и въ растеніяхъ и пресмыкающихся животныхъ: самостоятельность частей въ недѣлимомъ, вслѣдствіе чего каждая часть продолжаетъ жить, когда недѣлимое распалось. Когда червь разсѣченъ на части, каждая часть движется еще и шеве-

лится; точно также и послѣ паденія государства живутъ и движутся составныя его части: историческая нація, области, общины, сословія, семьи и, наконецъ, отдѣльныя лица, причемъ каждая частица дѣйствуетъ по тѣмъ законамъ, которые проявлялись въ жизни распавшагося государства. По замѣчанію г. Стронина, общества дѣлятся на централизованныя и децентрализованныя. Первая форма соотвѣтствуетъ потребности нарощенія, вторая потребности сохраненія, возможно бо́льшаго сопротивленія вліяніямъ окружающей среды. Прочнѣйшая и, въ этомъ отношеніи, совершеннѣйшая форма общества— федеративная, та именно, которая совмѣщаетъ самое большее разнообразіе съ единствомъ, всего менѣе похожа на форму человѣка. Чтобы совсѣмъ покончить съ атласомъ г. Стронина, мы соглашаемся съ нимъ, что есть несомнѣнныя сходства между мірами матеріи неорганической и органической, есть сходство между растеніемъ, животнымъ и человѣкомъ, есть сходство между человѣкомъ физическимъ и нравственнымъ, есть, наконецъ, сходство между нравственнымъ человѣкомъ отдѣльнымъ и собирательнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что въ изученіи этихъ сходствъ и подобій мы не далеко ушли отъ Менепія Агриппы и его притчи о членахъ тѣла и желудкѣ, и что книга г. Стронина не только не уясняетъ этихъ сходствъ и подобій, но окончательно весь вопросъ запутываетъ, потому что, напередъ предполагая одни только сходства, она не замѣчаетъ рѣжущихъ глаза несходствъ и отличій. Платонъ догадывался по аналогіи, что міръ земной есть живое исполинское животное. Г. Стронинъ усматриваетъ по аналогіи совершенное сходство общества съ конусомъ. Одно предположеніе стоитъ другого, съ тою только разницею, что Платонъ выдавалъ свою догадку за истину, а г. Стронинъ играетъ и забавляется только догадкою, не выдавая ее за истину. Идея Платона не повела къ уразумѣнію строенія земли, такъ точно и идея г. Стронина не поведетъ къ уразумѣнію строенія общества и отношенія его частей. Все

это статическое введеніе въ «Политику» несостоятельно, по ошибочности основнаго замысла. Отъ явленій въ пространствѣ перейдемъ къ явленіямъ во времени, къ фактамъ динамическимъ, къ послѣдовательности общественныхъ отправленій, составляющихъ настоящее содержаніе «Политики».

V.

Эта часть труда вышла несравненно удачнѣе. Причину не трудно угадать. Автору помогла, помимо его сознанія и воли, та самая психологія, которую Контъ исключилъ изъ числа наукъ, но которую г. Стронинъ помѣстилъ на самомъ концѣ, какъ науку позднѣйшую, слѣдующую за соціологіею, къ которой и не слѣдуетъ вовсе прибѣгать для построенія соціологіи. Предметъ психологіи—мысли и поступки людей; и тѣ, и другіе слѣдуютъ одни за другими въ извѣстномъ порядкѣ; съ незапамятныхъ временъ начались надъ нами научныя наблюденія и опыты, ихъ разсѣкали, складывали, разлагали и раздѣляли на классы главнымъ образомъ при посредствѣ того внутренняго чувства самосознанія, самосозерцанія или психическаго зрѣнія, къ которому такъ недовѣрчиво относится авторъ въ своемъ «Методѣ». Собрано матеріалу столько, что его достало на объясненіе если не всѣхъ психическихъ функцій, то по крайней мѣрѣ самой важнѣйшей изъ нихъ—функціи мышленія, и на образованіе нѣкоторыхъ соціологическихъ представленій. Понятія разума, чувства, воли, умственнаго и физическаго труда, добродѣтелей и способностей, переносимы были на цѣлые классы людей, на состоянія, сословія, и собирательный человѣкъ созидался на образъ и подобіе столь же, какъ онъ, невидимаго нравственнаго человѣка. Съ другой стороны, основное единство физическаго и нравственнаго человѣка столь велико, зависимость втораго отъ перваго столь безусловна, что обѣ науки, физіологія и психологія человѣка, сближаются

и почти неразрывно соединяются въ безчисленномъ множествѣ точекъ. Физіологія человѣка есть, какъ извѣстно, частица біологіи или общей физіологіи животныхъ и растеній; историки вовсе не заглядывали въ этотъ міръ физіологіи, пробавляясь отжившею, отвлеченною спиритуалистическою психологіею Декарта, которая разсматривала душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, и не догадывалась даже, что микрокосмъ сознанія есть только освѣщенная солнцемъ вершина громадной горы жизни психической, то-есть, что значительная часть психическихъ процессовъ совершается внѣ нашего самосознанія, которое пользуется уже готовыми результатами этой безсознательной работы. Достоинство и заслуга опыта г. Стронина заключается въ томъ, что онъ вникнулъ въ жизнь царствъ растительнаго и животнаго и, процѣдивъ законы этой жизни сквозь фильтръ психологіи, примѣнилъ ихъ къ обществу. Въ общественной жизни онъ различаетъ три процесса: *біологическій*, свойственный всѣмъ организмамъ; *соціологическій*, свойственный всѣмъ общественнымъ функціямъ, какъ экономическимъ, такъ и политическимъ; наконецъ, процессъ спеціально *политическій*.

А. *Біологическій процессъ жизни и смерти.*—Нѣтъ ничего вѣчнаго во вселенной; доказано, что земля наша падетъ когда-то на солнце, но задолго до того на ней прекратится, вслѣдствіе охлажденія, всякая органическая жизнь. Еще раньше того человѣчество дойдетъ до конца своихъ судебъ и своего развитія. Надъ нимъ повисъ неумолимымъ рокомъ физіологическій законъ скрещиванія породъ. Вырожденіе грозитъ неминуемо всѣмъ династіямъ и всѣмъ аристократіямъ, избѣгающимъ неровныхъ браковъ. Когда, вслѣдствіе повторенія однихъ и тѣхъ же соединеній, выработанъ неподвижный типъ въ родѣ, народѣ, племени, они мельчаютъ и теряютъ способности, даровитость. Родъ облагороживается мезаліансами; народъ можетъ продолжать свое существованіе, вливая плебейскую кровь въ свои политическіе

классы. Человѣчество въ общемъ своемъ составѣ имѣетъ обильнѣйшіе источники обновленія крови. Въ одной Европѣ сколько можетъ быть неиспробованныхъ донынѣ племенныхъ сочетаній, а останутся еще въ видѣ запасовъ Америка, со своими бѣлыми людьми, измѣненными вслѣдствіе климатическихъ вліяній, племена монгольское, малайское, негрское. Съ теченіемъ времени однако всѣ соединенія будутъ исчерпаны, и престарѣлое человѣчество станетъ въ концѣ концовъ весьма образованнымъ, но неподвижнымъ и дряхлымъ Китаемъ.

Всякій организмъ растетъ, цвѣтетъ и вянетъ. Три главные періода жизни назовемъ *прогрессомъ*, когда организмъ растетъ и слагается, *застоемъ*, когда слаганіе и разлаганіе уравновѣшиваются, и *регрессомъ*, когда беретъ верхъ разлаганіе. Чѣмъ больше государство, чѣмъ обильнѣе въ немъ источники скрещиванія породъ, тѣмъ дольше каждый періодъ его жизни. Сверхъ физіологической причины смерти—прекращенія скрещиваній, авторомъ намѣчена другая—психологическая, которой связь съ первою имъ необъяснена: исчерпаніе до тла политическихъ идеаловъ. Отъ этихъ двухъ причинъ изживаются и народы, и учрежденія. Застоявшаяся съ Гракховъ, римская республика склоняется книзу въ лицѣ Марія, Помпея, Цезаря. Застоявшееся со временъ Иннокентія III папство разлагается въ глазахъ нашихъ до того, что теряетъ половину самого себя — свою свѣтскую власть. Королевская власть процвѣтаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и застаивается отъ XVI до XVIII столѣтій, среднее сословіе процвѣтаетъ въ застоѣ въ XIX столѣтіи; но регрессъ его уже предвозвѣщенъ движеніями рабочаго класса. Человѣчество, вообще взятое, несомнѣнно сильно растетъ еще и быстро прогрессируетъ, вслѣдствіе чего вездѣ прогрессивныя политическія партіи брали верхъ надъ регрессивными; всѣ эвпатриды, патриціи и палаты лордовъ были побиваемы демосомъ. Желая изучить регрессъ и убѣдиться въ томъ, что прогрессивное движеніе бываетъ всегда перемежающееся,

надо проходить исторію по частямъ, но и въ промежуткахъ прогресса, въ прорывахъ мертваго отдыха и застоя, какая пластическая сила! Въ промежуткѣ IX—VII вѣка до Рождества Христова, между паденіемъ Востока и процвѣтаніемъ Греціи, неизвѣстно какимъ образомъ базилейсы и касты превратились въ аристократіи и въ тимократіи, съ раздѣленіемъ народа по податямъ. Въ темномъ промежуткѣ среднихъ вѣковъ неизвѣстно какимъ образомъ рабство превратилось въ колонатъ и крѣпкое землѣ состояніе. Можно довольно точно опредѣлить границы трехъ періодовъ. Конецъ прогресса знаменуется *прекращеніемъ* общественныхъ *потребностей*, или вслѣдствіе того, что идеалы изжились, или еще чаще вслѣдствіе того, что оказалась невозможность удовлетворить потребностямъ. Въ семъ послѣднемъ, самомъ обыкновенномъ случаѣ, потребность либо напрягается по мѣрѣ встрѣчаемаго сопротивленія и производитъ революцію, которая протягиваетъ прогрессъ на нѣкоторое время, но истощаетъ непомѣрно средства организма, либо она заглушается на мѣстѣ, атрофируется, вслѣдствіе чего является застой, потому что потребности имѣютъ свою естественную очередь и насыщаются по очередному порядку: сначала экономическая, потомъ политическая, потомъ опять экономическая и такъ дальше. Въ Перикловыхъ Афинахъ исчерпанъ былъ до послѣдней капли демократическій идеалъ, дошедшій не только до полнаго уравненія гражданъ, но и до замѣщенія всѣхъ должностей по жребію, вслѣдствіе чего Афины пали безъ пелопонезской войны и безъ Македоніи. Идеалъ римскихъ прогрессистовъ былъ несравненно шире и состоялъ въ пріобщеніи къ государству всего плебса и всѣхъ итальянскихъ союзниковъ не только политически, но и экономически, посредствомъ аграрныхъ законовъ. Еще шире былъ идеалъ французскій, по потребность введенія средняго сословія въ жизнь политическую была безразсудно задержана при двухъ Лудовикахъ и Регентствѣ, вслѣдствіе чего вспышка этой

потребности имѣла столь неудержимую вулканическую силу, что сорокъ лѣтъ (1789 — 1830) ушли на то только, чтобы насытить эту потребность и ввести этотъ разлившійся потокъ въ его русло. Но насыщеніе потребности было слишкомъ запоздалое: неуспѣло среднее состояніе достигнуть господства, какъ уже набѣгали съ ужасающею быстротою двѣ другія передержанныя волны — потребностей уравненія всего народа въ политическихъ правахъ — и облегченія участи рабочаго пролетаріата, — обѣ въ нелѣпыхъ отъ несвоевременной выработки формахъ всеобщей подачи голосовъ и коммунизма. Напоромъ этихъ волнъ объясняется и ломкость буржуазной іюльской монархіи, и новый взрывъ 1848 г. Нѣтъ организма, который бы устоялъ противъ такого многократно повторяющагося тифа. Гораздо раньше воцаренія Наполеона III, Франція готова была къ паденію. Среди послѣдней прусско-франкской войны, нужда экономическая вспыхнула еще разъ кровавымъ пламенемъ парижской коммуны 1871 г., но была тотчасъ же задавлена. Циркуляръ Жюля-Фавра, приглашающій европейскія державы къ облавѣ противъ Интернаціола, является надгробною надписью французскаго прогресса (82 стр.). Всякій элементъ, даже самый прогрессивный, перестаетъ быть таковымъ, когда дойдетъ до полнаго господства и не будетъ возбуждаемъ подавленною имъ въ конецъ оппозиціею. Прогрессивнѣйшая сила — ученость — можетъ сдѣлаться тормазомъ, когда, сосредоточившись въ маломъ числѣ избранныхъ, будетъ только капитализироваться, не размѣниваясь посредствомъ популяризаціи знаній, не разсыпаясь между массами народа.

Застой отличался прекращеніемъ потребностей и непоявленіемъ никакихъ новыхъ идеаловъ. По весьма оригинальному, но недостаточно доказанному мнѣнію г. Стронина, регрессъ знаменуется воскрешеніемъ мертвыхъ идеаловъ прошедшаго. Во главѣ движенія становятся ретрограды, люди стараго покроя, любители и хвали-

тели добрыхъ старыхъ временъ. Съ тѣхъ поръ неподвижность становится добродѣтелью, заслугою, и совпадаетъ съ либерализмомъ. Послѣ Гракховъ Римъ пятится назадъ до олигархіи посредствомъ Leges Corneliae и до царскихъ временъ въ Цезарѣ и Августѣ. Живымъ примѣромъ регресса является современная Франція. Ж. де-Местръ, Шатобріанъ, романтики, подогрѣваютъ средневѣковые идеалы, іюльская монархія кончается тѣмъ, что общество дѣлаетъ шагъ назадъ въ цезаризмъ, а послѣ цезаризма оно, вѣроятно, сдѣлаетъ еще одинъ шагъ назадъ чрезъ республику къ бѣлымъ лиліямъ и Шамбору. Нѣтъ никакой возможности остановиться на консервативной республикѣ и жить со дня на день безъ всякихъ идеаловъ, такъ только, чтобы жить. Французскіе прогрессисты, люди заинтересованные въ сохраненіи республики, не вѣдаютъ чего хотятъ, а потому не удержатъ, а тѣмъ болѣе не повернутъ впередъ катящуюся назадъ подъ гору государственную колесницу. Всякое шествіе впередъ бываетъ поочередно двумя ногами, то политически, то экономически. Всеобщая подача голосовъ была политическимъ шагомъ впередъ, но не было сдѣлано затѣмъ никакого экономическаго шага впередъ, при отсутствіи котораго темная чернь готова плевать на свободу слова, преподаванія, печати, на самоуправленіе, и является слѣпымъ орудіемъ тиранніи. Что же предлагаютъ французскіе Гракхи? фаланстеръ или народный банкъ, выдающій безпроцентныя ссуды, коммуну или децентрализацію? Сколько головъ, столько умовъ, идеалы неясные, требуютъ много вещей за разъ и притомъ не подходящихъ. Можно-ли послѣ того удивляться, что колесница покатится назадъ съ усиленною скоростью, чрезъ всѣ ступени политическихъ самоубійствъ къ избирательному цензу и Шамбору, къ папству и абсолютизму, и еще дальше къ королямъ-тунеядцамъ Меровингамъ, къ колыбели государства. Передержанная буржуазная потребность не успѣла еще насытиться, когда была обогнана другою, демократическою потребностью;

обѣ столкнулись въ убійственной борьбѣ, недопускающей никакихъ мировыхъ сдѣлокъ. Теорія г. Стронина можетъ и не вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ причинъ бѣдствій Франціи, но во всякомъ случаѣ она объясняетъ паденіе Франціи несравненно лучше книги Э. Ренана (De la réforme intellectuelle et morale. Paris. 1871), который утверждаетъ, что народъ французскій былъ побитъ и приниженъ потому, что совсѣмъ потерялъ привычку народовъ, управляемыхъ монархизмомъ по историческому праву (Пруссіи), подчинять безпрекословно правительствамъ по ихъ указамъ свою жизнь, свое имущество, не распрашивая и не повѣряя этихъ указовъ.

Періодомъ регресса заканчивается жизнь, послѣ чего за физіологіей слѣдуетъ патологія, судьбы смерти, послѣдовательность разложенія. Авторъ различаетъ три функціи смерти, которыя вяжутся съ функціями жизни въ одно непрерывное кольцо: *вырожденіе*, *перерожденіе* и *возрожденіе*. Характеристика ихъ слабѣе характеристики функцій жизни; она состоитъ въ слѣдующемъ. Въ періодѣ вырожденія, внѣшнія вліянія одолѣваютъ организмъ, который видимо разсыпается и разлагается механически. Грецію поглощаетъ Македонія, папство теряетъ многія страны, оторванныя отъ него протестантизмомъ, королевская власть ограничивается введеніемъ отвѣтственности министровъ. Изъ государствъ въ такомъ состояніи разложенія обрѣтается нынѣ Австрія. Ее исключили изъ Германіи, отняли сѣверную Италію, послѣ чего она сама собою раскололась на двѣ половины и сдѣлалась Австро-Венгріею. Ей грозитъ новый расколъ: чешскій вопросъ, федерализмъ, выкопанныя древнія права короны св. Вячеслава. Изъ ея настоящаго положенія нѣтъ выхода; централизація отдаляетъ агонію, но готовитъ матеріалы революціи; федерація подготовляетъ раздѣлъ, выдѣляя заранѣе каждому изъ выжидающихъ вступленія въ наслѣдство сосѣдей его часть. Раздѣлъ совершится или путемъ войны или путемъ трактатовъ, причемъ г. Стронинъ, горячій панславистъ, сулитъ боль-

шую часть наслѣдства Россіи и предсказываетъ, что, несмотря на все нежеланіе дѣлать новыя завоеванія, она не въ состояніи будетъ не откликнуться на зовъ за помощью братьевъ чеховъ. Вырожденіе становится перерожденіемъ, когда внѣшній факторъ, довершающій разложеніе, начинаетъ дѣйствовать не издали, а вблизи, внѣдряется въ организмъ и перерабатываетъ разложившіяся части химически, какъ бродило. Обыкновенно общество гибнетъ отъ того именно качества, которое составляло нѣкогда его главную силу: Греція отъ искусства, Римъ отъ завоеваній, Польша отъ аристократизма. Врагъ, поселившись въ организмѣ, внутри его находитъ союзниковъ; напротивъ того, погибающая нація рѣшается на отчаянныя средства и съ каждымъ новымъ усиліемъ поражаетъ сама себя болѣе и болѣе. Въ каждомъ историческомъ трупѣ водятся черви, изъ его остатковъ образуются новые живые организмы, наступаетъ періодъ возрожденія, которое, кончая первый круговой оборотъ жизни, переходитъ непосредственно въ прогрессъ, то-есть, въ начало новаго оборота.

VI.

В. *Соціологическій процессъ, дѣленіе и единеніе труда, акціи и реакціи.*—Всякій разъ, когда люди образуютъ союзы, сочетанія, либо экономическія, либо политическія, имѣетъ мѣсто явленіе, сообщающее этому общенію людей его неизмѣнно коническую форму: *соединеніе и раздѣленіе труда*. Это начало общественной жизни открыто впервые экономистами, которые изучали его однако весьма односторонне и, изслѣдуя одну сторону этого закона—раздѣленіе, не обращали вниманія на другую—соединеніе. Первое указаніе на громадное значеніе принципа и его примѣнимость ко всей жизни общественной сдѣлано Контомъ. Г. Стронинъ даетъ дальнѣйшее развитіе идеи Конта, причемъ онъ приводитъ столько примѣровъ и обнаруживаетъ такое діалектиче-

ское искуство, что эта часть его «Политики» можетъ считаться основательнѣйшею и лучшею. Первый законъ, выводимый имъ изъ факта единенія и дѣленія труда, есть законъ *непосредственнаго подчиненія*, по которому части соединяются въ непосредственно слѣдующую общность, а цѣлое распадается на непосредственно слѣдующія частности безъ всякихъ скачковъ, правильно, органически. Никогда родъ не раздѣляется на подъ-классы и подъ-виды, перескакивая черезъ классы и виды; никогда подъ-виды не создаютъ рода, не бывъ предварительно соединены въ виды. И въ историческихъ событіяхъ, и въ идеяхъ наблюдается неизмѣнная постепенность перехода отъ бэконовскихъ axiomata minora къ media и потомъ къ superiora. Прежде всего появляется, напр., фетишизмъ: обожаніе извѣстнаго дуба, холма, рѣки; потомъ обожаніе отвлеченностей: лѣса, огня, воды; потомъ послѣ саббеизма вполнѣ отвлеченныя идеи: мудрость (Аѳина), красота (Афродита) и т. д., изъ среды которыхъ выдвинулся рокъ (фатумъ, ананкэ), изображающій собою переходный мостъ отъ политеизма къ монотеизму. Наоборотъ, монотеизмъ раздѣлился сначала на древній (еврейскій) и новый; сей послѣдній на христіанство и исламъ, христіанство на восточное и западное, западное на католицизмъ и протестантизмъ. Такъ единятся и дѣлятся наука и искуство, всякая работа экономическая и общественная. Видовъ много, родовъ мало, но они господствуютъ и управляютъ. Синтезъ общества, чиноначаліе соединеній и раздѣленій составляетъ самую типическую черту общественнаго устройства.

На ряду съ закономъ подчиненія существуетъ другой, законъ *соподчиненія* однородныхъ частей, опредѣляющій ихъ старшинство и очередь при всѣхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ. Когда родъ дѣлится на виды или классы по праву возраста, по старшинству, первое мѣсто занимаютъ и скорѣе развиваются виды и формы простѣйшіе, грубѣйшіе, болѣе общіе. Такимъ-то образомъ наука о природѣ является прежде науки о чело-

вѣкѣ. Въ естествовѣдѣніи сначала науки неограническоѣ природы, потомъ органической. Въ природѣ неорганической выдѣляется видъ—математика, который дѣлится еще на Востокѣ на два подъ-вида: науку времени, чиселъ, ариѳметику и науку пространства, фигуръ, геометрію. Второй видъ наукъ неорганической природы появляется впервые въ Греціи, гдѣ и развился одинъ его подъ-видъ: наука силъ—физика, но другому подъ-виду: наукѣ матеріи—химіи, пришлось дожидаться среднихъ вѣковъ. Человѣкъ и общество еще перемѣшаны у Аристотеля. Нынѣ «humaniora» уже подраздѣлились на соціологію и психологію, соціологія на статику и динамику, изъ коихъ старшинство подобаетъ статикѣ, что доказывается быстрымъ успѣхомъ географіи и статистики, между тѣмъ, какъ динамическая наука—исторія занята до сихъ поръ живописью и портретированіемъ и нисколько не думаетъ объ отысканіи общихъ законовъ развитія и аксіомъ. Изъ двухъ частей государствъ прежде всего устраивается классъ управляющихъ, между тѣмъ какъ классъ управляемыхъ остается неустроеннымъ, аморфнымъ. Въ классѣ управляющихъ первый чередъ принадлежитъ монархизму, потомъ аристократизму, потомъ демократизму. Нѣтъ во всѣхъ обществахъ права, которое было бы безспорнѣе права старшинства, первородства, но наоборотъ, при соединеніи труда младшіе члены семьи, клана, вида, всегда и непремѣнно низводятъ съ престола и оттѣсняютъ, затираютъ своихъ старшихъ собратій. Всѣ соединенія совершаются не въ старшихъ, а въ младшихъ подъ-видахъ и подъ-классахъ. Ариѳметика съ геометріей соединяются въ физикѣ и химіи, химія съ физикой въ физіологіи. На соединеніи всѣхъ старѣйшихъ наукъ въ соціологіи построена система Конта, на немъ основанъ и методъ аналогики г. Стронина. На этомъ основаніи г. Стронинъ проповѣдуетъ соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ младшемъ изъ нихъ—русскомъ, преобладаніе славянъ въ Европѣ; онъ даже предсказываетъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ православіи.

*

Оба закона: подчиненія и соподчиненія, изъ которыхъ послѣдній подраздѣляется еще на законъ старшихъ и законъ младшихъ видовъ, суть законы эмпирическіе и нуждаются въ раціональномъ объясненіи, которое одно только и можетъ убѣдить насъ въ томъ, что это соединеніе, чтобы раздѣлиться, и это раздѣленіе, чтобы тотчасъ же потомъ соединиться, не есть напрасная работа и совсѣмъ не похоже на химическія соединенія тѣлъ и химическія разложенія тѣлъ на составные элементы. Соединяющіе свой трудъ общественные элементы не пропадаютъ въ цѣломъ, соединеніе и раздѣленіе труда совсѣмъ не имѣютъ соотвѣтствующихъ имъ явленій ни въ неорганической природѣ, ни въ біологіи. Великое начало соединенія и раздѣленія труда есть начало исключительно только соціологическое; основаніе его психологическое: понятіе о цѣли и средствахъ. Люди соединяются для достиженія общими усиліями общей цѣли и раздѣляются для достиженія той же цѣли разными путями и средствами. Понятія о цѣли и средствахъ живьемъ взяты изъ психологіи и перенесены въ соціологію, что и составляетъ второе заимствованіе, сдѣланное авторомъ отъ психологіи, такъ какъ первое заключалось во введеніи въ процессъ жизни и смерти обществъ идеи объ исчерпаніи идеаловъ. Какъ душа и тѣло, какъ дедукція и индукція, такъ соединеніе и расдѣленіе труда составляютъ группу, которой характеристическая черта есть неизмѣнная парность обоихъ элементовъ. Ихъ равновѣсіемъ обусловливается здоровье общества. Одинъ элементъ связываетъ и уплотняетъ общество до окостѣненія, другой разрѣжаетъ его и разсыпалъ бы его въ песокъ, вотъ почему этотъ элементъ и преобладаетъ въ концѣ лѣтъ, наканунѣ разложенія. Въ среднихъ вѣкахъ былъ избытокъ соединенія, быстрая кристаллизація, нынѣ раздѣленіе доходитъ до безобразія, до нелѣпости, у каждаго своя вѣра, совсѣмъ нѣтъ признанной философіи, одна часть науки не вѣдаетъ о другой, цвѣтетъ ученость мелко-травчатая, академическая.

Въ искуствѣ техника совсѣмъ подавляетъ идею, международная политика проповѣдуетъ догматъ невмѣшательства, а политическая экономія формулу: laissez faire, laissez passer. Эксцессъ въ одномъ направленіи влечетъ за собою поворотъ въ другую сторону, который начинается нынѣ на нашихъ глазахъ.

Великое начало соединенія и раздѣленія труда порождаетъ цѣлую теорію мѣняющихся дней и ночей, бодрствованія, чередующагося со сномъ. Общественный корабль не скользитъ по гладкой поверхности водъ, но прорѣзываетъ путь, то подымаясь на волнахъ, то погружаясь въ бездны. Во всякомъ возрастѣ, въ стадіяхъ прогресса, застоя или регресса, линія движенія волнообразна; она состоитъ изъ *акцій* и *реакцій*, причемъ замѣчательно то, что въ стадіи прогресса и всякая акція бываетъ прогрессивна, какъ напряженіе по направленію слаганія роста, соединенія труда, реакція же имѣетъ всѣ признаки ретроградности; напротивъ того, въ стадіи регресса всякая акція, будучи напряженіемъ по направленію къ распаденію, къ разложенію, отличается ретроградностью; напротивъ того, реакція бываетъ ознаменована лучшими началами — либерализмомъ. Въ періодѣ прогресса великими акціями бываютъ союзы классовъ, состояній, народовъ, государствъ; въ періодѣ регресса акціями бываютъ одни дѣленія, напримѣръ, Діоклеціаново или Ѳеодосіево. Насъ бѣситъ реакція, однако она столь же нужна, какъ сонъ, какъ пищевареніе; она усвоиваетъ организму, разжевывая ихъ, всѣ пріобрѣтенія, гуртомъ добытыя въ моменты сильной исторической акціи. Высота и размѣры волнъ акціонно-реакціонныхъ неодинаковы, бурныя волны начала прогресса мельчаютъ и превращаются въ легкую зыбь въ періодѣ застоя, послѣ чего онѣ опять болѣе сильны и могучи въ періодѣ реакціи. Видимыми факторами колебаній, подъема на высоту и соскользанія внизъ, являются политическія партіи, руководимыя споконъ-вѣку болѣе слѣпымъ инстинктомъ, нежели ясными убѣжденіями. Авторъ насчиты-

ваетъ пять такихъ партій: радикалы, либералы, консерваторы, ретрограды и обскуранты. Партіи борются чаще всего и прежде всего открытою физическою силою; если потомъ борьба силою превращается въ борьбу числомъ, то только потому, что самъ числовой расчетъ предопредѣляетъ, куда неминуемо будетъ клониться побѣда, и располагаетъ слабѣйшихъ числомъ къ добровольному отказу отъ борьбы. Потомъ дѣлается еще одно усовершенствованіе: партіи начинаютъ мотивировать свои убѣжденія, возникаетъ общественное мнѣніе. Но въ этомъ мотивированіи бываетъ всегда несравненно болѣе инстинктивнаго, нежели сознательнаго; страсть подтасовываетъ мотивы; лишь только инстинктъ усилился, возгорѣлась страсть, спорщики прибѣгаютъ къ кулаку, вспыхиваетъ междоусобная война, или совершаются политическія преступленія. Даже въ спокойныхъ промежуткахъ между взрывами борьба политическихъ мнѣній запечатлѣна страстностью и поминутно уклоняется отъ главнаго вопроса, причемъ забывается самъ предметъ спора: польза или безполезность извѣстной мѣры, закона, учрежденія и кончается личностями, т. е. тѣмъ, что спорщики поносятъ себя взаимно, называя другъ друга глупцами или подлецами. Люди, чаще стоящіе у кормила правленія— консерваторы, менѣе разборчивы въ средствахъ, не пренебрегаютъ инсинуаціями, мѣтятъ въ жизнь и свободу противниковъ. Люди, добивающіеся власти — прогрессисты, разятъ своихъ противниковъ, обличая ихъ въ нравственномъ ничтожествѣ, въ нравственномъ развратѣ, сами же стараются представляться лучшими, болѣе честными людьми. Въ томъ и заключается великое значеніе нравственности въ исторіи, что борьба партій умами кончается всегда борьбою доблестями и сердцами. Умственное превосходство, политическая геніальность бываютъ удѣломъ либераловъ въ стадіи прогресса и ретроградовъ въ стадіи регресса. Обыкновенно сталкиваются другъ съ другомъ ближайшія партіи: либералы съ ретроградами, но бываютъ случаи, когда радикализмъ и обску-

рантизмъ соприкасаются надъ головами либераловъ, консерваторовъ и ретроградовъ и либо заключаютъ другъ съ другомъ чудовищные союзы на погибель среднихъ партій, либо тузятъ себя и уничтожаютъ. Такіе случаи доказываютъ всегда болѣзненное состояніе общества; тогда-то и проявляется во всей наготѣ неразуміе политическихъ инстинктовъ, которые увлекаютъ обскурантовъ къ террору и тиранніи, радикаловъ къ заговорамъ, преступленіямъ и революціямъ. Г. Стронинъ—злѣйшій противникъ великихъ событій, великихъ переворотовъ и даже великихъ царствованій. У людей, по мнѣнію его, какъ у дѣтей, такъ и тянутся руки къ огню, который свѣтитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жжетъ. Всякій заговоръ понижаетъ уровень общества на всю ту потребность, которая сказалась въ заговорѣ, и которая умолкаетъ потомъ, бывъ подавлена, такъ что потомъ, послѣ длиннаго перерыва, необходимо пропагандировать ее опять. Съ этой точки зрѣнія г. Стронинъ жестоко осуждаетъ декабристовъ (195). Революція никогда ничего не создаетъ, часто она кончается регрессомъ; но если она и не перейдетъ въ регрессъ, вся ея работа состоитъ только во взорваніи на воздухъ препятствія, загородившаго обществу путь развитія, послѣ чего организмъ поправляется медленно, пока не возстановитъ до-революціоннаго равновѣсія и не начнетъ функціонировать, отправляясь съ того пункта, въ которомъ застигла его задержка, устраненная революціею. Необыкновенно живое и мѣткое изображеніе общественныхъ катастрофъ, ихъ причинъ, хода и послѣдствій, составляетъ одну изъ лучшихъ частей книги г. Стронина.

VII.

С. *Специiально-политическій или правительственный процессъ.*—Раздѣливъ жизнь обществъ на возрасты прогресса, застоя и регресса, и каждый возрастъ на дни и ночи, или на акціи и реакціи, авторъ ставитъ вопросъ, какою послѣдовательностью движеній общество создаетъ

и развиваетъ свои политическіе продукты. До сихъ поръ онъ дѣлалъ только набѣги на психологію, теперь онъ совсѣмъ переѣзжаетъ на психологическую почву съ багажемъ и пожитками. Вся жизнь души человѣка содержится между предѣлами полученнаго впечатлѣнія и вызваннаго имъ рефлекса. Между этими предѣлами лежатъ длинные ряды мыслей, чувствованій и желаній. Человѣкъ обновляется ежеминутно впечатлѣніями, пріобрѣтаетъ новыя привычки мышленія и воли, такъ что, по истеченіи извѣстнаго времени, то же лицо, не переставая быть собою, является отличнымъ отъ прежняго человѣкомъ. То же повторяется и въ обществѣ. На всѣхъ ступеняхъ общественной пирамиды размѣстились мыслящіе атомы, составляющіе *интеллигенцію* общества, элементъ жизни созерцательной, служащіе проводниками впечатлѣній. Есть также въ обществѣ масса, въ нравственномъ отношеніи пассивная, и дѣятельная только въ экономическомъ, готовая поддаваться всевозможнымъ рефлексамъ, вызваннымъ воспріятыми впечатлѣніями,— назовемъ ее *гражданствомъ*. Наконецъ, посрединѣ между этими двумя факторами помѣстился третій—*правительство*, снабженный задерживающими впечатлѣнія аппаратами и недопускающій, чтобы впечатлѣнія переходили автоматически въ рефлексы. Эти три фактора соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ функціямъ души (мышленіе, чувство, воля) и совершаютъ сообща одно дѣло, состоящее въ *инкорпораціи*, то-есть, во введеніи въ плоть и кровь общества новыхъ, свѣжихъ элементовъ, и въ *экскорпораціи*, или въ изверженіи негодящихся уже старыхъ продуктовъ. Одна и та же пища, переработанная поочереди каждымъ изъ трехъ факторовъ, становится совершенно особымъ на видъ продуктомъ. Интеллигенція выработываетъ политическія *идеи*, правительство—*право*, а гражданство—*нравы*. Вся тайна общественной гигіены заключается въ томъ, чтобы новыя политическія понятія претворялись правильно и постепенно въ права, а права столь-же постепенно въ нравы, такъ чтобы

организмъ обновлялся во всѣхъ частяхъ постоянно, мало-по-малу. Каждая задержка процесса присваиванія новаго элемента на одной ступени развитія, безъ перехода въ другую, угрожаетъ болѣзнью, которая, если затянется и превратится въ хроническую, влечетъ за собою бунты, тираннiи, заговоры и всякія катастрофы. Несомнѣнно, что уже въ XIV столѣтіи Францiя имѣла свои états généraux, и что въ ней зарождались тогда идеи объ ограниченной монархiи. Эти идеи не могли войти въ законы вслѣдствіе быстраго и безмѣрнаго развитія абсолютизма. Въ теченіи трехъ вѣковъ возрасталъ напоръ прибывающихъ идей, при совершенномъ застоѣ въ правахъ, пока идеи не поднялись до высоты запружающей теченіе ихъ плотины и прорвали эту плотину посредствомъ революціи, единственная задача которой состояла въ устраненіи застоя въ одномъ только фазисѣ политическаго процесса—законодательномъ. Но такъ какъ идеи накоплялись въ теченіе трехъ вѣковъ и набрались ихъ цѣлые легіоны, то и стали онѣ тѣсниться разомъ и выталкивать другъ друга. Весь трагизмъ теперешняго положенія Францiи заключается именно въ этомъ фактѣ переверленія въ идеяхъ при недовершеніи правъ. Бываютъ случаи, что реформа появляется прежде всего въ законахъ, которымъ еще не соотвѣтствуютъ ни идеи, ни нравы; таковы были реформы Іосифа II въ Бельгіи и Австріи, которыя пропали безслѣдно вслѣдствіе того, что въ идеяхъ интеллигенціи не встрѣтили поддержки, а напротивъ того, испытали отпоръ со стороны нравовъ. Въ весьма здоровыхъ и крѣпкихъ организмахъ, напримѣръ, въ Англіи бывали случаи, что идея, не имѣя доступа въ уплотнившійся до крайности законъ, просачивалась помимо него прямо въ обычай и создавала свободу печати, отвѣтственность министровъ, гласность парламентскихъ преній и тому подобныя учрежденія, совсѣмъ лишенныя донынѣ законодательной санкціи, но императорскій Римъ поплатился жизнью за подобнаго рода опытъ, допустивъ христіанству вливаться прямо

въ нравы помимо преслѣдующаго христіанъ закона. Творчество политическое имѣетъ свою постепенность и свои *предѣлы*. Нравы не могутъ идти дальше идей и законовъ, не могутъ ихъ опережать. Ростъ идей возможенъ только на извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія, наконецъ все вмѣстѣ: нравы, права и идеи обусловливаются строеніемъ общества, его анатоміею. Бываютъ утопіи, нигдѣ и никогда неприложимыя, напримѣръ, коммунистическія. Бываютъ нововведенія, которыя совсѣмъ негодятся для извѣстныхъ организмовъ. Реформа немыслима, если она не имѣетъ многихъ точекъ соприкосновенія съ существующимъ порядкомъ и многихъ точекъ опоры въ прошедшемъ. Жизнеспособность реформы пропорціональна ея мелочности, спеціальности. Легче пересоздать департаментъ въ министерствѣ, нежели всю администрацію или все судоустройство, или воспитать всю интеллигенцію въ народѣ, но попытка пересоздать вдругъ заразъ и всю экономію, и всю политику, могла бы быть отнесена или къ сумасшествію, или къ полному незнанію первѣйшихъ началъ соціологіи.

VIII.

Каждый изъ трехъ главныхъ политическихъ факторовъ совершаетъ особымъ путемъ процессъ инкорпораціи и экскорпораціи соотвѣтствующихъ ему продуктовъ. Въ области интеллигенціи, то-есть въ совокупности людей, ведущихъ жизнь наиболѣе созерцательную, особенно преданныхъ религіи, наукѣ, искуству, починъ движенія принадлежитъ *новаторамъ*—открывателямъ новыхъ инстинктовъ или мнѣній, которыхъ обыкновенный удѣлъ страдальчество. За ними слѣдомъ идутъ *пропагандисты*, распространители новой идеи, и совершается эстетическій процессъ этой идеи, облеченіе ея въ простыя и красивыя формы. Новаторъ обыкновенно одинокъ, но популяризаторы являются десятками и сотнями, пока идея не снищетъ себѣ популярности. Какъ только ум-

ственная почва вѣка вспахана пропагандою, совершается послѣдній актъ воплощенія идеи—*агитація*, которая часто ведетъ счастливыхъ смѣльчаковъ побѣдною дорогою на самую вершину правительственнаго Капитолія, гдѣ и кончается задача идеи, въ смыслѣ политическаго продукта. Мотивированныя мнѣнія и инстинкты, отлитые пропагандою въ идеалы, дѣлаются законопроектами и поступаютъ въ вѣдѣніе второго политическаго фактора—правительства. Служа посредникомъ между идеею и правомъ, интеллигенціею и гражданствомъ, правительство исправляетъ функцію согласующаго движенія мозжечка. Оно есть органъ общественный, преимущественно эстетическій. Оно подраздѣляется на три подъ-органа, соотвѣтствующіе той же тройцѣ психическихъ способностей или дѣятельностей, теоретической, практической и эстетической; а именно: на *законодательство, судъ* и *администрацію*. Всѣ три подъ-органа имѣютъ дѣло съ правомъ; ихъ функціи—правоопредѣленіе, правосудіе и правленіе. Спрашивается: что же такое *право?* На этотъ вопросъ авторъ даетъ отвѣтъ столь, повидимому, циническій, столь противный всѣмъ общимъ мѣстамъ и возвозимымъ въ аксіомы положеніямъ современнаго либерализма, что это опредѣленіе не можетъ не вызвать многочисленныхъ протестовъ. Становясь на точку зрѣнія Прудона въ наименѣе популярномъ изъ его сочиненій: «La guerre et la paix», г. Стронинъ утверждаетъ, что споконъ-вѣку и донынѣ право было и будетъ одно: право кулачное, право сильнѣйшаго. Онъ уничтожаетъ работу Гуго Гроція и его послѣдователей, работавшихъ три вѣка надъ тѣмъ, чтобы заковать въ кандалы чудовище—войну, чтобы обратить физическую силу въ рабыню божественной метафизической идеи права. Г. Стронинъ обожаетъ войну, дѣлаетъ ее органомъ величайшей и превыше всѣхъ другихъ стоящей международной справедливости. Сущность этой позитивистической переработки правовѣдѣнія заключается въ слѣдующемъ:

Въ началѣ исторіи приказывалъ, господствовалъ, распоряжался другими, значитъ, издавалъ законы тотъ, кто былъ физически сильнѣе. Физическая сила доставляла обладающему ею довольство и досугъ, много вещей и рабовъ. Освобождая отъ необходимости физическаго труда, богатство породило науку и искуство. Богатство и знаніе замѣнили собою отчасти и физическую силу, потому что открыли возможность заимствовать ее у другихъ, пользоваться ею какъ орудіемъ. Соединенные элементы силы, богатства и знанія составляютъ всю суть и основаніе всякой прежней и будущей аристократіи, то-есть, господствующаго сословія, опредѣляющаго права, издающаго законы въ своемъ интересѣ. Современемъ массы народа обогащались и раздобылись средствами; полагаясь на свою цѣпкость и численное превосходство, онѣ завладѣвали властью, передѣлывали кодексы, дѣлались участниками права сильнѣйшаго, посредствомъ своихъ выборныхъ делегатовъ. Случалось иногда, что власть была переносима въ среду, которая не обладала ни знаніемъ, ни богатствомъ, напр., въ 1848 г., во Франціи, посредствомъ введенія suffrage universel, но подобный переносъ никогда не удавался и приносилъ пользу одной только тиранніи. Право не перестало быть правомъ сильнѣйшаго; законъ положительный не измѣнилъ и нынѣ своей природы, онъ обязателенъ подъ страхомъ принужденія, наказанія. Даже и въ самой Англіи министръ не потому не нарушаетъ конституціи, что не желаетъ возбуждать противъ себя общественнаго мнѣнія, но потому, что ему пришлось бы жутко отъ примѣненія къ нему argumenti baculini. Если когда-нибудь народы перестанутъ воевать, такъ это потому, что можно будетъ напередъ разсчитывать побѣду, какъ можно разсчитать въ Англіи послѣдствія наложенія податей, неразрѣшенныхъ парламентомъ. Когда агитація сдѣлала свое дѣло, и большинство въ господствующемъ состояніи убѣдилось, что его интересъ требуетъ осуществленія извѣстнаго идеала, тогда начинаетъ

дѣйствовать первый—законодательный подъ-органъ правительства, который расширяетъ или съуживаетъ этотъ идеалъ, примѣняя его ко всѣмъ условіямъ настоящаго и прошедшаго. Въ выработкѣ законопроекта принимаютъ участіе особыя правительственныя коллегіи, комиссіи, потомъ онъ переработывается еще разъ въ еще большихъ собраніяхъ, парламентахъ, сеймахъ, государственныхъ совѣтахъ, наконецъ, онъ окончательно утверждается и дѣлается обязательнымъ закономъ. Какъ будетъ исполняемъ этотъ законъ, добровольно или понудительно? Въ томъ главный вопросъ, въ томъ источникъ всѣхъ будущихъ его нарушеній, значитъ, источникъ необходимости суда и наказанія. Откуда проистекаетъ преступленіе? Отъ свободной воли человѣка—отвѣчаютъ богословы, психологи старой школы и почти всѣ криминалисты; но есть и возражатели, которые, замѣтивъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что въ причинахъ дѣйствій—мотивахъ есть строгая послѣдовательность и правильность, отвергаютъ свободу воли; эта свобода, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ оптическій обманъ чувства психическаго зрѣнія, самообольщеніе самосознанія. Г. Стронинъ обходитъ вопросъ о свободѣ воли, хотя лично онъ весь на сторонѣ ея противниковъ, и строитъ все уголовное право на слѣдующемъ фундаментѣ, который на этотъ одинъ разъ оказывается непсихологическимъ. Законъ никогда не выражаетъ собою общественное мнѣніе всего народа, онъ только мнѣніе сильнѣйшаго, то-есть большинства въ господствующемъ классѣ. Часто законъ не только не соотвѣтствуетъ даже и этому-то мнѣнію, но поставленъ въ противность ему и наперекоръ. Если бы законъ и совершенно совпадалъ съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ можетъ расходиться съ жизнью, съ законами отправленій общественнаго организма, потому что общественное мнѣніе есть прежде всего мнѣніе господствующей партіи, а партіи руководимы слѣпыми инстинктами и ошибаются даже и тогда, когда мотивируютъ свои убѣжденія.

Сообразимъ еще пестроту состава общества, историческія наслоенія въ немъ, неравномѣрность просвѣщенія, ума, привычекъ въ этихъ слояхъ; тогда мы поймемъ, что полнѣйшая правда закона всегда относительна, или что есть еще правда самой жизни, что эта правда закона неприложима ко множеству конкретныхъ отношеній и случаевъ. Допустимъ, что законы писанные идеально хороши, что законодательство идетъ въ уровень съ общественнымъ мнѣніемъ, что общественное мнѣніе руководствуется наукою, то-есть открытыми уже и логически осмысленными законами организма, однако статистика занесетъ многія преступленія въ свои лѣтописи, и отдѣльное лицо будетъ все-таки протестовать противъ указовъ общества, даже самыхъ раціональныхъ, даже такихъ, какъ, напримѣръ: не убивай, не похищай, не поджигай! Можно уменьшить до minimum'а, но нельзя вполнѣ устранить несогласія положительнаго закона съ общественнымъ мнѣніемъ, мнѣнія съ правилами развитія организма, то-есть съ правдою, наконецъ, самой правды съ настоящею дѣйствительною жизнью, которая только отражается въ правдѣ науки, какъ въ зеркалѣ. Отсюда роковая необходимость *суда* и *наказанія*, во внутреннихъ и войны во внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Ежеминутно падающій вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ законъ долженъ быть ежеминутно возстановляемъ и поднимаемъ посредствомъ слѣпой силы, принужденія, реакціи со стороны возмущающихся преступленіемъ юридическихъ инстинктовъ общества. Неразуміе юридическаго судебнаго инстинкта въ обществѣ столь же очевидно, какъ очевидны недостатки всякаго положительнаго закона, однако ему нельзя проявляться иначе, нѣтъ у общества иного средства противодѣйствовать нарушенію закона, и изъ двухъ золъ это зло еще лучшее. Соціологія возникаетъ только теперь, а жизнь течетъ изъ вѣка въ вѣкъ и всегда должна была, немедля и не входя въ причины событій, разрѣшать труднѣйшіе вопросы о «моемъ» и «твоемъ»,

о «должномъ» и «недолжномъ». Ей не приходилось сложа руки ждать, ничего неопредѣляя, отказываясь отъ власти, давать волю страстямъ массы, готовой всегда прибѣгнуть къ жестокому насилію. Во всякомъ случаѣ лучше разрубить затрудненіе кое-какъ, обогнать фактъ, подставивъ теорію, опереться на догадкѣ и издать законъ, поддерживаемый судомъ и подлежащій усовершенствованію. Притомъ въ судѣ—подъ-органѣ правительства, нелишенномъ значительной доли интеллигенціи, инстинктъ правосудія бываетъ всегда двойной, состоящій изъ двухъ стремленій: одного къ осужденію, наказанію, другого—къ помилованію, примиренію, прощенію. Дѣйствіе преступника можетъ быть и не вмѣнено ему, не поставлено ему въ вину. Очищеніе отъ вины покупалось тогда на деньги, нынѣ оно выкупается заслугами, возрастомъ, вреднымъ вліяніемъ среды, вообще стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Функція суда срединная, центральная; достойнѣйшую ея часть всегда составляла царственная прерогатива помилованія. Продуктъ суда—*правосудіе*, не то безусловное, измышленное философами, но реальное, состоящее въ уравненіи дѣянія съ подлежащимъ закономъ, то-есть съ тѣмъ правомъ сильнѣйшаго, въ которомъ окопались, точно въ крѣпости, соединенные союзники: сила физическая, богатство и знаніе. Судъ есть гарнизонъ этой крѣпости и исполняетъ свою обязанность, мало заботясь о психическихъ цѣляхъ наказанія, устрашенія, предупрежденія, исправленія, которыя не суть ни причина, ни источникъ суда.

Что̀ въ обществѣ судъ и приговоръ, то въ международныхъ отношеніяхъ война и побѣда. Войнѣ присущи тотъ же драматизмъ, какъ и судебному процессу, тѣ же стремленія къ осужденію и извиненію, такъ же точно какъ и въ процессѣ вѣсы побѣды склоняются къ тому, кому благопріятствуютъ сила, богатство и знаніе. Сходство между судомъ и войною поразительное, но судъ былъ безмѣрно идеализированъ общественнымъ

мнѣніемъ; ради красиваго узора достойныхъ и мягкихъ формъ судоговоренія оно забываетъ про грубую канву, на которой шитъ узоръ, между тѣмъ какъ война есть та же канва, но обращенная къ намъ изнанкою съ рваными концами шелку и шерсти. Война требуетъ страшныхъ приготовленій, богатства, экономіи, организаторскихъ способностей, духа единенія народа съ войскомъ—патріотизма. Всякая армія есть двойной экстрактъ народа и государства. Въ войнѣ высшая организація всегда побѣждаетъ низшую, причемъ, конечно, побѣда идетъ въ прокъ человѣчеству.

Третій подъ-органъ правительства—*администрація*, посвященъ поддерживанію права, исполненію закона. Г. Стронинъ умалчиваетъ о томъ, что въ кругъ ея вѣдомства входитъ попеченіе о благосостояніи гражданъ, посредствомъ банковъ, учрежденій земледѣльческихъ, промышленныхъ, коммерческихъ и содѣйствіе развитію просвѣщенія посредствомъ школъ; онъ пропускаетъ всю ту благотворную дѣятельность, посредствомъ коей администрація связана множествомъ звеньевъ съ экономическою жизнью народа и вліяетъ на ходъ этой жизни. Ограниченная однимъ исполненіемъ существующихъ законовъ, тощая и обрѣзанная, администрація походитъ на челнокъ въ рукахъ ткача; она снуетъ ежеминутно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, внѣдряя въ общество законы популярные безъ суда, непопулярные при помощи суда, или доводя до правительства результаты своихъ наблюденій, поставляя его въ извѣстность о несходствѣ жизни съ предписаніями закона, а также указывая законодательству на факты жизни, непредусмотрѣнные закономъ. Такимъ образомъ, конецъ дѣятельности администраціи стекается съ началомъ дѣятельности законодательства, и всѣ три функціи правительства образуютъ непрерывный кругъ. Онѣ и дополняютъ взаимно одна другую. Если законъ устарѣлъ или ретрограденъ, судъ съузитъ или расширитъ его посредствомъ искуснаго толкованія. Судъ регулируетъ также и адми-

нистрацію, оставляя безъ послѣдствій ея иски, оказывающіеся несостоятельными, или привлекая ее къ отвѣтственности; законодательство можетъ ежеминутно перестроить и администрацію и судъ.

«Политика» г. Стронина кончается теоріею функцій *гражданства*, то-есть той густой массы, которой не проникаетъ сплошь ни одна идея, въ которую всякій законъ внѣдряется медленно и съ трудомъ, но изъ которой ни одного разъ усвоеннаго предмета нельзя исключить безъ того, чтобы онъ не оставилъ многочисленныхъ корешковъ. Гражданство есть преимущественно сила физическая и экономическая, а не политическая, это матерія, приводимая въ движеніе интеллигенціею посредствомъ правительственныхъ аппаратовъ. Она не дѣлится въ политическомъ отношеніи ни на какіе органы и всѣ ея функціи крайне просты и элементарны и состоятъ въ *привычкѣ* и *отвычкѣ*. Вгоняя въ народъ новыя права и обязанности, администрація достигаетъ того, что дѣяніе, предписанное закономъ, совершается наконецъ безсознательно, автоматически, что оно обращается въ рутину, въ нравъ, вторую природу человѣка. Какъ только человѣкъ усвоилъ себѣ этотъ нравъ, какъ только онъ его возлюбилъ, то тотчасъ же этотъ нравъ освѣщается лучемъ красоты, эстетическаго творчества и отливается онъ въ обрядъ, обычай. Подвинутый еще на одну ступень, изъ области поэзіи въ область чистаго мышленія, нравъ изъ обычая превращается въ *преданіе*, святыню народа, замѣняющую ему не разъ науку и служащую неистощимымъ родникомъ, изъ котораго интеллигенція почерпаетъ свои идеи. Такимъ образомъ опять и въ послѣдній разъ мы видимъ, что жизнь вращаетъ исполинскимъ колесомъ: интеллигенція беретъ изъ преданія идеи, которыя, бывъ крещены духомъ вѣка, претворяются сначала въ права, а потомъ въ обычаи и преданія. Скоро-ли и какимъ образомъ совершается полный круговой оборотъ идей, правъ, преданій и опять идей?—на эти вопросы «Политика» даетъ только самые общіе, приблизительно точные отвѣты.

Изъ всѣхъ продуктовъ политической жизни самые разрѣженные и, такъ сказать, газообразные суть идеи; гораздо плотнѣе права, которыя можно назвать жидкими продуктами жизни, и всего плотнѣе и тверже — нравы. Идеи блещутъ всѣми цвѣтами радуги: гдѣ ихъ много, тамъ игра этихъ цвѣтовъ порождаетъ оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго наблюдателю кажется, что политическая жизнь богата и полна, а между тѣмъ она можетъ быть бѣдна, можетъ произращать одни пустоцвѣты безъ сѣмянъ. Франція импонировала такимъ мнимымъ богатствомъ гуманнѣйшихъ идей, пока не убѣдились, что само накопленіе этихъ идей есть болѣзненный признакъ въ организмѣ, который былъ весьма даровитъ, но истощился отъ всякаго рода излишествъ; что этому накопленію идей соотвѣтствуетъ страшная рутина практики, потому что нѣтъ возможности мѣнять ежегодно и даже ежедневно свои законы, а тѣмъ болѣе нравы. Быстрое движеніе и частое измѣненіе законовъ не можетъ быть также несомнѣннымъ показателемъ высоты развитія общества; вспомнимъ только несмѣтное количество нашихъ бумажныхъ реформъ, начиная съ Петра Великаго, изъ коихъ немногія оказали вліяніе на измѣненіе основъ политической жизни, поражающей своею худобою, и только недавно начавшей наполняться болѣе обѣщающимъ содержаніемъ. Настоящее мѣрило народнаго развитія — это нравы народа, которыхъ нельзя заимствовать извнѣ, но необходимо самому выработать, послѣ чего они могутъ существовать цѣлые вѣка, несмотря ни на какія усилія, направленныя къ разложенію ихъ со стороны законодательства, при содѣйствіи ему даже и физической силы. Нравы суть продукты политическіе, всего болѣе децентрализованные, но и они распространены неравномѣрно и не по всему обществу. Есть обычаи, которые отъ начала міра не проникли до сихъ поръ въ низшіе слои общества, есть преданія преходящія и ломкія, свойственныя одной только аристократіи, то-есть, тому классу общества, который всего склоннѣе къ новизнамъ,

и который въ своей погонѣ за новизнами готовъ совсѣмъ оторваться отъ тяжелыхъ на подъемъ народныхъ массъ. Эти соображенія приводятъ автора къ уразумѣнію великаго значенія *средняго состоянія*, связывающаго верхъ и низъ общества, состоянія умѣренно прогрессивнаго, хранящаго преданія, но воспріимчиваго также къ идеямъ. Круговой оборотъ продуктовъ въ жизни политической бываетъ всегда пропорціоналенъ величинѣ общества, его массивности. Коренной недостатокъ всякаго громаднаго организма заключается въ томъ, что онъ развивается страшно медленно и требуетъ много времени на выработку идей, законовъ и преданій. Это и заставляетъ автора признать относительное превосходство *федерализма*, какъ такой именно формы, которая, при всей громадности цѣлаго, даетъ возможность крови обращаться быстрѣе въ каждомъ изъ членовъ этого цѣлаго.

IX.

Возрастаніе средняго состоянія и федерализмъ—таковы два окончательные вывода, которыми г. Стронинъ заключаетъ свою теорію, и два пожеланія, которыми онъ напутствуетъ свою книгу, отдавая ее на судъ общественнаго мнѣнія. Книга изобилуетъ оригинальными взглядами, неожиданными и поразительно новыми сопоставленіями и сравненіями, но есть въ ней порядочная доза недоказаннаго и страннаго. Оставляя въ сторонѣ мелочи, постараемся формулировать болѣе крупныя возраженія, которыя можно сдѣлать почтенному труду.

Взявъ въ руководство методъ аналогики, г. Стронинъ строитъ систематическія догадки; предположивъ, что всякій законъ космическій повторяется и въ біологіи и въ соціологіи, онъ сталъ примѣнять законы пространства, геометрическія аксіомы къ тому, что лишено пространства, къ явленіямъ духа общественнаго. Онъ открылъ стройныя подобія, составилъ чудовищный атласъ, негодящійся къ употребленію, совсѣмъ не воспользовав-

шись притомъ богатымъ запасомъ матеріаловъ, собранныхъ исторіею или такъ называемою имъ эмпирическою обсерватикою историческихъ событій. Г. Стронинъ не исполнилъ обязательствъ, взятыхъ имъ на себя въ «Исторіи и Методѣ»; онъ ничѣмъ не подтвердилъ на опытѣ правильности своего взгляда на мѣсто, которое по его началамъ должна занимать психологія. Куда дѣвать психологію? По этому вопросу, составляющему яблоко раздора въ лагерѣ позитивистовъ между Литтре и Д. Ст. Миллемъ, г. Стронинъ высказался такимъ образомъ, что психологія слѣдуетъ за соціологіею и есть послѣдняя наука, значитъ, что соціологію можно построить не прибѣгая къ помощи психологіи. Оказалось на опытѣ, что это невозможно. Уже въ біологическомъ процессѣ общества г. Стронинъ двояко объясняетъ смерть обществъ, біологически и психологически: доведеніемъ до конца работы скрещиванія породъ и исчерпаніемъ общественныхъ идеаловъ. Оба рѣшенія не только лишены всякой раціональной связи, но они и не совпадаютъ одно съ другимъ. Исторія изобилуетъ примѣрами народовъ, скончавшихся либо отъ недостатка въ идеалахъ, либо отъ другихъ вполнѣ естественныхъ причинъ, гораздо прежде, нежели смѣшались ихъ племенные элементы, гораздо прежде, чѣмъ выработался, а можетъ быть и потому, что недовольно скоро выработался у нихъ одинъ общій типъ отъ скрещенія составныхъ элементовъ (Финикія, Карѳагенъ, древняя Персія). Замѣтимъ мимоходомъ, что, вводя въ біологическій процессъ новый факторъ—идеалы, авторъ долженъ былъ формулировать законъ ихъ образованія и отживанія, чего онъ не сдѣлалъ. Въ соціологическомъ процессѣ г. Стронинъ основалъ все начало соединенія и раздѣленія труда на психологическихъ понятіяхъ о цѣли и средствахъ. Наконецъ въ политическомъ процессѣ авторъ раздѣлилъ факторы жизни политической на подобіе функцій души: разума, чувства и воли.

Остановимся на минуту на біологическомъ процессѣ. Началомъ и причиною застоя, послѣ котораго наступаетъ

сначала упадокъ, а потомъ и смерть общества, авторъ считаетъ неудовлетвореніе общественной потребности, которая или изуродовала организмъ, замолкая, атрофируясь, или истощила его, потрясая его революціями. Это объясненіе не вполнѣ согласно съ понятіемъ объ обществѣ, какъ объ организмѣ, который долженъ старѣться, хотя бы никогда не хворалъ, хотя бы ни одна его органическая потребность не была подавлена. Изъ положеній автора надлежало бы заключить, что такой совершенно правильно развивающійся организмъ пользовался бы даромъ, похожимъ на безсмертіе, однако это немыслимо, потому что всякій организмъ кончается, даже и безъ болѣзни, причемъ можно сильно поспорить, имѣетъ ли односторонность развитія такую непосредственную связь съ недолговѣчностью, какую предполагаетъ авторъ. Есть односторонніе и увѣчные организмы между людьми, которые доживаютъ почти до Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Къ этому же ложному выводу о безсмертіи мы можемъ придти еще другимъ путемъ: ничто не препятствуетъ народу обновлять до безконечности свои идеалы, то-есть получать все новыя и новыя впечатлѣнія отъ окружающей среды, образовать изъ нихъ понятія и наряжать эти понятія въ чувственныя формы. При некончающейся во всю жизнь впечатлительности организма не можетъ быть окончательнаго исчерпанія всѣхъ идеаловъ безъ остатка, развѣ пришлось бы допустить, что поражены параличемъ вдругъ окончательно всѣ нервы ощущеній, то-есть вся интеллигенція народа.

Начало и конецъ стадіи прогресса опредѣлены далеко не точно, еще бóльшая путаница выходитъ съ разграниченіемъ застоя и регресса. Остроумная догадка о воскресеніи народныхъ идеаловъ виситъ на воздухѣ, ничѣмъ неподтвержденная, недоказанная. Нельзя серьезно относиться къ такой діалектической игрѣ понятіями, какую представляетъ предположеніе, что римскій цезаризмъ есть поворотъ Рима назадъ къ временамъ Тарквинія и тому под.; наоборотъ, можно доказать против-

ное, а именно, что народы сильно прогрессирующіе углублялись иногда въ свое историческое прошедшее для извлеченія оттуда народныхъ преданій, необходимыхъ для разрѣшенія задачъ современности. Обращеніе народа къ своей исторіи для заимствованія оттуда идеаловъ не есть непремѣнный показатель регресса; напротивъ того, оно можетъ иногда служить доказательствомъ крѣпости организма, который при выработкѣ понятій изъ впечатлѣній поочередно то хватаетъ и присвоиваетъ себѣ чужое, то отворачивается съ омерзеніемъ отъ чужаго и пытается выводить все содержаніе своей жизни изъ исключительныхъ особенностей своей личности. Эти два поочередныя стремленія, одно къ космополитическимъ рукожатьямъ и объятіямъ, другое къ уединенію, къ дикому возлюбленію самого себя, съ пожертвованіемъ всего патріотизму, вызываютъ появленіе волнообразной линіи акцій и реакцій едва ли не въ бо́льшей степени, нежели фактъ соединенія и раздѣленія труда, положенный авторомъ въ исключительное основаніе акцій и реакцій. Вся эта глава о соединеніи и раздѣленіи труда была бы согласна съ истиной, если бы развитіе организма было только внутреннее, если бы оно совершалось, такъ сказать, подъ воздушнымъ колоколомъ, безъ всякаго вліянія окружающей среды, которое иногда мѣшаетъ развитію, а иногда служитъ могущественнѣйшимъ стимуломъ и производитъ совершенный поворотъ не только въ чувствахъ, но и въ самыхъ понятіяхъ. Патріотизмъ есть громадная скрытая сила, которая освобождается, превращается въ живую и пылаетъ только въ короткія минуты борьбы и опасности. Тогда-то и совершаются мгновенно такія перемѣны, такія акціи и реакціи, которыхъ объясненія напрасно бы мы искали въ мѣрныхъ движеніяхъ общественнаго сложенія и разложенія, анализа и синтеза.

Въ политическомъ процессѣ г. Стронинъ является психологомъ, но психологомъ одностороннимъ и неполнымъ. Неизвѣстно, куда у него дѣвались функція чув-

ства, аффекты простые и превратившіеся отъ повторенія въ привычки, то-есть, страсти? Изъ всѣхъ чувствъ выдѣлено одно—эстетическое, и приписано правительству, а въ правительствѣ особенно войнѣ и суду. Несомнѣнно, что процессъ чувства есть самый темный и сложный вопросъ современной психологіи, но безъ него нельзя себѣ объяснить, почему общество откликается только на нѣкоторыя идеи вѣка и отвращается отъ остальныхъ, почему изъ громаднаго запаса мертваго знанія оно выбираетъ тѣ, а не другія идеи, которыя и становятся ферментомъ, живыми политическими идеалами. Нельзя также объяснить и образованіе политическихъ партій—явленіе, которое исключено авторомъ безъ всякаго повода изъ политическаго процесса съ перенесеніемъ его въ соціологическій, гдѣ оно совсѣмъ неумѣстно соединено съ началомъ соединенія и раздѣленія труда. Политическія партіи суть факторы, которыхъ произведеніемъ является само правительство. Совокупность всѣхъ партій и составляетъ гражданство, не то пассивное и сгущенное въ одну безформенную массу, какимъ оно представляется автору, но раздѣленное на отряды, знающее наизусть свои преданія, чуткое на кличъ интеллигенціи и вліяющее такимъ образомъ на историческія судьбы общества. Хотя бы нѣкоторые, или даже и всѣ классы народа не обладали правами политическими, ихъ настроеніе и сочувствіе производятъ сильнѣйшее давленіе на правительство. Если бы г. Стронинъ былъ болѣе основательный психологъ, то онъ не поражалъ бы насъ своимъ одностороннимъ и грубымъ натурализмомъ, мѣтко схватывающимъ инстинкты, но не оставляющимъ почти мѣста въ жизни сознательной идеѣ; отъ него ускользаетъ весь переходъ инстинкта въ идею. По его мнѣнію, политическія партіи, какъ были слѣпыя, дѣйствующія по инстинкту, такъ такими и навсегда останутся. То же можно бы сказать и о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, однако извѣстно, что въ зрѣломъ возрастѣ человѣка и общества разсудокъ беретъ верхъ надъ аффек-

тами и инстинктомъ, и что бывали политики, предводители партій, которые математически вѣрно разсчитывали будущія событія, значитъ, что и въ политикѣ не вездѣ и не для всѣхъ инстинктъ служитъ единственнымъ проводникомъ. То же можно сказать и о судебномъ инстинктѣ. Г. Стронинъ думаетъ, что онъ совсѣмъ покончилъ съ уголовнымъ правомъ, указавъ на его первоначальный источникъ—инстинктъ, но на инстинктѣ нельзя ничего построить, даже если допустимъ, что этихъ инстинктовъ два: одинъ, клонящійся къ суровости, и другой къ смягченію. Изъ инстинкта нельзя вывести систему наказанія, а такъ какъ умъ нашъ ищетъ раціональной системы наказанія, то онъ берется по необходимости за изученіе послѣдствій, вытекающихъ изъ наказанія, какъ для общества, такъ и для самого преступника, значитъ, прибѣгаетъ къ психологіи. Въ своемъ источникѣ право есть несомнѣнно порожденіе силы и вѣрнѣйшее отраженіе господства силы, богатства и знанія, но дальнѣйшая переработка его обществомъ, толкованіе, приложеніе и обобщеніе видоизмѣняютъ это право, безъ всякаго переноса власти изъ класса въ классъ, и даже среди глубокаго застоя. Эти вліянія растягиваютъ право, подкладываютъ подъ первобытное и грубое проявленіе воли самыя умныя и тонкія предположенія и теоріи, такъ что оно переполняется совсѣмъ новымъ содержаніемъ и дѣлается чѣмъ-то совершенно отличнымъ отъ прежняго. Безъ всякой перемѣны въ законѣ, отношенія общественныя, нравственныя и юридическія дѣлаются нѣжнѣе, мягче, что̀ и подмѣтили древніе и средневѣковые писатели, и что они приписывали изнѣженности, какъ послѣдствію долгаго мира. Это постепенное размягченіе суроваго обычая, эта гуманность, выдѣляющаяся вслѣдствіе долгаго общежитія и просачивающаяся безсознательно въ практику и въ толкованіе закона, хотя бы буква закона была самая суровая, составляютъ то, что̀ у Стронина представлено вторымъ подъ-видомъ судебнаго инстинкта, стремленіемъ

къ невмѣненію. Мы уже указали на то, что авторъ страшно обрѣзалъ администрацію, исключивъ изъ нея вліяніе на экономію общества полицейскихъ и финансовыхъ установленій, искусно завѣдуемыхъ администраціею. Въ книгѣ г. Стронина ощущается вообще недостатокъ теоріи взаимнодѣйствія процессовъ экономическаго и политическаго. Авторъ догадывается, что всякій шагъ впередъ экономическій вызываетъ новый шагъ впередъ политическій, и что общество движется точно человѣкъ, на ходу дѣйствующій поочередно обѣими ногами. Эта истина брошена въ видѣ остроумнаго сравненія, но не развита съ надлежащею обстоятельностью.

Мы покончили съ общею частью труда г. Стронина, съ его теоріею; но въ книгѣ есть еще двѣсти страницъ, посвященныхъ спеціально Россіи; къ этому-то эпилогу намъ придется теперь обратиться.

X.

Создавъ посредствомъ дедукціи систему политики, которой анатомическая или статическая часть весьма слаба, а динамическая исполнена догадокъ, требующихъ подтвержденія, г. Стронинъ долженъ бы былъ провѣрить свои теоріи на дѣлѣ, то-есть начертить исторію человѣчества или какой-либо части человѣчества, извѣстной группы народовъ, или хотя-бы одного народа и доказать, что человѣчествомъ или народомъ пройдены всѣ тѣ процессы, которые составляютъ содержаніе «Политики». Безъ историческаго труда, который обѣщанъ г. Стронинымъ, его теорія виситъ на воздухѣ и остается блистательнымъ фейерверкомъ. Но нетерпѣливое его желаніе перейти тотчасъ къ практическимъ результатамъ столь велико, и увѣренность въ непреложности предугаданныхъ и неповѣренныхъ законовъ столь сильна, что̀, отложивъ представленіе доказательствъ, онъ нынѣ же задается мыслью дать на основаніи началъ своей политики діагностику и прогностику сегодняшней Россіи,

иными словами, сдѣлавъ скачекъ изъ науки въ искусство, онъ берется по фактамъ текущей политики опредѣлить возрастъ, степень и особенности развитія Россіи и предсказать ея судьбы, формулировать какъ ближайшее будущее, такъ и самое отдаленное. Всякому свойственно гадать о будущемъ, но иное дѣло угадывать, иное же дѣло знать будущее и предрѣшать его вѣщимъ духомъ во имя науки, на основаніи законовъ, выведенныхъ изъ прошедшаго. Эта титаническая задача не была по силамъ ни одной философіи исторіи, едва-ли она удалась и г. Стронину. Послѣднія 200 страницъ его книги, посвященныя Россіи, конечно весьма пикантны, онѣ прочтутся съ любопытствомъ даже тѣми людьми, которые не одолѣютъ его теоріи; на этихъ страницахъ выводятся люди близко знакомые, затрогиваются свѣжія раны, изъ которыхъ еще сочится кровь, и высказываются смѣло, а порою и рѣзко, прочувствованныя многими изъ насъ задушевныя думы, еще не обратившіяся въ былое, изображается наглядно живая дѣйствительность настоящей минуты. Строго-научнаго мало въ этихъ опредѣленіяхъ и предсказаніяхъ, по всей вѣроятности немногимъ больше, чѣмъ въ предсказаніяхъ старинныхъ календарей о погодѣ на грядущій годъ. Вѣроятности выводовъ препятствуетъ то, что въ основаніяхъ заключеній настоящіе факты перемѣшаны съ гражданскими убѣжденіями автора, то-есть что авторъ въ законы русской политики возводитъ чувства, его одушевляющія, которыя онъ желалъ бы видѣть руководящими будущностью отечества. Таковы, напримѣръ, его теорія русскихъ завоеваній, оставляющихъ будто-бы неприкосновенными своеобразности инкорпорируемыхъ земель; таковы его идеи о сплоченіи въ единицы цѣлыхъ расъ человѣчества, о панславизмѣ и паневропеизмѣ подъ русскимъ знаменемъ, о славянско-русской политикѣ, съ точки зрѣнія которой славянскій съѣздъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 1867 г. представляется чуть-ли не міровымъ событіемъ и началомъ новой эры (стр. 492). Увлеченіе

г. Стронина своими идеями столь велико, что въ будущей возможной германско-славянской борьбѣ онъ предлагаетъ, какъ средство одолѣть противниковъ нравственнымъ превосходствомъ, введеніе воинскаго чиноначалія по выборамъ (485) и предрекаетъ открытіе въ тактикѣ такого клинообразнаго построенія войскъ, по закону разсѣченія среды остроконечіями, которое дастъ опять перевѣсъ холодному оружію надъ огнестрѣльнымъ. Подобные прогностики могли бы смѣло стать наряду съ самыми фантастическими предвѣщаніями знаменитаго Фурье. Г. Стронинъ мыслитель весьма радикальный, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ человѣкъ сердечный и патріотъ до мозга костей, пропитанный преданіями національной исторіи, которыя такимъ образомъ укладываются съ радикализмомъ, что самымъ радикальнымъ выходитъ у него непремѣнно и почти всегда завѣтное національное: и предполагаемое имъ соединеніе всѣхъ христіанскихъ церквей въ младшей изъ нихъ—православіи, и соединеніе всѣхъ славянъ въ самомъ младшемъ племени—русскомъ, и соединеніе всей Европы подъ началомъ ославянившейся Россіи, словомъ, осуществленіе на радикальной канвѣ славянофильскаго идеала, съ тою только разницею отъ московскаго славянофильства, что оно гуманнѣе, безобиднѣе; что оно ведетъ не къ съѣденію и переваренію всей славянщины, а потомъ пожалуй и Европы, здоровымъ великороссійскимъ желудкомъ, но клонится къ тому, чтобы каждой особи славянской и даже не-славянской, дать мирно жить въ нѣдрахъ гигантскаго государства, допускающаго величайшее разнообразіе частей. Хотя за взглядами г. Стронина мы не признаемъ научности, тѣмъ не менѣе они остроумны, глубокомысленны и заслуживаютъ того, чтобы быть принятыми, если не къ руководству, то по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію; вотъ почему мы постараемся передать вкратцѣ ихъ содержаніе.

XI.

Никогда и нигдѣ—въ такомъ родѣ разсуждаетъ г. Стронинъ—за исключеніемъ Новаго Свѣта—Сѣверной Америки, не было еще демократизма подобнаго твоему, мужицкое государство съ 55 милліонами на 80 землевладѣльцевъ. И чтó въ сравненіи съ этою колоссальною гущею наша буржуазія изъ какихъ-нибудь 500 т. человѣкъ, подраздѣляющаяся еще притомъ на два непохожіе одинъ на другой пласты. Одинъ пластъ, крупной буржуазіи, еврейско-нѣмецкій, полипомъ вросъ въ общественное тѣло, захватилъ коммерцію, биржу, а отчасти и оффиціальную или такъ-называемую академическую науку; другой пластъ—мелкой буржуазіи, отдѣленный отъ аристократіи нѣмецко-еврейской стѣной, тоже мужичій, только побогаче; онъ плаваетъ въ демократизмѣ какъ въ своемъ соку и не выработалъ да и не выработаетъ никогда буржуазнаго духа узкаго расчета, довольства малымъ, умѣренности. Столь-же насквозь демократична и интеллигенція русская отъ основанія вплоть до самой вершины общественнаго конуса. Въ одномъ изъ ея факторовъ—религіи, духовенство выросло все изъ народа и только во времена монгольскія пополнялось аристократіею, которая потомъ перестала въ него опускаться. Кромѣ этого духовенства имѣется еще своя особая интеллигенція, вполнѣ самородная и простонародная, выросшая какъ ягода въ лѣсу и неимѣющая себѣ ничего подобнаго—это расколъ. Въ другомъ факторѣ—наукѣ, корку академическую нѣмецкаго наслоенія пробивали съ Ломоносова головами своими недюжинные люди, всѣ почти кровные демократы. Въ одномъ только искуствѣ аристократія приняла участіе съ честью и славою (Пушкинская плеяда), но далеко не вся. Г. Стронинъ допускаетъ двѣ русскія аристократіи: одну по образцу монголовъ, хуже и ниже всякаго вельможества, и другую, по образцу Европы, которая отличается тѣмъ, что, оставаясь аристократіею

по крови, братается по духу съ демократизмомъ; процѣдившись сквозь демократическій фильтръ въ церкви, въ школѣ, въ русской конструкціи жизни, она не только прогрессивнѣе всякой аристократіи въ Европѣ, не исключая англійской, но, въ ущербъ своимъ интересамъ, она столь-же по духу радикальна, какъ и самый отъявленный демократизмъ. «Аристократизма мы не знали, говоритъ авторъ, въ другихъ формахъ, какъ невѣжественныхъ» (355), а такъ какъ жизнь сложилась такимъ образомъ, что и буржуазности намъ не видать, то намъ остается только нашъ демократизмъ, который мы должны пронести дальше, сдѣлать и просвѣщеннымъ, и сознательнымъ. Къ тому же результату приводитъ изученіе государства въ пространственномъ отношеніи по горизонтальному разрѣзу. Наша малая сравнительно съ объемомъ государства столица пять разъ мѣняла мѣсто, и усѣлась на дальнемъ сѣверѣ, на самой периферіи государства; наши расползающіеся во всѣ стороны города похожи на деревни, но за то села безподобны по своей густотѣ, по плотности, по объему. Никогда тебѣ не сравняться ни съ Англіею и Франціею, странами великихъ столицъ, ни съ Германіею, буржуазнымъ міромъ городовъ, о, деревенская страна, предрасположенная судьбою къ децентрализаціи, несмотря и вопреки всей нынѣшней централизаціи правительства! Залогомъ децентрализаціоннаго строя служитъ твой колоссальный объемъ все еще возрастающій, какъ катящаяся глыба снѣгу. Когда ты устоишься и почувствуешь потребность промѣнять строй пригодный для приращенія на строй наиболѣе пригодный для сохраненія, тогда и начнется разсредоточеніе съ умноженіемъ и уразноображеніемъ политическихъ органовъ, служащее показателемъ высшей организаціи.

Мы уже указывали, почему не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы долгота дней націи исключительно обусловливалась запасомъ неиспробованныхъ скрещиваній, но мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что скре-

щиванія составляютъ источникъ обновленія, и что Россія страшно богата въ этомъ отношеніи, потому что къ помѣси славянскаго съ финскимъ, образовавшей великорусское ядро катящейся глыбы, пристало почти все русское, да и многое славянское, что даже общій русскій типъ еще не установился, что любая окраина Россіи есть цѣлая этнографическая казна. Теперь близорукіе централисты сѣтуютъ на эту пестроту окраинъ, они хотѣли бы многое разомъ урѣзать и вытравить, но придетъ время, когда интеллигенція и правительство убѣдятся, что подобное отношеніе къ своему собственному цѣннѣйшему добру то же, что самоизувѣченіе себя, и постигнутъ возможность продлить жизнь и прогрессивность цѣлаго на многіе вѣка покровительствомъ помѣсямъ и случиваніемъ племенъ и сословій.

Никто въ мірѣ не оспариваетъ, и злѣйшіе враги и завистники признаютъ, что молодое созданіе еще растетъ и въ ширь, и въ высь, и въ пространство, и въ населеніе; но много лѣтъ имѣетъ оно за собою, а такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, то можно принять за вѣроятное, что уже подходитъ къ концу періодъ роста, и что чѣмъ не запаслась, чего не пріобрѣла въ смыслѣ коренныхъ качествъ нація, того уже и не видать ей. Трудъ ея жизни состоялъ въ политическихъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ, изъ которыхъ первыя преобладали надъ послѣдними. Слабость инстинкта соединенія была сначала поразительная, много времени прошло, пока образовалась первая государственная клѣточка; едва стали нарощаться на эту клѣточку роды одинъ за другимъ, какъ явилось раздѣленіе въ видѣ удѣльности, которое уничтожило почти всю работу соединенія, пока случайность внѣшняя и иго татарское не дало инстинкту соединенія рѣшительнаго перевѣса надъ инстинктомъ раздѣленія и не повело племя самое ковкое, безличное, тягучее, къ тѣмъ инкорпораціямъ, присоединеніямъ, завоеваніямъ, которыхъ конецъ впереди, потому что для автора дѣло рѣшенное: коль

скоро есть пангерманизмъ, то будетъ панславизмъ, а дальше и паневропеизмъ подъ гегемоніею Россіи. Какъ ни открещиваются всякій разъ отъ завоеванія всѣ наши партіи, идти впередъ приходится не по охотѣ, а по неволѣ, не преднамѣренно, а необходимо, подобно Вѣчному Жиду, потому что въ сердцѣ самой Европы оказываются союзники, братья, подобно чехамъ простирающіе къ намъ руки, и придется идти на Дунай и Карпаты, и за Альпы и Рейнъ, пока не дойдемъ до Атлантическаго океана.... (386). Чего-жъ жалѣть, помогай Богъ, дай только намъ побольше аппетиту на этотъ богатырскій пиръ горою! Жаль, что не обозначено приблизительно, въ какой годъ отъ Рождества Христова совершится это побѣдное шествіе до Атлантическаго океана, съ бубнами и литаврами; вѣроятно, еще не скоро, потому что если романскія племена, съ Франціею во главѣ, спустились уже книзу по дугѣ прогресса, Англія стоитъ на кульминаціонномъ пунктѣ этой дуги, а Германія подвигается вверхъ по другому концу ея, то для Россіи кульминаціонный пунктъ еще весьма далекъ (366). Искренно жаль разрушать эти милыя грезы, эти розовыя надежды, а между тѣмъ, однако, грунтъ, на которомъ онѣ построены, столь шатокъ, что онѣ не могутъ не провалиться. Основаніе ихъ состоитъ въ такомъ розовомъ, аркадскомъ представленіи у автора о завоеваніяхъ вообще и русскихъ въ особенности, которое никакъ и ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности. По мнѣнію г. Стронина, соединенія романскія отличались быстротою, порывистостью, грандіозностью и непрочностью (Карлъ Великій, Иннокентій III, Карлъ V, Наполеонъ I). Германскія—совершались настойчиво, преемственно, клонились къ совершенному обезличенію побѣжденныхъ, къ уподобленію ихъ себѣ—способъ отличный, но для малыхъ только пространствъ и при условіи большихъ временъ. Русскій способъ завоеванія не похожъ на романскій; завоеванія совершались не порывисто, не внезапно, безъ завоевательно-на-

строенныхъ государей, безъ особенно геніальныхъ полководцевъ, точно въ видѣ прибоя волны морской. Русскій способъ завоеванія не похожъ и на германскій, но воспроизводитъ римскій; онъ никогда не вытравлялъ систематически племенныхъ и національныхъ особенностей. «Никогда,—говоритъ г. Стронинъ, въ словахъ, которымъ мы бы хотѣли отъ всей души вѣрить,—мы не набрасывались ни на вѣру, ни на языкъ побѣжденныхъ, мы не набрасывались на нихъ даже съ религіозною и политическою пропагандою исподоволь. Миссіонерство наше слабо, школа наша и донынѣ не существуетъ, нашъ чиновникъ и до сихъ поръ не политикъ» (380). Все, что дѣлается на западной окраинѣ подъ именемъ обрусенія, представляется автору случайностью, налетѣвшимъ шкваломъ мелкой завистливости, подражательностью или отрыжкою гнилой старины. Въ доказательство, что методъ русскій есть воспроизведеніе римскаго, то-есть что онъ не мѣшаетъ побѣжденнымъ оставаться собою, приводятся въ прошедшемъ сеймъ польскій 1814—1830 гг., автономія остзейской окраины, конституція Финляндіи, въ далекомъ будущемъ федеральный союзъ не изъ губерній, а изъ великихъ земскихъ единицъ, отмежеванныхъ какъ географіею, такъ и исторіею: Великороссія сѣверо-западная славянскаго типа, Великороссія финскаго типа, можетъ быть еще Великороссія татарскаго типа, двѣ Малороссіи на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, Бѣлоруссія, Новороссія, Остзейскій край и Польша съ Финляндіею, Кавказомъ, Туркестаномъ, Сибирью; наконецъ, въ настоящемъ признаки, изъ которыхъ можно заключить, что это прошлое поведетъ къ этому будущему. Такимъ признакомъ г. Стронинъ считаетъ земскую реформу, которая когда-нибудь введется и на окраинахъ, фактъ, раздутый журналистикою, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный, русскихъ сепаратизмовъ; наконецъ, русскій отвѣтъ на требованія земской автономіи—генералъ-губернаторства или намѣстничества, установленія, учрежденныя, повидимому, для единообразія, а между тѣмъ укрѣпляющія въ сущности

разнообразіе и служащія зародышемъ децентрализаціи. Это блистательное открытіе римско-русскаго метода завоеваній не выдерживаетъ повѣрки и оказывается личнымъ гуманнымъ пожеланіемъ автора, возведеннымъ въ законъ русской исторіи. Если-бы г. Стронинъ потрудился заглянуть въ исторію глубже, въ до-петровскую эпоху, то онъ бы нашелъ тамъ методъ завоеваній, открытый политикою московскихъ вѣнценосцевъ, посредствомъ котораго такъ основательно прикрѣплены, напримѣръ, сѣверныя народоправства, что не осталось въ нихъ уже никакихъ другихъ воспоминаній и живыхъ преданій великой старины. Способъ этотъ, весьма успѣшный, въ смыслѣ закрѣпленія пріобрѣтеній, хотя и дорого оплачиваемый вѣковымъ безплодіемъ вспаханной такимъ образомъ почвы, состоялъ въ томъ, чтобы демократизировать общество, оставивъ некультурные слои народа нетронутыми, но снять у нихъ съ плечъ разомъ всѣ культурныя, аристократическія наслоенія и замѣстить ихъ заѣзжими людьми и пришлыми элементами изъ центра государства. Понятно, что при такомъ истребленіи мѣстныхъ аристократій и при неимѣніи у себя иного аристократизма, кромѣ того, который проявляется «въ невѣжественныхъ формахъ», государство насколько выиграло въ отношеніи безопасности, настолько проиграло въ отношеніи чувства индивидуализма, котораго роковую потерю оплакиваетъ г. Стронинъ, на всю нашу будущность (401). Не разнообразіе и не богатство задатковъ нашего федерализма, но совсѣмъ иныя причины произвели то, что отдѣльный человѣкъ слабъ и малъ въ этомъ могучемъ, но весьма до сихъ поръ однообразномъ цѣломъ. Съ Петра Великаго измѣнились значительно и пріемы завоевательные; въ Европу прорубались окошки, простирались руки къ культурѣ, которая вся выросла изъ аристократизма, проявлявшагося тамъ не въ одныхъ только невѣжественныхъ формахъ; отсюда автономія остзейскаго края, Финляндіи, конгрессоваго королевства западныхъ и юго-западныхъ губерній; отсюда попытки

развести у себя дома, сверхъ аристократіи по образцу монгольскому, аристократію по нѣмецкому и даже по польскому образцу; отсюда самыя широкія уступки всевозможнаго происхожденія барству, даже иногда во вредъ интересамъ низшихъ, некультурныхъ слоевъ населенія. Извѣстно, съ какою силою проявилъ себя демократическій инстинктъ, возвращаясь разомъ, къ древне-московскимъ преданіямъ завоеванія Новгорода и Пскова. Русско-римскаго метода завоеваній такимъ образомъ не было въ Россіи и нѣтъ, а есть два крайніе пріема и между ними никакой средины: либо лелѣять и пересаживать къ себѣ всякое барство, либо срѣзывать всякую культурность до основанія. Разводить барство, не значитъ возвращать индивидуализмъ. Срѣзывать культурный слой, не значитъ подготовлять панславизмъ и паневропеизмъ, не значитъ даже создавать въ покоренной странѣ прочную русскую партію, которая не образуется никогда посредствомъ однихъ аграрныхъ законовъ и возможна въ демократическомъ направленіи только посредствомъ возрощенія мѣстной культуры изъ мѣстныхъ же сѣмянъ, съ глубокимъ уваженіемъ къ привычкамъ, преданіямъ и особенностямъ политически объединяемой земли. Самъ же авторъ говоритъ: «безъ духа сепаратизма, безъ принципа автономичности частей, нѣтъ теперь духа соединительности, нѣтъ теперь Рима для міра» (396), но дѣло въ томъ, что вопросъ только поставленъ, задача не рѣшена, методъ не открытъ, а пока онъ не будетъ открытъ, можно повременить съ торжественнымъ маршемъ за Рейнъ къ Атлантическому океану.

Вся часть, сильнѣйшая въ «Политикѣ», о раздѣленіи и соединеніи труда, вышла слабѣйшею въ прогностикѣ и діагностикѣ Россіи; она темна и непослѣдовательна. Почти такая же оцѣнка приходится на долю опредѣленія числами изгибовъ и размѣровъ волнообразной линіи русскихъ акцій и реакцій. Вполнѣ вѣрно то, что богатырь, засидѣвшись сиднемъ четыре вѣка и потративъ ихъ на изобрѣтеніе метода собиранія земель,

сдѣлалъ потомъ исполинскій прыжокъ при Петрѣ, послѣ котораго пришлось долго отдыхать; что и затѣмъ онъ подвигался внезапными и раздѣленными временемъ прыжками, что непостепенность развитія превратилась въ хроническую болѣзнь и всякій разъ то разражается цѣлая буря прогресса, то наступаетъ мертвенное затишье застоя, среди котораго приходится начинать съизнова десять разъ начатое дѣло, попорченное потомъ и брошенное. Но, соглашаясь на то, что русскія волны еще не могутъ превратиться въ легкую зыбь, мы никакъ не раздѣляемъ того безнадежно-пессимистическаго взгляда автора, по которому каждой акціи и реакціи отмежевано не меньше 30 лѣтъ, взгляду, по которому мы должны ублажать себя только тѣмъ, что еще лѣтъ десятокъ или полтора мы будемъ обрѣтаться въ періодѣ убывающей акціи, потомъ опустимся еще на 30 лѣтъ въ темную глубь какой-то гигантской реакціи. Наша интеллигенція, по мнѣнію г. Стронина, вымерла до-тла, нигдѣ нѣтъ ни капли таланта, творчества; наша правительственная жизнь мельчаетъ, двѣ-три реформы, податная, военная—и конецъ; за то кипитъ жизнь экономическая, но и она, пробушевавъ, завянетъ,—тогда-то и начнется настоящая реакція; мы нынѣ видимъ одни только цвѣточки и не вкушали еще ягодокъ. Въ то время, когда всѣ нынѣшнія учрежденія будутъ мало-помалу уходить въ тряскую почву, всасываться ею, намъ будетъ предстоять одно утѣшеніе: реакціи во внутренней политикѣ будутъ соотвѣтствовать акція во внѣшней, уже отдохнувшей, громъ побѣдъ, гроза завоеваній, а среди реакціи экономической будетъ собираться съ силами интеллигенція наша, не новый, небывалый до нынѣ расцвѣтъ, но самобытное русское творчество. Самъ г. Стронинъ признаетъ, что Павловская реакція длилась всего четыре года, наверстывая интенсивностью то, что теряла въ экстенсивности, значитъ, и въ будущемъ могутъ быть реакціи покороче; что и волны акціи неровны; такъ, между двумя громадными прогрес-

сіями Петра I и Александра II помѣстились двѣ гораздо меньшія: Екатерины II и Александра I. Ошибочность прогностики о продолжительности акцій и реакцій въ Россіи проистекаетъ у автора изъ того, что онъ уединяетъ народъ русскій и разсматриваетъ его совсѣмъ внѣ всякой связи съ Европой. Опредѣлять волны жизни по одной внутренней работѣ, по соединенію и раздѣленію труда у себя дома можно бы только тогда, еслибы государство было на дальнемъ острову, внѣ всякаго общенія съ остальнымъ человѣчествомъ, чего нельзя допустить даже въ отношеніи Англіи, которая все-таки испытываетъ на себѣ вліяніе жизни общеевропейской. Въ Россіи, вслѣдствіе ея молодости, воспріимчивости, подражательности, заимствованія главныхъ мотивовъ жизни извнѣ, всѣ европейскія акціи и реакціи имѣютъ громадное вліяніе, какъ факторъ, опредѣляющій, вмѣстѣ съ внутреннимъ соединеніемъ и раздѣленіемъ труда, очередь русскихъ акцій и реакцій, а такъ какъ акціи и реакціи европейскія вовсе не совпадаютъ съ русскими, то всякое опредѣленіе числами лѣтъ акцій и реакцій въ Россіи по однимъ русскимъ дѣламъ и отношеніямъ есть ни къ чему неведущая кабалистика, невнушающая никакого къ себѣ довѣрія. Вѣра въ скоро-грядущій періодъ завоеваній и побѣдъ, какъ ничѣмъ не мотивированная и только непосредственная, не подлежитъ даже повѣркѣ критики. Напротивъ того, совсѣмъ непонятно, какъ могутъ упадокъ въ интеллигенціи, застой въ законодательствѣ и истощеніе экономическое породить завоеванія и подготовить расцвѣтъ интеллигенціи; скорѣе можно предполагать, что мы будемъ побиты, но бывъ побиты, воспрянемъ, и поумнѣемъ, и пріободримся. Наши пораженія были всегда плодотворнѣе побѣдъ, на этомъ основаніи у насъ пропасть пессимистовъ, которыхъ девизъ: чѣмъ хуже—тѣмъ лучше, и, такъ какъ нація обрѣтается еще въ періодѣ роста, въ теченіе коего идетъ ей все впрокъ, и побѣда и пораженія, то наши пессимисты оказывались совершенно правыми въ большинствѣ случаевъ.

Исторію и характеристику политическихъ партій г. Стронинъ начинаетъ съ никонцевъ и старообрядцевъ и ведетъ ее вплоть до западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ. На нашихъ глазахъ случилось превращеніе:—одна изъ партій прогрессивныхъ получила кличку, которая будетъ ея крещеніемъ и останется за нею всю будущую жизнь, кличку «нигилизма и нигилистовъ», между тѣмъ, какъ наши консерваторы еще не раздобылись на соотвѣтствующее имъ названіе. Партій во всей Россіи только двѣ, и онѣ скорѣе соціальныя, нежели политическія; главное основаніе дѣленія до сихъ поръ: «за мужика, или противъ мужика»; второстепенныя суть: сепаратизмъ и централизаторство, вѣрованіе во все или ни во что̀ невѣрованіе, полный спиритуализмъ или матеріализмъ, искуство для искуства или реализмъ. Между этими крайностями нѣтъ ни посредствующихъ оттѣнковъ, ни компромиссовъ. Современемъ явятся эти посредствующія звенья, но непреходящимъ отличіемъ всѣхъ нашихъ будущихъ партій будетъ все-таки ихъ не политичность, а общественность, ихъ соціальная подкладка, ихъ стояніе на великихъ, общечеловѣческихъ вопросахъ, а не на мѣстныхъ и національныхъ, что вполнѣ и соотвѣтствуетъ духу націи, призванной ко всемірному владычеству и привыкшей вмѣщать въ себѣ всѣ политическія формы, отъ финляндской до самоѣдской.

Перехожу къ впечатлѣніямъ и рефлексамъ, къ процессу инкорпорацій и экскорпорацій. Всѣхъ главныхъ впечатлѣній авторъ насчитываетъ четыре: удѣльной жизни (до $^1/_2$ XIII); монгольское ($^1/_2$ XIII—$^1/_2$ XV); впечатлѣніе завоеваній ($^1/_2$ XV—$^1/_2$ XIX); и заходящее въ завоевательный періодъ, совмѣщающееся съ нимъ, впечатлѣніе Европы ($^1/_2$ XVII—$^1/_2$ XIX). Какъ совпаденіе европейскаго періода съ завоевательнымъ, такъ и то обстоятельство, что съ $^1/_2$ XVII в. завоеванія дѣлались на счетъ Европы, указываетъ на то, что авторъ произвольно раздвоилъ на два впечатлѣнія одинъ и

тотъ же фактъ, проявляющійся только двумя различными, обусловливающими себя взаимно сторонами. Никакое впечатлѣніе не можетъ пропасть, пока не экскорпорировано, ни одно не могло быть въ конецъ экскорпорировано, вотъ почему въ насъ шевелятся донынѣ рефлексы жизни удѣльно-вѣчевой. Въ этой жизни сложились двѣ противоположныя привычки: жить сообща, міромъ, и жить въ разсыпную, землями. Экскорпорировать ихъ взялся помонгольскій монархизмъ, но не настолько, чтобы ихъ извести; они есть и напрашиваются въ жизнь. Режимъ земскій изъ общества ушелъ въ правительство въ видѣ генералъ-губернаторствъ и намѣстничествъ; режимъ мірской ушелъ изъ аристократіи къ мужикамъ, притаился и теперь вдвигается опять чрезъ открытую дверь земскихъ учрежденій, самоуправленія губерній. Другое впечатлѣніе, монгольское, не довольно проклятое русскими историками, потрясло всю нервную систему общества, заставило всѣхъ толпами бѣжать въ монахи, заставило аристократію слагаться по монгольскому типу, дало ей развиваться не вверхъ, а только внизъ, на счетъ народа, пріуготовило его закрѣпощеніе, наконецъ, отрѣзало насъ отъ Европы такъ, что и теперь не легко ее догнать, и что никогда, во вѣки вѣковъ, несовмѣстить намъ европейскаго индивидуализма съ нашимъ мірскимъ режимомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно создало монархизмъ, безчисленными корнями проникшій до самой подпочвы. Тираннія Грознаго, прекращеніе династіи, послужили только блистательною повѣркою крѣпости принципа, невѣроятной его прочности. Романовскій монархизмъ потянулъ къ Европѣ и началъ новый періодъ жизни, завоевательный въ физическомъ, подражательный въ цивилизаціонномъ отношеніи, въ которомъ г. Стронинъ усматриваетъ дѣйствіе двухъ впечатлѣній, потому что рефлексами его являются два качества, повидимому, несогласимыя:—гордость и смиреніе, изъ которыхъ гордость отмежевала себѣ внутреннюю политику и даетъ себя больно чувствовать по-

рою побѣжденнымъ, напр., полякамъ, а смиреніе знаменуетъ собою внѣшнюю политику и проявляется не только въ отсутствіи всякаго шовинизма, но и въ порядочной дозѣ самоуниженія передъ равными и высшими иностранцами. Отъ завоеваній выработался въ великорусскомъ племени тонъ повелительный, но эта гордость относится всегда къ массѣ, безъ разложенія ея на личности, безъ сознанія личнаго достоинства. Съ другой стороны, уваженіе къ иностранному доходитъ до подобострастія, до раболѣпства, но оно снабдило русскаго человѣка и драгоцѣннымъ качествомъ, безъ котораго нѣтъ ни владычества всемірнаго, ни даже роли всемірно-исторической: склонностью къ самоосужденію, безпощадною критикою надъ самимъ собою, безъ всякихъ умалчиваній. Общій ходъ русской исторіи до сихъ поръ таковъ, что наибольшей экскорпорапіи подвергался духъ индивидуализма, а наибольшая инкорпорація досталась духу стадности, безличности, государственности, что вся жизнедѣятельность направлена была въ правительственную роль; развитіе стало совершаться правительственнымъ починомъ, скачками, усвоеніемъ европейскихъ обычаевъ, прежде чѣмъ поспѣли европейскіе законы, и усвоеніемъ европейскихъ правъ, прежде чѣмъ привились европейскія идеи. Составляя совершенную противоположность Франціи, которая страдала перевершеніемъ идей при застоѣ въ учрежденіяхъ, Россія страдаетъ хроническимъ недовершеніемъ идей, вслѣдствіе чего подъ прогрессивное нововведеніе, опережающее вѣкъ, подкапываются нравы, и оно можетъ быть столь же легко урѣзано, сколь легко дано. Отсюда возможность ввести разомъ не только классическое, но и восточное преподаваніе, ввести не только префектскую, но и сатрапскую власти (450), ограничить какъ угодно земскія учрежденія, судъ присяжныхъ, законы о печати; одного того нельзя сдѣлать, и въ этомъ одномъ наталкиваемся на предѣлъ политическаго творчества: нельзя экскорпорировать пропитывающій всю организацію русскаго об-

щества демократизмъ, невозможно аристократизировать это общество.

Объявивъ русскую интеллигенцію въ настоящую минуту вполнѣ несостоятельною, отказавъ ей и въ новаторствѣ и въ агитаторствѣ, низведя ея современную работу до самой вялой и мелкой пропаганды идей, давно положенныхъ въ ротъ и десять разъ пережеванныхъ, г. Стронинъ не высоко ставитъ и наличныя средства подъ-органовъ, исправляющихъ функціи правительственныхъ процессовъ: законодательства, администраціи и суда. Увеличивающаяся трудность разработки законодательныхъ вопросовъ, возрастающая по мѣрѣ осложненія жизни, повела къ палліативнымъ средствамъ усиленія законодательныхъ установленій, къ кабинетному выслушиванію экспертовъ, къ зондированію земства и печати, а между тѣмъ наличная зрѣлость общества для мотивированія законоположеній въ представительномъ собраніи столь мала, что авторъ отрицаетъ возможность добыть изъ народа достаточный персоналъ, который бы могъ трезво, толково и полезно разсуждать о нуждахъ и дѣлахъ общегосударственныхъ. Нѣтъ худа безъ добра; нераздѣленіе законодательной власти съ аристократіей, невозможность раздѣлить ее нынѣ съ еврейско-нѣмецкой тимократіей поведетъ къ тому, что она будетъ раздѣлена съ демократіей, когда эта демократія сдѣлается мало-мальски грамотна и знающа. Еще пройдетъ одно поколѣніе, и власть, сама идя на встрѣчу дѣйствительной потребности, призоветъ общество высказаться чрезъ представителей по вопросамъ о дѣлахъ государственныхъ. Вѣроятно, при этомъ случаѣ не будетъ никакихъ конституціонныхъ уговоровъ, а просто съ одной стороны свобода мнѣній, съ другой—вниманіе къ новому органу законодательства только совѣщательному, въ основу котораго, вѣроятно, ляжетъ давно взлелѣянный слафянофилами антиевропейскій идеалъ земскаго собора; идеалъ этотъ облечется, вѣроятно, въ форму единаго народнаго вѣча, а если и раздѣлится на думы, земскую и бояр-

скую, то подъ условіемъ никакъ не наслѣдственности въ думѣ боярской, и вѣроятно даже не выборности, а просто назначенія. Обновленный судъ нашъ вышелъ какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Зевса, на первыхъ порахъ онъ поражалъ новизною, обычай, нравы спѣшили въ немъ на помощь закону писанному, каждая буква учрежденія была переполнена духомъ. Нынѣ, когда новое учрежденіе вдвинулось плотно въ жизнь и сдѣлалось популярнымъ, прошедшее беретъ свое, задними ходами возвращаются и втискиваются опять и произволъ, и грубость, и взятки, и неравенство, и халатное отношеніе къ дѣлу. Теперь едва возможно угадывать будущія судьбы судебной реформы, но если судъ будетъ совершенствоваться, то это усовершенствованіе будетъ клониться, во-первыхъ къ тому, чтобы дать больше гарантій личности, уравновѣшивая защиту съ обвиненіемъ, во-вторыхъ, чтобы еще больше ослабить вмѣняемость. Никакіе законы не возмогутъ водворить суровость и взыскательность, когда нравы мягки какъ воскъ, когда въ нихъ нѣтъ мстительности, злорадства при видѣ казни, когда въ нихъ утвердилась равнозначительность преступленія съ несчастіемъ. Чтó бы ни толковали наши юристы и публицисты, уголовное противодѣйствіе преступленію не будетъ усиливаться, а будетъ ослабѣвать путемъ расширенія суда по совѣсти на счетъ суда по закону, путемъ смягчающихъ обстоятельствъ, смягченія наказаній и помилованія, путемъ преобразованія мѣстъ заключенія. То же незлобіе, та же наклонность къ невмѣненію замѣтны и въ отношеніяхъ Россіи къ внѣшнимъ врагамъ ея, лишенныхъ мелкой завистливости и злопамятованія, хотя при этомъ общество не забываетъ ни на минуту о высокомъ значеніи вооруженной силы и вполнѣ солидарно съ верховною властью въ ея милитаризмѣ. Что касается до администраціи, то она отличается отъ всякой другой въ Европѣ гораздо большею дозою произвольности, которую она почерпаетъ дважды: отъ историческаго, традиціоннаго автократизма и отъ

самого общества, на днѣ котораго лежитъ полная произвольность власти (крестьянская семья). Внизу подъ нами—океанъ произвола, неограниченность власти отца надъ сыномъ, мужа надъ женою, мужчины надъ женщиною, всякаго физически сильнѣйшаго надъ физически слабѣйшимъ. Этотъ произволъ есть тѣневая сторона нашей демократіи, возмущающая, отвратительная; она насъ относитъ ко времеиамъ первобытнымъ, предшествовавшимъ образованію феодальнаго порядка. Изъ демократіи этотъ произволъ заносится и въ законодательство, и въ судъ, и даже въ интеллигенцію. Между тѣмъ эта интеллигенція только и есть наша надежда и спасеніе. Она одна, дѣйствуя обратнымъ токомъ на умы и нравы, можетъ мало-по-малу экскорпорировать произволъ, составляющій канатную канву нравовъ. Она замѣняетъ въ Россіи среднее состояніе и спаиваетъ низъ общества съ готовою оторваться вершиною. Задача ея не высокая, роль ея не казистая: популяризація знаній, долбленіе окаменѣлой массы крестьянства каплями воды, проведеніе до низу общества самыми тонкими струями продуктовъ политическихъ. Школа—вотъ единственный завѣтъ будущаго. Безъ школы, безъ образованія, безъ страшныхъ, сверхъестественныхъ усилій со стороны интеллигенціи наша демократія не только не пойдетъ на смѣну буржуазіи, но застынетъ мертвымъ, летаргическимъ сномъ; всѣ ея силы и счастливыя предрасположенія обратятся въ слабость, и организмъ пораженъ будетъ въ самомъ его центрѣ, потому что русскій демократизмъ есть тотъ конецъ Аріадниной нити, на которомъ свитъ весь русскій политическій клубокъ; безъ демократизма общество не дойдетъ до разрѣшенія ни одной изъ предстоящихъ ему задачъ.—Таковы послѣднія заключенія автора.

(1873 годъ).

РАЗБОРЪ ПОСЛѢДНЯГО ТРУДА

К. Д. КАВЕЛИНА,

«ЗАДАЧИ ЭТИКИ».

(1885 г.).

РАЗБОРЪ ПОСЛѢДНЯГО ТРУДА

К. Д. КАВЕЛИНА

«Задачи этики».

(Исполненіе завѣщаннаго).

Художникъ удовлетворенъ, когда его произведеніе взволновало публику, вызвавъ общую эстетическую эмоцію. Поработавшій надъ міровыми вопросами жизни мыслитель достигъ цѣли, когда онъ, хотя бы на минуту, овладѣлъ вниманіемъ читателя, заставивъ его поразмыслить о вопросахъ и о предлагаемыхъ рѣшеніяхъ этихъ вопросовъ. Онъ удовлетворенъ даже и тогда, когда бы всѣ его предложенія были отвергнуты, коль скоро вопросъ ясно поставленъ. Раньше или позже вопросъ этотъ дождется рѣшенія. Съ такими скромными требованіями конченъ былъ 2 августа 1884 предсмертный трудъ К. Д. Кавелина, посвященный «Молодому Поколѣнію». Съ этимъ поколѣніемъ знаменитый умершій желалъ подѣлиться мыслями, сложившимися въ его головѣ въ теченіе многихъ лѣтъ и содержащими, по его убѣжденію, крупинки истины. «Пусть молодое поколѣніе,—писалъ онъ,—усвоитъ изъ моего этюда, чтó покажется ему вѣрнымъ, а объ остальномъ пусть подумаетъ крѣпко». Письмо Кавелина изъ с. Иванова отъ 25 іюня 1884 г. («Вѣстн. Евр.», іюнь, 1885) удостовѣряетъ, что онъ четыре раза брался за этотъ трудъ и бросалъ написан-

ное, а о предметѣ думалъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ (1873—1885); что онъ помѣстилъ въ книгѣ все главное и существенное, чтò могъ сказать современникамъ, что онъ радовался какъ ребенокъ, что, бывъ изложены литературно, мысли его не пропадутъ. Онъ опасался той нашей лѣни умственной, отъ которой мы толчемся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь. Онъ опасался, что его книгу прочтутъ, слегка похвалятъ и положатъ, что она забудется, не задѣнетъ никого за нутро, не вызоветъ критики и тѣхъ опроверженій, которыя перекрестнымъ огнемъ встрѣчаютъ всякое новшество въ вопросахъ міровыхъ и общедоступныхъ, каковы вопросы этики и вообще жизни практической. Я ему предлагалъ по выходѣ каждой изъ трехъ книжекъ «Вѣстн. Евр.», въ коихъ помѣщались «Задачи Этики», мои посильныя замѣчанія и опроверженія. Не разбирая ихъ, Константинъ Дмитріевичъ прямо потребовалъ, чтобы я мои замѣчанія напечаталъ. Повтореніемъ этого вызова я былъ почтенъ за недѣлю до послѣдней болѣзни и за двѣ до оплакиваемой нами кончины. Приступая къ исполненію, по мѣрѣ силъ моихъ, долга моего по отношенію къ памяти умершаго, я считаю необходимымъ предварить читателя, что мой разборъ былъ бы не достоинъ памяти К. Д. Кавелина, еслибы онъ не былъ написанъ съ полнѣйшею откровенностью, еслибы онъ имѣлъ видъ похвальнаго слова, а не опроверженія послѣдняго труда Кавелина, еслибы я забылъ правило: amicus Plato, magis amica veritas, еслибы я понизилъ сколько-нибудь тонъ защиты моихъ мнѣній, прямо противныхъ его мнѣніямъ, а такихъ спорныхъ пунктовъ будетъ весьма много. Только горячимъ отстаиваніемъ того, что я считалъ истиною, могу я почтить такого поборника и искателя истины, какимъ былъ привлекательный и вліятельный авторъ «Задачъ Этики», воплощавшій въ своихъ дѣйствіяхъ субъективные этическіе идеалы и преданный имъ безпредѣльно до самаго конца. Въ моихъ глазахъ разборъ этой по объему малой, но весьма содержательной книги представляетъ еще

и тотъ особый интересъ, что сама книга есть превосходный матеріалъ для нѣсколькихъ страницъ будущаго жизнеописанія одного изъ самыхъ крупныхъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка.

I.

Этика есть ученіе о нравственности (писатель XVIII вѣка, сказалъ бы: о добродѣтели), о томъ, чего долженъ желать человѣкъ, въ чемъ долженъ онъ искать того вѣчно-ускользающаго отъ него удовлетворенія, которое обозначается крайне общимъ и туманнымъ словомъ *счастіе*. Нельзя сказать, чтобы опредѣленіе этики у К. было ясное и точное. На 75 стр. онъ утверждаетъ, что *этическая* точка зрѣнія не противорѣчитъ *научной*, изъ чего слѣдуетъ, что бываетъ этика и ненаучная. Она дѣйствительно есть; такова этика религіозная. К. только потому и предлагаетъ въ своей этикѣ путь болѣе трудный и тернистый, нежели въ вѣроученіи, что бываютъ люди, у которыхъ нѣтъ вѣры, и которымъ никакія земныя силы ее не внушатъ (72). Итакъ, этика этикѣ рознь. Предлагаемая Кавелинымъ этика есть научная (72), составляющая особую отрасль знанія (83). Всякая наука (въ томъ числѣ и этика) есть произведеніе ума, разлагающаго понятія, выработанныя изъ ощущеній и впечатлѣній, на составные мысленные элементы и дающаго результатамъ этой переработки своеобразную группировку (16), причемъ продуктъ знанія отсѣкается отъ своихъ первоначальныхъ живыхъ корней, изъ этого продукта исключается все личное, конкретное. За этимъ исключеніемъ въ знаніи остаются только обезцвѣченныя обобщенія, сведенныя въ своей совокупности въ одинъ міръ *идейный*, совсѣмъ отличный отъ дѣйствительнаго, и даже на него не похожій. Міръ этотъ въ извѣстномъ отношеніи даже и лучше дѣйствительнаго, потому что происходящія въ немъ сочетанія занесенныхъ извнѣ чрезъ впечатлѣнія элементовъ иногда гораздо болѣе удо-

влетворяютъ человѣка, нежели дѣйствительная жизнь; притомъ эти сочетанія способны превратиться въ руководящіе идеалы внѣшней дѣятельности, а, слѣдовательно, способны преобразовать самую дѣйствительность сообразно требованіямъ ума. По вѣрному замѣчанію К. (46), *теоретическое* знаніе, т.-е. наука, не имѣетъ никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ критическаго установленія фактовъ и открытія ихъ условій и законовъ. Значитъ, наука можетъ имѣть свою область, свой предметъ, но не свои спеціальныя практическія задачи. Если этика—наука, то невѣрно, будто бы ея задача — регулировать жизнь человѣка, подчинять ее нормамъ (15); невѣрно, якобы этика имѣетъ задачею дать душевнымъ движеніямъ направленіе, опредѣляемое субъективными идеалами (92). «Идеаловъ,—говоритъ К.,—собственно нѣтъ и быть не можетъ въ области теоретическаго знанія» (46), слѣдовательно, они являются за гранью теоретическаго знанія, въ области прикладнаго знанія, т.-е. не науки, а искуства. Это признаетъ К. и предлагаетъ (81) раздѣлить этику на двѣ части: 1) *этика-наука*—опредѣленіе условій и законовъ нравственности и 2) *этика* прикладная или *этика-искуство*, введеніе нравственности въ житейскій обиходъ. По его же словамъ, этика-наука доводитъ насъ только до порога дѣйствительной жизни, но еще не создаетъ добраго, нравственнаго человѣка. При такомъ дѣленіи слѣдовало заняться либо наукою, либо искуствомъ, либо обоими. Кавелинъ задачъ прикладной этики вовсе не касается (онѣ возможны однако въ смыслѣ казуистики); онъ не учитъ, какъ осуществлять идейныя нравственныя комбинаціи, онъ не переступаетъ порога дѣйствительной жизни, онъ занятъ исключительно *началами* и *основаніями* нравственности, иными словами—законами и условіями нравственности. Онъ обходится съ этикою какъ съ наукою, имѣющею особое мѣсто въ системѣ знанія. Прежде чѣмъ я перейду къ оцѣнкѣ мыслей К. по этой части, я долженъ замѣтить, что тѣ «основанія» этики, которыя онъ на-

звалъ «задачами», не поставлены на настоящей научной почвѣ, не доказаны и висятъ на воздухѣ. Наука есть произведеніе ума, который служитъ прекраснымъ проводникомъ, но только въ ограниченномъ пространствѣ. Есть предметы, обрѣтающіеся внѣ предѣловъ знанія; есть неразрѣшимые умомъ вопросы. Опытная психологія считаетъ несомнѣннымъ существованіе безсознательныхъ психическихъ процессовъ, такъ что сознательная дѣятельность является только освѣщенною вершиною дерева психической жизни, стволъ котораго въ тѣни, а корни пребываютъ въ непроглядной темнотѣ. Нашъ умъ не есть первичное событіе въ психической жизни, раньше его были ощущенія, рефлексы, эмоціи, волевыя движенія; нашъ умъ—не начальствующая способность души, словомъ, онъ весьма ограниченъ. К. отказывается признать, что онъ ограниченъ (87), но вмѣстѣ съ тѣмъ констатируетъ непререкаемыми доказательствами его ограниченность: «умъ не схватываетъ индивидуальности, чувства, перехода объективнаго въ субъективное; умъ просвѣтляетъ ощущеніе, подымаетъ его, дѣлаетъ тонкимъ, но замѣнить его своими комбинаціями не можетъ; умъ не выходитъ изъ условій своей дѣятельности: анализа, сравненія и частичнаго синтеза». Какова бы ни была однако ограниченность ума, если этика — наука, то она можетъ быть выстроена только средствами того же ума, который прежде, чѣмъ выведетъ любое положеніе, долженъ его доказать. Прежнія системы этики задавались прежде всего выводомъ идеи долга, какъ факта, присущаго совѣсти человѣка, и опредѣленіемъ санкціи долга, т.-е. роковыхъ дурныхъ послѣдствій его нарушенія, обезпечивающихъ его исполненіе у большинства людей. Основаніе идеи долга усматриваемо было либо въ авторитетномъ приказаніи свыше, либо въ категорическомъ императивѣ, т.-е. въ безотчетномъ, немогущемъ быть доказаннымъ требованіи ума, либо въ расчетахъ прямой пользы личной или коллективной отъ добродѣтели и отъ самаго страданія. Въ по-

слѣднее время оказывается наклонность упразднить долгъ въ смыслѣ какого-то почти внѣшняго на душу нажима и объяснить его какъ непреодолимое влеченіе достигшей извѣстнаго совершенства природы человѣческой, творящей добро ради самаго добра, безъ всякихъ иныхъ мотивовъ (H. Spencer, Data of ethics, 1879; Guyot, Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction, Paris. 1885). Съ легкой руки Дарвина и Спенсера понятія, казавшіяся неразлагаемыми и простыми, являются крайне сложными отложеніями, которыя готовились въ теченіе сотенъ вѣковъ и имѣли свои превращенія и фазисы развитія. Производятся усиленныя разысканія физіологическихъ основаній такихъ идей — чувствъ, какими являются добро и красота. Сверленіе производится одновременно съ двухъ концовъ и есть основательныя надежды думать, что когда-нибудь, хотя еще не скоро, будетъ пробитъ тоннель и установлено полное тождество физическихъ и психическихъ отправленій, въ сравненіи съ каковымъ проходомъ будетъ считаться сущею бездѣлицею тотъ, которымъ пробуравлена громада горы С.-Готардъ. Психо-физіологическими изысканіями К. не занимался. Онъ не эволюціонистъ; онъ располагаетъ только стариннымъ методомъ *самонаблюденія*, но онъ не занимается также ни выводомъ, ни опроверженіемъ идеи долга и его санкціи. Объявивъ, что умъ неспособенъ постигать личное, К. полагаетъ, что единеніе силамъ или цѣльность жизни придаетъ не умъ, а непосредственное ощущеніе дѣйствительности, которое и составляетъ настоящую почву и для этической жизни, и для религіознаго міросозерцанія (87). Съ основною мыслью этого отрывка я согласенъ, но съ извѣстными оговорками. Преподаваніе правилъ плаванія не сдѣлаетъ человѣка искуснымъ пловцомъ, если у него нѣтъ, во-первыхъ, желанія плавать и, во-вторыхъ, навыка плавать, доведеннаго до того, что плаваніе совершается автоматически. И преподаватель этики, и фанатическій блюститель религіозной обрядности могутъ быть дурными, жестокими и без-

сердечными людьми, даже любуясь красотою нравственности, даже сантиментальничая и предаваясь сладкимъ мечтамъ объ идиллическомъ счастіи людей. По древнему преданію крокодилъ проливаетъ слезы, пожирая жертву, то-есть онъ сочувствуетъ ей эстетически, что ему не мѣшаетъ относиться къ ней крайне не-этически. Оставимъ пока въ сторонѣ подобныя уродства, которыя вообще—только исключенія изъ общаго правила объ обыкновенномъ и естественномъ превращеніи идеи въ эмоцію и дѣйствіе. Допустимъ съ К., что уму непостижимо индивидуальное и что, слѣдовательно, онъ никогда не разгадаетъ, какъ превращается общая идея добра—предметъ науки этики — въ нравственный идеалъ добра — предметъ искуства этики, иными словами, какъ къ сознанному добру приходитъ желаніе поставить его цѣлью стремленій и осуществить. Во всякомъ случаѣ и при всей необъяснимости превращенія К. различаетъ *идею* и *идеалъ*, какъ два настроенія сознанія, занятаго однимъ и тѣмъ же предметомъ. На стр. 51 онъ упрекаетъ русскихъ за частое смѣшиваніе идеи и идеала. Идея, по его словамъ, есть предметъ созерцанія, сопровождаемаго ощущеніями и чувствами, а идеалъ—то же, что цѣль; идеалъ — проводникъ между мыслью и дѣйствительностью, идеалъ— камертонъ дѣятельности, спрягающій воедино мотивы и дающій имъ одно общее направленіе (50). При такомъ отнесеніи идеала въ этику—искуство и при сознаніи различія между идеею и ея проводникомъ, автору надлежало начать съ первичнаго и затѣмъ перейти къ производному, дать понятіе объ идеяхъ, какъ предметахъ созерцанія, и затѣмъ уже объяснить идеалы, ихъ проводники. Если онъ—психологъ стараго покроя, то онъ долженъ бы изучить идею подъ микроскопомъ абстракціи или созерцанія, дать ея формулу, какъ то дѣлали бывшіе метафизики, и развить потомъ эту идею путемъ дедукціи. Онъ ничего подобнаго не дѣлаетъ, но онъ не слѣдуетъ и за эволюціонистами, не пытается искать корешковъ этики въ біологіи, не слѣдитъ за за-

рожденіемъ нравственныхъ понятій, за ихъ развитіемъ въ настоящемъ и не заключаетъ о ихъ будущемъ. Раздѣливъ идеалы на объективные и субъективные (53), К. даетъ новое опредѣленіе этикѣ, называя ее ученіемъ о субъективныхъ идеалахъ, послѣ чего внезапно, какъ *deus ex machina*, выводятся имъ на показъ неизвѣстно откуда происходящіе и какъ бы произвольно народившіеся субъективные или нравственные идеалы. Человѣкъ! ты долженъ быть воздержанъ и умѣренъ (56), скроменъ и простъ (61), довѣрчивъ къ жизни и покоенъ; ты долженъ любить вообще людей и притомъ любить въ каждомъ не то, чѣмъ сей послѣдній есть въ дѣйствительности, но то, чѣмъ онъ могъ бы и долженъ бы быть въ качествѣ человѣка. Всѣ эти правила прекрасны, писать бы ихъ золотыми буквами, но они не связны, не полны, а главное, неизвѣстно на чемъ основаны. Они несомнѣнно субъективны и заслуживаютъ полнаго уваженія, какъ выводъ, сдѣланный весьма добродѣтельнымъ человѣкомъ изъ всей его практической жизни и дѣятельности, но снабдите только этимъ запасомъ чисто субъективныхъ данныхъ человѣка, извѣрившагося и неудовлетворяемаго религіозною этикою, и я увѣренъ, что снабженный лишенъ будетъ возможности вступить въ споръ съ поборниками религіознаго міросозерцанія. Предлагая идеалы, К. не выяснилъ нисколько, почему нравственный человѣкъ долженъ извѣстнымъ образомъ чувствовать и поступать. Таково мое первое возраженіе противъ книги К.; хотя оно формальнаго свойства, но немаловажное: не научная постановка вопроса, обходъ понятія: *долженъ*; почему человѣкъ долженъ? или, по крайней мѣрѣ, почему считаетъ человѣкъ, что онъ что-либо долженъ сдѣлать? Прежде чѣмъ перейду къ разбору мыслей, на которыя наводитъ Кавелина обличаемый имъ кризисъ въ нравстенности, считаю удобнымъ покончить заразъ и съ другимъ еще чисто формальнымъ возраженіемъ и указать на то, что, разсуждая и о психологіи и объ этикѣ, К. не отвелъ

этикѣ подобающаго ей мѣста въ системѣ знаній и не установилъ ея отношенія къ психологіи, что ведетъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и сбивчивости въ выводахъ.

II.

Я раздѣляю взглядъ Кавелина (34) о томъ, что этику вталкивали испоконъ вѣка по недоразумѣнію въ философію, съ которою она не имѣетъ ничего общаго, но что несомнѣнно также, что этическія ученія вліяли на образованіе философскихъ системъ. Между занимавшимися міровыми вопросами всегда замѣтны были, по части взглядовъ на мораль, два противоположныя теченія неравной величины. Между изслѣдователями были нѣкоторые, правда, немногіе (единицы или по крайней мѣрѣ только сотни среди милліоновъ), которые, задаваясь исключительно изслѣдованіемъ начала вещей и причинъ явленій, относились къ фактамъ морали безсердечно и превращали этику въ своего рода экспериментацію. Извѣстна характерная фраза Тэна: «Есть причины добродѣтели, какъ и причины пищеваренія и животной теплоты. Порокъ и добродѣтель—такіе же продукты, какъ сѣрная кислота или сахаръ». Если для наблюдателя его *я* исчезло въ природѣ, то онъ удовлетворенъ уже тѣмъ, что созерцалъ громаду и проникъ лучше другихъ ея тайны. Но для огромнаго большинства людей умственныя наслажденія ученаго недоступны. Милліоны воспринимаютъ только умственную пищу уже вполнѣ готовую, будь она догматъ вѣры или новое открытіе. Ихъ не интересуетъ ни начало вещей, ни громада вселенной, а смотрятъ они только на другой конецъ, на свое *я*. Они на всѣ лады повторяютъ то, что̀ такъ хорошо выразилъ К. (28): «что я, единица среди природы, мыслью несущійся за предѣлы міра, а связанный тѣломъ и обстановкою, ничтожный рабъ, зависящій отъ случайности, которая можетъ раздавить меня, какъ червяка?» Хотя призракъ личнаго счастія при погонѣ

отношеній къ сосѣдкѣ. «Обѣ,—говоритъ онъ (10),—проникаютъ въ тайны психической жизни и подходятъ къ источникамъ, гдѣ эта жизнь зарождается». Еще недавно этику включали въ философію; послѣ паденія философіи, основанной на самодержавіи ума въ области души, отъ нея отложились опытныя науки, которыя создали *опытную* психологію, выросшую на нашихъ глазахъ и получившую громаднѣйшій объемъ. Въ ближайшемъ будущемъ эта психологія должна преобразовать по своимъ началамъ всю область права и всю соціологію. По схемѣ новѣйшей индуктивной философіи соціологія и будетъ заключительнымъ и послѣднимъ звеномъ въ цѣпи знанія. Все научное знаніе только и дѣлится въ сущности на двѣ части: на *естествознаніе*, посвященное движеніямъ вещества, отъ звѣздъ и колебаній эѳира до жизненныхъ физіологическихъ явленій въ мірѣ животныхъ, и на *психологію*, посвященную тоже движеніямъ, но отмѣчаемымъ только сознаніемъ, измѣненіями состояній сознанія, изъ которыхъ въ каждомъ происходитъ сочетаніе элементовъ мышленія, эмоціи и воли. Правовыя и соціальныя науки являются только привѣсками къ психологіи; онѣ посвящены тѣмъ приспособленіямъ и снарядамъ, которыми достигается возможно полное и богатое развитіе психической жизни въ цѣлыхъ собраніяхъ единицъ, въ народныхъ и государственныхъ массахъ. Быстро и непомѣрно разростаясь, психологія поглотила множество наукъ, считавшихся самостоятельными, въ томъ числѣ эстетику и этику. Въ природѣ нѣтъ ни красоты, ни нравственности, это произведенія идейнаго лишь міра, это только обобщенія не самыхъ чувственныхъ отъ внѣшняго міра ощущеній, но душевныхъ, чисто личныхъ эмоцій, вызываемыхъ впечатлѣніями внѣшняго міра. Опытная психологія помѣщаетъ эти обобщенныя эмоціи въ отдѣлѣ чувствованій, въ которомъ особыя главы отведены чувствамъ: эстетическому, этическому, религіозному. Въ каждой изъ этихъ главъ разыскиваются законы причинъ, вслѣдствіе которыхъ явленія дѣйствительности

за нимъ всегда ускользаетъ изъ рукъ, и хотя нелѣпо искать смысла личной жизни, потому что подъ микроскопомъ ума она есть только голый фактъ, а не символъ съ внутреннимъ скрытымъ смысломъ, но червякъ-единица порою жалуется, протестуетъ и злословитъ, и этотъ протестъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и послѣдствія, потому что въ сознаніи дѣйствительность претворяется въ міръ идейный, причемъ дѣлаются сочетанія идей, представляющія не то, что̀ существуетъ, но то, что̀ возможно, Человѣческое *я* и будетъ осуществлять возможное, совершенствуя и себя, и обстановку, слѣдовательно, весьма существенно, чтобы это *я* не заупрямилось и не сдѣлало забастовки въ работѣ. К. правъ, когда онъ говоритъ (63): человѣческая личность есть стержень, на которомъ вертится все общество въ поступательномъ движеніи человѣка. Въ минутахъ колебанія и остановки единица сильно страдаетъ, теряетъ бодрость духа; порою, извѣрившись въ знаніе, кидается опрометью въ мистицизмъ. «Это состояніе несносное,—говоритъ Поль Буржэ (Essais de psychologie contemporaine; art. Taine, p. 207, édit. 1885),—которое кончается либо отреченіемъ отъ благороднѣйшихъ требованій души, либо признаніемъ, что наука не можетъ проникать до самаго дна вѣчно ноющаго сердца нашего. Такое признаніе равносильно воротамъ, открытымъ въ мистицизмъ»... Оставаясь безучастными къ законамъ мірозданія, несмѣтныя толпы страдающихъ ловятъ каждое слово, вѣщающее имъ о томъ, что вѣчно, прочно, что добро. Они готовы вѣрить на слово каждому вѣщателю и пророку, который имъ только передаетъ, какъ удивительную тайну, ихъ собственныя эмоціи, ихъ истому и печаль. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны и «Исповѣдь» графа Толстого и «Задачи этики» Кавелина, оба занимающіеся исканіемъ смысла жизни личной. Графъ Л. Толстой отвернулся отъ науки, его неудовлетворившей; Кавелинъ строитъ свою этику, какъ науку, отводя ей какую-то смежную съ психологіею область, но не опредѣляя ея

волнують насъ извѣстнымъ образомъ пріятно или непріятно, какъ честность или порокъ, какъ грандіозность, грація, комизмъ или просто красота. Дальше того наука не идетъ, но за ея рубежомъ имѣются практическія искуства, преподающія практическіе совѣты для творчества по началамъ науки.

Этику, какъ искуство, можно бы подраздѣлить на этическую *педагогику* или выработку характеровъ и этическую *политику* или воплощеніе этическихъ идеаловъ въ правовыхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Эта часть этики современемъ займетъ мѣсто нынѣшней философіи права. Я утверждаю, что если разложить по этой схемѣ все содержаніе книги К., то большая часть ея отойдетъ въ опытную психологію, а все остальиое помѣстится въ этической педагогикѣ. Кавелинъ не признаетъ вовсе этической политики, такъ какъ по его понятіямъ этика преподаетъ только субъективно-личные, а не объективно-коллективные идеалы нравственнаго добра. Послѣ этой раскладки, на выстройку этики, какъ особаго зданія, не останется уже ни одного кирпича. — Наибольшее количество матеріала должно быть отнесено, конечно, въ область психологіи какъ науки. У самаго порога своей этики К. и помѣстилъ самое крупное свое заимствованіе изъ психологіи въ видѣ предварительнаго вопроса о *свободѣ воли*. Этотъ вопросъ — чисто метафизическій, одинъ изъ тѣхъ, которые индуктивная философія старается всячески оставить за штатомъ, что она дѣлаетъ со всѣми вообще вопросами нерѣшимыми, а потому и праздными по ея понятіямъ. Очень можетъ быть, что этотъ вопросъ и будетъ упраздненъ въ наукѣ; въ этомъ направленіи высказался А. Бэнъ (Emotions and Will), отрекающійся отъ вопроса о свободѣ воли, въ которомъ онъ видитъ отрыжку средневѣковой схоластики. При разложеніи данныхъ психологіи на ихъ первичные элементы, понятіе о свободѣ воли теряетъ свое прежнее значеніе и даже отчасти и самый свой смыслъ. Книга К. передаетъ только въ сжатомъ повто-

реніи результаты литературнаго диспута его съ г. Сѣченовымъ (*Кавелинъ*, Задачи психологіи. 1872; *Сѣченовъ*, Психологическіе этюды. 1873). Нельзя сказать, чтобы новая редакція была удовлетворительна. Она состоитъ изъ уступокъ детерминизму, дѣлаемыхъ одною рукою и взятыхъ назадъ другою. Въ сущности К., какъ я думаю, правъ, но аргументація его неубѣдительна, что̀ и постараюсь доказать.

III.

Все въ мірѣ имѣетъ свои причины и совершается по законамъ бытія. Если есть на лицо условія явленія, то оно неминуемо послѣдуетъ, слѣдовательно, мы о немъ говоримъ, что оно *необходимо*. Эти основанія вполнѣ примѣнимы къ поступкамъ и образамъ дѣйствія и единицъ, и массъ, разсматриваемыхъ какъ сыпучія кучи песчинокъ и массъ уорганизованныхъ, то-есть общественныхъ группъ. Зная характеръ человѣка, мы навѣрняка предсказываемъ, какъ онъ поступитъ въ данномъ случаѣ, и не ошибемся, если точно знаемъ и характеръ лица, и обстановку, въ которой онъ дѣйствуетъ. Въ сущности понятія: *рокъ*, *случай*, *произволъ* тождественны и не обозначаютъ вовсе настоящихъ какихъ-либо предметовъ. Они—условныя вѣхи, которыя ставятся на пробѣлахъ знанія, они — x, y, z, алгебраическіе знаки неизвѣстныхъ величинъ. Мы многаго не знаемъ, порою насъ настигаетъ нечаемое, опрокидывающее съ хохотомъ всѣ предвидѣнія и расчеты. Рокъ и есть олицетвореніе того нечаемаго, которое человѣкъ воображаетъ какъ нѣчто на него похожее, какъ олицетворенный верховный произволъ. Случай есть такой же символъ незнанія единичнымъ лицомъ многихъ явленій природы, долженствующихъ самымъ естественнымъ образомъ произойти и его коснуться. Отъ этихъ явленій онъ могъ бы себя оградить, еслибы онъ ихъ предвидѣлъ, но онъ ихъ не предвидѣлъ. Верховенство случая въ природѣ, воспѣ-

ваемое многими философами и поэтами пессимистами (Лукреціи, Ришпэнъ), есть самоотреченіе разума отъ его дѣятельности, нарочитое напускное незнаніе. Самъ произволъ въ единичномъ лицѣ обыкновенно доказывается свидѣтельскимъ показаніемъ непосредственнаго чувства, увѣренностью въ возможности сознательнаго выбора между двумя прямо противоположными направленіями дѣйствія; но чувство можетъ также ошибаться, какъ ошибается зрѣніе человѣка, находящагося на палубѣ движущагося парохода, которому кажется, что онъ-то неподвиженъ, а бегутъ отъ него берега. Иное считать себя свободнымъ, а иное быть свободнымъ. Если разбирать каждое наше дѣйствіе, то большинство ихъ—это дѣйствія автоматическія, совершаемыя по навыку, безъ всякаго усилія воли, и даже безъ напряженія вниманія. Меньшая часть дѣйствій произведена хотя и по волѣ, но по не встрѣчающимъ противодѣйствія мотивамъ, и только наименьшая часть родилась среди грозы, среди бури отъ столкнувшихся чувствъ и мотивовъ. Опытъ и анализъ доказываютъ, что и въ этой области бытія имѣетъ мѣсто дарвиновская теорія, то-есть, что происходитъ между мотивами борьба за существованіе, причемъ неизбѣжно беретъ верхъ тотъ изъ мотивовъ, который посильнѣе. Этотъ законъ признается Кавелинымъ (97): «борьба мотивовъ рѣшается по законамъ механики, въ преобладаніи сильныхъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралистъ но можетъ примириться съ такимъ исходомъ столкновенія, но тщетны усилія! противъ нихъ нѣтъ ни заклинанія, ни чаръ». Итакъ, Кавелинъ, повидимому, рѣшительный детерминистъ. Такъ какъ онъ не даетъ пропуска этикѣ въ чисто объективную, по его понятіямъ, область права и государства, то его могутъ и не озадачивать нисколько вопросы, какъ быть общественной юстиціи безъ фикціи свободы, слѣдовательно, безъ основанія для вмѣняемости. Юстиція можетъ превосходно устроиться и при самомъ крайнемъ детерминизмѣ (теоріи новѣйшихъ итальянскихъ

криминалистовъ); стоитъ лишь измѣнить слегка юридическую миѳологію и ея жаргонъ. Приручать можно и животныхъ, вся педагогика нынѣ только и заключается въ пріемахъ дрессировки людей. Если она не достигла цѣли, то остается правосудіе, котораго задача собственно упрощена, если ему не предлагаютъ доискиваться вины и отвѣшивать возмездіе на воображаемыхъ вѣсахъ, а просто требуютъ, чтобы оно опредѣлило, что такому-то волку или тигру въ образѣ человѣческомъ, неудобному или даже опасному для другихъ, будь онъ психически здоровъ или тронутъ, слѣдуетъ обрѣзать когти, вырвать зубы или и совсѣмъ изъять его изъ общежитія.

Я уже сказалъ, что уступка Кавелина детерминизму была только кажущаяся. Несмотря на признанный роковой перевѣсъ сильнѣйшаго мотива, воля человѣка, по убѣжденію К., полусвободна. Чѣмъ развитѣе организмъ, тѣмъ менѣе похожа дѣятельность его на рефлексы, тѣмъ зависимѣе и возбужденія, и движенія отъ центральнаго психическаго ѳргана, то-есть отъ сознанія (23). Наряду съ внѣшними побужденіями являются идеи и эмоціи, всякое и стремленіе, и внѣшнее побужденіе становится мотивами, только просочившись сквозь сознаніе, причемъ каждое изъ нихъ теряетъ свою принудительную силу (26). Сознаніе нейтрализируетъ внѣшнія побужденія и превращаетъ наклонности въ опредѣленныя цѣли (27); оно—регуляторъ мотивовъ, дѣйствующій чрезъ противопоставленіе имъ разныхъ соображеній, которыя К. не рѣшается назвать мотивами, но которыя несомнѣнно—мотивы, коль скоро они имѣютъ власть одни возбужденія усиливать, другія задерживать или ослаблять (49). Эти соображенія не суть мотивы по словамъ К., они лежатъ внѣ и выше мотивовъ; они—идейныя основанія нравственныхъ *идеаловъ* (50). Все это крайне туманно и неопредѣленно. Еслибы пришлось этотъ сложный механизмъ, какъ онъ понятъ у К., изобразить въ картинѣ, то мнѣ кажется, что эту задачу можно бы разрѣшить слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ рыдванъ, за-

пряженный четверкою прыткихъ и рвущихся въ разныя стороны лошадей; эти лошади—мотивы. На нихъ надѣты сбруи, закинуты возжи,—то суть соображенія, идейные зачатки идеаловъ. На козлахъ сидитъ возница—сознаніе или человѣческое *я*, которое правитъ четверкою, то попуская, то затягивая возжи, то ударяя, по усмотрѣнію, кнутомъ по любой коренной или пристяжной. Въ этой теоріи воли все отъ начала до конца сомнительно и даже несогласно съ дѣйствительностью. Мотивы, обуздываемые не другими мотивами, а соображеніями, не суть настоящіе мотивы, а какіе-то малеванные. Малая доля дѣйствій совершается по понудительнымъ мотивамъ, а весьма значительная часть ихъ—по вкусамъ, расположеніямъ, носящимся въ воображеніи идеаламъ, слѣдовательно, по соображеніямъ, которымъ авторъ упорно отказываетъ въ званіи мотивовъ, хотя они, если судить по послѣдствіямъ, — настоящіе мотивы, а не исправляющіе должность. Наконецъ, виновникомъ и причиною результатовъ ѣзды на запряженныхъ лошадяхъ всѣми будетъ считаемъ возница самъ, а не его лошади. На этихъ основаніяхъ компромиссъ съ детерминизмомъ состояться не можетъ; не мотивъ будетъ увлекать человѣка, а допускать дѣйствіе будетъ мое *я*, орудующее мотивами, внѣ его находящимися и прирученными. Куда же дѣнется роковое преобладаніе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми, если ни тѣ, ни другіе не принудительны и если мое *я* то и дѣлаетъ, что регулируетъ ихъ и ими управляетъ? При такихъ условіяхъ автора слѣдовало бы отнести къ сторонникамъ не условной, а безусловной самопроизвольности воли. Я вовсе не желаю входить самъ въ споръ и разрѣшать его либо въ пользу детерминизма, либо въ пользу самопроизвольности; объ этомъ предметѣ написано несмѣтное число книгъ; желающимъ изучить вопросъ можно ука-указать превосходную книгу Альфреда Фулье: La liberté et le déterminisme (2 éd., 1884). Мнѣ кажется, что его и нынѣ можно бы изъять, если не изъ знанія вообще,

то изъ опытной психологіи, и перенести въ столь обезславленную, но еще не совсѣмъ похороненную метафизику, потому что своими корнями этотъ вопросъ держится въ бездонныхъ глубинахъ индивидуализма, конкретной личности и идеи причинности, которую умъ въ самой личности подмѣтилъ, наблюлъ, обобщилъ и по аналогіи перенесъ на все, внѣ насъ существующее. Образцомъ для этой категоріи, подъ которую подводятся мысленно всѣ явленія міра, служитъ только самосознаніе, то-есть человѣческое *я* и притомъ не *я* настоящее и реальное, но *я* воображаемое, *я* метафизическое, то-есть, мысленно проектируемое въ пространствѣ и времени и только сравниваемое съ реальнымъ. Такъ называемая свобода воли сидитъ въ этомъ отвлеченномъ *я*, нѣтъ реальнаго предмета ей соотвѣтствующаго, потому что въ дѣйствительности царитъ неволя сильнѣйшихъ мотивовъ. Она—форма безъ содержанія, она—такой же абсолютъ, какъ всѣ идейныя существа: добро, правда, красота; она — созданіе воображенія, съ реальной точки зрѣнія небылица. Въ дѣйствительной жизни либо воля отсутствуетъ, либо она дѣйствуетъ, но если она дѣйствуетъ, то она полна содержанія и всегда либо стремится къ желаемому, либо борется съ нежелаемымъ. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ никакого контраста между свободнымъ и необходимымъ. Необходимыми называются тѣ явленія, которыя не могутъ не произойти, когда имѣются въ наличности всѣ до единаго условія ихъ осуществленія. Предположимъ, что къ числу условій, факторовъ явленія, принадлежитъ личная чья-нибудь рѣшимость содѣйствовать его осуществленію. Если это событіе произошло, то оно произошло по необходимости, то-есть, по законамъ природы, даже, если на него будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія личнаго его фактора. Но оно было произвольно, потому что оно было имъ желаемо или, если употребимъ болѣе точное слово, еще необтершееся, но уже употреблявшееся въ книгахъ объ уголовномъ правѣ, потому что оно было волимо. Свобода

воли или вольная воля собственно тавтологія, какъ, напримѣръ, водяная вода; оно есть объясненіе не вещи, а ея символа, воспроизведеніемъ его почти механическимъ, причемъ употреблены другія слова, но знаніе не подвинулось ни на вершокъ. Большая заслуга Августа Конта и позитивистовъ—та, что они прогнали изъ индуктивной науки всѣ абсолюты, чѣмъ облегчили успѣхи опытнаго знанія, или, по крайней мѣрѣ, что они научили, что къ абсолютамъ слѣдуетъ относиться не какъ къ реальностямъ, а какъ къ символическимъ знакамъ, къ своего рода уличнымъ проваламъ въ мостовой, отмѣчаемымъ по ночамъ горящими фонарями. Разница только та, что провалы въ мостовой не глубоки, а тутъ зіяютъ бездонныя отверстія, въ которыя и не гляди, и не суйся, а не то пропадешь. Испытано, что всякая бездна манитъ и влечетъ къ себѣ человѣка. Послѣ всѣхъ успѣховъ знанія, послѣ идейнаго воспроизведенія въ видѣ простыхъ механизмовъ и міра, и души, въ химической ретортѣ изслѣдователя всегда останется неразлагаемый осадокъ, то неизвѣстное, которое К. называетъ единичнымъ, конкретнымъ; нѣчто добивающееся узнать смыслъ жизни и интересующееся не тѣмъ, что вразумительно написано на скрижаляхъ знанія, но только тѣмъ, что обрѣтается въ бездонныхъ колодцахъ. Одно непререкаемое существованіе такихъ колодцевъ обезпечиваетъ навсегда господство религіи въ умахъ милліоновъ людей. Они существуютъ и въ области эстетики, и въ области этики. Баллада Шиллера «Пловецъ» не есть сплошной вымыселъ. Являются порою добровольцы, которые кидаются на дно моря не ради брошенной туда дорогой чаши и не ради жемчуга и кораллов, а просто, чтобы побывать тамъ, куда не заходилъ ни одинъ человѣкъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти Икаровы попытки были безплодны. Набѣги въ область, объявленную непознаваемою, кончались обыкновенно гибелью наѣздниковъ, но вознаграждались иногда и богатою добычею; послѣ нихъ иногда расширялся кругъ знанія за рубежи, начерченные цир-

кулемъ осторожной индукціи, открещивающейся отъ вопросовъ съ гадательными отвѣтами и тѣмъ обрѣзывающей крылья пытливому уму и отважному сердцу. Назовите эти догадки подобіемъ науки, полу-наукою, полупоэзіею, а все-таки выйдетъ, что метафизика есть, что она не упразднена. Самъ Кавелинъ въ сущности метафизикъ, мнящій, что онъ стоитъ на почвѣ опытной индукціи. Но если метафизикѣ суждено воскреснуть, то только при условіи полнѣйшаго ея преобразованія, введенія новыхъ методовъ и полнаго ея отказа отъ обращенія съ идеями-абсолютами, какъ съ понятіями, которымъ соотвѣтствуютъ реальныя дѣйствительности. Они — продукты одного лишь мышленія, символы непознаваемаго; они—хотя и факты, но только психическіе и съ этой точки зрѣнія далеко не безрезультатны. При полномъ сознаніи ихъ метафизичности и нереальности, ихъ можно отстаивать какъ «насъ возвышающую мечту» (я не рѣшаюсь сказать: «обманъ»), какъ дорогое сокровище души, ихъ можно защищать, дабы, похитивъ ихъ у насъ, знаніе не бросило, какъ говоритъ К. (104), сираго и немощнаго человѣка среди кипучаго омута жизни безъ всякой поддержки. Что поворотъ къ метафизикѣ не только возможенъ, но и существуетъ, это я постараюсь доказать нѣсколькими соображеніями и нѣсколькими цитатами.

IV.

Говоря языкомъ физіологіи, вся нервная дѣятельность, составляющая оборотную сторону психической, ничто иное какъ рефлексъ, но у человѣка онъ осложенъ преобладаніемъ функцій головного мозга, посредничащихъ между возбужденіемъ и движеніемъ. Такъ какъ организмъ у человѣка крайне сложный и наиболѣе сосредоточенный, то и откликается онъ на всякое возбужденіе всѣмъ составомъ нервнаго механизма, всѣмъ сознаніемъ, всѣмъ, что называется *я*. За исключеніемъ одного во-

проса съ метафизическимъ проваломъ о тайнѣ творчества, о томъ, какъ совершаются геніальныя комбинаціи, великія открытія (о такъ-называемомъ творческомъ вдохновеніи), во всемъ остальномъ и мысль, и дѣятельное желаніе или мотивъ, суть только части живого *я* и изъ него въ дѣйствительности не выдѣлимы. Притомъ и мысль, и желаніе не различаются качественно; всякая мысль, по своей природѣ, или уже сдѣлалась или склонна къ тому, чтобы сдѣлаться мотивомъ. Мысль есть нѣчто производное, ей предшествовало чувство и уже начавшееся, но пріостановленное движеніе. Сама идея, какъ образъ или представленіе, вызываетъ въ мышцахъ нервныя движенія къ ея осуществленію [1]). Всякое внѣшнее сознаваемое возбужденіе похоже на послѣдняго пришлеца въ многолюдномъ собраніи, притомъ въ собраніи не безпорядочномъ, какъ торжище, а уорганизованномъ. По закону сродства одни изъ присутствующихъ манятъ пришлеца къ себѣ, другіе отталкиваютъ. Въ числѣ идей, участвующихъ въ этомъ вѣчѣ, рѣшающемъ о направленіи движенія, есть одна съ метафизическимъ оттѣнкомъ, которая, развиваясь и укореняясь, можетъ сдѣлаться сильнѣйшимъ и даже преобладающимъ мотивомъ. Эта идея—метафизическая; она—формула съ величиною неизвѣстною, съ нѣкоторымъ осадкомъ, остающимся послѣ всѣхъ логическихъ операцій на днѣ индивидуальнаго *я*. Такой неразлагаемый осадокъ есть и въ понятіи темперамента, какъ совокупности природныхъ и унаслѣдованныхъ качествъ единичнаго организма. Онъ есть и въ понятіи характера, какъ способа откликаться своеобразно на толчки и запросы извнѣ, слѣдуя по однимъ только лично собою проторённымъ колеямъ. Эта идея—фонарь надъ вѣчно открытымъ метафизическимъ проваломъ, надъ вопросомъ о томъ: машина ли человѣкъ, какъ полагаютъ матеріялисты, или въ немъ

---

[1]) Fouillée: Quand je pense à marcher, l'idée je puis marcher signifie: je commence l'innervation aboutissant à la marche.

есть еще нѣчто внѣ-феноменальное, которое участвуетъ въ отвѣтахъ на запросы извнѣ не только освѣщенными своими частями, но и своимъ темнымъ фономъ? Всякій вопросъ можетъ быть рѣшенъ положительно или отрицательно. Допустимъ отрицательное рѣшеніе, что свободы воли нѣтъ, что она лишь «насъ возвышающій обманъ»; но сама эта идея сидитъ крѣпко въ умѣ, и если она изъ него не искоренима, то она и есть полнѣйшій эквивалентъ несуществующей реально свободы воли, эквивалентъ, приносящій на практикѣ всѣ плоды, какіе бы доставляла сама отрицаемая детерминизмомъ реальность. Въ развитіи идеи свободы могутъ быть отмѣчены фазисы этого развитія, психологическіе его моменты. Наименѣе свободны дитя и дикарь, ихъ жизнь наиболѣе приближена къ типу нервнаго рефлекса;—они рабы всякаго внѣшняго толчка и всякой похоти. Второй моментъ наиболѣе походитъ на такъ называемою свободу безразличія. Является сознаніе о возможности задержать движеніе, но и эта задержка не есть произволъ безъ мотива. Мотивъ ея—сама воля, какъ идеалъ, представленіе о силѣ, исходящей отъ *я* и способный сказать: не хочу, по отношенію къ самой настойчивой потребности, хотя бы пришлось страдать и погибнуть или убить въ себѣ сердечныя привязанности, отрѣшиться отъ привычекъ. *Я* дѣйствительному, состоящему подъ давленіемъ мотива, противопоставляется мысленно *я* будущее, *я*, разсматриваемое внѣ времени sub specie aeterni tatis, *я* при извѣстномъ настроеніи и напряженіи возможное, причемъ совершается сначала мысленное, а потомъ и дѣйствительное превращеніе обыкновеннаго человѣка въ героя. Разъ этотъ секретъ открытъ, то и найдена Архимедова точка опоры для міроваго рычага. Лицо стяжало независимость, его могутъ стереть съ поверхности земли, но оно не согнется. Но этотъ моментъ задержки движенія—только переходный; онъ важенъ, не какъ убіеніе въ себѣ желаній (Nirvana), но какъ снятіе цѣпей внѣшнихъ мотивовъ, не исходящихъ

изнутри самого *я*, а также какъ накопленіе запаса силы для дѣлъ предстоящихъ. Въ дѣйствительномъ, себя сознающемъ и возникло представленіе о другомъ *я*, идейномъ, отличномъ отъ дѣйствительнаго, возникъ образъ человѣка, каковъ онъ долженъ быть, совершеннѣйшаго, любящаго, опредѣляющагося къ дѣйствію по наиболѣе универсальнымъ мотивамъ. На высотѣ этого послѣдняго видоизмѣненія идеи, свобода—то же что безкорыстіе, что самопожертвованіе, что любовь. Индивидуальныя разницы въ людяхъ исчезаютъ, всѣ личности одинаково идеальны, мое *я* отождествляется съ каждымъ другимъ и со всѣми, и съ вселенною, и желаетъ всеобщаго добра. Детерминизмъ, такимъ образомъ, признанъ, но въ немъ самомъ найденъ упругій элементъ — мотивъ: идея мысленной свободы, которая столь сильна, что выноситъ на своихъ плечахъ цѣлую этику. Выводъ идеи не мой, я его заимствовалъ отъ Фулье, изъ книги коего я рѣшаюсь сдѣлать еще два характерныя заимствованія.

«Мы въ этомъ мірѣ стѣснены и какъ бы прикрѣплены гвоздями необходимости; мы не только заключены, но насъ жмутъ самыя стѣны нашей тюрьмы. Мы можемъ пошевельнуться только тогда, когда сама тюрьма, то-есть вселенная, повернется и унесетъ насъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ. Однако, несмотря на давленіе, я нахожу въ идеѣ свободы средство сопротивляться. Когда я убѣжденъ, что стѣны темницы подадутся и допустятъ выпрямиться моимъ членамъ, стѣны, въ самомъ дѣлѣ, отодвигаются. Я ихъ ощупалъ опять на нѣкоторомъ разстояніи, но и затѣмъ онѣ не перестаютъ отодвигаться подъ натискомъ идеи и опытъ не способенъ провести границу, которую бы я не могъ переступить при простомъ воздѣйствіи идеи на эту границу» (стр. 347).

Фулье кончаетъ свою книгу ссылкою на миѳъ о Прометеѣ и уподобляетъ идею свободы похищенному имъ отъ очага боговъ огню. Прометей связанъ по рукамъ и по ногамъ, но мыслью и сердцемъ онъ свобо-

денъ и грезитъ только объ одномъ освобожденіи. Онъ изобрѣлъ способы развязывать понемногу свои путы: посредствомъ науки, посредствомъ искуства. Путы эти сдѣлались болѣе упругіе, болѣе тонкіе, почти незамѣтные, однако они есть и онъ ихъ мысленно ощупываетъ каждую минуту. Одновременно онъ созерцаетъ весь родъ человѣческій, закованный въ цѣпи, страдающій и плачущій. Слыша вопли братьевъ, Прометей забылъ себя и свои оковы, забылъ, что роковымъ образомъ онъ навѣки отъ нихъ отдѣленъ, онъ устремляется на ихъ освобожденіе. Тогда совершается чудо: при усиліи, внушенномъ любовью, Прометей сорвалъ съ себя свои цѣпи, самъ о томъ не думая, онъ соединился съ братьями, онъ съ ними, онъ въ нихъ, онъ свободенъ, насколько дано быть свободнымъ человѣку (стр. 359).

Еслибы книга Фулье побывала въ рукахъ у Кавелина, я не сомнѣваюсь, что она видоизмѣнила бы нѣкоторыя положенія «Задачъ этики». К. объяснилъ бы себѣ то, что у него загадачно, какъ можетъ человѣкъ любить въ ближнемъ не конкретное лицо, какъ единицу, но универсальный типъ человѣка. К. указалъ бы на то, что, усмотрѣвъ этотъ образецъ въ самомъ себѣ, мыслящее лицо, обобщая его, перенесло его и на другихъ. Объяснилось бы и еще одно загадочное обстоятельство и какъ бы противорѣчіе, почему изслѣдователь, начавъ съ отыскиванія смысла жизни въ ускользающемъ и недоступномъ уму индивидуальномъ, предлагаетъ въ концѣ концовъ отрѣшиться отъ всякихъ чисто личныхъ идеаловъ счастія и прилѣпляться только къ универсальному. Я долженъ оговориться, что, ссылаясь на Фулье, я далекъ былъ отъ мысли попрекать К. незнаніемъ той или другой книжки. Нельзя знать все печатаемое, въ особенности человѣку, какъ К., весьма занятому другимъ дѣломъ и посвящающему философіи только малый остатокъ времени, досуги въ промежуткахъ занятій. Отъ автора можно только требовать, чтобы онъ былъ въ умственной атмосферѣ своего вѣка,

чтобы отъ него не ускользали крупныя явленія и направленія. Впрочемъ, новѣйшая плеяда французскихъ психологовъ и моралистовъ, въ числѣ которыхъ блистаетъ и Фулье—явленіе довольно крупное, и жаль, что К. съ ними не познакомился. Я отказываюсь также и отъ подробнаго разбора деталей у К. въ оцѣнкахъ новѣйшихъ школъ философіи. Неточно то, что говоритъ К. о новѣйшей англійской, неточны его замѣчанія и о нѣмецкой, работающей нынѣ надъ подведеніемъ подъ сознательные психическіе процессы того, что имъ предшествуетъ въ безсознательномъ. Нельзя отдѣлаться полустраничкою отъ утилитаріанца Джона Стюарта Милля (70) и двѣнадцатью строками (70, 71) отъ А. Конта и отъ Г. Спенсера, осудивъ гуртомъ и «Начала Психологіи» и «Данныя Этики». Нельзя сказать, что опытное знаніе, исключавшее, насколько это возможно, метафизику, есть тоже знаніе метафизическое (103); нельзя предлагать, какъ нѣчто новое и неполучившее правъ гражданства въ наукѣ (33), перенесеніе центра тяжести въ знанія изъ объективнаго въ субъективное, потому что это давно уже сдѣлано при самомъ воцареніи опытной психологіи, но этимъ не рѣшились коренные вопросы знанія, потому что лицомъ къ лицу стали двѣ теоріи, изъ коихъ одна усматриваетъ въ душѣ только особый механизмъ, а другая признаетъ и за, и подъ явленіями непроницаемый темный фонъ живой личности. Книга К. выиграла бы, еслибы изъ нея исключить нѣкоторыя нѣсколько рѣзкія и, можетъ быть, поспѣшныя сужденія въ родѣ того (107), напримѣръ, что новѣйшіе народы разрѣшили окончательно, безповоротно и блистательно вопросъ о мышленіи, его условіяхъ и законахъ и о его участіи въ жизни людей. Никакой жизненный вопросъ не рѣшается безповоротно, даже въ біологіи (напр., что такое жизнь?), тѣмъ болѣе вопросъ о мышленіи, въ которомъ такъ и рябитъ въ глазахъ отъ засѣвшихъ цѣлыми гнѣздами абсолютовъ, отъ этихъ мысленныхъ созданій и якобы реальностей, между тѣмъ какъ они

только мечты или условные знаки. К. былъ весьма склоненъ къ рѣшительнымъ сужденіямъ, что можно доказать ссылкою (38) на его сужденія о христіанской этикѣ, какъ образцѣ совершенства, послѣднемъ словѣ мудрости и неприступной скалѣ, къ которой возвращаются люди послѣ скитаній для утоленія мукъ и терзаній души. Я не опровергаю нисколько содержанія этого вполнѣ вѣрнаго положенія, но я возражаю противъ формы, противъ двусмысленностей, къ которымъ она располагаетъ. Религіозное ученіе Христово было, несомнѣнно, этическое, но слово: *христіанскій* объемлетъ весь ростъ ученія въ теченіе всѣхъ 19 вѣковъ, со всѣми уклоненіями, ошибками и даже ересями, наконецъ, со всѣми трудами ученыхъ, хотя и свѣтскихъ, но сочинявшихъ христіанскія этики въ родѣ Кавелинской, то-есть этики, въ которыхъ предлагаемо было то же практическое ученіе, но выведенное изъ самого нутра природы человѣческой. Я считаю опрометчивымъ даже и сужденіе (37) о тщетѣ усилій искать либо въ буддизмѣ, либо у Сократа или Платона этическихъ ученій, напоминающихъ христіанство. Я не хочу касаться церковнаго ученія, но разсуждая о такихъ «христіанскихъ» этикахъ, какова Кавелинская, я утверждаю, что онѣ могли бы многое позаимствовать, напр., отъ буддизма. Слишкомъ тѣсенъ кругъ, которыми онѣ очерчиваютъ этическую дѣятельность—отношенія къ людямъ и между людьми, между тѣмъ какъ буддизмъ дышетъ безконечною любовью и къ меньшей братіи, ко всякой твари, ко всякому цвѣтку, къ жизни вообще, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась.

Кончивъ съ предварительнымъ вопросомъ о свободѣ воли и откинувъ все второстепенное, перехожу къ самой сути «Задачъ этики» и утверждаю, что это строеніе имѣетъ мало общаго съ опытною психологіею. Оно все зиждется на понятіи *я*, какъ на первичномъ и неразложимомъ основаніи, между тѣмъ какъ нынѣ, даже и не феноменалистами, признано, что понятіе о *я* въ мы-

шленіи есть сложнѣйшій продуктъ, значекъ, подъ который подведено весьма разнообразное содержаніе, что оно есть не болѣе какъ объединенная мысленно совокупность всѣхъ душевныхъ состояній лица.

V.

Извѣстно, что психологія сильно увеличилась въ объемѣ и разбогатѣла, когда перешла изъ рукъ философовъ въ руки физіологовъ, когда вмѣсто скудныхъ средствъ самонаблюденія она стала располагать данными статистики, психіатріи и внѣшними наблюденіями надъ тысячами людей здоровыхъ и больныхъ, находящихся въ сознательномъ состояніи или въ безсознательномъ.— Кавелинъ дѣйствовалъ еще по старымъ методамъ, посредствомъ одного самонаблюденія и разсуждалъ такимъ образомъ (11—27). Человѣку свойственно знаніе и кромѣ знанія—сознаніе, какъ бы второй ярусъ той же «способности», знаніе предметовъ, посредственное, послѣ переработки впечатлѣній въ мышленіи, вслѣдствіе чего психическая жизнь человѣка имѣетъ какъ бы два центра. Зачатки второго центра есть и у животныхъ, но у человѣка дифференціяція органовъ мышленія особенно развита. Вторичная, посредственная дѣятельность ума не вполнѣ оцѣнена по мнѣнію К. въ Германіи и совершенно упущена (??) англійскими и французскими психологами. Сознаніе, по мнѣнію К. (13), можетъ быть и пассивное, и активное; оно пассивно въ созерцаніи, оно активно, когда повѣряетъ и направляетъ мысли, чувства и внѣшніе поступки, когда мысли, ставъ идеалами, превращаются въ цѣли (50). «Дѣятельное» (?) сознаніе[1]) этихъ идеаловъ есть *совѣсть*, но не совѣсть—ихъ родитель. Ихъ создаетъ само индивидуальное лицо, въ которомъ сходятся всѣ нити знанія и дѣятельности (64),

---

[1]) Сознаніе есть собственно нотированіе происходящаго въ душѣ. Трудно понять, какъ еще иначе можетъ быть оно *дѣятельно?*

человѣческое *я*, сознаніе и воля за одно. Этому *я* либо религія, либо этика внушають: будь добръ, люби, жертвуй собою, между тѣмъ какъ въ другое ухо похоти шепчутъ: яждь, пей и веселися. — Такова, если не дословно, то по своему содержанію вся теорія Кавелина. Допустимъ, что она вѣрна, но есть же еще другія, которыя надобно было прежде всего опровергнуть и устранить. Есть цѣлая фаланга чистыхъ феноменалистовъ съ Ип. Тэномъ во главѣ (de l'Intelligence, l. IV, ch. 3).—«Изъ всѣхъ запружавшихъ науку призраковъ, — говоритъ Тэнъ, — остались только два: *я* и матерія. Послѣдняя уже упразднена, все во внѣшней природѣ сводится къ движеніямъ, какъ къ проявленіямъ силъ, а сила есть лишь подмѣченный законъ такой постоянной связи между событіями, что за однимъ слѣдуетъ непремѣнно другое. Пора упразднить и это отвлеченное и пустое *я*, и всѣ якобы особыя способности, приписываемыя душѣ. Только одни психическія событія: ощущенія, образы, воспоминанія, идеи составляютъ поочередно наше моральное существо. Они—непрерывная ткань, разрѣзываемая лишь мысленно на полоски. Въ этой ткани нѣтъ ничего кромѣ психическихъ событій и связей этихъ событій, болѣе или менѣе далекихъ, съ фактами внѣшняго міра. Эту ткань мы именуемъ словомъ *я*. Оно— особое отдѣленіе въ системѣ нервныхъ функцій, а нервныя функціи составляютъ особую область въ живомъ и цѣломъ животномъ». Есть еще и другое опредѣленіе понятія *я* у Герберта Спенсера (Начала Психологіи, часть 6-я, главы 16—18). Наша психическая жизнь есть постоянная то дифференціяція, то интеграція состояній души, причемъ окончательнымъ результатомъ объединенія являются всегда двѣ противоположныя группы душевныхъ состояній: объектъ и субъектъ или не-я и *я*. Въ первой группѣ преобладаютъ ощущенія живыя и вызываемыя ими эмоціи, другая группа состоитъ изъ состояній сознанія слабыхъ, изъ образовъ и воспоминаній пережитаго. Если, по предложенію Тэна, въ ткани со-

знанія вырѣжемъ мысленно тончайшую полоску, представляющую одно кратчайшее мгновеніе психическаго бытія, то функцію сознанія можно будетъ уподобить функціи зрѣнія. Глазъ, какъ извѣстно, обозрѣваетъ заразъ малую долю внѣшняго міра, нѣсколько предметовъ, да и изъ нихъ видитъ вполнѣ точно только то, что отражается на сѣткѣ въ пунктѣ прямо противъ центра зрачка. Наше *я*, составляющее подвижной центръ самосознанія, также останавливается одновременно только на одномъ предметѣ и переходитъ затѣмъ на другіе. На этотъ пунктъ нанизываются, такъ сказать, всѣ мыслимые предметы, какъ впечатляющіеся, такъ и воспоминаемые или воображаемые посредствомъ комбинацій. Посредствомъ него и объединяется прошедшее, настоящее и будущее. Феноменалисты правы въ томъ, что въ понятіи *я* содержится только совокупность отмѣченныхъ эмоціями перемѣнъ въ состояніяхъ сознанія: таково дѣйствительно *я* живое, реальное. Но умъ нашъ не можетъ остановиться ни на какомъ конкретномъ явленіи, онъ тотчасъ его обобщаетъ и создаетъ изъ него нѣчто идейное, несуществующее въ дѣйствительности. Матеріалъ для обобщенія готовъ, обобщеніе возможно чрезъ простое сопоставленіе по воспоминаніямъ того же *я* въ разные моменты прошлаго и чрезъ проектированіе его же въ возможномъ будущемъ, чрезъ представленіе себѣ этого *я*, какимъ оно было и какимъ оно могло бы быть, какимъ желательно, чтобы оно было. Между реальною подкладкою идеи и самою идеею имѣется соединяющій оба предмета элементъ,—самъ процессъ обобщенія, идеализаціи. Изъ существованія этой связи между первоначальнымъ и производнымъ вовсе не слѣдуетъ заключать, будто бы имѣются двѣ способности, два рода или яруса познанія и, соотвѣтственно тому, два органа психической дѣятельности. Заимствуемъ сравненіе изъ самой книги К. (25). На возстановленіе тканей въ организмѣ человѣка поступаетъ не сама воспріятая организмомъ пища въ ея первоначальномъ видѣ, но только *chylus*, выра-

ботанный уже процессомъ пищеваренія въ желудкѣ, а все-таки претворяющій пищу въ организмѣ человѣка желудокъ одинъ, а не два, и нельзя сказать, чтобы въ пищевареніи самъ организмъ раздваивался. Предлагаемое К. объясненіе механизма мышленія и не убѣдительно, и далеко не ново. Оно—дальній отголосокъ старинной, нынѣ покинутой теоріи о способностяхъ души; оно—воспроизведеніе дѣленія познающей способности на *Verstand* и *Vernunft*, на *Denken* и *Nachdenken*, на непосредственное пониманіе и рефлексію, какъ спеціальный органъ философскаго мышленія, противуполагаемаго простому. Въ предлагаемой К. конструкціи динамическое признано статическимъ, притомъ психическое раздвоеніе знанія перенесено и на животныхъ (12). Его слѣдуетъ, по словамъ К., признать даже у комара (49), который влекомъ къ человѣку желаніемъ напиться крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ боится за свою жизнь (слѣдовательно, представляетъ себѣ и будущее), высматриваетъ, описываетъ круги въ воздухѣ и только, убѣдившись, что опасности нѣтъ, вонзаетъ свой хоботъ. Послѣ этихъ возраженій, направленныхъ на психологію К., послѣдуемъ за нимъ въ спеціальную область этики.

VI.

Опредѣленіе Кавелинымъ понятій: *нравственный* и *нравственность*, весьма, повидимому, точное, весьма своеобразное и крайне несходное съ общепринятымъ. Оно находится въ теснѣйшей связи съ господствующей у К. идеей, къ которой перейду впослѣдствіи, что современная мысль, склонившись къ односторонне-объективному взгляду на жизнь, утратила чутье къ внутренней, духовной жизни людей (7). К. совсѣмъ исключаетъ изъ области этики всѣ человѣческіе поступки, насколько они *внѣшніе*, то-есть насколько посредствомъ нихъ субъектъ соприкасается съ другими людьми и съ обществомъ или

съ общественною властью. Мѣрка, по которой оцѣниваются поступки, разсматриваемые въ качествѣ внѣшнихъ, чисто объективная, только утилитарная. Поступокъ чествуется или преслѣдуется на основаніи окрѣпшихъ до неподвижности нормъ, установленныхъ закономъ, или на основаніи общепринятыхъ приличій и нравовъ, безъ всякаго отношенія его къ тому, изъ какихъ побужденій онъ истекалъ. К. соединилъ, такъ сказать, въ одну кучу и законы, и нравы, и правовую, и общественную мораль. По его понятіямъ и установленное закономъ, и установленное нравами одинаково условно, одинаково принудительно, потому что одинаковъ съ наказаніемъ можетъ быть остракизмъ общественнаго мнѣнія. Нравы,—говоритъ К. (8),—имѣютъ источникомъ потребности урганизованнаго быта людей и относятся слѣдовательно къ области права, отъ котораго они отличаются только случайностью, больше по недоразумѣнію, нежели по существу дѣла. К. иронически относится къ выраженіямъ: *нравственное поведеніе*, *общественная мораль*; они—такія же безсмыслицы какъ: *законопротивный замыселъ*, *преступная воля* (7). Мѣрка этики должна быть совсѣмъ иная. Этика оцѣниваетъ поступки, насколько они *внутренніе*, то-есть съ момента состоявшейся рѣшимости, хотя бы не обнаружившейся еще ни дѣломъ, ни словомъ. Она цѣнитъ поступокъ исключительно только по чистотѣ и достоинству побужденій. Такимъ образомъ подъ нравственностью К. понимаетъ чисто формальное отношеніе поступка къ его мотивамъ, отдѣленное отъ его содержанія и практическихъ послѣдствій, какъ случайныхъ, такъ и бывшихъ въ виду у дѣйствующаго лица. На этотъ счетъ К. выразился весьма категорически (6): часто объективная сторона поступка становится на одну доску съ внутренней и подразумѣвается, что понятіе о нравственности слагается съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Кавелинъ отвергаетъ этотъ взглядъ и полагаетъ, что оцѣнка должна быть производима только по субъективной сторонѣ поступка, причемъ

объективная безразлична. Односторонній взглядъ на предметъ опровергается всего лучше сопоставленіемъ съ идеею ея послѣдствій.—Допустимъ, что извѣстное лицо по самому искреннему своему убѣжденію, весьма неправильному и ошибочному, сочло извѣстную идейную комбинацію условій добромъ и осуществило ее, проливъ много крови и причинивъ множество страданій. Допустимъ, что это лицо дѣйствовало вполнѣ безкорыстно. По опредѣленію Кавелина, дѣйствія его будутъ нравственны, хотя бы дѣйствующее лицо былъ Торквемада, потому что страданія людей суть признаки объективные, опредѣляющіе внѣшнюю, а не внутреннюю сторону поступковъ. Нельзя будетъ назвать безнравственною политику Филиппа II, еслибы было доказано, что онъ не лицемѣрилъ, а дѣйствовалъ какъ убѣжденный фанатикъ.—Трудно будетъ рѣшить, какъ отнестись къ лицу столь мало развитому, что въ сознаніи его и не родятся иные идеалы, кромѣ чисто личныхъ (101): разбогатѣть, жениться по разсчету, добиться между людьми почестей, извѣстности и т. под.—Понятіе о нравственности не можетъ быть только формальное; для полноты его необходимо, чтобы субъектъ осуществлялъ не только какой-либо субъективный идеалъ, но чтобы онъ осуществлялъ идеалъ хорошій, достойный одобренія и подражанія.—Въ концѣ книги Кавелинъ, самъ того не замѣчая, переходитъ на объективную точку зрѣнія, признавая (100), что идеалъ идеалу рознь, когда онъ дѣлитъ идеалы на низшіе—чисто личные и на высшіе—то-есть общіе и отвлеченные, и когда онъ сожалѣетъ (101) о томъ, что современный человѣкъ, извѣрившись въ отвлеченные идеалы, ограничивается теперь чисто личными, которые не могутъ его удовлетворить. Повидимому, при окончаніи своего труда К. если не перешелъ къ объективному взгляду, то находился на пути къ такому переходу, къ понятіямъ въ родѣ тѣхъ, какія изложены въ § 14 «Data of Ethics» Г. Спенсера. Хотя-бы, по словамъ Спенсера, приверженецъ такъ на-

зываемой имъ интуитивной морали исключительно руководствовался рѣшеніями одной только своей совѣсти, онъ все-таки потому лишь довѣряетъ этимъ рѣшеніямъ, что сознаетъ, хотя можетъ быть и смутно, что своимъ послушаніемъ онъ содѣйствуетъ благосостоянію другихъ, а непослушаніемъ причиняетъ имъ страданія. Предложите ему назвать добрымъ (нравственнымъ) образъ дѣйствія, который въ совокупности производимыхъ имъ ощущеній приноситъ болѣе страданій, нежели удовольствій въ сей жизни, или въ общепринятой будущей—и онъ этого не въ состояніи будетъ сдѣлать, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что въ основаніи всѣхъ умозрѣній о добрѣ и злѣ (нравственности и безнравственности) лежитъ то положеніе, что поступки называются добрыми или злыми, смотря по тому, содѣйствуютъ ли они по совокупности своихъ результатовъ счастію или несчастію людей». «Нѣтъ школы, — присовокупляетъ Спенсеръ (§ 16),—которая бы не ставила высшею нравственною цѣлью извѣстную желательную эмоцію, какъ бы мы ее ни называли: удовлетвореніе, радость, блаженство, испытанныя кѣмъ-либо, когда-либо, однимъ лицомъ или многими. Это понятіе объ удовлетвореніи—столь же необходимый элементъ въ морали, какъ понятіе пространства вообще въ міросозерцаніи».—Таковъ выводъ, дѣлаемый не утилитаріанцемъ, но философомъ, который въ окончательномъ фазисѣ эволюціи нравственности признаетъ господствующимъ началомъ: дѣлать добро ради только добра, а не по какимъ-либо инымъ побужденіямъ.

Выдѣленіе объективныхъ признаковъ изъ морали и построеніе ея на одномъ субъективномъ, на искренности и прямотѣ мотивовъ, не только невозможно логически, но ведетъ иа практикѣ къ особенной этической нетерпимости, которая столь же неудобна и нежелательна, какъ и религіозная нетерпимость. Миновало то время, когда полагали, что быть нравственнымъ не можетъ человѣкъ не вѣрующій, или хотя бы и вѣрующій, но не

по опредѣленному религіозному закону, отъ усвоенія себѣ котораго зависѣло и спасеніе человѣка. Въ этикѣ не ставится, конечно, вопросъ о спасеніи души, но вопросъ о нравственности, то-есть о настоящей, а не кажущейся добротѣ, выдвигается на первый планъ и подлежитъ рѣшенію. Допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя субъектами: одинъ—кантіанецъ, подчиняющійся въ своихъ дѣйствіяхъ категорическому императиву своего практическаго ума, то-есть безусловному требованію своей умственной природы, и другой — чистѣйшій бентамистъ, не признающій иной морали, кромѣ установленной положительнымъ закономъ, и иного мотива, кромѣ эгоизма, но доведеннаго до той степени развитія, на которой лицо, желающее своего счастія, должно дѣлать добро и другимъ по простому расчету. Допустимъ, что оба субъекта одинаково благодѣтельны, что ихъ человѣколюбіе доходитъ до самопожертвованія, у одного по чувству долга, у другого по тонкому расчету, что вслѣдствіе долгаго упражненія воли дѣланіе добра другимъ людямъ стало у обоихъ второю природою и совершается почти автоматически безъ взвѣшиванія мотивовъ, по первому импульсу. По теоріи К., изъ нихъ только кантіанецъ—нравственный человѣкъ, а бентамистъ — не нравственный. Съ этимъ я не могу согласиться. И по началамъ этики, человѣкъ долженъ судиться не за мотивы отдѣльныхъ своихъ поступковъ, но *за все поведеніе*, за свой характеръ, за свой образъ дѣйствій. Онъ судится какъ сила, сознательно производящая объективное добро или зло. Основаніе нравственности на одномъ субъективномъ началѣ не только не принято наукою, но оно совсѣмъ непригодно для этики. Въ жизни психической трудно только въ первый разъ прійти къ новому сочетанію движеній; разъ оно сдѣлано, повтореніе его идетъ шибче по протореннову слѣду, пока оно не сдѣлается совсѣмъ автоматическимъ. Чѣмъ крѣпче характеръ, тѣмъ больше выработалось въ немъ привычекъ дѣйствія, являющихся подспорьями и замѣ-

стителями обдуманныхъ мотивовъ. Весьма рѣдко лицу приходится рѣшаться на что-либо совсѣмъ новое при борьбѣ сталкивающихся мотивовъ. Эти рѣдкія минуты борьбы служатъ повѣркою силы и закала характера. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мотивъ — неразличимъ отъ привычки, и мы ежеминутно принуждены дѣлить не только дѣйствія людей, но и самихъ людей съ ихъ характерами и привычками на добрыхъ и злыхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, что мы и дѣлаемъ по объективнымъ признакамъ, не доискиваясь окончательно, какова была причина, которая привела въ дѣйствіе нравственную силу или, лучше сказать, носителя этой силы—человѣка.

И въ современной этикѣ, и въ современной психологіи выводы не основываются на результатахъ единичныхъ психическихъ самонаблюденій. Выводъ становится возможенъ только, когда сверхъ самонаблюденія имѣются тысячи опытовъ, произведенныхъ извнѣ надъ другими людьми. Съ этой точки зрѣнія исключеніе Кавелинымъ общественной морали и права изъ области этики едва ли имѣетъ достаточное основаніе. Въ § VIII книги (105, 106) К. ставитъ, въ смыслѣ окончательнаго вывода, что объективный міръ, въ которомъ порою такъ плохо живется, есть не что иное, какъ мысль живаго лица, прошедшая чрезъ повѣрку милліоновъ и цѣлыхъ поколѣній и сдѣлавшаяся, вслѣдствіе того, объективною для каждаго человѣка въ отдѣльности, мысль ненеподвижная, но измѣняющаяся, хотя и очень медленно. Это положеніе вѣрно, насколько оно относится не къ объективному міру вообще, а только къ общественному. Оно не ново, оно усвоено наукою и даже сдѣлалось банальнымъ отъ частаго повторенія. Изъ него слѣдуетъ, что законы и нравы общества не настолько пропитаны однимъ утилитаріанизмомъ, чтобы ихъ совсѣмъ исключать изъ этики. Субъективные, личные этическіе идеалы, распространяясь при переходѣ изъ единицъ въ массы, проникали въ учрежденія и нравы.

Только на видъ законы и нравы могутъ казаться окаменѣлостями, на дѣлѣ же они страшно живучи. Бывали примѣры крупныхъ рубокъ въ этой чащѣ, но каждый усѣченный пень пускалъ новые побѣги. Они такъ живучи именно потому, что исполнены этическаго элемента и что могутъ иногда содержать гораздо больщій процентъ нравственнаго добра, нежели замѣстившія ихъ идейныя комбинаціи, вводимыя въ жизнь, но не провѣренныя опытомъ и не выдерживающія этой пробы. Наоборотъ, всякая идея общественной реформы есть протестъ нравственнаго чувства противъ отвердѣлаго порядка и волевой порывъ къ осуществленію этическихъ идеаловъ, уже народившихся и затѣвающихъ борьбу за существованіе съ укрѣпившимися на боевыхъ позиціяхъ предшественниками. Идеалы эти—коллективные, но они также несомнѣнно этическіе, потому что ихъ содержаніе—идея возможнаго, положительнаго добра. Мораль коллективная внушаетъ человѣку: будь справедливъ и милосердъ не только по отношенію къ ближнимъ и къ міру животныхъ, но и ко всему во всей вселенной, что̀ развивается и дышетъ, но и ко всякому сословію, племени, народности, но и къ своему, и къ чужому государству; содѣйствуй правильному установленію отношеній между собирательными группами въ родѣ человѣческомъ; страдай лично отъ всѣхъ неправильно поставленныхъ общихъ отношеній и стремись къ тому, чтобы зло было вытѣсняемо, а добро водворяемо твоими единоличными усиліями или общимъ дѣйствованіемъ съ другими заодно. Мораль не перестаетъ быть моралью, становясь изъ индивидуальной общественною; общественная есть также индивидуальная, но только обобщенная и перенесенная въ особую область фактовъ, располагаемыхъ по ея законамъ. Въ этой области царятъ тотъ же детерминизмъ, та же борьба мотивовъ за существованіе, та же упругость метафизической идеи свободы. Къ индивидуальной морали, послѣ разработки ея христіанствомъ, мало приба-

витъ этика, въ томъ мы согласны съ К., но по его же словамъ (104), еще не вполнѣ обозначилось положеніе индивидуальнаго лица среди общества, въ государствѣ и въ международныхъ отношеніяхъ. Еслибы Кавелинъ не выдѣлилъ эту область въ исключительное вѣдѣніе опытному объективному знанію съ его индукціею, не имѣющею ничего общаго съ субъективными идеалами, то его этика сильно бы разрослась и сдѣлалась бы необычайно интересна. Въ ней бы выдвинулись на первый планъ всѣ жгучіе вопросы современности, въ ней бы сказались не одна ноющая тоска, но и локализированныя въ разныхъ частяхъ организма боли отъ современныхъ ранъ и язвъ. Невольно задаешься вопросомъ: съ какою цѣлью съузилъ, какъ бы нарочно, авторъ область этики? Былъ ли онъ озадаченъ громадностью объема или дѣйствовалъ по инымъ соображеніямъ? Конечно, по послѣдней причинѣ. Ограничивая этику душою единичнаго человѣка, Кавелинъ увлекаемъ былъ крайне смѣлою идеею, которая бы произвела, еслибы ее принять, коренной переворотъ въ современныхъ понятіяхъ о ходѣ европейской исторіи въ послѣдніе четыре или пять вѣковъ. Европейская мысль якобы склонилась въ этотъ періодъ времени къ одностороннему объективному взгляду на жизнь и бросила безъ поддержки живое лицо, сирое и немощное, въ кипучій омутъ жизни. Нынѣ надлежало бы укрѣпить и пріободрить это завявшее и зачерствѣвшее живое лицо, поставивъ его на первый планъ и сдѣлавъ изъ него ось, около которой вращается все сущее. Эту задачу совершатъ долженствующія примириться, не извѣстно на какомъ основаніи, религія и наука (88). Еще въ болѣе далекомъ будущемъ мерцаетъ едва замѣтнымъ блескомъ надежда привести къ одной системѣ, то-есть объединить идеалы объективные и субъективные (53), что и будетъ составлять вѣнецъ знанія и верхъ человѣческой премудрости. Идея о ходѣ всемірно-историческаго развитія поставлена какъ очевидная аксіома, безъ всякихъ доказательствъ. Мнѣ

приходится теперь съ этою-то именно идеею посчитаться.

VII.

Одна изъ главныхъ практическихъ задачъ морали: противодѣйствовать *нравственному* злу, то-есть такому, въ числѣ факторовъ котораго имѣется и воля лица, единичнаго или собирательнаго, дѣйствующая купно съ другими условіями. Воспрепятствовать проявленію нравственнаго зла можно двумя путями: либо лишивъ дѣйствующее лицо возможности дѣйствовать, либо уничтоживъ въ немъ само желаніе дѣйствовать. Заимствуемъ примѣръ для объясненія изъ книги К. (52). Человѣкъ страдаетъ извѣстною слабостью, напримѣръ, запоемъ. Онъ можетъ лечиться отъ этой слабости, избѣгать искушеній, просить другихъ, чтобы его не допускали напиваться (мѣры объективныя, внѣшнія). Но онъ можетъ также одолѣть свою слабость усиліемъ надъ самимъ собою, произвольнымъ увеличеніемъ извѣстнаго мотива, парализующаго желаніе, какъ бы оно ни было напряжено (субъективныя мѣры). Несомнѣнно, что противодѣйствованіе злу составляетъ только одну сторону нравственной задачи; измѣненіе среды и обстановки, устранивъ много поводовъ къ злу, еще не сдѣлаетъ человѣка добрымъ; желательно, чтобы самъ по себѣ онъ былъ твердъ и побѣждалъ всѣ искушенія. Допустимъ, что нынѣ мы слишкомъ много и слишкомъ часто налегаемъ на обстановку, что по вопросамъ о вмѣненіи мы часто слагаемъ причину дѣйствія, то-есть вину, съ лица на его обстановку, что, работая больше всего по части обстановки, мы какъ будто бы отвыкли работать надъ единичною душою и превращать ее въ разсадникъ нравственнаго добра. (Надобно, однако, мимоходомъ сказать, что мы значительно превзошли людей XVIII вѣка, наивно вѣровавшихъ въ нравственное возрожденіе всего рода человѣческаго посредствомъ одного распространенія въ немъ просвѣтительныхъ идей). Осуществляя идейныя комбинаціи,

человѣкъ руководствовался ими какъ идеалами, которые и подраздѣляются Кавелинымъ на объективные и субъективные; изъ нихъ только послѣдніе, по его мнѣнію, тождественны съ нравственными и подлежатъ вѣдѣнію этики. Кавелинъ возлагаетъ надежду совмѣстно и на религіозную проповѣдь, и на этическую пропаганду; онъ полагаетъ, что ихъ общими усиліями будетъ выпрямлена ось вращенія современнаго общества, которая въ послѣдніе вѣка излишне склонилась къ объективизму, между тѣмъ какъ ей подобаетъ имѣть живую личность въ зенитѣ. Накренилась эта ось вслѣдствіе узурпацій положительнаго знанія и родителя его—ума, который превысилъ, такъ сказать, свою власть и сталъ въ душѣ самодержавствовать, отвѣчая и на вопросы индивидуальной жизни, и на вопросы, касающіеся его положенія въ природѣ и общежитіи (29), и отрицая всякую истину, получаемую инымъ путемъ, кромѣ знанія (102). Нынѣ этотъ умъ развѣнчанъ, мышленіе поставлено въ одинъ уровень съ другими незамѣнимыми имъ функціями души. Новое опытное знаніе рѣшило вопросъ о мышленіи. «Соблазнившись,—говоритъ К.— древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли ея миражи и объяснили механику, которая ихъ производитъ» (107). Благодаря имъ, путь расчищенъ отъ разбитой ими умозрительной философіи, но это только отрицательный результатъ. Кто будетъ грядый по очищенному пути? Тоска ожиданія, скука и скорбь, чувство пустоты и неудовлетворенности—таковы элементы вдыхаемаго нами воздуха. Что-то подобное чувствовалось предъ пришествіемъ Христа. Одинъ міръ кончается, другой еще не народился. Будущее принадлежитъ субъективизму. Религія и этика возстановятъ повергнутые въ прахъ субъективные идеалы, попираемые толпою, которая поклоняется Маммону и золотому тельцу. Эти черты и предсказанія основаны на соображеніяхъ, касающихся только западно-европейской исторіи. У насъ

ни субъективное, ни объективное не устроено, между тѣмъ, какъ въ западной Европѣ формы общежитія до того, по мнѣнію Кавелина, выработаны и совершенны, что ощущается сравнительно и меньшая потребность нравственнаго обновленія человѣка. Эти формы и даютъ сильный отпоръ пробивающемуся сквозь нихъ индивидуализму.

Приступая къ разбору изложеннаго ученія, я долженъ начать съ предупрежденія недоразумѣній, какія бы могла породить сдѣланная мною выдержка (о соблазняющемъ древѣ добра и зла и о повтореніи грѣхопаденія). По одной этой выдержкѣ поверхностный читатель могъ бы, чего добраго, заподозрить К. въ клерикальномъ образѣ мыслей. Не только тотъ, кто имѣлъ счастье знать покойнаго автора лично, но и тотъ, кто внимательно прочелъ его книгу (въ особенности на стр. 2 слова ея, относящіяся къ поборникамъ преданій и старыхъ добрыхъ нравовъ), не можетъ не согласиться, что въ вышеприведенной фразѣ идетъ только рѣчь объ одномъ изъ эпизодовъ изъ послѣдняго періода европейской исторіи, о такъ-называемой трансцендентальной философіи, которая, если не считать ея отцомъ Канта, явилась тотчасъ послѣ него и, занявъ собою первые три десятка лѣтъ въ XIX столѣтіи, оборвалась на величайшемъ ея представителѣ Гегелѣ, послѣ котораго произошелъ взрывъ матеріалистическихъ ученій, а затѣмъ прослѣдовали позитивизмъ Л. Конта и философіи эволюціи. Положимъ, что были всякія узурпаціи со стороны трансцендентальной философіи; это обстоятельство не можетъ еще служить основаніемъ къ отождествленію этого, сравнительно короткаго эпизода въ европейскомъ развитіи, съ совокупностью событій за послѣдніе 400 лѣтъ. Притомъ, эта-то трансцендентальная философія заслуживала бы особенной пощады со стороны Кавелина, потому что онъ относится къ религіозному чувству, какъ и слѣдуетъ, съ высокимъ уваженіемъ, а она была полу-религіозное ученіе; провозглашая тожде-

ство идеи и бытія, она замѣщала только божество идеею и пріучала людей погружаться въ созерцаніе этой идеи до самозабвенія, до пожертвованія собою и своими личными привязанностями. Она сіяла яркою и красивою звѣздою послѣ грубо матеріалистическихъ ученій XVIII вѣка. Вспомнимъ знаменитый московскій кружокъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ, который начинается со Станкевича, имѣетъ въ центрѣ своемъ Грановскаго и вмѣщаетъ въ себѣ самого Кавелина; неужели этотъ кружокъ, со всею красотою своихъ идеальнѣйшихъ стремленій, съ чистѣйшею любовью и къ своему народу, и къ человѣчеству, клонился къ односторонне-объективному взгляду? а между тѣмъ онъ состоялъ изъ гегеліанцевъ, и Гегелева философія только тогда потеряла надъ ихъ умами свою власть, когда подъ острымъ ножемъ объективной критики оказалось, что у нея нѣтъ реальной подкладки. Съ забытыми противниками рѣдко разсчитываются; мы ждали отъ К. расчетовъ не съ павшею философіею, а съ новѣйшею, индуктивною, и нашли только очень неопредѣленную фразу (103), что опытное знаніе есть по принципу то же, что и прежнее чисто логическое, метафизическое, но что оно только ближе къ людямъ и практичнѣе! Чтобы судить это знаніе, какъ соучастника въ упадкѣ нравовъ и порчѣ идеаловъ, надобно доказать, что и оно вмѣстѣ съ западно-европейскою цивилизаціею излишне склонилось къ объективному направленію. Но изъ другихъ мѣстъ книги вытекаетъ прямо противное заключеніе. Кавелинъ винитъ европейца послѣднихъ вѣковъ (63) за обращеніе всего своего труда на природу и устройство общественныхъ дѣлъ и за оставленіе безъ ухода психической жизни, словомъ, за исключительныя занятія матеріальными интересами и политикою и за пренебреженіе психологіею и этикою. Но если были по этой части упущенія, то они, конечно, наверстаны, послѣ того какъ опытная психологія заняла первое мѣсто въ системѣ знаній. На стр. 43 К. признаетъ, что новѣйшіе евро-

пейцы сдѣлали великое открытіе, что, подобно матеріальнымъ, и психическіе факты могутъ быть измѣняемы и комбинируемы согласно съ желаніями людей. Такое признаніе рѣшаетъ вопросъ, если не о направленіи всей цивилизаціи, то о направленіи новѣйшей психологіи и этики. Этика есть ученіе о нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, искуство выводить и образовать нравственныхъ людей. Какъ наука, она преподаетъ условія, при которыхъ человѣкъ будетъ настроенъ къ добру, она предлагаетъ ему привлекательные идеалы добра, но какъ искуство, она можетъ дѣйствовать на людей только самымъ внѣшнимъ образомъ и совершенно объективно. Если на 97 стр. К. отнесъ къ сферѣ чисто объективной дѣятельности художественное творчество, то тоже самое онъ долженъ былъ сдѣлать и по отношенію къ нравственному творчеству. Этика, какъ искуство, дѣйствуетъ на людей только одними внѣшними, вполнѣ объективными средствами; другихъ средствъ она и не имѣетъ, и не можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи. Въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ участь самой религіи, которая также дѣйствуетъ на умъ, чувство и воображеніе только извнѣ: словомъ, ученіемъ и торжественностью обрядовъ. Мнѣ кажется, что само дѣленіе идеаловъ на субъективные и объективные и самъ субъективизмъ цѣлей и средствъ, считаемый отличительнымъ признакомъ этики, суть только недоразумѣнія, происходящія оттого, что авторъ исключительно держался метода самонаблюденія, между тѣмъ, какъ въ современной психологіи преобладаетъ наблюденіе извнѣ изслѣдователемъ множества людей. По мнѣнію К., идеалъ этическій субъективенъ; по мнѣнію г. Спенсера, онъ объективенъ. Положимъ, что его можно назвать субъективнымъ съ формальной стороны, какъ образъ дѣйствія субъекта на самого себя, какъ измѣненіе своихъ мотивовъ дѣйствія своими же усиліями воли, но этическая дѣятельность единичнаго лица сохраняетъ это качество субъективизма, только вращаясь въ своемъ собствен-

номъ самосознаніи и не задаваясь мыслью исправлять другихъ людей. Разъ она этою послѣднею мыслью прониклась, она уже сдѣлалась объективна, потому что и предметъ ея сталъ внѣшній, и всѣ средства ея внѣшнія, и заключаются они только (я извиняюсь за выраженіе, но перемѣнить его не могу) въ дрессировкѣ другихъ лицъ. Вліяніе одного лица на волевые мотивы дѣйствія другаго можетъ быть только посредственное. Никто не влѣзаетъ другому въ душу, не вставляетъ въ другаго мотивы, подвигающіе волю на хотѣніе. Можно только окольными путями, пользуясь, конечно, знаніемъ человѣческаго сердца, располагать его къ тому, чтобы оно захотѣло что-нибудь сдѣлать. Еще труднѣе настроить его такъ, чтобы оно хотѣло только одного, а отъ другого воздерживалось при видоизмѣняющихся внѣшнихъ обстоятельствахъ. На практикѣ задача сильно облегчается тѣмъ, что сознательный мотивъ скоро и неминуемо превращается въ механическую привычку, которая и дѣлается его эквивалентомъ и замѣстителемъ.

Мотивъ не водружается извнѣ, но можно ученіемъ, просьбою, приказомъ, наказаніемъ заставлять другое лицо, чтобы оно совершало извѣстное дѣйствіе многократно. Еще легче тѣми же средствами заставлять лицо отъ чего-нибудь воздерживаться. Въ дѣйствительности нѣтъ такого нравственнаго человѣка, какого представляетъ себѣ К., на каждомъ шагу анализирующаго отдаленнѣйшіе мотивы своихъ дѣйствій. Въ дѣйствительности этическое искуство все сдѣлало, когда оно вселило въ людей хорошія привычки. Въ привычкѣ сидитъ укрывшійся мотивъ, какъ гусеница въ своемъ коконѣ. Въ случаѣ надобности, при борьбѣ мотивовъ за существованіе коконъ вскрывается, то-есть при анализѣ привычки проявляется наружу самъ родитель ея—притаившійся мотивъ. Я полагаю, что родъ человѣческій не сталъ бы счастливѣе оттого, если бы всѣ люди сдѣлались резонерствующими моралистами. Огромное большин-

ство людей — оптимисты, мирящіеся съ жизнью и за нее благодарные, не смотря на тяготу труда и горе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они и не мыслящіе въ томъ смыслѣ, какой придаетъ К. этому слову, то-есть не составляющіе творчески изъ данныхъ сознанія неизвѣданныхъ еще комбинацій. Ихъ мнѣнія — шаблонныя, какъ бы подсказанныя, ихъ чувства настроены по камертону современныхъ литературы и искуства, ихъ дѣйствія приноровлены къ существующему обычаю и порядку. Это армія, командуемая весьма небольшимъ количествомъ офицеровъ — изобрѣтателей новыхъ идейныхъ комбинацій, людей выдающихся, геніальныхъ. Вся сила не въ рядовыхъ солдатахъ, а только въ этихъ руководителяхъ Прометеяхъ. Между ними бываютъ и никогда не изведутся отчаянные и пессимисты, но можно ли сказать по общему впечатлѣнію, что нынѣ въ Европѣ сіи послѣдніе выражаютъ, какъ преобладающее во всемъ обществѣ чувство, міровую скорбь (taedium vitae, Weltschmerz), желаніе умереть? Появленіе новаго религіознаго ученія крайне сомнительно, во-первыхъ потому, что, по совершенно вѣрному заключенію К., нельзя себѣ представить нравственнаго ученія выше евангельскаго, во-вторыхъ, что вѣкъ нашъ вообще нерелигіозенъ. Онъ отличается, напротивъ того, необычайнымъ развитіемъ и успѣхами положительнаго знанія. Наука стоитъ, повидимому, на высотѣ своего призванія и справляется бодро и смѣло со своимъ практическимъ дѣломъ; она имѣла и имѣетъ великихъ представителей. Ссылка Кавелина на несомнѣнный упадокъ артистическаго творчества ничего не доказываетъ. К. до мозга костей моралистъ, даже и въ искуствѣ, и оцѣниваетъ его главнымъ образомъ по его прикладной сторонѣ, по его *воспитательному значенію* (96, 98), изъ чего дѣлается выводъ, что если артистическое творчество у насъ теперь пало, то причина тому—одновременныя паденіе и порча нравственности. Паденіе творчества въ искуствѣ доказываетъ только, что настоящій моментъ мало распола-

гаетъ къ образованію новыхъ идейныхъ комбинацій, эстетическихъ, а не этическихъ, а это обстоятельство можетъ быть объясняемо тѣмъ, что наше время — переходное, съ ежеминутно мѣняющимся настроеніемъ. Обломки стараго нагружаются въ прошедшее, все будущее зависитъ отъ того, какъ устроится поднявшаяся демократія. Художники еще не потрафили угадать, какіе артистическіе идеалы заставятъ этого сфинкса восхищаться, какимъ образомъ можно имъ умственно завладѣть и его увлечь. Опытъ учитъ, что между развитіемъ и процвѣтаніемъ искуства и этики мало общаго, что они не совпадаютъ и во времени, что для процвѣтанія искуства, можетъ быть, нужна нѣкоторая порча нравовъ (Пелопонезская война въ Греціи, Возрожденіе въ Италіи XVI в. среди полнаго разложенія всѣхъ основъ нравственности и такого разврата, какого не видалъ міръ со временъ римскихъ кесарей). Изъ всѣхъ этихъ соображеній уясняется для меня заключеніе, что пессимистическій взглядъ Кавелина, насколько онъ касается настоящаго Европы, ея культуры и направленія умственной дѣятельности, неправиленъ, неосновательенъ, и что еще нельзя сказать, чтобы въ поступательномъ движеніи европейской жизни и мысли не было прежней увѣренности и твердости, а слышались только плачъ, стоны и вопли унынія и отчаянія.

VIII.

Хотя содержаніе книги Кавелина передано мною почти въ полномъ ея объемѣ, но оно далеко не исчерпано. Есть въ ней еще одинъ уголокъ, крайне интересный не столько по отношенію къ системѣ этики, сколько по отношенію къ самому Кавелину лично, къ возможности опредѣлить то мѣсто, какое занималъ онъ, какъ мыслитель, среди господствовавшихъ въ его время системъ философіи, къ возможности уяснить его точки соприкосновенія и связи съ величайшими философами

прошедшаго по коренным вопросамъ жизни и бытія. Кавелинъ былъ весьма крупнымъ и могучимъ дѣятелемъ въ умственной жизни Россіи съ сороковыхъ до восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что появится въ будущемъ его жизнеописаніе, что сама его переписка съ именитѣйшими его современниками прольетъ много свѣта на его вѣкъ и на переживаемое нами время. Тогда «Задачи этики» пріобрѣтутъ большое значеніе, какъ источникъ, возстановляющій особенно рельефно умственную физіономію умершаго и его міросозерцаніе. Тогда весьма будутъ цѣнны автобіографическія указанія, разбросанныя въ книгѣ о томъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои основныя философскія понятія, тогда будутъ приняты въ соображеніе даже его обмолвки или легкіе косвенные намеки на тѣ или другіе предметы и вопросы.

Кавелинъ, очевидно, не эволюціонистъ. Философія эволюціи не прошла мимо него безслѣдно, онъ ее отмѣтилъ, но не проникъ во внутрь ея и отошелъ. «Обойдемъ,—говоритъ онъ (12),—безконечный и для нашей цѣли (т.-е. для этики) безполезный (?) споръ о томъ, была ли индивидуальная самостоятельность организмовъ слѣдствіемъ того, что въ силу данныхъ условій должна была явиться организованная жизнь, или же стремленіе къ самостоятельности породило организованную жизнь, снабдило организмы самочувствіемъ, способностью вырабатывать впечатлѣнія и ощущенія». Хотя К. изучалъ психологію по старому методу, но нельзя не сказать, чтобы онъ не справлялся съ результатами психо-физіологіи и не принималъ ихъ къ свѣдѣнію. Онъ ихъ пригонялъ къ своему идеализму, какъ прилаживалъ ихъ къ старому ученію и Германъ Лотце, († 1881), къ «Микрокосмосу» котораго К. относился всегда съ особымъ уваженіемъ. Опытный методъ видоизмѣнилъ не только систему, но и языкъ психологіи, ея терминологію. Хотя К. и старался усвоить себѣ новую терминологію («дифференціяція», «унаслѣдованныя

душевныя качества», стр. 12, 111), но порою попадаются въ книгѣ лоскутки старой, напримѣръ, выводы, основанные на оставленной нынѣ гипотезѣ о самостоятельныхъ способностяхъ души. Введено и метафизическое понятіе цѣлесообразности въ дѣятельности этихъ способностей, напримѣръ (32): умъ представляется какъ факторъ, служащій для достиженія извѣстныхъ въ природѣ души коренящихся цѣлей. Очень велика осторожность, съ которою К., проходя мимо обломковъ стараго и зачатковъ новаго, уклоняется почти дипломатически отъ прямыхъ отвѣтовъ на нѣкоторые коренные вопросы, отъ которыхъ въ сущности зависитъ выборъ точки отправленія при построеніи системы. Напримѣръ, на стр. 15 онъ пишетъ: «заключается ли единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій,—это вопросъ, который для этики не имѣетъ интереса и значенія». Едва ли это справедливо; вопросъ имѣетъ коренное значеніе и онъ рѣшенъ косвенно К. въ его этикѣ, хотя К. и не нашелъ возможности о томъ распространяться. Кавелинъ — извѣрившійся въ своего учителя гегеліанецъ; на то указываютъ слова стр. 13, въ которыхъ, толкуя о неоцѣненной будто бы по достоинству способности самосознанія и строя на ней этику, К. отмѣчаетъ, что эта способность уже была подведена подъ логическую схему и послужила Шеллингу и Гегелю исходною точкою для ихъ системъ. Извѣриться въ философскую систему и вообще въ философію можно двоякимъ путемъ: либо пришедши къ заключенію, которое приводитъ и К. какъ причину осужденія, что система не отвѣчаетъ на запросы личной жизни, на требованія личнаго счастія, или убѣдившись, что она — мыльный пузырь, что она лишена реальнаго основанія. Я полагаю, что мотивъ, заставившій К. отложиться отъ гегеліанства, былъ скорѣе послѣдній, во-первыхъ потому, что пока вѣра въ истинность извѣстной философіи существуетъ, до тѣхъ поръ она по силѣ своей почти равна

вѣрѣ религіозной, до тѣхъ поръ идеаломъ личнаго счастія является полная преданность идеѣ, принимаемой за безусловную истину; во-вторыхъ, потому, что, по вѣрному замѣчанію К., умъ и знаніе не могутъ никогда дать никакихъ отвѣтовъ на запросы индивидуальной жизни,— а между тѣмъ, онъ не отошелъ отъ науки и изъ ея данныхъ старается выстроить систему, на которую возлагаетъ всѣ свои надежды. Гегелева философія уже была разрушена и превращена въ развалины. Изъ-за ея обломковъ выдвигался и росъ до громадной высоты образъ первоучителя Канта, съ котораго опять приходилось вновь начинать. Кавелинъ отчасти локкистъ, отчасти кантіанецъ. Отъ Локка онъ беретъ начало: въ умѣ нѣтъ ничего, кромѣ ощущеній (41); отъ Канта онъ заимствуетъ субъективизмъ знанія, непознаваемость внѣшняго міра въ его существѣ и ограниченіе операцій мышленія одними только субъективными отъ міра сего впечатлѣніями, знакомство съ этимъ міромъ только по слѣдамъ, какіе оставляютъ въ чувствѣ предметы. Извѣстно, что, гордясь своимъ открытіемъ, что познаваемая среда существуетъ для насъ только во впечатлѣніяхъ, полученныхъ отъ нея, Кантъ сравнивалъ себя съ Коперникомъ. Онъ полагалъ, что поставилъ въ самомъ центрѣ знанія разумъ съ его апріорическими формами и категоріями мышленія, какъ начало, опредѣляющее само содержаніе этого знанія. Но извѣстно также, что по понятіямъ Канта существуетъ и незнаемое, но мысленно постижимое сверхчувственное, міръ ноуменовъ, по отношеніи къ которому міръ феноменовъ не можетъ считаться даже копіею его или отраженіемъ (сравн. Windelband, Geschichte der neueren Philosophie, т. 2-й, стр. 68 — 70. Leipzig, 1880). Ученикъ существенно отличается отъ учителя тѣмъ, что его философія уже совсѣмъ не трансцендентальная, она покончила съ ноуменами, отнеся ихъ къ числу фикцій, превративъ въ метафизическія мечты воображенія. Она отвергла все трансцендентное, даже то, что̀ Герб. Спен-

серъ вставилъ какъ отрицательный элементъ въ свою философію подъ названіемъ «Непознаваемаго» (Unknowable). Спенсера упрекаютъ въ томъ, что, допустивъ этого фактора въ свою философію, онъ не выводитъ затѣмъ изъ него никакихъ послѣдствій. Трудно, однако, отрицать бытіе этой области, намъ недоступной и потому мистической. Кавелинъ отвергаетъ это бытіе весьма рѣшительно. Мы съ нимъ часто и долго по этому предмету спорили. У меня есть любопытный документъ: письмо ко мнѣ Константина Дмитріевича 30 апрѣля 1884 г. въ игриво шуточномъ тонѣ, который онъ любилъ. Передаю главное мѣсто въ этомъ письмѣ, не дерзая измѣнить ни словечка: «осенью, если до того времени не околѣю, привезу громовое опроверженіе magni ignoti въ своихъ «Задачахъ этики», которая, между прочимъ, будетъ построена на совершенномъ его отрицаніи. Вы будете посрамлены и принуждены поджать хвостикъ». То, чтó имѣетъ прямую связь въ «Задачахъ этики» съ этимъ письмомъ, сводится къ слѣдующему.

О внѣшнемъ мірѣ Кавелинъ выражается такъ (45): «внѣ насъ несомнѣнно существуетъ реальный міръ, котораго мы частица», міръ явленій уже познанныхъ или могущихъ быть познанными, но перенесенныхъ въ сознаніе въ передѣлкѣ, въ переводѣ на психическій языкъ. Кавелинъ указываетъ и на два *критеріума* объективныхъ фактовъ: тождество послѣдовательныхъ впечатлѣній, производимыхъ на субъектъ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, и сличеніе впечатлѣній о событіи у большого числа людей, имѣющихъ нормальныя умственныя способности (31), иными словами: экспериментація и преданіе или внѣшній авторитетъ. Во всякомъ случаѣ впечатлѣніе производно, прежде него существовалъ уже предметъ, который его произвелъ. Посему міръ идейный, сотканный изъ впечатлѣній, надлежало бы представлять какъ дальнѣйшее продолженіе реальнаго, хотя бы міръ этотъ былъ мало похожъ на то, что онъ въ передѣлкѣ изображаетъ. Такая постановка вопроса не умаляла бы

ни въ чемъ притязаній человѣка на господство въ природѣ, потому что если при ней остается за умомъ полная возможность дѣлать новыя идейныя сочетанія занесенныхъ въ познаніе объективныхъ элементовъ, то онъ сообразно съ тѣмъ будетъ измѣнять объективную среду, устраивая ее по образу и подобію идейнаго. Но мнѣ кажется, что Кавелинъ, увлекшись Коперниковскою точкою зрѣнія Канта, далъ вопросу объ отношеніи объективнаго къ субъективному неожиданное и едва ли основательное рѣшеніе. Изъ того, что знаніе условно, что оно—плодъ объективной силы, превращенной въ психическое состояніе, что трудно провести границу между средою и мыслью (31), Кавелинъ заключилъ, что самъ якобы объективный міръ внѣшнихъ реальностей есть только продолженіе субъективнаго *я* (33). По его словамъ, міръ реальный можетъ быть извѣстенъ людямъ только съ той стороны, какою онъ ихъ касается. Они могутъ его знать, насколько могутъ что нибудь знать, а это знаніе условное. Слѣдовательно для человѣка не можетъ быть безусловно объективнаго міра; это только созданіе отвлеченной логики, которому нѣтъ соотвѣтствующихъ фактовъ въ дѣйствительности. Знаніе бываетъ либо единичное, либо коллективное: знаніе множества людей. Сему послѣднему мы по ошибкѣ приписываемъ названіе безусловнаго или объективнаго (45). Такъ какъ мы—часть и общества, и природы, то обѣ среды близки къ намъ и родныя (105). Отъ этихъ положеній уже одинъ только шагъ до окончательнаго вывода (106) *что источникъ мнимаго объективнаго міра есть психическая жизнь единичнаго лица*, которой продукты, перейдя чрезъ мышленіе другихъ людей, получаютъ видъ такъ-называемаго объективнаго міра, столь порою непривѣтливаго каждому человѣку въ отдѣльности. Такое опроверженіе magni ignoti едва ли въ состояніи удовлетворить кого бы то ни было. Кавелинъ совершенно отвергаетъ существованіе ноуменальнаго міра, то-есть предметовъ, имѣющихъ недосягаемое нутро, и

«человѣческіе» документы изъ эпохи остановки въ движеніи, умственнаго шатанія и мучительной неизвѣстности, куда идти? продолжать ли усвоивать извнѣ заимствованныя формы, которыя плохо къ намъ пристаютъ, скоро загрязняются и изнашиваются, или вернуться опять назадъ ко временамъ специфически московскаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, ко второй четверти XIX столѣтія? Скорбь и сѣтованія повсемѣстны, каждый откликается по своему; то же произошло съ Кавелинымъ. Его произведеніе — голосъ человѣка сороковыхъ годовъ, выработавшагося въ самомъ средоточіи умственной жизни тогдашней Россіи, Москвѣ, и притомъ голосъ «западника» въ тотъ моментъ развѣтвленія направленій русской мысли на западничество и славянофильство, когда у обоихъ было весьма много общаго. Послѣ неудачъ и разочарованій 1848 и западниковъ стала одушевлять общая со славянофилами вѣра въ близкій упадокъ Запада съ его законченною и богатѣйшею культурой, предполагаемымъ наслѣдникомъ которой являлся русскій Востокъ, по тому только основанію, что онъ — бѣлый листъ, еще не исписанный. Вѣра въ отживаніе западной Европы сохранилась неизмѣнная до конца жизни въ К.; книга его и есть нѣчто въ родѣ читаемой Западу отходной, но, съ другой стороны, ходъ послѣднихъ міровыхъ событій сильно ослабилъ предположенія о возможности предъявить какія-либо права на наслѣдство. Если на западѣ, какъ полагаетъ К., личность зачахла, то у насъ она не развилась; нравственная немощь, если ею поражена наравнѣ съ нами Европа, въ обоихъ случаяхъ почти одинакова; нѣтъ грани между Востокомъ и Западомъ, какъ нѣтъ ея въ дѣйствительности между объектомъ и субъектомъ. Изъ крайне затруднительнаго положенія выручили Кавелина остатки западническихъ воззрѣній сороковыхъ годовъ. Они внушили ему то, одностороннее на мой взглядъ, убѣжденіе, что положеніе наше все-таки выгоднѣе и лучше, сравнительно съ европейцами, потому что если задача жизни

уже не сводится къ тому, чтобы брать и пересаживать на свою почву плоды чужой культуры, а къ упорному труду каждаго единичнаго самосознанія надъ своими волевыми мотивами, то сама культура пойдетъ европейцу не въ прокъ, а въ задержку и помѣху, потому что онъ уже наладился совершенствовать себя измѣненіемъ внѣшней обстановки и объективныхъ формъ культуры, что едва ли рѣшится сдѣлать полуоборотъ направо къ субъективизму. Если откинуть эти пылкія увлеченія К. и выдѣлить изъ книги существенное, то окажется, что корень ученія свѣжъ, и что на знамени написано то самое, за что К. воевалъ неизмѣнно всю жизнь: *индивидуализмъ*, усовершенствованіе личности, не отвлеченной только, а живой. Есть въ книгѣ слова, отъ которыхъ нельзя не встрепенуться: «иди, ищи, думай, изслѣдуй все своими усиліями и умомъ» (29); «трижды счастливъ, кто, не пускаясь далеко отъ берега, мирно плаваетъ около него, освѣщаемый надежнымъ свѣтомъ маяка; но кто отважился подъ знаменемъ ума отыскивать неизвѣстное, тотъ сжегъ свои корабли, тому нѣтъ возврата; онъ долженъ идти впередъ, не останавливаясь и не страшась никакихъ чудовищъ» (105).

Эти мужественныя слова ободряютъ; они раздаются, какъ трубный звукъ. Въ нихъ мы съ К. за одно, мы расходимся только въ томъ, что онъ совѣтуетъ погрузиться въ субъективную работу, совсѣмъ оставляя въ сторонѣ объективныя условія бытія, мы же убѣждены, что самой работѣ надъ единичнымъ самоусовершенствованіемъ мѣшаютъ объективныя условія, что порча нравовъ происходитъ отъ шатанія въ умахъ, отъ колебаній при рѣшеніи самыхъ коренныхъ, общихъ и притомъ вполнѣ объективныхъ вопросовъ, касающихся среды. Какъ только пріостановившаяся громада двинется по прямому пути и засвѣтятся маяки, несомнѣнно улучшится затѣмъ и нравственность въ живыхъ единицахъ,

а, может быть, и совершится вновь подъем и самосознанія, и нравственности, который напомнит блистательную эпоху всесторонняго прогресса и творчества в Россіи в концѣ пятидесятых годов.

5 сентября 1885.

ОТВѢТЪ Г. ЮРКЕВИЧУ.

(«С.-Петербургскія Вѣдомости» 5 апрѣля 1864).

ОТВѢТЪ Г. ЮРКЕВИЧУ.

Мой учебникъ уголовнаго права удостоился неожиданной чести: на него ополчилась Москва. Поднялась въ походъ осадная артиллерія, три недѣли сряду продолжалась пальба въ «Современной Лѣтописи» Московскихъ Вѣдомостей (№№ 9, 10 и 11). Открывая пальбу, г. Юркевичъ объявилъ, что онъ побьетъ меня въ моей логикѣ, уничтожитъ меня въ моей метафизикѣ, взорветъ на воздухъ мою психологію. Чтобы вѣрнѣе достигнуть желаемаго результата, почтенный профессоръ взялъ на прицѣлъ одинъ только пунктъ въ моемъ сочиненіи, первую главу моего труда. Спѣшу увѣдомить моего противника, что я остался живъ и здоровъ послѣ пальбы, чтó я приписываю, конечно, не недостатку желанія съ его стороны, но тому, что заряды были холостые. Въ этой полемикѣ, направленной противъ моего учебника, достается порядкомъ и мнѣ самому лично; язвительная и злая, въ отношеніи къ моимъ качествамъ, полемика становится наивна и забавна, когда переходитъ къ разбору моего труда, не потому, чтобы этотъ трудъ былъ образцомъ совершенства (я самъ очень хорошо сознаю его неудовлетворительность), но потому, что со стороны почтеннаго профессора, что ни ударъ—то промахъ, и что не знаешь чему больше удивляться: непониманію-ли смысла книги, или искаженію вырванныхъ изъ нея отрывковъ. Приступая весьма неохотно къ опроверженію несправедливой, по моему мнѣнію, рецензіи, обѣщаюсь быть весьма откровеннымъ, воздать *suum cuique*

и признаться чистосердечно, въ чемъ считаю моего противника сильнѣе меня, и въ чемъ, въ глазахъ моихъ, обнаруживается слабость его діалектики.

Я отдаю ему, безъ всякаго спора, пальму первенства въ силѣ и крѣпости выраженій; на то онъ сотрудникъ «Современной Лѣтописи» и «Домашней Бесѣды»; школа, значитъ, была у него хорошая. Мой учебникъ есть «непрерывный рядъ нелѣпостей», «нелѣпая игра понятій», въ которой авторъ «льститъ каждой страсти и каждой глупости» и «теряется, словно сонный, въ области самыхъ простыхъ понятій». Сужденія мои «безтолковы», опредѣленія мои «безграмотны», словомъ вся книга есть «галиматья». Кромѣ этой крупной картечи, г. Юркевичъ обладаетъ въ совершенствѣ искуствомъ метать стрѣлы, обмокнутыя въ курарь и другія вещества, о которыхъ толкуетъ токсикологія. Чего тутъ нѣтъ въ этихъ ядовитыхъ намекахъ?—И *«мудрый ляхъ по шкоди»*, и обвиненіе чуть-ли не въ сочувствіи «революціонному *жонду*», и солидарность «съ петербургскими редакціями», которыя цѣнятъ людей съ моими «тенденціями» и моимъ «невѣдѣніемъ», и подозрѣніе въ ереси, безбожіи, и оуэнизмѣ, и уподобленіе меня «ксендзу католическому». Словомъ, вслѣдствіе страннаго сочетанія понятій, которыя считались до сихъ поръ другъ съ другомъ несовмѣстными, изъ этого длиннаго обвинительнаго акта явствуетъ, что я въ одно и тоже время переодѣтый іезуитъ и коммунистъ, недопускающій ни собственности, ни наказанія, ни браковъ, ни наслѣдства, просто на просто человѣкъ съ вреднѣйшимъ образомъ мыслей. Помилосердуйте, г. рецензентъ! Съ вашею критикою я надѣюсь справиться, но ваши намеки не безопасны. Чего добраго—иной вамъ на слово повѣритъ. Нечего дѣлать, надобно смириться и поспѣшить съ оправданіемъ. Становлюсь мысленно предъ вами, какъ предъ судебнымъ слѣдователемъ, и осмѣливаюсь требовать, чтобы вы записали въ слѣдственный протоколъ нижеслѣдующее мое показаніе:

«Я (имя рекъ), православный отъ отца и дѣда, съ младыхъ лѣтъ проживая здѣсь, занимался ученіемъ (не смѣю сказать наукою, потому что, какъ извѣстно, монополію науки имѣетъ у насъ одинъ только университетъ московскій). Надъ собираніемъ матеріаловъ книги, изданной мною въ свѣтъ, трудился я пять лѣтъ и не позволилъ себѣ помѣстить въ ней какія бы то ни было аллюзіи политическія или національныя. Писалъ я первый ея выпускъ осенью 1862 г., а на писаніе втораго выпуска употребилъ весну и лѣто 1863 года. Писывалъ я, правда, да и то изрѣдка, журнальныя статейки, въ чемъ чистосердечно каюсь; но я слыхалъ, что и многіе профессоры московскіе больше изощряются въ писаніи газетныхъ статеекъ, нежели въ изготовленіи пространныхъ сочиненій. Одинъ грѣхъ за собою признаю, это тотъ грѣхъ, на который указываете вы въ изреченіи: мудрый ляхъ по шкоди, но въ извиненіе мое въ этомъ случаѣ могу привести слѣдующее обстоятельство. Въ моей простотѣ я думалъ, что для науки вообще, а наипаче для такой высокой науки, какъ философія, все равно что еврей, что татаринъ, что остякъ. Изъ вашихъ словъ убѣждаюсь въ противномъ, изъ чего заключаю, что философія, которую проповѣдуете вы, есть какая-то новая философія, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія. Если вамъ неугодно повѣрить моему показанію, то можно навести справки или опросить повальнымъ обыскомъ окольныхъ жителей, тѣмъ болѣе, что я не скрывался и не училъ тайкомъ, а преподавалъ мой предметъ много лѣтъ публично во многихъ, (да и то не въ частныхъ) учебныхъ заведеніяхъ. Еще одно слово. Не взыщите за то, что, касаясь столь высокаго предмета, какъ религія, неимѣющаго, впрочемъ, непосредственной связи съ уголовнымъ правомъ, я не считалъ умѣстнымъ исповѣдаться передъ читателями, во что я вѣрую и какъ я вѣрую, не потому, чтобы выгораживалъ себя видимо изъ числа вѣрующихъ, но потому, что, по моимъ соображеніямъ, что за надобность знать о томъ читателямъ, лишь бы только

я излагалъ мое дѣло (т. е. уголовное право) толково и вразумительно. Наука имѣетъ свой кругъ дѣйствія, свои методы, свою цѣль—знаніе; свою задачу—устроеніе земныхъ отношеній человѣка къ природѣ и другимъ подобнымъ ему существамъ. Я постоянно доказывалъ, что нашъ разумъ ограниченъ, что наше знаніе имѣетъ свои предѣлы; въ этой то области уму непостижимаго и царствуетъ религія».

Здѣсь конецъ моего показанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и моихъ вамъ уступокъ, г. рецензентъ. Я защитился отъ васъ тѣмъ, что въ судебной практикѣ было бы названо доказательствомъ моего *alibi*. Минута слабости прошла, и, ободрившись духомъ, берусь провѣрить и опровергнуть ваши возраженія на всѣхъ трехъ избранныхъ вами поприщахъ логики, метафизики и психологіи.

Логика. Убѣжденный въ тщетѣ идеализма, который силится представить всѣ явленія дѣйствительности какъ рядъ воплощеній и превращеній безконечныхъ идей, я старался доказать, что внѣ насъ эти идеи (а въ томъ числѣ и идея безусловной справедливости) не существуютъ; что эти идеи суть нечто иное, какъ извѣстныя формы нашего мышленія; что, будучи продуктами мышленія, наши идеалы справедливости мѣняются по времени и мѣсту и могутъ быть только относительные, иными словами, что у одного народа слыветъ добродѣтелью, то у другаго можетъ считаться порокомъ, и наоборотъ. Чтó можетъ быть проще такого взгляда на справедливость? Съ этимъ взглядомъ мой противникъ никакъ не можетъ согласиться. Онъ убѣжденъ, что въ юриспруденціи можно, немудрствуя лукаво, начать право съ безконечной идеи правды и справедливости, не озабочиваясь нисколько, какимъ образомъ понятіе справедливости сложилось и выработалось въ умѣ человѣческомъ. Его полемическій пріемъ для того, чтобы сбить меня съ толку, состоитъ въ слѣдующемъ: онъ утверждаетъ, что, выгоняя абсолютъ въ одну дверь, я ввожу

его въ другую; что, объявляя, безусловную справедливость существомъ небывалымъ, я въ тоже время воздвигаю этому божеству жертвенники. Г. Юркевичъ приводитъ слѣдующія доказательства моей непослѣдовательности: 1) что, по моему мнѣнію, человѣкъ обязанъ руководствоваться въ дѣйствіяхъ своихъ сознаніемъ долга, а не расчетомъ ожидающихъ его за эти дѣйствія внѣшнихъ наградъ или казней; 2) что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ наказывать конченное, но неудавшееся преступленіе (délit manqué), одинаково съ удавшимся, хотя бы замышляемое зло и не случилось; 3) наконецъ, что, по моему мнѣнію, и въ международныхъ отношеніяхъ есть санкція справедливости, неминуемая какъ законъ природы, и что народъ, угнетающій другіе, самъ, въ свою очередь, поражается горестями, страданіями, болѣзнями. Въ этихъ трехъ тезисахъ нѣтъ даже тѣни поклоненія безусловной справедливости. Признайтесь, г. Юркевичъ, что въ душѣ вы меня считаете матеріалистомъ. Для васъ—открытаго поклонника Шталя, этого крайняго солдата на правомъ флангѣ въ арміи реакціи, всѣ мыслители, несогласные со Шталемъ (а ихъ весьма много), отдѣляющіе законовѣдѣніе отъ богословія, должны сливаться болѣе или менѣе въ одну безразличную массу. Вы разсуждаете, я думаю, такимъ образомъ: матеріалистъ—значитъ человѣкъ, который думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ и доволенъ когда у него брюхо сыто (Epicuri e grege porcus), слѣдовательно, слово долгъ въ устахъ его —несообразность, а когда онъ жертвуетъ собою для извѣстныхъ убѣжденій, то онъ, очевидно, противорѣчитъ самъ себѣ и, самъ того не замѣчая, дѣлается послѣдователемъ Шталя. Я не матеріалистъ, г. Юркевичъ, за что и достается мнѣ иногда порядкомъ; но и сами матеріалисты не то, что вы объ нихъ думаете. Всѣ уважали Іеремію Бэнтама; порядочнымъ человѣкомъ считается нынѣ Джонъ Стюартъ Милль; они утилитаріанисты, но и они учатъ, что величайшее удовольствіе человѣка наслаждаться счастіемъ другихъ, жертвуя даже

своимъ добромъ. Я могу быть вполнѣ убѣжденъ, что справедливость не есть существо особое, что она не пришла ко мнѣ извнѣ, что она не врождена моему уму, но есть продуктъ моего собственнаго мышленія, и въ тоже самое время я могу быть глубоко преданъ носящимся въ моемъ умѣ идеаламъ справедливости, до пожертвованія этимъ идеаламъ моимъ общественнымъ положеніемъ, моими связями, богатствомъ, дружбою, любовью и даже самою жизнью. Вы не вѣрите, г. Юркевичъ? Вспомните притчу о добромъ Самарянинѣ. Люди противуположныхъ убѣжденій, религіозныхъ и философскихъ, могутъ легко сходиться въ одномъ и томъ же нравственномъ законѣ. Лучшее вамъ доказательство— Бэнтамъ, котораго теорію я, между прочимъ, опровергаю, но имя коего я привожу для примѣра. Мораль Бэнтама на практикѣ почти одна и таже, что и мораль христіанская. Разсужденія г. Юркевича по поводу *délit manqué* принадлежатъ къ числу юридическихъ, не скажу нелѣпостей, но курьезовъ, которыми изобилуютъ въ особенности послѣднія два его письма. Уголовное право всѣхъ образованныхъ народовъ наказываетъ множество дѣйствій, въ которыхъ обнаружилась несомнѣннымъ образомъ злая воля, хотя бы эти дѣйствія не причинили еще никакого зла (напр., поддѣлка монеты, документовъ и т. п.). Все ученіе о покушеніи держится на этомъ принципѣ. Можно, конечно, спорить о томъ, слѣдуетъ ли наказывать неудавшееся преступленіе наравнѣ съ удавшимся, или подвергать его смягченному наказанію, но въ уравненіи неудавшагося преступленія съ удавшимся нельзя еще видѣть никакого признака абсолютизма, потому что къ этому заключенію приходятъ многія теоріи относительныя, отрицающія идею возмездія (см., напр., *Grollman*, Grundsätze des Criminalr. § 89). Наконецъ, что касается до санкціи справедливости въ убѣжденіяхъ международныхъ, то въ моемъ убѣжденіи о неминуемости этой санкціи нѣтъ никакого мистицизма. Оно основано на опытѣ вѣковъ и столь же

достовѣрно, какъ то, что всѣ люди смертны; Иванъ человѣкъ, слѣдовательно и Иванъ смертенъ. Я вижу, положимъ, какъ нѣкто дѣлаетъ сознательно подлость; я и заключаю, что не миновать ему упрековъ совѣсти. Профессоръ читаетъ съ каѳедры старый хламъ, не слѣдя за успѣхами науки; не будучи пророкомъ, смѣло предсказываю, что славы прочной онъ не пріобрѣтетъ, что школы онъ не создастъ, что имя его безслѣдно канетъ въ Лету. Даже и въ томъ мудромъ повѣріи народномъ, что *чужое добро въ прокъ нейдетъ*, нѣтъ ничего таинственнаго: оно взято изъ ежедневныхъ наблюденій. Кто корыстуется чужимъ трудомъ, кто живетъ грабежемъ и насиліемъ, тотъ не цѣнитъ своихъ пріобрѣтеній и не умѣетъ хранить награбленнаго, у того оно расплывается въ рукахъ, такъ что въ концѣ концовъ старый коршунъ голодаетъ, а чего онъ самъ не растерялъ, то промотаютъ дурно-воспитанныя его дѣти. Я говорю о явленіи, которое объясняется очень просто законами природы, т.-е. естественнымъ ходомъ жизни человѣческой, а вы, г. Юркевичъ, обрадовались, что поймали меня на поклоненіи міровой Немезидѣ, и такъ какъ по вашему всѣ мудрыя изреченія происходятъ непремѣнно отъ Шталя, то вы и восклицаете: «Одинъ Шталь шелъ дорогою, на которую вы ступили теперь». Пора покончить съ подобною путаницей понятій. Во всякой миѳологіи слѣдуетъ отличать внутренній смыслъ миѳа отъ его символической оболочки. Только дѣтскій умъ первобытныхъ Грековъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе божественныхъ Эвменидъ, но уже Цицеронъ смѣется надъ древнею сказкой (itaque poenas luunt non tam judiciis, quam ut eos agitent insectenturque furiae, non ardentibus taedis, sicut in fabulis, sed angore conscientiae fraudisque cruciatu).

Еще два удара наноситъ мнѣ г. Юркевичъ: одинъ задѣваетъ мою критику теоріи исправленія, другой состоитъ въ томъ, будтобы я путаюсь въ понятіяхъ, ставя на первомъ планѣ то христіанскій принципъ любви, то языческій принципъ справедливости, и самъ не знаю,

которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Что касается до перваго возраженія, то г. Юркевичъ упрекаетъ меня въ приторной гуманности за то, что я сомнѣваюсь въ возможности дѣйствовать на душу преступника чисто механически, что не вѣрю въ исправимость его во чтобы то ни стало, и не допускаю того, чтобы всѣ мѣры уголовныя пригнаны были къ одной только цѣли—исправленію. «Развѣ сочинитель не знаетъ, говоритъ мой рецензентъ, что есть наказанія педагогическія? Утверждать, что на душу нельзя дѣйствовать механически, значитъ думать, что человѣкъ также равнодушенъ къ своимъ внѣшнимъ положеніямъ, какъ оселъ или баранъ, и что внѣшнія обстоятельства его жизни также не имѣютъ вліянія на кругъ его мыслей, какъ для мыслей осла или барана безъ слѣда пропадаетъ вся ихъ исторія». Подъ педагогическими исправительными наказаніями мой противникъ, вѣроятно, разумѣетъ розги. Дѣтей въ самомъ дѣлѣ сѣкутъ, въ старину сѣкли еще больше, но чтобы розги были хорошее средство педагогическое—это пока еще сомнительно. Извѣстно, что г. Юркевичъ приверженецъ розогъ, о чемъ я съ нимъ спорить не намѣренъ; въ концѣ концовъ это дѣло вкуса, притомъ споръ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко, въ область педагогіи. Кто поживетъ—увидитъ, я же лично смѣю питать надежду, что доживу до той минуты, когда розга будетъ вытѣснена изъ народнаго воспитанія, какъ она вытѣсняется нынѣ изъ уголовнаго законодательства. Внѣшняя обстановка человѣка имѣетъ на него, конечно, вліяніе, но результатовъ этого вліянія предвидѣть и разсчитать напередъ невозможно. Когда человѣкъ заартачится, то онъ бываетъ упрямѣе самаго упрямаго изъ ословъ, да и сладкимъ внушеніямъ филантропіи неохотно вѣритъ, когда эта филантропія держитъ хлыстъ въ рукахъ и говоритъ: покайся, а не то я засажу въ темную, или заставлю тебя голодать. Наконецъ, второе возраженіе г. Юркевича о принципахъ любви и справедливости есть не что иное, какъ фокусъ, основанный на томъ, что

критикъ подставляетъ одно слово вмѣсто другаго, вслѣдствіе чего и выходитъ какъ будто бы несообразность (въ такихъ фокусахъ мой противникъ великій мастеръ; смотри на стр. 9 того же письма игру словами: справедливость и совѣсть). Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Высшій идеалъ человѣческій, какой мы до сихъ поръ имѣемъ, есть, безъ сомнѣнія, идеалъ христіанскій. Христіанство требуетъ прощать обиды. Намъ всѣмъ, воспитавшимся подъ вліяніемъ христіанства, долженъ быть присущъ этотъ идеалъ, слѣдовательно, я въ правѣ былъ сказать, что въ идеальномъ типѣ человѣка, какимъ онъ долженъ быть по нашимъ современнымъ понятіямъ и нравамъ, первое мѣсто занимаетъ всепрощеніе обидъ, иными словами, что человѣкъ, какимъ ему быть слѣдуетъ, не долженъ имѣть никакихъ чисто личныхъ непріятностей и обязанъ жертвовать своимъ самолюбіемъ на пользу общую, отказываясь отъ удовольствія мести. Г. Юркевичъ, вмѣсто слова: *всепрощеніе обидъ* подставляетъ: *любовь христіанская,* и утверждаетъ, что выше всего я ставлю принципъ любви. Это просто эскамотажъ, потому что прощеніе обидъ можетъ быть дѣломъ не только любви, но и справедливости (вспомните слова Христа по поводу прелюбодѣйной жены); съ другой же стороны, понятіе любви гораздо шире, нежели понятіе прощенія обидъ. Въ другомъ мѣстѣ я утверждаю, что хороша филантропія, но что еще лучше правосудіе, и что, слѣдовательно, прежде всего человѣку надобно дать все то, что ему слѣдуетъ по праву, и только потомъ можно ему благодѣтельствовать, сколько душѣ угодно, по началу любви. Смѣю утверждать, что въ этомъ новомъ положеніи нѣтъ никакого противорѣчія съ прежнимъ, и что критика моего противника, основывающаяся на придиркахъ и игрѣ словъ, не можетъ быть названа честною и добросовѣстною.

Перехожу въ область *метафизики*. Здѣсь г. Юркевичъ дѣлаетъ два капитальныя открытія, посредствомъ индуктивнаго метода, который Богъ-вѣсть зачѣмъ при-

путанъ: 1) что моя теорія есть каррикатура церковнаго права, потому что я, словно ксендзъ католическій, (почему же католическій?), допускаю только два наказанія: не хочешь жить съ нами, уйди отъ насъ, а не то исправься и живи съ нами; 2) что я волкъ въ овечьей шкурѣ, иными словами: коммунистъ, отвергающій наказаніе и толкующій, однако лицемѣрно, о правѣ уголовномъ. Постараюсь доказать, что оба открытія не стоятъ натуги родовъ.

Первое открытіе. Моя уголовная система походитъ на систему церковныхъ наказаній. Положимъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вамъ, г. Юркевичъ, какъ человѣку религіозному, менѣе другихъ прилично негодовать за то, что я иду по стопамъ церкви, и что я желалъ бы, чтобы законодательства свѣтскія подражали церковному въ гуманномъ, въ хорошемъ. Но вы заблуждаетесь, полагая, что только одна церковь не отводитъ устрашенію мѣста въ системѣ мѣръ, охраняющихъ общественный порядокъ. Было одно законодательство, положительное, мудрое, знаменитое, которое шло тою же тропою въ самыя цвѣтущія времена своего существованія, а именно законодательство римское. Во времена республики оно употребляло, въ отношеніи къ гражданамъ, двѣ только мѣры репрессивныя: денежныя пени и изгнаніе. Правда, что гражданъ въ римской республикѣ было немного, но съ тѣхъ поръ проходитъ 2000 лѣтъ, и результатъ успѣховъ человѣчества состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что то хорошее, которое составляло въ началѣ исключительную принадлежность немногихъ, распространялось на милліоны и дѣлалось достояніемъ народныхъ массъ. Государство было некогда переполнено рабами, нынѣ всѣ свободны. Судъ, съ его гарантіями, существовалъ нѣкогда только для немногихъ, нынѣ онъ для всѣхъ. Почему не допустить, что и наказанія для всѣхъ могутъ быть когда нибудь похожи на тѣ, какія существовали для немногихъ за 2000 лѣтъ? Желанія мои скромныя, вы считаете ихъ

несбыточными. Вы полагаете, что «міръ дѣйствительный, съ его порядкомъ, добрымъ ли, дурнымъ ли, скованъ цѣпями необходимости желѣзной, несокрушимой; что весь нашъ разумъ есть не что иное, какъ знаніе различныхъ необходимостей». Знаніе, такимъ образомъ понимаемое, какъ вы его понимаете, г. философъ, есть только тормазъ всякаго усовершенствованія и просвѣщенія. Необходимость бываетъ двоякая: дѣйствительная и воображаемая. Доказывать первую я считаю занятіемъ празднымъ и безполезнымъ. Дитя хотѣло бы поиграть съ луною; достаточно сказать ему: достань и забавляйся. Утопистъ мечтаетъ объ обществѣ безъ наказаній; достаточно сказать ему: попробуй составить такое общество. Даже Оуэнъ въ Нью-Лянаркѣ не могъ обойтисъ безъ наказаній и долженъ былъ выгонять негодяевъ. Спорить съ утопистами, отвергающими всякое наказаніе, напрасно, потому что ихъ идеи не найдутъ доступа къ массамъ и разобьются о желѣзную необходимость охраненія, во что бы то ни стало, общественнаго порядка; ихъ теоріи замѣчательны только какъ протестъ противъ недостатковъ общественнаго устройства въ данное время. Но есть другаго рода необходимость—картонная, воображаемая, и задачу науки полагаютъ многіе въ томъ, чтобы воевать съ этою необходимостью, расширяя послѣдовательно область свободы человѣческой. Безумецъ! кричали на маркиза Беккаріа консерваторы прошлаго столѣтія; онъ посягаетъ на пытку, онъ отвергаетъ желѣзную необходимость добиться признанія отъ подсудимаго! Защитники смертной казни кричатъ еще и до сихъ поръ на ея противниковъ: мечтатели! они хотятъ обойтисъ безъ гильотины и палача! Еще гораздо раньше консерваторы римскіе называли, безъ сомнѣнія, съумасшедшими людей, оспаривавшихъ необходимость рабства, однако рабства нынѣ нѣтъ, пытка исчезла, да и смертная казнь выводится постепенно изъ употребленія.

Второе открытіе. Дабы доказать, что я коммунистъ

потому что не хочу строить уголовное право на началѣ устрашенія, г. Юркевичъ употребляетъ неподражаемый, по своей убѣдительности, пріемъ, извѣстный въ риторикѣ подъ именемъ фигуры вопрошенія. Вотъ его слова: «Долженъ ли я заниматься опровержeніемъ убѣжденій автора, которыя я раскрывалъ столь охотно? Пусть остается онъ при своемъ мнѣніи, что воздаяніе есть месть. Пусть, такимъ же образомъ, остается г. Спасовичъ при своемъ мнѣніи, что устрашеніе, которымъ угрожаетъ законъ своему нарушителю, есть терроръ. Или нужно доказывать, что это безсмыслie, что А непремѣнно А. Или нужно здѣсь доказывать, что терроръ, посредствомъ коего революціонный жондъ терзаетъ несчастную страну, нѣсколько отличенъ отъ суда безпристрастнаго и исходящаго отъ законной власти, что человѣческія общества кое-чѣмъ отличаются отъ разбойническихъ бандъ», и т. д. Въ другомъ мѣстѣ критикъ жалуется на то, что, по моему мнѣнію, теорія Шталя, которую *весь ученый міръ* (???) считаетъ христіанскою, принадлежитъ къ языческому порядку вещей.

На вашу фигуру вопрошенія позвольтѣ мнѣ отвѣтить тоже вопросомъ. Вы знаете, что теперь внутри Небесной имперіи идетъ ожесточенная борьба между богдыханомъ и тайпингами. О чемъ? Того я и самъ не знаю; тѣмъ лучше; я выбралъ нарочно примѣръ далекій, въ которомъ бы вы не могли подъискать никакихъ неблаговидныхъ аллюзій. И у богдыхана, и у тайпинговъ есть своя артиллерія, свои пушки; и тѣ и другія войска обучаются европейскими офицерами. Неужели вы полагаете, что пушки тайпинговъ стрѣляютъ хуже и разрываются скорѣе, отъ того только, что онѣ тайпинговы, а не богдыханскія? Всякій артиллеристъ посмѣялся бы надъ подобнымъ предположеніемъ. Онъ знаетъ, что пушка тайпингская можетъ завтра очутиться въ рукахъ у богдыханцевъ и наоборотъ, и что она будетъ столь же вѣрно служить своему новому обладателю, какъ служила до сихъ поръ тому, въ чьихъ

рукахъ находилась. Иное дѣло, когда артиллеристъ замѣтитъ, что пушка чугунная или ненарѣзная, тогда онъ скажетъ, что эта пушка дрянь, чья бы она ни была, что ее слѣдуетъ бросить и запастись другою, нарѣзною, бронзовою или стальною. Неужели вы думаете, г. Юркевичъ, что есть разница между устрашеніемъ и терроромъ? Я полагаю, что это два названія одного и того же понятія, одно русское, другое французское. Неужели вы полагаете, что есть малѣйшая разница между возмездіемъ и местью? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ полагаете, что міръ ученый придаетъ какое нибудь научное значеніе теологическимъ фантазіямъ Шталя? Неужели вы убѣждены, что философія Шталя христіанская? Мало сказать, что она языческая, потому что уже классическая древность стояла выше шталевой точки зрѣнія; она принадлежитъ міросозерцанію восточному, требующему казней для успокоенія разгнѣваннаго преступленіемъ божества. Если вы уважаете авторитетъ св. писанія, то вы не можете не согласиться, что теорія Шталя несовмѣстна съ слѣдующими изрѣченіями Евангелія, которыя или вмѣняютъ въ обязанность прощеніе обидъ, или опровергаютъ божественность мірскаго правосудія: Ев. отъ Матв. V, 7, 39—40, 44; VI, 14, 15; VII, 1, 3; XVIII, 21, 22; XXII, 17—21; Ев. отъ Марка XI, 25, 26; XII, 16, 17; Ев. отъ Луки VI, 27—37; XX, 24—26; Ев. отъ Іоан. VIII, 3—11; XVIII, 36.

О замѣчаніяхъ г. Юркевича по части *психологіи*, составляющихъ содержаніе его третьяго письма, я скажу весьма немногое, во-первыхъ потому, что эти замѣчанія отрывочны, безсвязны, дробны и потому не особенно важны; во-вторыхъ потому, что половина третьяго письма занята изложеніемъ теоріи происхожденія идеаловъ по моему учебнику, надъ которою г. Юркевичъ, конечно, глумится, но которой онъ не противупоставляетъ никакой новой теоріи собственнаго издѣлія, такъ что неизвѣстно, чего онъ хочетъ и чѣмъ онъ недово-

ленъ. Въ критикѣ *свободы дѣйствій* мой рецензентъ потѣшается надъ тѣмъ, что, по словамъ моимъ, человѣкъ можетъ пренебречь всякую внѣшнюю необходимость и даже не безусловно подчиняется внушеніямъ своего ума. Оба эти положенія до того просты, что смѣяться надъ ними можетъ только не понимающій ихъ смысла. Первое изъ указанныхъ мною дѣйствій называется обыкновенно геройствомъ, второе выражается въ очень извѣстной латинской пословицѣ: *video meliora proboque, deteriora sequor*. Въ замѣчаніяхъ объ *умыслѣ* г. Юркевичъ предлагаетъ нарядить комисію изъ экспертовъ по части логики для рѣшенія—можетъ ли преступникъ рѣшаться на злое дѣло завѣдомо о послѣдствіяхъ, не желая однако этихъ послѣдствій? Недоумѣнія моего критика совершенно напрасны. Орсини зналъ, что его бомбы поразятъ многихъ, а убить онъ хотѣлъ одного; кого желалъ онъ убить, того не убилъ, но онъ убилъ и переранилъ множество людей, къ которымъ лично онъ не питалъ никакой вражды. Не могу сойтись съ моимъ рецензентомъ и въ опредѣленіи *умысла*, потому что онъ стоитъ болѣе на почвѣ филологіи, я же придерживаюсь того точнаго смысла, который даютъ умыслу законодательства положительная. Упрекъ въ томъ, будто бы я отрицаю вліяніе ощущенія потребности на вмѣненіе, устраняется ссылкою на мое ученіе о состояніи крайней необходимости (с. 103—105 учебника). Въ замѣткѣ о *различіи дѣйствія* вреднаго отъ преступнаго, г. Юркевичъ дѣлаетъ одно прекурьознѣйшее открытіе. Онъ полагаетъ, что человѣкъ, незнающій о послѣдствіяхъ своего дѣйствія, все равно, что съумасшедшій, и что онъ не подлежитъ отвѣтственности, потому что не обладалъ въ моментъ дѣйствія нормальнымъ разумомъ, «Ошибка, заблужденіе, незнаніе», говоритъ авторъ, «относятся къ этимъ же ненормальнымъ состояніямъ разума (каковы: съумасшествіе, горячка, опьяненіе, состояніе гнѣва, испуга и другіе аффекты), хотя причина ненормальности здѣсь внѣшняя, случайная». Очевидно, что у г. Юркевича

взглядъ на знаніе иной, нежели у Сократа. Мудрѣйшій изъ Грековъ убѣжденъ былъ, что онъ знаетъ только одно: что онъ ничего не знаетъ. Г. Юркевичъ нормальнымъ состояніемъ разума считаетъ всевѣденіе, ненормальнымъ—незнаніе чего нибудь (такъ вѣдь и слѣдуетъ, когда стоишь на точкѣ зрѣнія абсолюта). Сознайтесь, г. Юркевичъ, что изъ вашихъ словъ можно вывести неблагопріятный для васъ приговоръ. Вы сами сознаетесь во второмъ письмѣ, что вы не спеціалистъ по части законовѣденія, слѣдовательно (по крайней мѣрѣ по части законовѣденія) вы знаете не все; слѣдовательно, вы легко могли дѣлать промахи въ вашихъ сужденіяхъ юридическихъ, и всякій промахъ можетъ быть объясненъ ненормальнымъ состояніемъ вашего разума въ моментъ писанія. Не правда ли, какой богатый источникъ для разныхъ остротъ?

Я покончилъ съ критикою г. Юркевича на мой учебникъ, но мнѣ приходится еще раскланяться съ чистымъ, цѣломудреннымъ геніемъ Ѳемиды, который былъ вызванъ моимъ противникомъ, и съ С. И. Баршевымъ, которому посвящены его письма. Мой противникъ думаетъ: вотъ, дескать, ученый смирный, преданный дѣлу безъ страсти, безъ шума, безъ гама, никогда не унизившій себя раболѣпствомъ передъ духомъ времени и поклоненіемъ грубой, невѣжественной толпѣ; за нимъ слѣдуйте, ему подражайте! Тутъ, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе: или геній Ѳемиды не столь чистъ, какъ полагаетъ г. Юркевичъ, или примѣръ, избранный г. Юркевичемъ, не совсѣмъ удаченъ; я же полагаю, что слѣдуетъ допустить и то, и другое. Съ одной стороны, совершенное безучастіе законовѣденія въ современномъ положеніи общества и въ его потребностяхъ есть очевидная несообразность; какая же была бы польза отъ подобной науки? Съ другой стороны, почтенный мужъ, которому посвящены письма и котораго заслугъ я не думаю оспаривать, не всегда уединялся отъ шума и толкотни житейской: и его муза носитъ на себѣ слѣды

страстныхъ объятій и жаркихъ поцѣлуевъ духа времени. Въ сороковыхъ годахъ г. С. Баршевъ издалъ книгу (Общія начала теоріи законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Москва 1841), въ которой онъ доказывалъ и безусловную необходимость смертной казни (разд. II, стр. 21: есть случаи, гдѣ смертная казнь можетъ быть необходима, хотя преступленіе ни въ какомъ отношеніи неопасно для государства; стр. 23: если государство казнитъ смертью, то не человѣкъ убиваетъ человѣка, но преступленіе, достойное смерти, лишаетъ жизни преступника; кровь требуетъ крови, и т. д.), и превосходство смертной казни передъ пожизненнымъ заключеніемъ (стр. 35: если государство лишаетъ только жизни, то оно убиваетъ только тѣло, но когда оно осуждаетъ на пожизненное лишеніе свободы въ соединеніи съ тяжкими работами, то оно можетъ убить и душу), и цѣлесообразность обезчещивающихъ наказаній (стр. 54), и полезность наказаній тѣлесныхъ (стр. 81), и много другихъ вещей, рѣзко противуположныхъ теперешнимъ убѣжденіямъ и теперешнему ходу законодательствъ. Въ тоже время, на каѳедрѣ, г. Баршевъ былъ защитникомъ розыскнаго процесса. Потомъ, въ послѣдніе 6 или 7 лѣтъ, г. Баршевъ сталъ ревностнымъ поборникомъ процесса обвинительнаго. Я не виню его нисколько за перемѣну убѣжденій и нахожу, что онъ поступилъ благоразумно, слѣдуя потоку времени, но я не могу принять его за образецъ неподатливости внѣшнимъ вліяніямъ. За подобный образецъ я бы не усомнился принять его, еслибы онъ защищалъ обвинительный процессъ лѣтъ двадцать тому назадъ, или если бы онъ отстаивалъ нынѣ съ жаромъ великую полезность смертной казни или необходимость наказаній тѣлесныхъ.

По всей вѣроятности, мои доводы не убѣдятъ нисколько моего критика, всякій изъ насъ останется при своихъ убѣжденіяхъ; тѣмъ и кончается большая часть полемики, особенно когда между міросозерцаніями спорящихъ есть цѣлая пропасть. Г. Юркевичъ сравниваетъ

мой трудъ съ гнилыми болотами, мои мысли—съ міазмами; я тоже не полагаю, чтобы отъ его критики несло благоуханіями. Г. Юркевичъ досадуетъ на то, что есть нынѣ запросъ на подобныя моимъ произведенія (значитъ, они соотвѣтствуютъ какой-либо потребности въ обществѣ); я же думаю, что запросъ на произведенія, пропитанныя его идеями, будетъ постепенно уменшаться. Г. Юркевичъ считаетъ меня никуда не годнымъ юристомъ; я же отношу его къ разряду тѣхъ лицъ, которыя, по мѣткому выраженію одного средневѣковаго историка, думаютъ, что «они облечены въ философскую мантію, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ, они держатъ въ рукахъ только одну отъ этой мантіи тряпку». (Luitprandi, Antapodosis lib. 1 cap. 1, у Перца въ Scrip. rer. germ.). О томъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ въ настоящемъ спорѣ, мнѣнія, вѣроятно, раздѣлятся, но, безъ сомнѣнія, всѣ безпристрастные люди согласятся, что для дѣла, для истины, было бы полезнѣе, если бы этотъ споръ не выходилъ за границы благопристойности, соблюдаемой въ серьозныхъ преніяхъ. И въ войнѣ настоящей есть свои нормы (coutumes de guerre, Kriegsmanier), тѣмъ болѣе въ ученомъ диспутѣ; можно препираться не, кусаясь и не таская другъ друга за волосы.

5 Апрѣля 1864 г.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА:

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАУКѢ И ВЪ ЖИЗНИ.

(Письмо къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1865 г.).

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ

Г. ОРЕСТА МИЛЛЕРА:

Въ началѣ прошлаго лѣта, когда появилась книга, написанная Пыпинымъ и мною: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», г. Орестъ Миллеръ издалъ отдѣльною брошюрой свою критику на это сочиненіе. «С.-Петербургскія Вѣдомости» посвятили нашей книгѣ одинъ фельетонъ и о брошюрѣ отозвались съ похвалой. Брошюра старается разъединить сочинителей книги; о части, написанной мною, она отзывается съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ, но нападаетъ на г. Пыпина за сквозящій въ его трудѣ космополитизмъ и опровергаетъ его шагъ за шагомъ во имя принципа народности, котораго г. Миллеръ является глубоко-убѣжденнымъ послѣдователемъ и бойцомъ. «Про обзоръ польской литературы Спасовича — говоритъ г. Миллеръ (стр. 62), можно развѣ замѣтить, что ему почти не мѣсто въ книгѣ г. Пыпина». Какъ ни лестенъ для меня вообще отзывъ г. Миллера, однако, я могу принять его не иначе, какъ условно и съ оговорками, *sous benefice d'inventaire*, потому что весьма сомнительно, сходимся ли мы съ г. Миллеромъ въ коренныхъ основаніяхъ взглядовъ нашихъ на славянскій вопросъ; съ другой стороны, точно такъ же сомнительно, существуютъ ли въ убѣжденіяхъ моихъ и

г. Пыпина столь существенныя различія, которыя требовали бы обязательно нашего развода. Надѣюсь, г. редакторъ, что вы не откажете мнѣ помѣстить мой отвѣтъ г. Миллеру въ вашей газетѣ, которая и о коллективномъ трудѣ нашемъ упомянула, и брошюру г. Миллера отмѣтила, и слѣдитъ издавна весьма старательно за явленіями, относящимися до славянскаго міра. Такъ какъ г. Пыпинъ отвѣчалъ уже весьма обстоятельно нашему критику, опровергая его возраженія по пунктамъ («Современникъ», іюньская книжка), то мнѣ не приходится даже быть защитникомъ г. Пыпина, чѣмъ, конечно, упрощается моя задача, потому что является возможность выполнить ее, не вдаваясь въ мелочи и держась на высотѣ коренныхъ началъ. Приступаю къ ней съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что весьма пріятно имѣть состязаніе съ противникомъ, въ родѣ г. Миллера. Тонъ его полемики спокоенъ и благороденъ; касаясь самыхъ жгучихъ вопросовъ современности, г. Миллеръ не доходитъ до личностей и язвительныхъ намековъ, которые сдѣлались въ послѣднее время насущнымъ хлѣбомъ нашей литературы, не обращается къ страстямъ, но старается говорить трезвымъ языкомъ разсудка и науки. Въ своей оцѣнкѣ польской литературы и польской исторіи г. Миллеръ не бросаетъ въ нихъ ни камнемъ, ни грязью и находитъ въ нихъ многія родственныя черты, къ которымъ онъ относится съ сочувствіемъ. Хотя онъ и причисляетъ себя къ славянофиламъ, но въ немъ незамѣтно той узкой сектаторской нетерпимости, которая столь странна въ редакторѣ «Дня» и въ лучшихъ его сотрудникахъ. Г-нъ Миллеръ хотя и причисляетъ себя къ славянофиламъ, но стоитъ одиноко и особнякомъ въ славянофильскомъ лагерѣ и видимо затѣваетъ расколъ. Его брошюра весьма интересна, какъ доказательство той внутренней работы, которая теперь совершается незамѣтно въ умахъ, и которая обнаруживается въ упадкѣ и разложеніи всѣхъ прежнихъ литературныхъ символовъ вѣры, преданій и партій. Въ прежнее время существовали въ наукѣ и въ литературѣ

рѣзко опредѣлившіяся направленія, партіи шли строемъ, сражались подъ знаменами, и всякій зналъ по боевому кличу, гдѣ его друзья и гдѣ враги. Теперь — не то; судьба перетасовала подобранныя мастями карты; закадычные друзья перессорились, враги составили противуестественныя коалиціи, многіе не выдержали испытанія жизни и измѣнили своимъ убѣжденіямъ, когда вмѣсто словъ потребовалось дѣло; иные же, хотя и остались вѣрны прежнему своему *credo*, но ничему новому не научились и твердятъ наизусть разъ навсегда заученныя фразы. Среди всеобщаго кораблекрушенія ни одно судно не уцѣлѣло, а на поверхности волнъ плаваютъ только отдѣльные пловцы, кто въ бочкѣ, кто на обломкѣ мачты, кто на бревнахъ. Этотъ процессъ распаденія группъ на единицы, вслѣдствіе котораго «своя своихъ не познаша», давно замѣченъ и въ густой фалангѣ столь многочисленной нѣкогда либеральной партіи, и между нашими демократами и между нашими радикалами; наконецъ, онъ коснулся, повидимому, и славянофиловъ. Если г. Орестъ Миллеръ славянофилъ, то онъ славянофилъ особенной породы, невиданнаго до сихъ поръ оттѣнка, славянофилъ безъ лирическаго паѳоса, озабоченный скорѣе критикою догматовъ, нежели непоколебимою къ нимъ приверженностью, старающійся выйти изъ сентиментально-нѣжныхъ и стать въ дѣльныя и трезвыя отношенія къ народности. Г-нъ Миллеръ самъ отмѣчаетъ весьма старательно, въ чемъ онъ отходитъ отъ славянофильскаго кружка. Главныя причины этой семейной ссоры состоятъ въ слѣдующемъ.

Г-нъ Миллеръ противуполагаетъ Славянъ всему Западу и защищаетъ элементъ своеобразія въ славянской цивилизаціи, но онъ отвергаетъ мысль о необходимости русской гегемоніи въ группѣ народностей славянскихъ и о навязываніи другимъ Славянамъ русскаго языка. «Не намъ — говоритъ онъ — ни подъ какимъ видомъ не намъ самимъ, особливо послѣ всѣхъ нашихъ спеціаль-

ныхъ грѣховъ, твердить и натверживать славянству объ этомъ. Мы можемъ быть увѣрены, что если намъ принадлежитъ великая роль, то въ этомъ и безъ нашихъ напоминаній убѣдятся въ свое время другіе Славяне» (стр. 76). Г-нъ Миллеръ считаетъ важною ошибкой излишнее пристрастіе славянофиловъ къ старинѣ исключительно московской (стр. 72), отрекается отъ такихъ славянофиловъ какъ г. Погодинъ (стр. 40), упрекаетъ въ замкнутости и нетерпимости Кирѣевскаго, Хомякова, К. Аксакова (стр. 20) и винитъ И. Аксакова въ упорномъ стояніи за всякую іоту въ догматахъ, выработанныхъ предшественниками и значительно уже устарѣвшихъ. Важнѣйшая уступка, которую дѣлаетъ г. Миллеръ, относится къ религіозному вопросу. Мнѣніе славянофиловъ, сюда относящееся, г. Миллеръ считаетъ фанатическимъ и крайнимъ (стр. 20). Онъ допускаетъ, что можно быть римскимъ католикомъ безъ измѣны славянству. Наконецъ, г. Миллеръ отличается еще и тѣмъ, что не боится и не злословитъ противъ украинофильства и малороссійскаго сепаратизма (43—47). При столь гуманныхъ, повидимому, отношеніяхъ къ Славянамъ не московской масти, спрашивается: ужъ подлинно ли г. Миллеръ славянофилъ? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ: да, въ славянофильствѣ г. Миллера не можетъ быть сомнѣнія; есть три славянофильскіе конька, которые проходятъ по всей его брошюрѣ: вѣра въ гніеніе Запада (73), убѣжденіе, что ни въ наукѣ, ни въ жизни, нѣтъ ничего выше принципа народности (83), и исканіе какихъ-то старославянскихъ началъ. Подъ всѣ эти странности подлажена теорія собственнаго издѣлія, которую г. Миллеръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 52): «Образованіе, какъ *развиваемость*, составляетъ, конечно, громадную силу, и именно помощью его славянскія начала совершили такъ много, въ лицѣ гусситства. Но образованіе, само по себѣ, и важно только какъ *развиваемость*; *качественная* же цѣнность его зависитъ отъ *того, что развивается*, отъ тѣхъ началъ, которыя даютъ

содержаніе образованности». Построеніе этой фразы неправильно въ логическомъ отношеніи, но смыслъ ея ясенъ; она обозначаетъ, что содержаніе жизни общества даютъ одни только народныя начала, образованіе же сообщаетъ этимъ логическимъ началамъ только высшую степень развитія.

Начнемъ съ старославянскихъ идей. Извѣстно, что когда-то, въ доисторической древности, Славяне и по языку походили болѣе другъ на друга, и сближались сильнѣе, нежели теперь, въ обычаяхъ и юридическихъ понятіяхъ. Вездѣ было устройство общинно-демократическое, съ княземъ во главѣ, съ народными собраніями и круговою порукою общинъ. Впослѣдствіи, отъ разныхъ историческихъ причинъ и внѣшнихъ вліяній, этотъ первобытный типъ стерся и исчезъ, такъ что только археологіи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, честь изобрѣтенія вновь этого единства, которое не существуетъ въ дѣйствительности. Изъ этого вывода не слѣдуетъ, чтобы разросшіяся вѣтви славянскаго пня не могли когда-нибудь соединиться въ будущемъ на одно общее дѣло; но это соединеніе наступитъ, когда отыщется общее дѣло, которое послужитъ звеномъ соединенія. Во всякомъ случаѣ, если этому новому единенію, непохожему па прежнее, суждено когда-нибудь осуществиться, то оно построится не на археологическихъ изысканіяхъ и не на этнографическихъ или филологическихъ сходствахъ, но на общихъ интересахъ соединяющихся народностей. Таковъ смыслъ труда г. Пыпина; весь вопросъ въ томъ, есть ли общіе интересы, могущіе соединить Славянъ, или нѣтъ? Вопросъ этотъ чисто-фактическій; если же г. Пыпинъ даетъ ему въ настоящемъ отрицательное рѣшеніе, то въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ только вчера мы были свидѣтелями упорной борьбы двухъ передовыхъ славянскихъ народностей. Вмѣсто того, чтобы показать, что г. Пыпинъ ошибается въ оцѣнкѣ фактовъ, и пріискать связующіе уже теперь Славянъ бытовые интересы, г. Миллеръ предпочелъ избрать другой

путь. По его мнѣнію, единство рода славянскаго никогда не утрачивалось и существуетъ въ настоящее время, какъ существовало испоконъ вѣка, съ тою только разницею, что общій, единый древнеславянскій типъ устройства прикрытъ былъ, въ теченіи вѣковъ, нѣсколькими наносными пластами иноплеменныхъ цивилизацій. Изслѣдователи старины не изобрѣтаютъ, но обрѣтаютъ имѣющееся единство, скидая наносные слои и докапываясь до первобытной почвы. Изъ глубины этихъ раскопокъ еще и до сихъ поръ вѣетъ «старый демократическій духъ» древняго славянства. Всѣ великія явленія въ жизни славянскихъ народовъ, каковы богомильство у Болгаръ, гусситство у Чеховъ — не болѣе какъ отголоски «старыхъ бытовыхъ привычекъ» и «старыхъ инстинктовъ свободы» (29, 37). Вся критика г. Миллера въ такомъ родѣ. У каждаго поколѣнія и вѣка есть свои потребности, и каждый, сообразно этимъ потребностямъ, строитъ свои идеалы. У большинства людей эти идеалы лежатъ въ будущемъ; но есть одна литературная партія, которая, вслѣдствіе особаго оптическаго обмана, похожаго на извѣстный физикѣ миражъ, помѣщаетъ свои идеалы вмѣсто будущаго въ прошедшемъ и вѣруетъ, что все то, чего желаемъ, уже давнымъ давно дано исторіею, причемъ она надѣляетъ это прошедшее такими совершенствами, какихъ оно никогда не имѣло въ дѣйствительности. Не вдаваясь въ объясненіе причинъ этого миража и въ оцѣнку относительной пользы или относительнаго вреда, какіе доставило это направленіе, замѣтимъ, что оно не есть особенность русской литературы, что оно въ несравненно большихъ еще размѣрахъ проявилось и больше зла надѣлало въ другихъ литературахъ, напримѣръ, въ польской, просто потому, что нашло болѣе пищи для идеализаціи въ блестящемъ прошедшемъ Польши, нежели въ болѣе скромной исторіи Великаго Княжества Московскаго. На основаніи историческихъ данныхъ можно доказать, что эти ретроспективныя фантазіи не имѣютъ никакого реальнаго осно

ванія и прямо противорѣчать исторіи. Если приступить съ ножемъ критики къ старославянскимъ началамъ, которыя, будто бы, даютъ содержаніе жизни народа, то окажется, что ихъ вовсе нѣтъ, что они — только призраки. Возьмемъ для примѣра юридическія старославянскія начала, демократическія общины съ княземъ во главѣ, вѣча, виры, круговую поруку. Многое въ этихъ учрежденіяхъ должно быть отнесено насчетъ возраста; всѣ народы, не скажу въ младенческій, но въ догосударственный періодъ своего существованія, имѣютъ необходимо нѣкоторыя общія учрежденія, каковы виры, вѣча, круговая порука, причемъ эти учрежденія были гораздо сильнѣе отчеканены у Германцевъ, нежели у Славянъ. Многое въ этихъ учрежденіяхъ слѣдуетъ приписать внѣшнимъ вліяніямъ и назвать заимствованіями, совершенными или на глазахъ у исторіи, напр., христіанство, или въ недосягаемой дали прошедшаго (извѣстно, что исторія знаетъ Славянъ уже значительно развитыми). Наконецъ, нѣтъ ни одного начала, о которомъ можно было бы положительно сказать, что оно коренное славянское. Я вызываю г. Миллера показать хотя одно такое коренное славянское начало, которое сохранило бы свои очертанія при болѣе внимательномъ изученіи и не расплывалось бы въ туманное пятно, и напередъ увѣренъ, что г. Миллеръ не можетъ дать мнѣ утвердительнаго отвѣта. Если додуматься до недоступнаго наблюденію начала началъ, до момента зарожденія народностей, то передъ нами явится только одна раса, съ ея племенными свойствами, въ видѣ бѣлой страницы, на которой ничего не написано; это неопредѣленное нѣчто не имѣетъ еще никакого содержанія. Психологія давно покончила съ такъ-называемыми апріорическими элементами познанія, или съ врожденными нашему уму, готовыми идеями; давно логика пришла къ тому убѣжденію, что наше познаніе заимствуетъ все свое содержаніе изъ міра внѣшняго, умъ же нашъ есть формальная способность перерабатывать это содержаніе. То же на-

чало вполнѣ примѣнимо и къ народному творчеству. Нѣтъ никакихъ апріорическихъ, ни племенныхъ, ни народныхъ бытовыхъ началъ; но каждая раса и каждый народъ одарены способностью особеннымъ образомъ перерабатывать содержаніе, заимствуемое извнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ сочиненная г. Миллеромъ теорія о культурѣ, какъ о *развиваемости*, и возникаетъ вопросъ: что такое народность? Нѣмецъ далъ бы на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: народность въ субъективномъ смыслѣ есть способность народа класть на явленія жизни клеймо индивидуальности, въ объективномъ смыслѣ народность есть совокупность историческихъ преданій народа, взятыхъ въ данный моментъ, преданій весьма тягучихъ, но безпрестанно мѣняющихся и въ формахъ своихъ, и въ составѣ, такъ-что одно и тоже явленіе, весьма народное сегодня, можетъ сдѣлаться ненароднымъ завтра, и наоборотъ (напримѣръ, протестантизмъ, преобладавшій въ Польшѣ въ XVI столѣтіи и римско-католическая реакція въ XVII съ іезуитами. Не помню, кто-то замѣтилъ, весьма справедливо, по поводу бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ юбилея Шекспира, что произведенія Шекспира болѣе національны теперь на материкѣ Европы, напримѣръ, въ Германіи, нежели въ отечествѣ поэта, хотя Шекспиръ былъ самый національный изъ англійскихъ поэтовъ XVI вѣка). Намъ кажется, что г. Миллеръ не вездѣ остается вѣренъ своей теоріи образованія, въ смыслѣ развиваемости апріорическихъ народныхъ началъ, по крайней мѣрѣ его можно страшнѣйшимъ образомъ поразить на основаніи его же собственныхъ словъ. Для примѣра сдѣлаемъ слѣдующую выдержку изъ его брошюры, исполненную густѣйшаго славянофильскаго тумана (стр. 72): «Одряхлѣлъ и до сердца сгнилъ не весь Западъ, а внутренно сгнили его феодальныя государственныя и соціальныя преданія; возрожденіе приготовляется на Западѣ въ развивающемся началѣ народности. Да, сгнила та самая западная государственность, помощью которой было пришиб-

лено въ Чехіи великое движеніе славянской мысли и т. д., и т. д.» Самъ г. Миллеръ не можетъ не согласиться, что тѣ феодальныя и соціальныя преданія, о которыхъ онъ говоритъ, и та самая государственность, которую онъ ненавидитъ, были и суть на Западѣ явленія весьма національныя. Если они по содержанію своему національны, то процессъ жизни въ будущемъ можетъ состоять, по теоріи развиваемости г. Миллера, не въ отсѣченіи ихъ, а въ сообщеніи имъ высшаго развитія, въ возведеніи ихъ въ квадратъ, кубъ и т. д. Г-нъ Миллеръ утверждаетъ, что эти феодальныя и соціальныя преданія гнилы, изъ чего слѣдуетъ заключить, что или сама сердцевина западно-европейскаго общества подвержена гніенію, если она даетъ столь гнилые побѣги, или что народъ можетъ исцѣляться отъ органическихъ своихъ болѣзней, обрубая и ввергая въ огонь тѣ изъ своихъ народныхъ преданій, которыя оказываются негодными, денаціонализируя тѣ изъ явленій жизни, которыя оказываются неподходящими къ бытовымъ цѣлямъ, къ коимъ онъ стремиться въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ принципъ народности — плохое лекарство отъ зла, и трудно понять, какимъ образомъ онъ можетъ освободить больное тѣло отъ своихъ же собственныхъ патологическихъ отложеній. Предлагаемъ г. Миллеру самому рѣшить эту мудреную задачу, которая, по нашему мнѣнію, неразрѣшима. Самъ принципъ народности требуетъ предварительной строгой повѣрки. Весьма сомнительно, можно ли обращать народность въ принципъ такимъ образомъ, какъ это дѣлаетъ г. Миллеръ; никакъ не слѣдуетъ противуполагать этотъ принципъ космополитической культурѣ, и совершенно невозможно возводить принципъ народности въ начало началъ, въ идею, «дальше которой не пошла ни современная жизнь, ни современная наука» (стр. 83).

Мнѣ кажется, что самый вопросъ о первенствѣ между народностью и культурою поставленъ г. Миллеромъ неправильно, потому что онъ основанъ у нашего

критика на предполагаемомъ антагонизмѣ между двумя понятіями, который не существуетъ въ дѣйствительности. Мнѣ кажется, что незачѣмъ предаваться празднымъ размышленіямъ о томъ, что выше: конкретный ли націонализмъ, или абстрактный космополитизмъ. Этотъ мудреный вопросъ ужасно похожъ на пресловутый споръ очковъ и носа въ баснѣ. Извѣстно, что мозгъ есть органъ мысли, но что мысль, родившаяся въ мозгу одного человѣка, мгновенно дѣлается достояніемъ общественнымъ. По методѣ г. Миллера слѣдовало бы поставить два принципа: принципъ мозга и принципъ мысли, задаться вопросомъ, что выше; мозгъ ли, производящій мысль, или его произведеніе? Конечно, въ историческомъ порядкѣ вещей прежде всего существовалъ индивидуальный умъ; этотъ умъ выработалъ мысль, которая носила при рожденіи печать единичной личности, пока не разошлась въ народѣ; потомъ она стала мыслью національною, сильно окрашенною народнымъ колоритомъ; наконецъ, при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи, она, бывъ обезцвѣчена, превратилась въ общечеловѣческую культурную идею. Рѣка не перестаетъ быть рѣкою, хотя она имѣетъ иной видъ у своего истока, въ серединѣ теченія и въ устьѣ; то же можно сказать и о всякомъ явленіи жизни общественной. Особенной цѣны ему не придаетъ то обстоятельство, что оно индивидуальное или національное или общечеловѣческое культурное: если оно теперь космополитическое, то прежде, когда-то, оно было національное, а еще раньше индивидуальное. Достоинство его зависитъ отъ содержащагося въ немъ процента добра; мѣрою же этого добра никакъ не можетъ служить національность, которая сама по себѣ не имѣетъ съ этимъ добромъ никакой связи. Г. Миллеръ бѣжитъ отъ космополитизма изъ опасенія, чтобы не изсякъ родникъ оригинальности и творчества человѣческаго, когда всѣ народныя особенности исчезнутъ и замѣнятся однимъ безразличнымъ, общечеловѣческимъ складомъ жизни. Мы вполнѣ понимаемъ эту

любовь къ своеобразію, мы ей вполнѣ сочувствуемъ—мы ненавидимъ слѣпаго подражанія и усвоиванія себѣ безъ переработки всякихъ навѣянныхъ и напускныхъ идей; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что обращеніе къ старо-славянскимъ началамъ и идеямъ не есть вполнѣ вѣрный путь для достиженія этой цѣли, потому что народъ способенъ перечеканивать на свою монету всякій наличный металлъ, причемъ совершенно все равно, какой матеріалъ употребленъ въ дѣло: такая же хорошая новая монета можетъ выйти изъ петровскаго или екатерининскаго рубля, или изъ старинной гривны золота, какъ изъ самоновѣйшаго саверена или талера. Сколько мнѣ извѣстно, г. Пыпинъ ни въ одномъ мѣстѣ своего труда не высказывается противъ своеобразности развитія; онъ даже предвѣщаетъ русскому обществу появленіе новой поэзіи, которая будетъ несравненно національнѣе прежней. Я нахожу притомъ, что г. Пыпинъ, тысячу разъ правъ, когда утверждаетъ (стр. 22), что эта новая поэзія будетъ имѣть содержаніе спеціально-русское, и что для созданія ея незачѣмъ обращаться къ старославянскимъ миѳологическимъ лохмотьямъ. Главное условіе всякой поэзіи—своеобразіе, которое не пріобрѣтается, конечно, настраиваніемъ пѣсни на ладъ старины, но достигнется очень просто, когда въ пѣснѣ будутъ трепетать живые интересы современной жизни народа.

Я почти кончилъ мой отвѣтъ г. Оресту Миллеру; остается только подвести итоги. Въ весьма сложномъ процессѣ жизни общества участвуютъ въ качествѣ производителей и историческія преданія народа, и внѣшнія культурныя вліянія. Есть одно направленіе въ литературѣ, которое даетъ рѣшительный перевѣсъ народнымъ стихіямъ надъ культурными, приписывая послѣднимъ значеніе второстепенное, подначальное. Есть и другое направленіе, которое признаетъ только культуру и отказываетъ народности въ прочномъ основаніи, считая ее явленіемъ преходящимъ. Коллективный трудъ г. Пыпина и мой не можетъ быть отнесенъ ни къ тому,

ни къ другому направленію, потому что мы отрицаемъ самое основаніе теорій, служащихъ подкладкою обоимъ направленіямъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ, когда предстоитъ рѣшить какую-нибудь практическую задачу, возникаетъ вопросъ, чѣмъ руководствоваться въ рѣшеніи: старыми ли, исторически сложившимися и потому весьма крѣпкими и надежными привычками народа, или свѣточемъ общечеловѣческой цивилизаціи? Рѣшеніе этой задачи есть дѣло личной совѣсти.

Августъ 1865 г.

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ

Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ.

(«Голосъ» 1877 годъ).

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ КОСТОМАРОВА СЪ ГРАДОВСКИМЪ.

Какъ волна неустойчивы, какъ осенняя погода измѣнчивы изо-дня въ день воззрѣнія нашей повременной печати на такъ-называемый польскій вопросъ, или на отношеніе къ Россіи одной изъ крупныхъ славянскихъ націанальностей, судьбы которой всего тѣснѣе сплетены съ судьбами русской народности и державы. Самъ вопросъ всплываетъ обыкновенно по случаю, напоминающему о немъ, послѣ чего онъ оставляется и забывается на долгія времена, какъ порѣшенный. Въ настоящее время вызвала его турецко-славянская война и отношеніе къ ней, не активное, само собою разумѣется, но только умственное и нравственное, поляковъ. Сначала по этому предмету шли въ нашей печати выраженія, наполненныя едва ли не изумленія, а по крайней мѣрѣ одобренія за то, что въ общей сложности поляки высказались по поводу войны сочувственно, какъ подобаетъ славянамъ, къ успѣхамъ русскаго оружія, что они отдѣлились въ этомъ отношеніи отъ мадьяръ, что даже такіе вліятельные и нисколько нерасположенные въ пользу Россіи органы, какъ краковскій «Czas», пошли не запинаясь по этому направленію. Потомъ достаточно было митинга во Львовѣ, оппозиціи противъ миротворцевъ на сеймѣ галиційскомъ, проекта адреса сеймовой депутаціи, чтобы заставить г. Боборыкина сказать въ сущности слѣдующее: мы ошибались, предполагая въ цѣлой націи друже-

любныя намѣренія, дружелюбно расположены только высшая знать и интеллигенція. Не только одни и тѣже органы, но одни и тѣже писатели противорѣчатъ себѣ по польскому вопросу. Г. Костомаровъ совершенно на иной почвѣ становится въ № 523 (13 августа) «Новаго Времени», въ письмѣ къ Градовскому, нежели въ своей рьяной атакѣ на миротворцевъ въ 478 № той же газеты. Самъ профессоръ А. Г. Градовскій значительно слабѣетъ въ своихъ надеждахъ на примиреніе въ отвѣтѣ Костомарову («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 213), въ сравненіи со своею первоначальною статьей, на которую, какъ на вызовъ, посыпались отовсюду за границею статьи и брошюры (многочисленность этихъ отвѣтовъ доказала, что письмомъ затронутъ былъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ сегодняшняго дня).

Быстрыя перемѣны настроеній объясняются неясностью понятій, невѣрною постановкой вопроса. Обѣ то мирящіяся, то расходящіяся стороны мало понимаютъ другъ друга; если бы онѣ болѣе входили въ положеніе своихъ историческихъ антагонистовъ, то, вѣроятно, не имѣли бы мѣста ни изумленіе, ни разочарованіе, потому что ожиданія соразмѣрялись бы съ возможнымъ, а въ числѣ возможностей не ставилось бы ожиданіе того, чтобы общество дѣйствовало единодушно, какъ одинъ человѣкъ, въ положеніи новомъ и небываломъ, чтобы оно, наладившееся мѣшать и привыкшее ненавидѣть, стало внезапно безъ колебаній содѣйствовать во имя отвлеченной идеи. Галиційское общество, по словамъ г. Боборыкина, не дошло еще до того, чтобы справлять молебны за турокъ и не раздѣляетъ мадьярскихъ увлеченій; странно даже было бы ожидать отъ него нынѣ чего-нибудь больше этихъ отрицательныхъ результатовъ. Исторія роковымъ образомъ связала судьбой двухъ антагонистовъ, многія поколѣнія людей привыкли смотрѣть на отношеніе ихъ, какъ на отношеніе двухъ чашекъ на вѣсахъ, изъ которыхъ если одна повышается, то другая необходимо должна настолько же опускаться. Если при

крѣпко установившемся убѣжденіи о діаметральной противоположности интересовъ, о томъ, что зло одной стороны есть добро другой и наоборотъ, является хотя бы и меньшинство, которое наперекоръ рутинѣ, принимая въ разсчетъ совершившіеся факты, помышляетъ объ установленіи болѣе удобнаго и болѣе человѣчнаго общежитія, то, какъ бы мало ни было это меньшинство, слѣдуетъ заключить, какъ заключала одна изъ недавнихъ передовыхъ статей «Сѣвернаго Вѣстника», что есть улучшеніе, что кое-что дѣлается для разрѣшенія вопроса, хотя движеніе происходитъ не безъ труда и натуги. На сторонѣ движенія притомъ, если не многочисленныя массы, за то отборные люди, умственные предводители народа. То полное единодушіе, котораго не можетъ быть съ польской стороны, не существуетъ и съ русской даже между отборными людьми, даже между мыслителями. За отзывомъ профессора Градовскаго, предлагавшимъ воздержаться отъ оскорбленій, послѣдовала желчная діатриба Н. И. Костомарова противъ «поляковъ миротворцевъ», послѣ которой профессоръ Градовскій, хотя и возражалъ (№ 213 «Спб. Вѣд.»), но мягко, со множествомъ оговорокъ, со множествомъ книксеновъ передъ «глубокимъ знатокомъ русской и польской исторіи» и какъ бы съ предчувствіемъ, что Н. И. Костомаровъ одержитъ верхъ, потому что его слова «неотразимо подѣйствуютъ на многихъ и многихъ». Въ Н. И. Костомаровѣ совмѣщаются: талантливый историкъ, повѣдавшій намъ многое интересное о старинѣ по источникамъ, и политикъ, берущійся порою практически устраивать современныя общественныя задачи. Какъ кабинетный ученый, г. Костомаровъ довольно вѣскій авторитетъ, но какъ публицистъ онъ не доказалъ ничѣмъ своихъ способностей, своей практичности (вспомнимъ поднятый имъ въ 1862 г. вопросъ о вольномъ университетѣ); знатокъ прошедшаго не всегда оріентировался въ настоящемъ. Въ статьяхъ г. Костомарова весьма важно знать, кто ихъ писалъ: историкъ, или

публицистъ? Относительно статьи «полякамъ миротворцамъ» не трудно доказать, что она цѣликомъ вышла изъ-подъ пера Костомарова-публициста, и что Костомаровъ-историкъ не только не принималъ въ ней никакого участія, но даже блистательно ее опровергъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Градовскаго. Не вѣрите?—Сопоставьте оба отзыва, сличивъ логическіе пріемы автора.

Устраняю обстоятельства второстепенныя, неизбѣжное попреканіе Валленродомъ, воспоминанія о траурномъ костюмѣ, котораго теперь не носятъ и о которомъ можно бы забыть по правилу, которое изречено когда-то самимъ г. Костомаровымъ: «что было, то прошло и былью поросло». Не считаю нужнымъ возражать и на странный со стороны лица, привыкшаго идти за объясненіями въ глубь историческихъ событій, выводъ о томъ, что весь мятежъ 1863 г. былъ не что иное, какъ польская отместка за освобожденіе крестьянъ,—выводъ, который только тогда бы объяснялъ фактъ, если бы весь народъ состоялъ изъ однихъ пановъ. Я пропускаю и незатѣйливый аргументъ, основанный на польскомъ ругательствѣ: psia krew, которому совершенно равносильное обрѣтается и на русскомъ языкѣ. Главная сила статьи «полякамъ миротворцамъ» заключается не въ этихъ мелочахъ и не въ томъ, чему научили г. Костомарова памятники, а въ томъ, что внушило г. Костомарову его общеніе съ современниками, его личныя знакомства съ поляками. Вотъ квинтъ-эссенція его наблюденій: г. Костомарову не удалось встрѣтить ни одного поляка, который бы не ненавидѣлъ всѣхъ русскихъ и всего русскаго. «Русская церковь имъ смердитъ, отъ русскихъ пріемовъ жизни ихъ тошнитъ; русскій языкъ представляется имъ грубымъ, а русскую интеллигентную жизнь они ставятъ ни во что и презираютъ». Всѣ они поголовно—Валленроды, всѣ они носятся съ затаенною мыслью объ отстройкѣ за-ново Польши въ границахъ 1772 года. Не вводите, совѣтуетъ г. Костомаровъ, греческаго деревяннаго коня въ троянскія стѣны; не до-

пускайте польскихъ писателей, артистовъ, промышленниковъ, ученыхъ до общенія съ русскими, а не то они пойдутъ тотчасъ же валленродствовать, вмѣсто того, чтобы заниматься каждый своею спеціальностью. Когда столь сложный вопросъ, какъ польскій, рѣшается на основаніи однихъ только личныхъ опытовъ и знакомствъ, то рѣшать его компетентенъ всякій, кто имѣлъ знакомства, и рѣшается онъ по простому житейскому опыту, причемъ не требуется учености. Г. Костомарову слѣдуетъ, во-первыхъ, возразить, что можетъ быть случайно такъ пришлось, что попадались ему неудачныя знакомства, все одного и того же вида экземпляры; во-вторыхъ, что живой человѣкъ—не ископаемое, міровыя событія бросаютъ на него тѣнь, кладутъ печать, такъ что и знакомые, которыхъ имѣлъ возможность наблюдать г. Костомаровъ и которыхъ кругъ у всякаго изъ насъ не можетъ быть особенно великъ, очень, можетъ быть, значительно видоизмѣнились вслѣдствіе происшедшаго послѣ того, какъ ихъ наблюдалъ г. Костомаровъ. Съ этой-то точки зрѣнія и повелъ свою бесѣду г. Градовскій, намекая на то, что Германія объединилась, Франція пала и папство пошатнулось, вслѣдствіе чего и будущее должно представляться полякамъ въ иномъ видѣ, нежели лѣтъ пятнадцать тому назадъ; разсѣялись иллюзіи, убыли считавшіяся надежными точки опоры, должно было наступить отрезвленіе. Всю силу этихъ доводовъ созналъ историкъ Костомаровъ, который и поспѣшилъ заявить въ № 523 «Новаго Времени» слѣдующее: Я далекъ отъ того, чтобы признавать за народомъ свойства, остающіяся неизмѣнными; я всегда думалъ, что нравственныя свойства, кажущіяся намъ присущими народу, суть послѣдствія разныхъ историко-бытовыхъ условій теченія предшествовавшей жизни. Иныя прилипаютъ къ народному характеру до того, что мы готовы въ нихъ видѣть что-то судьбою данное, другія стираются быстрѣе подъ вліяніемъ новыхъ поворотовъ исторіи». Нельзя не согласиться съ этими золотыми положеніями, они вполнѣ

истинны, вполнѣ научны; но разъ эти положенія усвоены публицистомъ, ими опредѣляется и точный способъ разрѣшенія вопроса, не по личнымъ знакомствамъ съ немногими единицами, изъ которыхъ только посредствомъ поспѣшнаго обобщенія можно составить себѣ поверхностное, невѣрное и ненадежное понятіе о свойствахъ цѣлой націи, и не посредствомъ субъективныхъ впечатлѣній и догадокъ въ родѣ слѣдующихъ: «А я имъ (миротворцамъ полякамъ) ни на волосъ не вѣрю». Вѣритъ ли имъ, или не вѣритъ г. Костомаровъ, это обстоятельство побочное, ни на волосъ не подвигающее не только къ рѣшенію, но и къ уясненію вопроса, тѣмъ болѣе, что и та искренность, которой онъ не усматриваетъ въ предлагающихъ мировую, и вслѣдствіе отсутствія которой онъ прерываетъ обмѣнъ мыслей между думающими думу о мировой, есть, въ настоящемъ положеніи обсуждаемаго предмета, обстоятельство совершенно постороннее, неимѣющее никакой важности. Я опасаюсь, что съ перваго взгляда не всѣ согласятся на это дѣлаемое мною съ умысломъ обезцѣниваніе столь важнаго качества искренности, и могутъ счесть слова мои за парадоксъ. Постараюсь доказать примѣрами, почему это положеніе должно быть признано безспорнымъ.

Знатоку не только старины, но и народнаго быта, г. Костомарову, вѣроятно, случалось бывать на крестьянскихъ сходкахъ, когда мирятся двѣ семьи, долго и упорно между собою враждовавшія. Важнѣйшею помѣхой въ переговорахъ бываютъ прежде всего бабы, которыхъ трудно урезонить, потому что онѣ вытряхиваютъ тотчасъ всѣ дрязги, весь соръ, всю старину. Дѣло бы запнулось и кончилось бы на попреканіяхъ, если бы дать волю языкамъ; а потому когда сдѣлка налаживается, то бабъ обыкновенно прогоняютъ и берутся толковать люди степенные и хладнокровные—мужья, старики. Не принято оскорблять противника язвительными словами не въ бровь, а въ глазъ: «обманываешь, проведешь, ни на волосъ тебѣ не вѣрю»; вообще какъ можно меньше ста-

раются говорить о чувствахъ, а больше о дѣлѣ, и поминутно приводится на память правило: не поминать прошлаго. Мирящіеся еще не относятся другъ къ другу дружелюбно, они даже и не питаютъ другъ къ другу никакого довѣрія, каждая сторона старается уличить противника въ непослѣдовательности, устранить двусмысленности и заручиться относительно противника всевозможными гарантіями. Сердечности еще никакой нѣтъ, а есть только обоюдное сознаніе общаго интереса въ томъ, чтобы перестать себѣ взаимно вредить и установить хотя бы не совсѣмъ пріятный, но сносный и обоюдно полезный способъ сожитія. Мирящіеся, можетъ быть, разойдутся, ничего не порѣшивъ, но разъ запала мысль о мировой, она будетъ ходить по головамъ и работать; что не состоялось сегодня, можетъ состояться завтра или послѣ-завтра. Если удалось сговориться, ударили по рукамъ, можетъ быть даже не поцѣловались, даже и не запили, разстались холодно, въ намѣреніи буквально сдержать уговоръ, но не дѣлать сверхъ уговора ни на волосъ поблажки. Нерасположеніе существуетъ, но ему негдѣ разыграться, время вступаетъ въ свои права и незамѣтно заживляетъ раны; у враждовавшихъ товарищей или сосѣдей появляются общія предпріятія, общія радости и печали и, глянь, чрезъ десятокъ лѣтъ пропадетъ и память между дѣтьми о томъ, что отцы ихъ дрались и враждовали: до того силою событій сдѣлается ественною та искренность, которой и быть не могло при замиреніи, когда каждый изъ спорящихъ осуществлялъ въ уговорѣ только свои личныя цѣли, уступая необходимости, но вовсе и не желая дѣлать добро противнику.

Мнѣ кажется, мировыя между національностями подготовляются такимъ-же образомъ, какъ и между семьями. Желчныя выходки съ напоминаніемъ всѣхъ національныхъ грѣховъ, которыхъ, само собою разумѣется, было не мало, производятъ одно только послѣдствіе, непріятное для людей, привыкшихъ раз-

суждать: онѣ безполезно раздражаютъ обѣ стороны. Статьи въ родѣ той, которая помѣщена въ № 478 «Новаго Времени», сильно напоминаютъ бабьи пререканія на сходкѣ, о которыхъ я говорилъ и которыя съ перваго-же разу портятъ въ конецъ дѣло, прежде чѣмъ выяснилась его возможность или невозможность. Сдѣлка не всегда своевременна, не всегда даже возможна, но возможность ея зависитъ отъ условій, которыя берутся выполнить участвующія въ ней стороны. Условія эти, въ свою очередь, заключаются въ идеяхъ и нравахъ, иными словами, въ убѣжденіяхъ и привычкахъ сторонъ, въ отысканіи такого общаго основанія, на которомъ, не смотря на свою рознь, онѣ могли бы сойтись. Убѣжденія и привычки, по вѣрному замѣчанію г. Костомарова, не суть нѣчто непреложное; всякая національность есть ковкій металлъ, который постоянно перечеканиваютъ событія. Отъ свойства металла, который онъ имѣетъ, или которыя при navариваніи и ковкѣ онъ можетъ пріобрѣсти, зависитъ, можетъ-ли онъ когда-либо получить пригодную для извѣстнаго дѣла форму. Разрѣшеніемъ отвлеченнаго вопроса о возможности, не касаясь времени, исчерпывается работа писателя, историка или публициста; остальное зависитъ отчасти отъ политики, которая во многомъ заступила у насъ мѣсто древняго рока и сдѣлалась способною навѣрняка осуществлять предусматриваемые ею результаты, отчасти отъ самодѣятельности каждой націи, отъ умственной ея работы и отъ усилій коллективной воли націи надъ собою, чтобы отвыкнуть отъ старыхъ и пріобрѣсти новыя понятія и привычки. При обсужденіи въ области отвлеченной идеи, а не практическаго дѣла, тѣхъ свойствъ, которыя необходимо пріобрѣсти, и тѣхъ, отъ которыхъ надобно отрѣшиться, потому что они мѣшаютъ единенію, большое значеніе имѣетъ какъ относительная важность, такъ и стародавность послѣднихъ, моментъ, съ котораго они образовались, легли въ основу жизни и прилипли, по выраженію г. Костомарова, къ народному характеру. Нѣтъ

никакого сомнѣнія, что одно изъ такихъ препятствій, и притомъ одно изъ стародавнѣйшихъ, заключается въ религіи, но г. Костомаровъ идетъ еще дальше: онъ кладетъ эту рознь во главу угла польскаго вопроса и заключаетъ: «что касается до вражды къ намъ поляковъ, историческимъ корнемъ ея надобно признать наше разновѣріе». Этимъ положеніемъ г. Костомаровъ, отступившій въ статьѣ номера 523 отъ положеній, заключающихся въ статьѣ № 478 къ «Миротворцамъ полякамъ», укрѣпляется на своей новой позиціи, подводя подъ свой тезисъ о невозможности мировой новое основаніе — вѣру, вмѣсто препятствія, заключавшагося въ неискренности. Приведеніе этого новаго основанія можно бы разсматривать, если бы квитаться съ г. Костомаровымъ его же монетой, то-есть обвиненіями въ неискренности, какъ маневръ, употребленный для прикрытія отступленія. Потому что ни отъ одного изъ современныхъ народовъ нельзя ожидать, чтобы онъ оставилъ свою вѣру и усвоилъ себѣ чужую. Но я предпочитаю допустить, что оно серьезно; въ такомъ случаѣ придется заключить, что г. Костомаровъ историкъ односторонній, а главное, что онъ несовременный человѣкъ, до того засидѣвшійся въ давно минувшихъ столѣтіяхъ, что ему стала чужда почва современнаго государства. Г. Костомаровъ не принялъ въ соображеніе, что рознь не есть еще ненависть и вражда, что разновѣріе есть нормальное качество всѣхъ современныхъ обществъ, что весь ходъ жизни послѣднихъ временъ ведетъ къ тому, чтобы всякія вѣры, всякія убѣжденія и вкусы уживались въ государствѣ подъ однимъ положительнымъ закономъ, что въ будущемъ пререканія о религіи получатъ вѣроятно характеръ такого же спокойнаго диспута, какъ диспутъ о происхожденіи варяговъ, послѣ котораго гг. Костомаровъ и Погодинъ разошлись, не питая другъ къ другу никакой особенной вражды и злобы. Причины вражды въ нашъ вѣкъ бываютъ гораздо реальнѣе, нежели религіозное разномысліе; къ этому разномыслію мы привыкли вслѣд-

ствіе вѣротерпимости, которая для нашего общества, воспитаннаго въ ней, сдѣлалась такимъ же условіемъ для умственной жизни, какъ хлѣбъ насущный, или какъ вдыхаемый воздухъ для физической.

Въ заключеніе нашихъ возраженій противъ статей г. Костомарова позволимъ себѣ привести и разобрать слѣдующій отрывокъ изъ статьи его въ № 523: «Всѣ пути примиренія достойны уваженія, кромѣ одного—писать газетныя статейки. Этотъ путь тѣмъ болѣе безплоденъ, что въ нашихъ толкахъ мы будемъ наталкиваться на вопросы, которыхъ разрѣшеніе зависитъ отъ законодательной власти и не можетъ быть достигнуто бесѣдами досужихъ политикановъ». Если дѣйствительно всякія печатныя объясненія по польскому вопросу безусловно безплодны, то что заставило г. Костомарова выступить во всеоружіи на арену и своимъ участіемъ въ турнирѣ съ поляками-миротворцами заслужить, по приложенію къ нему имъ же придуманной мѣрки, не совсѣмъ лестное названіе «досужаго политикана»? Должно быть, толки не совсѣмъ безплодные, коль скоро г. Костомаровъ, хотя и увѣренъ, что изъ газетной болтовни ничего не выйдетъ, позаботился, однако, запереть всѣ двери и законопатить всѣ щели въ стѣнѣ, отдѣляющей въ умственномъ отношеніи два народа, чтобы помѣшать всякимъ толкамъ и бесѣдамъ о примиреніи, котораго онъ не желаетъ допустить. Замѣтимъ, что законодательная власть въ статьѣ г. Костомарова является, какъ deus ex machina на древней сценѣ, для развязки дѣйствія, что призываніе ея ничѣмъ не мотивировано, кромѣ развѣ желанія автора положить конецъ преніямъ, для которыхъ онъ самъ доставилъ обильнѣйшій матеріалъ. Ни г. Градовскій, ни его заграничные корреспонденты не разрѣшали законодательныхъ вопросовъ, не вторгались въ сферу дѣятельности правительства, не разбирали вовсе ни закона 10-го декабря 1865 г., ни исключительнаго положенія и мѣръ, принятыхъ въ отношеніи польскаго элемента въ имперіи. Измѣнятся-ли когда-

либо эти мѣропріятія и законы?—это вопросъ времени и мудрости правительственной, зависящій отъ власти законодательной; онъ подлежитъ обсужденію въ печати наравнѣ съ другими общественными вопросами, но онъ-то и не поднимался вовсе въ брошюрахъ и статьяхъ, вызванныхъ замѣткою г. Градовскаго по поводу польскаго легіона («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 121); напротивъ того, г. Градовскимъ заявлено прямо, что «о законодательныхъ, административныхъ и общественныхъ мѣрахъ теперь не время говорить». Но въ обществѣ вліяющими на ходъ его жизни дѣятелями являются, сверхъ правительства и законовъ, еще понятія и чувства народныя, которыя, хотя и ничего практически не рѣшаютъ, но обусловливаютъ всякую реформу, облегчая ее или затрудняя. Въ области этихъ народныхъ мыслей и чувствъ есть свои авторитеты, есть владыки до того вліятельные, что господство ихъ надъ умами длится еще много лѣтъ послѣ того, какъ истлѣли ихъ кости. Не досужіе политиканы были Пушкинъ и Карамзинъ, первый въ своемъ стихотвореніи: Клеветникамъ Россіи, второй—въ запискѣ о Польшѣ. Словами этихъ могучихъ вожатыхъ клянется еще значительная часть русскаго общества; точно такимъ же вожатымъ продолжаетъ быть у поляковъ Мицкевичъ. Что изрекли богатыри, то на тысячу ладовъ твердятъ донынѣ эпигоны. Между тѣмъ время шло, положеніе сторонъ измѣнилось самымъ кореннымъ образомъ; отъ совершившихся событій авторитеты пошатнулись, потому что нашлись люди, хотя и маленькіе ростомъ, не подъ стать усопшимъ богатырямъ, которые, однако, дерзнули провѣрить изреченія учителей и додуматься до иныхъ заключеній. Эти пока весьма малочисленные новаторы сдѣлали странный выводъ: не пора-ли бы перестать другъ друга ненавидѣть; они не предлагаютъ перемѣнить вражду на любовь и желали бы только, чтобъ установились взаимное уваженіе и терпимость,—чувства возможныя даже между бывшими врагами, въ надеждѣ, что если эти чувства водворятся,

то за ними придетъ когда-нибудь и дружба, по пословицѣ: стерпится-слюбится. Таковъ именно смыслъ предложенія г. Градовскаго, которое г. Костомаровъ отвергнулъ на дѣлѣ, не возражая противъ него прямо въ статьѣ № 478. Предложеніе это г. Градовскій формулировалъ слѣдующими словами: воздержаніе отъ всякихъ неумѣстныхъ выходокъ, затрогивающихъ народную честь, отъ всякихъ оскорбительныхъ намековъ, отъ всякихъ заподозриваній и огульныхъ обвиненій. Эта нехитрая программа, предлагаемая для установленія болѣе прямаго общенія между двумя родственными, хотя и враждовавшими литературами можетъ быть осуществлена, въ чемъ согласится каждый, безъ вторженія въ область дѣятельности законодательной власти и даже въ кругъ ею рѣшаемыхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, если бы она была приведена въ дѣйствіе, то она лишила бы каждую изъ сторонъ предлога «ставить ни во что и презирать интеллигентную жизнь противниковъ».

22 Августа 1877 г.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

Польша и Россія въ 1872 году, сочиненіе бывшаго члена Государственнаго Совѣта Царства Польскаго. Дрезденъ. (Polska i Rossya w 1872 r., przez b. Członka Rady Stanu Królestwa polskiego. Drezno, 1872.

ПОЛЬСКІЯ ФАНТАЗІИ

НА

СЛАВЯНОФИЛЬСКУЮ ТЕМУ.

I.

Особый Государственный Совѣтъ для Царства Польскаго былъ однимъ изъ мертворожденныхъ дѣтенышей такъ называемой комбинаціи 1862 г. или, иными словами, системы управленія маркиза Вѣлёпольскаго. Этотъ Совѣтъ, долженствовавшій состоять изъ высшихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ царства, ни разу, кажется, не функціонировалъ, остался на бумагѣ и унесенъ былъ волнами мятежа 1863 г. Авторъ разбираемой нами брошюры былъ или именовался по крайней мѣрѣ членомъ Совѣта, значитъ, онъ былъ изъ высшихъ сановниковъ царства при Вѣлёпольскомъ; онъ и теперь еще, послѣ всѣхъ неудачъ, благоговѣетъ передъ маркизомъ, предъ тѣми качествами ума и характера Вѣлёпольскаго, которыя обворожили и увлекли русскихъ государственныхъ людей (страница 62), которыя заставили этихъ людей приложить свою руку къ комбинаціи 1862 г., состоявшейся «благодаря особенной милости Провидѣнія, великодушію Монарха и тогдашнему настроенію русскаго народа» (стр. 64). Авторъ—полякъ и пишетъ тѣмъ прекраснымъ языкомъ, который нынѣ на-

чинаетъ становиться рѣдкимъ и который напоминаетъ языкъ Колонтая и Снядецкаго. Авторъ солидаренъ съ Вѣлёпольскимъ и его программою, онъ жилъ долго въ Петербургѣ и Москвѣ (54), онъ питаетъ признательность къ тѣмъ русскимъ людямъ въ Петербургѣ, которые не отвернулись отъ него и остались его пріятелями въ частной жизни, не смотря на племенныя распри. Слогъ автора не лишенъ нѣкотораго паѳоса и риторическаго бомбаста. Брошюру свою онъ посвящаетъ «отцамъ семействъ, озадаченныхъ судьбою подрастающихъ поколѣній, гражданамъ, скорбящимъ о своемъ бездѣйствіи въ юбилейномъ (послѣ перваго раздѣла) 1872 году». На каждой почти страницѣ встрѣчаются выраженія о призваніяхъ, о Провидѣніи и о Высочайшей Премудрости, которыя если съ одной стороны свидѣтельствуютъ о религіозномъ образѣ мыслей члена Совѣта, то съ другой подвергаютъ его упреку въ томъ, что онъ сильно злоупотребляетъ этими понятіями, потому что странно, напримѣръ, слышать, какъ непосредственному дѣйствію Провидѣнія приписывается комбинація 1862 года, которая, какъ намъ доказали событія, была комбинація, не имѣвшая въ себѣ самой никакихъ жизненныхъ условій существованія, съ самаго своего начала несостоятельная, несбыточная и въ будущемъ, съ чѣмъ и самъ авторъ соглашается (64). Авторъ не назвалъ себя по имени, хотя число сподвижниковъ Вѣлёпольскаго не такъ велико, чтобы нельзя было ихъ перебрать поодиночкѣ и разрѣшить вопросъ о происхожденіи брошюры, что и сдѣлали львовскія газеты. Одна ихъ нихъ «Gazeta narodowa», въ статьѣ за подписью S. B., объявила, что подъ анонимомъ скрывается Казиміръ Кржививцкій, бывшій директоръ правительственной Комиссіи просвѣщенія и исповѣданій въ Царствѣ Польскомъ. Оставляя повѣданный львовскою газетою фактъ на ея отвѣтственности и обходя вопросъ о личности автора брошюры, какъ въ сущности не очень важный, или, лучше сказать, важный лишь настолько, насколько брошюра представ-

ляется произведеніемъ несомнѣнно польскаго, а не русскаго пера, остановимся на ея содержаніи, которое во многихъ отношеніяхъ знаменательно. Ново въ брошюрѣ не то, что авторъ является глашатаемъ мира, апостоломъ соглашенія племенъ, — въ сущности всѣ органы русской печати, не исключая «Московскихъ Вѣдомостей», гласятъ о необходимости примиренія, причемъ иные находятъ это примиреніе возможнымъ безъ обрусенія, иные посредствомъ и послѣ обрусенія, всѣ же ждутъ болѣе или менѣе авансовъ со стороны поляковъ; съ другой стороны, авансы эти никогда не были такъ часты, какъ въ настоящее время. Поминутно то возвращаются въ Россію добровольно, подвергая себя всѣмъ послѣдствіямъ явки, тѣ или другіе повстанцы 1863 г., то высказываются въ пользу Россіи, извѣрившись въ помощь Запада, тѣ или другіе корифеи польской эмиграціи. Инстинктивно чувствуется, что теперь-то и настала настоящая пора сѣять, кончать семейный споръ семейно, безъ всякихъ постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, устроить племенной бракъ на справедливыхъ и безобидныхъ для обѣихъ сторонъ основаніяхъ, которыя со стороны побѣдителя будутъ имѣть всѣ признаки и выгоды благоразумнаго великодушія, а у побѣжденнаго отнимутъ право сѣтовать на свою судьбу. Примиреніе— общая пѣснь, вещь, одинаково всѣми одобряемая въ принципѣ; весь вопросъ только въ основаніяхъ его и кондиціяхъ. Особенность разбираемой нами брошюры составляетъ то, что авторъ, заявляя себя горячимъ польскимъ патріотомъ, сдается безъ кондицій, предлагаетъ своимъ соотечественникамъ сейчасъ и поголовно слиться съ русскими, принести въ жертву даже свой языкъ и, исчезнувъ въ смыслѣ особаго народа, возродиться въ единицѣ высшаго порядка, въ славянщинѣ, говорящей однимъ культурнымъ языкомъ и выросшей изъ русскаго государства. Авторъ забѣгаетъ впередъ русскимъ славянофиламъ, предвосхищая у нихъ задушевнѣйшія ихъ мечты о томъ, какъ славянскіе ручьи сольются въ рус-

скомъ морѣ. Онъ гораздо прямѣе ставитъ вопросъ, чѣмъ, напримѣръ, г. Лавровскій въ рѣчи по случаю празднованія памяти св. Кирилла и Меѳодія въ Варшавѣ 11 мая нынѣшняго года («Голосъ» № 37). Г. Лавровскій открещивается отъ всякой мысли и всякаго намѣренія русить Царство Польское; онъ только требуетъ въ интересѣ государства, во-первыхъ, чтобы персоналъ администраціи въ Царствѣ Польскомъ состоялъ изъ однихъ русскихъ, а туземцы были въ нее допускаемы только въ силу особаго къ каждому изъ нихъ довѣрія, то-есть, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, такъ какъ количество подобныхъ туземцевъ «крайне ограничено и ничтожно»; во-вторыхъ, чтобы русскій языкъ сталъ исключительнымъ органомъ администраціи и просвѣщенія. За этими двумя изъятіями г. Лавровскій, подкрѣпляющій, между прочимъ, свои умозаключенія ссылкою на слова брошюры члена Совѣта, не прочь даже благопріятствовать польской національности. Авторъ брошюры на мой взглядъ послѣдовательнѣе г. Лавровскаго. Онъ постигаетъ, что послѣ исключенія языка изъ школы, присутственнаго мѣста и суда, а впослѣдствіи, можетъ быть, и изъ церкви, на первыхъ только порахъ въ одномъ или двухъ поколѣніяхъ его соотечественники будутъ бесѣдовать по-польски «съ собою дома, съ пріятелями и дѣтьми, съ музами, да съ Господомъ Богомъ въ молитвѣ» (59); но въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій на каждомъ шагу будутъ встрѣчаться поляки, не говорящіе ни слова по-польски (60), значитъ, собственно не поляки, а настоящіе русскіе люди. Сказавъ, что авторъ послѣдовательнѣе г. Лавровскаго, спѣшу оговориться: онъ послѣдовательнѣе, но все-таки не до самаго конца. «Впрочемъ и тогда еще, говоритъ онъ (стр. 60), можно будетъ отличить поляка, хотя и не употребляющаго польскаго языка, потому что онъ будетъ думать, чувствовать и дѣйствовать какъ думали, чувствовали и дѣйствовали его великіе предки,—не тѣ, которые загубили Польшу, но тѣ великіе, о которыхъ

преданія слушать будетъ растроганный до глубины души потомокъ, хотя бы онъ уже и забылъ свой родной языкъ». Я полагаю, что это утѣшеніе не совсѣмъ искренно со стороны автора брошюры. Народность въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ вмѣщаетъ въ себѣ два элемента: пассивный и активный. Пассивный состоитъ въ извѣстныхъ привычкахъ мысли, чувства и воли, которыя присущи человѣку вслѣдствіе воспитанія, хотя бы онъ былъ отступникъ, и проявляются невольно въ томъ, что мысль все-таки отливается въ родныя слова и въ памяти держатся кой-какія воспоминанія. Активный элементъ въ народности заключается въ возлюбленіи народныхъ идеаловъ, въ проникновеніи себя этими идеалами до того, что человѣкъ готовъ имъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ и жизнью. Привычки сохраняетъ даже измѣнникъ или совершеннѣйшій индифферентъ и космополитъ, но патріотомъ не можетъ быть человѣкъ безъ народныхъ привычекъ, въ особенности безъ привычки народнаго языка. Такъ какъ у насъ все воспитаніе книжное, то безъ языка нѣтъ ключа къ литературѣ, значитъ, и къ преданіямъ родины; значитъ, потомокъ, незнающій языка предковъ, слушая, не будетъ слышать и понимать преданій о предкахъ, значитъ, онъ ими не тронется вовсе, значитъ, родина его воспитанія будетъ его настоящею родиною, и сдѣлается онъ, если онъ самъ хорошій человѣкъ, настоящимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ.

Утѣшеніе преданіями очевидно разсчитано авторомъ на польскихъ его читателей; для русскихъ оно безполезно и даже излишне; для русскихъ совершенно съ перваго же разу понятно, что здѣсь проповѣдуется отреченіе не отъ языка съ сохраненіемъ преданій, а совмѣстно и отъ языка и отъ преданій, отреченіе отъ всего, «что вообще, но нѣсколько вульгарно, называется любовью къ отечеству» (7). Оно и проще; въ отреченіи отъ языка съ сохраненіемъ преданій русскій человѣкъ всегда бы подозрѣвалъ какое либо валленродство, сирѣчь

затаенную измѣну, а тутъ—просто полнѣйшее самоуничтоженіе въ смыслѣ національности. Съ этой точки зрѣнія, заявленія автора брошюры, какъ истаго поляка, пріобрѣтаютъ необыкновенный вѣсъ и значеніе. Они самымъ неожиданнымъ образомъ являются подмогою и подспорьемъ славянофильскимъ воззрѣніямъ на польскій вопросъ. Понятно, почему на нихъ ссылается г. Лавровскій, ратуя противъ несомнѣнно русскаго автора «Восточной политики Германіи и обрусенія» въ «Вѣстникѣ Европы» за текущій годъ. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкій контрастъ, нежели тотъ, который существуетъ между М. Т-вымъ, авторомъ «Восточной политики Германіи и обрусенія», и членомъ Совѣта.— М. Т-въ полагаетъ, что не все ладно въ мѣропріятіяхъ по польскому вопросу за послѣднее время, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе дѣятели задались мыслью русить многое не только русское, но издревле русское, что въ такъ-называемомъ привислянскомъ краѣ была могущественная и вліятельная русская партія между туземцами, которая правила сеймами, возводила королей и помогла разложиться Рѣчи-Посполитой, а теперь ея нѣтъ, что ее надобно создать и образовать, чтобы опереться на нее, а не на одну бюрократію и войско (В. Евр. январь, 692), что введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ Царствѣ Польскомъ не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ слитія поляковъ съ русскими въ одно этнографическое цѣлое или обрусеніе, но само это обрусеніе имѣетъ малые шансы въ царствѣ, потому что польскій простолюдинъ, хотя бы и учившійся въ полурусскихъ школахъ, не перестанетъ чувствовать себя въ національномъ смыслѣ полякомъ, значитъ, будетъ въ умственномъ отношеніи питаться книжками, которыя будутъ приготовляемы туземнымъ культурнымъ слоемъ, а этотъ туземный слой не можетъ сочувствовать уничтоженію своей національности и своего языка (691). М. Т-въ разсуждаетъ, какъ русскій, о мѣрахъ, которыя, по его мнѣнію, должны

бы быть предприняты въ Царствѣ Польскомъ для блага и въ интересахъ его родины—Россіи. Членъ Совѣта, какъ полякъ, считаетъ себя не въ правѣ предлагать какіе либо совѣты на этотъ счетъ русскому народу. Онъ разсуждаетъ съ большимъ тактомъ и весьма резонно, слѣдующимъ образомъ: «я не думаю, говоритъ онъ, чтобы для Россіи было невозможно или безполезно вернуться опять къ комбинаціи 1862 г.; зажили бы скорѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя раны; оказаны бы были нѣкоторыя услуги общечеловѣческой цивилизаціи; развязаны были бы можетъ быть руки для какого-нибудь великаго всемірно-историческаго дѣйствія. Я утверждаю только, что сужденіе о пользѣ и цѣлесообразности подобнаго средства принадлежитъ всецѣло русскому правительству, мы же, столь жестоко провинившіеся въ 1863 г. и на голову разбитые, никоимъ образомъ не годимся въ совѣтники (64)». Авторъ брошюры, если даетъ совѣты, то только своимъ соотечественникамъ, но, такъ какъ его наставленія клонятся прямо къ слiянію съ русскими въ одно этнографическое цѣлое, съ отреченіемъ отъ языка, то очевидно, что, если его соотечественники его послушаютъ и если его внушеніямъ послѣдуютъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе, Россія получитъ разомъ, безъ всякихъ стараній съ своей стороны и безъ всякой перемѣны своей политики на окраинахъ, ту русскую партію, о которой хлопочетъ г. М. Т-въ.

Тогда окажется, что польскій вопросъ—вещь вовсе не столь мудреная, какъ казалось; что «ларчикъ просто открывался»; что для приведенія этого многотруднаго вопроса къ благополучному окончанію не только не потребуется сдѣлать какія либо измѣненія въ системѣ, но, напротивъ того, придется идти неуклонно съ удвоенною энергіею по направленію, избранному въ минуту борьбы и кризиса въ 1863 и 1864 годахъ. Спрашивается, есть ли надежда, чтобы всѣ или многіе изъ соотечественниковъ автора послѣдовали его примѣру, убѣдились его дово-

дами? Убѣдительнымъ совѣтъ можетъ быть только тогда, когда онъ логиченъ, когда и его посылки несомнѣнно вѣрны, и окончательные выводы и заключенія вытекаютъ изъ предпосланныхъ имъ посылокъ. Всѣ племенныя и международныя распри на свѣтѣ происходятъ главнымъ образомъ отъ нелогичности, отъ сумбура въ головахъ, оттого, что люди или берутъ посылки, которыхъ брать не слѣдуетъ, или выводятъ изъ надлежащихъ посылокъ кривотолкомъ ненадлежащія заключенія. Взглянемъ съ этой стороны на брошюру: «Польша и Россія въ 1872 году».

II.

Съ первыхъ страницъ сочиненія насъ поражаетъ то обстоятельство, что авторъ усвоилъ себѣ такія двѣ посылки, которыя служили донынѣ пищею для племенной розни, масломъ, подливаемымъ въ огонь, и послѣ которыхъ обыкновенно прекращался всякій разговоръ о замиреніи: *во-первыхъ*, протестъ противъ раздѣла Польши, мѣшающій польскому народному самолюбію признать, что государство до тла сгнило прежде, нежели къ нему прикоснулись сосѣди, и заставляющій поляковъ донынѣ бредить границами 1772 года; *во-вторыхъ*, увлеченіе бонапартизмомъ, самый тяжелый грѣхъ и повальная болѣзнь Польши послѣраздѣльной. Раздѣлъ Польши, говоритъ авторъ (3), былъ тяжелою обидою со стороны сосѣдей; предки наши исполняли свой долгъ, дѣлая повстанія; мы, ихъ потомки, обязаны были бы пролить послѣднюю каплю крови для того же, если бы мы были въ такомъ же какъ и они положеніи... Впослѣдствіи, послѣ раздѣловъ, не легкомысліе заставляло предковъ нашихъ для воскрешенія Польши тянуть къ наполеоновскимъ орламъ (14, 15). Какъ ни кровожадны были эти птицы, какъ ни холоденъ былъ эгоизмъ полководца, который гналъ ихъ на поля, усѣянныя костьми, но онѣ

летѣли съ гнѣзда, въ которомъ завѣдомо всему міру бились горячія сердца для общечеловѣческихъ идей, гдѣ, хотя на дѣлѣ и попираема была справедливость, но никто не произнесъ богохульственнаго слова, что справедливость—вздоръ (!!!), гдѣ блистательнѣйшая въ мірѣ магистратура (!!) золотыми устами научала народъ и человѣчество отдавать честь справедливости (!!).» Послѣ этихъ прелестныхъ по своей наивности словъ можно было бы повидимому закрыть книгу, предвидя слѣдующее неизбѣжное заключеніе: если дѣды поступали хорошо и дѣльно, пробуя воскрешать умершую, то и внукамъ слѣдовало бы совершать тоже, потому что въ противномъ случаѣ надлежало бы опредѣлить день и часъ, когда то, что было народнымъ долгомъ, превратилось въ народное преступленіе или ошибку. Если отцы хорошо дѣлали, когда тянули къ странѣ, гдѣ, хотя втоптана была въ грязь справедливость, но звучали золотыя фразы, то и сыновьямъ подобаетъ быть стойкими въ томъ же влеченіи, можетъ быть даже помышлять о реставраціи господина, проживающаго въ Числьгёрстѣ, или, по крайней мѣрѣ, пропѣть эпическую пѣснь про Седанскій бой и Седанскаго героя. Ничуть не бывало; авторъ такой же врагъ, какъ и благоразумнѣйшіе изъ его соотечественниковъ, малѣйшаго помышленія о политическомъ возстановленіи Польши, онъ внушаетъ полякамъ отказаться отъ всякой надежды не только на извѣстную династію, но и на Францію вообще. Слѣдующимъ образомъ происходитъ у него этотъ нежданный и негаданный поворотъ. «Отъ цѣлей нашихъ предковъ, разсуждаетъ авторъ, мы должны отказаться, потому что, имѣя въ рукахъ недурныя карты, мы оплошали дважды, кинувшись въ азартную игру въ 1830 и 1862 годахъ (80). Мы должны разъ навсегда подчиниться силѣ совершившагося факта. Совершившійся фактъ тоже въ политикѣ, что въ небесной механикѣ центры тяготѣнія, управляющіе движеніями космической матеріи» (2). Независимо отъ того, что подобный выводъ сильно смахиваетъ на

поклоненіе золотому тельцу, иными словами, на обожаніе успѣха, мы остаемся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, отчего внуки должны отказаться отъ цѣлей дѣдовъ, оттого ли, что они промахнулись и оплошали, или оттого, что самыя цѣли оказались физически невозможными и неосуществимыми. Въ первомъ предположеніи происходитъ игра идеею долга точно въ прятки: былъ долгъ—промахнулись—долга не стало. Во второмъ предположеніи долгъ не существовалъ съ самаго начала, хотя дѣды въ простотѣ своей воображали, что онъ существуетъ, вслѣдствіе чего, отказываясь отъ отцовскихъ затѣй, внуки дѣйствуютъ вовсе не по уваженію къ совершившемуся факту, а потому, что они поумнѣли въ сравненіи съ отцами и прозрѣли простоту отцовъ.

Что ни говори авторъ о полномъ согласіи идеи совершившагося факта съ существованіемъ нравственнаго порядка, обѣ эти идеи несовмѣстимы, и пріемъ его съ совершившимся фактомъ, вслѣдствіе котораго дѣлаются столь чудныя перемѣны съ долгомъ, что долгъ былъ и вдругъ пропалъ, исчезъ, улетучился, есть не болѣе какъ эскамотажъ, вполнѣ очевидный для всякаго внимательнаго наблюдателя.

Выводъ сдѣланъ какими бы то ни было путями и изъ какихъ бы то ни было посылокъ, притомъ выводъ самъ по себѣ правильный и вѣрный, заключающійся въ томъ, что внукамъ надо отказаться отъ унаслѣдованныхъ предками затѣй относительно несбыточной самобытности политической. На этомъ отрицательномъ результатѣ, не отличающемся особенною новизною, авторъ не желаетъ покончить. Онъ понимаетъ, что отрицательными результатами довольствуются только мертвецы и отпѣтые, что сердце, пока живо, просится желать, что рука спрашиваетъ: что дѣлать? наконецъ, что человѣку не живется безъ идеаловъ, значитъ, по упраздненіи стараго, надобно его замѣстить другимъ, болѣе удачнымъ. Новый богъ нашелся, онъ изваянъ и поставленъ на пьедесталъ. Одноплеменные, однокровные народы стре-

мятся нынѣ повсемѣстно скучиваться въ большія массы. Наполеонъ III предугадалъ и предрекъ, что однокровные аггломераты составляютъ правдоподобнѣйшую форму будущаго устройства Европы (18); создана Италія, сплотилась Германія, теперь чередъ за славянщиной, которая образуется посредствомъ того, что по возможности всѣ славяне сольются въ русское государство и усвоятъ себѣ русскій государственный и литературный языкъ, подъ оболочкой котораго, если и будутъ прозябать прочіе бывшіе славянскіе языки, то только въ видѣ некультурныхъ нарѣчій. Панславизмъ, какъ извѣстно, далеко не новость, любопытно только знать, какъ онъ зародился у автора? изъ какихъ произошелъ источниковъ? какъ сдѣлался его крестнымъ отцомъ Наполеонъ III? Какъ попалъ Наполеонъ III въ предтечи этого новаго культа, котораго вчерашнимъ жрецомъ былъ Кавуръ, а нынѣшнимъ жрецомъ состоитъ, безъ сомнѣнія, князь Бисмаркъ? Панславизмъ въ брошюрѣ является осуществленіемъ отвлеченной теоріи, примѣненіемъ общаго закона, знаменующаго будто бы ближайшее будущее и состоящаго въ томъ, что единокровныя племенныя особи будутъ непремѣнно скучиваться въ большія расовыя единицы. Богъ вѣсть откуда взялся этотъ законъ, который и a priori не повѣренъ, и a posteriori не можетъ быть доказанъ. Никогда еще племенныя особи не сплачивались воедино во имя отвлеченной идеи о своемъ братствѣ по крови; напротивъ того, онѣ живали впродолженіи многихъ вѣковъ о-бокъ другъ друга, не помышляя о сліяніи. Сплоченіе многихъ и большею частью разныхъ племенъ не въ расовыя, а въ національныя единицы, было по большей части слѣдствіемъ грубой силы, иногда оно было вызываемо сознаніемъ общей опасности отъ внѣшняго врага или видами дѣла, могущаго быть совершеннымъ сообща, во всякомъ же случаѣ если оно установлялось и окрѣпало, то подкладкою ему служили не чувства кровнаго родства, но весьма положительные бытовые интересы сплачивающихся, которые надо отыскать

и указать, когда заходитъ рѣчь объ образованіи новаго агломерата. Въ общемъ ходѣ историческихъ событій, раса является всегда фактомъ первоначальнымъ; потомъ изъ слиянія разныхъ расъ, иногда самыхъ противоположныхъ, возникаютъ историческія національности. Разъ выработавшаяся и отчеканившаяся національность хранитъ крѣпко этотъ чеканъ и ни за что въ свѣтѣ не согласна расплавиться опять въ расу, погрузиться обратно въ расовую неопредѣленность и безразличіе. Чеканъ національности весьма крѣпокъ, онъ переживаетъ вѣка и тысячелѣтія. Въ основаніи всѣхъ новѣйшихъ національныхъ сплоченій, каковы Италія или германская имперія, лежитъ какой нибудь подобный чеканъ, какая нибудь историческая традиція. Италіи помогла сплотиться память о древнемъ Римѣ, государственномъ средоточіи Италіи и властелинѣ міра; передъ Германіею носились легенды о Карлѣ Великомъ и о Фридрихѣ Барбаруссѣ. Законъ срощенія національностей въ расы оказывается несуществующимъ, противнымъ исторіи, онъ просто—измышленіе автора брошюры, а за устраненіемъ его и панславизмъ автора является чѣмъ-то недоказаннымъ и висящимъ на воздухѣ. Вслѣдствіе безпочвенности этого идеала онъ ни для кого не привлекателенъ. Я не думаю, чтобы его нельзя было сдѣлать привлекательнымъ не только для русскихъ, которыхъ народному самолюбію онъ не можетъ не льстить, но и для другихъ славянъ,—опираются же на него и весьма сильно чехи, чая отъ Россіи избавленія отъ своихъ бѣдъ и непріятелей. Но я полагаю, что, являясь панславистомъ, авторъ взялся за дѣло не съ надлежащаго конца. Ему бы слѣдовало вникнуть въ бытъ какъ русскихъ, такъ и поляковъ, и отыскать тѣ, весьма существенные интересы, которые заставляютъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ, искать взаимнаго сближенія, поляковъ потому, что послѣ отреченія отъ мечтаній о политической самобытности имъ сроднѣе и естественнѣе и по натурѣ, и по преданіямъ быть въ государствѣ у Россіи, нежели у нѣмцевъ; рус-

скихъ же потому, что обезнароженіе поляковъ, съ той минуты какъ дознано будетъ, что они основательно и и окончательно отказались отъ своихъ мечтаній о самобытности, становится безполезнымъ и ни для кого не нужнымъ, а установленіе въ ближайшемъ будущемъ прочныхъ связей съ ними, на безопасныхъ для Россіи основаніяхъ, не только ограждало бы Россію отъ возможнаго напора волнъ нѣмецкихъ, но и «развязывало бы Россіи руки для какого-нибудь всемірно историческаго дѣйствія» (64). Россія, не превращаясь въ славянщину, сдѣлалась бы тогда можетъ быть ядромъ, къ которому бы съ радостью и упованіемъ пристали многіе народы и славянскаго и даже не славянскаго происхожденія. Вмѣсто этого пріема авторъ, желая увлечь поляковъ въ свою славянщину, дѣлаетъ скачекъ, становится вдругъ космополитомъ и начинаетъ поучать своихъ земляковъ съ точки зрѣнія отвлеченнѣйшаго національнаго индифферентизма, что въ сущности народность вздоръ, а главное-то—человѣчество, и что народность важна только какъ формочка, въ которую надобно влѣзть, чтобы сдѣлаться *настоящимъ человѣкомъ* (8).—Въ мірѣ, говоритъ онъ, все возрождается чрезъ смерть къ новой жизни (5), ежеминутно приходится жертвовать своею формою быта, чтобы облечься въ другую, имѣющую высшее назначеніе (4); какъ та, такъ и другая форма суть въ сущности созданія одной и той же Божественной Премудрости.—По этой теоріи отечество, родина являются чѣмъ-то въ родѣ платья, которое можно мѣнять, когда одно износится, надѣть другое, болѣе просторное или даже помириться съ болѣе узкимъ, въ надеждѣ, что оно подастся и расширится, когда станешь его носить. Перемѣна сначала непріятна, но потомъ къ ней пріобыкнешь. Собственно есть двѣ отчизны у человѣка, по мнѣнію автора: одна обаятельная и милая—отчизна сердца; другая, которая тѣмъ хороша, что ее никто не отниметъ—отчизна труда. Съ теченіемъ времени то, что для предковъ было отчизной труда, сдѣлается отчизною сердца для потом-

ковъ. Космополитическій элементъ столь силенъ въ брошюрѣ, что она заставляетъ поляковъ и впрашиваться-то у русскихъ въ славянщину космополитично: пустите насъ, мы люди, и, какъ люди, желаемъ мы общенія съ вами въ одномъ политическомъ тѣлѣ (72). Странная, неправда-ли, рекомендація для входа въ славянщину. На этомъ основаніи въ эти же двери на равныхъ правахъ могутъ и будутъ стучаться татары, евреи, даже нѣмцы и всѣ вообще племена! Я не прочь отъ мысли о полнѣйшемъ удовлетвореніи этихъ племенъ, но спрашивается, причемъ же тутъ славянщина, изъ-за которой хлопочетъ брошюра?

Если послѣ всѣхъ приведенныхъ выдержекъ изъ брошюры станемъ подводить итоги, то увидимъ, что авторъ, какъ Протей, ежеминутно мѣняетъ видъ и оборачивается во что-нибудь новое; то онъ полякъ стараго покроя и слегка бонапартистъ, то онъ панславистъ, то онъ космополитъ. Видно, что готовясь разрѣшать польскій вопросъ, онъ запасся всевозможными отмычками разной формы и величины. Наблюдемъ за нимъ въ дѣлѣ, какъ станетъ онъ открывать ларчикъ, который, что ни говорятъ о немъ, а не легко открывается. Чтобы оцѣнить практическую сторону совѣтовъ, предлагаемыхъ авторомъ соотечественникамъ, сдѣлаемъ рядъ выписокъ изъ брошюры, которыя коснутся самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности и потому заслуживаютъ серьезнѣйшаго вниманія, хотя высказаны не твердымъ въ основныхъ принципахъ, неустойчивымъ и до смѣшнаго непослѣдовательнымъ человѣкомъ.

III.

«Мы страшно упали; какъ собирательное цѣлое, мы не могли бы нынѣ совершить никакого матеріальнаго дѣйствія, ни пригрозить кому бы то ни было, ни привлечь (12). Мужикъ въ политической игрѣ не нашъ,

онъ всегда стоитъ за власть, онъ обезпеченъ, получивъ отъ русскаго правительства болѣе, чѣмъ ему бы могло дать всякое другое правительство; не станемъ же мы на него дѣйствовать посредствомъ соціалистической пропаганды (15). Мы совершенно одни передъ лицомъ подѣлившихся нами державъ, безъ подмоги въ крестьянствѣ, безъ крѣпкаго средняго класса, безъ денегъ, даже безъ пользующихся общепризнаннымъ авторитетомъ представителей народной мысли, то-есть, безъ кормчихъ въ горной области идеи. Наши, несомнѣнно даровитые, ученые и литераторы не могутъ вліять органически на собирательное цѣлое, лишенное всякой организаціи, они носятся надъ нами, блестятъ и украшаютъ, но не въ силахъ вести къ исполненію великихъ общественныхъ призваній (16). Мы стоимъ у перепутья и должны теперь же, не медля, уяснить себѣ и рѣшить, куда пойти и къ кому тянуть: къ Германіи, Австріи или Россіи (17)? Есть совѣтчики, которые внушаютъ: зачѣмъ рѣшаться, когда можно временить, оттягивать и балансировать. Мизерная политика мизерныхъ интересовъ! обличеніе не только матеріальнаго, но и нравственнаго безсилія и ничтожества! Съ нами не станутъ торговаться, насъ станутъ эксплоатировать и въ концѣ концовъ дадутъ лишь то, что сами дать хотятъ, не обращая вниманія на наши изподтишка угрозы (19)». Поставивъ столь широко задачу, предлежащую собирательному цѣлому, авторъ сейчасъ же съуживаетъ ее и предлагаетъ этому собирательному цѣлому нынѣ же раздѣлиться на три части, спасаться каждой части поодиночкѣ. Онъ отказываетъ себѣ въ правѣ давать совѣты жителямъ Познани и галичанамъ, изъ которыхъ первыхъ необходимость заставляетъ устраиваться наивыгоднѣйшимъ образомъ въ германской имперіи, а вторымъ опереться на Австрію (17). Онъ поучаетъ только однихъ обывателей Царства Польскаго и имперіи Россійской, однако, не безъ задней мысли и не безъ надежды, что изъ его совѣтовъ выростутъ въ будущемъ плоды и для познанцевъ и для галичанъ.

«Придетъ, можетъ быть, время послѣ слитія нашего съ русскимъ народомъ, что мы, не смотря на наше миролюбіе, переведемъ на славянскій языкъ нѣкоторые афоризмы теперешнихъ государственныхъ людей Германіи, по каковымъ афоризмамъ рѣшены недавно судьбы Лотарингіи и Эльзаса». Оговорившись такимъ образомъ, авторъ сводитъ итоги, дѣлаетъ расчетъ для вывода баланса между собирательнымъ цѣлымъ въ произвольно имъ выдѣленной третьей части и всѣми тремя державами, въ предѣлахъ коихъ обрѣтается это цѣлое. Балансъ выходитъ слѣдующій, прежде всего въ отношеніи къ Австріи.

«Видали вы больного, который на кровати мечется и которому непокойно лежать и на боку, и на спинѣ; это образъ державы Габсбурговъ. Среди этого хаоса голова кружится, политика превращается въ сновидѣніе и бредъ, ступаешь по облакамъ, не чувствуя почвы подъ ногами и, какъ ни прикинешь, выходитъ нескладно, будетъ ли это централизмъ, дуализмъ или федерализмъ». Остріемъ тончайшей ироніи пронизана придунайская Вавилонія, ея разношерстность, ея безчисленныя сеймовыя говорильни, нескончаемый торгъ «аусглейхами», въ которомъ всѣ племена прицѣниваются и расходятся, ничѣмъ не порѣшивши, не ударивши по рукамъ, между тѣмъ какъ дѣло не спорится, и оказывается, что всѣ толкутся на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая ни шагу впередъ». Такой мѣткій и вѣрный очеркъ австрійскихъ дѣлъ и отношеній способенъ отбить у самыхъ завзятыхъ политикановъ малѣйшую надежду на возстановленіе Польши посредствомъ Австріи. Чешско-польско-мадьярскій федерализмъ отнесенъ авторомъ къ числу несбыточнѣйшихъ утопій, какъ и всякій вообще федерализмъ, который имъ сочтенъ неприходящимся современнымъ народамъ ни по праву, ни по росту. Вдали представляется автору, какъ нѣчто весьма возможное, то предположеніе,, что исчерпавъ всѣ попытки федерализаціи, нѣмцы сойдутся съ мадьярами на счетъ славянъ, и станетъ Австрія славян-

скимъ изъ разныхъ кусковъ сшитымъ тѣломъ, управляемымъ изъ Вѣны нѣмецкою душою. Въ своей нелюбви къ нѣмцамъ авторъ хватаетъ черезъ край, и его вообраэкенію рисуется даже Drang nach Osten изъ Вѣны, германизація Галиціи, въ чемъ нельзя не признать сильной утрировки. Германизація Галиціи не успѣвала при Меттернихѣ, — теперь. при автономіи областей, она немыслима. Австрія живетъ со дня на день, но потому то она и даетъ людямъ жить, только житье это ненадежное и не прочное, части расклеиваются, ежеминутно можетъ послѣдовать паденіе стропилъ и столбовъ. Пріятно-ли копаться въ плѣсени, или работать въ ожиданіи обвала крыши въ зданіи, которое не можетъ служить даже и пристанищемъ? (35—49).

IV.

Предположеніе сближенія поляковъ съ германскою имперіею представляется во сто кратъ хуже надеждъ, возлагаемыхъ на Австрію (26—35). Австрія—ненадежный пріютъ для поляка, но Германія вообще, для славянства—готовая могила. Авторъ брошюры не можетъ слышать безъ сильнѣйшаго негодованія сужденій довольно распространенныхъ нынѣ, о томъ, что если нельзя намъ оставаться поляками, такъ сдѣлаемтесь нѣмцами. Онъ называетъ это изреченіе отчаяніемъ въ формѣ силлогизма (29). Полякъ и нѣмецъ—это два вещества химически несродныя, которыя, какъ ихъ ни мѣшай, никоимъ образомъ не соединятся. Чрезъ всѣ пôры мы были бы залиты снаружи внутрь и сверху внизъ элементомъ болѣе образованнымъ, непристающимъ къ намъ и ненуждающимся въ насъ. Въ администраціи, судѣ, школѣ явилась бы тьма людей достойныхъ, технически и гуманно развитыхъ, но чуждыхъ намъ вполнѣ и непреодолимо предубѣжденныхъ въ превосходствѣ своей породы и въ естественной неспособности нашей къ вос-

пріятію высшей культуры. Мы бы превратились въ стадо, они въ пастуховъ. Нашъ ремесленникъ вытѣсненъ бы былъ въ скоромъ времени и разоренъ вслѣдствіе конкурренціи несравненно болѣе ловкихъ ремесленниковъ-пришельцевъ. Невзначай и весьма быстро среди насъ сформировались бы эти пришельцы въ свои кружки и корпораціи. Наши ряды стали бы рѣдѣть, пришлецъ сталъ бы втискиваться въ среду нашего крестьянства. Нѣмцамъ сподручнѣе колонизировать Царство Польское, нежели Соединенные Штаты, а Царство Польское, вмѣщающее нынѣ 5.300.000 жителей, могло бы вмѣстить 11.мил., будь оно населено столь плотно, какъ Силезія и 20—будь оно населено столь плотно, какъ королевство Саксонское. Начнется борьба упорная за существованіе, но безъ видимаго насилія, въ предѣлахъ законности и при условіяхъ формальной равноправности, борьба холодная, безстрастная, систематическая, нещадная, вслѣдствіе которой насъ, славянъ западныхъ, ожидаетъ отъ нѣмцевъ судьба краснокожихъ въ Америкѣ.— Я не намѣренъ оспаривать страшной серьезности этихъ опасеній, я только думаю, что авторъ брошюры своею теоріею національности отнялъ у себя право заявлять ихъ и самъ выковалъ на себя оружіе, которымъ можно побить его на голову. Самъ онъ признаетъ, что Германія несравненно образованнѣе Россіи, что и суды были бы образцовые, и административные порядки превосходнѣе, и школы совершеннѣе, и началось бы живѣйшее движеніе въ области промышленности; значитъ, жилось бы лучше и умственно и экономически. Если національность—платье, которое можно мѣнять по произволу, то какъ не взять то, которое сшито по послѣдней модѣ, и выкроено изъ самой лучшей матеріи? какъ не взять ту форму, въ которой до высшаго совершенства дошелъ человѣкъ, и которая, по признанію автора, вмѣщаетъ въ себѣ безцѣнныя пособія для развитія какъ человѣка отдѣльно взятаго, такъ и человѣческаго общества? Чувствуя шаткость основаній, авторъ прибѣгаетъ къ на-

тяжкамъ. То онъ изобрѣтаетъ тончайшія различія между денаціонализаціею въ нѣмецкомъ и въ русскомъ направленіяхъ, стараясь втолковать, что отъ первой вредъ дѣйствительный, а отъ второй только воображаемый (un être de raison, 32), какъ будто національности, какъ душѣ собирательнаго цѣлаго, обреченной на смерть, станетъ легче оттого, кому послѣ ея смерти достанется ея тѣло? То онъ внушаетъ образованному классу польскому, что сколько бы онъ лично ни выигралъ въ отношеніи удобствъ у нѣмцевъ, онъ все-таки не въ правѣ выдавать нѣмцамъ головою польскаго мужика, которому господство нѣмцевъ готовитъ судьбу латышей и эстовъ въ остзейскихъ губерніяхъ, и къ которому бы нѣмецкая культура не могла никоимъ образомъ просачиваться по недостатку, такъ сказать, кровеносныхъ сосудовъ. Промахи въ каждомъ изъ этихъ доводовъ очевидны. Когда заведено будетъ общеобязательное обученіе нѣмецкой грамотѣ (заводится же оно нынѣ въ Познани), явятся и кровеносные сосуды, проводящіе образованіе и до мужика. Мужикъ, правда, обнѣмечится, но не умретъ, какъ вымираютъ краснокожіе; въ чемъ же бѣда, если онъ облечется въ культурно-высшую національность? Превращеніе его въ нѣмца будетъ осязательнымъ опроверженіемъ предположенія, будто бы нѣмецъ и полякъ два вещества химически несродныя и несоединимыя; ополячились же нѣкогда нѣмецкіе города въ Польшѣ, русѣютъ многіе нѣмцы въ Россіи, съ другой стороны, вся почти восточная полоса Германіи только и состоитъ изъ обнѣмечившихся славянъ. Наконецъ, что касается до судьбы латышей и эстовъ, то она не страшна для славянъ, потому что послѣдніе слились бы съ нѣмцами на почвѣ современнаго государства и на основаніяхъ равноправности, а первые борются съ нѣмецкимъ элементомъ изъ-за средневѣковыхъ привилегій послѣдняго: борьба здѣсь въ сущности аристократическаго элемента съ демократическимъ, а не расы съ расою.

Вѣрнымъ чутьемъ почуялъ авторъ опасность съ нѣ-

мецкой стороны, но всѣ его пріемы, чтобы доказать эту опасность, похожи на хлестаніе бичемъ по водѣ. Отчего такая странность? Да оттого, что въ своей ненависти къ нѣмцамъ и въ своемъ горячечномъ нетерпѣніи разрубить и упразднить поскорѣе польскій вопросъ для дружнаго противодѣйствія нѣмцамъ, онъ сталъ совѣтовать полякамъ, бросивъ, такъ сказать, свою шкуру, сдѣлаться мысленно на одинъ моментъ космополитами, то-есть только людьми и затѣмъ уже руссо-славянами. Только на бумагѣ подобныя превращенія дѣлаются въ мигъ, въ дѣйствительности надо, чтобы прошло нѣсколько поколѣній, пока «отчизна труда» сдѣлается «отчизною сердца». Въ промежуткѣ между двумя этими пунктами, отставъ отъ берега одной національности и не приставъ къ другой, человѣкъ дѣлается космополитически индифферентенъ къ обѣимъ, значитъ, весьма не гораздъ на отпоръ и весьма склоненъ къ воспріятію всякой высшей культуры, въ особенности, когда она приноситъ и матеріальное благосостояніе, и матеріальные порядки. Авторъ— нѣмцеѣдъ, а между тѣмъ въ сущности, какъ проповѣдникъ космополитизма, онъ работаетъ только для нѣмцевъ. Если бы онъ въ самомъ дѣлѣ ополчался на нѣмцевъ, то ему бы слѣдовало повести иную рѣчь и внушать своимъ соотечественникамъ, чтобы они углубились въ свои національныя традиціи, въ числѣ которыхъ нѣтъ задушевнѣе той, которая гласитъ, что «Jak świat światem, Nie będzie Polak Niemcowi bratem». Эта пословица не вытекла изъ славянскихъ мечтаній, она выростаетъ изъ самаго корня польской исторіи. Русскій народъ никогда не былъ въ столь близкомъ соприкосновеніи съ нѣмцами, онъ имѣлъ въ нихъ когда-то небезполезныхъ, хотя и тяжелыхъ учителей, но не господъ; нерасположеніе его къ нѣмцамъ вытекаетъ скорѣе изъ передуманнаго, а не изъ пережитаго. Два самые яркіе факта польской исторіи, это—Болеславъ Храбрый, сплачивающій изъ славянъ польскую державу для отраженія нѣмцевъ, да Ягелло и Витовтъ въ *великой* войнѣ въ Грюн-

вальдскомъ бою 1410 г. Въ моментъ глубочайшаго паденія Польши, когда ея корона продавалась почти съ молотка, удалось нѣмцу сѣсть на польскій престолъ; донынѣ свѣжо преданіе, какъ онъ ее опоилъ и развратилъ (Августы II и III). Польшу упрекаютъ за ея западническія влеченія, но эти влеченія неслись всегда подальше, въ Римъ, во Францію. Никогда Польша не вела нѣмцевъ на славянъ, не по неимѣнію къ тому случаевъ, но по несходству національныхъ традицій и характеровъ. Наконецъ, какъ ни мало великое княжество Познанское, а и въ немъ при страшномъ неравенствѣ силъ длится донынѣ сопротивленіе польскаго элемента нѣмецкому, доказывая во всякомъ случаѣ, что побѣда германизму достанется не легко. Если бы отъ всей польской исторіи остался одинъ этотъ скарбъ—антипатія къ нѣмцамъ—и его бы зарыли, то славянскій міръ сдѣлался бы настолько же бѣднѣе, блюсти же его можно только сохраняя національность, а слѣдовательно языкъ.

Примкнуть къ Австріи совсѣмъ ненадежно, къ Германіи гибельно, значитъ, только и остается сплотиться воедино съ Россіею. Эта часть брошюры есть одна изъ лучшихъ (49—68). Весьма кстати и вóвремя, съ послѣдовательностью бóльшею, нежели въ другихъ частяхъ сочиненія, авторъ доказываетъ, что какъ ни тяжело народности польской переживать моментъ, исполненный исключительныхъ мѣръ и стѣсненій, которыя вызваны ея же собственнымъ образомъ дѣйствія въ 1863 г., все-таки ей выгоднѣе снести эти стѣсненія, которыя и по существу вызвавшей ихъ причины, и по мысли законодателя имѣютъ временной, преходящій характеръ, значитъ, могутъ существенно измѣниться, какъ только русскій народъ и правительство убѣдятся, что поляки не только по средствамъ, но и по умственному настроенію своему нынѣ болѣе не опасны, въ особенности же когда они убѣдятся на дѣлѣ, что поляки готовы крѣпко стоять за дѣло русское, насколько оно вмѣстѣ съ тѣмъ является дѣломъ и общеславянскимъ, и общечеловѣчес-

кимъ. «Никто не жалуетъ, говоритъ авторъ (40), сецессіонистовъ, отщепенцевъ, никто не прижимаетъ ихъ къ сердцу и не устилаетъ имъ путь цвѣтами. Если бы мы были буддисты или гвебры, то мы бы дождались примѣненія къ польскому буддизму или огнепоклонничеству тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются къ римскимъ католикамъ полякамъ, католицизмъ же остался бы ни при чемъ. Какъ только наступитъ искренное примиреніе, прекратятся сами собою и всѣ лингвистическія стѣсненія, которыя въ сущности мало полезны съ точки зрѣнія чисто русской» (59). Онъ сознаетъ, что перемѣна нынѣшней системы отношеній наступитъ не скоро; онъ приводитъ слова Второзаконія (XXXIV,4): «и показахъ ю очесемъ твоимъ и тамо не внидеши». Его разгоряченному воображенію представляется даже предположеніе объ ускореніи страстно желаемаго имъ будущаго посредствомъ дѣйствительнаго столкновенія Россіи съ Западомъ, котораго главнымъ представителемъ является, конечно, Германія,—предположеніе слишкомъ поспѣшное и неимѣющее достаточнаго основанія, такъ какъ современныя событія едва указываютъ на отдаленную возможность антагонизма интересовъ, но никакъ не на предстоящее столкновеніе силъ. «Не перья наши, заключаетъ онъ, выкуютъ изъ желѣза союзный актъ двухъ народовъ, подготовленный въ глубинахъ каждой совѣсти отдѣльно, но кровь, пролитая за общее дѣло, утвердитъ этотъ актъ. «Blut und Eisen»—таковъ былъ лозунгъ Германіи, провозглашенный дѣльнѣйшимъ изъ ея сыновъ. Нѣтъ и для насъ иного лозунга въ этой страшной борьбѣ за существованіе, которую ведетъ всякое созданіе, начиная съ гриба, выростающаго въ одну ночь, до человѣка, народовъ и цѣлыхъ расъ. «Blut und Eisen»,—но только не противъ Россіи, а съ Россіею въ одномъ ряду!!»... (68). Читатель замѣтилъ вѣроятно, что въ этомъ пунктѣ порывистый сангвиническій польскій темпераментъ одолѣваетъ автора и беретъ окончательно верхъ надъ холодными расчетами разсудка, которому одному и подобаетъ

дѣйствовать въ дѣлѣ столь тонкомъ и трудномъ налаживанія брака между, хотя и родственными, но многіе вѣка враждовавшими племенами. Эта лирическая выходка сильно подрываетъ кредитъ къ совѣтамъ автора и у поляковъ, и у русскихъ: у первыхъ потому, что нѣтъ еще собственно въ виду никакого общаго похода, у вторыхъ потому, что, хотя русскій человѣкъ, имѣющій въ критическія минуты великолѣпные инстинкты (1612, 1812 гг.), въ обыкновенное время лѣнивъ, безпеченъ (онъ далъ исподволь созрѣть повстанію 1863 г., не предчувствуя его), хотя онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но онъ имѣетъ одно золотое и неоцѣнимое качество: трезвость пониманія, разсудочность, вниканіе въ корень вопросовъ, безъ малѣйшей сантиментальности, безъ увлеченій, такъ что онъ беретъ всегда въ толкъ суть дѣла и сторонится, когда къ нему кидаются на шею съ сердечными лобызаніями и объятіями. Сердечное увлеченіе автора столь велико, что въ пылу его онъ забылъ о задачѣ, которую онъ себѣ начерталъ: ограничиться только соотечественниками и давать совѣты только этимъ соотечественникамъ. Какъ у бога Януса, у него является другое на той же головѣ лицо, обращенное уже не къ полякамъ, а къ русскимъ и, хотя не преподающее никакихъ совѣтовъ, но прельщающее русскихъ живымъ изображеніемъ тѣхъ благъ, которыя принесутъ съ собою поляки въ союзъ и посредствомъ которыхъ они исходатайствуютъ себѣ у Россіи входъ въ славянщину. Вотъ что вѣщаетъ это второе янусовое лицо, обращаясь къ Россіи именемъ будто бы поляковъ (69—78):

—Сто лѣтъ мы бились съ судьбою и съ вами; лучшіе люди наши, какъ Эней изъ Трои, уходили съ родины, неся съ собою пенатовъ. Нынѣ все кончено, оружіе изломилось въ рукахъ нашихъ по рукоятку, мы его слагаемъ передъ вами, чтобы и самимъ себѣ снискать миръ, и вамъ развязать руки для скорѣйшаго устроенія тѣмъ судебъ всего племени славянскаго. Примите насъ и не сѣтуйте, что на первыхъ порахъ въ насъ

сказываться будутъ старыя привычки, невольная наклонность къ родному языку, пока онъ совсѣмъ не стушуется и не будетъ заслоненъ русскимъ, пока нашъ образованный классъ его не позабудетъ. Вы не пожалѣете услуги, оказанной пріемышамъ, въ насъ вы пріобрѣтете опытныхъ педагоговъ, дѣльныхъ чиновниковъ, предпріимчивыхъ агрономовъ и промышленниковъ; наконецъ, мы вамъ беремся помочь въ другомъ отношеніи. Ваше юношество подтачиваетъ тлетворный нигилизмъ, которому «мы объявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну, съ которымъ мы отлично справимся, потому что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ послѣдователей этого ученія, всякихъ тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ оффиціальныя сферы подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою»... (76).

VI.

Кончаемъ разборъ. Книгу можно бросить, отъ нея становится и приторно, и тошно. Увлеченіе превзошло всякую мѣру, брызжетъ чрезъ края, заговаривается и произноситъ слова, не только не располагающія въ пользу племенного брака, но прямо оскорбительныя для русскаго человѣка. Тѣ, скажетъ русскій, которые, добиваясь вольностей, погубили свое государство, прочатъ себя теперь въ строители славянщины, учатъ меня моему славянскому призванію. Тѣ, которые сами себя не съумѣли лечить, навязываются въ лекаря чужихъ болѣзней и недуговъ; просятъ, чтобы ихъ пустить, но намекаютъ, что они призваны хозяйничать, вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскаго народа. Отъ своихъ болѣзней и недуговъ всякій народъ излечивается исключительно самъ: онъ не любитъ постороннихъ медиковъ и хирурговъ. Притомъ

произошла значительная перемѣна въ лицѣ апостола племенного брака, вслѣдствіе которой существенно измѣнился также вѣсъ его словъ и предложеній. До сихъ поръ говорилъ съ русскими полякъ вообще, отъ имени всей польской націи въ предѣлахъ Россіи, безъ дѣленія ея на классы и сословія, теперь заговорилъ консерваторъ, помышляющій о созданіи общей «консервативной славянской партіи»,—а такъ какъ народъ русскій состоитъ не изъ однихъ только консерваторовъ, то понятно, что всѣ не-консерваторы не могутъ не отнестись крайне подозрительно къ польскому консерватору. Они могутъ его заподозрить, если не въ валленродствѣ, то, по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не просто полякъ, а польскій панъ, жалѣющій о матеріальныхъ своихъ утратахъ, отождествляющій свой личный интересъ съ священными началами собственности и не брезгающій даже инсинуаціями на счетъ нигилизма, заражающаго, будто-бы, даже и нѣкоторыя оффиціальныя сферы государства. Ему могутъ замѣтить, что далеко не всѣ поляки консерваторы, что есть между ними красные, которые никакъ не лучше нигилистовъ. Какъ бы Россіи не пришлось испытать, что именно ряды сихъ послѣднихъ численно усилились бы при точномъ выполненіи программы, предлагаемой въ брошюрѣ.

Нѣсколько дѣльныхъ мыслей, скорѣе инстинктивно прочувствованныхъ, нежели доказанныхъ, въ цѣломъ коробу ложныхъ идей, призраковъ, непослѣдовательностей, увлеченій—таково содержаніе книжки. Едва ли когонибудь убѣдитъ она, хотя нельзя сказать, чтобы она не заставляла о многомъ поразмыслить. Болѣе положительный человѣкъ на мѣстѣ автора преподалъ бы вѣроятно своимъ соотечественникамъ въ ихъ многотрудномъ положеніи нѣсколько отличные совѣты, клонящіеся къ той же цѣли—примиренію съ русскими, но нѣсколько иными путями. Онъ бы внушилъ имъ, что всѣ ихъ несчастія произошли отъ того, что они политиканствовали, и что имъ слѣдуетъ отказаться отъ всякаго политиканства,

не только самимъ не понтировать, но и не примазываться къ чужой игрѣ. Имъ, уже проигравшимся, не подобаетъ брать на себя какой-либо починъ въ славянскомъ вопросѣ и возбуждать русскихъ противъ нѣмцевъ, во-первыхъ, потому, что не имъ учить Россію ея славянскому призванію; во-вторыхъ, потому, что славянская политика въ международныхъ отношеніяхъ отрывала бы Россію отъ ея мирныхъ занятій, отъ работы надъ развитіемъ внутреннихъ силъ страны и увлекала бы ее подъ видомъ всемірно-историческихъ дѣяній въ страну приключеній и неизвѣстнаго; наконецъ, въ-третьихъ, потому, что возбужденіе русскихъ противъ нѣмцевъ заставило бы тѣхъ изъ земляковъ автора, которымъ онъ совѣтуетъ, чтобы они устраивали свои дѣла наивыгоднѣйшимъ образомъ въ Германіи или въ Австріи, возбуждать нѣмцевъ противъ русскихъ, что приготовило бы для націи, и безъ того несчастной, положеніе во сто кратъ хуже теперешняго. Болѣе положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными тружениками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ, между прочимъ, провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ. Слишкомъ большіе вклады сдѣланы были, особенно въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ польскую литературу и искуство, надъ ними поработали слишкомъ большіе таланты, чтобы можно было бросить этотъ капиталъ. Притомъ, независимо отъ науки и искуства, національное чувство весьма цѣнно, какъ сила неполитическая, а чисто нравственная. Силъ этихъ не такъ-то много въ жизни, и если встрѣтится какая-нибудь изъ нихъ, которая содѣйствуетъ тому, чтобы и въ семейномъ быту быть чище, и съ чужими людьми быть честнѣе и достойнѣе, и признавать какое-нибудь правило для дѣйствій независимо отъ внушеній личнаго

интереса, какую-нибудь идею долга, то, конечно, нельзя легкомысленно поступаться этою силою, въ особенности въ нашъ вѣкъ, который отличается вообще распущенностью нравовъ, растлѣніемъ и упадкомъ характеровъ, отсутствіемъ идеаловъ. Главный недостатокъ книжки бывшаго члена государственнаго совѣта и заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что онъ слишкомъ легкомысленно отнеся къ этой силѣ—нравственной.

27-го Іюня 1872 г.
С.-Петербургъ.

РѢЧЬ НА ОБѢДѢ

ВЪ ЧЕСТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА

13 марта 1879 года.

РѢЧЬ НА ОБѢДѢ ВЪ ЧЕСТЬ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Дорогой нашъ гость, Иванъ Сергѣевичъ! Если въ той жизни, которую вы себѣ устроили вдали отъ насъ, на западѣ, вамъ могла придти тягостная мысль—не та, что васъ менѣе поминаютъ (не поминать васъ нельзя: вы записались въ исторію и притомъ въ самоважнѣйшую ея часть—въ исторію идей въ Россіи), но та, будто вы менѣе любимы, будто поколѣніе, народившееся уже въ то время, когда вы окончательно переселились на Западъ, относится къ вамъ менѣе сердечно, будто оно чуждается васъ,—то васъ, я думаю, убѣдило въ совершенно противномъ переживаемое вами въ двѣ послѣднія недѣли. Вашъ теперешній пріѣздъ въ Россію сопровождался многими для васъ неожиданностями. Вы бывали окружены, но это не была свита, которая всегда и вездѣ сопровождаетъ лицо мощное, выдающееся, всякаго потентата по власти, потентата по таланту. Такой кортежъ—и весьма многочисленный—изъ друзей, сторонниковъ, учениковъ могли вы всегда имѣть. Но дѣло въ томъ, что куда вы ни обращались—толпы незнаемыхъ людей стояли на вашей дорогѣ, къ вамъ простирались незнаемыя руки; когда вы появлялись въ собраніяхъ, публика, какъ-бы по внезапному побужденію, вставала, чествуя васъ, какъ

умѣетъ чествовать только вольный, самосознающій народъ своихъ именитыхъ гражданъ, излюбленнѣйшихъ изъ своихъ сыновъ. Въ пріемѣ, оказываемомъ вамъ, была еще и та особенность, что усерднѣйшимъ образомъ участвовали въ сплетаніи вамъ вѣнковъ два разряда людей, которыхъ вы могли не безосновательно считать вашими непримиримыми противниками. Въ теченіе вашей литературной дѣятельности вы, европеецъ, много стрѣлъ каленыхъ пустили и самыми ѣдкими сарказмами преслѣдовали русскій шовинизмъ, увлеченія народнаго самомнѣнія, народную исключительность, а между тѣмъ — васъ горячо привѣтствовали въ Москвѣ славянофилы. Вы не щадили и молодежи отрезвляющихъ словъ. Въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», въ «Нови» вы дѣлали прижиганія, какъ-бы ляписомъ, по больнымъ мѣстамъ рукою искуснаго хирурга—и, несмотря на то, эта молодежь писала вамъ адресы, готова была нести васъ на рукахъ. Можетъ ошибаться эта молодежь и въ постановкѣ цѣлей, и въ выборѣ средствъ,—въ одномъ только ея инстинктъ непогрѣшимъ: въ распознаваніи сразу, кто ея другъ, кто недругъ. Наконецъ, всего болѣе удивляетъ въ пріемѣ, оказываемомъ вамъ, то, что дѣлается онъ вовсе не для дѣятеля политическаго и что, слѣдовательно, къ нему не примѣшиваются никакія страсти политическія, что эти оваціи не содержатъ въ себѣ никакихъ манифестацій, никакихъ протестовъ противъ чего бы то не было; что отдается просто и безъ всякихъ заднихъ мыслей дань тому, что велико, что славно и честно,—дань, одинаково достойная и съ точки зрѣнія чествуемаго, и съ точки зрѣнія чествующаго, потому что не хорошъ тотъ народъ, который поѣдаетъ своихъ умственныхъ вожатыхъ, или даже отъ нихъ отворачивается, а хорошъ тотъ, который умѣетъ ихъ цѣнить и поднимать на щитъ. Вы, Иванъ Сергѣевичъ, никогда не были человѣкомъ политическимъ; ваше честолюбіе было иное,—оно было повыше. Ваше имя не принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые могутъ быть отдѣляемы отъ носящихъ ихъ

субъектовъ, которые прибиваются гвоздями къ древку и обносятся потомъ какъ знамя, или гремятъ, какъ лозунгъ въ ожесточенной борьбѣ партій, хотя бы носители этихъ именъ уже сошли со сцены въ могилу, или хотя и не умерли, но превратились въ живыя мощи, въ символы движенія. Въ васъ мы привѣтствуемъ художника, одного только художника, но, кромѣ того, и живое лицо въ полной силѣ дарованія. Я не могу не упомянуть о томъ, что въ звучащемъ въ вашу честь аккордѣ слышатся многія ноты, я не могу не разобрать, какія онѣ, и которая изъ нихъ будетъ посильнѣе. Звучитъ, конечно, въ этомъ аккордѣ нота заслуги—но заслуженныхъ людей есть не мало на Руси. Звучитъ еще и другая нота—глубокое уваженіе къ вашему характеру, къ тому, что вы не были никогда ретроградомъ,—къ постоянству вашихъ убѣжденій; но я долженъ замѣтить, что и такихъ людей найдется у насъ малая толика, которые не мѣняли своихъ убѣжденій и не были похожи на флюгера на крышахъ. Но главная нота не та. Въ пріемахъ, дѣлаемыхъ вамъ, сказывается еще чувство несравненно менѣе высокое, но болѣе реальное,—чувство, если хотите, своекорыстное, которое можно выразить такъ: вы намъ пригодны, вы намъ полезны, вы намъ нужны, Иванъ Сергѣевичъ! Вы сами-то, чѣмъ вы назвали недавно при мнѣ вашего друга, маститаго представителя французской демократіи, Виктора Гюго: «une force naturelle énorme»—огромная природная сила. Вы сами такая природная сила, могучая, неистощимая, на васъ не дѣйствуютъ года. Но именно потому, что вы такая живая сила, отъ которой мы многаго можемъ ожидать, позвольте мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, повести разговоръ на чистоту, съ полною откровенностью, распахнуться и высказать вамъ не однѣ только любезности, но и наши упреки,—но и наши къ вамъ претензіи. Вы догадываетесь, какого предмета я касаюсь,—я разумѣю тотъ зарокъ, который вы наложили на ваше перо въ минуту—не знаю—утомленія или досады. Если

это утомленіе—то оно состояніе преходящее, если это досада—то вы могли убѣдиться, что по поводу вашего послѣдняго произведенія раздавались только голоса, которые не могутъ не раздаваться при появленіи всякаго замѣчательнаго произведенія. Мы, люди вольные, или, по крайней мѣрѣ, пріучающіеся быть свободными, привыкаемъ выслушивать всякаго рода голоса. Позвольте отъ вашего недостаточно мотивированнаго рѣшенія аппелировать къ вамъ же, Иванъ Сергѣевичъ! Зарокъ долженъ быть снятъ, какъ мнѣ кажется, по слѣдующимъ причинамъ.

Бываютъ и въ политикѣ, и въ литературѣ отставка и отставка: не всякая отставка морально возможна, не всякая своевременна. Я понимаю такую отставку, какъ Дюфора. Послѣ борьбы не на животъ, а на смерть, одержана полнѣйшая побѣда, враги раздавлены, вырвано имъ жало,—и удаляется старикъ, говоря: «дѣти, доканчивайте сами остальное». Если бы то былъ Тьеръ, то онъ бы продолжалъ; но удаляющійся только умомъ додумался до необходимости иного строя вещей, въ которомъ онъ многому и не сочувствуетъ, по прежнимъ старымъ привычкамъ. Я понимаю и отставку художника-поэта. Когда-то онъ владѣлъ вполнѣ струнами своей лиры, теперь рука дрожитъ и извлекаетъ дребезжащіе звуки,—онъ и передаетъ свою лиру новому, подающему надежды пѣвцу, въ полной увѣренности, что она не останется безгласною. Такъ передалъ триста лѣтъ тому назадъ свою «славянскую лютню» Николай Рэй величайшему до Мицкевича польскому поэту—Яну Кохановскому. Зная, Иванъ Сергѣевичъ, какъ мало въ васъ себялюбія, зная, что въ васъ нѣтъ ни капли зависти, что сами вы старались выводить новые таланты и давали имъ всегда скорѣе слишкомъ высокую, нежели низкую оцѣнку, потому что всякимъ новымъ замысломъ поэтическимъ васъ можно было подкупить, хотя бы замыслу не отвѣчало исполненіе, я утверждаю, что, если бы явился новый великій поэтъ грядущій—

нельзя сказать, чтобы чаемый, но горячо всѣми нами желаемый—то вы бы первый благословили его на путь. Но сообразите, Иванъ Сергѣевичъ, возможно ли подобное рукоположеніе поэтическое? Оно бываетъ въ спокойныя минуты, среди яснаго дня, при свѣтѣ восшедшихъ свѣтилъ. Таково ли настоящее время? Нѣтъ, не таково: кругомъ глухая ночь [1]), на часахъ нашей общественной жизни стоитъ часъ полуночный, пора всякихъ искушеній, соблазновъ и паденій, въ воздухѣ такъ и носится отреченіе Петрово, а пѣтухъ не скоро еще пропоетъ. И тошно намъ, потому что у насъ какъ-будто живаго дѣла вовсе нѣтъ. Кругомъ все не устроено,—но ничто не строится, и опускаются руки вслѣдствіе какой-то невольной забастовки. Въ эти тяжелыя минуты невыразимо-томительной неизвѣстности, не время разсыпаться и отходить на покой, надо держаться вкупѣ—и, по чувству самосохраненія, общество группируется вокругъ тѣхъ, у кого чувства острѣе. Оно внемлетъ тому, кто, приникнувъ чуткимъ ухомъ къ землѣ, съумѣетъ распознать далекій гулъ наскакивающихъ міровыхъ событій, или тому, кто различитъ первыя полоски свѣта, занимающагося зарею на востокѣ. Вы одарены этою способностью, у васъ зрѣніе проницательное и вѣрное, у васъ сердце откликающееся и чуткое. Кромѣ того, вы отличаетесь еще двумя необыкновенно цѣнными для насъ способностями. Вы замѣчательно наблюдательный натуралистъ: не успѣли еще сложиться нарождающіеся въ нашемъ обществѣ новые типы,—вы ихъ накалываете на булавки и предлагаете, чтобъ мы смотрѣли, каковы мы въ самомъ дѣлѣ? Въ то же время, вы—идеалистъ: въ ваши произведенія входитъ всегда и занимаетъ важное мѣсто тотъ элементъ, который называли прежде идеаломъ, безконечнымъ,—то невѣдомое

---

[1]) Къ этому мѣсту рѣчи относится высказанное послѣ возраженіе И. С. Тургенева: «Нельзя назвать ночью то время, когда пишутъ такіе писатели, какъ Л. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ и др.».

и непознаваемое, отрѣшенный отъ котораго человѣкъ превращается въ ничтожество, безъ чего поэзіи нѣтъ, и жизнь сама становится непривлекательною. Вы изобразили въ «Нови»—въ стихахъ Нежданова — великаншу, какъ она спитъ глубокимъ сномъ, «лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ». Мы по этой великаншѣ ползаемъ точно мурашки, — не намъ, конечно, ее пробудить, но можемъ же мы наблюдать, не начинаютъ ли сокращаться ея мускулы, не раскроется ли ротъ, не выпрямятся ли ея члены. До этого момента, до этого, если не самаго пробужденія, то признаковъ-предвозвѣстниковъ пробужденія, никто не въ правѣ проситься на покой. Тогда только можно будетъ повторить Симеоново: «нынѣ отпущаеши»,—тогда только и вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, дозволено будетъ опочить.

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО

3—5 октября 1879 года.

ПИСЬМО ИЗЪ КРАКОВА.

ЮБИЛЕЙ КРАШЕВСКАГО

3—5 октября 1879.

I.

Литературное празднество, которымъ напомнилъ о своемъ существованіи старый «королевскій градъ» Краковъ, развѣнчанный когда-то Варшавою, а нынѣ опережаемый и затмѣваемый во многихъ отношеніяхъ выскочкою Львовомъ,—сложилось изъ нѣсколькихъ разнородныхъ элементовъ; эти элементы проявлялись на празднествѣ самостоятельно и въ весьма различной степени интересовали тѣ группы лицъ, которыя приняли въ немъ участіе—духовенства и мірянъ, краковянъ и галичанъ, поляковъ коренныхъ и разсѣянныхъ по всему свѣту братьевъ-славянъ и западныхъ европейцевъ. Главныхъ элементовъ, однако, было два: одинъ мѣстный, для иностранцевъ совсѣмъ почти незамѣтный: открытіе краковскихъ «Суконницъ», отстраиваемыхъ вновь съ 1876 г.; другой—литературный, выходившій далеко за предѣлы Кракова: чествованіе феноменальнаго человѣка, баснословно-плодовитаго, который, не переставая быть по профессіи исключительно только литераторомъ и не принимая на себя никогда иной роли, не только доставилъ польской литературѣ большую извѣстность за этногра-

фическими границами своей народности, но и оказалъ на своемъ скромномъ посту громадныя услугу своей націи, какъ гражданинъ, въ теченіи полувѣка. Совпаденіе открытія Суконницъ съ Крашевскимъ было чисто случайное. Никто и не думалъ о юбилеѣ, когда приступлено было къ отстройкѣ вновь Суконницъ; уже во время постройки польская журналистика подняла вопросъ о приближающейся пятидесятилѣтней годовщинѣ литературной дѣятельности многопотрудившагося человѣка: краковскій библіографъ Карлъ Эстрейхеръ взялъ на себя перечислить произведенія Крашевскаго, но при всѣхъ стараніяхъ каталогъ остался все-таки неполнымъ, хотя и составилъ книжку, in 8^{0}, въ 58 страницъ. Возникли также споры о расчетѣ лѣтъ, такъ какъ въ печати первыя произведенія Крашевскаго появились только въ 1830 г. («Котлетки», «Біографія Органиста», въ сборникахъ; первая отдѣльно напечатанная повѣсть: «Панъ Валерій», пропущена цензурою въ декабрѣ 1830 г.). Надлежало бы собственно избрать 1880 г., но за точку отправленія были взяты, при опредѣленіи времени, рукописныя работы 1829 г. по составленію польско-русско-французскаго словаря и по исторіи польскаго языка, представленныя на конкурсъ для полученія каѳедры въ виленскомъ университетѣ. Слабое здоровье юбиляра и нетерпѣніе публики, симпатично отнесшейся къ мысли объ увѣнчаніи популярнѣйшаго изъ польскихъ писателей, заставили перенести празднованіе съ 1880 года на 1879.

Гдѣ праздновать юбилей? — Ни мѣсто воспитанія Крашевскаго, ни мѣсто его рожденія, гдѣ языкъ его, хотя живетъ въ частномъ кругу и въ театрѣ, но все же не пользуется правами, равными съ западными языками, и гдѣ потому не преподается въ школѣ исторія его литературы,—не могли быть избраны для юбилея. Нельзя было также предложить Познань, гдѣ хотя и предоставлены для конкурренціи съ нѣмецкою культурою мѣстнымъ славянамъ всѣ легальныя средства, но борьба

происходитъ слишкомъ неравная, и совершается систематическое вытѣсненіе германскою расою не только кореннаго помѣщика, но и кореннаго польскаго мужика. Оставалась только Галиція, а въ ней именно одинъ изъ двухъ центровъ: Львовъ, либо Краковъ. Между этими центрами существуетъ глубокій, ничѣмъ неизгладимый антагонизмъ, гораздо болѣе рѣзкій, нежели между Берлиномъ и Вѣною, или Москвою и Петербургомъ. «Станчиками» обзываетъ львовянинъ представителей краковской интеллигенціи, на что краковянинъ отвѣчаетъ презрительно такимъ же прозвищемъ: «тромтадраты».—Въ сущности обѣ клички не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла. Тромтадратія — этимологически однородно съ выраженіями: аристократія, демократія, плутократія, и обозначаетъ господство безшабашныхъ болтуновъ, политическихъ вертопраховъ, анархистовъ,—но со шляхетскими привычками «liberum veto», и которые превратились въ демагоговъ, послѣдователей начала: «liberum conspiro», людей, занятыхъ не настоящимъ дѣломъ, а раздуваніемъ кузнечными мѣхами огня энтузіазма, который, по ихъ понятіямъ, безъ нихъ совсѣмъ бы погасъ. Станчикъ былъ придворный шутъ короля Сигизмунда I, котораго Матейко и изобразилъ на извѣстной картинѣ,—нѣчто въ родѣ польскаго Трибулэ. Въ 1870 г., трое талантливыхъ писателей: Шуйскій, Тарновскій, Козмянъ, пустили въ ходъ такъ называемый «Портфель Станчика» (Teka Stańczyka), въ которомъ бичевали польское движеніе 1863 г. Операція была непріятная; струи воды, пускаемой ими на паціентовъ, были черезчуръ холодны; упомянутые «станчики» и теперь продолжаютъ такъ дѣйствовать. Непремѣнный секретарь краковской академіи, первоклассный историкъ, бойкій памфлетистъ, Іосифъ Шуйскій, на юбилейномъ завтракѣ литераторовъ 5 (17) октября самъ себя опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: «Я, господа, шестнадцать лѣтъ какъ состою въ пожарной командѣ; гдѣ горитъ—тамъ и я являюсь съ трубами; много я получилъ на этой службѣ ушибовъ и

обжоговъ, но вѣренъ остался девизу, которому не годится намъ не слѣдовать подъ страхомъ матереубійства: «бери цѣли по силамъ». За то—чего-чего не взводили на станчиковъ: и клерикалы они, и аристократы, и эпигоны Вѣлёпольскаго, и переодѣтые «москали».

Въ сущности обѣ характеристики одинаково несостоятельны. И во Львовѣ много трезвыхъ головъ, разсудительныхъ людей, но все-таки надо признаться, что въ этомъ городѣ, гдѣ первымъ журналистомъ состоитъ Добржанскій, или такъ-называемый «король Янъ IV», цинически мѣняющій убѣжденія, гдѣ пишетъ загрязненный многими безчинствами, но остроумнѣйшій изъ польскихъ сатириковъ Лямъ, почва подъ ногами сильно тромтадратическая; празднество не могло бы быть выдержано въ этомъ городѣ въ одномъ характерѣ; прорвались бы силою вещи непріятныя,—были бы выходки весьма неудобныя, и само австрійское правительство могло бы не согласиться на празднество ради своихъ добрыхъ отношеній къ сосѣдямъ. Съ другой стороны, и «станчики» терпятъ совершенную напраслину отъ своихъ недоброжелателей: вожди ихъ вовсе и не клерикалы, хотя были противниками заносчивой въ «Kulturkampf'ѣ» политики Бисмарка, и не аристократы. Положимъ, Тарновскій—графъ, но и донынѣ ему не могутъ забыть его «Порцій», — статьи, въ которой онъ ополчался на помѣщиковъ за эксплоатируемый экономически крестьянскій народъ посредствомъ хитрыхъ формъ личнаго найма и аренды. Какой-же аристократъ Шуйскій, который требуетъ демократіи, но очищенной отъ анархическихъ привычекъ, дисциплинированной, консервативной (O fałszywej historyi jako mistrzyni fałszywej polityki, 1877). Они всѣ немного доктринеры, и непривычному къ послѣдовательности обществу становится порою жутко въ этихъ леденящихъ тискахъ неумолимо строгой логики, непригодной для этого общества по его темпераменту; вотъ почему «станчики» вообще мало популярны, но они составляютъ превосходно

сплоченную армію съ ограниченною, правда, но вполнѣ осмысленною программою,—армію, которая кое-что сдѣлала, опредѣлила образъ дѣйствія внѣ-россійскихъ поляковъ во время восточной войны и парализировала всѣ попытки англійскихъ агентовъ и вербовщиковъ. «Станчики» только и могли свить себѣ гнѣздо въ Краковѣ, гдѣ люди, поневолѣ, становятся серьёзнѣе, чтобы не мѣшать покою мертвецовъ, гдѣ камни краснорѣчивѣе людей, гдѣ отъ высокихъ башенъ вѣетъ спокойствіемъ, величіемъ, торжественностью. Только Краковъ и могъ послужить приличною для юбилея обстановкою.

Но Краковъ малъ и тѣсенъ. Гдѣ устроить торжество? — Единственно возможное scenarium представляли Суконницы, которыя городская краковская дума рѣшила какъ можно скорѣе ко дню торжества окончить, не пожалѣвъ, сверхъ истраченныхъ на отстройку полумилліона гульденовъ, еще десятка тысячъ на пріемъ и угощенія. Но предпріятіе встрѣтило себѣ препятствіе въ средѣ самихъ краковянъ. Въ той партіи, которую обзываютъ общимъ именемъ «станчиковской», обрѣтаются, конечно, всякіе люди: и ультрамонтаны, памятующіе, что Крашевскій ратовалъ противъ догмата непогрѣшимости папы, и уязвленные не слишкомъ лестными изображеніями польской знати въ романахъ Крашевскаго аристократы. Поэтому вліятельнѣйшіе изъ вожаковъ партіи возражали, что они не признаютъ за юбиляромъ особенной геніальности, или имѣютъ съ нимъ личные старые, не сведенные пока счеты (проф. Тарновскій), съ тѣхъ еще поръ, когда Крашевскій, поселившись съ 1863 г. въ Дрезденѣ, издавалъ подъ именемъ «Болеславита» свои критическіе «Итоги» (Rachunki), въ которыхъ препирался съ своими краковскими разномышленниками довольно рѣзко и сердито. Но всякая оппозиція должна была уступить передъ натискомъ извнѣ, передъ подхваченною въ мигъ и разнесенною повсюду, гдѣ только есть польскій элементъ, идеею о юбилеѣ.

Не дожидаясь его, устраивались въ честь Крашевскаго стипендіи, издавались въ Варшавѣ въ его пользу отборнѣйшія его сочиненія, составлялся юбилейный сборникъ въ нѣсколькихъ томахъ, въ которомъ нѣсколькими десятками историковъ и критиковъ разобраны его дѣятельность и произведенія во всевозможныхъ отношеніяхъ. Очевиднымъ становилось, что польское общество въ Крашевскомъ чествуетъ и вѣнчаетъ свою культуру и желаетъ произвести смотръ своимъ умственнымъ силамъ, удостовѣриться въ своей зрѣлости, съѣхавшись на празднество чисто-литературное, безъ всякаго политическаго значенія, которое по самому своему характеру никого бы не обезпокоило, да и между собравшимися не дало бы повода, какъ то иногда случалось, къ послѣдующимъ раздорамъ и пререканіямъ.

День открытія Суконницъ и начала юбилейнаго обряда назначенъ былъ 18 (30) сентября, но этотъ день оказался неподходящимъ для познанцевъ по причинѣ совпадавшихъ съ нимъ выборовъ въ прусскій сеймъ; пришлось отложить праздникъ на три дня, съ 30 сентября на 3 октября, причемъ не обошлось безъ попытокъ раздѣлить оба торжества: тогда мѣстные элементы явились бы *всѣ* на открытіе Суконницъ, послѣ чего отъ отдѣленнаго извѣстнымъ промежуткомъ юбилейнаго торжества могли бы уклониться лица, нерасположенныя къ юбиляру, чтò послужило бы новымъ доказательствомъ старой истины, что нельзя всѣмъ на свѣтѣ угодить. Городская дума, подъ предсѣдательствомъ Н. Зыбликевича, рѣшила, однако, соединить оба акта, перенеся ихъ на 3 октября (21 сентября). До послѣдней почти минуты оставалось неизвѣстнымъ, приметъ-ли въ церемоніяхъ участіе высшее духовенство, пока не явился выѣхавшій изъ Кракова епископъ Дунаевскій. Одновременно разнеслось извѣстіе, что австрійскій императоръ оказалъ особое вниманіе польскому писателю не-австрійцу, пожаловавъ ему командорскіе знаки ордена Франца-Іосифа, чтò придало по необходимости празднеству нѣкоторый

оффиціальный, черножелтый оттѣнокъ, выступавшій, однако, въ довольно рѣдкихъ моментахъ. Оба обряда соединились, такимъ образомъ, въ одно цѣлое по совершенно внѣшней причинѣ: одинъ—какъ устроеніе сцены дѣйствія, другой—какъ введеніе на эту сцену главнаго дѣйствующаго лица. Была ли между обоими этими предметами другая связь—внутренняя, подходила ли сцена къ личности юбиляра, соотвѣтствовала ли ей? Я полагаю, что соотвѣтствовала въ весьма значительной степени.

II.

Что такое Суконницы (Sukiennice)?—Большой базаръ, родъ гостиннаго двора на главной площади Кракова. На этой площади, по ея срединѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпной готической кирпичной церкви св. Дѣвы Маріи и неподалеку отъ королевскаго замка на исторической горѣ Вавель, стояли нѣкогда двумя рядами каменныя лавки, съ откидными ларями, въ которыхъ продавались сукна (Краковъ принадлежалъ къ Ганзейскому Союзу и велъ оживленную торговлю съ Германіею и Нидерландами). Въ послѣднемъ десятилѣтіи XIV столѣтія при королѣ Ягеллѣ рѣшено изъ всѣхъ суконныхъ лавокъ (camerae pannorum) образовать одинъ суконный крытый домъ (pannitheka). Эта работа поручена была нѣмцу, мастеру Мартину Линдинтольде. Этотъ строитель возвелъ продолговатымъ четвероугольникомъ зданіе, съ двумя накрестъ пересѣкающимися проходами, продольнымъ и краткимъ поперечнымъ, составляющими продолженіе улицъ, пересѣкающихся въ срединѣ площади подъ прямыми углами. Стиль постройки былъ готическій, стѣны извнѣ поддерживались контрфорсами и облѣпились множествомъ пристроекъ; въ стѣнахъ на высотѣ были окна, пропускавшія свѣтъ во внутренность базара. Все строеніе прикрыто было высокою деревянною остро-

реберною крышею, прорѣзанною множествомъ слуховыхъ окошекъ. Таковы были первоначальныя Суконницы, когда пожаръ 1555 года уничтожилъ все деревянное, съ крышею и стропилами, и оставилъ голыя стѣны. Случился этотъ пожаръ, когда и городъ былъ весьма богатъ, и въ полномъ было цвѣту и распространеніи модное по тому времени искуство возрожденія. Возобновленіемъ ихъ занялся итальянецъ *Джованни-Марія Падовано* или *Падуанецъ*, прозванный *il Mosco* (московитъ?). Этотъ зодчій, бывшій въ то же время отличнымъ скульпторомъ, воспользовался уцѣлѣвшими стѣнами въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ построилъ Линдинтольде, но, вмѣсто деревяннаго потолка, онъ прикрылъ базаръ круглымъ кирпичнымъ сводомъ, вслѣдствіе чего базаръ превратился въ тоннель, а крыша на чердакѣ его вышла плоская. Чтобы закрыть ее, Падовано надъ карнизомъ устроилъ декоративный маскирующій ее аттикъ, являющій видъ второго (фальшиваго) этажа, съ пиластрами и нишами, съ зубчатыми линіями верха стѣнъ, гдѣ на столбикахъ, соединенныхъ эсами, посажены были въ перемежку — то вазы, то смѣющіяся и кривляющіяся рожи уродливыхъ масокъ. Красота зданія была чисто внѣшняя; надо отдать справедливость Падовано, что онъ искусно согласовалъ готическій стиль основанія съ ренесансомъ вершины, но тѣмъ онъ и ограничился. Внутренность базара была самая невзрачная. Мало-по-малу, суконная торговля изъ него ушла, и превратился онъ въ толкучій рынокъ, неопрятный, темноватый и вонючій. Не будучи никогда поправляемо, старое зданіе портилось и обваливалось, крошилась штукатурка, осыпались орнаменты, трескались стѣны.

Въ 1869 году городская дума совершила громадный подвигъ, рѣшила реставрировать Суконницы, не пожалѣвъ издержекъ, которыя оказались весьма велики, сравнительно съ средствами города, имѣющаго немногимъ больше 50 т. жителей. Задача поставлена была весьма не легкая: во-первыхъ, сохранить вполнѣ стиль

постройки, сдѣлавшійся традиціоннымъ, легендарнымъ; не портить средневѣковаго Кракова, вставляя модную современную вещицу, вмѣсто характерной старой, на той всѣмъ съ дѣтства по изображеніямъ извѣстной площади, которая для цѣнителя и любителя искуства въ его историческомъ развитіи немыслима безъ формъ, гдѣ готическое сочеталось съ итальянскимъ; во-вторыхъ, устроить нѣчто комфортабельное, удобное, соотвѣтствующее всѣмъ гигіеническимъ требованіямъ современной архитектуры, дать много свѣта, воздуха, воды, соединить красивое съ полезнымъ, ввести возможное изящество въ область обыденнаго и вульгарнаго. Эти задачи выполнилъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и искуствомъ инженеръ Ѳома Прылинскій, при дружномъ содѣйствіи краковскихъ археологовъ и артистовъ. Прежде всего, площадь вся очищена, снесены всѣ деревянные лари, будки, пристройки, даже старинная гауптвахта. На всей площади остались всего три постройки; Суконницы, башня не существующей уже ратуши, да маленькая церковь св. Войцѣха въ стилѣ барокко, стоящая на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, училъ и проповѣдывалъ чехъ—апостолъ Польши. Стало на площади просторно, по всѣмъ направленіямъ открылись красивыя перспективы. Во всю длину зданія, съ обоихъ его боковъ, очищенныхъ отъ прилѣпившихся къ нимъ построекъ, идутъ теперь красивыми огивальными аркадами два перистиля въ строго-готическомъ вкусѣ; надъ карнизомъ поставлены легкія, изваянныя тонко въ видѣ кружева каменныя перила. Аттикъ остался, но онъ пересѣченъ накрестъ поперечнымъ флигелемъ, который продолженъ до самаго карниза и образуетъ два боковые фасада, украшенные лѣпною работою. На одномъ фасадѣ усѣлись двѣ загадочныя Діаны, на другомъ, по рисунку Матейки, помѣщены, съ одной стороны, бойкій пѣтухъ на смѣющейся маскѣ и спѣсивый индюкъ на печальной. По угламъ устроены эркера. Эти эркера, боковые флигеля и прорѣзанный ими аттикъ образуютъ просторный верхній этажъ, посвященный

музеямъ, школѣ живописи, искуству, между тѣмъ какъ тоннель отведенъ мелкому торгашеству, а подъ аркадами устроились нарядныя лавки. Трудно передать всю роскошь украшеній: причудливыя рѣзныя капители колоннъ образованы изъ переплетающихся растеній, гирляндъ, изъ нагихъ дѣтей, поясныхъ фигуръ мужскихъ и женскихъ. Въ ажурныхъ желѣзныхъ воротахъ, стѣнныхъ желѣзныхъ украшеніяхъ и висячихъ фонаряхъ кузнецъ соперничалъ со скульпторомъ. Все зданіе имѣетъ цѣльный, гармоническій характеръ, какъ-будто бы оно было осуществленіемъ одного артистическаго замысла, какъ-будто бы одинъ человѣкъ его задумалъ и исполнилъ, какъ-будто бы въ этомъ сложномъ цѣломъ промыселъ былъ органически связанъ съ искуствомъ и цвѣтъ искуства былъ только продолженіемъ и увѣнчаніемъ стебля промышленности. Не ждите въ этой работѣ вдохновенія оригинальности, имъ вообще не можетъ похвалиться нашъ вѣкъ, который беретъ все больше умѣніемъ, нежели своеобразною новизною; но подъ средневѣковыми формами васъ поражаетъ совсѣмъ не средневѣковое содержаніе; вы осязаете въ этой стройной работѣ господство буржуазіи, воцареніе того средняго состоянія, которое, расчищая мѣсто для будущей демократіи и образуя переходное звено между средними вѣками и демократическимъ будущимъ, пробавляется старыми идеалами, распоряжается, точно своимъ добромъ, наслѣдствомъ, которое ему досталось даромъ отъ вымершей цивилизаціи, создавшей готическіе соборы, рыцарскіе зàмки и дворцы королей. Я полагаю, что эти особенности архитектурной реставраціи Суконницъ и служатъ точками соприкосновенія между возобновленнымъ зданіемъ и Крашевскимъ.

Родившійся въ 1812 году въ Варшавѣ, кончившій воспитаніе въ Вильнѣ, Игнатій-Іосифъ Крашевскій до конца 1862 года жилъ въ предѣлахъ Россіи, подвизался какъ литераторъ и журналистъ сначала въ Волынской губерніи, потомъ въ Варшавѣ, откуда и долженъ былъ выѣхать въ тихій и скромный Дрезденъ. Хотя и коренной

шляхтичъ, онъ, однако, человѣкъ новый, добывшій самъ свою славу и притомъ стяжавшій эту славу единственно только какъ литераторъ, только перомъ, только посредствомъ усидчивой кабинетной работы. Никогда не пытался онъ группировать вокругъ себя людей одного съ нимъ направленія, не только онъ себя не предлагалъ въ вожатые какой бы то ни было партіи, но и не принадлежалъ ни къ какой партіи, а дѣйствовалъ особнякомъ, угадывая потребности публики, стараясь имъ удовлетворить, не забѣгая значительно впередъ, идя съ большинствомъ шагъ за шагомъ, но всегда въ духѣ умѣреннаго прогресса. Если его нельзя назвать писателемъ геніальнымъ, ни даже просто новаторомъ, если, написавъ цѣлыя сотни повѣстей, онъ создалъ въ этихъ новѣстяхъ весьма немного неувядаемо-живыхъ типовъ, такъ какъ онъ больше наблюдалъ и фотографировалъ,— то все же онъ наблюдалъ и фотографировалъ съ такимъ увлеченіемъ и успѣхомъ, что на основаніи однихъ только его повѣстей можно бы составить по ихъ портретамъ физіологію нѣсколькихъ смѣнившихся одно послѣ другого поколѣній, въ особенности въ періодъ съ 1830 по 1863 годъ. Аналитическимъ умомъ онъ не отличался и не былъ теоретикомъ, неизмѣнно вѣрнымъ однимъ и тѣмъ же началамъ: ему приходилось иногда мѣнять убѣжденія, убѣдившись въ противномъ; но искрененъ онъ былъ и при этой перемѣнѣ, и проповѣдывалъ только то, во что горячо вѣрилъ. Человѣкъ сердечный и сильный инстинктомъ, Крашевскій не только наблюдалъ, но и заключалъ, направлялъ, судилъ. Сужденія его, это— сужденія человѣка образованнаго, гуманнаго, принадлежащаго къ упомянутому мною среднему классу, неимѣющему никакого опредѣленнаго состава, но пополняющемуся какъ изъ всего того, что выдвигается изъ массы по уму и талантамъ, такъ изъ того, что изъ шляхетской среды и изъ аристократіи вошло сознательно въ широкое русло потока времени, желая жить, а не безцѣльно умирать. Рѣшительный противникъ привилегіи и неволи, Кра-

шевскій поработалъ много въ пользу отмѣны крѣпостного состоянія, посвятилъ подсѣканію его корней самыя сильныя изъ своихъ произведеній. Къ отживающимъ идеалистамъ стараго строя онъ питалъ всегда нѣкоторое сочувствіе, но, изображая ихъ порою симпатическими чертами, онъ никогда не скрывалъ, что они отходящіе (Morituri—таково заглавіе одного изъ его романовъ), и притомъ отходящіе безплодно, бездѣтно, никѣмъ неоплакиваемые. Слабость его къ людямъ прошлаго понятна—онъ самъ принадлежитъ въ Польшѣ къ разряду тѣхъ, которыхъ въ Россіи привыкли называть «людьми сороковыхъ годовъ»; онъ несъ передъ собою свѣточъ идеала и всего больше ратовалъ противъ разнузданности страстей, противъ грубыхъ оргій силы и эгоизма; «я всегда предпочиталъ—говоритъ онъ—братство борьбѣ за существованіе, и стоялъ за права̀ слабаго противъ правъ кулака». Всѣ роды литературы онъ испробовалъ, сочиняя многотомныя историческія произведенія (Исторія г. Вильна, Исторія трехъ раздѣловъ Польши), древнелитовскій эпосъ стихами (Anafielas), писалъ комедіи, драмы, цѣлый циклъ повѣстей изъ древняго быта Польши, издавалъ историческія записки, но проявилъ главнымъ образомъ свое мастерство въ простѣйшемъ родѣ литературѣ, въ простой безпритязательной повѣсти, читаемой даже такими слоями общества, которые ищутъ въ литературѣ развлеченія, и которымъ болѣе серьезное чтеніе затруднительно или недоступно. Если сообразить, что Крашевскій написалъ 250 бо́льшею частью многотомныхъ произведеній, въ 440 томахъ, и безчисленное множество корреспонденцій; что производительность его не только не слабѣетъ, но съ годами ростетъ; что за послѣдніе 4 года, 1875—1879, онъ напечаталъ 60 оригинальныхъ произведеній—повѣстей, біографій (по 15 въ годъ), то легко себѣ представить ту громадную извѣстность, которою онъ пользуется. Нѣтъ писателя, который былъ бы одинаково съ нимъ популяренъ и повсемѣстно любимъ, благодаря своему примиряющему и къ единенію

приводящему вліянію. Его бы можно сравнить съ широкою рѣкою, имѣющею неглубокій фарватеръ, тихо и ровно плывущею средь невысокихъ и нескалистыхъ береговъ. Таковъ герой юбилейнаго празднества, которое мы и прослѣдимъ въ главнѣйшихъ его фазисахъ.

III.

Юбилейный комитетъ, составленный главнымъ образомъ изъ членовъ городской думы, *никого* не приглашалъ, а брался только размѣстить ожидаемыхъ гостей и доставить имъ возможность участвовать въ главныхъ моментахъ празднества. За нѣсколько недѣль назначенъ былъ срокъ, къ которому могли записываться гости и присылать деньги на обѣдъ по подпискѣ—предосторожность нелишняя, такъ какъ число пріѣхавшихъ въ Краковъ достигло громадной цифры 11.200 человѣкъ. Необходимость заставила потѣсниться. Краковяне рѣшили уступить свои билеты въ театръ и на обѣдъ пріѣзжимъ посѣтителямъ. Гостинницы не могли бы помѣстить и десятой доли пріѣзжихъ, если бы комитету не помогло частное гостепріимство. Каждый мало-мальски зажиточный человѣкъ принималъ къ себѣ, сколько могъ, пріѣзжихъ; варшавскіе наборщики помѣщались и угощались краковскими, адвокатъ останавливался у адвоката, литератору отводилась квартира у литератора. Нѣкоторыя гостинницы рѣшили брать съ заграничныхъ посѣтителей цѣны за нумера обыкновенныя, такъ что, несмотря на многолюдство, не ощущалось особенныхъ неудобствъ отъ тѣсноты. Депутація, съ вице-президентомъ города Вейгелемъ во главѣ, отправилась за юбиляромъ въ Дрезденъ; въ распоряженіе ея былъ данъ особый вагонъ I класса, въ которомъ Крашевскій и пріѣхалъ 2-го октября, въ четвертомъ часу пополудни. Городъ извѣщенъ былъ о пріѣздѣ стѣнными афишами, но довольно поздно; несмотря на то, тысячъ пять народа собралось на вок-

залѣ желѣзной дороги. Студенты съ розовыми кокардами на груди и доброхотная пожарная команда въ своихъ оффиціальныхъ мундирахъ образовали черезъ весь вокзалъ до разъѣзднаго крыльца двѣ живыя стѣны, между которыми прошелъ юбиляръ, окруженный членами городскаго совѣта при оглушительныхъ крикахъ: niech żyje! У крыльца размѣстились ремесленные цехи со своими значками и хоругвями; эта импровизированная гвардія окружила экипажъ, въ который усѣлись Крашевскій съ бургомистромъ Зыбликевичемъ,—она-то разстроила затѣи и попытки нѣкоторыхъ болѣе пылкихъ энтузіастовъ, хотѣвшихъ выпрягать лошадей и тащить экипажъ на себѣ. Скромный фіакръ, осѣненный хоругвями цеховъ, и являвшій, такимъ образомъ, подобіе колесницы тріумфатора, употребилъ полчаса времени, чтобы пробраться съ вокзала до отстоящей отъ него на полверсты Дрезденской гостиницы, гдѣ запросто и для всякаго изъ безчисленныхъ посѣтителей доступно помѣстился скромный виновникъ празднества. Таковъ былъ краткій прологъ представленія, имѣющій характеръ преимущественно городской, буржуазный. Вечеръ былъ посвященъ нѣсколькимъ неизбѣжнымъ визитамъ, къ властямъ, къ профессору Тарновскому, которому протянута была юбиляромъ рука для преданія забвенію прошлой полемики. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и во многихъ ярко освѣщенныхъ окнахъ красовались бюсты или портреты Крашевскаго: его сухощавая фигура, сгорбленная, окладистая борода песчанаго цвѣта съ просѣдью, морщинами покрытое лицо, все выраженіе котораго сосредоточивается въ характерныхъ складкахъ чела отъ вѣчно напряженнаго вниманія и въ необычайно живыхъ глазахъ. Какъ въ этотъ день, такъ и въ предшествующій только кончались работы по очисткѣ площади и Суконницъ отъ мусора и щепокъ.

Настоящее празднество открылось въ пятницу, 3-го октября и явило прежде всего практическій примѣръ совершеннаго разобщенія духовнаго съ свѣтскимъ, отдѣ-

ленія церковныхъ церемоній отъ гражданскихъ. Началось, какъ подобаетъ, съ божественнаго, отслужена со всѣмъ великолѣпіемъ обѣдня въ архипресбитеріальной городской громадной готической церкви св. Маріи, съ башни которой, по древнему уставу и обычаю, дежурный стражникъ днемъ и ночью трубитъ гейналы, оповѣщающіе конецъ каждаго часа. Узкій корпусъ церкви биткомъ былъ набитъ публикою, острые, высокіе своды отражали превосходно звуки церковныхъ пѣсней, положенныхъ на музыку старинными-композиторами, начиная съ XVI вѣка. Особенно выдѣлялся звучный пріятный голосъ сопрано пѣвицы Слугоцкой, крестной дочери Крашевскаго. Въ пресбитеріумѣ, на возвышеніи передъ алтаремъ, рѣзныя скамьи канониковъ и нѣсколько рядовъ стульевъ были отведены по обѣ стороны для почетныхъ гостей и делегатовъ, привезшихъ адресы и подарки, числомъ до двухсотъ человѣкъ. Какъ въ церкви, такъ и вообще во всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, вплоть до заключительнаго бала, прекрасный полъ отсутствовалъ, остракизмъ распространился даже на дамъ-писательницъ. Дамъ въ пресбитеріумѣ не было, имъ отведены были только церковные хоры. Печальные цвѣта—бѣлый съ чернымъ—мужскихъ фраковъ и галстуховъ разнообразились появленіемъ золоченыхъ цѣпей на груди университетскихъ депутатовъ и яркихъ національныхъ польскихъ костюмовъ, жупановъ, контушей, поясовъ, карабель, колпаковъ съ бриліантовыми брошками и цаплиными перьями. Юбиляра усадили у самаго алтаря, окруженнаго братьями и племянниками, а возлѣ него помѣщались маршалъ галиційскаго сеймъ гр. Водзицкій и бургомистръ Зыбликевичъ. Обѣдня обошлась безъ проповѣди, обыкновенно связующей церковный обрядъ съ интересами подобнаго момента.

Послѣ обѣдни былъ совершенъ крестный ходъ чрезъ площадь въ самый нижній тоннель, впервые открываемый оффиціально. По освященіи зданія епископъ произ-

несъ слово, въ которомъ не было ни помину о юбилярѣ, ни намека на юбилей, а просто возданіе хвалы Господу, за приведенную къ концу постройку, и назиданіе людямъ, чтобы они жили благочестиво и богобоязненно. Тутъ, какъ бы кто ножомъ отрѣзалъ: актъ церковный кончился, краковскій епископъ исчезъ и не показывался больше, даже на торжественномъ обѣдѣ; гласные думы отправились на верхъ подписывать протоколъ открытія зданія, юбиляръ уѣхалъ къ старостѣ львовскому, помощнику намѣстника Бадéни—получать австрійскій орденъ на шею, который онъ съ тѣхъ поръ носилъ все время вмѣстѣ съ пожалованною ему прежде итальянскою звѣздою Corona d'Italia; замѣтимъ мимоходомъ, что оба къ нему вовсе не шли, точно ни они для него не созданы, ни онъ для нихъ.

Въ часъ потомъ, въ томъ же самомъ тоннелѣ, началось чествованіе юбиляра при слѣдующей обстановкѣ. Изъ двухъ поперечныхъ ходовъ одинъ былъ закрытъ и преобразованъ въ темный альковъ; къ нему примыкала эстрада въ нѣсколько ступеней. На ней поставлено кресло для юбиляра, шкапъ по замыслу библіографа Эстрейхера, наполненный одними только его произведеніями, столъ для раскладки даровъ. Оба длинные конца тоннеля переполнены публикою. Черезъ главный входъ съ Сѣнной улицы, прямо ведущій на эстраду и къ алькову, пропускаются только делегаты обществъ, учрежденій, областей. У входа военная музыка, подъ руководствомъ композитора Желенскаго, исполняетъ кантату въ честь Крашевскаго, сочиненную лучшимъ современнымъ польскимъ лирикомъ Асныкомъ (онъ же и секретарь юбилейнаго комитета). Кантата весьма проста, безъ паѳоса и гиперболъ, и выражаетъ счастіе того, кто въ новыхъ занимающихся заряхъ ясно видитъ грядущее возрожденіе; кончается же она увѣренностью въ томъ, что живъ еще народъ и великъ онъ, когда онъ возобновляется, рождая такихъ сыновъ. Съ трудомъ пробирается черезъ музыкантовъ на эстраду бургомистръ Зыбликевичъ, успѣв-

шій переодѣться въ національный, эффектный, но рѣжущій глаза костюмъ: жупанъ на немъ бѣлый, атласный, контушъ бархатный, свѣтлоголубой, сапоги желтые, ножны и эфесъ сабли украшены бирюзою и кораллами. Онъ настоящій руководитель хора, онъ открываетъ шествіе дароносцевъ краткою рѣчью, въ которой примѣняетъ къ Крашевскому римское изреченіе о Помпеѣ: plura bella gessit, quam caeteri legerunt, съ легкимъ измѣненіемъ: «Крашевскій болѣе написалъ книгъ, нежели иные во всю свою жизнь ихъ прочли!» Затѣмъ на эстраду вступали поочередно вызываемые вице-президентомъ города Вейгелемъ записавшіеся представители и делегаты земель и обществъ, поодиночкѣ или группами и въ краткихъ, но теплыхъ словахъ, привѣтствуя его, передавали ему свои подарки, вѣнцы, альбомы, картины, статуэтки. Были дары весьма цѣнные: отъ поляковъ въ Италіи вѣнецъ изъ серебра и золота, въ ящикѣ изъ флорентинской мозаики; серебряный свитокъ съ вырѣзаннымъ адресомъ на немъ изъ Стокгольма; множество чернильницъ, перьевъ, рогъ турій бѣловѣжскій, печать въ формѣ минарета, вѣнчающаго каменецъ-подольскій соборъ, золотыя ворота кіевскія въ миніатюрѣ, серебряная статуэтка, изображающая Гедимина, работа умершей ваятельницы г-жи Скирмунтъ, пресъ-папье изъ горнаго хрусталя отъ поляковъ въ Сибири, шкапъ съ древними монетами отъ варшавскихъ купеческихъ приказчиковъ, серебряная чаша отъ поляковъ изъ Чикаго, работы изъ янтаря отъ жителей Данцига, вещицы изъ Бельгіи и Нью-Іорка, Парижа и Дерпта, даже такія бездѣлки, какъ сапоги отъ какого-то варшавскаго сапожника, глыба соли отъ солеколовъ въ Величкѣ, пирамида изъ огородническихъ растеній отъ крестьянокъ изъ Черной Веси, близъ Кракова, колоссальные хлѣба и исполинскій пирогъ, присланный изъ Варшавы, который рѣзался на части для укладки въ вагонъ. Число подарковъ простиралось до 60, не считая полутораста дипломовъ, адресовъ и книгъ. Если бы каждая изъ заявившихъ о себѣ 120 делегацій говорила

только пять минутъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ продолжался бы 10 часовъ. Громкія рукоплесканія привѣтствовали представителей польскихъ художниковъ въ Италіи, въ томъ числѣ Семирадскаго, делегата отъ Австраліи Жабу, итальянца отъ новооткрытой академіи Мицкевича въ Болоніи, устроенной итальянцами, но настоящій градъ рукоплесканій встрѣтилъ современныхъ союзниковъ галиційскихъ поляковъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, пріѣзжихъ чеховъ и мораванъ, адвоката Тоннера въ черной чамаркѣ, давнишняго полонофила, выражавшагося на польскомъ языкѣ, Челяковскаго, Фандерлика, Чига́лика, произносившихъ свои привѣтствія на родномъ чешскомъ языкѣ, столь внятно, однако, что каждое ихъ слово слушавшіе понимали и убѣждались, что, между славянами, они съ чехами родные братья, а не далекіе какіе нибудь родственники. Послѣ какихъ нибудь двадцати рѣчей, по предложенію Вейгеля прерванъ былъ дальнѣйшій ходъ на эстраду остальныхъ депутацій, удовольствовавшихся тѣмъ, что имена ихъ будутъ переданы въ газеты,—всталъ юбиляръ и, разгоняя столбами стоявшій дымъ отъ ѳиміама, прочелъ по печатному среди водворившейся глубочайшей тишины свою отвѣтную рѣчь.

Не мастеръ говорить, Крашевскій сообщался съ публикою тѣмъ способомъ, какимъ бесѣдовалъ почти ежедневно съ сотнями тысячъ читателей, то-есть, просто читалъ. Не будь этого ослабляющаго впечатлѣнія обстоятельства, мы признали бы эти полчаса кульминаціоннымъ моментомъ празднества,—до того они опредѣляли ясно, точно, безъ недомолвокъ, значеніе празднества и тотъ родъ чувства, который находилъ въ немъ свое удовлетвореніе. Передъ слушателями стоялъ не тріумфаторъ, но на краю гроба находящійся старецъ, который, читая публичную исповѣдь, какъ въ первыя времена христіанства, смирялся и произносилъ самъ надъ собою строгій и въ сущности глубоко-безпристрастный приговоръ. Главная заслуга его только—любовь къ родному. Что́ заставило

его работать—ему неизвѣстно, но только не жажда славы или надежда наградъ. Дни своего современнаго народа онъ всегда считалъ съ момента политической смерти этого народа, только съ 1772 г. идетъ, по его понятіямъ, нравственное возрожденіе, котораго не прервали и не остановили повстанья 1830 и 1863 годовъ. «Меня поддерживала, говоритъ юбиляръ,—вѣра въ то, что лишенный независимости край, прекративъ свое государственное существованіе, имѣетъ право и обязанность жить какъ народъ, пока самъ не откажется отъ существованія, пока не совершитъ самоубійства. Онъ проявляетъ свое существованіе въ наукѣ, въ искуствѣ, въ развивающемся сознаніи народности, соединенномъ съ успѣхами въ просвѣщеніи и матеріальныхъ условіяхъ быта». Золотая жатва растетъ на краю утучненной нивы. На этой нивѣ пришлось Крашевскому работать. Орудіемъ дѣйствія онъ избралъ литературнаго пролетарія, няньку человѣчества, старую басенку, сказку, повѣсть, которая даетъ простому уму удобоваримую пищу, создаетъ громадный кругъ читателей и служитъ пропедевтикой для мышленія. «Черный хлѣбъ этотъ я пекъ,—говоритъ Крашевскій,—цѣлые полвѣка; хлѣбъ этотъ насущный былъ, можетъ быть, не вкусенъ и черствъ, но здоровъ. Не сѣялъ я раздоровъ, никогда не кидалъ я камней ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Въ одномъ только, въ чемъ меня винятъ, я не раскаиваюсь: я дѣйствительно стоялъ при старыхъ идеалахъ, но я и теперь предпочитаю старые идеалы общему теченію, которое бы увлекало насъ къ скотоподобному состоянію (zbydlęcenie)». Старый человѣкъ сказался въ этомъ пунктѣ весь, со своимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ позитивизму, съ недовѣріемъ къ новымъ путямъ изслѣдованія и мышленія, невѣдомымъ и нечаяннымъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда авангардомъ движенія являлась только метафизика, ужасавшая своею смѣлостью умѣренныхъ прогрессистовъ,—какъ ихъ же теперь пугаетъ позитивизмъ и еще болѣе радикальныя міросозерцанія. Изъ разрушенной польской

Трои Крашевскій вынесъ, какъ Эней, свои пенаты, своихъ бронзовыхъ боговъ,—старые идеалы своего народа; онъ и теперь прижимаетъ ихъ крѣпко къ груди, не постигая, что идеалъ не бронза и не камень, что онъ нѣчто живое, развивающееся и обновляющееся, и что нынѣ искомое обществомъ польскимъ какъ идеалъ, безконечно различно отъ идеаловъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но Крашевскій изъ тѣхъ идеалистовъ, которые готовы на всевозможныя уступки. «Я всегда велъ къ этимъ идеаламъ по пути, по которому ангелы представлялись спящему Іакову всходящими на небо—то-есть, *по деревяннымъ ступенямъ* дѣйствительности, считаясь съ нашимъ положеніемъ, съ нашими силами». Озираясь кругомъ, Крашевскій видитъ однѣ могилы; славные его нѣкогда сподвижники померли, всѣ вѣнцы достались ему, не самому заслуженному, но самому счастливому. Мысленно преклоняясь предъ этими могилами, онъ возлагаетъ на нихъ свои трофеи: «Не для меня вы это сдѣлали,—говоритъ онъ,—но для великой идеи общенароднаго труда, которой я былъ самымъ послѣднимъ слугою». Онъ кончилъ поминальною молитвою за мучениковъ умственнаго труда, погибшихъ на терніями усѣянномъ пути.

Уже смеркалось, публика разошлась по домамъ, подъ успокоительнымъ впечатлѣніемъ этого сильнаго и глубоко-прочувствованнаго слова. Вечеромъ, на маленькомъ театрѣ, единственномъ, которымъ обладалъ Краковъ, и вмѣщающемъ всего 800 мѣстъ для зрителей, шло представленіе пьесы Крашевскаго изъ шляхетскаго быта въ XVIII столѣтіи: *Кастеллановъ Медъ*. Юбиляръ присутствовалъ и при представленіи, и при заключительныхъ живыхъ картинахъ. Представленіе отличалось никогда невиданнымъ ансамблемъ: лучшія силы сценъ варшавской (Круликовскій—въ роли тартюфа-Солодухи), львовской (Ладновскій—въ роли ротмистра Каневы), краковской (Рихтеръ-Петрило), участвовали въ представленіи; прославившаяся и въ Америкѣ Елена Модржеевская

(гр. Хлаповская) явилась въ роли кокетки Гурской. Въ антрактахъ оркестръ исполнялъ народные польскіе мотивы. Такимъ образомъ сошелъ первый день юбилея, самый красивый и удачный въ смыслѣ соотвѣтствія всего, чтó въ немъ происходило, напередъ задуманной программѣ.

IV.

За то второй день изобиловалъ неожиданными эпизодами и характерными мелочами, крайне интересными для посторонняго наблюдателя. Утро было свободное, вакантное. Для развлеченія пріѣзжихъ устроена поѣздка по желѣзной дорогѣ въ соляныя копи Велицкія съ факелами, бенгальскими огнями, музыкою и пѣснями въ этихъ колоссальныхъ подземельяхъ. Часть публики посѣщала соборъ на Вавелѣ, примыкающій къ королевскому зáмку, превращенному въ казармы, богатую ризницу этого собора и подвальные склепы, гдѣ покоятся тѣла королей отъ Локетка и Казиміра-Великаго до Августа II, а возлѣ нихъ тѣло князя Іосифа Понятовскаго и Косцюшки. Самому юбиляру представились въ церкви св. Анны гимназія и низшія училища; потомъ его провожали въ ягеллонскую библіотеку, гдѣ въ засѣданіи филологическаго факультета ректоръ краковскаго университета, Юліанъ Дунаевскій, братъ епископа, одинъ изъ очень возможныхъ кандидатовъ въ австрійскіе министры, передалъ ему дипломъ на званіе доктора философіи. Ректоръ былъ въ тогѣ, отороченной горностаями, предъ нимъ несли три серебряныхъ скипетра, пожалованные краковской академіи польскими королями; профессора облеклись въ разноцвѣтныя тоги и бархатные бэреты. Въ числѣ ихъ блисталъ, однако, своимъ отсутствіемъ Станиславъ Тарновскій, профессоръ исторіи польской литературы. Главнымъ событіемъ дня оказался обѣдъ по подпискѣ, данный чествующими Крашевскаго

гостями юбиляру въ 6 часовъ вечера, въ томъ же тоннелѣ, гдѣ наканунѣ совершалось врученіе даровъ,— пиръ, во время котораго, за бокалами вина, многое задушевное могло высказаться на распашку. Число мѣстъ далеко не соотвѣтствовало требованію ихъ: всего, тѣснясь до послѣдней возможности, могло усѣсться 850 человѣкъ. Разумѣется, мѣста были отведены для гостей чеховъ, приберегалось одно и для Тургенева, котораго краковяне знали по его европейской славѣ, котораго пріѣздомъ сильно интересовались, и о намѣреніи котораго пріѣхать извѣщали юбилейный комитетъ телеграммы. Тургеневъ, однако, не могъ пріѣхать, и потому прислалъ на имя знакомаго ему представителя польской колоніи въ Петербургѣ, В. Д. Спасовича, изъ Буживаля, 15 (27) сентября, письмо слѣдующаго содержанія:

«Къ искреннему сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій, съ увѣренностью, могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентной публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ, какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича. Пр. и проч.». Эти слова были поняты, какъ свидѣтельство о горячемъ расположеніи единоплеменника, знаменитаго русскаго писателя, которое, если бы имъ было одушевлено большинство интеллигенціи, вывело бы дѣйстви-

тельно скоро польскій вопросъ изъ анормальной его теперешней колеи; но въ этихъ же словахъ усматривали, быть можетъ, не безъ основанія, крайній оптимизмъ по отношенію къ характеристикѣ настоящаго момента. Письмо Тургенева было слишкомъ важнымъ и интересующимъ всѣхъ фактомъ, чтобы его можно было оставить безъ огласки; г. Спасовичъ потому сообщилъ о немъ комитету и просилъ, чтобы ему предоставлено было слово за обѣдомъ, во время рѣчей, которыхъ значилось на спискѣ у президента Зыбликевича всего 12 или 15, изъ нихъ 6 или 7 обязательно возложенныхъ на представителей властей или учрежденій. Что касается остальныхъ, то ораторы вызвались сами. Ни тѣ, ни другія рѣчи не проходили вовсе чрезъ какого бы то ни было рода цензуру, комитетъ обращалъ вниманіе на лица, но не освѣдомлялся даже о содержаніи и духѣ того, что должно было быть произнесено.

Юбилейному комитету предстоялъ опытъ превращенія тоннеля въ обѣденную залу. Задача нелегкая; тоннель имѣетъ 160 шаговъ длины, всякій звукъ отражается сильно круглымъ сводомъ, вслѣдствіе чего отъ избытка резонанса при наполненіи его толпами разговаривающихъ выходитъ глухой неопредѣленный гулъ на подобіе шума волнъ морскихъ во время бури, котораго не въ состояніи никто осилить, хотя бы имѣлъ громаднѣйшія голосовыя средства. Два оркестра могли играть на балу 5 октября на двухъ концахъ тоннеля, не мѣшая себѣ взаимно и едва себя слыша. Вдоль тоннеля во всю его длину, кромѣ средины, уставлены три параллельные ряда столовъ съ нумерованными стульями; въ серединѣ между двумя боковыми выходами помѣщался одинъ почетный столъ, за которымъ посаженъ юбиляръ между маршаломъ сейма графомъ Людвигомъ Водзицкимъ и президентомъ академіи наукъ Іос. Мейеромъ, а насупротивъ него Зыбликевичъ между графомъ Августомъ Цѣшковскимъ, философомъ и экономистомъ, и княземъ Ѳад. Любомірскимъ. Остальные два десятка

мѣстъ занимали ректоры обоихъ галиційскихъ университетовъ, д-ръ Малэцкій, старикъ Смолька, братья и племянники юбиляра, и лица, испросившія себѣ право говорить. Освѣщеніе было превосходное, газовое, прислуга многочисленная и исправная, кушанья хорошо сервированы, винъ, въ особенности венгерскихъ, большое изобиліе; объ одномъ не подумали и не сдѣлали никакихъ приспособленій къ тому, чтобъ дать возможность ораторамъ говорить, а публикѣ если не всей, то по крайней мѣрѣ половинѣ ея—слушать рѣчи этихъ ораторовъ. Надлежало устроить каѳедру, поставить громкій колокольчикъ передъ президентомъ, давать знать поднятіемъ флага о началѣ и окончаніи рѣчи, печатнымъ объявленіемъ на стѣнахъ просить публику не двигаться и не говорить, пока флагъ приподнятъ. Ничего подобнаго не было придумано, съ половины обѣда началось движеніе съ концовъ къ серединѣ въ чаяніи рѣчей, которыя начались въ самомъ концѣ между куропатками и десертомъ. Съ первой же рѣчи опытнаго оратора Водзицкаго, весьма оффиціальной, законченной тостомъ въ честь «покровителя польской литературы» австрійскаго монарха, уяснилось, что при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, напрягая всѣ силы, ораторъ не изъ слабогрудыхъ можетъ передать свои мысли какимъ-нибудь 60 или 70 человѣкамъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные будутъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о его идеяхъ и намѣреніяхъ. Слѣдующій затѣмъ ораторъ, милый старичокъ Мейеръ, хотя сталъ на стулъ, на которомъ стоялъ потомъ полчаса, не только ничего не сообщилъ присутствующимъ, но и самъ себя вѣроятно не слышалъ, что можно было заключить по его отчаяннымъ жестамъ. Утверждаю, что всѣ затѣмъ послѣдующіе ораторы говорили не для публики, что ни о какомъ общемъ впечатлѣніи ихъ словъ на публику и рѣчи быть не можетъ, что они соблюдали въ сущности одну форму, кидали рѣчь, фразу за фразой, въ эту пучину, въ этотъ оглушающій шумъ, похожій на гулъ огром-

наго паровaго котла въ полномъ дѣйствіи; надежда ихъ вся заключалась въ томъ, что на слѣдующій день газеты выловятъ эти рѣчи, возстановятъ ихъ по черновымъ запискамъ и огласятъ то, что ораторами почти втайнѣ было произнесено. Такова была участь всѣхъ вообще рѣчей Зыбликевича и самого Крашевскаго, провозгласившаго тостъ въ честь города Кракова, Вротновскаго и Тоннера, наконецъ, донесшійся всего рѣзче до русской публики при посредствѣ газетъ эпизодъ, заключающійся въ рѣчи г. Спасовича и протестѣ противъ ея заключеній Ксаверія Лиске. Такъ какъ эпизодъ этотъ породилъ самые разнообразные толки, то онъ требуетъ разбора и поясненія. Рѣчь г. Спасовича была слѣдующая:

«Въ одинъ торжественный моментъ, точно въ каплю, стеклось полвѣка упорнаго труда одного великаго гражданина, скажу больше: полвѣка трудной жизни цѣлаго народа. Можетъ быть, я бы и не посмѣлъ говорить въ эту торжественную минуту, я—единица среди тысячъ другихъ, если бы меня не заставили случай и стеченіе обстоятельствъ явиться передатчикомъ пріязненныхъ и, смѣю сказать, искреннихъ чувствъ отсутствующихъ людей. Моими устами ветеранъ русской литературы, ученикъ Пушкина, Иванъ Тургеневъ провозглашаетъ тостъ за здоровье славнаго ветерана польской литературы, сподвижника Мицкевича. «Я увѣренъ,—пишетъ Тургеневъ,—что въ моемъ лицѣ громадное большинство интеллигентной Россіи привѣтствуетъ и протягиваетъ руку Крашевскому». Каковы бы ни были старанія заключить сегодняшнее торжество въ тѣсныя рамки народной исключительности, это намѣреніе неосуществимо, исключительность устранена, стальной обручъ лопнулъ, прорываются другія стихіи, къ пѣсни польской присовокупляются иные звуки, правда тихіе, но явственные, звуки славянскіе. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивался я вчера къ событію, небывалому со временъ, можетъ быть, Ягеллоновъ,—какъ неслись публично, гласно изъ

21*

Суконницъ на рынокъ краковскій, рѣчи на языкѣ апостола Польши св. Войцѣха, произносились гостями, заѣзжими изъ Чешской Праги и Оломунца (Ольмюца); эти господа явились сами лично и сѣли за нашъ общій столъ, другимъ единоплеменникамъ временныя обстоятельства внушили иной образъ дѣйствія, они не явились сами лично, но желаютъ, чтобы и ихъ также на этомъ пиру помянули. Отвѣтъ на это требованіе даютъ намъ наши народныя поэтическія преданія. Вспомните, господа, какъ нѣкогда, средь петербургской непогоды, стояли, обнявшись подъ однимъ плащемъ, два юные поэта передъ колоссомъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пушкинъ, вспоминалъ съ чувствомъ еще въ 1834 г. о предсказаніяхъ Мицкевича, касающихся временъ, «когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». И Мицкевичъ намъ развилъ ту же самую мысль, опредѣливъ даже родъ и способъ международнаго общенія. Онъ изображалъ это общеніе въ видѣ двухъ скалъ альпійскихъ изъ одного же гранита, которыя клонятъ одна къ другой свои заоблачныя вершины, хотя онѣ внизу навѣки раздѣлены струею воды и едва слышатъ шумъ этой своей разлучницы. Итакъ, да клонятся одна къ другой эти заоблачныя вершины, но да памятуютъ онѣ, что ихъ раздѣлила навѣки струя воды; да памятуютъ, что легче живется въ семьѣ, что удобнѣе быть нѣсколькимъ, нежели одному, и что, по словамъ чешскаго патріота, произнесеннымъ въ 1867 г., въ Москвѣ, гораздо краше и полнѣе музыка десяти колоколовъ, звучащихъ единовременно съ одной и той же башни, нежели то, если бы всѣ колокола были сплавлены въ одинъ колоколъ, громадный, правда, но всегда одинокій. Я думаю, что не подвергнусь упреку въ излишнемъ мечтательствѣ, если выражу простое желаніе, не опредѣляя вовсе времени его осуществленія: завтра, либо чрезъ десять, либо чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Желаніе ставить цѣли подобаетъ всякому, осуществленіе только зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми не

всегда можно располагать. Я бы желалъ, чтобъ на будущемъ подобномъ умственномъ пиру, если бы онъ случился у какого-либо изъ крупныхъ славянскихъ народовъ, сѣли бы за одинъ столъ и преломили бы хлѣбъ представители всѣхъ славянскихъ націй».

Несправедливо то, будто бы, какъ написано въ Краковскомъ «Czas'ѣ» (№ 229), рѣчь г. Спасовича принята была холодно; ей рукоплескало большинство изъ слышавшихъ, но несомнѣнно она не могла разсчитывать на то, чтобы всѣмъ угодить: вездѣ есть непримиримые, страсти еще не улеглись, отдѣльныя шиканья были неизбѣжны; пронеслись и шиканья. По стеченію обстоятельствъ, слѣдующій изъ вызванныхъ по списку для произношенія рѣчей ораторовъ, былъ профессоръ исторіи и ректоръ львовскаго университета, нестарый еще человѣкъ, съ явственно шведскимъ очертаніемъ лица, д-ръ Ксаверій Лиске, какъ оказалось, одинъ изъ противниковъ всякаго сближенія. Онъ поставилъ себѣ задачею протестовать противъ предложенія г. Спасовича, притомъ предложенія или плохо имъ понятаго или обобщеннаго имъ до значенія здравицы за всѣ славянскіе народы безъ разбора, между тѣмъ, какъ оно клонилось только къ сближенію между интеллигенціями, каковы бы ни были впрочемъ отношенія между цѣлыми народами, хорошія или даже дурныя. Г-нъ Лиске вскочилъ быстро на стулъ, со стула на самый обѣденный столъ, и порывисто, нервно, съ сильною жестикуляціею повелъ рѣчь, начавъ ее такими безспорными словами, на которыя онъ зналъ, что не могутъ не откликнуться всѣ присутствующіе безъ изъятія, каждый по своему: «Jeszcze Polska nie zginęła... пока производитъ людей труда и заслуги, пока рождаетъ такихъ людей, какъ юбиляръ»... Это была основная идея и юбилея, и слóва къ публикѣ самого Крашевскаго, но съ маленькою оговоркою: не погибла *какъ народность*, но съ совершеннымъ устраненіемъ вопроса политическаго. Для г. Лиске, наоборотъ, эта фраза послужила ступенькою, на которую ставъ, онъ тотчасъ же вскочилъ на поли-

тическій конекъ и пошелъ... Приводимъ его слова, по 273 № «Петербургскихъ Вѣдомостей»: «Небольшимъ слабымъ народамъ и государствамъ нельзя существовать и жить отдѣльно. Теперь творятся въ Европѣ огромныя аггломераціи. Мы имѣемъ право на существованіе, добытое нашею культурою, но кто скажетъ, что мы не нуждаемся въ другихъ, что мы можемъ устроиться сами по себѣ, тотъ совершаетъ преступленіе. Если бы мы вздумали, вопреки волѣ державы, съ которою связала насъ судьба, дойти до того, что утратили, то мы бы не дошли ни до чего и утратили бы даже то, что имѣемъ. Мы готовы въ *политическихъ* дѣйствіяхъ соединиться со славянами, но только съ тѣми, кто намъ искренній другъ; но думать о союзѣ со всѣми славянами—это для насъ невыгодно. Я славянинъ, но провозглашать тостъ за всѣхъ славянъ, а стало быть и за тѣхъ, которые не имѣютъ здѣсь не единаго представителя — я не могу. Это значило бы утверждать, что всѣ споры окончены, всѣ раны закрыты. Такого здравія я пить не могу».

Очевидно, что если бы на обѣдѣ присутствовалъ самъ Тургеневъ, или даже кто-нибудь изъ русскихъ, либо приславшихъ изъ Петербурга коллективную депешу, подписанную: «Е. Рагозинъ», либо приславшихъ другую большую поздравительную телеграмму отъ славянскаго комитета за подписью г. Владиміра Ламанскаго, то у Лиске не оказалось бы послѣдняго заключительнаго его аргумента, который въ сущности можно бы выразить такъ: «неискренни они, коль скоро не пріѣхали». Съ этой стороны, сами краковяне выражали сожалѣніе объ отсутствіи Тургенева, оно бы помѣшало возникнуть эпизоду Лиске и перейти потомъ въ русскія газеты, раздутому и выхваченному изъ всего юбилея, какъ будто бы въ немъ-то и выразилось общее настроеніе всѣхъ участвовавшихъ. Въ словахъ Лиске мысль Тургенева была передернута, изъ умственнаго сближенія переведена въ политическое. Я думаю, что только сильная страсть могла бы заставить кого бы то ни было отвергать пользу

умственнаго сближенія въ принципѣ; оспаривать своевременность заявленія Тургенева, конечно, можно было, и не безъ нѣкоторыхъ довольно вѣскихъ основаній. Можно было оспорить силу полномочій писавшаго письмо, усомниться въ томъ, выражаетъ ли оно не только чувства громаднаго большинства, но даже просто большинста интеллигенціи, можно было бы пройтись по тезису о цѣнѣ благихъ намѣреній и выразить сожалѣніе, что при своихъ благихъ намѣреніяхъ эта интеллигенція столь слабосильна въ практическомъ отношеніи, что не можетъ имѣть даже смягчающаго вліянія на существующее положеніе вещей. Но г. Лиске вовсе не туда гнулъ, отвергнувъ самую мысль сближенія, во имя наболѣвшихъ ранъ,—онъ, какъ истый галиціанинъ, поднялъ славянское знамя, но въ тѣсныхъ австрійскихъ предѣлахъ и предложилъ союзъ—съ кѣмъ же? съ чехами и моравашами! Они, положимъ, хорошіе люди, но развѣ не чехи были теоретики столь ненавистнаго г. Лиске панславизма, развѣ не отъ нихъ шелъ починъ въ 1867 славянскаго съѣзда въ Москвѣ? Нынѣ они сближаются съ поляками въ виду временнаго преобладанія федеративной идеи въ Габсбургской державѣ; время этому новому союзу всего безъ году недѣля; что же можно строить на такомъ пескѣ? А и само расположеніе Австріи къ польскому элементу въ Галиціи восходитъ не Богъ вѣсть къ какому отдаленному времени. Еще то самое поколѣніе, къ которому принадлежитъ г. Лиске, если не воспиталось, то по крайней мѣрѣ по цѣлымъ годамъ сидѣло въ австрійскихъ тюрьмахъ. Безтактность рѣчи ректора Лиске заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что, взглянувъ на славянскій вопросъ по-галиційски и ставъ съ своей субъективной стороны совершенно лойяльно подъ сѣнь Габсбургскаго орла, онъ сошелъ съ общепольской точки зрѣнія и не принялъ въ соображеніе, что на сей послѣдней точкѣ зрѣнія можно безпрепятственно лелѣять свою литературу, пауку, искуство только подъ условіемъ отказа отъ внѣшней политики, что политически

польскій вопросъ есть только внутренній вопросъ каждой изъ трехъ державъ, которымъ поляки подвластны, что имъ слѣдуетъ желать, чтобы судьба не заставила ихъ никогда стоять другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ при какихъ-нибудь столкновеніяхъ между великими восточно-европейскими державами, что пора имъ, наконецъ, перестать быть тѣми щипцами, посредствомъ которыхъ вытаскиваются каштаны изъ огня.

Рѣчь Лиске покрыта была рукоплесканіями тѣхъ, все-таки немногихъ, которые ее разслышали. Никто не шикалъ, шиканье было бы невозможно, и неприлично, и неделикатно, въ виду ея лойально-австрійскаго смысла; возражать значило бы демонстрировать противъ хозяина, допустившаго, въ сущности, исполниться юбилейному празднеству. Несоглашавшіеся просто молчали. Вслѣдъ за первымъ рѣзкимъ диссонансомъ пошли другіе. Явились жалобщики, скорбныя слова которыхъ опровергали въ корнѣ австро-славянскую программу г-на Лиске, такъ какъ на эти жалобы не предвидѣлось помощи и облегченія ни откуда. Заговорили познанскіе поляки, ксендзъ Польковскій, редакторъ Торнской газеты Даніелевскій и другіе. Доставалось «проклятымъ нѣмцамъ» за ихъ легальный экономическій походъ на востокъ, вытѣсняющій славянскую народность, подрѣзывающій у нея корни. Собраніе стало превращаться въ сеймъ, въ выслушиваніе рекриминацій, общее пропадало, стали сквозить мѣстные партикуляризмы. Связать разсыпающееся и привести опять къ одному знаменателю—взялся ректоръ Ю. Дунаевскій, на котораго возложено было произнесеніе послѣдняго тоста: Kochajmy się. Рѣчь эта, исполненная остроумія и юмора, славила любовь, но ту, которая чужда самолюбія, и выражала надежду, что затопившія городъ Краковъ волны благородныхъ чувствъ народныхъ поглотятъ и покроютъ «наши мелкія, но тѣмъ не менѣе вредныя ссоры и несогласія». Этотъ совѣтъ подѣйствовалъ: несмотря на драстическіе эпизоды, общее впечатлѣніе было пріятное, успокоивающее. Не

могли же сойтись восемьсотъ или девятьсотъ человѣкъ, и притомъ поляковъ, которыхъ откровенность въ своей національной средѣ почти вошла въ пословицу, безъ того, чтобы не поспорить, а спорили они свободно, ничѣмъ не стѣсняясь, и разошлись, несмотря на разницы во взглядахъ, въ спокойствіи и согласіи. Обнаружилась тутъ же еще одна хорошая сторона народнаго характера: большая щедрость на жертву въ минуту, когда всѣ разстроганы. Графъ Мэнцинскій собралъ въ самое короткое время до двухъ тысячъ гульденовъ на польскій театръ въ Познани. Предстоялъ еще сборъ на памятникъ Мицкевича въ Краковѣ, но самый неожиданный сюрпризъ въ этомъ родѣ готовился на слѣдующій день, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго долженъ былъ явиться Генрихъ Семирадскій.

V.

При описаніи третьяго и послѣдняго юбилейнаго дня 5 октября я извиняюсь, что совсѣмъ обойду балъ въ Суконницахъ, данный городомъ пріѣзжимъ. Плохая столовая оказалась превосходною бальною залою. Національные польскіе костюмы были великолѣпны, во второмъ этажѣ устроены были буфеты; венгерское и шампанское лились рѣками. Намѣстникъ Галиціи, пріѣхавшій изъ Львова, графъ Альфредъ Потоцкій открылъ балъ, на которомъ не показался, однако, юбиляръ, слегшій въ постель отъ излишняго утомленія и совсѣмъ выбившійся изъ силъ. Отказываюсь также пользоваться картинками мѣстнаго быта и нравовъ, которыя могли бы послужить иллюстраціею къ юбилею. Я былъ свидѣтелемъ 5 октября, въ воскресенье (день Богородицы, такъ-называемый четочной или Ружанцовой), громаднѣйшаго крестнаго хода: хоругвь за хоругвью, переносная икона возлѣ иконы, на разстояніи полуверсты отъ церкви св. Маріи до Доминиканъ; при этомъ внѣшнемъ

великолѣпіи римско-католическаго богослуженія, какъ малыми и ничтожными сравнительно по размѣрамъ и скоротечности являются свѣтскія празднества внутри Суконницъ! При мнѣ ночью на рынкѣ толпы мальчишекъ упражнялись въ швыряніи камней въ евреевъ, которые спасались, молча и не пытаясь сопротивляться. Но при мнѣ также, при поминовеніи умершихъ въ текущемъ году художниковъ при католическомъ богослуженіи, священникъ предлагалъ народу гласно молиться и за Маврикія Готлиба, талантливаго живописца, еврея по вѣроисповѣданію. Не остановлюсь я и на почетномъ адресѣ, присланномъ Крашевскому отъ польскихъ соціалистовъ, и на томъ, что десятка три таковыхъ содержатся въ краковской тюрьмѣ, въ ожиданіи обвинительнаго акта, въ которомъ опи будутъ преданы суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Меня займетъ только то, что̀ происходило съ 2 до 4 часовъ пополудни въ ресторанѣ Гертё, гдѣ въ тѣснотѣ, въ небольшой залѣ собрались запросто литераторы и художники (болѣе 120 человѣкъ), отобѣдать вмѣстѣ съ юбиляромъ и братьями-чехами. Никогда, можетъ быть, на столь тѣсномъ пространствѣ не собиралась такая масса польской интеллигенціи, такой ея цвѣтъ и подборъ. Возлѣ Крашевскаго помѣщалась европейская знаменитость Августъ Цѣшковскій, однимъ изъ распорядителей былъ Андріолли, рисовщикъ иллюстраторъ, родомъ полякъ, по крови итальянецъ, одинъ изъ той пресловутой тысячи гарибальдійцевъ, которая завоевала Сицилію. Былъ и архитекторъ Прылинскій, явились и «архистанчики» Шуйскій и Тарновскій, усѣвшіеся рядомъ. Возлѣ Крашевскаго отведено было мѣсто Генриху Семирадскому, который при Янѣ Матейкѣ, если бы сей послѣдній былъ на юбилеѣ, занималъ бы второе мѣсто; но когда Матейко, по необъяснимой причинѣ, уклонился отъ юбилея, уѣхалъ и даже не согласился, чтобы его «Битва подъ Грюнвальдомъ» была выставлена для публики во время юбилея, то вслѣдствіе того первое мѣсто

очистилось, и мастеръ кисти, знатокъ древности, мало, правда, національный, но много знающій и высоко-талантливый Генрихъ Семирадскій, являлся уже первою по величинѣ художническою силою. Къ Семирадскому нельзя было не чувствовать влеченія даже тому, кто не былъ безусловнымъ поклонникомъ рода его живописи, за то, что она вдохновляется до сихъ поръ почти исключительно античными образцами и итальянцами. Составляя совершенную противоположность съ своимъ брюзгливымъ, капризнымъ и крайне самолюбивымъ, зависимымъ отъ своенравной жены, но геніальнымъ краковскимъ живописцемъ, Семирадскій, несмотря на свою славу, дѣтски простъ, скроменъ и юнъ, точно начинающій художникъ. Пожертвованіе рѣшено накунѣ, въ субботу, въ чрезвычайно забавной формѣ. Зыбликевичъ удерживалъ артиста отъ повѣшенія на избранной имъ стѣнѣ картины «Свѣточей христіанства», въ виду того, что художникъ не богатъ и живетъ своими трудами, но Семирадскій настоялъ: «нигдѣ я не найду лучшаго свѣта для моей картины, какъ на этой стѣнѣ», чтó и дало потомъ поводъ къ пререканію о томъ, кто кому болѣе обязанъ, художникъ ли городу за стѣну, или городъ ему за картину. Обѣдъ шелъ живо и весело, пришло извѣстіе объ избраніи Крашевскаго почетнымъ президентомъ парижскаго международнаго литературнаго общества. Особенно характерными были рѣчи обоихъ «станчиковъ». Шуйскій нападалъ на малодушныхъ людей, которые опасаются ежеминутно смерти отъ угасанія энтузіазма. Народъ, имѣвшій 9 вѣковъ политической исторіи, 5 литературной, народъ, произведшій Кохановскаго и Мицкевича, не можетъ умереть, говорилъ онъ. Онъ можетъ обѣднѣть болѣе прежняго, но и въ лохмотьяхъ нищаго онъ будетъ держать себя какъ король Лиръ: every inch a King. Народъ таковъ, какимъ его создали вѣка: мягкій какъ воскъ, впечатлительный какъ женщина, вспыльчивый какъ динамитъ. Не объ огнѣ должна быть наша забота, но томъ, чтó съ нимъ

сдѣлать, какъ вылѣпить ту чашу, въ которой онъ будетъ горѣть, какъ обезпечить и усилить его благотворное вліяніе.

Тарновскій, повидимому, хвалилъ только чеховъ, но косвенно его рѣчь мѣтила вообще во всѣхъ славянъ, въ ней и неназванныхъ, и по замыслу оратора была язвительнѣе словъ самого Лиске, но являлась въ изящной, тонкой формѣ, почти недопускающей возраженія: «Мы здѣсь въ семьѣ, но и семьи бываютъ разныя. Родство, говорятъ, только случайность, оно становится связью, когда его укрѣпятъ уваженіе и дружба. Мы не разъ наблюдали между родными, что лицо, которое было бы совершенно безразлично, будь онъ постороннимъ, становится особенно противнымъ потому именно. что онъ родной, когда онъ не таковъ, какимъ слѣдуетъ быть. То же бываетъ между народами: этнографическая близость отталкиваетъ ихъ иногда, если они разобщены по духу. Къ счастью, есть родные, которыхъ мы уважаемъ, отъ которыхъ поляки получили христіанство, которые подаютъ намъ примѣръ, какъ собираться съ силами, какъ созидать литературу, какъ содѣйствовать благосостоянію простого народа, заботясь объ его нуждахъ и расширяя, такимъ образомъ, основаніе народности». Среди обѣда явился Зыбликевичъ, поднялъ тостъ за Семирадскаго и далъ ему случай заявить объ условленномъ уже, но остававшемся тайною для всѣхъ, кромѣ Зыбликевича, пожертвованіи не для города, но для «цѣлаго края». Изумленіе было всеобщее, Добржанскій справедливо замѣтилъ, что Семирадскій явился настоящимъ магнатомъ, потому что только магнатъ былъ бы въ состояніи сдѣлать столь цѣнный даръ. Стѣнныя афиши возвѣстили городу о пожертвованіи. На слѣдующій день устроено было громадное шествіе съ факелами къ гостинницѣ, гдѣ остановился художникъ, послѣ чего, по его предложенію, сдѣлана такая же овація Крашевскому и Зыбликевичу. Важнѣе то, что примѣръ подѣйствовалъ: шестнадцать живописцевъ пожертвовали

также свои картины, и съ легкой руки Семирадскаго сразу возникла картинная галлерея, которая займетъ значительную часть верхняго этажа Суконницъ, вмѣсто предполагавшагося промышленнаго музея, остающагося, попрежнему, въ стѣнахъ Францисканскаго монастыря. Расщедрились не только художники, но и капиталисты: обильно текли деньги на памятникъ Мицкевичу. Кто-то, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, внесъ 20.000 гульденовъ на пользу общественную. Юбиляръ озабоченъ былъ мыслью, какъ бы на этотъ фондъ и на ожидаемыя въ будущемъ пожертвованія устроить матицу польскую въ Краковѣ, на подобіе чешской, посвященную издательству полезныхъ и популярныхъ книгъ. Эти старанія и заботы совпали съ днями разъѣзда гостей съ юбилея и постепеннымъ опустѣніемъ Кракова, который превратился опять въ то, чѣмъ былъ—городъ гробницъ, церквей, да тихихъ научныхъ занятій, по отношенію къ которымъ онъ является нынѣ главнымъ центромъ польской научной производительности...

Замерли послѣдніе звуки тостовъ и музыки подъ сводами тоннеля Суконницъ, сливавшіеся въ глухой шумъ и гулъ; но тогда-то именно и начался гулъ другого рода, передача подробностей отбытаго празднества во всѣ концы свѣта посредствомъ газетъ. Я не могъ слѣдовать за тѣмъ, какъ раздается этотъ гулъ въ западной Европѣ, но что касается до русской и въ особенности петербургской прессы, то мнѣ казалось, что эта пресса была въ этомъ сильно похожа, по акустическимъ своимъ условіямъ, на описываемый мною краковскій тоннель, съ тою разницею, что въ Краковѣ заглушались одинаково, сливаясь вмѣстѣ, всѣ звуки, а въ русской прессѣ одинъ какой-нибудь выдѣлялся и усиливался насчетъ другихъ, звучалъ протяжно, искажаясь и уклоняясь отъ первоначальной интонаціи. Надъ всѣми событіями юбилея господствовалъ, разумѣется, въ этихъ толкахъ эпизодъ рѣчи Лиске, какъ будто бы въ этомъ эпизодѣ и заключался весь смыслъ юбилея, или, по

крайней мѣрѣ, какъ будто бы этотъ эпизодъ и былъ главнымъ моментомъ празднества. Не стоитъ, конечно, и обсуждать такіе отголоски газетъ, которые поражаютъ столько же невозмутимымъ апломбомъ, сколько и плохимъ знаніемъ фактовъ; но нельзя не обратить вниманіе на письмо изъ Варшавы ректору львовскаго университета, подписанное «Русскимъ, почти бывшимъ на юбилеѣ». Письмо писано лицомъ, знающимъ многія мелочи событія, лицомъ, очевидно, интересовавшимся юбилеемъ, собиравшимся, можетъ быть, ѣхать, но въ концѣ-концовъ вынужденнымъ себя назвать «почти бывшимъ». Авторъ горячо желаетъ сближенія альпійскихъ вершинъ, авторъ винитъ Лиске въ ношеніи повязки пристрастія на глазахъ; все это хорошо, но бѣда въ томъ, что доводы, которыми онъ опровергаетъ рѣчь Лиске, таковы, что легко могутъ каждому придти на мысль слова: врачу—исцѣлися самъ. Но вотъ тутъ-то и обнаруживается, какъ трудно совершиться, при самыхъ сильныхъ желаніяхъ, сближенію вершинъ, вслѣдствіе сумбура въ головахъ и неяснаго пониманія отношеній. Г-нъ «Почти бывшій» и г-нъ Лиске, хотя, повидимому, противники, но въ сущности они вовсе не такъ далеки другъ отъ друга, какъ то кажется съ перваго раза, и родственныя между ними черты бросаются въ глаза: одинъ ищетъ въ прошедшемъ, не было ли какихъ обидъ, другой—не обязанъ-ли кто кому благодарностью. Вмѣсто того, чтобы устранить корень пристрастія, субъективное чувство и поставить вопросъ на почву чисто-практическую, утилитарную, реальную, указать на величайшій интересъ для обѣихъ націй отъ сближенія въ будущемъ и объяснить непосредственно вытекающія изъ сего выгоды, авторъ «Письма» сталъ даже сводить конторскіе счеты, кто чѣмъ кому обязанъ и, относя въ debet счета польскаго народа все, чѣмъ былъ облагодѣтельствованъ когда-либо и кто-либо изъ польскихъ писателей или артистовъ кѣмъ-либо изъ русскихъ или въ Россіи, составилъ счетъ, который нельзя не признать до нѣкоторой степени апте-

карскимъ, такъ какъ нѣкоторыя статьи этого счета невѣрны, а другія спорны. Правильности счета мѣшаетъ все то же и безпрестанно повторяющееся смѣшеніе политическаго съ культурнымъ. Государство по своему назначенію должно ассимилировать инонародные элементы, изъ чего не вытекаетъ, однако, никакой необходимости вытѣснять уже обрѣтающіяся въ предѣлахъ государства культуры. И культуры ассимилируются, но только чрезъ медленное, послѣдовательное и добровольное между собою сближеніе, выражающееся какъ во взаимодѣйствіи, такъ и въ позаимствованіяхъ. Сближаясь, культуры могутъ навсегда сохранять свою индивидуальность, нисколько не мѣшающую наитѣснѣйшему сближенію. Если частица инонародной культуры очутилась по ходу исторіи въ предѣлахъ чуждаго ей, по ея прежнимъ отношеніямъ, государства, то изъ этого голаго факта не вытекаетъ, чтобы она была государству чѣмъ-либо обязана, такъ какъ оно и устранить внезапно эту культуру не въ силахъ. Иное дѣло отношенія между-культурныя; по мѣрѣ сближенія, устанавливаются тѣ связи не благодарности, на которую ни между частными людьми, ни между народами не принято разсчитывать, но—уваженія и дружбы.

Строя все на благодарности, авторъ «Письма» надѣлалъ еще ошибокъ, которыя могутъ дать только весьма легкое оружіе противъ него же. Такъ, онъ утверждаетъ, будто бы Крашевскій, живя въ предѣлахъ Россіи, въ теченіи не 40, какъ сказано въ письмѣ, а 32 лѣтъ своей дѣятельности, соприкасался съ русскою литературою и этому главнѣйше обязанъ тѣмъ, что онъ—Крашевскій. Будучи моложе Мицкевича, Крашевскій сталъ дѣйствовать въ тѣ именно годы, когда, къ сожалѣнію, всѣ связи прервались послѣ 1830 года между обѣими литературами, послѣ чего онѣ отвернулись одна отъ другой и перестали получать о себѣ извѣстія. Десятка два романовъ его переведены на русскій языкъ, но едва ли въ какомъ-либо изъ его произведеній

встрѣчается заимствованіе изъ русскихъ — литературы или быта, идей и сюжетовъ. Другое утвержденіе «Письма» — относительно варшавской сцены — еще болѣе ошибочно, такъ какъ о талантахъ варшавскихъ можно сказать то же, что̀ вообще о талантахъ по отношенію ко всякой театральной дирекціи. На дирекцію, напримѣръ, петербургскую постоянно жалуются, а между тѣмъ, сцены не окончательно оскудѣваютъ талантами; изъ чего опять не слѣдуетъ, чтобы талантами Петербургъ былъ обязанъ дирекціи: они могли являться, несмотря на дирекцію. Авторъ утверждаетъ также, будто бы въ 1828 и 1829 годахъ открыли полякамъ значеніе Мицкевича русскіе критики, заступившіеся за него и защитившіе его отъ варшавскихъ рецензентовъ. Русскіе критики не читали варшавскихъ рецензентовъ тогда такъ же, какъ не читаютъ ихъ теперь, а узнали они Мицкевича потому, что въ Россію пріѣхалъ онъ уже предшествуемый громкою славою: уже его тогда носило на рукахъ все молодое поколѣніе. Наконецъ, авторъ «Письма» приводитъ, какъ самый вѣскій аргументъ правъ на благодарность, такой фактъ, оглашеніе котораго даже и не совсѣмъ деликатно по отношенію къ виновникамъ этого факта. Въ 1844 году Мицкевичъ лишился мѣста въ Collége de France за свой «товянизмъ»; бывшіе его московскіе друзья сложились, собрали значительную сумму, которую и отвезъ въ Парижъ Хомяковъ. Мицкевичъ принялъ даръ, рыдая какъ дитя. Фактъ вѣренъ, онъ прекрасенъ, преданіе сохранило даже цифру денегъ: кажется, 5.000 рублей. Никто изъ сложившихся въ Москвѣ не огласилъ, однако, этого факта, а потому возникаетъ вопросъ, удобно ли автору письма, стороною о томъ узнавшему, дѣлать изъ него употребленіе, котораго не думали дѣлать сами дарители, и потомъ ставить этотъ даръ частныхъ лицъ въ счетъ долга одного народа другому. Но что же доказываетъ при томъ этотъ фактъ? Признательность Мицкевича и его соотечественниковъ слѣдуетъ, конечно,—

но кому? конечно, русскимъ, но русскимъ прошлаго, русскимъ того кружка, отъ котораго остались однѣ могилы, людямъ, которые гораздо горячѣе современниковъ принимали къ сердцу интересы западнаго славянства и несравненно болѣе смыслили въ польско-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскіе, въ особенности Самаринъ, даже Погодинъ и кн. Вяземскій—это гиганты, если сравнить ихъ сужденія съ выводами и соображеніями современной прессы. Въ пониманіи вопроса она отошла назадъ на какіе-нибудь полтора вѣка. И несмотря, однако, на это незнаніе, непониманіе, неумѣніе подойти къ вопросу—сила вещей его ставитъ и выдвигаетъ впередъ, такъ-что, касаясь его, нельзя не отнестись къ нему иначе, какъ со словами, которыя легенда влагаетъ въ уста Галилею: e pur si muove—вопросъ все-таки движется и ищетъ себѣ разрѣшенія.

ПОѢЗДКА ВЪ БРЮССЕЛЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ БРЮССЕЛЬ.

Въ началѣ сентября 1883 года старшина (bâtonnier) сословія адвокатовъ при брюссельскомъ аппеляціонномъ судѣ, Д. Вервоортъ разослалъ къ старшинамъ тѣхъ же сословій во всѣхъ европейскихъ столицахъ слѣдующее приглашеніе:

«М. г. и достоуважаемый собратъ! Сословіе адвокатовъ (*barreau*) при брюссельскомъ аппеляціонномъ судѣ предположило собраться 15 будущаго октября на торжественный обѣдъ по поводу открытія въ нашей столицѣ новаго дворца судебныхъ установленій. Мнѣ поручено обратиться къ вамъ съ призывомъ, чтобы вы, въ качествѣ старшины сословія адвокатовъ въ NN. почтили наше торжество вашимъ присутствіемъ. Праздникъ этотъ усилитъ братскую связь, которая соединяетъ всѣхъ членовъ нашего учрежденія (*ordre*), каковы бы ни были ихъ политическія убѣжденія и народность, умножитъ силу и блескъ (*lustre*) всего адвокатскаго сословія. Мы желаемъ видѣть васъ, м. г. и достоуважаемый собратъ, въ нашихъ рядахъ, въ одеждѣ адвоката, при обрядѣ открытія и имѣть васъ въ нашей средѣ на праздничномъ въ тотъ же день обѣдѣ. Прошу о возможно-скорѣйшемъ отвѣтѣ и надѣюсь, что онъ окажется благопріятнымъ, такъ какъ я лично придаю большее значеніе принятію вами настоящаго призыва. Приношу вамъ увѣреніе въ моихъ чувствахъ товарищескаго сочувствія и высокаго уваженія».

Одно изъ такихъ приглашеній обращено было ко мнѣ, какъ предсѣдательствующему по избранію въ совѣтѣ весьма еще юнаго, имѣвшаго всего только 17 лѣтъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ. Товарищи присовѣтовали мнѣ ѣхать, оказалось нѣсколько свободнаго времени, и потому, не долго думавъ, я, послѣ 64 часовой ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, прибылъ 1 (13) октября въ Брюссель и тотчасъ же пошелъ взглянуть на архитектурнаго великана, на чудо строи-

тельнаго искуства—этотъ величайшій, по сравненіи со всѣми существующими для той же цѣли, дворецъ, посвященный отправленію правосудія. Доселѣ судебныя учрежденія бельгійской столицы помѣщались, съ 1816 г., въ старомъ, перестроенномъ для нихъ, но разрушавшемся отъ ветхости, по-іезуитскомъ монастырѣ.

Уже съ 1840 г. явилось предположеніе о возведеніи новаго зданія и было куплено съ этою цѣлью занятое садомъ мѣсто, принадлежавшее фамиліи Меродъ; проектъ былъ окончательно утвержденъ въ 1862 г., а 31 октября 1866 г. совершена закладка. Итакъ, втеченіи 17 лѣтъ окончена была постройка этого зданія, стȯившая 45 милліоновъ франковъ. Архитекторъ Іосифъ Пёлертъ (на французскій ладъ—Полȧръ) не дожилъ до конца постройки; онъ родился въ 1817 г., умеръ 1879 г. Зданіе судебныхъ мѣстъ занимаетъ собою улицу *Régence*, которая ведетъ къ нему отъ площади *Royale* и доходитъ до главнаго, служащаго для входа, фронтона. Съ улицы входъ прямо на главную лѣстницу; съ трехъ же остальныхъ сторонъ этого огромнаго параллелограма зданіе пришлось опереть на подвалахъ, по причинѣ склона почвы въ этой мѣстности къ нижнему городу. Поэтому, съ обѣихъ боковъ и сзади зданіе представляется трехъэтажнымъ, считая подвальную часть. Объ общихъ размѣрахъ его можно составить понятіе изъ слѣдующихъ цифръ. Оно занимаетъ площадь въ 26.600 кв. метровъ, стало быть, превышаетъ на 6.000 метровъ пространство, занимаемое соборомъ св. Петра въ Римѣ. Высота, отъ пола въ залѣ des Pas Perdus (напрасныхъ шаговъ), находящейся подъ среднимъ куполомъ—до короны на вершинѣ этого купола, равняется 97 метрамъ. Въ зданіи этомъ помѣщаются всѣ судебныя учрежденія, включая военные суды, общія установленія обѣихъ инстанцій, суды мировые, прокуратура, палата судебныхъ слѣдователей, библіотека, кассаціонный судъ, 27 большихъ залъ для судебныхъ засѣданій и 245 меньшихъ внутреннихъ помѣщеній.

Не легко сперва оріентироваться въ такой совокупности безчисленныхъ лѣстницъ, проходовъ и корридоровъ, служащихъ какъ бы венами и артеріями для обращенія въ этомъ огромномъ тѣлѣ—вереницы людей и массы воздуха. При помощи восьми внутреннихъ дворовъ достигается удовлетворительное освѣщеніе самыхъ отдаленныхъ уголковъ. Колоссальная каменная башня, поддерживаемая двухъэтажной колоннадой—вдвое выше башни св. Гудуліи въ Брюсселѣ—господствуетъ надъ окрестностью и видна отовсюду въ районѣ нѣсколькихъ миль и такъ же бросается въ глаза, какъ ротонда зданія всемірной выставки въ Вѣнѣ. Размѣры зданія, конечно, свидѣтельствуютъ лишь о великости средствъ, бывшихъ въ распоряженіи строителя. Затѣмъ, спрашивается, чего онъ этими средствами достигъ? Вѣкъ нашъ, какъ извѣстно, бѣденъ оригинальными идеями въ архитектурѣ и обыкновенно довольствуется безвкуснымъ эклектизмомъ, или поддѣлывается подъ стили вѣковъ давнихъ. Въ Бельгіи, странѣ вліятельной буржуазіи, построившей такія великолѣпныя ратуши, какъ брюссельская, ипрская, брюжская, и такіе соборы, какъ антверпенскій и св. Гудуліи въ Брюсселѣ, казалось бы, и въ данномъ случаѣ было всего ближе поддѣлаться подъ стиль готическій, то есть пойдти той же дорогой, которой слѣдуетъ архитектура современной Вѣны, въ новыхъ зданіяхъ на рингахъ. Для Пёлерта это представлялось тѣмъ легче, что̀ имъ же построена прелестная готическая церковь св. Маріи въ Лэкенѣ. Но на этотъ разъ бельгійскій художникъ устоялъ противъ такаго искушенія и создалъ нѣчто удивительное и замѣчательно своеобразное, избравъ себѣ за исходную точку соображенія свойства логическаго.

Дѣло въ томъ, что тѣ законы, которые примѣняются судами въ Бельгіи XIX вѣка, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго со средними вѣками, тогдашними учрежденіями и идеями: съ кастами, таинственностью, полумракомъ цвѣтныхъ стеколъ, съ готикомъ, авторитетомъ

откровенія и религіозностью. Фламандско-германскія основы бельгійскаго общества уже почти непримѣтны, а та цивилизація, которая на нихъ утвердилась, есть вполнѣ свѣтская, языческая, романская. Она слагается изъ преданій древняго Рима, переработанныхъ и расширенныхъ гуманистами, изъ идеи равенства всякаго человѣческаго существа передъ закономъ, изъ понятія о правахъ человѣческой личности, и изъ этихъ-то правъ человѣка выведена логически, раціонально, по методу сходному съ математическимъ, вся система отношеній и учрежденій, обнимаемыхъ, какъ правомъ гражданскимъ, такъ и правомъ публичнымъ. Въ новѣйшемъ обществѣ, основанномъ на правахъ человѣка, функція власти судебной имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ то, какое ей принадлежало въ древности, такъ какъ нынѣ *civitas* представляется уже не однимъ городомъ, а большою страной, всѣмъ народомъ; судъ стоитъ гораздо выше надъ уровнемъ человѣческихъ страстей и мѣстныхъ интересовъ, разбираетъ хладнокровнѣе, является регуляторомъ всей общественной жизни, въ своихъ качествахъ карателя, примирителя или рѣшителя. Судоговореніе происходитъ не подъ открытымъ небомъ, на рыночной площади, но въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, которыя, однако, столь обширны, что въ нихъ можетъ помѣститься больше народу, чѣмъ сколько вмѣщало *forum*. Для дѣйствій суда нѣтъ различія—находится ли передъ нимъ одинъ лишь слушатель, или ихъ нѣсколько, или за процедурою слѣдятъ проходящія молчаливо, какъ тѣни, смѣняющіюся тысячи людей.

И вотъ, внѣшній видъ зданія не даетъ точнаго понятія о судебномъ его назначеніи; видно только, что дворецъ этотъ предназначенъ для отправленія дѣлъ общественныхъ: быть можетъ что—судъ, а можетъ—дворецъ парламента. На первую мысль могутъ предпочтительно навести развѣ тѣ колоссальныя статуи, съ какими, тотчасъ уже при входѣ, встрѣчается глазъ: четыре изъ нихъ стоятъ въ сѣняхъ; это—Ликургъ, Демосѳенъ, Цицеронъ

и Ульпіанъ; еще четыре возвышаются на башнѣ, подъ самымъ куполомъ; это—олицетворенныя отвлеченности: законъ, правосудіе, сила и милосердіе. Войдя внутрь, мы уже замѣчаемъ, что находимся въ помѣщеніи множества судебныхъ установленій, равно для всѣхъ открытыхъ и доступныхъ. Въ орнаментаціи лѣстницъ, крылецъ, галлерей соблюдены скромность и простота и не употреблено иныхъ матеріяловъ, кромѣ желтоватаго гранита въ колоннахъ и мраморныхъ крупныхъ плитокъ, изъ которыхъ сложенъ полъ. Роскошь проявляется лишь въ залахъ засѣданій, гдѣ разукрашены золотомъ прекрасные, рѣзнаго дуба, потолки, а стѣны обложены, въ красивыхъ узорахъ, дорогимъ, разноцвѣтнымъ мраморомъ. Картинъ нѣтъ вовсе. Въ прежней залѣ кассаціоннаго суда находились двѣ хорошія историческія картины: отреченіе Карла V—Галлета и сговоръ дворянства въ 1566 году противъ инквизиціи—кисти Біефве, но теперь обѣ перенесены въ музей. Въ судѣ нѣтъ не только картинъ и статуй, но даже никакого символа—ни портрета главы государства, ни распятія. Пёлертъ употребилъ для постройки элементы и мотивы главнымъ образомъ греческіе и римскіе, какъ колоннады, арки, но онъ воспользовался еще и иными, болѣе древними и массивными, восточными, которые заимствовалъ изъ Египта и Ассиріи, и всѣ эти арки, колоннады, пилястры и исполинскія трапеціи такъ хорошо согласовалъ, что изъ нихъ составилось, дѣйствительно, прекрасное и величественное цѣлое, передъ которымъ зритель чувствуетъ себя малымъ, какъ и должна сознавать себя единичная личность въ виду вѣковыхъ учрежденій и передъ неодолимой логикой той *ratio scripta*, какую представляетъ мудро составленный судебный кодексъ.

Таковы хорошія, импонирующія стороны этой новой постройки; но есть и отрицательная сторона, которую не замедлили указать газеты. Зданіе, вообще, слишкомъ велико, оно представляется непропорціональнымъ для Бельгіи и годилось-бы скорѣе для помѣщенія въ немъ

какихъ-либо международныхъ судилищъ, о которыхъ нынѣ можно только мечтать, которыхъ, пожалуй, и никогда не будетъ. Радикальная еженедѣльная газета «*Tirailleur*» оплакиваетъ тѣ милліоны, какіе поглотилъ этотъ «исполинскій каменный пирогъ, вавилонскій, циклопскій, предназначенный на жилище прекрасной дамы, носящей на глазахъ повязку». Высказывались сѣтованія на излишнюю роскошь, почти буквально тѣ-же, какія выражались въ Галиціи русинами по поводу открытія зданія, выстроеннаго для сейма, при чемъ необходимо указать на то различіе, что Галиція — страна бѣдная, между тѣмъ какъ для богатой, промышленной Бельгіи, къ тому-же обезпеченной трактатами отъ войнъ, издержка десятковъ милліоновъ составляетъ пустяки. А впрочемъ, помѣщеніе значительныхъ капиталовъ въ произведеніяхъ искуства не можетъ считаться непроизводительнымъ. Недавно кто-то оцѣнивалъ въ милліарды франковъ то богатство, какое нынѣшняя Италія наслѣдовала отъ древности и эпохи Возрожденія, такъ какъ однихъ процентовъ въ наличныхъ деньгахъ Италія получаетъ ежегодно до 50 милліоновъ франковъ въ тѣхъ расходахъ, какіе производятъ въ ней посѣщающіе ее иностранцы.

Самое открытіе зданія судебныхъ мѣстъ носило на себѣ печать исключительно національную; въ обрядѣ этомъ участвовали лишь члены правительства и судебныхъ учрежденій. Изъ всего судебнаго сословія одно только сословіе адвокатовъ постаралось придать событію значеніе международное, обратившись къ такимъ-же сословіямъ въ главныхъ городахъ Европы съ просьбой объ участіи въ торжествѣ. Представителей Америки не было. Г. Кокъ (Coke), адвокатъ изъ Лондона, замѣтилъ мнѣ по этому поводу, что въ Соединенныхъ Штатахъ «каждый *Янки*—отчасти адвокатъ». Изъ европейскихъ странъ не были представлены только государства скандинавскія и малоизвѣстныя балканскія. Изъ прочихъ государствъ были приглашены представители адвока-

туры не только тѣхъ странъ, гдѣ сословіе это имѣетъ корпоративную организацію, но и тѣхъ (Германіи и Австріи), гдѣ есть адвокаты, но не существуетъ совѣтовъ, представляющихъ сословное устройство и самоуправленіе, снабженныхъ дисциплинарной властью надъ членами сословія.

Два дня—13 и 14 октября—были посвящены взаимному ознакомленію гостей и хозяевъ, визитами, обмѣну мыслей и впечатлѣній. Хозяева, т.-е. члены дисциплинарнаго совѣта и коммиссіи по устройству банкета адвокатовъ, высказали большую предупредительность и услужливость. Крайне благосклонно и симпатично было отношеніе къ пріѣзжимъ г. Вервоорта, бывшаго предсѣдателя палаты депутатовъ, 70-лѣтняго старца, живаго и бодраго еще, славнаго оратора, политика, адвоката и дилетанта-живописца, доселѣ еще пишущаго масляными красками. Въ самый день торжества, 15 октября, съ утра была прекращена ѣзда на улицѣ *Régence*, и брюссельскій совѣтъ адвокатовъ, собравшись на улицѣ *Sablon*, въ домѣ одного изъ своихъ членовъ Э. де-Мота, принималъ пріѣзжихъ гостей. Оттуда мы отправились *in corpore* пѣшкомъ къ дворцу, къ которому уже со всѣхъ сторонъ открылся доступъ, такъ какъ окружавшіе его временные заборы были разобраны. На улицѣ, мимо насъ, двигались, съ хорами музыкантовъ во главѣ, отряды національной гвардіи въ мундирахъ, а также выстроенные въ колонны рабочіе, принимавшіе участіе въ постройкѣ. Рабочихъ этихъ было 2.500, и среди нихъ каждое ремесло имѣло свое знамя или значекъ съ надписями: «мостильщики», «столяры», «каменьщики» и т. д. Многимъ изъ нихъ роздана была наканунѣ правительственная медаль для ношенія.

Во второмъ этажѣ, рядомъ съ помѣщеніемъ кассаціоннаго и аппеляціоннаго судовъ, товарищи мои занялись возложеніемъ на себя профессіональныхъ своихъ тогъ и беретовъ. Англичане надѣли шерстяные парики, берлинскіе и дрезденскіе нѣмцы—старосвѣтскіе береты

такой формы, какую можно видѣть на фигурахъ Гольбейна и Дюрера, въ какихъ изображаются Эразмъ Роттердамскій или Гуттенбергъ. Испанцы облеклись въ свои мантіи съ бархатными пелеринами, обшитыми кружевами. Одни австрійцы и адвокаты, состоящіе при лейпцигскомъ рейхсгерихтѣ не имѣли никакихъ особыхъ одѣяній, ни даже знаковъ. Мнѣ пришлось объяснять значеніе значка, приколотаго къ моему фраку, причемъ оказалось, что онъ похожъ на ту колонну, которая возвышается надъ зданіемъ судовъ (столбъ съ надписью: «законъ» и сверху корона). Помѣщеніе, предназначенное для адвокатовъ, гдѣ и происходило это переодѣванье, очень велико, съ особыми комнатами для старшины и для дисциплинарнаго совѣта, съ большой библіотечной залой, служащей также для годичныхъ общихъ собраній сословія, и отдѣльной совѣщательной комнатой для начинающихъ адвокатовъ или помощниковъ (avocats stagiaires).

Затѣмъ, насъ ведутъ внизъ, въ залу des Pas Perdus, гдѣ отъ входа до трона, устроеннаго на невысокой эстрадѣ, вытянутъ шпалерами полкъ гидовъ. Публики на лѣстницѣ и въ верхнихъ галлереяхъ находится отъ 8 до 10 тысячъ. Вотъ посреди выстроенныхъ гидовъ идутъ навстрѣчу королю, пàрами, въ красныхъ мантіяхъ, обрамленныхъ горностаемъ, члены кассаціоннаго суда, въ числѣ которыхъ, опираясь на трость, шествуетъ древній старецъ Тилеманъ, бывшій еще членомъ того народнаго конгресса 1830 г., который добылъ для Бельгіи независимость. За ними идутъ, также въ красныхъ мантіяхъ, но безъ горностоя, члены суда аппеляціоннаго, а далѣе—судьи первой инстанціи—въ мантіяхъ черныхъ. Прибытіе короля возвѣстила военная музыка, заигравъ національный гимнъ «La Brabançonne». Къ этому моменту уже заняли приготовленныя для нихъ мѣста депутаціи отъ сената, палаты представителей и иныхъ государственныхъ учрежденій, дипломатическій корпусъ, министры, генералы, губернаторы провинцій и предста-

вители духовенства всѣхъ исповѣданій. Король и королева помѣстились на приготовленной особой эстрадѣ.

Самый обрядъ открытія произошелъ, безъ какой-либо церковной службы, слѣдующимъ образомъ: король, стоя, выслушалъ три адреса, прочитанные министромъ юстиціи Бара, старшимъ предсѣдателемъ кассаціоннаго суда де-Ланжé и старшиной (bâtonnier) адвокатовъ Вервоортомъ, а на каждый адресъ король далъ отвѣтъ, говоря медленно, выбирая и взвѣшивая слова. Содержаніе первыхъ двухъ адресовъ и отвѣтовъ на нихъ короля нельзя было разслышать при шумѣ движеній и голосовъ тысячной толпы, среди которой вовсе не соблюдалось безусловныхъ порядка и молчанія, какъ бы можно было ожидать. Уже потомъ, изъ газетъ, мы узнали отвѣтъ короля, данный министру юстиціи: король провозгласилъ, что зданіе судовъ открыто и предоставлено судопроизводству, при чемъ заявилъ магистратурѣ, что зданіе это должно служить эмблемою подобающаго закону уваженія, а также высокаго положенія, какое предоставлено власти судебной конституціею, наравнѣ съ властями законодательною и исполнительною.

Но когда выступилъ для произнесенія рѣчи Вервоортъ, мы толпою двинулись за нимъ къ самой эстрадѣ, съ которой ясно донеслись до насъ слова монарха, запечатлѣнныя благосклонностью и признаніемъ заслугъ профессіи, слова, способныя пробудить справедливую гордость въ сердцахъ моихъ бельгійскихъ сотоварищей. Вотъ что сказалъ король:

«Меня очень тронули чувства, выраженныя мнѣ адвокатскимъ сословіемъ, а также высказанный имъ горячій патріотизмъ. Мнѣ извѣстны великія качества бельгійской адвокатуры и таланты ея членовъ. Таланты эти проявлялись не только предъ рѣшетками судебныхъ залъ: члены адвокатуры, въ теченіи полувѣка, принимали широкое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Государственные люди, которые, начиная съ 1830 года, направляли нашу политику, въ большинствѣ, были членами адвокатскаго сословія. Присутствующіе нынѣ здѣсь министры всѣ были адвокатами. Храню увѣренность, что краснорѣчивые голоса членовъ адвокатуры всегда будутъ раздаваться и впредь, въ оборонѣ общественнаго дѣла и для поддержки всего, что можетъ поднять народное

благосостояніе. Мнѣ пріятно также поздравить и привѣтствовать въ Бельгіи членовъ адвокатуры заграничной, которые пожелали присутствовать при нынѣшней церемоніи.

Громкое и всеобщее Vire le Roi! раздалось въ собраніи по окончаніи королевской рѣчи. Затѣмъ король обратился съ нѣсколькими словами къ вдовѣ и дочери архитектора Пёлерта, на могилу котораго въ Лекенѣ, въ самое время торжества открытія зданія, депутація архитектурнаго общества возлагала вѣнокъ изъ иммортелей. Упомянутыя дамы были тутъ же представлены королю министромъ юстиціи, который, когда онѣ откланялись, пошелъ впереди короля и королевы, показывая имъ главные пункты и залы зданія и, наконецъ, привелъ ихъ величества въ залу засѣданій кассаціоннаго суда, гдѣ въ это время происходило торжественное собраніе обоихъ отдѣленій. Король и королева окруженные дворомъ и дипломатическимъ корпусомъ, заняли мѣста въ этой залѣ.

На трибунѣ мы увидѣли генеральнаго прокурора Федера (Faider). Въ Бельгіи, какъ извѣстно, съ самаго основанія этого государства, вся внутренняя политика сводится на неустанную и монотонную борьбу между скептическимъ либерализмомъ, придерживающимся началъ 1789 года и католицизмомъ, который проникнутъ принципомъ ультрамонтанства. Вышедшія на другой день католическія газеты (*Courrier de Bruxelles* и др.) сильно напали на Федера, уличая его рѣчь въ атеизмѣ, идолопоклонствѣ предъ государствомъ и чрезмѣрномъ восхваленіи юристовъ, которыхъ идеалъ заключается въ отвращеніи душъ отъ церкви и въ отданіи всего на свѣтѣ исключительно Кесареви. Привожу одну буквальную выписку:

«Г. Федеръ поставилъ дьяволу большую, яркую свѣчу въ образѣ двоякой Ѳемиды—покровительницы и мстительницы (судъ гражданскій и уголовный). Можно было полагать, что этотъ классическій идолъ навсегда уже погребенъ, но прокуроръ откопалъ его и поклонялся ему раскачивая свое паникадило».

Поистинѣ, для человѣка, непогруженнаго въ мѣстныя отношенія, долженъ былъ представиться нѣсколько неожиданнымъ гнѣвъ, вызванный этой растянутой на цѣлый почти часъ рѣчью, обильно утканной цвѣтами классической риторики и пропитанной юридической метафизикой, которая представляетъ своего рода теологію. Ораторъ превозносилъ мудрость бельгійской конституціи, которая, «установляя отдѣльность трехъ главныхъ властей въ государствѣ, по существу ихъ, объединяетъ ихъ въ тоже время въ цѣляхъ ихъ дѣятельности, а поставивъ на двухъ полюсахъ—короля и судъ, создала для общественнаго порядка двоякое основаніе: королевскую власть вѣчную, въ силу ея наслѣдственности, и судъ также безсмѣнный, по личной несмѣняемости судей, двѣ могучія прерогативы, которыя объединяетъ общая цѣль. Дворецъ судебныхъ мѣстъ великъ, ибо юстиція въ Бельгіи одна для всѣхъ и распространяется на всѣ отношенія между людьми. Юстиція же воплощаетъ торжество мудрости и, по словамъ Сенеки, являетъ собой примѣсь божественнаго духа въ человѣческихъ учрежденіяхъ (in corpus humanum pars divini spiritus mersa). И вотъ, верховные жрецы этого божества—юстиціи—поборoли феодализмъ, возвысивъ власть королевскую, а потомъ осуществили ту революцію, которая дала обществу гарантіи, и основали бельгійскую конституцію».

Ораторъ изложилъ затѣмъ основныя идеи художника Пёлерта, объяснялъ значеніе каждой части зданія и каждой статуи. Чѣмъ былъ Парѳенонъ для Аѳинъ и для Рима Капитолій, тѣмъ, по словамъ генеральнаго прокурора, будетъ для Бельгіи этотъ дворецъ судовъ— символъ гражданскаго равенства передъ судомъ и всеобщей надъ всѣми власти послѣдняго. Оптимизмъ въ высказанномъ при этомъ упованіи относительно незыблемости государства, основаннаго на неуклонномъ соблюденіи закона, нѣсколько отзывался идилліею, которую опровергаетъ происходящее почти на цѣломъ свѣтѣ. Сила доселѣ идетъ впереди права и полувѣковое спокойное

существованіе Бельгіи представляетъ собой только счастливую случайность, которой можетъ внезапно положить конецъ какое-либо общеевропейское столкновеніе; въ немъ легко можетъ утонуть и прекрасная утопія, что justitia—regnorum fundementum.

Звуки трубъ гражданской гвардіи возвѣстили на площади, въ половинѣ втораго, появленіе королевской четы на крыльцѣ судебнаго дворца. Передъ королемъ прошли всѣ отдѣлы арміи рабочихъ, которые подносили букеты. Король обратился къ этимъ группамъ съ нѣсколькими словами, высказывая, что зданіе будетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и постоянной выставкой для многихъ изъ важнѣйшихъ видовъ народной промышленности и упомянулъ, что его постоянно занимаетъ работа о расширеніи горизонта для производительности страны, объ открытіи новыхъ рынковъ для бельгійской промышленности.

Когда король съ королевой уѣхали въ золоченыхъ каретахъ, сопровождаемые дворомъ, всѣ ворота и двери дворца открылись передъ народомъ, необозримыя черныя массы котораго занимали сосѣднія улицы и площади. Ввалившіяся внутрь зданія толпы имѣли весьма смѣшанный характеръ, такъ какъ среди нихъ не было недостатка и въ подонкахъ городскаго пролетаріата, и въ уличныхъ мальчишкахъ. Въ только что открытомъ зданіи эта чернь вела себя какъ татарская орда. Произошла давка, съ обрываніемъ платьевъ, срываніемъ обоевъ, влѣзаньемъ на судейскія кресла, великимъ загрязненіемъ половъ. Пришлось вступиться полиціи, пожарной командѣ и вооруженной силѣ, пустить въ ходъ сабли и приклады.

Въ то время, какъ уличныя толпы столь некрасиво вели себя въ новомъ зданіи судовъ, въ большой залѣ королевскаго дворца, въ 3 часа, происходилъ пріемъ сановниковъ, дипломатовъ, магистратуры, старшинъ бельгійскихъ адвокатовъ и адвокатовъ, прибывшихъ изъ-за границы. Этихъ послѣднихъ представляли королю по-

очередно послы разныхъ государствъ. Лица, принадлежащія къ судебному персоналу, какъ и адвокаты, были во фракахъ, безъ всякаго знака отличія ихъ профессіи. Пріемъ продолжался часа два, такъ какъ бельгійскій монархъ останавливался передъ каждымъ изъ представляемыхъ ему лицъ и для каждаго находилъ нѣсколько соотвѣтственныхъ и любезныхъ словъ, упоминая объ отечествѣ своего гостя и задавая вопросы относительно личныхъ его впечатлѣній. Тотъ, кто не былъ приготовленъ къ такому пріему, долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе и призвать на помощь всю свою находчивость, чтобы съ толкомъ отвѣтить на задаваемые королемъ вопросы. Леопольдъ II славится необыкновенной памятью, отличается искуствомъ обращаться съ людьми и владѣетъ большими, даже техническими, познаніями по многимъ спеціальностямъ. Раутъ во дворцѣ окончился переходомъ въ другія залы, гдѣ были поставлены буфеты, обильно снабженные фруктами, печеньемъ, винами и прохладительными напитками.

Мы имѣли приглашеніе къ 7 часамъ во «дворецъ искуствъ (на улицѣ Régence)», на банкетъ, устроенный брюссельскою адвокатурою, на ея счетъ. Здѣсь, въ большой продолговатой залѣ, въ два свѣта, предназначенной для выставокъ, стоялъ почетный столъ, расположенный подковою, отъ котораго шли тремя паралелльными между собой линіями еще три стола, во всю длину залы.

За обѣдъ сѣло, какъ говорили, 450 чел. На срединномъ мѣстѣ, за почетнымъ столомъ сидѣлъ г. Вервоортъ, съ правой стороны его — маститый президентъ совѣта министровъ Фреръ-Орбанъ, котораго я слышалъ на парламентской трибунѣ еще въ 1859 г. и тогда, какъ и теперь, бывшаго министромъ; мѣсто съ лѣвой стороны Вервоорта занималъ министръ юстиціи Бара̀. Далѣе обѣдающіе размѣщались въ слѣдующемъ порядкѣ: по обѣимъ дугамъ стола иностранные гости разсажены были попеременно съ министрами, высшими чинами магистратуры и административными сановниками. Чтобы назвать только нѣсколь-

кихъ иностранцевъ, упомяну, что по правой сторонѣ сидѣли Дорнъ, представитель адвокатовъ при лейпцигскомъ рейхсгерихтѣ, моя особа, Вандерлинденъ изъ Гаги, Манеччи изъ Рима, Вольфъ изъ Дрездена, Лессе изъ Берлина, по лѣвой же, за г. Бара́—Фалатёфъ, старшина парижскій, Бугаллали изъ Мадрида, Кокъ изъ Лондона, Мидози изъ Лиссабона, Іоганни изъ Вѣны и мн. д. Мое мѣсто пришлось между Ван-Гумбэкомъ, министромъ просвѣщенія въ тогдашнемъ, либеральномъ кабинетѣ, и Бернартомъ (Beernaerd), бывшимъ министромъ общественныхъ работъ въ прежнемъ, католическомъ министерствѣ, занимавшемъ теперь должность прокурора въ кассаціонномъ судѣ.

Бесѣдуя со мной, г. Бернартъ высказалъ взглядъ, что соціализмъ не можетъ распространиться въ Бельгіи, такъ какъ низшіе классы народа глубоко преданы католицизму, а сверхъ того самый духъ народа, склонный къ ассоціаціямъ, производитъ, что каждый рабочій уже съ молодыхъ лѣтъ принадлежитъ къ какому-нибудь организованному товариществу, и что товарищеская связь, какъ привитая оспа, предохраняетъ его отъ союзовъ и заговоровъ соціалистическихъ. «Взгляните, говорилъ онъ,—вотъ тамъ, наискось отъ насъ, сидитъ Жансенъ, талантливый человѣкъ, замѣчательный ораторъ; мы тутъ съ сосѣдомъ Фреръ-Орбаномъ — противники, такъ какъ принадлежимъ онъ—къ либеральному лагерю, я къ католическому; но тотъ, третій—нашъ общій врагъ и Фреръ-Орбанъ ненавидитъ его больше, чѣмъ наша католическая партія. Жансенъ—демократъ, радикалъ и республиканецъ. Есть ихъ нѣсколько человѣкъ въ палатѣ, но пока немного». Г. Бернартъ соглашался, что давнишнее общее дѣленіе партій на либераловъ и католиковъ уже подверглось разложенію, и что приготовляется новая группировка партій.

Обѣдъ былъ обильный и очень продолжительный. Рѣчи начались только за десертомъ. Было условлено, что ихъ будетъ всего три: хозяина банкета Вервоорта,

одного изъ старшинъ (bâtonniers) провинціальныхъ и одного изъ иностранныхъ. Каждую рѣчь слушали стоя, поднимаясь по знаку предсѣдательствующаго и сигналу, который игралъ стоявшій позади его трубачъ. Г. Верворть провозгласилъ тостъ за короля, вызвавшій громкія рукоплесканія, а окончилъ выраженіемъ благодарности иностраннымъ гостямъ и пожеланіемъ, чтобы этотъ первый международный съѣздъ адвокатовъ содѣйствовалъ практическому осуществленію, хотя бы въ малой мѣрѣ, идеи братства между народами. Подобнымъ результатомъ могло-бы быть соглашеніе относительно оказыванія помощи юридическимъ совѣтомъ недостаточнымъ иностранцамъ, принужденнымъ предстать предъ судомъ въ чужой странѣ или обратиться къ нему. Передъ банкетомъ долго толковали относительно выбора того оратора, который долженъ былъ говорить отъ имени всей иностранной адвокатуры: выборомъ нѣмца оскорбились-бы французы и наоборотъ; уже хотѣли остановиться на испанцѣ Бугаллалѣ, несмотря на неособенное владѣніе имъ французскимъ языкомъ. Однако, когда пріѣхалъ г. Фалатёфъ, котораго не ожидали навѣрное, то вѣсы склонились все-таки на сторону Франціи. При этомъ выказывалось уваженіе какъ къ блестящему таланту парижскаго bâtonnier, такъ и къ первой, наиболѣе славной адвокатурѣ всего европейскаго материка.

Впрочемъ, г. Фалатёфъ не вполнѣ оправдалъ ожиданія, не по отношенію къ формѣ, которая была прекрасна, но относительно самаго содержанія рѣчи. Будучи защитникомъ духовныхъ конгрегацій во Франціи въ ихъ борьбѣ съ нынѣшнимъ правительствомъ, г. Фалатёфъ внесъ въ свою рѣчь упомянутый, домашній раздоръ. Это было особенно неумѣстно въ странѣ нейтральной, строго-конституціонной и, дѣйствительно, столь свободной, что тамъ чье-либо выступленіе въ защиту стороны слабѣйшей и угнетаемой вовсе не представляется какимъ-либо геройствомъ или хотя-бы особою заслугой, а считается самымъ естественнымъ дѣломъ,

хотя и самые поводы къ нему лишь изрѣдка могутъ представляться въ Бельгіи, гдѣ притѣсненіе является развѣ въ видѣ исключеній, такъ какъ тамъ свобода существуетъ не только въ текстѣ законовъ, но въ дѣйствительной, повседневной жизни и въ самыхъ нравахъ. Вотъ главное мѣсто изъ рѣчи г. Фалатёфа:

«Мы принадлежимъ разнымъ странамъ и вскорѣ разъѣдемся, но это не разобщитъ насъ, если насъ сближаетъ сознаніе важности нашего призванія. Великій Беррье сказалъ объ адвокатурѣ, что въ ней «гражданинъ всегда находитъ оплотъ противъ гнѣва и насилій власти, противъ нарушителей закона и противъ преслѣдованій». Кто-же изъ моихъ сотоварищей не раздѣляетъ этого взгляда Беррье? Если продержится благородный духъ, который проявился втеченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, то неужели останется еще въ Европѣ хотя-бы одна страна, гдѣ какое-либо попраніе правъ, какое-либо угнетеніе не вызывали-бы тотчасъ на борьбу съ собою голосовъ изъ среды уважающей себя адвокатуры? Эти чувства, лежащія въ общемъ нашемъ сознаніи, мы удостовѣряемъ союзомъ нашимъ и они-то придаютъ настоящему торжеству нѣкоторую черту величія».

Въ художественномъ кружкѣ, въ паркѣ, гдѣ мы провели конецъ вечера, заявленіе парижскаго адвоката подверглось критикѣ, какъ неумѣстное и нетактичное.

Такъ прошелъ день торжества по случаю открытія судебнаго дворца. На слѣдующее утро мы были приглашены въ Антверпенъ г. Вервоортомъ, который былъ депутатомъ отъ этого города въ то время, когда занималъ мѣсто президента въ палатѣ представителей, бургомистромъ же въ Антверпенѣ состоялъ теперь зять его, г. де-Валь. Проливной дождь втеченіи цѣлаго дня значительно помѣшалъ успѣху нашей поѣздки. Съ вокзала желѣзной дороги насъ отвезли въ десяткѣ слишкомъ приготовленныхъ каретъ—въ городскую ратушу. Здѣсь, въ большой залѣ, украшенной картинами Генриха Лейса, насъ приняли бургомистръ и ратманы, стоявшіе за столомъ, вокругъ котораго происходятъ засѣданія. По просьбѣ магистрата, гости вписали свои имена въ золотую книгу ратуши. Затѣмъ, мы осматривали прекрасную антвер-

пенскую биржу, построенную въ готическомъ стилѣ, и единственный въ своемъ родѣ Плантено-Моретовскій музей. Въ 1544 г. прибылъ въ Антверпенъ французъ Плантенъ, устроилъ здѣсь типографію съ книжнымъ магазиномъ и составилъ себѣ большое состояніе. Въ этомъ обширномъ, выстроенномъ въ квадратъ домѣ царствовала цѣлая династія Плантеновъ. а потомъ наслѣдниковъ ихъ по женской линіи Моретовъ. И вотъ, здѣсь сохранились всѣ употреблявшіеся въ разныя времена типографскіе станки и приборы, такъ что по нимъ можно прослѣдить развитіе искуства книгопечатанія и связанныхъ съ нимъ промысловъ отъ самой его колыбели, отъ времени инкунабулъ до конца XVII столѣтія. Домъ этотъ, съ содержащимися въ немъ коллекціями, былъ купленъ городомъ отъ послѣдняго владѣльца, какъ говорятъ — за полцѣны, хотя заплачено было полтора милліона франковъ.

По случаю дождя, мы не воспользовались приготовленнымъ пароходомъ, который долженъ былъ провезть насъ по Шельдѣ и въ портъ. Около 2 часовъ, въ отелѣ Bertrand мы сѣли за завтракъ, въ числѣ 54 чел., такъ какъ нѣкоторые изъ гостей уже уѣхали изъ Брюсселя и въ числѣ ихъ Фалатёфъ. Благодаря нѣсколькимъ встрѣчамъ втеченіи двухъ дней, мы уже успѣли познакомиться, и отношенія между нами приняли характеръ нѣкоторой близости и веселой непринужденности. Вервоортъ, котораго, наполовину въ шутку, а наполовину и серьёзно, мы прозвали международнымъ bâtonnier, старался оживить общество и приглашалъ насъ къ произнесенію спичей. Еще до завтрака брюссельскіе коллеги предупреждали, что отъ насъ ожидаются соотвѣтствующіе случаю образчики ораторства. Первымъ выступилъ г. Дорнъ изъ Лейпцига; высокій, худощавый, съ сильной просѣдью, ораторъ говорилъ на языкѣ нѣмецкомъ, достаточно понятномъ для фламандцевъ, но чуждомъ французамъ. Онъ провозгласилъ тостъ за городъ Антверпенъ, за роскошное его гостепріимство и за антвер-

пенскую адвокатуру. Я говорилъ вторымъ и пусть читатели не посѣтуютъ за то, что передамъ только свои слова, не удержавъ съ достаточной точностью рѣчей моихъ собесѣдниковъ.

«Г. бургомистръ, гг. ратманы и уважаемые сотоварищи, не безъ нѣкотораго колебанія рѣшаюсь я говорить въ настоящемъ собраніи; еслибы я послѣдовалъ примѣру моего предшественника и обратился къ вамъ на моемъ родномъ языкѣ, то я явилъ бы исключительный примѣръ такого оратора, который включалъ бы въ лицѣ своемъ и единственнаго своего слушателя. Поэтому прошу вашего снисхожденія къ шероховатости акцента и нескладности формы въ словахъ чужеземца. Другой причиной смущенія служитъ для меня то обстоятельство, что предшественникъ мой уже сказалъ то, что я имѣлъ на языкѣ, такъ какъ, прося слова, я желалъ именно благодарить за великолѣпное гостепріимство, которое предупреждало не только всѣ наши потребности, но и малѣйшія желанія. Итакъ, я возьму иную точку отправленія и не буду говорить въ качествѣ адвоката. Въ лицѣ каждаго изъ насъ съ человѣкомъ данной профессіи соединяется еще человѣкъ образованный и гражданинъ міра. Всѣ мы, до нѣкоторой степени, являемся именно и всемірными гражданами. Для всѣхъ насъ, кромѣ собственной родины, есть еще и общее, идеальное отечество, а въ этомъ отечествѣ непослѣднее мѣсто занимаетъ Бельгія. Кто же изъ насъ не продумалъ и не прочувствовалъ того, что чувствовалъ и думалъ Эгмонтъ, идя на казнь, кто могъ пройдти равнодушно мимо двухъ бронзовыхъ героевъ на площади Sablon, окруженныхъ символическимъ вѣнкомъ городскихъ цеховъ и брюссельскихъ рабочихъ, кто не любовался вашими ратушами, музеями, мастерскими произведеніями фламандскаго ренессанса, который уступитъ развѣ только одному итальянскому? Чья мысль не останавливалась надъ благими плодами мира, невозмущеннаго бурями, какія подымались вокругъ васъ, надъ счастливыми ре-

зультатами нейтралитета Бельгіи? Не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ: вотъ, мы сошлись здѣсь, люди разныхъ расъ, славяне, нѣмцы, французы, итальянцы; а вѣдь, каждый изъ представляемыхъ нами народовъ можетъ быть вдругъ призванъ къ оружію и мы вступимъ съ собою въ бой. Но пока это не наступило, пріятно намъ всѣмъ было встрѣтиться на прекрасной, нейтральной почвѣ Бельгіи и мы не можемъ не признать, что было бы хорошо, еслибы всѣ споры между народами разрѣшались не обращеніемъ къ грубой силѣ, но разумнымъ примѣненіемъ тѣхъ же началъ правосудія, которому мы служимъ. Замѣчу только мимоходомъ, что о правосудіи мы, т. е. нѣкоторые изъ вашихъ гостей, имѣемъ понятіе нѣсколько иное, чѣмъ то, какое слышится здѣсь. Вы, господа, смотрите метафизически: въ вашихъ глазахъ юстиція это—гранитная основа всего общественнаго зданія. Мы же склонны болѣе къ взгляду психологическому; намъ правосудіе представляется какъ высшій и послѣдній по времени продуктъ цивилизаціи, какъ башня, идущая кверху и вѣнчающая собою цѣлое зданіе. Въ такомъ направленіи мыслей приходитъ мнѣ желаніе сказать нѣчто такое, чтó можетъ показаться общимъ мѣстомъ—произнести тостъ во славу всей совокупности прогресса, въ честь цѣлой цивилизаціи европейской, которой мы и служимъ какъ солдаты на передовыхъ ея, къ Востоку расположенныхъ, постахъ».

Рѣчи слѣдовали за рѣчами, въ обществѣ проявлялось несомнѣнное оживленіе, охотниковъ произносить спичи все прибывало и проявлявшаяся смѣсь языковъ напоминала о столпотвореніи. Г. Бугаллаль сказалъ рѣчь по-испански, и почти всѣ его поняли; г. Лессе изъ Берлина говорилъ по-нѣмецки, а г. Іоганни изъ Вѣны,—по-французски. Г. Шпизе изъ Базеля указалъ на сходство въ положеніи Бельгіи и Швейцаріи и пилъ за здравіе малыхъ государствъ, болѣе счастливыхъ, чѣмъ колоссы. Г. Улифъ изъ Парижа восхвалялъ антверпенскій ком-

мерческій судъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, которые пріобрѣли наибольшій авторитетъ въ разъясненіи юридическихъ вопросовъ въ области мореплаванія. Въ половинѣ четвертаго мы встали изъ-за стола, а въ половинѣ девятаго я купилъ на брюссельскомъ бульварѣ нумеръ «Étoile belge», въ которомъ уже описывались подробно и поѣздка наша, и завтракъ съ рѣчами. Нѣсколько минутъ спустя, скорый желѣзнодорожный поѣздъ мчалъ насъ къ востоку и сѣверу, въ страны менѣе густо-населенныя, менѣе культурныя и бѣдныя въ сравненіи съ плодородными и цвѣтущими, во всѣхъ отношеніяхъ, Фландріею и Брабантомъ.

ДВѢ НЕДѢЛИ

ВЪ

БОЛГАРІИ.

(Путевыя замѣтки съ 4 по 17 сентября 1878 года).

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ БОЛГАРІИ.

(Путевыя замѣтки съ 4 по 17 сентября 1878 г.).

Прошу напередъ извиненія за корреспонденцію, писанную наскоро и отрывочно, среди гула и гама, продолжающихся и днемъ и ночью на главной улицѣ въ Пера и подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, которыми подавляетъ Стамбулъ туриста, незнакомаго еще съ востокомъ. Не смотря на всѣ помѣхи, я рѣшился сопоставить наблюденія, собранныя во время проѣзда по странѣ весьма мало знаемой—по Болгаріи.

Путешественникъ не имѣетъ подъ рукою никакихъ печатныхъ гидовъ—путеводителей. Онъ сталкивается съ людьми, которыхъ почти не понимаетъ, хотя они говорятъ на славянскихъ нарѣчіяхъ. Иногда ему не удается отыскать на картѣ тѣ города и селенія, которые онъ посѣщаетъ. Очень часто онъ касается вещей и воспоминаній, о которыхъ ему не сообщитъ ничего даже и почтенный ученый трудъ—исторія Болгаріи доктора Константина Иречка, доцента Пражскаго университета. Книга эта появилась почти одновременно въ двухъ переводахъ на русскій языкъ, изъ коихъ лучшій тотъ, который изданъ въ Одессѣ иждивеніемъ болгарскаго патріота Априлова и просмотрѣнъ самимъ авторомъ. Какъ бы ни были поверхностны бѣглыя путевыя замѣтки, онѣ все-таки могутъ принести нѣкоторую пользу, потому что неимовѣрно шибко устраиваются отношенія и возникаютъ непредвидѣнныя осложненія, которыя дипломатія будетъ

потомъ распутывать съ большими усиліями, либо должна будетъ по необходимости признать ихъ совершившимися фактами, хотя они не входили въ программу дипломатическихъ переговоровъ. Жизнь кипитъ, право сталкивается съ правомъ, всюду торчатъ развалины, всюду пропасть обманутыхъ ожиданій и еще не разсѣянныхъ надеждъ. Послѣ каждой недѣли и каждаго мѣсяца положеніе дѣлъ мѣняется, жизнь даетъ въ результатѣ новый образъ отношеній, который не продлится, но и не возобновится, но на всегда изчезнетъ, прежде чѣмъ его успѣли подмѣтить и фиксировать. Всѣ предметы мелькаютъ точно при ѣздѣ курьерскимъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ, не достаетъ времени на размышленія и обобщенія. Я все-таки рѣшаюсь списать наблюденное, хотя знаю, что оно было наблюдаемо недостаточно критически и второпяхъ. Начну мой отчетъ съ маршрута и пейзажей.

Передо мною разстилается великолѣпная, нескончаемая лента желтаго, мутнаго Дуная. Начиная отъ Вуковара вплоть до Новаго Сада съ Петервардейномъ, къ намъ идутъ на встрѣчу поднимающіяся вверхъ по Дунаю громадныя транспортныя суда, нагруженныя солдатами и лошадьми, буксируемыя пароходами и направляющіяся въ Боснію. Все Австрійское подунайское пароходство отдано въ распоряженіе военныхъ властей. Между Землиномъ и Бѣлградомъ прекратились всякіе пароходные рейсы, публика должна довольствоваться простыми рыбацкими челнами. Князь Миланъ осматриваетъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія, Нишъ и Пиротъ, изъ котораго сербы вытѣснили болгарскаго митрополита ради того, чтобы объединить въ церковномъ отношеніи съ Сербіею эту болгарскую часть страны и подчинить ее сербскому митрополиту. Была еще, кромѣ того, попытка захватить часть Болгаріи отъ Виддина къ окрестностямъ Кульи, перенесены были верстъ на 7 пограничные знаки и сторожевые форпосты. Сербы пользовались по мѣрѣ возможности неустроеннымъ положеніемъ Болгаріи. Я

узналъ въ Филиппополѣ, что этотъ захватъ не удался и что возстановлена была затѣмъ старая граница. На Дунаѣ, близъ Орсовы маджіаръ-капитанъ корабля передалъ мнѣ слѣдующее: «такой уже зарокъ на Австріи, что ведетъ она однѣ только непопулярныя войны, какъ, напримѣръ, та настоящая босняцкая, которой никто не желаетъ и которая будетъ намъ много стоить. О, если бы то была какая-нибудь другая война, тогда мы-бы пошли всѣ, какъ одинъ человѣкъ, расплатиться за Вилагошъ». Мы миновали Орсову, раскинутую на холмахъ, со множествомъ минаретовъ, затѣмъ Корабію, съ которой переправлялись румынскія войска, потомъ Никополь, гдѣ притворялись, что будутъ переправляться, а между тѣмъ, приготовленные плоты спущены были до Зимницы. Наконецъ, передъ нами Зимница и Свиштовъ или Систовъ, гдѣ никто не ожидалъ, что будетъ устроена переправа, однако-же, она состоялась и произведена удачно съ малыми потерями, въ 700 человѣкъ вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, которые бы погибли, если бы эти мѣста были дѣльнѣе защищаемы. Мы выходимъ на берегъ въ Руссе или Рущукѣ. Съ высоты пустующихъ нынѣ укрѣпленій на горѣ Левантабіи (въ 4 верстахъ за городомъ) мы созерцаемъ городъ, какъ будто бы онъ былъ у насъ на ладони. Городъ расположенъ на слегка выгибающейся къ сѣверу лукѣ Дуная, точно громадное яйцо, острымъ концомъ къ западу, а пяткою къ востоку. Одинъ его край—это берегъ Дуная, другой—это укрѣпленія, выложенныя гранитомъ, съ равелинами и бастіонами старинныхъ образцовъ, по системѣ Вобана. Левантабія была щитомъ для Рущука со стороны суши и отъ флотиліи, прятавшейся за зеленымъ островомъ на Дунаѣ. Съ этой стороны не долетали до до города ядра и бомбы; бомбардировать приходилось издали отъ Слободзѣи—селенія на другомъ берегу Дуная. Результаты обстрѣливанія были таковы, что нынѣ около 15 процентовъ строеній въ городѣ разрушены, что были сожжены паровая мельница, конакъ паши прави-

теля, множество домовъ и мечетей. Внутри самаго города видны сплошныя зеленыя пятна — это турецкія кладбища, занимающія столь много мѣста во всѣхъ турецкихъ городахъ, что живымъ людямъ тѣсно становится между этими умершими. Большая часть города усѣяна тонкими остроконечіями минаретовъ; нѣтъ этихъ башенокъ въ меньшей и менѣе нарядной болгарской части города, но не видать и церквей, потому что церкви запрятаны подъ землею и надобно опускаться въ эти глубокія катакомбы, едва замѣченныя малымъ крестикомъ и низкою колокольнею. Вдали за Рущукомъ къ востоку расположено румынское Джурджево, въ 4 верстахъ отъ моста, соединяющаго Рущукъ съ другимъ берегомъ Дуная.

Начался рамазанъ. Турецкое населеніе не ѣстъ, не пьетъ, не куритъ табаку до солнечнаго заката, а потомъ бодрствуетъ до трехъ часовъ ночи. Вечеромъ зажигаются ряды плошекъ, на вершинахъ минаретовъ раздаются протяжные призывы къ молитвѣ муэдзиновъ. Джаміи переполнены, горятъ многія тысячи лампадъ, висящихъ на цѣпочкахъ, прикрѣпленныхъ къ сводамъ. Правовѣрные мусульмане мирятся безъ ропота съ тѣмъ, что наша компанія, состоящая изъ гяуровъ, стала у входа въ мечеть, не скидая обуви. Нигдѣ и никогда я не видалъ такого благоговѣйнаго сосредоточенія духа, такого порядка и такой дисциплинировки въ молитвѣ. Усѣлись правильными рядами на цыновкахъ, произносятъ риѳмически слова молитвы, или кладутъ поклоны. Послѣ восхода солнца имѣютъ мѣсто зрѣлища иного рода. Сколько есть площадей въ городѣ, на стольких производится обученіе военной выправкѣ вновь формируемыхъ дружинъ болгарскаго ополченія. Только и слышишь: разъ, два, разъ, два. Обучаютъ русскіе унтеръ-офицеры. Не разъ учитель толкнетъ или потянетъ за ухо не очень понятливаго новобранца. Всѣхъ состояній люди перетасованы въ этихъ рядахъ: есть субъекты въ европейскомъ платьѣ и даже щегольски одѣтые, есть и простые

мужики въ кожаныхъ лаптяхъ или опанкахъ или смазныхъ сапогахъ, опоясанные широкими кожаными поясами. Новобранцы поступаютъ на двухлѣтній срокъ службы усердно и охотно. Я входилъ въ домъ, гдѣ производится пріемъ рекрутъ. Передъ этимъ домомъ стоятъ стражники (бывшіе заптіи) двумя шеренгами. Въ числѣ кандидатовъ въ ополченіе видѣлъ я молодыхъ, старыхъ и даже увѣчныхъ и горбатыхъ. Я слышалъ разсказы о томъ, съ какимъ торжествомъ и какъ парадно происходила явка новобранцевъ къ набору. Являлись сельскія общины съ духовенствомъ во главѣ, съ развернутыми знаменами, съ юнаками, сопровождающими толпу отбывающихъ повинность верхомъ на лошадяхъ. Непріятное впечатлѣніе производилъ приказъ, пока къ нему не привыкли, чтобы подвергающіеся осмотру предъ пріемомъ раздѣвались до-нага. Турки измѣряли только грудную клѣтку своихъ рекрутъ. Принятымъ по жребію въ новобранцы надѣваемы были вѣнки изъ цвѣтовъ на головы. При звукахъ музыки образовались длинные хороводы пляшущихъ или, лучше сказать, медленно въ тактъ топчущихъ землю мужчинъ. Женщина въ турецкихъ земляхъ—низшее существо, она не участвуетъ ни въ бесѣдѣ, ни въ танцахъ. 26 августа (7 сентября), въ день коронованія Государя Императора, присутствовалъ я при богослуженіи въ болгарскомъ подземномъ соборѣ въ Рущукѣ, имѣвшемъ оффиціальный характеръ и завершившемся крестнымъ ходомъ по городу, украшенному флагами, цвѣтами и покрытыми зеленью тріумфальными арками. Обѣдню служилъ митрополитъ и молился за Александра II, благополучно «намъ» (т. е. болгарамъ) царствующаго монарха.

Съ Рущука начинаются и расположены по всей нераздѣленной еще Болгаріи, подлежащей дѣленію по конгрессу, почты, устроенныя по русскому образцу. Условія почтъ-содержателей весьма обременительны для правительства. Они заключены на годъ, съ 1 апрѣля по 1 апрѣля. Почто-содержатель одинъ на всю Болгарію и

получаетъ за 400 содержимыхъ имъ лошадей 380.000 р. и, кромѣ того, отъ каждаго частнаго пассажира по $7^{1}/_{2}$ копѣекъ съ версты и лошади кредитными рублями или по 5 копѣекъ звонкою монетою. На почтовыхъ станціяхъ достать ничего нельзя, даже и хлѣба, но воды вездѣ вдоволь, и она хорошая, потому что мусульмане любятъ фонтаны и многочисленные вакуфы или отказы по завѣщаніямъ обезпечиваютъ исправность этихъ источниковъ на будущія времена. Днемъ жара сильная, ночью даже въ горахъ воздухъ сухъ и тепелъ, но съ балокъ, съ долинъ и съ поросшихъ камышемъ болотъ—питомниковъ лихорадокъ, повѣетъ вдругъ сыростью и холодомъ, такъ что иногда дрогнешь до мозга костей. Я проѣхалъ Бѣлу и приближался къ Тырнову. Дорога вьется по бокамъ колоссальнаго скалистаго ущелья, на днѣ котораго течетъ быстро, пѣнясь и каскадируя, малая рѣчка Янтра. Бока ущелья нагіе, красноватые, мѣстами покрытые обильною зеленью молодыхъ дубковъ. На верхахъ ущелья по двумъ противоположнымъ его сторонамъ расположились два монастыря болгарскіе. Дорога обогнула скалу, послѣ чего мы вдругъ очутились въ городѣ столь фантастическомъ, что трудно его себѣ представить. На весьма маломъ протяженіи Янтра извивается самымъ причудливымъ образомъ зигзагами въ видѣ буквъ М или W. Своими изгибами она прорѣзала и отдѣлила высокія скалы, торчащія почти совсѣмъ отвѣсно. На одномъ изъ такихъ полуострововъ, образуемомъ рѣкою и соединяющемся тонкою шейкою съ ближайшею горою, помѣщалась старинная крѣпость. Съ цѣлью сдѣлать крѣпость неприступною со стороны этой шейки, ее совсѣмъ было загородили укрѣпленіемъ, а чрезъ рѣчку перекинули подвижной мостъ. На противоположномъ полуостровѣ, образуемомъ другимъ еще изгибомъ рѣки, кучи мусора указываютъ на мѣсто, гдѣ стоялъ стольный дворецъ болгарскихъ царей могучихъ Шишманидовъ, Асеней XIII и XIV столѣтій, современниковъ крестовыхъ походовъ. Большія сокровища можно бы,

какъ говорятъ, извлечь изъ земли изъ-подъ этого мусора и изъ кургановъ, точь въ точь какъ украинскіе, которые разсѣяны по всей Болгаріи отъ Рущука до Константинополя. Въ недавно заново ремонтированной церкви сорока мучениковъ, основанной царемъ Іоанномъ Асенемъ въ память 40 городовъ, завоеванныхъ у грековъ, на перевернутыхъ на-земь и обращенныхъ въ подножія коринѳскихъ капителяхъ стоятъ монолиты-столбы изъ краснаго мрамора, покрытые высѣченными на нихъ надписями XIII вѣка, имѣются византійскія фрески на стѣнахъ, дивные античные подколонники съ бычачьими головами, связанными между собою горельефными фестонами изъ рѣзныхъ цвѣтовъ. Насупротивъ крѣпости и развалинъ царскихъ хоромовъ древняго Тырнова выстроился на довольно крутомъ спускѣ съ господствующей надъ ними горы новый городъ, грязный, вонючій и стѣсненный, по которому почти нельзя проѣхать, а только можно всходить, точно подымаясь съ этажа на этажъ. Издали городъ имѣетъ видъ одного колоссальнаго дома въ 60 ярусовъ, свѣтящагося ночью тысячью огоньковъ. Для характеристики мѣста присовокупимъ, что нѣтъ никакой тяги воздуха въ этихъ скалахъ и улицахъ, что рефракція солнечныхъ лучей отъ этихъ нагихъ, отвѣсныхъ, сильно нагрѣвающихся скалъ причиняетъ нестерпимую жару. Я съ радостью покидалъ неудобную и непріятную царскую столицу и съ удовольствіемъ отправился въ горы по каменистому пути съ монументальными каменными мостами, въ Габрово, отстоящее на полдня коннаго пути. Нѣсколько сотъ крестьянскихъ телѣгъ, запряженныхъ буйволами, согнаны на обязательную толоку, для исправленія испортившейся дороги. Работаетъ большее число женщинъ, нежели мужчинъ.

Габрово представляетъ собою богатую горскую деревню, нѣчто вродѣ Закопанаго въ Татрахъ. Расположена она въ долинѣ Янтры, по обѣимъ ея берегамъ, соединеннымъ мостомъ въ видѣ буквы h. По одной сторонѣ рѣки—церкви, городская башня, торговая площадь,

по другой—почта и самое большое въ Габровѣ двухъэтажное строеніе—школа, съ которою связана бездна патріотическихъ воспоминаній. Здѣсь основалъ, въ 1835 г., Василій Априловъ, болгаринъ, сдѣлавшійся одесситомъ первую гимназію на европейскій образецъ. Заведеніе сдѣлалось вскорѣ свѣточемъ, распространившимъ просвѣщеніе въ Болгаріи, здѣсь получилъ воспитаніе и подготовку цѣлый строй людей, поборниковъ прогресса, учителей и основателей народныхъ училищъ, которыя размножились въ несчетномъ количествѣ. Училища эти были свѣтскія, духовенство почти въ нихъ совсѣмъ не участвовало. На устройство и содержаніе этихъ школъ дѣлаемы были щедрыя пожертвованія и отказы по завѣщаніямъ. Собственно имѣлись въ виду въ этихъ записяхъ и отказахъ только однѣ школы, но дабы защитить эти фонды отъ конфискаціи, возможной при турецкомъ правительствѣ, всякое пожертвованіе значилось: на церковь и на школы. Теперь эта фраза составляетъ камень преткновенія при упорядоченіи отношеній между школою и духовенствомъ. Во время войны гимназія была закрыта, въ ней устроили госпиталь. Нынѣ учебное заведеніе воскресаетъ, открыты низшіе 4 класса, ученики не вносятъ никакой платы за ученіе, урокамъ посвящены четыре часа въ день. Простыя, грубыя деревянныя скамейки неполированныя, въ библіотекѣ два шкапа съ книгами, на стѣнахъ портреты Априлова и того угорскаго русина, котораго собственно звали Юрій Гуца († 1839), но которой усвоилъ себѣ имя Венелина, и который подъ этимъ именемъ сдѣлался первымъ виновникомъ болгарскаго возрожденія въ XIX столѣтіи.

Въ Габровѣ не имѣется собственно гостиницъ; единственное средство, которымъ пользуются пріѣзжіе, могущіе разсчитывать на нѣкоторую благосклонность со стороны окружнаго начальника, заключается въ томъ, чтобы отправиться къ нему и упросить его о помѣщеніи просителя постоемъ у кого-нибудь изъ мѣстныхъ болгаръ. Я получилъ отъ него записку и страж-

ника, который меня свелъ къ одному изъ зажиточнѣйшихъ обывателей. (Турокъ нѣтъ вовсе въ Габровѣ или его окрестностяхъ). Мнѣ дали обширную комнату, удобную кровать, даже постель, но умываться я долженъ былъ ходить къ фонтану на дворѣ, а о чисткѣ сапоговъ нельзя было и думать. Чтобы справиться съ этою частью тоалета, надо идти въ первую ближайшую кафану и ждать, скинувъ обувь, пока ее почистятъ, а между тѣмъ сидѣть поджавши ноги, по турецкому обычаю.

На слѣдующій день я совершилъ довольно утомительную поѣздку верхомъ чрезъ Балканы, на фортъ св. Николая и Шипку (33 версты). Поданы мнѣ двѣ лошади, на одну навьючены мои пожитки, на другую взобрался я самъ. Взбираться пришлось не безъ труда на высокое деревянное сѣдло въ видѣ усѣченной пирамиды. Стремянъ не было никакихъ, или, лучше сказать, ихъ заступали прикрѣпленныя съ обѣихъ сторонъ веревки, въ которыя вкладывались ступни. На этихъ веревкахъ приходилось держаться, сохраняя по возможности равновѣсіе. Мой проводникъ, дюжій парень лѣтъ 25, болтунъ и пройдоха, торгашествовалъ у турокъ въ Систовѣ, выдавалъ себя по мѣрѣ надобности то за цыгана то за помака, то-есть за обасурманившагося болгарина. Нѣсколько разъ турки забирали у него оружіе и *драги*, то-есть одежду, стрѣляли въ него, но и онъ, когда могъ, стрѣлялъ и *ризалъ* турокъ. Другаго коня велъ подъ уздцы момакъ или подростокъ лѣтъ 14. Оба мои спутника много разъ пробирались чрезъ Балканы зимою по тому же пути, собирали брошенныя ружья, разсыпанные патроны, больше чѣмъ вѣроятно, что они обирали и снимали что могли съ труповъ людей, которыхъ здѣсь погибло много десятковъ тысячъ. Первыя 7 верстъ путь былъ достаточно ровенъ, затѣмъ онъ подымался вверхъ на протяженіи послѣдующихъ 8 верстъ. Путь этотъ достаточно широкъ, такъ что насъ поминутно опережали, нетѣсня, четырехконныя повозки Габровскаго ла-

зарета, оставлявшаго Габрово за прекращеніемъ лихорадокъ и вывозомъ оттуда раненыхъ. Видовъ обширныхъ не имѣемъ никакихъ передъ собою, потому что мы взбираемся на бо̀льшія и бо̀льшія высоты по гребнямъ, отдѣляющимся отъ главнаго хребта, при чемъ мы объѣзжаемъ крупные горбы и съ одного плоскогорія переходимъ на другое. Горы всѣ слегка закругленныя, куполообразныя, съ легкими спусками, безъ обрывовъ и пропастей, такъ что ихъ легко пересѣкать по всѣмъ направленіямъ; древесная зелень пріятна для глазъ на фонѣ розовыхъ скалъ и ихъ сыпучихъ окраинъ. Мы очень часто оглядываемся назадъ, потому что чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ пейзажъ за нами дѣлается шире, цѣльнѣе и великолѣпнѣе. Онъ нѣсколько похожъ на волны слегка взбаламученнаго моря, отдѣляющагося въ неизмѣримой дали отъ неба правильнымъ кругомъ горизонта. Послѣ пятичасовой ѣзды мы взобрались на наивысшую изъ имѣвшихся предъ нами вершинъ, не закругленную, а пирамидальную, съ неодинаково покатистыми сторонами, крутою съ правой, болѣе покатою съ лѣвой стороны. Здѣсь только мы завидѣли еще одну, послѣднюю и гораздо высшую вершину, куполообразную и совершенно почти нагую, нѣчто въ родѣ башни, а на этой башнѣ стоитъ отвѣсно что то вродѣ длиннаго чернаго столба. Двѣ черныя параллельныя и прямолинейныя полосы проходятъ подъ вершиною снизу. Таковъ этотъ вулканъ, нынѣ остывшій и покинутый, такова кровавой памяти твердыня св. Николая. Кругомъ форта, съ обѣихъ сторонъ, и по направленію къ Габрову, и по направленію къ Казанлыку расположены вѣнцомъ другія вершины, весьма мало уступающія горѣ св. Николая. Ихъ занялъ Сулейманъ паша и съ нихъ бомбардировалъ фортъ св. Николая, такъ что въ числахъ отъ 10 до 14 августа 1877 г. защищавшія крѣпость войска должны были одновременно и отражать бѣшеныя атаки лѣзшихъ на батареи турокъ, и подвергаться осыпавшему ихъ дождю бомбъ и гранатъ. Двѣ черныя полосы образованы

рвами укрѣпленій. Помощь на выручку защитникамъ явилась съ той дороги, по которой мы подъѣзжали къ форту. Вся дорога прикрыта по бокамъ деревянными засѣками, фашинами, коробами наполненными мусоромъ. Теперь на этихъ коробахъ пестрѣютъ, алѣя, маковые цвѣты. Эти искусственныя стѣны, завалы и прикрытія въ половину человѣческаго роста устраиваемы были по ночамъ и въ потьмахъ, потому что вся дорога извивается по открытому гребню и вполнѣ обстрѣливается орудіями изъ форта. Въ теченіи всей осени 1877 г. и зимы, вплоть до весны (по крайней мѣрѣ до конца февраля) здѣсь лежали непогребенные останки десятковъ тысячъ людей убитыхъ или замерзшихъ, трупы лошадей, буйволовъ, солдатъ и такъ называемыхъ *бѣженцовъ*, или выходцевъ туземцевъ, бѣжавшихъ во избѣжаніе рѣзни, иногда рядкомъ лежали пушки на лафетахъ съ цѣлою упряжью и прислугою. На этой высотѣ въ 4 до 5 тысячъ футовъ свирѣпствуютъ крѣпкіе морозы и дуетъ столь сильный вѣтеръ, что онъ порываетъ и низвергаетъ внизъ людей и лошадей. Я слышалъ отъ офицеровъ, проѣзжавшихъ по этой дорогѣ въ іюлѣ 1878 г., что они собирали крупную и сочную землянику на скатахъ форта, среди бѣлѣющихъ костей и череповъ. Нынѣ нѣсколько въ зеленый цвѣтъ окрашенныхъ крестовъ и воткнутыхъ въ землю жердей обозначаютъ мѣсто покоя убитыхъ, сложенныхъ подъ одною могилою. На самую вершину форта ведетъ узенькая тропа. Мы объѣхали фортъ полукруговымъ оборотомъ и только тогда разглядѣли, что значитъ черный столбъ надъ фортомъ. Намъ представился колоссальный черный крестъ, на который надѣтъ столь же огромный вѣнокъ изъ вѣтвей, покрытыхъ высохшими листьями. Съ другаго конца описаннаго нами полукруга вершина представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. Когда мы подъѣзжали, она была обращена широкою своею стороною, теперь она представляетъ намъ одну узенькую, обращенную вверхъ и закругленную пятку изъ сѣрыхъ, громоздящихся одинъ на другой, почти от-

вѣсно гранитныхъ столбовъ, на нихъ торчитъ въ мрачномъ и грозномъ величіи тотъ исполинскій черный крестъ, о которомъ я упоминалъ. Какъ ни неприступною кажется съ виду эта пятка, условлено было турками взять ее за цѣль ихъ атаки 3 сентября 1877 г. Они добрались до этихъ скалъ, нечаемые защитниками, на разсвѣтѣ и произвели переполохъ, но были съ большимъ урономъ отражены. Ихъ трупы пролежали цѣлые мѣсяцы, распростертые на скалахъ, заражая воздухъ. Объѣхавъ кругомъ крѣпость, мы достигли спуска; спускъ этотъ гораздо круче нашего прежняго подъема, между двухъ горныхъ стѣнъ. Вдали, на краю небосклона обрисовалась темно-синяя цѣпь горъ, которыя, по словамъ нашихъ проводниковъ, называются Старые Балканы.

Въ треугольникѣ между этимъ кряжемъ старыхъ Балканъ и горными стѣнами, между которыми мы углубляемся, спускаясь внизъ, раскинулась широкая, привольная, веселая, залитая лучами солнца, долина Тунджи, съ едва замѣтнымъ вдали Казанлыкомъ. Расходящіеся боковые горные кряжи спускаются стѣнами блѣднѣющей постепенно зелени въ «долинѣ розъ». Отъ форта до Шипки всего только 6 верстъ, но Шипки не видать, и открыли мы ее только на разстояніи одной версты подъ нашими ногами. Народу пропасть, шуму много, спускаются коляски, повозки, вьючныя лошади, которыя перевязали одна съ другой веревками ихъ погонщики. Къ намъ на встрѣчу ѣдутъ цѣлые отряды мущинъ верхами, множество женщинъ съ грудными дѣтьми на высокихъ сѣдлахъ—это паціенты, возвращающіеся съ минеральныхъ забалканскихъ водъ. Французу, ѣдущему съ скрипкою за плечами я кричу vive l'art! на прощанье. Револьверъ, которымъ я вооружился, совсѣмъ не нуженъ, обѣ Болгаріи можно проѣхать безъ всякаго оружія, до того все спокойно и безопасно. Въѣзжаемъ въ Шипку. Она была селеніе не менѣе Габрова, но турки ее разорили послѣ первой экспедиціи генерала Гурки. Они уничтожили ее мастерски, такъ что nec locus ubi Troia fuit, а остались

только кучи камней и обломки кирпичныхъ стѣнъ. Среди этихъ развалинъ сколочены наскоро лавочки и шалаши, въ которыхъ продаются кислое красное вино, *absinthe suisse*, бакалеи, овощи и черный, клейкій хлѣбъ, всетаки пшеничный, въ которомъ столько песку, что онъ хруститъ между зубами. Дорога въ 12 верстъ отъ Шипки до Казанлыка ровная, точно шоссейная. Полей покрытыхъ розанами не видать, но въ воздухѣ носится ароматъ. Стелются желтыя поля съ высохшими растеніями и травою, потомъ на нѣсколько верстъ тянутся запущенные сады и огороды. Проводники вытряхиваютъ съ деревъ грецкіе орѣхи. Пастухи, присматривающіе за стадами овецъ усѣлись на многочисленныхъ курганахъ. Три четверти Казанлыка совсѣмъ разрушены, но въ послѣдней четверти жители вновь отстроились. Есть гостиницы, есть и тріумфальныя, зеленью покрытыя ворота въ честь императорскаго комиссара князя Дондукова. Я расположился ночевать на почтовой станціи, слѣдующей за Казанлыкомъ, въ избѣ безъ оконъ, на глиняномъ полу, выстланномъ сѣномъ. На разсвѣтѣ я пробираюсь чрезъ старый Балканъ и въѣзжаю въ безконечныя развалины, среди которыхъ имѣются останки 7 церквей, 2 училищъ и множества большихъ каменныхъ строеній. Мой ямщикъ указалъ мнѣ свой домикъ, въ который вернулась уже его семья, и что то лѣпитъ и стряпаетъ въ этихъ развалинахъ. Сотни семействъ работаютъ надъ созданіемъ чего то, болѣе похожаго на ласточкины гнѣзда, нежели на жилища, потому что стѣна закладывается обыкновенно въ одинъ кирпичъ и строится изъ кирпичей сырыхъ, не обожженныхъ, такъ что она размывается отъ одного ливня, и вся постройка можетъ разомъ рухнуть. Спрашиваю, какъ зовутъ городъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что Калоферъ. Вдали виднѣется съ многочисленными минаретами Карлова, гдѣ турки повѣсили тысячи двѣ болгаръ. Кругомъ ея шесть турецкихъ деревень, до тла разрушенныхъ болгарами, куда не возвращаются турецкіе выходцы, и откуда бол-

гары таскають для себя дерево, тафли, желѣзо. Иногда на пустошахъ турецкихъ уже поселился и отстроился болгаринъ, такъ что возвращающійся турокъ долженъ вести процессъ, при чемъ вопросъ политическій и національный превращается еще въ аграрный и страшно осложняется и запутывается. Къ счастію для болгаръ, возвращающихся турокъ мало, остальные либо совсѣмъ выселились, либо перемерли въ этихъ кочевкахъ большими толпами, которыя нашему, непривыкшему къ такимъ зрѣлищамъ вѣку явили подобіе и примѣръ великаго переселенія народовъ, послужившаго началомъ среднимъ вѣкамъ. Въ половинѣ 1877 г., послѣ неосмотрительнаго похода за Балканы генерала Гурки, обратное теченіе выходцевъ болгаръ залило на нѣкоторое время все Габрово. Переселялись цѣлыя поколѣнія съ худобою, скотомъ и всею рухлядью, они кочевали по горамъ, тысячи людей вымирали. Послѣ сдачи Плевны и новаго зимняго похода за Балканы, послѣ пораженія Сулеймана паши подъ Филиппополемъ, у подножьевъ Родопа, такимъ же теченіемъ хлынуло населеніе турецкое черезъ Шаскіой до Адріанополя и Царьграда. Обозъ подвигался шеренгами, въ четыре повозки рядомъ; такихъ повозокъ было до 20.000; людей, съ ними уходившихъ, было по крайней мѣрѣ 200.000. Произошла стычка этого переселенческаго люда съ заскакавшимъ впередъ на встрѣчу имъ русскимъ войскомъ. Въ этой паникѣ, въ этой рѣзнѣ и бѣгствѣ въ разсыпную перемерли или убиты нѣсколько десятковъ тысячъ людей, по большей части женщинъ и дѣтей. Спасшіеся бѣглецы помѣщены въ лагерѣ подъ Адріанополемъ. Говорятъ, что въ числѣ несчастныхъ, нашедшихъ пріютъ подъ шатрами этого лагеря, не было вовсе дѣтей, а только одни подростки. Сегодня эти кочующіе выходцы-изгнанники наполняютъ всѣ дворовыя мѣста кругомъ мечетей, всѣ кладбища и торговыя площади, даже мѣста подъ вагонами и на платформахъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы проѣзжаемъ Бани (теплые минеральные ключи)

и Кара-Топчакъ (черноземъ). Въ Кара-Топчакѣ извозчики разсматриваютъ съ большимъ любопытствомъ мою карту Болгаріи, приложенную къ Исторіи Болгаріи Иречка. Начальникъ станціи, съ которымъ всѣ извозчики обходятся на основаніяхъ полнѣйшаго панибратства и равенства, кончилъ курсъ въ Габровской гимназіи и читаетъ французскія книги. Дорога, гладкая точно скатерть, доходитъ до самыхъ горъ Родопскихъ. Ровное, почти геометрически правильное полукружіе безлѣсной плоскости доходитъ до подножія этихъ горъ, среди которыхъ на ихъ блѣдномъ фонѣ выдѣляется нѣсколько ближе къ намъ лежащихъ пирамидальныхъ, остроконечныхъ, зубчатыхъ вершинъ. На нихъ раскинутъ городъ, который грекъ называетъ Филиппополемъ, а болгаринъ Пловдивомъ. Городъ по наружности совсѣмъ турецкій, со множествомъ минаретовъ. Въ сущности это городъ греческій, по господствующему здѣсь духу греческому. Здѣсь живя, зажиточный болгаринъ незамѣтнымъ для себя образомъ огречивается. Хотя здѣсь теперь вся высшая администрація Болгаріи, съ императорскимъ комиссаромъ во главѣ, хотя сюда переселился изъ Константинополя экзархъ болгарскій, хотя здѣсь издается патріотическая болгарская газета «Марица», но не тутъ сердце и столица Болгаріи. Всѣ помышленія болгаръ устремлены въ иной пунктъ. Есть неказистая деревня у подножья горы Витоша, у истоковъ главныхъ болгарскихъ рѣкъ Марицы и Искера. Эта деревня одинаково близка и добалканской и забалканской Болгаріи, которую никто изъ болгаръ не рѣшается называть «Восточною Румеліею», какъ того требуетъ берлинскій конгресъ. Это—Софія, туда переѣзжаютъ всѣ оффиціальныя канцеляріи и присутственныя мѣста; что касается до Родопа, то начавшаяся родопская инсуррекція, нынѣ подавленная, состояла изъ двухъ элементовъ: изъ остатковъ арміи Сулеймана паши, неушедшихъ въ Боснію, куда они должны были направиться противъ австрійцевъ, и изъ мѣстныхъ, ушедшихъ въ горы, помаковъ или обасурма-

нившихся болгаръ, которымъ настоящіе болгары-христіане не отдаютъ захваченныхъ у нихъ полей и усадьбъ. Нынѣ уже и не упоминаютъ о Родопскомъ движеніи, а только о болгарскихъ движеніяхъ въ Македоніи. Восточный вопросъ являетъ собою подобіе вязанаго дыряваго чулка, который все больше и больше распарывается. Едва лишь успокоилось въ одномъ мѣстѣ, тотчасъ нарываетъ и вспыхиваетъ въ другомъ и такъ дальше безъ конца, то-есть, какъ говорятъ болгары, до изгнанія турокъ изъ Европы. Я познакомился съ интереснымъ человѣкомъ, Мариномъ Дриновымъ, бывшимъ профессоромъ харьковскаго университета, нынѣ министромъ просвѣщенія въ Болгаріи, который сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о проэктируемой организаціи народнаго просвѣщенія въ Болгаріи.

Филиппополь соединенъ съ Константинополемъ желѣзницею или желѣзною дорогою, которую строилъ берлинскій еврей, банкиръ баронъ Гиршъ, получившій гарантію дохода съ версты. Гиршу выгодно было обходить всякій холмъ, вести дорогу въ видѣ извивающейся ленты. Онъ наложилъ до 100 верстъ лишнихъ. Я исключаю изъ моего разсказа и неудобства, испытываемыя на этой дорогѣ путешественникомъ (здѣсь нѣтъ печатнаго росписанія поѣздовъ и можно изголодаться, такъ какъ нѣтъ и буфетовъ), и Адріанополь съ дивною, красивѣйшею въ Европѣ, а можетъ быть и на всемъ свѣтѣ джаміею султана Селима II (она лучше Св. Софіи и Солиманіэ константинопольскихъ), и настоящую румелійскую пустыню отъ Адріанополя до береговъ Мраморнаго моря, стрегомыхъ расположенными подъ лагерными шатрами русскими солдатами вплоть до Чаталджи, и Босфоръ, и, наконецъ, самъ Константинополь. Читатель ждетъ отъ меня, вѣроятно, чего нибудь кромѣ отрывочныхъ путевыхъ впечатлѣній, желаетъ имѣть заключенія. Я и предлагаю эти заключенія, не отвѣчая за ихъ безошибочность.

Среди развалинъ, въ странѣ полудикой, неимовѣрно плодоносной, но и жестоко испытанной и разорен-

ной, въ глаза бросается фактъ очевидный, чрезвычайно разительный и много обѣщающій въ будущемъ: подъемъ слагающагося и организующагося новаго народа, увѣреннаго въ томъ, что онъ справится съ крупными задачами новаго, открывающагося предъ нимъ существованія при условіяхъ гораздо болѣе трудныхъ нежели прежнія. Эта увѣренность не основана нисколько ни на дипломатическихъ расчетахъ, ни на условіяхъ берлинскаго трактата.

Я не встрѣчалъ болгарина, который бы мирился съ существованіемъ отдѣльной Восточной Румеліи. Всѣ знаютъ только одну Болгарію по обѣ стороны Балканъ и полагаютъ, что такъ какъ трактатъ на бумагѣ одно, а сила обстоятельствъ другое, то и исполненіе условленнаго протянется сверхъ назначенныхъ въ трактатѣ сроковъ, слѣдовательно, русская оккупація продлится сверхъ положенныхъ 9 мѣсяцевъ, а такъ какъ и другія положенія трактата оказались неудобоисполнимыми на практикѣ, то и возстановленіе турецкаго владычества въ Румеліи встрѣтитъ непреодолимыя препятствія. Возвратъ къ турецкому владычеству окажется невозможнымъ при запутанности аграрныхъ отношеній, хотя бы онъ соединялся съ автономіею; дѣло не обойдется безъ рѣзни, которой не захотятъ европейскія государства. Они отступятъ отъ трактата, измѣнятъ его. Обѣ страны,—Болгарія и Восточная Румелія—сплотятся опять въ одно цѣлое, тѣмъ болѣе, что ихъ сліяніе ни въ чемъ не нарушитъ спокойствія Европы. По всей Болгаріи, съ обѣихъ сторонъ Балканъ, по городамъ и селамъ собираются подписи на адресѣ о такомъ соединеніи. Я говорилъ въ Филиппополѣ съ людьми весьма степенными, извѣстными патріотами, которые собирались съ этими адресами въ Константинополь, чтобы представить ихъ Оттоманской Портѣ,— хотя имъ представляли, что съ точки зрѣнія турецкаго правительства ихъ ходатайство можетъ быть сочтено государственною измѣною и можетъ повлечь за собою соотвѣтственныя тому послѣдствія.

Бойкая энергія, съ которою болгары несутъ на себѣ бремя трудныхъ задачъ своего будущаго, устраняетъ сразу множество обращающихся нынѣ неблагопріятныхъ для нихъ сужденій, которыя теперь въ ходу у народовъ, на близкомъ разстояніи ихъ наблюдавшихъ. Въ глазахъ болгаръ турки—не люди. Для турокъ нѣтъ у болгарина никакой жалости и милосердія. Рѣзня и убійство были въ этомъ движеніи въ порядкѣ вещей. Въ добалканской Болгаріи вернувшіеся выходцы турки найдутъ еще кусокъ земли, потому что мѣстныя власти дѣлали опись покинутымъ поселеніямъ и общины отдавали такіе земельные и полевые участки въ аренду, но въ забалканской Болгаріи болгаринъ присвоилъ себѣ и поле, и усадьбу, и возвращающійся собственникъ не найдетъ, гдѣ и голову свою приклонить.

Болгаринъ всегда себѣ на умѣ. Всякій русскій солдатъ помнитъ множество случаевъ, какъ его обирали и обсчитывали братушки. Эти же братушки точно такимъ же образомъ эксплоатировали своихъ земляковъ, бѣжавшихъ изъ теперешней Восточной Румеліи чрезъ Шипку и Балканы и расположившихся лагеремъ у подножія Балканъ съ другой ихъ стороны. Эти упреки болгарамъ слышатся изъ устъ русскихъ, весьма почтенныхъ людей. Легко себѣ представить, какъ судятъ болгаръ греки и румыны. Когда я ѣхалъ на пароходѣ изъ Землина въ Орсову, мнѣ удалось слышать почти цѣлый курсъ румынской политики, преподанный на французскомъ языкѣ румынами собесѣдникамъ ихъ, какимъ-то знатнымъ англичанамъ, которыхъ румыны старались видимо расположить въ свою пользу. Румыны, какъ извѣстно, ужасные хвастуны, они себѣ приписывали заслугу сдачи Османа подъ Плевной и утверждали, что Англія лишилась всего своего престижа тѣмъ, что согласилась на отдачу Россіи куска Бессарабіи взамѣнъ за Добруджу. Румыны не называютъ болгаръ иначе, какъ bêtes feroces, для которыхъ безразличны государство, политическія учрежденія, народность и которые одно только пони-

маютъ, что они христіане, а въ остальномъ изъ нихъ можно что угодно вылѣпить. Въ этой ругани много непослѣдовательнаго и преувеличеннаго. У всякаго народа, даже и у весьма образованнаго, бываютъ бѣшеныя вспышки и проявленія кровожадности въ пылу страстныхъ порывовъ, тѣмъ болѣе же въ рѣшительной борьбѣ на жизнь и смерть. Народъ, не имѣвшій въ теченіи вѣковъ самостоятельнаго существованія и не располагавшій собою, менѣе отвѣтственъ за свою необузданность и излишества, нежели другіе народы, пользовавшіеся благами, которыхъ онъ былъ лишенъ. Если по отношенію къ туркамъ болгары до мозга костей христіане, то это качество можетъ только усилить сочувствіе для болгаръ европейскихъ народовъ, потому что, хотя на западѣ Европы движеніе впередъ и прогрессъ совершаются не подъ религіознымъ знаменемъ и лозунгомъ, на востокѣ борьба имѣетъ первобытную и простую форму спора о томъ, евангеліе ли возьметъ верхъ или коранъ.

Не разъ случается въ спорахъ между поляками, что нѣкоторые спорщики берутъ сторону турокъ, причемъ забываются Варна, Хотинъ и Собѣскій, ужасы турецкаго рабства, та старинная поговорка, повторяемая многіе вѣкакакъ, аксіома, что Польша — antemurale christianitatis. Многимъ изъ насъ кажется, какъ будто бы исторія для насъ покончилась на Карловицкомъ трактатѣ 1699 г., послѣ котораго дѣятельную роль въ борьбѣ съ исламомъ играли уже болѣе счастливые, нежели Польша народы. Такой взглядъ страдаетъ двумя недостатками: во-первыхъ, тѣмъ, что владычество турокъ пріостановило на нѣсколько вѣковъ процессъ развитія нѣскольких сложившихся южно-славянскихъ народовъ, которые, однако, сохранили память о своемъ прежнемъ бытьѣ; во-вторыхъ, тѣмъ, что даже смягченное въ своихъ формахъ и нѣсколько облегченное владычество турецкое лежало бы громаднымъ, неподвижнымъ камнемъ на спинахъ милліоновъ людей настолько развитыхъ, что не могли уже примириться со своимъ положеніемъ,

какъ съ чѣмъ то роковымъ, но по слабости своей немогущихъ освободиться собственными своими силами. Нѣтъ возможности разсчитывать на успѣхи просвѣщенія и нравовъ въ Турціи. Мечтать о чемъ-то подобномъ,—значитъ предполагать невозможное, что турки когда-нибудь разстанутся съ кораномъ. Турція не можетъ долго держаться въ Европѣ, здѣсь дни ея сосчитаны, но коранъ имѣетъ удивительную жизненную силу и несокрушимые устои въ Азіи и Африкѣ. Раздраженіе было-бы хроническое, съ постояннымъ переходомъ въ острыя воспаленія. Совершено было великое дѣло, весьма своевременно, и хорошо, что это дѣло сдѣлано, потому, что оно стоило всѣхъ принесенныхъ жертвъ. Освобожденный народъ носитъ на себѣ всѣ признаки многовѣковаго рабства: онъ несообщителенъ, грубъ и непріятенъ, мало привыченъ къ дѣйствованію по правиламъ дисциплины группами и массами. Донынѣ всякъ жилъ только своимъ домомъ и своею семьею, родовыя связи весьма сильны, чистота нравовъ удивительная, слѣдуетъ только желать, чтобы въ этой семьѣ повышена была на нѣсколько степеней женщина, забитая и подавленная, какъ то бываетъ на цѣломъ востокѣ.

Несомнѣнно, что болгаринъ имѣетъ многія хорошія черты характера, онъ предпріимчивъ и экономенъ, весьма трудолюбивъ и выносливъ, притомъ онъ искрененъ и разсудителенъ и привыкъ держать свое слово. Новыя условія жизни труднѣе прежнихъ, бывшихъ во времена, предшествующія освобожденію. Прежде не было воинской повинности, отъ которой раіи были устранены, не было обремененія податями. Ужасенъ былъ турецкій пріемъ отдачи на откупъ десятины и взиманія откупщиками денегъ и продуктовъ, но зажиточность и обиліе средствъ у жителей удивили прибывшихъ въ Болгарію русскихъ людей и самого князя Черкаскаго. Нынѣ приходится нести военную службу въ разоренной странѣ и подчиняться всѣмъ военнымъ и полицейскимъ порядкамъ, которые ощущаются какъ бѣдствіе и тягость всякимъ,

побывавшимъ нынѣ напримѣръ въ Сербіи; приходится, кромѣ того, платить за всякое новое учрежденіе, за школы, суды, администрацію. Организація не установилась, всюду одни начинанія и опыты. Я отмѣчу, что́ при мнѣ было начато или проектируемо по части судоустройства и народнаго образованія.

Организуются вполнѣ одинаково обѣ Болгаріи по обѣ стороны Балканъ, какъ будто-бы Болгарія по берлинскому трактату со своими 8 маленькими губерніями и Восточная Румелія со своими 2 большими губерніями составляли сплошь одно цѣлое. Все учреждается по одному и тому-же плану, хотя нѣкоторыя высшія установленія только слегка намѣчены, или указаны, и ожидать ихъ можно лишь въ далекомъ будущемъ. Обѣ Болгаріи подраздѣляются на губерніи (прежніе санджаки), губерніи, на уѣзды или округи. Болѣе значительные города отдѣлены отъ своихъ губерній и имѣютъ своихъ полицiймейстеровъ и свои городскіе совѣты. Округъ имѣетъ свой административный окружной совѣтъ и своего начальника округа. Уѣздные начальники назначаются правительствомъ, большею частью это русскіе офицеры, но въ Тырновѣ я видѣлъ въ этой должности молодаго болгарина, недавно предъ тѣмъ бывшаго студентомъ технологическаго института въ С.-Петербургѣ. При начальникахъ состоятъ ихъ помощники и секретари изъ молодыхъ болгаръ. Отношенія между начальникомъ округа и совѣтомъ не очень точно опредѣлены. Начальникъ снабженъ правомъ протеста, но всѣ отрасли управленія, полиція, благосостояніе и безопасность, даже финансы, поручены административнымъ совѣтамъ. Любопытно, что въ этихъ совѣтахъ, въ настоящей Болгаріи, велись довольно точные списки нѣкоторымъ землямъ и помѣстьямъ, они были сдаваемы въ годовую аренду съ торговъ, такъ что вернувшіеся турки могли повѣрить доходность земель во время ихъ отсутствія и получить доходы, а по истеченіи срока аренды войти во владѣніе своими недвижимыми имуществами. Съ другой стороны

Балканъ, напротивъ того, не велись вовсе такіе списки. На каждую изъ губерній въ Болгаріи число возвратившихся мусульманъ приходится отъ 8 до 10 тысячъ.

Администрація систематически отдѣлена отъ суда. Я совсѣмъ выдѣляю изъ моего обзора суды мусульманскіе духовные, разбирающіе дѣла по шаріату. Кромѣ этихъ судовъ существовали еще при турецкомъ господствѣ судилища изъ засѣдателей по выбору и изъ предсѣдателя по назначенію отъ правительства. Засѣдатели функціонировали только какъ декорація, прикладывая печати къ изготовляемымъ безъ ихъ участія приговорамъ. Дѣла проходили весьма медленно четыре инстанціи. Первую составлялъ судъ «кадія» или окружной, вторую—главный судъ въ санджакѣ, третью судъ «валія» или паши губернатора въ Рущукѣ, послѣдній судъ—въ Константинополѣ. Возстаніе болгаръ опрокинуло и разрушило судилища всѣхъ трехъ высшихъ инстанцій. Остался только судъ кадія, который судилъ окончательно всѣ гражданскія дѣла; уголовныя дѣла судятъ такъ называемые русскіе полевые суды, рѣшающіе на основаніи свода военныхъ постановленій всѣ дѣла, не только политически окрашенныя, но и обыкновенныя, начиная съ воровства и мошенничества и до смертоубійства. Но если судъ кадія остался, то онъ и видоизмѣнился до неузнаваемости. Нынѣ это судъ коллегіальный, судейскія мѣста занимаютъ молодые болгары, только въ городахъ, гдѣ преобладаетъ мусульманское населеніе, напримѣръ, въ Рущукѣ, въ составъ суда входятъ и магометане. Я посѣщалъ эти суды. Рѣшетка отдѣляетъ судей и секретаря отъ сторонъ, свидѣтелей и публики. Судьи, свидѣтели, стороны говорятъ всѣ одновременно, посторонніе даже вмѣшиваются въ пренія и даютъ объясненія, по крайней мѣрѣ я видѣлъ подобное вмѣшательство со стороны показывавшаго мнѣ судъ и знакомаго съ судьями члена мѣстнаго административнаго совѣта. Рѣшенія постановляемы были скорѣе по совѣсти, нежели по буквѣ закона, потому что еще совсѣмъ

не рѣшено, какое матеріальное гражданское право будетъ дѣйствовать на будущее время въ Болгаріи. Обыкновенно болгарскіе судьи руководствуются сборникомъ оттоманскихъ законовъ, составленнымъ Аристархибеемъ и переведеннымъ на французскій языкъ. Эти уставы составлены прекрасно, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, посвященные недвижимой собственности, талантливо обработаны французами. Но въ числѣ судей бываютъ и такіе, которые бы желали примѣнять Наполеоновъ кодексъ, или сербское законодательство, или другія западноевропейскія, съ которыми они познакомились, побывавъ долгое время за границею. Особая законодательная комиссія при императорскомъ комиссарѣ, въ которой главное лицо С. И. Лукьяновъ, бывшій членъ варшавскаго сената, изготовила судоустройство и судопроизводство уголовное и гражданское, не касаясь матеріальнаго права, которое останется какимъ оно было, то есть оттоманскимъ, пока сама Болгарія не создастъ для себя новаго гражданскаго кодекса. Равнымъ образомъ, будетъ примѣняться въ будущемъ уголовный оттоманскій кодексъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Обыкновенные суды получатъ двѣ инстанціи: окружные суды (бывшіе кади) и апелляціонные, по одному на губернію. Въ окружномъ судѣ правительство назначаетъ предсѣдателя и двухъ членовъ на жалованьи, сверхъ коихъ будутъ въ судѣ участвовать 12 выборныхъ засѣдателей, чередующихся помѣсячно и участвующихъ въ числѣ четырехъ въ каждомъ комплектѣ. Выборы въ судьи заведены двустепенные. Землевладѣльцы выбираютъ избирателей по 1 на 50 дворовъ, а избиратели—судей. Въ апелляціонномъ только одинъ членъ коронный чиновникъ, а остальные шестеро выборные, избираемые съѣздомъ всѣхъ административныхъ совѣтовъ и окружныхъ судовъ, собирающимся въ главномъ городѣ губерніи, то-есть собраніемъ изъ 70 до 90 человѣкъ, руководимымъ губернаторомъ. При мнѣ открыты были два такіе апелляціонные губернскіе суды, въ Софіи и въ Филиппополѣ.

Въ обоихъ императорскій комиссаръ назначилъ коронныхъ членовъ изъ числа лицъ, избранныхъ уже избирателями въ кандидаты на судейскія должности. Въ составъ этихъ судовъ вошли бывшіе народные учителя, даже записные юристы, получившіе образованіе и ученыя степени въ иностранныхъ, русскихъ и французскихъ университетахъ. На выборахъ, какъ въ административные совѣты, такъ и въ окружные суды, верхъ одержала такъ называемая молодая Болгарія (молодые прогрессисты), устраняемы же были по возможности, такъ называемые *чорбаджіи*, люди стараго покроя, занимавшіе высшія должности при турецкомъ правительствѣ, или бравшіе на откупъ десятины, или занимавшіеся собираніемъ податей. Главная ошибка князя Черкаскаго въ самомъ началѣ его управленія заключалась въ томъ, что онъ допустилъ, что его окружили и что имъ руководили эти старомодные и отсталые патріоты, пропитанные насквозь, до мозга костей, всѣми мерзостями турецкихъ обычаевъ и турецкаго режима. Одинъ изъ такихъ чорбаджіевъ, извѣстный болгарскій поэтъ, Найденъ Геровъ, назначенъ былъ губернаторомъ въ Систовѣ. Его назначеніе сильно подѣйствовало въ томъ смыслѣ, что начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи потерялъ популярность, и что отъ него стали сторониться молодые люди, весьма порядочные и благонамѣренные, которыхъ онъ считалъ опасными агитаторами и съ которыми онъ обходился сурово и рѣзко. Кромѣ обыкновенныхъ судовъ будутъ дѣйствовать еще и спеціальные или чрезвычайные, какъ то: коммерческіе суды (одинъ такой уже учрежденъ въ Филиппополѣ), сельскіе суды старшинъ для рѣшенія мелкихъ дѣлъ крестьянскихъ, суды мусульманскихъ кадіевъ для дѣлъ между магометанами, судимыхъ по шаріату, наконецъ, духовные суды православные, съ весьма сокращеннымъ кругомъ вѣдомства, потому что до того времени владыки или епископы имѣли власть столь обширную, какъ въ Москвѣ допетровской, основанную на Номоканонѣ. Болгары поддерживали эту власть по па-

тріотическимъ мотивамъ, чтобы не обращаться въ турецкіе суды въ дѣлахъ семейныхъ между супругами, или между родителями и дѣтьми, или по предмету отказовъ по завѣщанію.

Въ судоустройствѣ нѣтъ вовсе прокурорскаго надзора, что объясняется невозможностью подобрать людей, пригодныхъ для этихъ функцій, въ странѣ, въ которой едва можно укомплектовать судейскія должности. Одинъ членъ суда спеціально занятъ исполненіемъ рѣшеній гражданскихъ судовъ при содѣйствіи полиціи. Одинъ отдѣлъ канцеляріи окружнаго суда совершаетъ нотаріальные акты, такъ что судъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нотаріатъ, что имѣло мѣсто въ дореформенномъ судоустройствѣ въ Россіи (крѣпостныя отдѣленія). Гражданское судопроизводство есть сколокъ съ устава гражданскаго судопроизводства 20 ноября 1864 г., но въ болгарскомъ воспроизведеніи устава сдѣланы существенныя измѣненія, въ особенности по части теоріи доказательствъ. Присяга имѣетъ многообразное примѣненіе и бываетъ по соглашенію и по назначенію суда. Всякій долгъ, безъ опредѣленія его высоты, можетъ быть доказываемъ посредствомъ свидѣтелей.

Я уже упоминалъ о большихъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ въ Болгаріи на народное образованіе, на школы и церкви. Нынѣшніе устроители народнаго образованія всего больше озабочены тѣмъ, чтобы отдѣлить школу отъ церкви, чтобы всѣ пожертвованные капиталы обратить на учрежденіе школъ, обезпечивъ содержаніе духовенства средствами, отпускаемыми изъ казны. Эта реформа не встрѣчаетъ сильной оппозиціи. Высшее духовенство получало до настоящаго времени малую лишь долю доходовъ изъ капиталовъ церковно-казенныхъ а низшее сельское духовенство немногимъ разнится относительно зажиточности отъ мужиковъ. Главный источникъ доходовъ епископовъ составляла такъ называемая *владычина*, которую епископъ или митрополитъ взималъ патріархальнымъ способомъ, до сихъ поръ

употребляемымъ всѣми восточными правительствами, начиная съ Тунисскаго бея и кончая султаномъ, способомъ, описаннымъ еще у Нестора, выѣздомъ князя на полюдіе. Владыка объѣзжалъ епархію съ жандармами или заптіями. Мѣстный приходскій священникъ и жандармы выжимали сколько могли изъ сельскаго населенія, разлагая подать на семейства. Никто въ точности не зналъ количества взысканія. Часть его присвоивали себѣ тайкомъ сборщики; самъ владыка не показывалъ никогда всего того, что получилъ, внося извѣстный процентъ съ объявленнаго экзарху. Экзарху предоставляемо было больше, чѣмъ того требовало его содержаніе, потому что имѣлись въ виду бакшиши и подарки, которые шли обязательно разнымъ лицамъ въ Константинополѣ. Нынѣ содержаніе высшаго духовенства будетъ обременять, за отмѣною владычины, казну не очень значительною суммою (всего 120.000 франковъ въ годъ). На обезпеченіе сельскаго духовенства еще не изысканы средства. Всѣ церковно-казенные капиталы будутъ обращены на содержаніе школъ, но такъ какъ ихъ не хватитъ, то нельзя будетъ обойтись безъ обложенія податью общинъ. Народныя школы учреждаются во множествѣ, цѣлыми сотнями. Есть одноклассныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, есть четырехклассныя прогимназіи въ большихъ городахъ. Кромѣ извѣстной Габровской, возникаетъ Софійская гимназія, существуютъ два духовныя училища и одна военная гимназія. Слагается, какъ видно, система воспитанія на весьма широкомъ основаніи, но безъ соотвѣтствующей вершины. Пока болгары не соберутся вывести этотъ верхній этажъ, они будутъ въ зависимости въ умственномъ отношеніи отъ иностранцевъ. Обученіе въ элементарныхъ училищахъ будетъ введено обязательное, какъ въ Пруссіи. О туркахъ вовсе не упоминается въ училищномъ уставѣ, но во всѣ училища будутъ допускаемы по желанію и магометане, по началу равноправности народностей, выраженному въ берлинскомъ трактатѣ. Бу-

дущій министръ просвѣщенія Дриновъ собирается открыть въ Софіи археологическое общество и музей древностей.

Такимъ-то образомъ оснащивается въ Болгаріи съ надлежащаго конца, то-есть снизу, цѣлая сѣть устройствъ общиннаго, административнаго, судебнаго, совершенно одинаковыхъ для обѣихъ Болгарій, отдѣленныхъ одна отъ другой постановленіями берлинскаго трактата. Буде исполнятся желанія болгаръ относительно продленія русской оккупаціи и недѣлимости Болгаріи, буде они не исполнятся, во всякомъ случаѣ это объединеніе, сколь долго бы они ни было отсрачиваемо, должно совершиться тѣмъ же способомъ и порядкомъ, какъ объединились Молдавія и Валахія. Восточная Румелія берлинскаго трактата представляетъ собою надрѣзанный листокъ артишока—Турціи, листокъ, который весьма скоро отвалится. Центральныя установленія еще не фиксированы, даже и на бумагѣ. Каковы бы не были ихъ составъ и форма, каковъ бы не былъ порядокъ выбора въ князья Болгаріи, и кто бы не былъ избранъ княземъ, есть основаніе надѣяться, что новорожденное славянское государство совладаетъ со своею задачею и даже привыкнетъ въ скоромъ времени ходить самостоятельно и безъ помочей. Въ пользу его жизненности и будущности свидѣтельствуютъ стремленіе къ образованію и ясно сознанная потребность заводить, не скупясь, возможно больше училищъ для народнаго просвѣщенія. На этихъ основаніяхъ можетъ возникнуть и окрѣпнуть здоровое общество, развивающееся свободно и самостоятельно.

Константинополь,
конецъ октября 1878 г.
(переводъ съ польскаго).

ПОѢЗДКА

ВЪ

ДАЛМАЦІЮ, БОСНІЮ И ГЕРЦЕГОВИНУ

ВЪ 1882 ГОДУ.

ПОѢЗДКА ВЪ ДАЛМАЦІЮ, БОСНІЮ И ГЕРЦЕГОВИНУ

въ 1882 году.

Захотѣлось мнѣ лѣтомъ 1882 г. полюбоваться вновь темною синевою «Ядранскаго моря», то-есть Адріатика, насладиться яркими красками юга и жаркими лучами солнца, а такъ какъ я всегда предпочитаю менѣе посѣщаемыя дороги и менѣе извѣстныя мѣстности, то и избралъ цѣлью моей поѣздки австрійскія заднія области (Hinterländer), Далмацію, Герцеговину и Боснію. Въ продолженіи пяти недѣль успѣлъ я обозрѣть австрійскую выставку въ Тріестѣ, который нынѣ безпокоятъ италіанскія бомбы съ динамитною начинкою, затѣмъ я посѣтилъ Загребъ, отстроившійся послѣ недавняго землетрясенія, побывалъ въ Зарѣ, извѣдалъ всѣ закоулки «Дукланова двора», то-есть по нашему Діоклеціанова дворца въ Спалато, и всѣ улицы и площади овдовѣвшаго послѣ потери князя-дожа, исчезнувшаго назадъ тому около 80 лѣтъ Дубровника-Рагузы; потомъ я восхищался дивною игрушкою архитектуры возрожденія, великолѣпнымъ соборомъ въ Шибеникѣ (Sebenico), выложеннымъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и вѣнчаннымъ прекраснымъ куполомъ. Потомъ я проѣхалъ, не выходя изъ очень покойной коляски, по великолѣпной, недавно выстроенной, высѣченной въ скалахъ дорогѣ зубчатыми зигзагами изъ Котора въ Цетинье. За двѣ версты отъ Цетинье я разсматривалъ въ подзорную трубу

слѣды турецкаго Скодра или Скутари за озеромъ, посѣтилъ ярмарку въ Требиньѣ, потомъ изъ Рагузы я выѣхалъ на пароходѣ въ плодоносную, покрытую богатою, почти тропическою растительностью дельту рѣки Наренты и добрался до австрійскаго далматинскаго населенія Метковичъ, которое быстро превращается въ большой, зажиточный городъ. Здѣсь прекращались способы передвиженія, наиболѣе употребительные въ цивилизованныхъ странахъ: желѣзнодорожные поѣзда и пароходы. Нельзя было расчитывать на государственную почту, такъ какъ она перевозитъ пассажировъ на легкихъ тележкахъ съ сильнымъ военнымъ эскортомъ и наотрѣзъ отказываетъ въ пріемѣ тѣмъ, у которыхъ оказывается хотя бы малый деревянный сундучекъ. Пришлось нанимать у частныхъ лицъ лошадей, рано вставать до восхожденія солнца, располагаться на ночлегъ въ сумерки и подвигаться такимъ образомъ на Мостаръ къ Сараеву и потомъ до Зерницы, а отъ Зерницы уже имѣется перевозка въ Босанскій бродъ на Савѣ, въ маленькихъ вагончикахъ, имѣющихъ видъ желѣзноконныхъ омнибусовъ. По другой сторонѣ Босанскаго брода расположенъ другой Бродъ, славянскій, соединенный съ сѣтью венгерско-австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ теченіи этой поѣздки я немного слыхалъ о томъ, что происходитъ въ Сербіи, о Болгаріи не было ни слуху ни духу, точно она за стѣной, но, съ другой стороны, поминутно разговоръ касался предметовъ, связанныхъ по ассоціаціи идей съ Царьградомъ, а еще чаще съ Вѣною и Петербургомъ. Когда то Коларъ сравнивалъ славянщину съ арфой, на которой что ни струна, то особая народность. Въ дѣйствительности связи и взаимныя воздѣйствія однихъ вѣтвей громаднаго племени на другія гораздо многочисленнѣе и тѣснѣе, нежели о томъ мечтаютъ поэты. Всѣ языки, нарѣчія и діалекты соединены въ одинъ стройный организмъ; что произойдетъ въ одной частицѣ, то чувствуется въ наи-

болѣе отдаленныхъ и отражается въ нихъ рефлексами. Событія въ какомъ нибудь Травникѣ, Дульциньѣ или Ризано могутъ вліять на дѣйствія русскаго и австрійскаго правительствъ, на общее настроеніе славянскихъ народовъ, слѣдовательно, и на европейскую политику.

Страны, посѣщенныя мною, столь мало извѣстны и столь курьезны притомъ, населеніе столь своеобразно, отношенія столь странны, что умѣстно было бы вести журналъ путешествія съ отмѣткою въ немъ день за днемъ каждаго шага и каждаго наблюденія. Къ несчастію, я мало способенъ въ этомъ отношеніи и недостаточно прилеженъ. Послѣ двухъ, трехъ дней уже подробности стушевались въ памяти, воспоминанія слились въ общія массы, въ окончательные результаты путешествія, кончившагося назадъ тому двѣ недѣли. Каждый наблюдатель даетъ только то, что можетъ дать, и въ той формѣ, какая наиболѣе соотвѣтствуетъ его субъективности. Да простятъ мнѣ читатели, что, не придерживаясь строго ни порядка времени, ни маршрута, я имъ представлю, какимъ мнѣ показался въ августѣ и сентябрѣ изрядный кусокъ земли, на которомъ Австрія проявляетъ нынѣ свою политику колонизаторскую и ассимилирующую, на которомъ она производитъ нынѣ капитальный опытъ приведенія юго-славянскихъ земель, якобы на федеративномъ фундаментѣ, къ одному знаменателю.

Прежде всего путешественника восхищаетъ, превозноситъ и въ полномъ смыслѣ слова чаруетъ дивная красота видовъ природы. Уже Савскіе берега прелестны отъ Штейнбрюка до Загреба, и живописенъ Хорватскій край съ высотъ Тушканца (нѣсколько верстъ отъ Загреба), съ видомъ на Хорватское Загорье. Пейзажи становятся все шире и краше вверхъ по Савѣ отъ Загреба къ Люблянѣ (Laibach). Я помню, какое сильное впечатлѣніе испыталъ, когда одинъ изъ товарищей по путешествію, указывая на обрисовывающіяся вдали остроконечія, слегка голубоватыя, сказалъ, что это Триглавъ,

славимый всѣми хорватскими поэтами, гора, изъ которой истекаетъ въ Каринтіи Сава. Въ ту самую минуту я былъ занятъ чтеніемъ лирическихъ произведеній Станки Враза, въ которыхъ Триглавъ является вѣнчаннымъ тремя коронами, изъ коихъ одна золотая отъ солнца, другая серебряная отъ снѣговъ и третья, поэтическая, цвѣточная, сплетается чародѣйками Вилами:

Slavan si Triglave
   care groma i trjeska!
Na glavi ti krune
   tri od divna bljeska
Kruna suncnog zlata,
   Kruna srebra snejžnog,
Jdar Vilâ—kruna
   od pevena nježnog.

Объѣхавъ по широкому полукругу воронкообразную котловину, въ серединѣ которой расположена Любляна, желѣзница прорѣзываетъ потомъ мрачную, дикую, нагую пустыню Карстъ, изъ бѣлесоватыхъ извѣстняковыхъ скалъ и камней, среди которыхъ растутъ мелкіе кустарники и серебристый, пахучій шалвей. Здѣсь имѣется множество подземелій и гротовъ, со спускающимися со сводовъ, висячими сталактитами, множество изрядныхъ рѣкъ, вдругъ пропадающихъ, вдругъ теряющихся въ пескахъ ихъ ложбинъ, напримѣръ, Требишница, близъ Требинье, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рагузы. Есть и другія рѣки, которыя неизвѣстно откуда вытекаютъ вдругъ изъ земли широкимъ и по края полнымъ русломъ и прямо устремляются краткимъ путемъ въ близкое море. Такова пресловутая Омбла, славимая поэтами дубровничанами между Рагузою и Гравозою, служащая по всей вѣроятности стокомъ пропавшей въ пескахъ Требишницы. Мельницы стоятъ у подножья высокихъ, почти отвѣсныхъ, скалъ. Пространство между скалами и мельничною плотиною имѣетъ видъ колоссальнаго колодца, наполненнаго столь прозрачною водою, что

отчетливо видны водоросли на глубинѣ саженъ въ полтора десятка. Поверхность воды гладка какъ стекло, но брошенный въ воду камень встрѣчаетъ такое сопротивленія отъ теченія воды со дна къ поверхности, что падаетъ кружась, описывая спирали, и требуетъ двадцати секундъ, чтобы остановиться на днѣ на глазахъ наблюдателя. На разстояніи трехъ верстъ отъ своего начала рѣка, уже совсѣмъ тихая, теряется лѣниво въ водахъ Гравозскаго залива. Нагой, бѣлесоватый, размываемый дождями и пористый извѣстнякъ, на которомъ ничто не растетъ, даже когда онъ вывѣтрился и разсыпается въ порошокъ — это обыкновенный фонъ далматскихъ пейзажей отъ Удины и Тріеста до самаго Черногорья. Потемнѣвшіе отъ солнца и отъ перемѣнъ въ атмосферѣ, эти извѣстняковые колоссы имѣютъ цвѣтъ грязносѣрый, такъ что славной и независимой Зетѣ приличнѣе было бы называться Сѣрыми Горами, нежели Черногорьемъ. Удивительна игра цвѣтовъ на этихъ нагихъ массахъ, изрѣдка покрытыхъ, точно проказою, пятнами мелкой и худосочной растительности. Никакъ не могу забыть Спалато. На берегахъ великолѣпнѣйшаго въ мірѣ залива вылѣпленъ кое какъ городъ изъ однихъ развалинъ Діоклеціанова дворца, образующихъ замѣтный донынѣ четвероугольникъ, оцѣпленный впослѣдствіи рядомъ толстыхъ башенъ венеціанской архитектуры. Далеко за городомъ, за развалившеюся Салоною и за торчащимъ на высокомъ утесѣ ускочьимъ гнѣздомъ — Клиссою расположились, точно развѣшенныя простыни, сѣрыя горы, которыя алѣютъ подъ вечеръ, а при закатѣ превращаются въ ярчайшій фіолетъ. Въ этой каменистой пустынѣ человѣкъ съ величайшимъ трудомъ отвоевываетъ для культуры каждую пядь земли, очищаетъ ее отъ камней, окружаетъ стѣнами изъ наваленныхъ одинъ на другой булыжниковъ безъ цемента и охраняетъ такимъ образомъ эти ограды отъ вѣянія ужасной здѣшней *боры*. Условія культуры гораздо удобнѣе на самомъ морскомъ побережіи; здѣсь больше ручьевъ, есть и песча-

никъ, скорѣе разлагающійся и образующій рыхлую, плодоносную почву красноватаго и темно багроваго цвѣта. Какъ только почва очищена отъ камней, какъ только она воздѣлана заступами ими лопатами, да удобрена водорослями, которыя выбрасываетъ море, и навозомъ изъ помета, который подбирается старательно дѣтьми въ корзинки, она рождаетъ въ изобиліи прекрасный, сладкій, черный виноградъ не требующій поливки, и капусту, которую надо поливать. Работаютъ на этихъ огородахъ люди и ослы. Хлѣбъ не сѣютъ, его получаютъ изъ Одессы или изъ Румыніи, и довольствуются разведеніемъ небольшаго количества довольно сквернаго маиса. Всего больше прибыли приноситъ винодѣліе, тѣмъ болѣе, что по причинѣ свирѣпствующей во Франціи филоксеры громадныя количества вина законтрактованы къ доставкѣ во французскіе порты. Мы будемъ выпивать это вино, разбавленное и передѣланное, подъ названіемъ бургундскаго или бордо. Передаю только, что слышалъ въ Спалато отъ тамошнихъ винныхъ продавцевъ. Представьте себѣ непрерывный, нескончаемый поясъ зеленѣющихъ фруктовыхъ садовъ, виноградниковъ, огородовъ между волною моря съ одной и нагими боками надвигающихся скалъ съ другой стороны. По такимъ непрерывающимся садамъ проѣхалъ я на протяженіи 25 километровъ отъ Спалато до Трау или до Трогира. По своей красотѣ дорога заслужила названіе *рая*, которое ей даютъ—paradiso, dei cinque castelli. Такой точно видъ имѣютъ и побережья глубокаго залива Боки Которской, и неуступающая нисколько по красотѣ генуэзской ривіерѣ *di ponente* часть пути отъ Рагузы къ герцеговинской границѣ. Наибольшую долю чарующей красоты придаетъ далматскому пейзажу Адріатическое море, гораздо болѣе плѣнительное здѣсь, нежели у плоскихъ береговъ восточной Италіи и даже у пресловутыхъ, ея западныхъ береговъ. Далматинское побережье—причудливая бахрома изъ острововъ и полуострововъ, раскинутыхъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Пассажиру, наблю-

дающему съ борта корабля, кажется, что онъ плыветъ по большому италіанскому озеру въ родѣ Комо или Лаго Маджіоре, но съ горныхъ высотъ побережья явственно видны всѣ заливы и ряды—имъ-же счета нѣтъ, правильно одинъ подлѣ другаго расположенныхъ голубоватыхъ конусовъ, погружающихся въ еще болѣе ясную глубину морскую. Два приморскихъ вида, которыми я особенно восхищался, принадлежатъ несомнѣнно къ числу самыхъ дивныхъ, какіе только есть на свѣтѣ, одинъ подлѣ Рагузы, другой по пути изъ Котора въ Черногорье. Городъ Дубровникъ или Рагуза примыкаетъ съ востока задними частями къ высокой горѣ на вершинѣ которой построено укрѣпленіе fort Imperial. На эту гору ведетъ выкованная въ скалахъ для однихъ пѣшеходовъ дорожка зубцами (кто хочетъ выѣхать въ экипажѣ, долженъ сдѣлать нѣсколько миль пути отъ Герцеговины). Достигнувъ вершины, зритель видитъ передъ собою безбрежное море, внизу Рагузу и въ двухъ верстахъ отъ ея стѣнъ изумрудный островокъ Лакрому, весь покрытый темною зеленью италіанскихъ сосенъ (пиньи). Островокъ имѣетъ красивыя формы, мягкія закругленія, онъ точно бархатная подушка. Принадлежалъ онъ еще недавно эрцгерцогу Максимиліану, злосчастному мексиканскому императору. По смерти Максимиліана его продали съ аукціона, со всею движимостью во дворцѣ, говорятъ даже, что и съ бумагами и перепискою владѣльца за 22 тысячи гульденовъ. Австрійское правительство пріобрѣло его потомъ за 79 тысячъ гульденовъ для кронпринца Рудольфа. На этомъ островѣ высадился въ 1192 г. король Ричардъ Львиное Сердце, возвращаясь съ крестоваго похода. Насупротивъ этого островка, какъ-бы протягиваясь къ нему, расположился на полуостровѣ, вдающемся въ море, Дубровникъ, городъ-республика, плотно затянутый въ свои стѣны и башни, точно рыцарь въ свой панцырь. Со стороны суши городъ отрѣзанъ отъ нея рвами, которые остаются нынѣ безъ воды. Онъ столь микроскопиченъ, что со всѣми

своими башнями, стѣнами и вершинами похожъ на орѣховую скорлупу. Онъ—только миніатюрная поддѣлка болѣе крупнаго подлинника, а именно *Млета*, то-есть Венеціи. Въ десять минутъ можно пройти черезъ весь городъ отъ Porta Pille до Porta Pioce, слѣдуя въ прямомъ направленіи по проспекту или корсо, который зовутъ Страдономъ, и который вымощенъ большими мраморными плитами, по нимъ-же никто нынѣ не ѣздитъ. Есть и догана, то-есть таможня, какъ въ Венеціи, есть княжій дворецъ—сколокъ съ дворца дожей, совершенно въ такомъ же отношеніи состоявшій къ своему подлиннику, какъ *князь* правитель республики къ дожу венеціанскону, какъ городской совѣтъ рагузскій къ Grande Consilio. Даже патронъ Рагузы святой Власій, епископъ, котораго изображеніями украшены многія башни, котораго статуя поставлена на площади, является только двойникомъ святого Марка венеціанскаго. Что-же сказать о литературѣ, искуствѣ, поэзіи—они такія-же подражанія италіанцамъ, какою была по отношенію къ французамъ польская классическая литература временъ короля Понятовскаго. Дубровницкая литература еще слабѣе и ниже польской конца XVIII вѣка въ томъ отношеніи, что она была только пріятнымъ развлеченіемъ, благороднымъ баловствомъ, что не имѣла вовсе значенія внутренней борьбы и работы надъ собою, что послужила могучимъ орудіемъ исправленія нравовъ и нравственнаго возрожденія. Патриціатъ и купечество малюсенькаго но зажиточнаго городишки забавлялись, играя въ свою родную, славянскую литературу. Исторію Босніи и Сербіи драматизировали стихотворцы, воспѣвали Обылича и всѣхъ героевъ Коссова поля, прославляли и славныя побѣды креста надъ луною въ польскомъ походѣ подъ Хотинъ (Османъ Гондулича), что не мѣшало дубровницкому правительству ладить съ турками и, посредствомъ удивительныхъ фокусовъ дипломатическаго акробатства, продлить на 9 лѣтъ послѣ паденія Венеціи, до 1806 года самобытное существованіе республики. Кон-

чина случилась моментально, безъ всякаго трагизма, безъ того траура и той печали, которыя поражали путешественника въ Венеціи во времена австрійскаго правительства.

— Повѣрите-ли, сказалъ мнѣ маститый хорватскій литераторъ и сынъ одного изъ числа дубровницкихъ поэтовъ Иванъ Августъ Казначичъ, что у насъ нѣтъ преданій, что мало у насъ и воспоминаній столь недавнихъ временъ. Дубровницкій патріотизмъ ушелъ весь въ иллиризмъ. въ которомъ и возродился; съ трудомъ, по немногу добываемъ мы кое-что изъ архивовъ. Но съ другой стороны, этотъ умершій Дубровникъ, въ которомъ няньчили и выхолили хорватскую рѣчь въ достаткѣ и роскоши, блистаетъ нынѣ въ хорвато-сербской литературѣ, какъ нѣкій «словинскій рай», какъ жемчужина, какъ сіяющая Синай гора или какъ утренняя звѣзда.

Taj Dubrovnik! taj biser sineg mora,
Gde sokolovi saviše si gnježda,
Sred mrke noci sjajna Sinaj-gora
Sred mutrog neba predhodnica zvlezda... (Шеноа).

Конечно, тутъ остался сильный запахъ пропавшей многовѣковой культуры, если не въ преданіяхъ, то въ образѣ жизни, обстановкѣ и нравахъ жителей. Это жемчужина адріатическая, но весьма крошечная. Въ этой гавани тѣсновато, и не было-бы мѣста для четырехъ большихъ пароходовъ. Самъ портъ теперь пустуетъ. За двѣ версты отъ Porta Pille расположилась надъ другимъ, болѣе обширнымъ, заливомъ Гравоза-Gружъ, соединенеая съ Рагузою длинною улицею, сплошь состоящею изъ однихъ дачъ, дворцовъ и садовъ. Вся будущность Рагузы только въ томъ и заключается, чтобы слиться съ Гравозой, переѣхать въ Гравозу. Съ высотъ императорскаго форта заливъ Гравозскій виденъ какъ на ладони, и не одинъ заливъ, но въ дали за нимъ нескончаемыя вереницы, неисчислимыя шеренги торчащихъ надъ морскими волнами острововъ архипелага.

Изъ Рагузы перенесемся мысленно въ Боку-Которскую. Она—узкій, длинный, извилистый заливъ, врѣзывающійся въ материкъ подобно исполинской буквѣ M. Входъ въ заливъ въ Punta d'Ostro, по берегамъ Castelnuovo, Perasto, Risano, надъ которымъ высится совсѣмъ нынѣ истребленная австрійцами за гайдучество кровавой памяти Кривошія, наконецъ Catarro. Тотчасъ, послѣ входа въ заливъ, сзади за ближайшими предгорьями, обрисовываются мрачныя, угрюмыя скалы Черногорья, по которымъ побѣжала вверхъ бѣлыми, узкими, ломаными, зубчатыми полосками выкованная въ скалахъ дорога изъ Катарро или Котора, чрезъ Нѣгошъ и Цетинье до Рѣки (60 километровъ, изъ коихъ отъ Котора до Цетинье 42 километра).

Внизу, въ дальнѣйшемъ и наиболѣе запрятанномъ углу залива притаился Которъ и, ползя по крутымъ склонамъ, выдвинулъ въ высь острыми зубцами свои стѣны и форты. Которъ—это самое нездоровое и неудобное поселеніе, расположенное въ темной щели, вонючее, грязное, безъ малѣйшей тяги воздуха, со всѣхъ сторонъ запертое и огороженное. Солнце показывается здѣсь часомъ позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ въ окрестности, и закатывается часомъ раньше;городъ военный и торговый, значительно очерногорившійся. Сюда таскаютъ горцы плоды своей тощей земли: огородныя растенія и овощи; здѣсь сбываютъ они своихъ куръ и свой скотъ. Путь совершаютъ напрямикъ, по страшнымъ кручамъ, по едва замѣтнымъ тропинкамъ. Даже почтальонъ черногорскаго князя шествуетъ ежедневно по этимъ стезямъ, а не по ломанымъ зубцами изгибамъ высѣченной въ скалахъ экипажной дороги. Дорога недавно выстроена по договору Черногорья съ Австріею и на общемъ иждивеніи. Граница Австріи почти что доходитъ до перевала чрезъ гребень. За гребнемъ, послѣ перевала, дорога опять спускается въ котловину громаднаго погасшаго кратера, къ селенію Нѣгошъ, а затѣмъ опять подымается по дикимъ, каменнымъ пустырямъ и дости-

гаетъ красивой площади, среди которой построенъ городъ или варошъ Цетинье. Нельзя словами передать величія вида, открывающагося при спускѣ съ перевала въ Которъ. Вверхъ стремятся каменныя громады, раздѣляемыя змѣиными изгибами залива. Дорога Которская скрещивается въ предгорьяхъ съ дорогою отъ Будуи, проходящею по прекрасно воздѣланнымъ пашнямъ и садамъ на краю моря. Далѣе виднѣются только смежныя синевы неба и моря, дѣлимыя линіею горизонта, столь далеко отстоящею, что подъ нею плывутъ гряды бѣлыхъ облаковъ, точно стаи купающихся въ морѣ лебедей.

Простившись съ Черногорьемъ, я ненадѣялся созерцать болѣе красивые виды, напротивъ того, я приготовился къ скучному однообразію, особенно въ виду медленнаго слѣдованія впередъ въ конномъ экипажѣ. Однако, одинъ день дороги изъ Метковичъ въ Мостаръ и два дня пути въ Сараево, съ ночлегомъ въ Коницѣ, были для меня днями непрерывнаго восхищенія безпрестанно мѣняющимися видами. Я имѣлъ предъ глазами горскую природу въ величественнѣйшихъ ея формахъ, мѣстности, которыя могутъ поспорить въ отношеніи красоты съ швейцарскими и тирольскими Альпами и съ Татрами. Шумятъ кругомъ горскіе каскады, путь не сходитъ съ береговъ рѣки Наренты, перекидывается только съ одного берега на другой. Въ Мостарѣ эта сѣрая рѣка рветъ и мечется по сѣрой ложбинѣ изъ однихъ нагихъ камней, а съ двухъ сторонъ расположился городъ съ безчисленными минаретами, кругомъ стѣсняемый горами. Съ Коницы начиная, растительность становится богаче. Обширные лѣса, или по сербски, *шумы*, густыми, сплошными массами покрыли склоны горъ. Лѣса эти дубовые, каштановые, платановые, доходящіе до самой вершины Иванъ Планины (4000 футовъ). Отъ Коницы замѣтенъ спускъ отъ высокихъ горъ къ меньшимъ холмамъ, кончается Герцеговина, начинается Боснія, чувствуется сырой воздухъ, рѣзко отличается температура дня и ночи, раститель-

ность сходнѣе съ сѣверною, даже по наружности видъ страны ближе къ нашей родинѣ, только города, ощетинившіеся минаретами, пересѣкаемые кладбищами, утопающіе въ зелени, имѣютъ болѣе мусульманскій характеръ, который, однако, скоро сотрется, потому что само Сараево перестраивается нынѣ уже цѣликомъ на европейскій манеръ. Послѣ десяти лѣтъ здѣсь будетъ пропасть желѣзныхъ дорогъ, прославятся минеральныя воды, которыми и нынѣ изобилуетъ Боснія (Илидже около Сараева, Киселякъ на пути изъ Сараева въ Зеницу), построятся гостиницы и станутъ стекаться отовсюду толпы туристовъ.

Интереснѣе этихъ скалъ, водъ и земли самъ народъ здѣшній, съ перваго взгляда какъ бы отуречившійся или объиталіанившійся, по при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ родственный намъ и столь сердечно славянскій, что приходится удивляться, какъ мало повліяли на него внѣшнія событія, гнетъ, рабство, какъ не могли они стереть этнографическихъ свойствъ, и какъ быстро выдвигается наружу эта этнографическая подкладка при условіяхъ, становящихся болѣе и болѣе благопріятными, какъ прорывается эта народность сквозь всевозможныя наслоенія. Самый замѣчательный фактъ настоящаго момента—это поступающее впередъ превращеніе всего далматинскаго населенія изъ италіанскаго въ хорватское,—измѣненіе въ національности. До нынѣ это побережье считалось совсѣмъ италіанскимъ, италіанская культура распространялась изъ городовъ, въ большой части этихъ городовъ и до нынѣ на воротахъ и на столбахъ среди площадей красуется крылатый левъ святаго Марка. Выстроены были великолѣпные, въ италіанскомъ вкусѣ, соборы. Католическое духовенство было распространителемъ италіанской культуры, италіанскій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ далматскаго сейма.

Но когда италіанское движеніе 1859 дошло до прямаго разрыва съ римско-католическою церковью, отношенія совсѣмъ измѣнились, и италіанскій элементъ сталъ

сильно колебаться. Нынѣ затѣи партіи Italia irredente пугаютъ зажиточное мѣщанство, степенныхъ людей и духовенство и побуждаютъ многихъ объиталіанившихся далматинцевъ, которыхъ отцы и дѣды воспитывались по-италіански, людей, привязанныхъ къ италіанскому языку, переходить цѣликомъ въ хорватскій лагерь. Какъ только разрѣшено было говорить рѣчи на хорватскомъ языкѣ въ далматскомъ сеймѣ въ Зарѣ, этотъ языкъ сразу сдѣлался въ этимъ собраніи господствующимъ, такъ что нынѣ по-италіански продолжаютъ вести пренія только немногіе, такъ называемые italianissimi. Италіанскіе революціонеры въ Далмаціи совершаютъ родъ политическаго самоубійства по отношенію къ своимъ соотечественникамъ по національности. Разъиталіанившіеся далматинцы идутъ рука объ руку съ хорватами въ Загребѣ, ненавидятъ мадьяръ, не желаютъ присоединенія къ венгерской коронѣ и сильно стоятъ за вѣнскій Reichsrath.

Органы печати хорватскіе и италіанскіе ведутъ мелкую, газетную, ядовитую и злобную войну, въ которой непріязненно къ хорватамъ относящіеся органы сербскіе, печатаемые кирилицею занимаютъ среднее положеніе между спорщиками. «Avvenire въ Спалато», «Далматъ», въ Зарѣ и «Сербскій Листъ» въ Зарѣ препираются съ «Народнымъ Листомъ», издаваемымъ Біанкини. Я недавно читалъ въ «Народномъ Листѣ» диѳирамбъ стихами, въ которомъ авторъ поздравляетъ бѣлую лебедь—Сплетъ съ тѣмъ, что онъ омылъ себя отъ «италіанскаго кала» и выкупался въ хорватскомъ морѣ, послѣ чего авторъ предвѣщаетъ изгнаніе италіанскаго языка изъ школы, суда и администраціи. Подъ конецъ стихотворенія бѣлый Сплетъ и Дуклановъ Дворъ связаны съ воспоминаньемъ о вѣнчанномъ здѣсь королѣ Звонимірѣ. Кстати замѣтимъ, что это не точно, такъ какъ Звониміръ короновался на царство въ 1076 г. въ Салонѣ, а не въ Сплетѣ.

Всего меньше можно было ожидать успѣха для сла-

вянскаго элемента въ Тріестѣ. Съ 1832 г. принадлежитъ Тріестъ къ Австріи; съ 1719 г., то-есть, съ того момента, когда Тріестъ сталъ porto franco, купцы тріестинскіе разбогатѣли на счетъ клонящейся къ паденію Венеціи и привязались къ правительству. Трудно сказать, кто въ этомъ отношеніи былъ лойяльнѣе, нѣмцы или итальянцы. Въ городахъ Истріи итальянскій элементъ до того силенъ, что во время моей бытности въ Тріестѣ справляемо было въ Пирано муниципальное празднество чисто на итальянскій манеръ съ лотереею томбола. Вынимали номера дѣти, подеста провозглашалъ ихъ съ высоты балкона ратуши, а пристава выкликали ихъ при трубныхъ звукахъ по всему городу. Въ самомъ Тріестѣ во всѣхъ лавкахъ хорватскій языкъ самый употребительный; первый яличникъ, который превозноситъ свою барку, велерѣчиво и навязчиво, точно итальянецъ, послѣ нѣсколькихъ словъ разговора сознается въ томъ, что онъ славянинъ, что наибольшая церковь на canal grande это сербская православная, что есть другая уніатская св. Спиридона, что есть сербскія школы. и что одна изъ горъ въ окрестности называется *Община*.

Чѣмъ дальше отъ Тріеста, тѣмъ сильнѣе и рѣзче проявляется славянскій типъ, противоположный итальянскому, даже въ тѣлосложеніи и въ чисто физическихъ признакахъ. Особенно выдѣляются мужчины. Это, по большей части, великаны, широкогрудые и ширококостные, тонкіе въ поясѣ, мускулистые, точно изъ мѣди вылитые, сухощавые. Объ нихъ писалъ Шеноа:

Tu velikane rodi zemlja mala,
I veličini divio se sviet.

(Малая земля родитъ великановъ, ихъ же величинѣ дивится свѣтъ).

Только женщины низкія, худыя и отъ чрезмѣрнаго труда завядшія, такъ что даже удивляешься, какъ могутъ онѣ рождать такихъ исполиновъ. Къ атлетическому тѣлосложенію мужчинъ прибавьте ловкость, упругость и быстроту, свойственныя горцамъ, наконецъ, нарядъ,

который даже на бѣднякахъ ярокъ, красивъ и богатъ. По формѣ шапки, штановъ, куртки, по шитью на рукавахъ, опытный глазъ отличитъ всякую мѣстность и опредѣлитъ откуда кто пришелъ: изъ Задара (Зары), Шибеника, Трогира или Рагузы. Ноги обуты въ опанки, обувь изъ одной штуки кожи, стянутой на шнурокъ. Штаны вплотную, очень узкіе, на штаны спускается рубаха изъ-подъ пояса. Поясы бываютъ самые разнообразные: тканые, дорогіе и пестрые. Богачи имѣютъ ихъ по 5 и по 7. Поверхъ этой ткани надѣвается еще поясъ кожаный, и въ немъ есть мѣста для денегъ, на кинжалы, ножи, пистолеты. Рукава рубахи висячіе, руки отъ локтей нагія, на спинѣ шитый спенсеръ, на головѣ шапочка красная у далматинцевъ, феска у герцеговинцевъ, а у босняковъ по большей части красная чалма изъ сильно крученой шерсти. У босняковъ, даже у христіанъ, женщины одѣваются по-турецки, съ непокрытыми, правда, лицами, но въ широчайшихъ шальварахъ. Это нарядъ восточный, по принужденію навязанный жителямъ, онъ—результатъ и клеймо много вѣковъ продолжавшагося рабства. Когда въ 1877 г. возстала Болгарія, что было поводомъ къ Восточной войнѣ, условлено было между инсургентами первымъ дѣломъ сбросить съ себя красную турецкую феску и надѣть черную шапку. Многіе герцеговинцы носятъ черные колпаки или черногорскіе, черные съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ. Когда ихъ спрашиваютъ, почему? они отвѣчаютъ: «мы были усташи, то есть инсургенты, скитались, нашли убѣжище въ Черногорьѣ, а потому на память и изъ благодарности мы стали одѣваться, какъ одѣваются эти славные и независимые юнаки». Вообще, однако, не всѣ держатся такого обычая, и трудно отличить магометанина отъ христіанина по одной только фескѣ или чалмѣ. Даже и бритая голова съ однимъ клокомъ волосъ на затылкѣ не всегда обозначаетъ, что это турокъ.

Боснійскіе христіане, освободившіеся послѣ 1876 г., инымъ манеромъ заявляютъ свое вѣроисповѣданіе. Они

воздвигаютъ колокольни, ставятъ деревянные крестики на крышахъ домовъ, или расписываютъ кресты на наружныхъ стѣнахъ своихъ жилищъ. Восточная народность, и даже самъ исламъ, не измѣнили коренныхъ свойствъ народовъ. Я на пароходѣ дѣлалъ наблюденія надъ цѣлыми семьями выселяющихся боснійскихъ беговъ. Часть палубы къ борту, прикрытая холстомъ, была гаремомъ; изъ-подъ холста выползали часто къ старикамъ ребята—момаки. Въ извѣстные часы мущины подымались по-очередно, совершали омовенія, разстилали коврики, молились и клали земные поклоны, потомъ раздавались хоромъ пѣсни «о зеленой горѣ», о «синемъ морѣ» о «дубравѣ». Забудь я, гдѣ нахожусь, я бы не могъ сказать какая это пѣсенка, русская, литовская, съ Дона или Волги, до того намъ близки и знакомы и мотивъ пѣсенки и ея слова. Въ Босніи не имѣется вовсе настоящихъ османлы. Крестьянинъ боснякъ, или и бегъ не понимаетъ словъ корана, точно также какъ его землякъ, римскій католикъ, не понимаетъ латинскихъ словъ евангелія и обряднаго ритуала, онъ знаетъ лишь нѣсколько отрывочныхъ священныхъ фразъ. Мои знакомства съ отуречившимися туземцами были весьма мимолетныя и краткія, но съ христіанами я дружился сразу, весьма просто и весьма сердечно.

Пріемъ всегда предупредительный, патріархальный, гостепріимство большое. Мало-мальски вы знакомы, васъ угощаютъ ѣдою и питьемъ, всѣмъ, что есть въ хатѣ—кофеемъ и ракіею. Люди живутъ большими, разросшимися, не производящими раздѣловъ родами. Члены рода сильно другъ къ другу привязаны. Каждый безгранично преданъ своей *кучѣ*—семьѣ, своей *домовинѣ*—отечеству. Всѣ настроены религіозно и привѣтствуютъ и провожаютъ именемъ Бога (фалà Богу, съ Богомъ). Ничего нѣтъ святѣе древняго *завичая*, то-есть обычая, а за вѣру свою, разумѣется, всякій готовъ животъ свой положить. Ни одинъ европейскій народъ не испыталъ такого адскаго рабства, ни у одного нѣтъ столь свѣжихъ,

столь незаживших еще ранъ и рубцовъ отъ жестокаго гнета, ни у одного испытаніе не было до такой степени мученическое, ни одинъ не явилъ столько примѣровъ апостатства въ лицѣ своихъ природныхъ вождей, въ лицѣ своей аристократіи и части простого народа, которые отступились отъ креста. Такого позора ни у одного христіанскаго народа не было, чтобы цѣлая треть населенія избасурманилась по простому принужденію. Однако дѣло было сдѣлано. Того, что сдѣлано, даже и исторія не возвращаетъ въ прежнее состояніе, притомъ современное европейское государство потеряло снаровку кроваваго апостольства и обращенія посредствомъ насилія. Изъ этихъ мусульманъ, которые таковыми и останутся, такъ какъ коранъ обладаетъ секретомъ имѣть фанатически преданныхъ ему приверженцевъ, изъ этихъ римскихъ католиковъ и православныхъ, изъ этихъ трехъ началъ, которыя не вышли еще по своимъ понятіямъ изъ среднихъ вѣковъ, надо создать одно гражданское общество, надобно поставить отечество, если не замѣсто вѣры, то рядомъ съ нею; надо создавать народное единство тамъ, гдѣ существовали только вѣроисповѣдныя группы, отталкивающія себя взаимно и роднящіяся скорѣе съ инородцами, будь они только единовѣрцы, нежели съ единоземцами, но иновѣрцами.

Такова ужасно трудная задача, которую приходится рѣшать Австріи вслѣдствіе оккупаціи ею Герцеговины и Босніи по 25 статьѣ берлинскаго трактата. Оккупація явилась, какъ послѣдствіе паденія Турціи и невозможности сколько нибудь сноснаго матеріальнаго порядка въ странѣ, истощенной междоусобною войною. Оккупація можетъ кончиться присоединеніемъ, по молчаливому соизволенію представителей государствъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Въ такомъ смыслѣ поняли занятіе австрійскіе народы, одобрившіе его, и давшіе правительству и людей, и денегъ въ достаточномъ количествѣ. Пошли толки даже о томъ, что начинается опытъ примѣненія новой теоріи австрійско-всеславянской. Австрія

стала дѣйствовать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: матеріальныя средства ея были большія, несмотря на неупорядоченіе ея финансовъ, время для дѣйствія было достаточное, безъ осложненій, прерывающихъ работу, вліяніе ея на Сербію, Черногорію и даже Болгарію было громадное, не уравновѣшиваемое другимъ вліяніемъ съ востока, вслѣдствіе того что Россія занята была почти исключительно вопросами своей внутренней политики. Спрашивается: что было сдѣлано въ эти четыре года? намѣченъ-ли какой либо планъ организаціи? когда можетъ послѣдовать или послѣдуетъ ли когда-либо присоединеніе? Читатель не требуетъ, конечно, чтобы туристъ далъ на его вопросы удовлетворительный отвѣтъ по документамъ. Туристъ можетъ дать только отчетъ объ общемъ впечатлѣніи отъ совокупности того, что онъ видѣлъ и слышалъ, безъ подробнаго объясненія, какъ онъ пришелъ къ своимъ послѣднимъ заключеніямъ. Какъ туристъ, скажу, что присоединеніе еще въ очень большой дали, что оно еще не совсѣмъ вѣроятно, что, если-бы оно послѣдовало, то присоединяемый кусочекъ не удобоваримъ и причинитъ хлопотъ не мало. Причина тому и трудности задачи, и употребленіе не совсѣмъ подходящихъ средствъ, и недостаточность другихъ средствъ, болѣе подходящихъ, посредствомъ которыхъ ассимилирующее государство могло-бы осуществить очень нелегкое предпріятіе. Постараюсь, насколько могу, истолковать, почему въ данную минуту можно считать вообще, что предпріятіе получило неудачный оборотъ.

Австрійская оккупація ввела въ боснійское населеніе, сверхъ военнаго элемента, еще два новыя колонизаціонныя теченія: снизу промышленниковъ, сверху чиновниковъ. Плывутъ низомъ цѣлыми массами нѣмцы-колонисты, такъ называемые здѣсь *Швабы*. Они являются рабочими на желѣзницахъ или желѣзныхъ дорогахъ, селятся въ городахъ и селеніяхъ, какъ лавочники, винопродавцы и трактирщики. Среди мусора, въ грязнѣйшихъ помѣщеніяхъ въ Сараевѣ, можно у нихъ покупать самые

дорогіе и разнообразнѣйшіе товары, всѣ вѣнскія и пештскія издѣлія. Когда-нибудь, во второмъ или третьемъ поколеніи, этотъ элементъ обоснячится, но теперь онъ некрасивъ, вездѣ Geschäft, Schwindel и обираніе другихъ; въ дрянной избушкѣ, за плохую постель надо платить нѣмцамъ дороже, чѣмъ въ первокласныхъ гостиницахъ австро-венгерскихъ столицъ. Наѣхали чиновники, между ними мало нѣмцевъ и мадьяръ, за то наиболѣе братьевъ славянъ, чеховъ, хорватовъ, поляковъ-галичанъ. Предположимъ, что всѣ они по личнымъ качествамъ и честности—люди превосходные и безупречные, все-таки это цивилизаторы, которые вводятъ на чужой сторонѣ порядки совсѣмъ чуждые туземцамъ, съ которыми ихъ сроднило ихъ званіе, люди, готовые осуществлять правительственныя мѣропріятія энергически и вопреки какому-то не было сопротивленію. Правительство, желающее опираться не на одну только вооруженную силу, должно искать точекъ опоры въ мѣстномъ населеніи. Тутъ-то и получаютъ громадное значеніе вѣроисповѣдныя различія, тѣсно соединенныя съ ними дѣленія на сословія и устройство поземельныхъ отношеній. По оффиціальнымъ отчетамъ министра Шляви (Slavi) въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ народонаселеніе Босніи и Герцеговины—1.158.000 человѣкъ состоитъ изъ 43°/₀ православныхъ, 39°/₀ магометанъ, 17°/₀ римскихъ католиковъ и 1°/₀ остальныхъ исповѣданій. Изъ трехъ главныхъ исповѣданій Австрія можетъ расчитывать на поддержку наименѣе многочисленнаго, то-есть римскихъ, католиковъ. Если бы Боснія и Герцеговина были присоединены и къ нимъ прибавлена еще Далмація, узенькою полоскою отдѣляющая Герцеговину отъ моря и имѣющея населеніе, главнымъ образомъ состоящее изъ римскихъ католиковъ, то процентъ католиковъ бы возросъ, но все-таки не особенно значительно.

Римскіе католики были менѣе угнетаемы турками, нежели православные, ихъ церковная іерархія пользовалась бо́льшимъ почетомъ, нежели православная, которую

эксплоатировалъ въ денежномъ отношеніи Константинопольскій патріархъ. Здѣсь много монаховъ францисканцевъ, они вообще любимы и популярны. Австрійское правительство строитъ римско-католическія церкви во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ, не уступающія по красотѣ православнымъ церквамъ, построеннымъ на средства Россіи въ царствованіе Александра II, каковы церкви въ Мостарѣ и Сараевѣ. Въ 1881 г., во время паломничества въ Римъ въ честь святыхъ Кирилла и Меѳодія, возбуждена римскими католиками идея церковной уніи съ Римомъ, идея эта потомъ была оставлена, не дошедши до начала исполненія по недостатку поддержки. Современная политика потеряла секретъ достиженія значительныхъ измѣненій въ народѣ посредствомъ религіозной пропаганды. Римско-католическое исповѣданіе—слишкомъ узкій фундаментъ для дѣйствій австрійскаго правительства въ Босніи. Оно вынуждено искать опоры въ другихъ исповѣданіяхъ и создавать мѣстную австрійскую партію или изъ магометанъ, или изъ православныхъ, иными словами, либо среди отступнической интеллигенціи, или среди простонародія.

Ренегатство боснійской аристократіи легло на страну чернымъ пятномъ въ прошедшемъ и давитъ настоящее, точно крупный камень. Всѣ новѣйшія политическія народности Европы были зачаты въ религіозномъ единствѣ, каждую воспитала своя религія, воспитанникъ потомъ эманципировался, вслѣдствіе чего фундаментомъ современнаго построенія сдѣлалось понятіе не единовѣрчества, но согражданства. Между вѣроисповѣданіями посредникомъ является правительство, точно нейтральная Ѳемида съ вѣсами въ рукахъ, которая блюдетъ, чтобы люди не преслѣдовали другъ друга изъ-за вѣры. Въ Босніи иныя отношенія. Рознь религіозная помѣшала образованію національнаго единства и подготовила господство ислама. Вѣковой, неразрѣшимый споръ двухъ вѣроисповѣданій—римскаго и греческаго—осложнился съ появленіемъ протестантства въ сектѣ *патареновъ*. Раз-

ложеніе было полнѣйшее, короли и дворянство мѣняли многократно исповѣданія изъ-за политическихъ расчетовъ, открыто и безстыдно торговали совѣстью, только простой народъ былъ искренно преданъ религіи. Пришли турки и придавили народъ. Тогда испорченное дворянство, дабы остаться при достаткахъ и при земляхъ, по первому натиску приняло исламъ, то есть продало и вѣру свою, и душу, такъ какъ исламъ страшно заполоняетъ умы, и обасурманившійся человѣкъ бываетъ по фанатизму и насилію хуже кровнаго турка. Это кичливое дворянство сохранило всю пылкость и своеволіе своихъ предковъ, оно часто бунтовало и напоминало о себѣ Царьграду, послѣднимъ его укротителемъ былъ Омеръ паша, въ 1850 году. Послѣ каждаго пораженія оно играло въ оппозицію и въ либерализмъ, хотя главными побудительными причинами бунта были реформы Решидъ-паши и опубликованіе гатти-шерифа, подписаннаго въ Гюльхане, простирающаго на райю-христіанъ правительственную опеку. Нынѣ малая толика этой неисправимой и хищнической знати переселяется на востокъ. Для остающихся на мѣстѣ интересы ислама будутъ дороже и ближе къ сердцу интересовъ своей страны, и настоящее будетъ казаться несравненно хуже, въ сравненіи съ потеряннымъ раемъ, то-есть съ прошедшимъ, въ которомъ никто не мѣшалъ полному господству магометанъ надъ угнетенными рабами-райею.

Послѣ нѣскольких вѣковъ образованіе и перемѣна учрежденій могутъ перевоспитать магометанъ-боснійцевъ и сдѣлать изъ нихъ вполнѣ полезныхъ гражданъ, но сегодня на нихъ можно провѣрить поговорку, что природа тянетъ волка въ лѣсъ. Имъ слѣдуетъ только то, что по праву имъ принадлежитъ, чтобы мѣрилось тою-же мѣрою, какъ и христіанамъ. Всякія за ними ухаживанія были бы нынѣ съ ущербомъ для христіанъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ началѣ какой бы то ни было организаціи поставленъ громадный вопросъ аграрный, такъ какъ эта страна, бывшая столько вѣковъ мусульманскою,

не перестанетъ быть таковою, пока не будетъ измѣнено на коранѣ основанное, вполнѣ мусульманское устройство земельной собственности.

По идеѣ, свойственной мусульманскому законодательству, вся земля считается прежде всего султанскою собственностью, часть ея во владѣніи султана, другая, большая часть отдана мечетямъ, училищамъ, учрежденіямъ общеполезнымъ, общественнымъ (вакуфы), остальное роздано, почти что на ленномъ правѣ, бегамъ и инымъ привилегированнымъ землевладѣльцамъ. Обезземеленный крестьянинъ, обложенный государственными податьми и, сверхъ того, десятиною, данями и работами въ пользу своего бега, бывшаго спагиса или янычара, потерялъ современемъ право перехода отъ одного бега къ другому и сдѣлался просто рабомъ. Инсуррекціонное движеніе въ 1875 г. въ Босніи и Герцеговинѣ вызвано было и религіознымъ, и экономическимъ гнетомъ. Изъ многихъ мѣстностей беги бѣжали, даже и барщина прекратилась. Австрійское правительство послѣ оккупаціи то обѣщало аграрную реформу и объявляло немедленныя льготы въ повинностяхъ, то приступало къ средствамъ понужденія крестьянъ къ работамъ и данямъ въ пользу помѣщиковъ, то сгоняло простой народъ чинить дороги и заставляло его силою исправлять извѣстныя общественныя работы. Въ Яблоницѣ, на пути изъ Мостара въ Коницу, подрядчикъ, предприниматель работъ по проведенію шоссейныхъ дорогъ, объяснилъ мнѣ секретъ быстраго сооруженія этихъ дорогъ, проведенныхъ тотчасъ по оккупаціи. Вотъ пошли жандармы,—говорилъ онъ, сгонять мужиковъ на работу; безъ нагоновъ и безъ солдатъ у насъ не было-бы шоссейныхъ дорогъ, мы платимъ мужикамъ, что сами пожалуемъ, по 30 центовъ (крейцеровъ) въ день. Нельзя ни возстановлять власть и права беговъ, увеличивая эти права и предоставляя имъ землю въ полную вотчинную собственность, которой они не имѣли при турецкомъ владычествѣ, такъ какъ они пользовались землею только по ленному праву, ни оставлять

простой народъ въ экономическомъ двойномъ рабствѣ, и по отношенію къ государству, и по отношенію къ бегамъ, и въ полной неувѣренности, выйдутъ ли крестьяне когда нибудь изъ этихъ отношеній, уже нигдѣ въ Австріи не существующихъ. Райя боснійскій никогда не мирился съ послѣдствіями завоеванія: обезземеленіемъ и рабствомъ, никогда не признавалъ правъ завоевателей,—это не конченный споръ, который подлежитъ разсмотрѣнію суда исторіи.

Если бы австрійское правительство разсѣкло этотъ узелъ разомъ и рѣшительно, то оно стало бы твердою ногою на занятой почвѣ, потому что привязало бы къ себѣ на долгое время все христіанское населеніе православнаго и римско-католическаго обряда, слѣдовательно, абсолютное большинство населенія. Почему не рѣшается этотъ жгучій вопросъ? почему предуказанное законодательное дѣло отсрочено на неопредѣленное время? почему запутываются одни другимъ противорѣчащія распоряженія? На эти вопросы мнѣ давали австрійскіе чиновники слѣдующій, весьма откровенный, но также и наивный отвѣтъ: беги намъ ни почемъ, но зачѣмъ намъ дѣлать чужую работу, трудиться въ пользу Сербіи, Черногоріи и Россіи? Вѣдь все населеніе озирается, ища только, какъ бы отъ Австріи отпасть. При такихъ взглядахъ можно лишь вертѣться на одномъ и томъ же мѣстѣ, не поступая ни на шагъ впередъ.

Упростить административный механизмъ, не смотря на весьма первобытное состояніе общества, значитъ понизить до *minimum'а* гарантіи, которыми должна пользоваться личность въ нормальномъ обществѣ. Участіе *мѣстнаго населенія* въ администраціи равносильно выслушиванію совѣтовъ обасурманившейся мѣстной интеллигенціи, то есть классовъ, наиболѣе недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей и долженствующихъ подвергнуться и пониженію, и сокращенію, иными словами, классовъ, которые нами не могутъ быть названы консервативными. Оправдались ли бы въ будущемъ опасенія,

питаемыя по отношенію къ православной вѣрѣ, о томъ никто въ мірѣ судить нынѣ не можетъ; нельзя, однако, не признать, что правительство снискало бы сразу любовь и поддержку низшихъ классовъ населенія, то есть всѣхъ крестьянъ. Ихъ привязанность развязала бы руки пра-тельству и доставила бы нѣсколько десятковъ лѣтъ свободнаго распоряженія силы веществомъ. Въ политикѣ время все значитъ: матеріальныя потери можно вознаградить, потерей времени нельзя. Если бы даже считать рискованнымъ средствомъ, по причинѣ неизвѣстности дальнѣйшихъ послѣдствій, освобожденіе крестьянъ съ землею въ Герцеговинѣ и Босніи, то во всякомъ случаѣ неосвобожденіе и откладываніе разрѣшенія аграрнаго вопроса ведетъ къ послѣдствіямъ весьма извѣстнымъ, но и весьма печальнымъ, то есть къ неудачамъ, можетъ быть, и не очень отдаленнымъ.

Участіе страны въ самоуправленіи была бы въ настоящій моментъ пустѣйшая мечта. Въ администрацію просочились бы элементы, либо мусульманскіе, либо христіанскіе, но при туркахъ выросшіе и разжирѣвшіе. Ихъ можно нейтрализировать, но нельзя вводить ихъ въ администрацію, потому что само ихъ присутствіе было бы причиною порчи и бѣдствіемъ. Если, такимъ образомъ, надобно отречься отъ праздныхъ намѣреній управлять страною при помощи туземцевъ, то порядокъ управленія можетъ быть только теперешній, то есть бюрократическій, при помощи штыка, механизмъ по преданіямъ доконституціонной эпохи въ Австріи, то есть чередованіе произвола правителей и рутины. Въ новую страну, еще варварскую и дикую, вводятся казенные поборы и мелочныя полицейскія правила, къ которымъ не безъ труда, послѣ многихъ вѣковъ дрессировки, приноровились народы гораздо болѣе образованные умственно и этически, но которыя нестерпимы для полудикихъ людей. На сколько могутъ быть опасны опыты подобной цивилизаціи, то обнаружилось сюрпризомъ—инсуррекціею въ Герцеговинѣ и южной Босніи, недавно усмиренною. Замѣчательно, что въ инсурренціи не при-

нимали участія лишь римскіе католики, но въ ней дѣйствовали и мусульмане, и православные. Нѣмцы въ Коницѣ передавали мнѣ, какъ они испугались, когда на горахъ за городомъ появились усташи, которые если бы проникли въ городъ, то рѣзали бы инородцевъ безъ милосердія. Мнѣ разсказывали австрійскіе солдаты, какъ глумились Кривошіане надъ ранеными и убитыми солдатами, рѣзали уши, носы и иные члены тѣла. Нѣсколько тысячей усташей приводятъ въ движеніе болѣе ста тысячъ австрійскаго войска и понуждаютъ это войско быть на сторожѣ и принимать величайшія предосторожности. Теперь уже нѣтъ болѣе инсургентовъ, мѣстами только и по захолустьямъ толкаются бродяги, которые уже теперь просто разбойники—*гайдуки*, но съ этимъ населеніемъ горцевъ нельзя ни на что навѣрное разсчитывать. Вотъ скоро собранъ будетъ маисъ,—сказалъ мнѣ мой хозяинъ въ Каницѣ,—тогда бы вы посмотрѣли, какъ возьмутся многіе изъ этихъ босняковъ за свои *пушки*, то есть за ружья, и пойдутъ въ горы, и будутъ *пукать*, то есть стрѣлять. Правительство о томъ знаетъ, вотъ почему почта сопровождается сильнымъ эскортомъ, солдатъ пропасть въ каждомъ мѣстечкѣ, возлѣ городовъ заложены въ видѣ большихъ предмѣстій настоящіе лагери или каменныя казармы, прохаживаются многочисленные караульные и кочуютъ съ мѣста на мѣсто цѣлые отряды жандармовъ. Въ этихъ жандармскихъ отрядахъ на одинъ солдатскій мундиръ приходится три или четыре чисто босняцкіе костюма, съ бронзовыми только бляхами, изображающими двуглавыхъ австрійскихъ орловъ на чалмахъ или фескахъ. То были большею частью поступившіе по найму бывшіе заптіи или пандуры.

Вслѣдствіе безусловной необходимости укрѣпить далматинскіе острова и побережье со стороны моря, а также внутренность Герцеговины и окраины Герцеговины и Босніи, и вслѣдствіе такой же необходимости держать подъ ружьемъ большую военную силу, несоотвѣтствующую пространству занимаемой страны, вопросъ полити-

ческій осложняется весьма непріятнымъ для Австріи образомъ гораздо труднѣйшимъ—финансовымъ. Занимаемая страна поглощаетъ, повидимому безслѣдно, всѣ кредиты, вотированные австро-венгерскими делегаціями. Изъ двухъ половинъ государства Венгрія всего больше тяготится вопросомъ: чего можетъ еще стоить въ будущемъ оккупація? Можетъ быть венгерская оппозиція поставитъ ребромъ вопросъ: не лучше ли отказаться отъ оккупаціи совсѣмъ и покинуть этотъ своего рода Кавказъ, тѣмъ болѣе, что задача труднѣе, чѣмъ та, которую имѣла Россія на Кавказѣ, такъ какъ кавказскихъ горцевъ можно было совсѣмъ уединить, между тѣмъ какъ Герцеговина и Боснія примыкаютъ своими задами къ шевелящимся отъ всякаго подобнаго движенія своимъ собратіямъ, къ Черногорью и Сербіи, это движеніе идетъ и дальше, отдается и въ Россіи и можетъ пріобрѣсти неожиданно значеніе европейскаго вопроса. До начала оккупаціи, на берлинскомъ конгрессѣ Австрія уже предъявляла счетецъ издержекъ по содержанію бѣжавшихъ въ Австрію боснійцевъ и герцеговинцевъ (3.200.000 гульновъ). Теперь счетъ возросъ, превысилъ сотню милліоновъ по случаю оккупаціи и подавленія инсуррекціи. Въ случаѣ, если бы Австрія добровольно отказалась отъ оккупаціи, кому нибудь пришлось бы платить по этому счету. Можетъ быть, Австрія вдругъ рѣшится, зажмуривъ глаза, перейти Рубиконъ и сдѣлаетъ постановленіе о присоединеніи, послѣ чего оставленіе Босніи и Герцеговины сдѣлается для нея невозможнымъ. Можетъ быть также, что Австрія будетъ долго колебаться между оставленіемъ и присоединеніемъ. Самый лучшій способъ разрѣшить задачу былъ бы тотъ, чтобы сохранить Боснію для боснійцевъ, воспитать новую національную особь, которая могла бы потомъ получить самоуправленіе, какимъ пользуются другіе австрійскіе народы. Къ несчастію, этотъ народъ лишенъ нынѣ своей головы, нужно нѣсколько сотенъ лѣтъ, чтобы могли въ немъ вырости литература, самосознаніе и чувство національнаго единства, при су-

ществованіи котораго единятся и вѣроисповѣданія, нынѣ отталкивающіяся и ненавидящія другъ друга.

При нынѣшнемъ порядкѣ вещей Герцеговина при усилившемся центробѣжномъ стремленіи въ Австріи будетъ тянуть къ Черногорью, тѣмъ болѣе, что она и заселена главнымъ образомъ черногорскими выходцами, Боснія же будетъ тянуть къ королевству Сербіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что центробѣжное анти-австрійское направленіе усиливается, и что его значительное усиленіе повлечетъ великія послѣдствія и существеннѣйшія перемѣны и во внутреннихъ отношеніяхъ славянскихъ народностей въ Австріи, и въ международныхъ отношеніяхъ по Дунаю, и на Балканскомъ полуостровѣ.

Возрожденіе въ XIX вѣкѣ хорвато-сербской народности началось съ 1833 г., то есть съ появленія Людевита Гая (1809 † 1872 г.). Взятъ былъ языкъ за основаніе единенія. Оказалось, что на Балканскомъ полуостровѣ имѣются только два языка: болгарскій и сербохорватскій, что въ Сербіи, Босніи, Черногоріи, Далмаціи, Славоніи, даже въ Каринтіи, Штиріи и Крайнѣ употребляется одинъ только языкъ, котораго окрестили по древнему *иллирскимъ*, но имя это не продержалось долго, такъ что его замѣстили мало знаменательнымъ другимъ именемъ: *юго-славянскій*. Эта національность, проявившаяся внезапно и стремительно, сейчасъ же заняла по отношенію къ Венгріи такое же положеніе, которое занимаетъ бронзовая статуя Елачича, вылитая Фернкорномъ и украшающая главный рынокъ въ Загребѣ: кроатскій банъ ѣдетъ на сѣверъ въ Венгрію и метитъ въ нее остріемъ своей кривой сабли. Возрожденіе имѣло сначала только литературный характеръ, было отмѣчено клеймомъ романтизма и было архиеклетическое, то есть вбирало въ себя и братало въ себѣ всѣ воспоминанія запада и востока: Римъ, Венецію и Византію, короля Звониміра и царя Стефана Душана. Еще живъ на исходѣ дней своихъ одинъ изъ вожатыхъ въ этомъ движеніи—Иванъ Кукульевичъ Сахтинскій. Въ

мартѣ 1882 г. похороненъ въ Дубровникѣ другой дѣятель того же поколенія, дубровникскій поэтъ Поццо Орсати, который подписывался Медъ Пучичъ, вдохновенный лирикъ, писавшій кирилицею и восхищавшійся, какъ славянинъ, тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Петроградѣ, въ 1852 г., преклонявшійся и предъ Адамомъ Мицкевичемъ въ 1848 г. и воспѣвавшій, какъ тотъ черный столбъ въ память Барской конфедераціи, который воздвигнутъ въ Рапперсвилѣ близь Цюриха, такъ и черный камень близъ Констанца, на мѣстѣ сожженія Гусса. Напомню мимоходомъ, что незадолго передъ пріѣздомъ моимъ въ Рагузу справляемы были великолѣпные похороны 80-лѣтнему Вуку Врезетичу, который помогалъ Вуку Караджичу собирать сербскія пѣсни и который писалъ сербскія повѣсти.

Хотя языкъ служилъ основаніемъ единенія въ возрожденіи, и хотя братство начинаемо было съ литературы при тщательномъ удаленіи въ глубину прошедшаго религіозныхъ разницъ и политическихъ дѣленій, однако, такъ какъ движеніе началось въ Австріи и сосредоточивалось главнымъ образомъ въ Загребѣ, и такъ какъ всѣ его распространители получили западно-европейское воспитаніе, то ихъ совокупными усиліями распространяемъ былъ духъ западно-европейской культуры, родственный западнымъ славянамъ, хотя и не римской, но латынью вскормленной и воспитанной. Донынѣ Загребъ сіяетъ, какъ лучезарный просвѣтительный центръ, здѣсь возникли учрежденія, полезныя для народнаго образованія, патріотическими приношеніями хорватовъ и великодушными пожертвованіями дьяковарскаго епископа Іосифа Стросмайера, котораго я слышалъ какъ превозносили на сеймѣ въ Загребѣ въ 1873 г. члены сейма, называя «первымъ сыномъ Сербіи», (то есть хорвато-сербскаго народа). Здѣсь, въ собственномъ своемъ домѣ, на площади Зринія, размѣстившаяся юго-славянская академія ждетъ прибытія галлереи изъ 150 картинъ, подаренныхъ ей Стросмайеромъ. На бульварѣ передъ академіей, среди двухъ цвѣтниковъ, помѣщены два мрамор-

ные бюсты двухъ знаменитыхъ хорватовъ, художниковъ изъ эпохи итальянскаго возрожденія: миніатюриста Юрія Гловича (1498—1578 годовъ), который подъ именемъ *Clovio* прославился, какъ Рафаэль по миніатюрѣ, доведшій свое искуство до апогея совершенства», и Андрея Медулича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Schiavove*.

Въ Загребѣ съ 1874 года открытъ хорватскій университетъ имени Франца Іосифа, имѣется и народный театръ и опера, которою дирижируетъ извѣстный композиторъ Заицъ. Когда я сравнивалъ Загребъ, какимъ я его видѣлъ въ 1873 г., когда нѣкоторыя учрежденія были только въ зародышѣ или въ проектахъ, и когда на сеймѣ, подъ предсѣдательствомъ поэта бана Мазуранича, осуществлялось хорвато-венгерское соглашеніе съ теперешнимъ Загребомъ, то сравненіе оказывалось крайне невыгоднымъ для настоящаго момента. На сеймѣ 1873 г. одинъ только ораторъ представлялъ Ѳому невѣрующаго, а именно адвокатъ, докторъ Маканецъ, который никакъ не убѣждался въ искренности примирительныхъ намѣреній со стороны мадьяръ. Его побивали и одолѣвали молодые, только что начинающіе бойцы, въ томъ числѣ Живковичъ и Деренчинъ. Въ награду за осуществленіе соглашенія, вслѣдствіе коего хорватскій сеймъ посылаетъ въ венгерскій сеймъ 36 делегатовъ, Хорватія имѣетъ въ Загребѣ три самостоятельныя министерства: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія съ вѣроисповѣданіями. Мазураничъ сдѣланъ баномъ, но не удержался на посту. Живковичъ и Деренчинъ сдѣлали блистательныя карьеры: одинъ теперь министръ внутреннихъ дѣлъ, другой—юстиціи. Маканецъ совсѣмъ устранился отъ политической дѣятельности и адвокатствуетъ, ничѣмъ другимъ не занимаясь. Прежнія надежды, однако, на хорошія послѣдствія и искреннее исполненіе соглашенія разсѣялись, надъ теперешнимъ положеніемъ повисла черная туча недовольства мадьярами за конституціонное притворство, за употребленіе совсѣмъ не конституціонныхъ средствъ противъ народныхъ хорватскихъ стремленій,

за насилованіе на каждомъ шагу, по отношенію къ хорватамъ, свободы слова и печати. Неудобно, оказывается, дѣлать оппозицію на сеймѣ. Нынѣшній банъ Пеячевичъ, родомъ хорватъ, но мадьяризованный, совсѣмъ выгонитъ со службы того чиновника, который бы осмѣлился подать голосъ противъ предложеній правительства. Годъ тому назадъ банъ пріостановилъ въ исправленіи должности профессора университета графа Костю Войновича за одну только рѣчь его на сеймѣ, притомъ за рѣчь умѣренную и со стороны формы безупречную. Только по ходатайству всего университета и вслѣдствіе большихъ стараній въ Вѣнѣ, отмѣнено было это распоряженіе. Архіепископскій престолъ занимаетъ кровный мадьяръ Михаловичъ, а такъ какъ и въ Ценгѣ или Сени епископъ тоже мадьяръ, то по смерти Стросмайера вся высшая іерархія церковная можетъ быть чисто мадьярская. Такъ какъ все духовенство римско-католическое на сеймѣ, кромѣ епископовъ, находится въ оппозиціи противъ правительства, за что духовные преслѣдуются епископами, то возникаютъ жалобы за жалобами на архіепископа и доходятъ часто до самаго Рима. Уставы судопроизводства примѣняются отжившіе, старые. Я хотѣлъ зайти на засѣданіе гражданскаго суда, но меня не пустили, потому что судъ не гласный и судоговореніе при закрытыхъ дверяхъ. Уставъ уголовнаго судопроизводства 23 мая 1873 года еще не введенъ, слѣдовательно, присяжнымъ подсудны одни только дѣла о преступленіяхъ печати. Въ газетахъ публикуются списки такихъ спеціальныхъ *поротителей* или присяжныхъ, но публикуются напрасно, потому что администрація не довѣряетъ присяжнымъ и предпочитаетъ по отношенію къ газетамъ производство такъ называемое *объективное*, заключающееся въ томъ, чтобы арестовать и уничтожать отдѣльные номера изданія, не трогая авторовъ. Еженедѣльно нѣсколько газетъ являются съ пустыми, непечатанными столбцами. Очевидно, что не все идетъ наилучшимъ образомъ въ этомъ ненаилучшемъ мірѣ, что Ав-

стрія еще далеко не конституціонная страна, и что во многихъ ея частяхъ гораздо больше декорацій, нежели настоящихъ конституціонныхъ формъ. Раздраженіе противъ мадьяръ большое и оно обостряется. Я слышалъ изъ устъ Рачки, члена академіи и каноника: мадьяры тѣже турки, только крещеные, они любятъ свободу только для себя, а не для другихъ народовъ.

Весьма непріятное отношеніе къ мадьярамъ могло-бы измѣниться къ выгодѣ хорвато-сербовъ при условіяхъ терпѣнія, выдержки и усиленіи единства и дисциплины въ народныхъ рядахъ, если бы усилія ихъ не встрѣчали внутри самого народа противодѣйствія, если бы въ народѣ не существовалъ расколъ, вслѣдствіе того, что расовое и язычное единство раскалывается на два составные элемента: спеціально хорватскій и спеціально сербскій. Сербскій элементъ въ державѣ св. Стефана сравнительно съ хорватами весьма новъ, онъ—недавній пришлецъ, происходящій отъ ускоковъ, почти что такихъ же, какъ наши казаки. Самую большую часть этого населенія привелъ въ Австрію въ 1690 г., по трактату съ императоромъ, Арсеній Черноевичъ, который съ 37.000 сербскихъ семействъ, переселился въ Сырмію и Банатъ, послѣ чего покинутая столица Печь, Дечанскій монастырь и историческія мѣста старой Сербіи сдѣлались добычею Албанцевъ. Сербы всегда держались особнякомъ, хранили преданія патріархата и воеводства сербскаго. Послѣ того, какъ возродилась и разцвѣла своеобразная литература въ Загребѣ, два умственные сепаратистическіе центры не подчинились этому теченію: Бѣлградъ въ княжествѣ Сербскомъ и Новый Садъ на австрійской почвѣ. Несмотря на единство расы и языка, Сербы отстаивали двойственность особыхъ литературъ и народностей. Въ жизни сеймовой и политической сербы отличались тѣмъ, что держались твердо правительства, то есть мадьярской партіи, даже въ наиболѣе важныхъ для хорвато-сербскаго народа вопросахъ, и весьма мало заботились о конституціонныхъ гарантіяхъ для національности и лич-

ности. «Это наши Русины»,—говорили мнѣ, объясняя это, и загребскіе знакомые, намекая на русско-польскія отношенія въ Галиціи и на послѣдній политическій процессъ (Ольга Грабаръ, Наумовичъ, Добрянскій). Есть доля правды въ этомъ сравненіи. Для примиренія и соглашенія необходимы два условія: искреннее, обоюдное желаніе помириться и обоюдное признаніе извѣстной политической нормы, какъ основанія честнаго компромисса. Необходимо признать извѣстное устройство страны, какъ почву, съ которой нельзя уже сходить. Первое изъ этихъ условій не подлежитъ повѣркѣ, но второе можетъ быть повѣряемо весьма легко. Если одинъ контрагентъ вмѣсто политическаго основанія для единенія подставляетъ религіозное, то-есть, если съ реальной почвы онъ переводитъ интересъ на химерическую, потому что нельзя-же нынѣ помышлять о переходѣ массами изъ одной религіи въ въ другую, или если, ни во что не ставя выгоды извѣстнаго конституціоннаго устройства, онъ ихъ временно терпитъ, но предпочитаетъ абсолютизмъ, да кромѣ того, помѣстилъ свой идеалъ за предѣлами политической нормы и за нимъ протягиваетъ руку при всякомъ удобномъ случаѣ, то никакіе опыты соглашенія не могутъ ни къ чему привести. Вѣрноконституціонной партіи, отъ которой требуютъ только уступокъ, не опредѣляя, какъ далеко могутъ зайти эти уступки, остается только играть слѣдующую, довольно хорошую роль: быть безпристрастнымъ, справедливымъ, не злоупотреблять своимъ превосходствомъ, словомъ, памятовать о томъ, чтобы не дѣлать другому того, что тебѣ самому негоже. Недоразумѣнія и междоусобія съ сербами усиливаются, по мѣрѣ австрійскихъ неудачъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Оккупація есть практическое примѣненіе той-же западно-европейской идеи, которая есть какъ бы мозгъ костей сосредоточенной въ Загребѣ хорвато-сербской культуры. Ошибки политики наводятъ на мысль о несостоятельности самой идеи: Эта идея не господствовала никогда безусловно, теперь она больше, чѣмъ когда-либо, потрясена. Сегодня

все болѣе и болѣе всплываетъ, правда, что только въ воображеніи, а не на дѣлѣ, и дѣйствуетъ все сильнѣе и сильнѣе на умы призракъ померкшихъ временъ, велико-сербская идея, ликъ сербскаго царя Стефана Душана изъ половины XIV вѣка, сильно-византійскій идеалъ на яркой религіозной подкладкѣ, выраженіе греково-сточнаго исповѣданія, сосредоточивающагося, чтобы положить преграду предпринятому походу на востокъ латинской культуры, представляемой австрійско-венгерскимъ государствомъ. Сѣдые поборники возрожденія въ первомъ его періодѣ, такъ-называемомъ иллирскомъ (напримѣръ, Казначичъ) признавались, что вся ихъ работа обращается ни во что, что она трескается и крошится въ той самой точкѣ, съ которой они начинали лѣпить и строить. Странно, что и на дальнемъ сѣверо-востокѣ (въ Россіи) по другимъ причинамъ родился такой же поворотъ къ архаизму, такое-же исканіе основаній быта въ допетровскихъ временахъ, такое-же облюбованіе византійскихъ и религіозныхъ предметовъ.

Донынѣ не бывало примѣровъ удачъ въ примѣненіяхъ археологіи къ политикѣ. Нашъ вѣкъ лишенъ возможности строить государство на чисто церковномъ основаніи. Но когда мысль кидается въ какую-нибудь сторону, то существуетъ опасность, которая, если не будетъ предупреждена не застращиваніемъ своихъ подданныхъ, настоящихъ или будущихъ, или слабыхъ сосѣдей, но исправленіемъ собственныхъ ошибокъ, то она причинитъ множество бѣдъ и хлопотъ, и даже множество осложненій, не только мѣстныхъ, но и европейскихъ, тѣмъ болѣе, что Балканскій полуостровъ весь похожъ на складъ горючихъ матеріаловъ, въ который заронись только искра, она можетъ причинить страшный пожаръ. Неожиданности возможны, независимо отъ политики правительствъ на полуостровѣ. Въ Августѣ 1882 г. пештскія газеты пустили въ ходъ извѣстіе, повторенное потомъ въ вѣнскихъ, о важныхъ секретныхъ бумагахъ, якобы случайно открытыхъ въ Калиновикѣ

въ Босніи и указывающихъ на то, что инсургентовъ въ Герцеговинцѣ и Босніи поддерживаютъ тайныя великосербскія общества, развѣтвленныя въ Черногорьѣ и Сербіи, и славянскіе комитеты въ Россіи. Это извѣстіе не подтвердилось, можетъ быть, оно было сочинено, но возможность существованія чего-нибудь подобнаго неоспорима. Въ Сербіи и Черногорьѣ не можетъ не быть сочувствія родичамъ и единовѣрцамъ. Вопреки всѣмъ усиліямъ нынѣшняго сербскаго министерства, весьма преданнаго Австріи, могутъ такъ сложиться обстоятельства, что все населеніе Сербіи вступится за единоплеменниковъ, ниспровергнетъ министерство и увлечетъ за собою правительство.

Что-же касается до Черногорья, то на всемъ Балканскомъ полуостровѣ оно наиболѣе высокій и превосходный обсерваціонный постъ, занятый храбрымъ и дисциплинированнымъ гарнизономъ, зорко слѣдящимъ за тѣмъ, что дѣлается кругомъ, и готовымъ кинуться въ любую сторону. Нетерпится этому гарнизону, ему здѣсь очень тѣсно, потому что мать земля скупится и не даетъ своимъ дѣтямъ сытно кормиться. Два дня, которые я провелъ въ Цетиньѣ, были наиболѣе пріятные въ цѣломъ моемъ путешествіи. Я не могъ вдоволь надышаться этимъ здоровымъ горскимъ воздухомъ и этою свободою, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь полною; нѣчто подобное можно-бы отыскать развѣ въ одной только Швейцаріи. Прощаясь съ этими храбрыми витязями, которые столь горделиво и въ теченіи столькихъ вѣковъ держались подъ знаменемъ креста на своихъ нагихъ скалахъ, не склоняя головъ въ то самое время, когда всѣ ихъ сродственники побывали подъ турецкимъ ярмомъ, я подумалъ: «помогай Богъ, размножайтесь и разростайтесь! Изъ всѣхъ южныхъ славянъ вы наиболѣе развиты и подготовлены политически. Успѣхи, которыхъ я вамъ желаю, будутъ во всякомъ случаѣ соотвѣтствовать вашей выработкѣ, вашимъ заслугамъ». Я и заканчиваю мое, можетъ быть, слишкомъ длинное повѣствованіе о

путешествіи нѣсколькими подробностями и нѣкоторыми воспоминаніями изъ моей бытности въ Черногорьѣ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Черногорье не прикасалось вовсе къ морю и считало не болѣе 150.000 жителей. Нынѣ въ предѣлахъ, начертанныхъ Берлинскимъ трактатомъ 1878 г., прибавились къ нему съ сѣвера Никшичъ и Пива съ горою Дормиторомъ, съ юга Гусинье и Подгорица, половина озера Скутари, морскія гавани Антивари и Дульциньо, и стало свободнымъ плаваніе съ озера Скутарійскаго къ морю по рѣкѣ Бояну. Число населенія почти удвоилось, но оно все-таки не доходитъ до 300.000, то-есть равняется населенію европейскаго города средней величины. Южная часть границы еще не совсѣмъ опредѣлена по трактату, а имѣетъ она самыхъ дурныхъ сосѣдей, албанцевъ или по-черногорски, *арбанештовъ.* Черногорцы не даютъ себя въ обиду, слѣдовательно, когда имъ не помогаетъ европейская дипломатія, они прибѣгаютъ къ оружію, вслѣдствіе чего нечему удивляться, если, вслѣдствіе занятія куска земли или заграбленія чьего либо стада, раздадутся выстрѣлы изъ пушекъ (ружей) и топовъ (пушекъ) въ окрестностяхъ Антивари и на берегахъ Бояна. Постояннаго войска въ Черногорьѣ нѣтъ, но въ случаѣ войны всѣ взрослые мужчины должны нести военную службу. Ополченіе можетъ доставить заразъ никакъ не болѣе 30 тысячъ ратниковъ (5 бригадъ, въ бригадѣ отъ 5 до 6 баталіоновъ или *четъ,* въ четѣ отъ 600 до 800 человѣкъ). Рядомъ съ княжьимъ конакомъ въ Цетиньѣ стоитъ большое зданіе, именуемое *бильярда,* бывшее мѣстопребываніемъ послѣдняго князя-владыки, то есть епископа Петра II. Въ этомъ зданіи помѣщаются нынѣ всѣ министерства, весьма малыя по своему составу, потому что каждое изъ нихъ состоитъ не болѣе, какъ изъ двухъ лицъ: министра и его секретаря. Здѣсь живутъ и *перяники,* то есть тѣлохранители князя. Въ военномъ министерствѣ развѣшены на стѣнахъ народные трофеи, а въ особомъ магазинѣ расположены на козлахъ 20.000 превосходныхъ скорострѣль-

ныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части и обстрѣливающихъ, какъ мнѣ говорили, пространство въ 3 километра. Ружья эти раздаются только тогда, когда черногорцы идутъ въ походъ и сдаются обратно въ магазинъ послѣ кампаніи. Васъ удивитъ, конечно,—сказалъ мнѣ секретарь военнаго министра, обводившій меня по трофейному музею,—почему здѣсь нѣтъ оружія, а только окровавленныя лохмотья отъ платьевъ и ордена; мы не развѣшиваемъ оружія, оно тотчасъ же идетъ въ дѣлежъ, и каждый черногорецъ имѣетъ свое вооруженіе, не прибѣгая къ казенному. Вооружены всѣ,—даже и духовные. Еще и въ наши времена случалось, что духовные бывали военными министрами, напримѣръ, попъ Илья Пламенацъ. Въ цетинскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся останки князя Данилы и Мирка, отца нынѣшняго князя Николая, насъ принималъ архимандритъ Митрофанъ, о которомъ намъ сказывали, что онъ храбрый юнакъ, доставившій однажды побѣду своимъ землякамъ въ битвѣ съ арбанештами, на которыхъ кинулся съ крестомъ и саблею, увлекая за собою черногорцевъ. Черногорье поражаетъ посѣтителя не только отсутствіемъ постояннаго войска, но и всего того, чѣмъ каждое европейское правительство обличаетъ на каждомъ мѣстѣ свое присутствіе и попечительность. Пирамидальная куча наваленныхъ камней возлѣ дороги—вотъ единственный знакъ государственной границы. Никакой, притомъ, пограничной стражи, ни таможни, даже нѣтъ простой полиціи, хотя путешественникъ, у котораго никто не спроситъ паспорта, можетъ безопасно исходить или изъѣздить верхомъ всю страну отъ края и до края, и вдоль и поперегъ. Князь экономничаетъ и жалѣетъ денегъ на устройство своего монетнаго двора. Во всей Черногоріи обращается австрійская мелочь серебра и бумажки. Страна дѣлилась прежде на нахіи, нынѣ на капетанства; каждымъ правитъ поставленный княземъ капетанъ, онъ же и судья въ маловажныхъ дѣлахъ. Для важнѣйшихъ имѣется 5 или 6 коллегіальныхъ окружныхъ су-

довъ и одинъ великій или верховный судъ въ Цетиньѣ. Часто тяжущіеся прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству самого князя. При отсутствіи закона писаннаго невозможно строгое разграниченіе суда уголовнаго отъ гражданскаго. Въ уголовномъ правѣ произошла недавно, почти на нашихъ глазахъ (при князѣ Даніилѣ), та капитальная перемѣна, что отмѣнена кровная месть черногорская, не уступавшая корсиканской вендеттѣ и имѣвшая то послѣдствіе, что цѣлые роды погибали въ междоусобныхъ войнахъ и цѣлыя нахіи дрались изъ-за нея между собою. Месть исчезла со своими спутниками; вирами и окупами; мѣсто ея заняли смертная казнь разстрѣляніемъ и тюрьма. Существуетъ проэктъ гражданскаго уложенія, выработанный профессоромъ Богишичемъ, который, хотя и разсмотрѣнъ, но не получилъ еще санкціи. Одновременно съ отмѣною кровной мести и съ строгимъ, со времени князя Даніила, преслѣдованіемъ воровства, совершилось преображеніе общества, переходъ его изъ военнаго, разбойническаго быта въ бытъ земледѣльческій и промышленный. Война перестала быть нормальнымъ состояніемъ, работы по воздѣлыванію земли и хозяйству перестали исключительно обременять одинъ женскій полъ. Земля воздѣлывается съ величайшимъ трудомъ и доставляетъ, сверхъ хлѣба, огородническія растенія, маисъ, мѣстами даже виноградъ. Скотоводство (въ особенности овцеводство) дѣлаетъ успѣхи. Черногорецъ—большой приверженецъ частной поземельной собственности; всѣ земли распредѣлены, и нѣтъ никому не принадлежащихъ, хотя бы то были дикія и голыя скалы, не допускающія никакой культуры. Государство, полвѣка тому назадъ еще теократическое, управляемое владыками, нынѣ сдѣлалось до того свѣтскимъ, что митрополитъ не входитъ въ составъ княжескаго державнаго совѣта. Духовенству подвѣдомственны только бракоразводныя дѣла. Образъ правленія самодержавный, правительство обладаетъ большою силою, но мало есть странъ, гдѣ бы до такой, какъ въ Черногоріи, степени считались

съ желаніями и настроеніемъ населенія. По всякому важнѣйшему вопросу князь совѣщается съ державнымъ совѣтомъ изъ воеводъ и министровъ. Споры запутанные, возбуждающіе коренные юридическіе вопросы, князь затрудняется рѣшать и отсылаетъ стороны къ великому суду.

Князь имѣетъ сношенія не только съ сановниками; онъ сообщается постоянно, и притомъ патріархальнѣйшимъ образомъ, со всѣмъ своимъ народомъ, чему способствуетъ сама внѣшняя обстановка его скромнаго дворца или конака въ столичномъ градѣ или варошѣ Цетиньѣ, считающемъ не болѣе 1.500 жителей. Довольно обширная полянка, на которой выстроенъ городъ, окружена горами; изъ нихъ самая высокая Ловчинъ, на которой похороненъ по собственному желанію послѣдній владыка-государь Петръ II, монахъ, воинъ и поэтъ. Городъ не обнесенъ стѣнами, не имѣетъ кругомъ ни воротъ, ни укрѣпленій и похожъ на длинную улицу, пересѣченную немногими короткими поперечными съ добавкою нѣсколькихъ не обстроенныхъ еще площадей. На одной изъ нихъ имѣются развалины церкви и слѣды кладбища. Церковь эту выстроилъ въ 1484 г. основатель города Иванъ Черноевичъ, котораго венеціанцы считали своимъ воеводою, владѣтель горнаго Ксента или Зеты. Здѣсь поселился онъ, уходя въ горы отъ турокъ, здѣсь и завелъ въ 1496 г. книгопечатню. Трудно перечислить всѣ случаи перехода княжьей столицы изъ рукъ въ руки, къ туркамъ и къ черногорцамъ. Садъ княжескаго конака примыкаетъ къ развалинамъ этой древней церкви Черноевича. За тѣми-же развалинами съ другой стороны, у подошвы горы, выстроенъ статный монастырь въ итальянскомъ вкусѣ, съ аркадами, и надъ нимъ высится отдѣльно стоящая башня съ конусообразнымъ верхомъ, на которой до 1850 г. при князьяхъ-владыкахъ торчали на кольяхъ отсѣченныя головы турокъ. Княгиня Даринка, жена князя Данилы, выпросила у мужа приказаніе снять эти страшные трофеи и похоронить ихъ. Конакъ сосѣдствуетъ съ бильярдою и выходитъ одною

изъ своихъ сторонъ на открытую площадку, среди которой широко раскинулъ вѣтви, густо покрытыя листвою, красивый вязъ. Пень этого вяза кругомъ окопанъ и насыпь обложена каменными плитами. Эта площадка—тоже что форумъ или агора; весь день здѣсь толкается народъ, сходятся и бесѣдуютъ сановники о политическихъ новостяхъ, останавливаются просители, пришедшіе хлопотать въ судахъ или министерствахъ, или просто-напросто отправляющіеся на базаръ. Здѣсь ждутъ приказаній княжескіе переняки, сидя на камняхъ, или забавляясь киданіемъ тяжелыхъ каменныхъ шаровъ. Ихъ числится сотни двѣ, они наряднѣе другихъ людей одѣты и отличены знаками на шапкахъ, серебряными у рядовыхъ, золочеными у капетановъ. Самъ князь является нерѣдко, садится подъ сѣнью вяза на каменномъ сидѣньѣ, бесѣдуетъ или судитъ, словомъ, дѣйствуетъ какъ святой Людовикъ король французскій подъ историческимъ дубомъ въ Венсеннѣ или какъ любой изъ старинныхъ польскихъ королей Пястовъ. Не бывало примѣра, чтобы князь, отправляясь за границу или возвращаясь, или рѣшившись на какое нибудь политическое дѣйствіе, не открылъ своихъ намѣреній, или не сообщилъ достигнутыхъ имъ результатовъ такимъ примитивнымъ способомъ народу, окружающему его толпами со всѣхъ сторонъ. Въ числѣ перяниковъ я увидѣлъ одного не въ черной бараньей шапкѣ съ золотымъ верхомъ, а въ красной фескѣ. Мнѣ сказали, что это бегъ изъ новоприсоединеннаго Никшича, который попросился на службу къ князю, не смотря на то, что онъ магометанинъ. Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, но мнѣ замѣтили, что князь не дѣлаетъ никакого различія между подданными по отношенію къ ихъ вѣроисповѣданіямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Черногорье наиболѣе обязано своими теперешними успѣхами и значеніемъ способностямъ, энергическому характеру и необыкновенному уму своего Государя—князя Николая. Князь и народъ не разъ испытали превратности судьбы. Всего

тяжелѣе пришелся имъ 1862 годъ, когда въ самой Цетиньѣ Омеръ-паша предписывалъ разбитымъ горцамъ условія мира, почти уничтожавшія независимость Черногорья. Съ тѣхъ поръ не только потерянное было возвращено и наверстано, но владѣнія распространены, закруглены и примыкаютъ теперь къ самому морю. Предстоятъ заботы, какъ возстановить разоренный до тла Антивари, какъ обуздать албанцевъ, какъ держать балансъ на натянутомъ канатѣ между различными вліяніями, между Вѣною и Петербургомъ. Средства князя весьма ограниченныя; значительная часть рессурсовъ казны заключается въ субсидіяхъ, охотно и съ давнихъ временъ уплачиваемыхъ двумя великими христіанскими державами за испытанную готовность черногорцевъ къ войнѣ съ турками. Прекращеніе этихъ уплатъ поставило-бы страну въ большое затрудненіе. Князь воспитываетъ дочерей въ С.-Петербургѣ, а сына будетъ воспитывать, можетъ быть, въ Вѣнѣ. Князя не было въ Цетиньѣ во время моего посѣщенія Черногорья, но престолонаслѣдника я видѣлъ: красивый, нѣжный мальчикъ съ выразительными глазами мечтателя.

Отъ преобладанія Австріи труднѣе нынѣ предохранить себя, нежели отъ прежняго превосходства Турціи. Постояннымъ источникомъ недоразумѣній служатъ пребываніе въ Черногорьѣ выходцевъ изъ Босніи, Далмація и Герцеговины и то великолѣпное право убѣжища, которое Черногорье предоставляло и предоставляетъ всякимъ выходцамъ по стариннымъ своимъ народнымъ преданіямъ. Оно ставитъ ежеминутно Черногорье въ щекотливое положеніе по отношенію къ Австріи. Черныя тучи носятся по небосклону, однако, этотъ крошечный, микроскопическій народецъ смѣло глядитъ въ будущее, съ увѣренностью, что онъ съ этимъ будущимъ какъ нибудь да справится.

(Ateneum 1882).

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ V.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

(1867—1874)

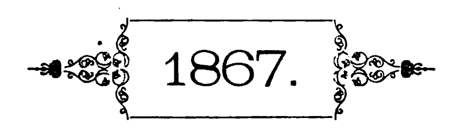
Изданіе П. Гайдебурова книги Вундта.—Шомбергъ-Колонтай. — Шишкины. — Графъ И. Морковъ. — Изъ дѣла о скопцахъ Плотицыныхъ и др. — Изданіе писемъ объ Англіи Луи-Блана Щаповымъ. — Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. — Нечаевское дѣло. — Изданіе Поляковымъ «раціонализма» Лекки. —Дуэль между Утинымъ и Жоховымъ. — Пальмъ. — Дементьевъ. — Терпигоревъ. — Дѣло объ убійствѣ Чихачева. — Дѣло Долгушина и др.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская, 26.

1893.

Типографія С. А. Корнатовскаго, Малая Морская, 9.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

1.

Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ по поводу изданнаго имъ перевода 2 тома книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ».

Гайдебуровъ обвинялся въ томъ, что издавая книгу, въ которой были мѣста касающіяся прямо религіи и потому дающія полный поводъ сомнѣваться въ возможности допустить это изданіе къ обращенію безъ разсмотрѣнія духовной цензуры, отпечаталъ эту книгу безъ представленія въ предварительную цензуру, что составляетъ проступокъ предусмотрѣнный 1024 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ во 2 Отдѣленіи С.-Петербургскаго Окружнаго Суда 11 апрѣля 1867 года.

Гг. Судьи!

Настоящее дѣло возникло по инициативѣ комитета духовной цензуры, при посредствѣ комитета цензуры свѣтской, и по отзывамъ ихъ, переданнымъ прокурорскому надзору.

Мнѣ невыгодно имѣть трехъ противниковъ; очень понятно, что я хотѣлъ бы имѣть дѣло съ однимъ. Вотъ почему я прежде всего поставлю слѣдующій вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть отзывъ духовной цензуры?

Обязательно ли для окружнаго суда мнѣніе духовной цензуры, или нѣтъ? Если обязательно, то не стоитъ и защищаться; если не обязательно, то я надѣюсь въ судебномъ состязаніи поставить столь сильные доводы въ оправданіе моего кліента, что онъ будетъ отъ суда освобожденъ.

Прежде всего разберемъ, что содержится въ отзывѣ духовной цензуры? Во 1-хъ, обвиненіе книги въ противозаконности и антирелигіозности содержанія; 2) прямое и положительное заявленіе того, что она должна была идти на предварительный просмотръ духовной цензуры. Что касается до перваго пункта, то я бы хотѣлъ, но не въ правѣ его касаться, потому что онъ не внесенъ въ обвинительный актъ, обвинительная власть не поддерживаетъ его. Остается 2-й пунктъ—одинъ, и только одинъ. Духовная цензура прямо утверждаетъ, что книга Вундта подлежитъ ея вѣдѣнію, и изъ этого положенія выводитъ слѣдующія послѣдствія: личную отвѣтственность для издателя по 1024 ст. и конфискацію для сочиненія, какъ можно предугадывать, по 255 ст. цензурнаго устава. Можетъ ли судъ принять это заявленіе на вѣру или долженъ отнестись къ нему критически: разобрать его и повѣрить, согласно ли оно съ дѣйствительностью, или нѣтъ? Я полагаю—отвѣтъ одинъ: мнѣніе духовной цензуры необязательно и должно быть разобрано по всѣмъ правиламъ доказательствъ. Цензурный комитетъ не есть судъ, его отзывъ не можетъ имѣть такого значенія, какъ, напримѣръ, рѣшеніе суда, вошедшее въ законную силу; онъ есть сторона, возбуждающая преслѣдованіе.

Я полагаю, что дѣло Гайдебурова будетъ разбираться, какъ будто бы его обвинялъ одинъ только г. прокуроръ. Обвиненіе г. прокурора держится на 2 статьяхъ цензурнаго устава: 199 и 39. Въ 199 ст. перечислены сочиненія и переводы, которые должны идти на просмотръ духовной цензуры; въ п. 3 сказано: «сочиненія и переводы, содержащіе изложеніе истинъ, относящихся къ основаніямъ христіанской вѣры или религіи вообще». Въ ст. 39 говорится, что

свѣтская цензура входитъ въ сношеніе съ духовной всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры. Что касается до 199 ст., то я долженъ поблагодарить г. прокурора за его слова, занесенныя въ обвинительный актъ; эти слова вполнѣ и совершенно оправдываютъ моего кліента. Г. прокуроръ заявилъ въ обвинительномъ актѣ, что сочиненіе Вундта собственно не содержитъ истинъ христіанской вѣры или истинъ религіи вообще, но только близко *касается* ихъ. Но такъ какъ въ ст. 199 не говорится о книгахъ, близко касающихся основаній религіи, а только о содержащихъ изложеніе основаній религіи, то съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ бы былъ и споръ всякій прекратиться, т. е. должно бы быть принято, что т. 2 книги Вундта по собственному признанію г. прокурора, какъ не содержащій изложенія основаній религіи, не подходитъ подъ 199 ст. цен. уст., и слѣд. цензурѣ духовной не подлежитъ, какъ бы близко онъ ни касался разряда книгъ, подлежащихъ просмотру духовной цензуры. Я ставлю обвиняющей власти слѣдующую дилемму: или книга подходитъ прямо подъ ст. 199, тогда вы должны измѣнить вашъ обвинительный актъ, потому что по вашему она не подходитъ, а только касается, а о подобномъ касательствѣ нѣтъ и помину въ законѣ; или книга не подходитъ подъ 199 ст., тогда не зачѣмъ и возбуждать преслѣдованія. Перехожу теперь къ ст. 39. По этой ст. Гайдебурову вмѣняется въ вину не то, что онъ преступилъ законъ, а то, что онъ усомнился, что легко можетъ преступить его; что онъ не подумалъ: авось, можетъ быть эта книга и въ самомъ дѣлѣ должна идти предварительно въ духовную цензуру. Но чтобы подвергнуть Гайдебурова отвѣтственности за то, что онъ не усомнился, надо доказать, что на немъ лежала юридическая обязанность сомнѣваться. Но сколько я ни вертѣлъ 39 ст., все-таки не могъ взять въ толкъ и

понять, какъ можетъ она относиться къ Гайдебурову. Въ ней излагаются обязанности свѣтской цензуры, т. е. правительственнаго установленія, имѣющаго цѣлью производить просмотръ рукописей и отпечатанныхъ книгъ, а мой довѣритель никогда цензоромъ не былъ и даже въ коронной службѣ не состоялъ. Г. прокуроръ полагаетъ, вѣроятно, что за упраздненіемъ предварительной цензуры для нѣкотораго рода сочиненій, обязанности цензоровъ перешли на сочинителей и издателей. Я думаю, что онъ ошибается: никто не можетъ быть въ одно и тоже время и наблюдателемъ и наблюдаемымъ, и цензоромъ и цензуруемымъ. Такое раздвоеніе себя, такое отправленіе двухъ противоположныхъ функцій превышаетъ силы человѣческія. Это свыше природы человѣческой. Ст. 39 существуетъ и до сихъ поръ, но она до сихъ поръ относится къ однимъ цензурнымъ установленіямъ, а не къ частнымъ лицамъ. И теперь еще, когда въ комитетъ свѣтской цензуры представляется отпечатанное сочиненіе, гдѣ оно должно пролежать 3 дня, комитетъ цензуры свѣтской лишь только замѣтитъ мѣста духовнаго содержанія, хотя бы они и не подходили прямо подъ 199 ст. цензурнаго устава, обязанъ тотчасъ препроводить книгу съ отмѣченными мѣстами въ духовную цензуру и подождать до полученія отзыва отъ духовной цензуры. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что срокъ трехдневный слишкомъ коротокъ; но цензурный комитетъ пользуется, какъ извѣстно, весьма широко правомъ просматривать въ теченіе времени большаго, нежели 3 дня; слѣдовательно это возраженіе не можетъ имѣть мѣста. Такимъ образомъ, я полагаю, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что статья эта не идетъ къ Гайдебурову. Какъ можетъ и какъ смѣетъ Гайдебуровъ входить въ роль цензора и принимать на себя его обязанности?!

Что эта статья не идетъ къ Гайдебурову, можно доказать еще другимъ способомъ, слѣдующимъ: въ ст. 39 излагаются извѣстныя юридическія обязанности; всякая юридическая обязанность выражена въ законѣ и имѣетъ

свою санкцію, т. е. съ нарушеніемъ юридической обязанности соединены невыгодныя для нарушителя послѣдствія; спрашивается, какая санкція ст. 39? Я говорю, уголовной—никакой, потому что пересмотрите весь уголовный кодексъ, вы не найдете наказаній, опредѣленныхъ за такого рода упущенія, совершенныя цензоромъ. А такъ какъ уголовнаго наказанія нѣтъ, то онъ и не можетъ быть преданъ суду, а развѣ подвергнуться отвѣтственности дисциплинарной въ административномъ порядкѣ. Г. Гайдебуровъ подводится подъ 39 ст., слѣдовательно и подъ санкцію 39 ст., а эта санкція есть административное взысканіе. Слѣдовательно, пускай и подвергаютъ его, если могутъ, административнымъ взысканіямъ: выговорамъ, замѣчаніямъ и т. п., но только не по суду, потому что по суду его проступокъ не можетъ подлежать никакому наказанію. Въ законѣ только сказано: «за напечатаніе безъ цензуры произведенія, подлежащаго цензурѣ, хотя бы содержаніе напечатаннаго и не было противозаконно...» Вину Гайдебурова по обвинительному акту надлежало бы формулировать такимъ образомъ: отпечатаніе сочиненія, хотя и не подлежащаго цензурѣ, но относительно коего былъ поводъ сомнѣваться, не подлежитъ ли оно духовной цензурѣ... Но какъ подобное преступленіе не предусмотрѣно кодексомъ, то и объ уголовной отвѣтственности Гайдебурова не можетъ быть и рѣчи. Nullum crimen, nulla poena sine lege poenali.

Въ доказательство того, что сомнѣніе въ духовномъ содержаніи книги не могло не являться у г. Гайдебурова и что оно дѣйствительно являлось, обвинительный актъ приводитъ два факта: 1) что въ декабрѣ 1865 г. другой издатель Вундта представилъ въ цензурный комитетъ 2-й томъ «О душѣ» и получилъ отвѣтъ, что духовная цензура не допускаетъ этого сочиненія; 2) что онъ самъ, Гайдебуровъ, повычеркалъ многое въ оригиналѣ, слѣдовательно предвидѣлъ, что цензура неблагопріятно отнесется къ этой книгѣ. Что

касается до 1-го факта, то онъ ничего не доказываетъ и даже къ дѣлу не идетъ: Гайдебуровъ не зналъ и не обязанъ былъ знать, какъ поступила духовная цензура съ другимъ издателемъ. Что касается до 2-го факта, то онъ вполнѣ справедливъ, т. е. что Гайдебуровъ сократилъ и повычеркалъ многое изъ «Души человѣка и животныхъ»; но что же изъ этого слѣдуетъ. Что онъ зналъ, что сочиненіе Вундта подлежитъ духовной цензурѣ? Нисколько. Онъ этого не зналъ, онъ этого не знаетъ; и теперь онъ положительно убѣжденъ, что книга не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя въ ней и были нѣкоторые отрывки, которые, въ виду нашихъ цензурныхъ правилъ, подлежали исключенію. Пора вывести споръ изъ той колеи, на которой онъ поставленъ обвинительнымъ актомъ, и обратить его на иную дорогу. Я прямо ставлю вопросъ: подлежалъ ли 2-й т. перевода Вундта, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ отпечатанъ, разсмотрѣнію духовной цензуры, или не подлежалъ? Я утверждаю, что не подлежалъ, что признаетъ и обвинительная власть. Я бы могъ основываться на ея признаніи, но судъ можетъ пойти дальше, нежели прокурорская власть;—я прошу судъ внимательно вникнуть въ содержаніе сочиненія. Задача довольно важна и стоитъ труда. Она состоитъ въ томъ, чтобы провести точную границу между интересами свѣтскими и духовными; между тѣмъ, о чемъ можно свободно писать, и тѣмъ, о чемъ нельзя писать безъ предварительнаго спроса; между богословіемъ и философіею. Постараюсь провести эту предѣльную черту на точномъ основаніи цензурнаго устава.

Всѣмъ извѣстно, что есть цѣлая отрасль знаній, цѣлый циклъ наукъ, которому посвящены за границею особые факультеты въ университетахъ, у насъ особыя академіи; циклъ этихъ знаній носитъ названіе богословія, науки божественнаго, систематическаго изложенія тайнъ откровенія. Эта отрасль знаній отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что она вся основана на авторитетѣ;

между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ знаніяхъ главнымъ орудіемъ и зодчимъ является свободный разборъ, свободная критика. Весь циклъ наукъ богословскихъ изъятъ отъ льготъ, предоставленныхъ 6 апрѣля 1865 г. литературѣ, и остался на прежнемъ положеніи, но только онъ одинъ. Разберите отдѣлъ 3, VI главы цензурнаго устава о предметахъ духовной цензуры и въ особенности ст. 199; здѣсь говорится о тѣхъ только предметахъ, которые распредѣлены въ богословскихъ факультетахъ и академіяхъ между особыми кафедрами: 1) церковное служеніе и житія святыхъ; 2) коментаріи на священное писаніе—герменевтика; 3) догматическое богословіе; 4) апологетика; 5) гомилетика; 6) церковная исторія; 7) церковное право и наука церковнаго управленія, наконецъ 8) учебныя книги для духовныхъ училищъ. Только то, что содержится въ этомъ кругѣ, находится подъ бдительною охраною духовнаго начальства, котораго власть въ этихъ предѣлахъ не подлежитъ ни малѣйшему спору и сомнѣнію. Кто бы осмѣлился напечатать сочиненіе апологетическое, гомилетическое, догматико-богословское, тотъ подлежалъ бы, я признаю, наказанію по 1024 ст., но только тотъ; все остальное, хотя бы въ немъ говорилось о Богѣ, хотя бы въ немъ были тексты изъ священнаго писанія, подлежитъ разсмотрѣнію только свѣтской цензуры.—По 37 ст. цензурнаго устава, книги, относящіяся къ нравственности, даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія подкрѣплены ссылкою на священное писаніе, подлежатъ свѣтской цензурѣ. И такъ, прежде всего вопросъ о подвѣдомственности сочиненій рѣшается общимъ характеромъ сочиненія: богословское ли оно или не богословское въ цѣломъ своемъ составѣ. Но затѣмъ можетъ случиться, что будетъ вотъ что: книга свѣтская по общему характеру, а есть въ ней нѣкоторыя мѣста духовныя,—этотъ вопросъ рѣшенъ въ ст. 38: если въ книгѣ свѣтской встрѣтятся мѣста относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя на уваженіе духовной цензуры.

Статьи, которыя я привелъ, рѣшаютъ вполнѣ вопросъ объ обязательности и отвѣтственности издателя. Коль скоро книга по общему содержанію своему свѣтская, то издатель можетъ, не опасаясь никакой личной отвѣтственности, отпечатать ее; но если въ этой свѣтской книгѣ цензура найдетъ нѣчто духовное, то эти мѣста, отдѣльно отъ прочаго, она отправляетъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, которая можетъ эти мѣста уничтожить.

Заручившись этими выводами, приступаю къ книгѣ Вундта и задаю себѣ два вопроса: 1) есть ли это книга свѣтская или духовная въ общемъ своемъ составѣ? 2) нѣтъ ли въ ней мѣстъ, относящихся или къ догматамъ вѣры или къ церковной исторіи?

1) Въ 1863 г. гейдельбергскій профессоръ Вундтъ издалъ свои лекціи о психологіи: «Душа человѣка и животныхъ»—сочиненіе весьма серьезное, глубоко ученое, въ которомъ авторъ воспользовался всѣми новѣйшими открытіями физіологіи, лучшій учебникъ опытной психологіи, основанной на наблюденіи фактовъ, а не на метафизикѣ.

Что авторъ не матеріалистъ, это онъ заявилъ со второй лекціи, которая вся посвящена коренному опроверженію грубыхъ недостатковъ матеріалистическаго метода; это онъ заявляетъ вездѣ, постоянно утверждая, что положительное опытное индуктивное знаніе имѣетъ свои, весьма точно очерченныя, границы, которыхъ переступить не можетъ и за которыми лежитъ нѣсколько вопросовъ, которыхъ рѣшить оно не можетъ и не будетъ никогда въ состояніи рѣшить. Первый томъ посвященъ экспериментальному анализу воспріятія ощущеній, законамъ ощущеній, образа представленій, понятій, сужденій—иными словами, онъ вмѣщаетъ въ себѣ теорію ощущеній и теорію логики по новѣйшимъ открытіямъ. Второй томъ занимается изслѣдованіемъ о чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ (теорія сознательныхъ душевныхъ процессовъ, тѣсно соединенныхъ, и опирающаяся на теорію

безсознательныхъ процессовъ, I томъ). Сначала разбирается эстетическое чувство, потомъ нравственное—совѣсть; теорія и исторія нравовъ, потомъ умственное чувство, потомъ религіозное чувство; остальныя главы, посвящены изслѣдованію законовъ воли, образованію языковъ, законамъ дѣйствій, наконецъ—общимъ выводамъ и соображеніямъ. Такимъ образомъ изъ 57 лекцій въ сочиненіи Вундта есть только 5 ($^1/_{11}$ доля), которыя касаются и то не религіи, а религіознаго чувства въ человѣкѣ: за тѣмъ все остальное $^{10}/_{11}$ до того свѣтскаго содержанія, что никакимъ образомъ не должно быть отправлено въ духовную цензуру. Но если такъ, то возможно слѣдующее: Гайдебуровъ пожертвуетъ всѣми этими 5 главами и вырѣжетъ ихъ изъ изданія; выйдетъ, что душа доктора Вундта лишится религіознаго чувства, но сохранитъ всѣ остальныя; что у нея отрѣзано будетъ одно изъ крыльевъ, но черезъ то она все-таки будетъ годна къ общему употребленію. Венера Милосская дивно хороша, хотя у нея вмѣсто рукъ одни обрубки рукъ; тоже самое можно будетъ сказать и о книгѣ доктора Вундта, такъ какъ даже и въ этомъ видѣ она можетъ разойтись, потому что исключенное составляетъ только $^1/_{11}$ часть содержанія. Этимъ рѣшится вопросъ первый, т. е. надо признать, что по общему своему характеру, книга Вундта не богословская, и потому не подлежитъ предварительному просмотру духовной цензуры, и потому издатель нисколько не провинился, не представляя ее въ рукописи въ духовную цензуру.

2) Есть ли въ этой книгѣ мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры, или къ церковной исторіи? Я прямо отвѣчу, что таковыхъ не имѣется. Авторъ избралъ предметомъ не какую либо религію, а одно только религіозное чувство у разныхъ народовъ земнаго шара. Такимъ образомъ, ни одного догмата религіи онъ не разбираетъ, не доказываетъ и не опровергаетъ: ни одного текста священнаго писанія не приводитъ. Такъ какъ, разсматривая религіозное чувство, онъ не могъ не ка-

саться нѣкоторыхъ его проявленій, то и у Вундта были, въ видѣ примѣровъ, нѣкоторыя ссылки на исторію евреевъ, на исторію христіанства; всѣ эти примѣры Гайдебуровъ самымъ тщательнымъ образомъ исключилъ— всѣ до одного, чтобы, именно, сообразовать свою книгу съ ст. 38, т. е., чтобы не было и тѣни подозрѣнія, что въ его книгѣ есть малѣйшая связь съ священною исторіею.

Г. прокуроръ находитъ предосудительнымъ, что на стр. 300 и 301 высказываются мнѣнія объ источникахъ естественной религіи, или стр. 309, въ которой выводится признаніе монотеизма внѣ божественнаго откровенія. Но, въ такомъ случаѣ надлежало бы исключить изъ исторіи Будду, Сократа, Платона. Монотеизмъ лежитъ въ существѣ природы человѣческой и язычники были предрасположены къ воспріятію откровенія. Кто былъ Сократъ: язычникъ или еврей? онъ былъ язычникъ, религія у него была не откровенная, а естественная, и, однако, онъ самъ дошелъ до единобожія. Прокуроръ находитъ, на 341 стр., неумѣстнымъ объясненіе связи идей религіозныхъ и нравственныхъ, между тѣмъ, какъ самъ законъ разрѣшаетъ это объясненіе въ ст. 38 ценз. устава. Наконецъ, я совершенно смущенъ ссылкою г. прокурора на гл. 40, гдѣ говорится о спеціальномъ и политическомъ значеніи христіанства; это возраженіе больше всего приводитъ меня въ затрудненіе. Мѣста, на которыя указываетъ г. прокуроръ, самыя безвинныя; это такія мѣста, что христіанство пріучило человѣка быть гражданиномъ міра, а не быть гражданиномъ одного опредѣленнаго отечества. Но это такія истины, которыя мы слышимъ въ дѣтствѣ, читаемъ во всѣхъ учебныхъ исторіяхъ, слушаемъ въ университетахъ; истины, избитыя отъ частаго повторенія; истины, сдѣлавшіяся давно достояніемъ общественнымъ. Отсылать за подобныя мѣста книгу въ духовную цензуру значитъ изъять изъ вѣдѣнія свѣтской власти и предать духовному вѣдомству всѣ сочиненія, относящіяся къ исторіи

послѣ Р. Х. Исторію цивилизаціи Гизо нельзя переводить и печатать, потому что половина ея посвящена политическому и соціальному значенію христіанства, также и многихъ другихъ сочиненій. Христіанство есть громаднѣйшій фактъ исторіи; запретите говорить о немъ и прагматическая исторія человѣчества невозможна. Мы до сихъ поръ находимся подъ сѣнью креста, водвореннаго на Гольгофѣ; мы не можемъ ни видѣть блѣднаго лица Распятаго, ни говорить о немъ, ни изображать его на полотнѣ, ни слѣдить за отраженіемъ его божественнаго слова и въ нравахъ, и въ законахъ,—значитъ всѣ соціальныя науки исключены будутъ отъ дѣйствія закона 6 апрѣля и льготы этого закона коснутся развѣ математики, геологіи и естественной исторіи, да и то, можетъ быть, съ значительными вырѣзками; съ изъятіемъ Кювье и палеонтологіи и теоріи Дарвина, съ его идеями о родствѣ людей съ обезьянами. Я думаю, что подобная строгость далеко оставляетъ за собою даже цензурныя привычки 30 и 40 годовъ.

Перехожу къ окончательнымъ заключеніямъ. Гайдебуровъ судится за преступленіе, въ которомъ онъ невиновенъ; вы не можете его осудить. Дѣло Гайдебурова, повидимому, личное, а между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, потому что вопросъ, который здѣсь рѣшается—вопросъ общій, въ которомъ заинтересована вся литература. Осужденіе Гайдебурова, хотя, оно касается его лично, предрѣшаетъ, однако, и судьбу книги; потому что вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено будетъ, что она подлежитъ духовной цензурѣ, а коль скоро она подлежитъ духовной цензурѣ, то приговоръ ей написанъ, она ни подъ какимъ видомъ Гайдебурову не будетъ возвращена. Но независимо отъ матеріальныхъ потерь, ваше рѣшеніе, осуждающее Гайдебурова, повлекло бы за собою слѣдующія послѣдствія: 1) оно убило бы и сдѣлало бы невозможными нѣсколько отраслей литературы, весьма важныхъ, ставя ихъ въ положеніе худшее, нежели до 6 апрѣля 1865 года, потому что до 6 апрѣля онѣ не были под-

вѣдомы духовной цензурѣ, а теперь будутъ подвѣдомы. Религія и философія (метафизика) двѣ родныя сестры; обѣ занимаются безконечнымъ, обѣ помогаютъ одна другой, и отъ взаимнаго ихъ общенія происходятъ самыя плодотворныя послѣдствія; но онѣ сестры равныя, самостоятельныя, и ни одна не можетъ, не переставая быть, чѣмъ она есть, идти подъ начало другой. Философія уже не будетъ философіей, когда превратится въ служку богословія. Вслѣдъ за богословіемъ и психологія перестанетъ быть свѣтской, чего примѣръ представляетъ подлежащая вашему рѣшенію судьба книги д-ра Вундта. Объ исторіи тоже нечего и говорить; такъ какъ невозможно себѣ представить учебникъ исторіи безъ понятія о христіанствѣ, его соціальномъ значеніи, церкви, ея отношеніи къ государству, то эта вѣтвь литературы изъята будетъ изъ свободнаго обращенія. Очередь дойдетъ и до книгъ юридическихъ, до права гражданскаго, потому что въ немъ говорится о бракахъ, а бракъ есть таинство, и до уголовнаго права, потому что наказаніе есть искупленіе вины, и т. д. до безконечности. 2) Идеѣ религіи ваше осуждающее рѣшеніе не принесло бы никакой пользы, а одинъ только вредъ. Литература для своего развитія нуждается въ свободѣ; отнимите свободу выражать свои мысли, и литература перестанетъ заниматься этими предметами, о которыхъ нельзя свободно выражаться. Скажите, что нельзя ничего печатать о Богѣ и божественномъ, безъ разрѣшенія духовной цензуры, и тотчасъ же увидите, что не будетъ и помину о Богѣ и божественномъ: водворится тотъ религіозный индиферентизмъ, который составляетъ язву и болѣзнь нашего вѣка. Мы жалуемся, что наша наука перестала быть религіозною, нравы наши до того отрѣшились отъ всего религіознаго, что каждый изъ насъ думаетъ, что все сдѣлалъ, когда исполнилъ нѣсколько обрядовъ внѣшнихъ — ваше рѣшеніе будетъ вполнѣ въ духѣ этого индиферентизма. Въ литературѣ есть отрасль подвѣдомственная духовной цензурѣ—богословіе; но религіозное

чувство питается еще сверхъ богословскихъ сочиненій и не богословскими, въ которыхъ люди простые, не ученые, отъ избытка религіознаго чувства прославляютъ Бога. Позвольте имъ прославлять Бога, какъ они умѣютъ, позвольте свободно выражаться, не стѣсняясь канономъ, и тому, кто видитъ въ Богѣ первую причину, кто считаетъ землю его подножіемъ, а небо звѣздное — его шатромъ, и тому, кто понимаетъ Бога, какъ верховный нравственный законъ, царящаго въ недосягаемыхъ глубинахъ нашего духа, и поклоняется ему благоговѣйнымъ вошествіемъ въ себя, вознощеніемъ себя къ идеалу.

Наконецъ, если бы вы осудили Гайдебурова, то я замѣчу, что ваше рѣшеніе пойдетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что дѣлается; оно не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Книги одинаковаго содержанія съ книгою Вундта печатались и печатаются до сихъ поръ безъ разрѣшенія духовной цензуры. За что же одного Вундта постигнетъ печальная участь? Вотъ напечатанная въ 1866 г. исторія философіи Льюиса. Вотъ исторія умственнаго развитія Дрэпера, родъ философіи исторіи, въ которой множество мѣстъ, относящихся къ религіи и къ христіанству, такъ много, что ихъ не перечтешь. Вотъ Микрокозмъ Лотцэ, система психологіи, совершенно тождественная съ трудомъ Вундта по содержанію. Наконецъ, вотъ Опыты Герберта Спенсера; на эту книгу я обращаю особенное вниманіе, потому что она была задержана цензурою, но потомъ выпущена и разрѣшена въ продажѣ. На страницахъ 217—223 тамъ помѣщена статья: польза антропоморфизма—коротенькая, которая содержитъ на 7 страницахъ мнѣніе о религіи посильнѣе и порѣзче, нежели во всей книгѣ Вундта. Но, однако, никто не посылалъ Герберта Спенсера въ духовную цензуру.

Окружный судъ опредѣлилъ: 1) признать что въ томѣ 2-мъ книги Вундта лекціи 44—47 подлежали отдѣльно отъ прочихъ частей представленію въ духовную цензуру; 2) Гайдебурова за непредставленіе этихъ лекцій въ цензуру подвергнуть аресту на 1 недѣлю и штрафу въ 25 рублей. С.-Петербургская Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло по апелляціямъ сторонъ, утвердила 14 іюля 1867 г. приговоръ Окружнаго Суда относительно уголовной отвѣтственности Гайдебурова, но измѣнила его относительно книги, которую она положила препроводить въ полномъ составѣ на разсмотрѣніе духовной цензуры.

8 ноября 1867 г. Уголовный Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената, отмѣнилъ рѣшеніе Палаты главнымъ образомъ потому, что почти нѣтъ научнаго сочиненія, которое бы не имѣло прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ; что для научныхъ сочиненій вездѣ, гдѣ существуетъ цензура, свобода мысли подвергается наименьшимъ ограниченіямъ; что законъ не указываетъ на то, чтобы въ духовную цензуру отсылались сужденія и усмотрѣнія касающіяся косвенно предметовъ вѣдомства духовной цензуры.

Вслѣдствіе сего Гайдебуровъ былъ признанъ впослѣдствіи оправданнымъ, а 2-й томъ книги Вундта выпущенъ въ обращеніе.

2.

Дѣло объ уроженцѣ Царства Польскаго, дворянинѣ Евстафіѣ Шомбергъ-Колонтаѣ, обвиняемомъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ.

Шомбергъ-Колонтай обвинялся: 1) въ пріѣздѣ въ Россію и проѣздѣ отъ Вержболова до Баку съ завѣдомо чужимъ, выданнымъ на имя великобританскаго подданнаго Гомерри Стефенсона, паспортомъ и ложномъ присвоеніи себѣ означеннаго званія, имени и фамиліи, съ преступною цѣлью скрыть свое настоящее званіе, имя и фамилію; 2) въ привозѣ въ Россію и провозѣ въ предѣлахъ Имперіи отъ Вержболова до Баку купленныхъ заграницею, завѣдомо фальшивыхъ заграничнаго издѣлія россійскихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства и въ выпускѣ таковыхъ билетовъ въ обращеніе въ городѣ Баку, на Кавказѣ. Эти преступленія предусмотрѣны 976, 977, 1412, 1416, 573, 571 и 576 ст. уложенія о наказаніяхъ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 9 августа 1867 года.

Гг. Присяжные!

Подсудимый, котораго судьба рѣшается въ эту минуту, не только сознался, но ни на одну минуту не скрывалъ своего преступленія. Фактъ, который ему вмѣняется въ вину прямо и безусловно преступенъ; законъ на этотъ счетъ строгъ и положителенъ, и нѣтъ ника-

кихъ обстоятельствъ, которыя бы исключали возможность примѣненія къ нему наказанія. Послѣ двухлѣтняго тюремнаго содержанія подъ слѣдствіемъ, одинокій, оставленный родными, Шомбергъ-Колонтай впалъ въ состояніе близкое къ помѣшательству,—признаки болѣзни замѣчены были слѣдователями, и слѣдователи сами ходатайствовали о томъ, чтобы его помѣстить въ больницѣ умалишенныхъ и пользовать. Его вылечили, и онъ предстоитъ предъ вами умственно здоровый, хотя и истомленный, измученный тяжкою тоскою, подавленный стыдомъ; онъ ни на что не надѣется, онъ только проситъ отпустить его скорѣе, предать его тому наказанію, которое за его преступленіе назначаетъ законъ, той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ. При такихъ условіяхъ, повидимому, мнѣ нечего и дѣлать, а вамъ нечего и думать, размышлять и колебаться,—вамъ предстоитъ только сказать два слова: да, виновенъ.

Но въ дѣлѣ суда взвѣшиваніе вины подсудимаго никогда не можетъ быть производимо или какъ работа механическая, или какъ исполненіе обряда, формальности: передъ вами не одно дѣйствіе, о которомъ идетъ разговоръ, — нѣтъ сомнѣнія, что оно безусловно преступно, — но живой человѣкъ, душа, въ тайны которой вы должны заглянуть и изучить ея изгибы; законъ снабдилъ васъ широкою властью смягчать суровость кары признаніемъ виновнаго заслуживающимъ снисхожденія. Законъ далъ защитника подсудимому, который бы сказалъ въ пользу его даже и то, чего онъ самъ не могъ и не хочетъ сказать. Мнѣ выпала на долю эта обязанность; исполняя ее, я и берусь изложить все то, что, по моему мнѣнію, не искупитъ, но ослабитъ вину подсудимаго, и доказать, что онъ не столько злой, сколько слабый и легкомысленный человѣкъ.

Шомбергъ-Колонтай — полякъ, и я долженъ благодарить г. прокурора, что онъ воздержался отъ всякихъ намековъ, относящихся къ національности подсудимаго; нѣтъ ничего легче, какъ ругать въ настоящее время

на эту тему, и пользуясь возбужденнымъ состояніемъ общественнаго мнѣнія, вооружать гг. присяжныхъ противъ подсудимаго во имя ненавистной національности. Свои злодѣи есть у всякаго народа. Въ одномъ только случаѣ на поддѣлку и ввозъ монеты могла бы оказывать вліяніе національность подсудимаго, а именно тогда, еслибы это преступленіе имѣло политическій характеръ, если бы оно было совершено съ цѣлью повредить государству, подорвать кредитъ, если бы оно входило въ кругъ дѣйствія революціонной партіи, руководившей въ послѣднее время возстаніемъ. Ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ: Колонтай никакого участія въ послѣднемъ польскомъ движеніи не принималъ, ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ, ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ эмиграціи заграницею знакомъ не былъ. Къ преступленію побуждали его только виды и цѣли личные: желаніе поправить свои денежныя обстоятельства. Я ссылаюсь на заключеніе слѣдственной коммисіи, которая устраняетъ всякую мысль о прикосновенности Колонтая къ какимъ либо политическимъ замысламъ. Шомбергъ-Колонтай — дворянинъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ знатныхъ фамилій царства польскаго. Есть законъ въ Уложеніи, по которому, чѣмъ выше состояніе, званіе, тѣмъ строже должно быть наказаніе (2 п. 129); но этотъ законъ не для васъ, гг. присяжные, — онъ для судей. Вы по внутреннему убѣжденію будете судить о человѣкѣ, не стѣсняясь его состояніемъ и званіемъ, такъ какъ они въ дѣйствительности далеко не всегда являются обстоятельствами, отягчающими вину; въ настоящемъ случаѣ они располагаютъ скорѣе къ смягченію, нежели къ строгости, ибо подсудимый, именно потому, что онъ баричъ, былъ весьма дурно воспитанъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Вамъ извѣстно, что такое воспитаніе барское; оно одно и тоже всюду. Съ малыхъ лѣтъ ребенка окружаетъ стая боннъ, гувернантокъ; раньше, нежели на языкѣ родномъ, выучивается

онъ щебетать на иностранныхъ языкахъ; съ раннихъ лѣтъ стараются сообщить дѣтямъ свѣтскія манеры, наружную изящность — обманчивый видъ образованности, безъ внутренняго содержанія. Дома твердятъ ему съ малолѣтства, что онъ графъ, что онъ богатъ, что ему незачѣмъ трудиться, — въ модномъ пансіонѣ онъ можетъ пріобрѣсти весьма легкій запасъ поверхностнаго и болѣе, того—ни на что непригоднаго знанія. Онъ не прошелъ великую школу гражданскаго равенства, которую долженъ пройти всякій, кому приходилось на мѣдныя деньги учиться въ одномъ изъ открытыхъ для всѣхъ сословій училищъ общественныхъ. Въ 20 лѣтъ воспитаніе кончено и въ результатѣ выходитъ молодой человѣкъ, совершенный космополитъ, не имѣющій никакого понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ въ отношеніи къ обществу, о значеніи денегъ, о великомъ искуствѣ копить деньгу трудомъ, о необходимости избрать извѣстную карьеру и пролагать себѣ трудовую дорогу въ обществѣ, которое не любитъ паразитовъ.—Добрый малый, но пустой, не способный работать, онъ настолько эстетически развитъ, чтобы умѣть жуировать, кутить и наслаждаться, — а такъ какъ у насъ дома и наслаждаться негдѣ порядкомъ, то въ немъ возбуждается непреодолимая наклонность странствовать за границей и искать тамъ самыхъ дорогихъ и самыхъ утонченныхъ удовольствій. Такимъ образомъ Колонтай изъ всѣхъ общественныхъ заведеній вступилъ только въ дворянскій институтъ, въ 1851 г. когда ему было 21 годъ, потомъ поступилъ въ агрономическую школу, но нигдѣ не кончилъ курса. Съ 1856 г. начинаются его путешествія за границею, странствованія безъ цѣли; его забавлялъ, повидимому, процесъ движенія съ мѣста на мѣсто. Наблюдать съ пользою природу, нравы, — на это надо имѣть подготовку, которой не доставало у Колонтая. Его любимая и единственная книга «L' art d'expliquer les songes», а записная книжка содержитъ кабалистическіе знаки, — и то, и другое хорошій матеріалъ для характеристики умственныхъ спо-

собностей Колонтая. Побывавъ на всѣхъ водахъ Европы, онъ былъ съ паспортомъ бельгійца Фіоно на коронаціи въ Москвѣ, въ Италіи доѣхалъ до Неаполя, былъ въ Бостонѣ и Филадельфіи, въ Ріо-де-Жанейро и на Антилахъ. Остался неизвѣданъ только Востокъ; на Востокъ-то и устремились мысли Колонтая, и онъ думалъ только о томъ, какъ бы пробраться въ Тибетъ, куда его приглашалъ старикъ Тимуръ, съ которымъ онъ познакомился въ Лондонѣ, во время выставки. Этотъ Тимуръ упоминается и въ слѣдствіи; я бы счелъ его вымысломъ, если бы не зналъ, что Колонтай вообще справедливый и не любящій лгать человѣкъ, его показанія всѣ подтверждены самымъ точнымъ образомъ при слѣдствіи. Странствованія по обоимъ полушаріямъ требуютъ денегъ, и денегъ притомъ значительныхъ. На эти поѣздки ушло все состояніе Колонтая. Въ 1855 году, раздѣлившись съ братомъ, онъ получилъ 22,500 руб.; потомъ въ 1863 г., по смерти родственника Колонтая, Діонисія, ему досталось 6,000 р.; отъ матери онъ взялъ въ 1864 г. 45,000 р. Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на какихъ условіяхъ эти деньги были даны ему. Есть отзывъ брата, будто они даны на покупку имѣнія; но это никакими доказательствами не подтверждено, такъ что, можетъ быть, мать, которая любила сына, подарила ему эту сумму. Изъ всѣхъ этихъ суммъ, около 74,000 р., у него оставалось немного въ половинѣ 1865 г. — какихъ нибудь 10 — 12 тысячъ руб., а такъ какъ онъ привыкъ роскошно жить и лишенъ былъ всякой способности зарабатывать, то дѣла его начали принимать оборотъ самый критическій. Въ эту критическую минуту подвернулся человѣкъ, который его опуталъ, явился въ видѣ искусителя, и пріобрѣлъ надъ нимъ такое вліяніе, что превратилъ его въ страдательное орудіе своихъ замысловъ. Этотъ человѣкъ былъ еврей Леонъ Кронгольдъ, съ которымъ теперь приходится познакомиться. Въ вольномъ городѣ Краковѣ жила еврейская фамилія Кронгольдовъ, отецъ былъ токарь, семейство было бѣдное. Они пере-

селились въ царство польское, и потомъ въ Варшаву. Старшій сынъ, Лейзеръ, отошелъ отъ родственниковъ, завелъ связь съ цвѣточницею Стирбель, пропалъ безъ вѣсти и очутился заграницею. Скромнаго ремесла было мало для его предпріимчивости. Онъ нашелъ для себя нѣчто получше; изъ-за границы писалъ онъ къ родителямъ, сулилъ имъ золотыя горы, и такимъ образомъ переманилъ ихъ въ Краковъ, куда они и отправились въ началѣ 1864 г. Давидъ и Шива Кронгольдъ остановились въ Бохнѣ; Шива Кронгольдъ разсказывала всюду, что сынъ ей пришлетъ денегъ на покупку помѣстья. Источникъ этихъ ожидаемыхъ благъ былъ очень простой. Леонъ Кронгольдъ сошелся съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій въ окрестности Манчестера, изъ которыхъ многіе потомъ попались (Шнеуръ, Абрагансонъ) и старался примкнуть къ нимъ и войти съ ними въ союзъ; но чтобы быть сообщникомъ даже ихъ, нужны деньги.— Бумажки, хотя и фальшивыя, а всетаки покупаются. Надобно найти капиталъ, купить на него фальшивыхъ бумажекъ и пустить ихъ въ оборотъ въ Россіи и заграницею. Этой цѣли и старался достигнуть Кронгольдъ, когда случай свелъ его съ Колонтаемъ въ Парижѣ. Кронгольдъ понялъ очень скоро, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; опуталъ Колонтая, одурачилъ и сдѣлалъ изъ него совершенную игрушку.

Они были знакомы по Кракову и потому, что сестра Леона Кронгольда была нѣкогда въ услуженіи у матери Колонтая. Съ услужливостью бывшаго кліента великосвѣтскаго дома Калонтаевъ, Кронгольдъ сталъ, вѣроятно, навязываться графу, и узнавъ, что у графа только остатки значительнаго состоянія — около 10,000,—предложилъ ему «*алмазную*» аферу. Для усыпленія совѣсти, Кронгольдомъ пущены были въ ходъ самыя разнообразныя обольщенія: что купцы ростовскіе и нахичеванскіе разбогатѣли отъ фальшивыхъ ассигнацій, что ихъ весьма много обращается въ Россіи, что ими не брезгаетъ даже заграничная эмиграція. Колонтай поймался на эту удочку

и рѣшился поѣхать съ Кронгольдомъ для покупки 50 руб. бумажекъ по 17 шиллинговъ за штуку. Кронгольдъ выманивалъ у него сотню за сотнею и прибралъ къ своимъ рукамъ почти весь наличный капиталъ Колонтая — 1,500 ф. стерл. На первыхъ же порахъ онъ обсчиталъ Колонтая самымъ очевиднымъ образомъ. За 15,000, по расчету 17 шил. за штуку, Колонтай долженъ былъ получить около 88,000 р. сер. Кронгольдъ обѣщалъ ему 60,000, но далъ ему только 35,000, изъ остальныхъ 5,000 отсчиталъ для своего отца, а 20 тыс. обѣщалъ доставить Колонтаю по прибытіи въ Москву; обѣщанія этого онъ и не думалъ исполнить. Эти деньги, на которыя Кронгольдъ прислалъ Колонтаю квитанцію берлинскаго почтамта, были просто на просто пересланы Кронгольдомъ, черезъ посредство Ротермана, матери Кронгольда, Шивѣ Кронгольдъ. Ротерманы положили деньги въ амбарѣ; крестьянинъ Май, молотя у нихъ хлѣбъ, утащилъ ящикъ съ бумажками, сталъ ихъ продавать по нѣскольку гульденовъ за пачку изъ 10 бумажекъ. Но бумажки были весьма дурно сдѣланы: бумага простая, безъ водяныхъ знаковъ, оборотная сторона, литографія, весьма топорно исполнена; обманъ обнаружился и правительство австрійское накрыло разомъ на 15,000 фальшивыхъ бумажекъ, и на почтѣ оно перехватило цѣлую корреспонденцію монетнаго свойства между Леономъ, Давидомъ и Шивою Кронгольдами, которые, между тѣмъ, успѣли скрыться. Такимъ образомъ выходитъ, что большую часть денегъ, выманенныхъ у Колонтая, Кронгольдъ обратилъ въ свою пользу на пріобрѣтеніе для себя бумажекъ, и что фальшивыя бумажки, 85,000 р., доставшіеся Колонтаю, обошлись ему по 43 шиллинга штука, — сдѣлка безразсудная, цѣна непомѣрно высокая, и только такой неопытный человѣкъ, какъ Колонтай, могъ поддаться на подобную сдѣлку. Кронгольдъ, мало того, что обсчиталъ Колонтая, онъ сталъ еще доить его систематически. Ни одно государство не терпитъ фабрикаціи иностранныхъ бумажекъ. Англійскій законъ и

англійское правосудіе на этотъ счетъ столь же строги, какъ и всѣ другіе. Кронгольдъ сталъ пугать Колонтая, сталъ намекать, что онъ выдастъ, что донесетъ на него, и этимъ способомъ сталъ собирать съ него оброкъ. Колонтай посылалъ ему по почтѣ, вѣроятно, вслѣдствіе такихъ намековъ, два раза по 50 ф. стерл. «Я просто его боюсь», говоритъ Колонтай, и это очень вѣроятно. Этимъ психическимъ вліяніемъ, принужденіемъ, объясняется и то, что Кронгольдъ выманилъ у Колонтая его паспортъ, а его убѣдилъ взять новый, англійскій, на вымышленное имя Стефенсона. Наконецъ, когда Колонтай, собравшись ѣхать въ Россію за «алмазнымъ» дѣломъ, чрезъ Кёльнъ отправился въ Берлинъ, Кронгольдъ нагналъ его въ Берлинѣ и заставилъ дать ему еще 50 ф. стерлинговъ, однимъ словомъ, онъ обдѣлалъ дѣло гладко и обобралъ Колонтая, какъ липку, чисто. Въѣзжая въ предѣлы Россіи, Колонтай имѣлъ всего на всего около 300 ф. стерлинговъ монетами англійскими, французскими и прусскими, ящикъ съ фальшивыми бумажками, самый малый гардеробъ, порядочный запасъ лекарствъ, помады, щипцовъ для завивки волосъ, косметиковъ, пару часовъ и драгоцѣнныхъ камней, колецъ, запонокъ, булавокъ— на сумму $3^1/_2$ т. по самой высокой оцѣнкѣ. Послѣ пріѣзда въ С.-Петербургъ, Колонтай почувствовалъ, что у него не хватитъ духу быть злодѣемъ, не могъ рѣшиться на выпускъ ассигнацій, почувствовавъ слишкомъ поздно, что это не въ его характерѣ. Такимъ былъ онъ въ Петербургѣ и Москвѣ; прожилъ въ обѣихъ столицахъ весьма кротко, весьма одиноко, на настоящія деньги, которыя у него были. Изъ Москвы Колонтай отправился для исполненія завѣтной мысли своей о путешествіи на Востокъ, чрезъ Нижній на Волгу, вплоть до Астрахани. На пароходѣ познакомился онъ съ богатыми купцами закавказскаго края Кочкачовымъ и Шушановымъ, передъ которыми онъ выдавалъ себя за англійскаго консула, ѣдущаго на Востокъ, и показывалъ алмазный перстень, будто бы подаренный ему королевою. Изъ Астрахани,

въ тарантасѣ Шушанова, доѣхалъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, гдѣ взялъ подорожную до Тифлиса. Въ Дербентѣ его принималъ радушно и гостепріимно Кочкачовъ. Изъ Дербента онъ проѣхалъ въ Баку. Здѣсь граница Персіи, рубежъ Россіи. За исчерпаніемъ всѣхъ почти средствъ пропитанія, кромѣ драгоцѣнностей, на которыя не было покупщика, Колонтай впервые рѣшился пустить въ ходъ темный товаръ—фальшивыя ассигнаціи. Самъ онъ не отважился мѣнять ихъ у купцовъ, а поручилъ это дѣло отставному рядовому Баусову, который ходилъ по базару и громко окликалъ: «кому нужны крупныя деньги?». 11 бумажекъ были розданы, на 12-й Баусова поймали; Баусовъ показалъ на Колонтая, полиція отправилась туда и накрыла Колонтая совершенно неожиданно,— весьма немногія только изъ бумажекъ успѣлъ онъ сжечь въ печкѣ, остальныя были найдены и взяты. Колонтай во всемъ повинился, не запираясь ни на одну минуту. Вотъ подробная и вѣрная дѣйствительности исторія преступленія; она довольно назидательна и наводитъ на бездну размышленій.

Прежде всего, гг. присяжные засѣдатели, передъ вами человѣкъ, который не хуже и не лучше сотенъ и тысячъ другихъ людей, избѣгающихъ наказанія, слабохарактерный, податливый, мягкій, но довѣрчивый бы и добродушный, который поскользнулся и упалъ. Если онъ иначе былъ воспитанъ, если бы съ раннихъ лѣтъ былъ пріученъ работать, то, по всей вѣроятности, онъ пошелъ бы своей дорогой и былъ бы очень порядочнымъ, полезнымъ членомъ общества. Онъ еще не старъ, онъ исполненъ стыда и раскаянія, надломленъ и палъ духомъ, онъ не въ конецъ испорченъ; долгъ справедливости, долгъ человѣколюбія требуетъ оставить ему за жестокимъ наказаніемъ, котораго ему не миновать, какой нибудь выходъ, слабый лучъ надежды на какое нибудь будущее за острогомъ. Слѣдственная коммисія приписала въ одномъ изъ заключеній своихъ Колонтаю необыкновенную жадность къ деньгамъ, которая, будто бы, и склонила его

войти въ сношенія съ поддѣлывателями бумажекъ. Тоже говоритъ теперь и прокуроръ. Я убѣжденъ, что это не такъ. Колонтай человѣкъ безпутный, мотъ, человѣкъ не имѣющій понятія о цѣнности вещей, сорящій деньгами, но онъ не жадный человѣкъ. Если бы онъ былъ жаденъ, то его бы не надулъ Кронгольдъ такимъ очевиднымъ образомъ. Я приведу еще одинъ разительный примѣръ того, какъ мало цѣнилъ свои средства Колонтай: въ Шурѣ, когда у него, кромѣ фальшивыхъ бумажекъ, было всего на все только какихъ нибудь нѣсколько десятковъ рублей, да драгоцѣнности, — средства малыя на дальній восточный путь, — спутникъ его, Шушановъ, даритъ ему бурку, башлыкъ и сумку съ съѣстными припасами, всего на какихъ-нибудь рублей 5 — 6. Колонтай никакъ не хочетъ остаться въ долгу и отблагодарилъ тотчасъ-же Шушанова кольцемъ съ изумрудомъ и бриллiантами, за которое заплатилъ въ Парижѣ 2,600 франковъ. Затѣмъ, гг. присяжные, примите во вниманіе полную и совершенную откровенность Колонтая: съ перваго раза онъ сказалъ, кто онъ, откуда деньги, указалъ на Кронгольда, и съ такою точностью, что по его словамъ и по квитанціи берлинскаго почтамта доискались и открыли цѣлую партію бумажекъ и цѣлое гнѣздо злодѣевъ за границею. Наконецъ, господа присяжные засѣдатели, есть еще одно обстоятельство, которое да будетъ засчитано Колонтаю въ смягченіе наказанія, — долговременность его содержанія подъ стражею: цѣлые три года странствованій по разнымъ тюрьмамъ и острогамъ въ Баку, Тифлисѣ, по разнымъ частямъ С.-Петербурга и въ Литовскомъ замкѣ, при совершенномъ одиночествѣ, потому что родные его оставили на произволъ судьбы, и братъ, проживавшій въ Варшавѣ, отрекся отъ него — ни единаго слова не отвѣтилъ, ни единой копѣйки не прислалъ на улучшеніе содержанія арестанта. Гг. присяжные, будьте сострадательны и милосерды, въ предѣлахъ, предоставляемыхъ вашему состраданію и милосердію самимъ за-

кономъ, — признайте Колонтая заслуживающимъ снисхожденія.

Тов. пр. Краснорѣчивое слово г. защитника имѣетъ цѣлью побудить васъ, гг. присяжные, признать Шомберга-Колонтая заслуживающимъ снисхожденія. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важно въ общественномъ и государственномъ отношеніи, чтобъ можно было на него смотрѣть такъ легко. Какъ готовымъ мотивомъ для снисхожденія г. защитникъ выставилъ то, что Колонтай слабый человѣкъ, что будто Леонъ Кронгольдъ опуталъ его, увлекъ, что, наконецъ, онъ не зналъ цѣнности денегъ, не имѣлъ никакого понятія о спекуляціи, въ которую вовлекъ его другой, что онъ какъ говорится, попалъ въ это дѣло, безъ внутренняго убѣжденія, безъ знанія того, что онъ дѣлаетъ. Гг. присяжные засѣдатели! Вы изволили слышать изъ моей рѣчи и изъ рѣчи г. защитника, что Шомбергъ-Колонтай принадлежитъ къ именитому роду, что онъ получилъ, если и поверхностное, то все таки довольно приличное воспитаніе, что, наконецъ, путешествуя за границей, онъ долженъ былъ развиться. Какъ же онъ пользовался этимъ развитіемъ, какъ онъ исполнилъ тѣ обязанности, которыя лежали на немъ, какъ на человѣкѣ, получившемъ развитіе,— образованномъ? Онъ промоталъ почти всѣ деньги, которыя имѣлъ, за границей; остальныя деньги, которыя онъ могъ съ пользою пустить въ оборотъ, онъ пускаетъ въ оборотъ по такому дѣлу, преступность и гнусность котораго не могла не быть ему извѣстна; онъ пускаетъ въ оборотъ эти деньги, зная тѣ послѣдствія, къ которымъ поведетъ его преступленіе; онъ не могъ не знать, что 35 тысячъ фальшивыхъ рублей могутъ попасть и должны попасть къ людямъ, которые живутъ мелкимъ промысломъ, служебнымъ трудомъ, или занимаются торговлею, и по необходимости будутъ въ убыткѣ, когда обнаружится, что эти деньги, которыя они получили, не имѣютъ никакого значенія—онъ долженъ былъ имѣть это въ виду. Наконецъ, какъ граж-

данинъ, какъ человѣкъ образованный, онъ долженъ былъ болѣе другихъ сознавать значеніе закона, онъ не можетъ отговариваться незнаніемъ того, что законъ въ подобномъ преступленіи видитъ нарушеніе державныхъ правъ государства. Слабохарактерность не извиняетъ человѣка: человѣкъ, какъ существо нравственное, обязанъ сдерживать свои страсти, обязанъ остановиться, когда уже готовъ преступить законъ. Не можетъ быть принято въ уваженіе и то, что его обманулъ другой человѣкъ, вовлекъ его въ преступленіе. Еслибы Шомбергъ-Колонтай не получилъ образованія, тогда еще можно допустить, что другой болѣе образованный человѣкъ могъ вовлечь его въ преступленіе; но если поставимъ на одну доску Шомбергъ-Колонтая и Леона Кронгольда, который не могъ получить того образованія, которое получилъ Шомбергъ-Колонтай, то преимущество развитія останется на сторонѣ Шомбергъ-Колонтая; это развитіе должно было предостеречь отъ всякихъ уловокъ и замысловъ Леона Кронгольда. Далѣе защитникъ поводомъ къ заявленію о снисхожденіи ставитъ то, что Шомбергъ-Колонтай совершилъ преступленіе не изъ алчности, не изъ жадности, что ему неизвѣстна цѣна денегъ; изъ этого онъ выводитъ, что такъ какъ Шомбергъ-Колонтай не понималъ толку въ этомъ дѣлѣ, не понималъ цѣны денегъ, то съ его стороны желанія обогатиться полагать нельзя; но я предоставляю вашему усмотрѣнію рѣшить вопросъ, упустилъ ли онъ изъ виду тѣ денежныя выгоды, которыя представляетъ подобная спекуляція. Ему это дѣло было представлено въ видѣ легкаго средства нажить милліоны; Леонъ Кронгольдъ выставляетъ даже тѣхъ лицъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, какъ выгодна подобнаго рода спекуляція, и Шомбергъ-Колонтай рѣшается послѣдовать совѣту Кронгольда. Но если онъ послѣдовалъ не съ тѣмъ, чтобы обогатиться, то какую онъ искалъ другую цѣль?—Другой цѣли я не вижу и заявлять не имѣю основанія. Такимъ образомъ, всѣ эти доводы, которые

выставилъ защитникъ, съ тѣмъ, чтобы возбудить въ васъ гг. присяжные, чувство милосердія, побудить васъ заявить о снисхожденіи, сами по себѣ не представляють достаточнаго основанія въ дѣлахъ уголовнаго правосудія.

Пр. пов. Спасовичъ. Я опять долженъ повторить, что, Колонтай по образованію, по умственному развитію, стоитъ низко. Человѣкъ, который ничего не читалъ, человѣкъ, который, какъ это можно видѣть, и по французски пишетъ не совершенно правильно, такой человѣкъ во всякомъ случаѣ стоитъ низко, ниже Кронгольда. Какъ можно его сравнивать съ Кронгольдомъ, который гораздо его образованнѣе! Что касается до алчности, то я не отрицаю, что алчность была отчасти поводомъ того, что онъ рѣшился на преступленіе; но алчность не есть главная преобладающая черта его характера. Что же касается до виновности, то доказывать его виновность тоже самое, что ломать открытую дверь, онъ виновенъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но вѣдь лежачаго не бьютъ. Для слабаго человѣка, надломленнаго, раскаявшагося будетъ достаточнымъ наказаніемъ и болѣе легкое наказаніе, чѣмъ то, которое опредѣляетъ законъ. Вотъ почему повторяю просьбу о признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Для разрѣшенія гг. присяжныхъ засѣдателей были поставлены судомъ слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли подсудимый, именующій себя графомъ, дворянинъ радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда,—Шомбергъ-Колонтай въ томъ, что проѣхалъ по Россіи отъ Вержболова до Баку, съ завѣдомо чужимъ паспортомъ англійскаго подданнаго Стефенсона, и въ ложномъ присвоеніи означеннаго званія, имени и фамиліи? 2) Виновенъ ли онъ же, Шомбергъ-Колонтай, въ привозѣ въ Россію и въ провозѣ въ предѣлахъ Имперіи, отъ Вержболова до Баку, купленныхъ имъ за границей, завѣдомо фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, поддѣланныхъ за границей эстампнымъ и литографическимъ способами? 3) Виновенъ ли онъ же, Колонтай, въ выпускѣ въ обращеніе въ Баку части этихъ фальшивыхъ билетовъ съ знаніемъ лицъ, занимавшихся переводомъ этихъ билетовъ?

На всѣ три вопроса присяжные дали утвердительный отвѣтъ, но притомъ заявили, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія. — По приглашенію предсѣдателя дать заключеніе о наказаніи, слѣдующемъ подсудимому, товарищъ прокурора заявилъ слѣдующее:

Вслѣдствіе приговора гг. присяжныхъ засѣдателей, прошу окружный судъ примѣнить наказаніе по слѣдующимъ статьямъ закона: 1 п. 531, 573, 1 ч. 576, 977, 976, 1416, принявъ во вниманіе 1418 и 152 ст. Улож. о Наказ. и 828 ст. Уст. Угол. Суд.

Пр. пов. Спасовичъ. Шомбергъ-Колонтай совершилъ два преступленія. Первое — подъ чужимъ вымышленнымъ именемъ и не съ принадлежащимъ ему паспортомъ онъ проѣхалъ всю Россію — это преступленіе я оставляю безъ вниманія, потому что наказаніе за него поглощается большимъ наказаніемъ, за второе преступленіе; второе преступленіе—есть распространеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которое прокурорская власть въ обвинительномъ актѣ старалась разбить на два самостоятельныя: ввозъ въ Россію фальшивыхъ бумажекъ, по 573 ст., и выпускъ ихъ, по 576 ст. Я утверждаю, что это два дѣйствія одного и того же продолжающагося преступленія.

Разница въ обоихъ случаяхъ огромная. Въ первомъ случаѣ, по 1 п. 152, мѣра наказанія назначается за тягчайшее изъ двухъ преступленій, а такъ какъ они совершенно по наказуемости равны, то каторжная работа до 10 лѣтъ. Во второмъ—судъ сохраняетъ полную возможность избирать наказанія въ предѣлѣ maximum'a и minimum'a, и даже смягчить его по облегчающимъ вину обстоятельствамъ. Мою аргументацію основываю на слѣдующемъ. По 573 ст. ввезшій изъ за границы фальшивыя бумажки наказывается какъ участникъ въ самой поддѣлкѣ, хотя бы онъ присталъ къ участію уже въ то время, когда бумажки были поддѣланы. По 576 ст., тотъ, кто будетъ выпускать фальшивыя бумажки, наказывается также, какъ участникъ, и сказано въ законѣ, на основаніи правила, выше сего въ

ст. 573 означеннаго,—слѣдовательно, тоже какъ участникъ, потому что въ статьѣ 573 говорится объ участникахъ. И такъ, оба случая такого соучастія подходятъ подъ одинъ законъ о поддѣлкѣ. Иными словами—поддѣлка кредитныхъ знаковъ есть весьма обширное по закону понятіе, въ которомъ умѣщаются всѣ виды отдѣльныхъ случаевъ: и печатаніе шрифтовъ, и ввозъ въ Россію, и выпускъ. Если такъ, то, по отношенію къ фальшивымъ бумажкамъ, Колонтай виноватъ въ одномъ только продолжающемся преступленіи. Продолженіе преступленія есть понятіе, которое и въ кодексы многіе вошло, и въ теоріи занимаетъ видное мѣсто; объ этомъ много толкуется во всякомъ учебникѣ. Для понятія продолжающагося преступленія необходимо одно преступное намѣреніе, выражающееся въ цѣломъ ряду однородныхъ дѣйствій,—всѣ эти условія налицо. Преступная цѣль: размѣнъ фальшивыхъ бумажекъ на настоящія—и ввозъ въ Россію и выпускъ бумажекъ—только отдѣльныя и однородныя дѣйствія, связуемыя во едино единствемъ намѣренія.—Я поясню мою мысль примѣромъ. Въ Баку посылалъ Колонтай Баусова въ теченіи нѣсколькихъ дней мѣнять то двѣ, то три бумажки, однако онъ не судится за два самостоятельныхъ выпуска фальшивыхъ бумажекъ; такъ точно и за ввозъ и выпускъ онъ не можетъ быть наказанъ какъ за два самостоятельныя преступленія, потому что это только два случая поддѣлки кредитныхъ знаковъ.

Если мое толкованіе будетъ принято и судъ не возьметъ на себя обязанность подвергнуть Колонтая maximum наказанія, то я попрошу судъ обратить вниманіе на то, что онъ имѣетъ власть смягчать наказаніе, независимо отъ смягченія участи подсудимаго присяжными. По смягчающимъ вину обстоятельствамъ, онъ можетъ понизить наказаніе за minimum на 1 и 2 степени. Я и прошу судъ понизить это наказаніе за предѣлы minimum'а—4-хъ лѣтъ каторжной работы, то есть, приговорить Колонтая къ ссылкѣ на поселеніе, по налич-

ности слѣдующихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ 2 п. 134 ст.—полное признаніе, съ раскаяніемъ при первомъ же допросѣ; 3 п.—указаніе всѣхъ участниковъ преступленія, 4 п.—преступленіе учинено имъ по легкомыслію, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія его въ преступленіе. По 152 ст. судъ можетъ понизить такимъ образомъ наказаніе, что Колонтай будетъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, и я прошу именно приговорить его къ этому наказанію.

Тов. пр. Съ этимъ примѣненіемъ наказанія къ настоящему дѣлу, какъ оно излагается защитникомъ, я не могу согласиться на томъ основаніи, что Шомбергъ-Колонтай признанъ виновнымъ въ привозѣ изъ заграницы билетовъ и выпускѣ ихъ въ Россіи, потому здѣсь не одно преступленіе, но, въ виду спеціальнаго закона, въ немъ два момента преступленія. Спеціальный законъ существуетъ, дабы пресѣчь въ самомъ началѣ возможность обращенія въ Россіи фальшивыхъ билетовъ, при этомъ взыскивается за самый провозъ билетовъ чрезъ границу (573 ст.). Затѣмъ, законъ взыскиваетъ за выпускъ въ обращеніе билетовъ. Нельзя соединить этихъ двухъ моментовъ въ одинъ, потому что если кто провезъ билеты изъ заграницы, но не сбылъ ихъ въ Россіи, тотъ уже подлежитъ наказанію, на основаніи 573 ст.; если же привезъ и затѣмъ сбылъ въ Россіи, то онъ совершаетъ еще другое преступленіе, которое предусмотрѣно въ 576 ст. Такимъ образомъ, я полагалъ бы, что наказаніе должно быть выведено по правиламъ совокупности преступленій, такъ какъ Шомбергъ совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное въ спеціальномъ законѣ, въ статьѣ 573, и преступленіе, предусмотрѣнное 576 ст. Что же касается до того, чтобъ наказаніе сбавить на одну или на двѣ степени по заявленію гг. присяжныхъ засѣдателей о томъ, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія, и, кромѣ того, чтобъ судъ примѣняясь къ 774, еще сбавилъ самъ наказаніе, то я долженъ сказать, что такой взглядъ несовсѣмъ согласенъ съ

буквою и духомъ закона. Статья 774, разрѣшающая суду по обстоятельствамъ уменьшать наказаніе, относится къ тѣмъ приговорамъ, которые постановляются безъ участія присяжныхъ засѣдателей; по приговорамъ же, которые постановляются съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судъ имѣетъ ту возможность, которая указана въ 828 статьѣ. 828 ст. не можетъ существовать рядомъ съ 774 ст. Поэтому я прошу окружный судъ назначить наказаніе по правиламъ совокупнаго преступленія, сбавивъ, по 828 ст., наказаніе на одну степень и не примѣняя 774 ст.

Прис. пов. Спасовичъ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, что, такъ какъ 573 и 576 ст. говорятъ, что ввозъ и выпускъ фальшивыхъ билетовъ считаются какъ участіе въ поддѣлкѣ, слѣдовательно, преступленіе, за которое приговаривается подсудимый къ наказанію, есть только поддѣлка; что касается до смягченія судомъ наказанія, то это совершенно не зависитъ отъ признанія гг. присяжными засѣдателями подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, потому что въ законѣ опредѣлены уменьшающія вину обстоятельства, которыя не обязательны для гг. присяжныхъ засѣдателей, а обязательны только для суда. А такъ какъ есть драгоцѣнныя вещи, принадлежащія Колонтаю, если онъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, то съ нихъ должно быть взыскано въ видѣ штрафа столько, скольно выпущено билетовъ, на основаніи 573 ст.

Тов. прок. Я долженъ опять повторить, что 774 ст. не касается до приговоровъ, постановленныхъ съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, иначе она была бы помѣщена въ отдѣлѣ 3, главы 9 Устава. Что же касается до заявленія о вещахъ, то прошу судъ принять во вниманіе законы, которые установлены на случай вознагражденія за убытки съ имущества подсудимыхъ.

По обсужденіи дѣла, судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе:

На основаніи 6 степ. 19, 1 степ. 20, 2 пун. 152, 2 п. 571 и 573, 1 ч. 576, 976 и 977 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 года, и 828 ст.

Уст. Угол. Судопр., именующаго себя графомъ, дворянина радомской губерніи, сандомирскаго уѣзда, Евстафія Шомбергъ-Колонтая, 36 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, взыскавъ съ него, Шомбергъ-Колонтая, или его имущества: 1) одну тысячу рублей, какъ сумму равную представляемой количествомъ выпущенныхъ имъ двадцати фальшивыхъ билетовъ 50 рублеваго достоинства, и 2) судебныя по настоящему дѣлу издержки.

3.

Дѣло объ отставномъ инженеръ-штабсъ-капитанѣ Владимірѣ Ивановѣ Шишкинѣ и женѣ его, Вѣрѣ Ивановой Шишкиной, обвиняемыхъ въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества.

Бывшая вдова выборгскаго первостатейнаго купца Ландсберга, жена отставного инженеръ штабсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина и мужъ ея (по второму браку), отставной военный инженеръ штабсъ-капитанъ, Владиміръ Ивановъ Шишкинъ обвинялись въ томъ, что, утаивъ обманнымъ образомъ отъ описи, присвоили себѣ значительную часть оставшагося послѣ умершаго, 20 октября 1863 г., выборгскаго первостатейнаго купца Давида Ландсберга движимаго имущества какъ то: цѣнную мебель, экипажи, серебряныя издѣлія, бриліанты, жемчугъ и прочее, а также денежные капиталы, всего по приблизительному разсчету сына его, Абрама Ландсберга, на 178,000 р., что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 151, 1665 и 1666 ст. Улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, по Уголовному Отдѣленію 28—31 августа 1867 года.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели!

Я слушалъ со вниманіемъ прекрасную, строго логичную, сдержанную рѣчь товарища прокурора, и затѣмъ я все-таки остаюсь въ недоумѣніи; я задаю себѣ вопросъ: въ какомъ преступленіи прокуроръ обвиняетъ подсудимыхъ?—Онъ сказалъ въ утайкѣ. Беру и пере-

листываю уложеніе, — такого преступленія нѣтъ въ уложеніи; тамъ есть кража, разбой, присвоеніе и растрата чужого имущества, но утайки нѣтъ. Для того, чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, — въ какомъ преступленіи желаетъ товарищъ прокурора обвинить подсудимыхъ, въ чемъ состоитъ то преступное дѣяніе, въ которомъ обвиняются подсудимые, — я долженъ былъ обратиться къ судебному слѣдствію и къ обвинительному акту. Судебное слѣдствіе приводитъ меня къ заключенію, что подсудимые обвиняются въ преступленіи, которое составляетъ прямое воровство-мошенничество; въ обвинительномъ актѣ говорится, что они преданы суду на основаніи 1665 ст. Улож., которая говоритъ дѣйствительно о воровствѣ-мошенничествѣ. Такимъ образомъ, необходимо, чтобы дѣянія, которыя приписывались подсудимымъ, были вмѣнены имъ въ вину, подходили подъ опредѣленіе этого закона. По опредѣленію закона, для того, чтобы существовало мошенничество, необходимо вовлеченіе кого нибудь въ убыточную сдѣлку посредствомъ обмана; такъ да будетъ позволено мнѣ привести такой примѣръ: если купецъ кого либо обмѣритъ или обвѣситъ, или продастъ фальшивый товаръ, то это будетъ прямое мошенничество. Нуженъ обманъ, посредствомъ котораго владѣлецъ сдѣлки вступилъ бы въ нее по доброй волѣ. Могутъ быть другаго рода преступленія обманы или лжи, но если этотъ обманъ или ложь не ведутъ къ сдѣлкѣ, то преступленіе не можетъ быть названо мошенничествомъ; такъ, еслибъ воръ вошелъ въ лавку и сказалъ купцу, «смотри, лавка горитъ», и пользуясь отвлеченіемъ вниманія купца, схватилъ бы что нибудь изъ лавки и бѣжалъ; еслибъ кто нибудь подъ вымышленнымъ предлогомъ вошелъ въ квартиру и пользуясь этимъ унесъ бы что нибудь, то это была бы просто кража. И такъ, полагаю, что главный признакъ мошенничества — то что, въ сдѣлку одна сторона вовлечена обманомъ, думая, что эта сдѣлка доставитъ выгоды, что эта сдѣлка для нея выгодна. Если обратиться къ закону, къ статьѣ

1665, то въ ней преступленіе мошенничество такъ опредѣлено: «мошенничествомъ признается всякое посредствомъ какого либо обмана учиненное похищеніе чужихъ вещей, денегъ или инаго движимагo имущества». Такимъ образомъ, въ этомъ опредѣленіи есть три признака, которые должны быть признаны въ дѣяніи того, кого мы хотимъ обвинить вь мошенничествѣ. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что предметомъ преступленія должны быть вещи чужія, то есть, кому либо другому въ собственность принадлежащія; 2-й—вещи эти должны быть похищены, т. е., должны быть взяты преступникомъ изъ чужаго владѣнія и переведены въ его владѣніе, и 3-й—онѣ должны быть похищены при посредствѣ обмана того лица, кому вещи принадлежатъ.

Примѣнимъ эти три признака,—разсмотримъ, есть ли они въ дѣяніи, которое вмѣстѣ совершили Шишкины. Что касается до перваго признака, т. е. того, есть ли вещи, составляющія предметъ преступленія, чужія, то есть, кому либо въ собственность принадлежащія, то я скажу, что это сомнительно. Вещи принадлежали Ландсбергу, но онъ умеръ, слѣдовательно вещи были еще безхозяиныя или, очевидно, вещи принадлежали наслѣдникамъ; одна изъ наслѣдницъ—Вѣра Шишкина, другая—дочь Ландсберга; другіе наслѣдники были или нѣтъ, этого не знаемъ,—такъ какъ процесъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства кого бы то ни было не конченъ; Ландсбергъ былъ выборгскій купецъ и вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ мы всѣ, сколько насъ ни есть, некомпетентны. Несмотря на то, что мой отводъ былъ отвергнутъ судомъ, я думаю все-таки, что Абрамъ Ландсбергъ неутвержденъ еще въ правахъ наслѣдства. Послѣ Ландсберга осталось имущество движимое и недвижимое; что касается до недвижимаго имущества, то вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается тѣми судебными мѣстами, гдѣ находится недвижимое имущество, и такъ какъ это недвижимое имущество здѣсь, то оно подлежитъ дѣй-

ствію русскихъ законовъ; но что касается до движимаго имущества, то раздѣлъ его совершается по финляндскимъ законамъ, а хотя по этому дѣлу есть постановленіе финляндскаго суда первой степени, но оно до такой степени неясно, что изъ него вытекаетъ сомнѣніе. Тамъ не сказано, что раздѣлъ вступилъ въ законную силу, но сказано, что онъ имѣетъ законную силу потому, что не предъявлено опроверженіе. Изъ этого слѣдуетъ, что если будетъ представлено опроверженіе, то еще Абрамъ Ландсбергъ можетъ быть и не признанъ наслѣдникомъ. Господинъ товарищъ прокурора заявилъ, что еслибъ даже наслѣдниковъ и не было, то онъ все-таки обвинилъ бы Шишкиныхъ въ воровствѣ-мошенничествѣ; здѣсь, въ обвинительной рѣчи, онъ проводилъ мысль, будто наслѣдникомъ послѣ Ландсберга является казна. Признаюсь, въ X томѣ Св. Законовъ нѣтъ такого вида наслѣдованія. Если къ несостоятельному откупщику казна простираетъ свои претензіи, то она можетъ явиться въ видѣ кредитора, наряду съ другими кредиторами, но никакъ не въ видѣ наслѣдника, и это дѣлалось тысячу разъ и постоянно, на каждомъ шагу, встрѣчается, что если послѣ умершаго остаются деньги и кредиторы простираютъ свои претензіи на имущество, то наслѣдники отвѣчаютъ за эти долги, и если не совершена, не сдѣлана опись имущества, оставшагося послѣ умершаго, то кредиторы не только довольствуются всѣмъ тѣмъ имуществомъ, которое осталось послѣ умершаго и перешло къ наслѣдникамъ, но они имѣютъ право простирать свою претензію и на собственное имущество наслѣдниковъ. Слѣдовательно, если бы Шишкиной, какъ наслѣдницей, не были соблюдены формальности, не была составлена опись, то и тогда бы это имѣло только гражданскія послѣдствія, но ни въ какомъ случаѣ она не могла бы быть обвиняема въ воровствѣ-мошенничествѣ.— Что касается до второго признака, т. е. до похищенія вещей изъ чужого владѣнія, то я не вижу чтобъ этотъ признакъ существовалъ въ настоящемъ дѣлѣ. Вѣра

Ивановна Шишкина осталась вдовою, мужъ ея умеръ, вещи остались на ея рукахъ. Наконецъ, третьяго признака здѣсь я тоже не вижу. Признакъ этотъ—обманъ. Обманъ этотъ можетъ быть только въ отношенiи третьяго лица, именно: посредствомъ этого обмана третье лицо должно было быть вовлечено въ невыгодную сдѣлку. Такимъ лицомъ могли быть только наслѣдники, а наслѣдниковъ-то и не было въ то время, когда совершались тѣ дѣйствiя, о которыхъ говоритъ обвиненiе.— Такимъ образомъ, думаю, что за неимѣнiемъ признаковъ, которые требуются для понятiя мошенничества, не можетъ быть и рѣчи о наказанiи: если нѣтъ признаковъ, которыми характеризуется преступленiе, то нѣтъ и самаго преступленiя. Я думаю, что гораздо было бы ближе обвинить Шишкиныхъ въ присвоенiи и растратѣ чужой собственности; но опять здѣсь встрѣчается затрудненiе въ томъ, что законъ наказываетъ только за присвоенiе чужаго ввѣреннаго имущества. Здѣсь нѣтъ ввѣренной собственности,—потому что принятiя на сохраненiе не было, и я опять повторяю, что къ Шишкиной вещи перешли самымъ естественнымъ образомъ.—Кромѣ того, въ отношенiи присвоенiя и растраты имущества, является еще вопросъ: кто такiе были наслѣдники, чье имущество было присвоено и растрачено? Вопросъ этотъ никакимъ образомъ иначе не можетъ быть рѣшенъ, какъ на основанiи финляндскихъ законовъ, въ которыхъ вы, господа присяжные засѣдатели, некомпетентны и вопроса этого потому рѣшить не можете. Здѣсь вы находитесь въ такомъ же положенiи, какъ еслибы въ дѣлѣ отравленiя васъ заставили судить человѣка и сказали, что не будетъ спрошенъ медикъ о томъ, есть ли въ тѣлѣ этого человѣка несомнѣнные признаки яда, или нѣтъ. Такимъ образомъ, вамъ былъ бы поставленъ вопросъ, о которомъ вы должны были бы сказать «да» или «нѣтъ», хотя между вами нѣтъ ни одного человѣка, который бы зналъ толкъ въ этомъ вопросѣ. Я думаю, что съ какой бы стороны ни брать эти дѣйствiя Шишкиныхъ, вы

постоянно будете наталкиваться на одно сомнѣніе,—а если въ процесѣ уголовномъ, съ присяжными засѣдателями, встрѣчается какое нибудь сомнѣніе на счетъ виновности подсудимаго, на счетъ примѣненія къ нему закона, то для присяжныхъ засѣдателей нѣтъ другаго выхода, какъ только сказать: «*нѣтъ, невиновенъ*». Вотъ о произнесеніи этихъ то словъ я и буду просить васъ, гг. присяжные засѣдатели. Я повторяю и буду повторять еще много разъ, что въ такомъ дѣлѣ, какъ настоящее, надъ всѣмъ высится одинъ большой гражданскій вопросъ: что дѣло пошло неправильно путемъ уголовнымъ, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы идти путемъ гражданскимъ.

Еслибъ я защищалъ дѣло въ судѣ безъ присяжныхъ засѣдателей, то, можетъ быть, на этомъ и окончилась бы моя защита; но въ судѣ съ присяжными засѣдателями я на это не рѣшаюсь, потому что въ такомъ судѣ весьма важное значеніе, кромѣ юридической стороны дѣла, съ которой моя довѣрительница неуязвима, имѣетъ нравственная сторона. Я не желаю, чтобъ, моя довѣрительница вышла изъ дѣла хотя и оправданною, но съ извѣстными упреками въ неблаговидномъ образѣ дѣйствій; я не хочу оставить Вѣру Ивановну подъ гнетомъ тяжкаго упрека въ неблаговидныхъ поступкахъ. Вотъ почему я долженъ войти въ подробное разсмотрѣніе обвиненія. Обвиненіе съ большимъ искуствомъ сгрупировало факты, освѣтило ихъ извѣстнымъ образомъ и бросило темную полосу тѣни отъ этой группы фактовъ на характеръ, образъ дѣйствій и отношенія подсудимыхъ. Судебное слѣдствіе отчасти разломало это зданіе; весьма многія обвиненія уже отошли, цѣлые куски отвалились, цѣлые своды треснули, остается разрушить и обратить въ сыпь эти остатки зданія обвинительнаго акта, построеннаго съ такимъ трудомъ, съ такимъ искуствомъ; кромѣ того, я долженъ еще отвѣчать гражданскому истцу,—я долженъ устранить малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ томъ, что

образъ дѣйствій моей довѣрительницы былъ дуренъ, долженъ буду приступить къ разбору имущества, оставшагося послѣ Давида Ландсберга, по мелочамъ. Но прежде чѣмъ приступить къ этому, я обращусь къ тому, каковы были отношенія Ландсберга къ женѣ, съ начала супружества до конца, и къ Шишкину.

Въ городѣ Проскуровѣ, подольской губерніи, жилъ еврей—купецъ, Давидъ-Лейба Ландсбергъ, женатый на Мосци Дзойрѣ, родившійся около 1798 г. или 1799—(по 8 ревизіи 1834 г. ему значится въ сказкахъ 35 л.)—и прижившій съ нею многочисленное потомство: сына Абрама и 5 дочерей. Около 1836 г. Давидъ Ландсбергъ бросилъ жену, оставилъ семью, отдѣлился отъ нихъ съ тѣмъ, повидимому, чтобы никогда къ нимъ не возвращаться, поѣхалъ въ Петербургъ, сталъ странствовать по Россіи и Финляндіи, занимаясь разными болѣе или менѣе удачными спекуляціями, нажился и поставилъ себя такимъ образомъ въ обществѣ, что если не былъ богатъ, то, однако, все-таки считаемъ былъ за богатаго человѣка. Въ то время, когда онъ появился на петербургской аренѣ, главнымъ препятствіемъ успѣховъ его дѣятельности служило вѣроисповѣданіе, которое не допускало, при жизни въ Петербургѣ, пользоваться правами гражданскими. Дабы одолѣть это препятствіе Давидъ Ландсбергъ принялъ въ 1836 г. христіанскую вѣру и, какъ христіанинъ, записался въ выборгскіе первостатейные купцы. Главнымъ предметомъ его спекуляцій были питейные откупа, посредствомъ которыхъ, какъ извѣстно, можно было и милліоны заработать и столь же легко ихъ спустить. Лѣтъ 20 прошло съ тѣхъ поръ, когда Ландсбергъ, уже старикъ подъ 60 лѣтъ, съ виду бодрый и хорошо сохранившійся, присватался къ молоденькой дѣвицѣ изъ купеческаго званія, дочери богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, весьма достаточныхъ родителей, Вѣрѣ Ивановнѣ Калугиной, которой было всего на все 22 года, и получилъ согласіе на вступленіе съ нею въ бракъ. Передъ невѣстою и передъ свѣтомъ

Ландсбергъ скрывалъ тщательно свои лѣта, и свое недавнее прошлое бѣднаго проскуровскаго купца, и являлся въ видѣ свѣтскаго, хорошо образованнаго, на многихъ языкахъ говорящаго холостяка, если не въ цвѣтѣ, то и не на склонѣ лѣтъ.

Вѣнчаніе происходило въ Морскомъ Богоявленскомъ соборѣ, на Адмиралтейской площади, 6 октября 1857 г. Жениху показали всего 47 лѣтъ, а такъ какъ при запискѣ въ выборгскіе граждане онъ названъ холостымъ, также и въ прибрачномъ обыскѣ онъ назвалъ себя холостымъ; холостымъ онъ названъ въ свидѣтельствѣ пастора Анипаха, холостымъ его признавали и свидѣтели по немъ, и въ метрикѣ бракосочетанія Вѣра Ивановна названа женою перваго его законнаго брака. Вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ обнаружилось, чего собственно хотѣлъ достигнуть Ландсбергъ: ему нужна была нестолько жена, сколько сидѣлка, которая бы ухаживала и присматривала за нимъ. Отъ брака этого родилась одна только дочь Евгенія, малолѣтняя теперь (9 л.), затѣмъ больше дѣтей и не могло родиться.

Ландсбергъ пораженъ былъ страшною болѣзнію. Четыре года длились эти страданія,—четыре года Вѣра Ивановна исполняла обязанности присматривающей за мужемъ подруги—4 года скуки, одиночества, возни съ больнымъ старикомъ, обреченнымъ на неминуемую смерть. Одно только обстоятельство разсѣевало эту скуку и вносило немного разнообразія въ жизнь супруговъ Ландсберговъ, —это знакомство, дружба и услуги теперешняго мужа Вѣры Ивановны, Владиміра Ивановича Шишкина. Да, гг. присяжные засѣдатели, дружба! Я долженъ прежде всего говорить истину и буду ее говорить, не стѣсняясь никакими соображеніями, ни даже улыбкою недовѣрія на счетъ того, какъ можно быть въ одно и тоже время и другомъ стараго мужа, и другомъ хорошенькой моloденькой жены. Да, гг. присяжные засѣдатели, Шишкинъ былъ другомъ Ландсберга. Ландсбергъ понималъ свое положеніе: онъ зналъ, что и по возрасту, и по здоровью

его отношенія къ женѣ должны походить на отношенія отца къ дочери; онъ былъ сердечно радъ тому, что его женѣ было съ кѣмъ иногда поѣхать въ театръ, на концертъ и проч. Шишкинъ былъ человѣкъ домашній и бывалъ въ послѣдніе годы почти ежедневно. Ландсбергъ зналъ, что по смерти жена его выйдетъ замужъ за Шишкина, онъ благословилъ передъ смертью этотъ бракъ, онъ не ощущалъ никакой ревности, напротивъ того, находилъ утѣшеніе въ той мысли, что жена его, которая окружала его въ теченіи многихъ лѣтъ столь нѣжнымъ попеченіемъ, найдетъ то счастіе, котораго онъ не былъ въ состояніи ей доставить.

Никогда, — ни прежде, ни послѣ — до самой своей кончины, послѣдовавшей 20 октября 1863 года, Ландсбергъ ничего не говорилъ Шишкину и женѣ на счетъ своего прежняго брака, ни на счетъ своей еврейской семьи. Близкому знакомому своему Малеру онъ сообщилъ, что у него есть родные, и изъ показаній Малера видно, что когда сынъ его, Абрамъ, пріѣхалъ, то покойный выпроводилъ его очень скоро, давъ ему рублей 50 на дорогу, потому что «безпорядки будутъ въ семьѣ». Г. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, что онъ былъ представленъ г-жѣ Ландсбергъ, что онъ состоялъ съ отцомъ въ корреспонденціи. Но я просто на просто считаю оба эти обстоятельства выдумкою и измышленіемъ, во-первыхъ, потому, что онъ не могъ разсказать даже, при какихъ условіяхъ совершилось это представленіе; во-вторыхъ, потому, что онъ не представилъ ни одного клочка бумажки, написанной отцемъ. Ландсбергъ какъ будто отрекся отъ своей семьи, какъ будто эта семья вовсе не существовала, такъ что, когда онъ умеръ, Вѣра Ивановна была вполнѣ увѣрена, что она и малолѣтняя дочь ея, Евгенія, единственныя наслѣдницы всего оставшагося послѣ Ландсберга имущества. Она была въ высшей степени удивлена, когда не успѣлъ еще остыть трупъ Ландсберга, а уже явилась полиція дѣлать опись имуществу покойнаго, опечатывать мебель, комнаты,

рухлядь. Она была еще болѣе изумлена и приведена въ негодованіе, когда внезапно передъ нею выросъ, будто грибъ изъ земли, Абрамъ Ландсбергъ съ своими сестрами, окруженный вліятельными лицами изъ евреевъ, поддерживаемый раввиномъ Нейманомъ и снабженный приказомъ князя Суворова о производствѣ уголовнаго слѣдствія. Спрашивается, могла ли она и ея женихъ и совѣтникъ, Шишкинъ, отнестись иначе къ Абраму Ландсбергу. Они сочли его самозванцемъ, а себя жертвами гнусной еврейской интриги, и рѣшились въ полномъ сознаніи своей правоты отстаивать свое добро. Вѣра Ивановна защищалась какъ мать, съ полною увѣренностью въ правотѣ своего дѣла и съ благою цѣлью спасти достояніе своего ребенка, на котораго простирали руку неизвѣстные пришлецы иного рода, племени и закона. Теперь мы знаемъ, что Абрамъ Ландсбергъ имѣлъ отчасти право дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, какъ сынъ; но что онъ сынъ, того Вѣра Ивановна не знала и въ то не вѣрила до послѣдняго времени. Началась упорная борьба между двумя сторонами изъ-за вещей: накладываніе и сниманіе печатей, понужденіе къ производству и противодѣйствіе противъ описей, заборы вещей и распоряженіе ими какъ своими собственными, въ полной увѣренности, что онѣ составляютъ дѣйствительно собственность. Настойчивость, съ которою дѣйствовали Шишкины при отстаиваніи того, что они считали своимъ правомъ, страшно повредила имъ и привела ихъ на скамью подсудимыхъ. Если бы они предвидѣли этотъ вредъ, то они предпочли бы приплатить свое, откупиться, лишь бы уйти имъ отъ напасти и не сидѣть въ острогѣ. Но побудительныя причины этой настойчивости столь естественны, столь понятны, что гг. присяжные не откажутся войти въ ихъ положеніе и посмотрѣть на дѣло ихъ глазами.

Перенесемся мысленно въ моментъ, когда по словамъ обвинительнаго акта, началась преступная дѣятельность Шишкиныхъ — въ моментъ смерти Ландсберга,

20 октября, и посмотримъ, какого рода была эта дѣятельность, въ чемъ они и въ какой степени являются преступниками и нарушителями закона. Обвиненіе говоритъ, что они захватили, заграбили имущество, оставшееся послѣ Ландсберга. Спрашивается, изъ чего слагалось это имущество? Когда мужъ съ женою живутъ вмѣстѣ, то и хозяйство у нихъ бываетъ общее; на мебель и рухлядь не наклеиваются ярлыки съ обозначеніемъ, что мужнино, что женино; все смѣшано: мужъ пользуется вещами жены и, не обинуясь, можетъ выдавать ихъ за свои, наоборотъ, также и жена. Заставъ у Ландсберга такое смѣшеніе вещей, обвиненіе стало на ошибочную точку зрѣнія и предпослало раздѣлу имущества супруговъ, который оно старалось совершить, ту ложную, по моему мнѣнію, посылку, что все то, въ общей массѣ мужнино, относительно чего жена не можетъ доказать положительными фактами, что оно принадлежитъ ей въ исключительную собственность. Въ доказательство того, что мужъ — владѣтель массы, а жена — изъятіе изъ этой массы, предъявлялись сторонами самыя странныя соображенія. Изъ мѣдной бляхи на дверяхъ «D. L. Landsberg», бляхи, которая должна была указывать посѣтителямъ, что въ квартирѣ живетъ такой-то, г. Абрамъ Ландсбергъ выводитъ заключеніе, что все за этими дверями въ квартирѣ принадлежало Д. Л. Ландсбергу. Въ доказательство, что у Д. Ландсберга были капиталы и драгоцѣнности, и что они похищены, указывалось и на несгораемый шкафъ, который оказался пустъ, и на страховой полисъ Royal, по которому вещи въ квартирѣ Ландсберга застраховывались съ 1860 по 1864 г., въ 15,000 р.; какъ будто не бывало примѣровъ, что мужъ страхуетъ на одно свое имя общее семейственное имущество, какъ будто бы не бывало примѣровъ, что разъ застрахованное имущество страхуется въ ту же цѣну и въ послѣдующіе годы, хотя бы составъ его измѣнился — прибыло или убыло изъ него многое. Другая ошибочная посылка въ обвиненіи та, что обвиненіе,

принимая на вѣру и безъ критики показанія Абрама Ландсберга и его друзей о богатствѣ и капиталахъ Д. Ландсберга, не подтвердившіяся потомъ послѣ смерти его,—все, что не оказалось, относило на счетъ расхищенія его имущества Шишкиными, а всякія деньги и всякіе капиталы, которые усмотрѣны потомъ въ рукахъ у Шишкиныхъ, считаются неизбѣжно происходящими изъ этого источника, то есть, изъ расхищенія имуществъ Д. Ландсберга. Всего разительнѣе замѣтна эта особенность во всемъ относящемся до *денежныхъ капиталовъ* Д. Ландсберга, которыхъ разборомъ и повѣркою я прежде всего займусь.

Денежные капиталы Д. Ландсберга хранились за его ключемъ, въ его письменномъ столѣ, въ комнатѣ, которая въ послѣднее время служила ему и спальнею, и кабинетомъ. Въ этомъ кабинетѣ, гдѣ лежалъ онъ за занавѣсью и шкафомъ, 3 послѣдніе дня сторожила его безвыходно женщина, заслуживающая всякаго довѣрія — сидѣлка изъ сердобольныхъ, Евдокія Кузнецова, которой присяжное показаніе имѣется въ дѣлѣ. Въ комнату изрѣдка входили слуги и жена. Когда Ландсбергъ скончался, то прислуга засуетилась около трупа — стали его обмывать, а дворникъ побѣжалъ за полиціею. При Кузнецовой никто ничего не бралъ, не вынималъ изъ-подъ подушки, не искалъ ключа или бумажника, не ходилъ въ столъ или въ шкафъ, а такъ какъ тотчасъ же явилась и полиція и за неотысканіемъ ключа отъ шкафа, надзиратель Черкасовъ, не открывая стола, запечаталъ комнату печатями полиціи, то показаніе Кузнецовой вмѣстѣ съ актомъ, составленнымъ Черкасовымъ, и съ показаніемъ обмывавшаго трупъ дворника, Степана Васильева, не видавшихъ ни ключа, ни бумажника, исключаютъ всякую вѣру допустить расхищеніе бумагъ и капиталовъ, бывшихъ во владѣніи Ландсберга въ моментъ его смерти. Послѣ смерти мужа, во время предварительнаго слѣдствія и до сихъ поръ, жена Ландсберга заявила, что у него было 2,000 рублей, припасенные къ поѣздкѣ за-

границу, но эти самыя деньги были израсходованы на погребеніе. Гражданскій истецъ оспариваетъ, чтобы всѣ деньги употреблены были на похороны. Не знаю, на чемъ основываетъ онъ свой споръ; вѣроятно на томъ, что въ виду его не были многіе расходы, напр. на свѣчи и т. п. Когда впослѣдствіи сняты были печати и всѣ бумаги, находившіяся въ комнатѣ Ландсберга, подвергнуты описи, то у него не оказалось никакихъ наличныхъ капиталовъ, кромѣ векселей на 11,000. Изъ того, что капиталовъ не оказалось, обвиненіе выводитъ не то заключеніе, что у Ландсберга ихъ не было, а то, что они были похищены. Что гражданскому истцу выгодно насчитывать баснословныя суммы и утверждать, что у Давида Ландсберга должно быть на 24,000 векселей, на 100,000 именныхъ банковыхъ билетовъ и на 38,000 облигацій городскаго кредитнаго общества (162 т.),— это понятно, это въ порядкѣ вещей. Я даже удивляюсь скромности вычисленій—можно было насчитать до милліона. Но я удивляюсь, что въ обвинительный актъ вошли, какъ серьезные факты уличающіе подсудимыхъ, голословные извѣты Абрама Ландсберга, который при отцѣ не былъ и только послѣ его смерти прибылъ въ Петербургъ, раввина Неймана, который съ 1863 г. поселился въ Петербургѣ и никогда съ Ландсбергомъ не имѣлъ знакомства, или г. Малиса, который никогда у Ландсберга не бывалъ. Нисколько не желая порочить лицо гражданскаго истца, я только утверждаю, что онъ здѣсь сторона заинтересованная, сторона незаслуживающая вѣроятія. Нужны положительныя доказательства. Доказательствъ, правда, приведена куча; разберемъ ихъ по одиночкѣ. Служанка Хрущевыхъ, Марья Никольская, слышала отъ няни Хрущевыхъ, Афимьи Ивановой, будто Вѣра Ивановна, въ моментъ смерти мужа, передала Шишкину 40,000. Что это? свидѣтельство по слуху. Законъ воспрещаетъ допрашивать по слухамъ, да и Афимья Иванова вчерашній день не подтвердила ссылки. Служанка Марья Циммеръ чрезъ замочную скважину

видѣла, какъ въ маѣ 1864 года Вѣра Ивановна отсчитывала мужу 50,000, вынутыхъ изъ шкафа; но потомъ въ своемъ показанiи она показала, что Шишкина дала мужу 25 руб; потомъ сказала, что Шишкина передала нѣсколько ассигнацiй, но сколько—не знаетъ. Но если и правда, что Шишкина, въ маѣ 1864 года, передавава деньги, то что же изъ этого слѣдуетъ? Если она имѣла деньги, а, кажется, тогда уже могла имѣть деньги, и я укажу откуда она могла передать ихъ своему мужу. Другiя свидѣтельскiя показанiя доказываютъ, что Ландсбергъ располагалъ нѣкоторыми средствами. Лури мѣнялъ ему билетъ въ 10,000 р. но это было за три года передъ смертью. Осипъ Васильевъ видѣлъ, когда Ландсбергъ вынималъ купонъ отъ билетовъ на 257 руб., но это было за нѣсколько лѣтъ передъ смертью; затѣмъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ онъ покупалъ билеты у мѣнялъ Смирнова и Скворцова, но это было тогда, когда дѣла его не были въ дурномъ положенiи, когда онъ еще имѣлъ откупа, и покупка его не выходила изъ предѣловъ 12,000—15,000. Оборотъ не столь значительный, по его оборотамъ. Можетъ быть покажется ложнымъ показанiе Малера. Г. Малеръ (Андрей) видѣлъ у Ландсберга въ iюнѣ (за три мѣсяца до смерти) 33,000 р. серiями. Малеръ могъ ошибиться, могъ не сосчитать эту сумму,—онъ вышелъ тогда только что изъ больницы, гдѣ его лечили отъ разстройства нервной мозговой системы, тѣбмъ болѣе, что все ограничилось тѣмъ, что Ландсбергъ, показавъ пачку серiй, сказалъ ему, что тамъ 33,000 р. Эти загадочныя серiи могли уйти куда нибудь по распоряженiю самого Ландсберга въ теченiе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ его жизни. Я постараюсь впослѣдствiи доказать, что, умирая, Ландсбергъ былъ голъ, какъ соколъ, и потому наличность серiй болѣе нежели сомнительна. Вообще относительно Малера я вотъ что замѣчу: я нисколько не сомнѣваюсь въ его добросовѣстности, но нѣсколько рѣзкихъ промаховъ относительно времени, когда онъ вышелъ изъ боль-

ницы, доказываютъ, что память его далеко не надежна. Кромѣ того, Малеръ, по моему мнѣнію, человѣкъ увлекающійся и до того подчиненный авторитету лица, которому онъ служилъ, котораго превосходство денежное и моральное онъ признаетъ, что это подчиненіе превратилось въ культъ, въ обожаніе. Все, что ни дѣлаетъ г. Ландсбергъ, хорошо; онъ покупаетъ хорошія вещи, онъ только покупаетъ и ничего не продаетъ, экипажи у него хорошіе, долговъ никакихъ нѣтъ, откупныя дѣла шли превосходно и т. д. Очевидно, что при такомъ розовомъ взглядѣ на предметъ своего поклоненія г. Малеръ естественно долженъ былъ придти къ тому предположенію, что все, что ни есть у Ландсберга, принадлежитъ ему: домъ, серебро и бриліанты, которые надѣвала жена его, не смотря на то, что въ то же время онъ же, Малеръ, хвалилъ вещи, весьма не подходящія къ такому гиперболическому восхваленію достатковъ Ландсберга, напр., что проживалъ Ландсбергъ всего отъ 5,000 до 6,000 въ годъ. Да это для откупщика болѣе, чѣмъ скромно, просто бѣдно. Въ показаніяхъ Малера необходимо отдѣлить дѣйствительное отъ предположеній, основанныхъ на собственныхъ и совершенно своеобразныхъ умозаключеніяхъ свидѣтеля. Не продалъ мебели Ландсбергъ потому, что онъ никогда не продавалъ ничего, а только покупалъ. Есть еще средство отдѣлить дѣйствительный фактъ, сличивъ его показанія съ показаніями другихъ, болѣе трезво относящихся къ Ландсбергу лицъ, напр. съ Янсеномъ и Васильевымъ. Напр. Янсенъ прямо говоритъ, что Ландсбергъ хвастался, спрашивая о рентахъ, но серьезно не хотѣлъ ихъ покупать, а только любилъ хвастаться. Васильевъ, очень хорошо знакомый съ денежными обстоятельствами Ландсберга, прямо говоритъ, что Ландсбергъ на самомъ дѣлѣ нуждался и только выказывалъ себя богатымъ. Вотъ и всѣ свидѣтельскія показанія, не много въ суммѣ своей стоющія. Важнѣе ихъ письменные документы: векселя г. Охроменко, сохранныя росписки Шишкина на имя жены, да слѣды банковыхъ

билетовъ и облигацій, перешедшихъ черезъ руки Шишкина и Розенкранца. Относительно этихъ документовъ, вотъ что я имѣю честь объяснить.

Г-жа Шишкина, выходя замужъ и состоя въ супружествѣ, была женщина со средствами; она имѣла, по крайней мѣрѣ, собственный домъ на Невскомъ Проспектѣ, домъ красивый, дающій 14,000 годоваго дохода, по другимъ показаніямъ отъ 6,000—8,000, за который она, Шишкина, заплатила г-жѣ Калерджи 105,000 по купчей 30 апрѣля 1858 г. Правда, что и этотъ домъ пытаются теперь отъ нея оттянуть, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, на основаніи отзыва г. Малера, что домъ купленъ на деньги Ландсберга. Странный примѣръ: свидѣтельское показаніе употребляется для опроверженія крѣпостнаго акта, примѣръ, который я разбирать не стану—до такой степени, и передъ совѣстью, и передъ закономъ крѣпки права собственности г. Шишкиной на укрѣпленное за нею имущество. Кто имѣетъ дома, тотъ и доходами на нихъ имѣетъ право пользоваться; кто имѣетъ домъ, тому принадлежатъ и суммы, взятыя подъ залогъ дома, не такъ ли? Домъ Колержди купленъ былъ съ банковымъ долгомъ въ 62,000 р; своихъ собственныхъ денегъ Вѣра Ивановна вложила туда слишкомъ 40,000. Затѣмъ, на нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, когда доктора сказали Ландсбергу, что ему надо ѣхать заграницу, а ѣхать ему было не съ чѣмъ, жена предложила заложить домъ вторично въ городскомъ кредитномъ обществѣ; взято было 78,000 облигаціями городскаго кредитнаго общества, изъ которыхъ слишкомъ 50,000 ушли на покрытіе прежняго банковаго долга, а 26,000 или 27,000 остались въ запасѣ и не были употреблены на цѣль, на которую предназначались. Когда Ландсбергъ умеръ, то, по совѣту Шишкина, Вѣра Ивановна старалась войти въ соглашеніе съ казною и погасить посредствомъ этой суммы громадную, но безнадежную для казны, недоимку по откупамъ, но тщетно—отъ департамента неокладныхъ сборовъ не было никакой уступки.

Часть этихъ капиталовъ разошлась отъ октября до февраля 1864 г., часть была въ рукахъ у Шишкиной и слѣдъ ея обнаруженъ при обыскѣ въ имуществѣ Шишкиныхъ 7 іюня 1864 г., когда ломали при посредствѣ слесарей принадлежащіе ей ящики съ бумагами. Тогда тамъ и были найдены 2 записки, писанныя рукою Шишкиной со счетомъ денегъ на 500 р., 5 процентныхъ банковыхъ билетовъ на 6,450 и облигацій городскаго кредитнаго общества на 18,600, всего на 25,000 р. Шишкинъ, чувствуя, что этотъ капиталъ растаетъ и улетучится, если трудное дѣло, которое имъ приходилось вести съ Абрамомъ Ландсбергомъ, продолжится, убѣдилъ жену отдать ему эти деньги; посредствомъ ихъ онъ хотѣлъ устроить маслобойный заводъ, управляющимъ котораго былъ тотъ самый, который назвался маклеромъ Розенкранцемъ. Ему то Шишкинъ и передалъ изъ этого капитала по счету отъ 7 февраля 1864 г. на 16,100 р. облигацій городскаго кредитнаго общества. Капиталъ 25,000 данъ былъ Шишкиною мужу на слово, безъ всякихъ гарантій и обезпеченій; но, употребляя его на рискованное предпріятіе, которое потомъ лопнуло, Шишкинъ для снятія съ себя нравственной отвѣтственности передъ женщиною, довѣрившей ему всю свою наличность, убѣдилъ ее взять съ него, Шишкина, сохранную росписку въ 25,000 р., ту росписку, которая помѣчена 20 февраля 1864 года, числомъ, весьма близкимъ къ тому, въ которое облигаціи общества переданы были Розенкранцу. Что касается до сохранной росписки въ 40,000 руб., то я удивляюсь одному: зачѣмъ она приплетена къ слѣдствію? Я благодарю прокурора, что онъ не упоминалъ о ней въ своей обвинительной рѣчи; но такъ какъ гражданскій истецъ разсказалъ о ней цѣлую исторію, то я считаю себя обязннным отвѣчать ему. Для меня не понятно, какой можно сдѣлать выводъ изъ этой росписки въ смыслѣ обвиненія? Она или денежная, или безденежная. Если безденежная, то Шишкинъ могъ на сотни тысячъ надавать женѣ подобныхъ росписокъ,

отъ чего она ни чуть не сталабы богаче, если ему, Шишкину, платить женѣ нечѣмъ. Если она денежная, то она скорѣе служитъ къ оправданію Вѣры Ивановны. Взгляните на число ея «февраля 1863 года», т. е. за полгода до смерти Ландсберга; значитъ, въ то время у Вѣры Ивановны были въ рукахъ свои собственные капиталы. Или вы будете утверждать, что записка писана заднимъ числомъ, но въ такомъ случаѣ скажите, чѣмъ вы это докажете, гдѣ, кѣмъ, при комъ и при какихъ обстоятельствахъ она сочинена? Или васъ поражаетъ то обстоятельство, что Вѣра Ивановна пыталась при обыскѣ вырвать ее у слѣдователя и изорвать въ клочки? Это движеніе кажется обвиненію подозрительнымъ. Да, она пыталась это сдѣлать; да, ей больно и теперь, что эта росписка попала въ судъ. Но тѣ соображенія, которыя заставили ее рвать записку, не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ дѣломъ. Хотите знать ихъ? нѣтъ ничего проще: взгляните на число 9 февраля 1864 года. Она была еще женою Ландсберга, но уже ей было извѣстно, что Ландсбергъ скоро умретъ, что онъ жилецъ съ краткосрочнымъ паспортомъ; обязанность свою—ухаживаніе за больнымъ, она исполняла, но сердце ея и мысль, даже съ вѣдома и согласія Ландсберга, уже принадлежали Шишкину. Ты меня не оставишь, ты меня не бросишь?—былъ положительный и не умолкающій съ ея стороны вопросъ. Шишкинъ, чтобы ее успокоить и чтобы дать видимый залогъ своей любви, вещественное доказательство, охотно принимаетъ на себя кабалу. Шишкинъ самъ навязалъ ей эту росписку: не оставлю, а если бы оставилъ, такъ вотъ тебѣ бумага: ты меня можешь раззорить и посадить въ долговое отдѣленіе. Онъ ей вручилъ записку, а она, несвѣдущая въ дѣлахъ, взяла ее, какъ талисманъ, и оставался онъ забытый между бумагами, послѣ того, какъ совершилось предусмотренное и исполнилось. Потомъ, когда рука обыщиковъ перевернула бумаги, она сама вскрыла этотъ клочекъ, ей вспомнилось былое и

стало ей страшно, что эта записка будетъ схвачена ея врагами и что станутъ они толковать: такъ то она заботилась о мужѣ! Она помышляла о другомъ замужествѣ, она, сирота, окруженная, по милости своего перваго мужа, всѣми дарами и благами міра сего, говоря слогомъ Абрама Ландсберга!... Она хотѣла спрятать страницы изъ исторіи своего сердца, а перетолковали, что она хочетъ скрыть часть чужого имущества. Но вы, гг. присяжные засѣдатели, взгляните на дѣло человѣчнѣе и оцѣните фактъ по достоинству, какъ обстоятельство, къ дѣлу нисколько не относящееся.

Остается вексель г-жи Охраменко.—У Вѣры Ивановны найденъ вексель, выданный ей вдовою Охроменко 26 октября, нѣсколько дней послѣ похоронъ мужа въ 1.500 р. Абрамъ Ландсбергъ утверждаетъ, со словъ умершаго Эттингера, который, какъ умершій, ни подтверждать, ни отрицать словъ его не можетъ, что г-жа Охроменко была должна Ландсбергу по двумъ векселямъ, на 900 р. каждый, 1,800 р. и что по смерти Ландсберга она согласилась переписать эти векселя вмѣсто Ландсберга на его вдову съ уменьшеніемъ суммы съ 1,300 на 1,500 рублей.

Не знаю, откуда взялъ эти подробности Абрамъ Ландсбергъ, не знаю, должна ли была г-жа Охроменко что либо Ландсбергу. Въ дѣлѣ есть письма Ивана Охроменко къ Ландсбергу о векселяхъ, но между Иваномъ Охроменко и его женою, Охроменко, нѣтъ ничего общаго. Жаль. что ея здѣсь нѣтъ, она бы могла удостовѣрить, что она вексель выдала не безденежный и никогда своихъ векселей на Шишкину не переписывала. Я отрицаю у обвинителей право во всякомъ обязательствѣ г-жи Шишкиной доискиваться похищеннаго, какъ будто бы она никакой своей части собственности не имѣла, какъ будто бы она не въ правѣ была вступать ни въ какія обязательства. Я не вижу никакой надобности со стороны г-жи Шишкиной входить въ какія либо объясненія по этому предмету и давать какіе либо отчеты.

Самый крупный предметъ въ имуществѣ, принадлежавшемъ Ландсбергу, безъ сомнѣнія, серебро. Я не скрываю, что это и самый опасный предметъ. Шишкины путались въ показаніяхъ, говорили сначала одно, потомъ другое. При судебномъ слѣдствіи Шишкинъ сознался, что онъ тутъ виноватъ, подбивалъ жену показывать, какъ онъ показываетъ, и поставилъ ее въ весьма опасное положеніе. Если вы, гг. присяжные, полагаете, что всякая ложь уже несомнѣнный признакъ того преступленія, въ которомъ кто либо обвиняется, то всякая защита будетъ напрасна; но если вы, гнушаясь ложью, захотите, однако, разобрать ее и заглянуть въ самый корень дѣла, въ самую сущность его, то я не сомнѣваюсь, что Шишкины, не смотря на свои противорѣчія, найдутъ передъ вами оправданіе.

Когда полиція совершала опись, то найдено всего серебра 15 ф., по оцѣнкѣ на 322 р., именно, столоваго (8 ложекъ, 12 ножей, 12 вилокъ, чайникъ, сахарница, молочникъ, 1 разливательная ложка, 5 чайныхъ, ситечко). Между тѣмъ, ходили слухи, что у Ландсберга были цѣлыя горы серебра,—кто говоритъ пять, кто десять пудовъ,—которыя будто бы хранились въ несгораемомъ шкафѣ и желѣзномъ сундукѣ. Повидимому, изъ этихъ вещей несгораемый шкафъ только и важенъ, но и онъ представляетъ поводъ къ сомнѣніямъ. Сундукъ, по словамъ свидѣтелей, Брудерера и Малера стоялъ въ спальнѣ г-жи Ландсбергъ. Она говоритъ, что хранила тамъ свои мѣха и другія вещи. И нѣтъ данныхъ предпологать, чтобы этотъ сундукъ, у нея стоявшій, не былъ въ ея владѣніи. Что касается до шкафа, то онъ стоялъ въ комнатѣ смежной со спальнею и, указывая на него Ландсбергъ говорилъ Брудереру, что здѣсь все мое хранится. По словамъ кистера Брудерера, управляющаго домомъ госпожи Ландсбергъ, въ шкафу хранилось серебро, что довольно невѣроятно, такъ какъ вмѣстимость шкафа мала. По словамъ Малера, серебро уложено было въ сундукѣ подъ кроватью, на которой лежалъ больной.

Супруги Шишкины хранили молчаніе и относительно серебра, и относительно хранилища. Шишкинъ показывалъ, что отъ жены никакого серебра не получалъ. Тогда, по указанію Абрама Ландсберга, произведенъ былъ обыскъ въ нижнемъ этажѣ дома Шишкиной и подъ воротами найдены запертые и шкафъ и сундукъ. Г-жа Шишкина признала ихъ за свои вещи, но не хотѣла отворять замка за неимѣніемъ ключей, потомъ прислала ключи чрезъ Марфу Костюкову. Хранилища оказались совершенно пустыми. Затѣмъ, при обыскѣ, произведенномъ въ имуществѣ Шишкиныхъ, 1 іюня 1864 г., у нихъ найденъ ящихъ краснаго дерева, а въ немъ столовое серебро на 24 персоны, 4 подноса, чайникъ, сахарница плетеная корзинка, лампадка, 2 солонки и еще столоваго серебра на 6 персонъ. Затѣмъ въ ихъ бумагахъ отысканы 4 билета ссудной казны на заложенное серебро, изъ коихъ видно, что черезъ 3 недѣли по смерти Ландсберга заложено серебра на 2,580 руб. Серебро это, уложенное въ 4 наволочки, изъ коихъ двѣ безъ мѣтокъ, а двѣ съ мѣтками *Л*, состовляло: овальныя блюда, подносы, ложки, чашки, блюдечки, тарелки, раковины и проч. всего 270 штукъ. Присутствовавшіе при осмотрѣ въ ломбардѣ, 15 декабря, Малеръ и купецъ Янсенъ заявили, что они видѣли эти вещи у Ландсберга, что это то самое столовое серебро. До осмотра серебра Шишкинъ далъ отзывъ, который, очевидно, несостоятеленъ и который отстаивать нѣтъ никакой возможности, что серебро онъ купилъ за 3,000 р. у какого-то коммерческаго человѣка въ началѣ ноября 1863 г., но, не имѣя наличныхъ денегъ, заложилъ его тотчасъ въ ломбардъ, билеты же потомъ подарилъ женѣ за 2 дня до обыска.—Все это ложь, и въ десятитысячный разъ оправдывается въ этомъ случаѣ замѣчаніе, что всякій дурной поступокъ приноситъ съ собою и свое наказаніе: Шишкинъ совралъ и тѣмъ подорвалъ вѣру въ свою искренность, навлекъ на себя тѣмъ подозрѣнія и этому же подвергъ и свою жену. Теперь

онъ кается, но, Богъ вѣсть, исправитъ ли онъ испорченное. Путь настоящій, есть путь прямой, а не кривой, и, между тѣмъ, какъ легко было ему избрать эту прямую дорогу, сказавъ: все это серебро принадлежало моей женѣ. Да, оно принадлежитъ всецѣло Вѣрѣ Ивановнѣ. Приборъ обѣденный на 24 персоны, найденный у нея въ сундукѣ краснаго дерева, подаренъ ей былъ мужемъ вскорѣ послѣ женидьбы въ 1858 г. и она его хранила въ память покойнаго. Остальное куплено въ теченіе супружескаго сожитія, и, понятно, на ея деньги. Она имѣла домъ и съ этого дома получалось до 14,000 р. дохода, или, по словамъ другихъ, до 8,000; онъ же, раззоренный откупщикъ, какъ я докажу впослѣдствіи, не имѣлъ никакой возможности дѣлать столь значительныя затраты. Серебро заложено въ 3,000 р.; положимъ, оно стоило 5,000 р. 5,000 р. не Богъ вѣсть какая сумма для женщины съ состояніемъ, подобнымъ тому, какое несомнѣнно имѣла Вѣра Ивановна. Оно было въ домѣ, оно подавалось, когда были гости; Ландсбергъ могъ его показывать Малеру и Янсену, не объясняя имъ, чье оно, и оставляя ихъ въ убѣжденіи, что оно составляетъ его собственность. Какъ еврей, какъ откупщикъ, какъ человѣкъ, живущій кредитомъ, онъ любилъ щеголять и хвастаться, выдавать себя за богатаго. Онъ зналъ всю цѣну репутаціи богача, хотя бы эта репутація ничѣмъ не оправдывалась въ дѣствительности. И онъ, Ландсбергъ, могъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ щеголять добромъ, купленнымъ на доходы жены и, слѣдовательно, принадлежащимъ женѣ, что шведскіе законы о супружествѣ, которымъ онъ подчинялся, какъ выборгскій купецъ, не устанавливаютъ между супругами той совершенной раздѣльности имуществъ, какая имѣется въ нашихъ законахъ. Серебро это не хранилось въ несгараемомъ шкафѣ, который былъ для этой цѣли малъ, и не въ ящикахъ подъ кроватью, потому что ящики бы не помѣстились, да и видѣлъ бы кто-либо изъ прислуги—сердобольная Кузнецова, двор-

никъ, полиція—еслибъ ихъ выносили. Что же касается до хранилищъ, то исторія ихъ слѣдующая: сундукъ всегда принадлежалъ Вѣрѣ Ивановнѣ, а шкафъ мужу. Мужъ хранилъ въ немъ дѣйствительно свои бумаги, но когда все состояніе лопнуло и пришелъ онъ въ раззореніе, то съ тѣхъ поръ шкафъ оставался пустой и даже ключъ отъ шкафа былъ переданъ Ландсбергомъ женѣ.

Перехожу къ брилiантамъ. Въ бумагахъ покойнаго Ландсберга найденъ безъ года и числа разсчетъ бриліантщика Григорьева, изъ котораго видно, что когда то изъ лавки Григорьева отпущено было Ландсбергу брилліантовъ на 6,510 р. Куда ушли эти бриліанты, съ какою цѣлью они были пріобрѣтены — неизвѣстно; можетъ быть онъ подарилъ ихъ кому-либо, можетъ быть перепродалъ, — но эти бриліанты не имѣютъ ничего общаго съ бриліантами г-жи Шишкиной, которые описаны и найдены въ незначительномъ количествѣ. Говорятъ, что у Ландсберга была діадема, но діадемы никто не видалъ, кромѣ Малера; нѣкоторые изъ бриліантовъ видѣлъ Брудереръ, но эти бриліанты могли принадлежать его женѣ. Я полагаю, напримѣръ, что фермуаръ былъ женинъ. Но еслибы этихъ бриліантовъ найдено было гораздо больше у г-жи Шишкиной, еслибъ у нея нашлась та нитка крупныхъ бриліантовъ, которую видѣлъ Брудереръ, какъ онъ утверждаетъ, и та діадема или вѣнецъ и тотъ жемчугъ, которые видѣлъ Малеръ, то и это обстоятельство вины Шишкиныхъ еще не доказываетъ; Ландсбергъ могъ распоряжаться этими вещами до смерти, могъ, наконецъ, показывать постороннимъ драгоцѣнности жены. Во всякомъ случаѣ, при отсутствіи другихъ данныхъ и за смертью Ландсберга, если идетъ споръ объ извѣстныхъ драгоцѣнностяхъ: брошкѣ, браслетѣ, серьгахъ, діадемѣ; то я только въ такомъ случаѣ склоненъ былъ бы допустить предположеніе, что эти вещи—собственность Ландсберга, еслибы онъ былъ ювелиръ, еслибы онъ торговалъ каменьями. Коль скоро

онъ имъ не былъ, то не естественнѣе ли предположить, что эти принадлежности дамскаго туалета, что эти украшенія собственность той, которая можетъ ими пользоваться, а не того, кто не можетъ изъ нихъ извлекать никакой непосредственной пользы.

Я готовъ обойти молчаніемъ неважные предметы—шубы, столовые съ козелкомъ часы, про которые говорятъ, что они были спрятаны въ диванѣ; дѣйствительно, они были спрятаны въ диванѣ; но для чего? Неужели въ видахъ утайки! Если вы, гг. присяжные засѣдатели, находите возможнымъ осудить обвиняемыхъ за этого злополучнаго козелка, то осудите. При обыскѣ 1-го іюня въ бумагахъ Шишкина найденъ, отъ 24 мая 1864 года, счетъ мѣховаго магазина Одноушевскаго о принятіи на сбереженіе двухъ мѣховыхъ шинелей. Одна изъ этихъ шинелей означена въ видѣ ильковой шубы въ описи вещей Ландсберга, въ актѣ 2 января 1864 г. Отдача ея въ лавку не есть утайка, а просто желаніе сбереженія, предохраненія шубы отъ моли.—Другая шинель, дрянная, старая, въ 25 руб., не вошла въ опись потому, что про нее забыли, на нее, по ея ветхости, не обратили вниманія. Шуба, которая въ обвинительномъ актѣ названа бобровою, каторая считается утаенною, и есть та самая, которая въ описи названа ильковою.

Что касается до самаго главнаго, по смыслу обвинительнаго акта, пункта—присвоенія экипажей и мебели то моя защита должна, по необходимости, соображаться съ отношеніемъ къ сему моей довѣрительницы. Она только знала, что этими предметами распоряжается такимъ образомъ ея женихъ, а потомъ мужъ, знала и соглашалась на эти распоряженія; распоряжался же онъ самъ непосредственно. — Онъ и дастъ полный и подробный отчетъ. Моя защита будетъ по необходимости самая общая, не потому, чтобы жена въ этомъ случаѣ отдѣляла передъ вами свою отвѣтственность отъ отвѣтственности мужа и старалась взвалить на него всю

вину; нѣтъ, супруги Шишкины не доставятъ врагамъ своимъ удовольствія раздора и пререканій предъ судомъ—они неразрывно связаны судьбою на жизнь и смерть, на осужденіе и оправданіе—въ такомъ смыслѣ мнѣ поручена и защита; но потому, что она гораздо меньше знаетъ нежели Шишкинъ, о предметахъ, которые подлежатъ разбирательству, о ихъ происхожденіи, принадлежности и переходахъ съ одной квартиры на другую и изъ одного города въ другой. У Ландсберга была дача въ Павловскѣ, хорошо меблированная, съ конюшнями, сараями, экипажами—все это осталось на мѣстѣ, когда 29 сентября Ландсберга, уже трудно больнаго, перевезли изъ Павловска въ С-Петербургъ, въ домъ Вѣры Ивановны, гдѣ онъ и скончался 20 октября.—Экипажи, которые помѣщались на этой дачѣ: коляску, фаэтонъ, двѣ кареты, г-жа Шишкина признавала и признаетъ своею собственностью и нѣтъ никакихъ въ дѣлѣ данныхъ, которыя изобличали бы ее въ этомъ пунктѣ во лжи. Самъ кучеръ Петровъ и до сихъ поръ не знаетъ, чьи были лошади чьи были экипажи. Что касается до мебели, то Вѣра Ивановна Шишкина знала, что передъ самою смертью мебель на дачѣ въ Павловскѣ продана Ландсбергомъ Шишкину, за 7,000 р. Она слышала о томъ отъ Шишкина, слышала отъ самаго Ландсберга, который нуждался въ деньгахъ для поѣздки заграницу и радъ былъ получить ихъ отъ Шишкина. Когда Ландсбергъ умеръ и полиціею заявлено было, что она приступитъ къ описи его имущества, очень понятно, что Шишкинъ принялъ свои мѣры, чтобы пріобрѣтенная имъ движимость не попала въ эту опись. 7 ноября 1863 г. нанято имъ было помѣщеніе съ сараемъ на Лиговкѣ, въ домѣ Балашова, и 8 ноября туда привезены экипажи и разная дорогая мебель на 14 возахъ. Перемѣщеніе дѣлалось не воровскимъ образомъ, не тайно, но явно на глазахъ множества людей, какъ фактъ вполнѣ естественный и законный, въ которомъ нѣтъ ничего дурного. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, въ декабрѣ,

Шишкины собирались сочетаться бракомъ и надо было подумать о помѣщеніи для предполагаемаго супружескаго хозяйства.—Опротивѣла Вѣрѣ Ивановнѣ та квартира, гдѣ она пробыла 4 года съ умирающимъ мужемъ; въ жилыхъ комнатахъ—въ кабинетѣ, въ спальнѣ, все ей напоминало болѣзнь, смерть. Она хотѣла бѣжать подальше отъ этихъ тяжелыхъ воспоминаній. Какъ разъ въ ту пору съѣхалъ съ квартиры г. Янсенъ, котораго помѣщеніе примыкало къ большому залу бывшей квартиры Ландсберговъ, съ балкономъ. Шишкины и рѣшили поселиться здѣсь въ квартирѣ Янсена, присоединивъ къ ней залу съ балкономъ, а бывшую квартиру Ландсберговъ отдать квартирантамъ, устроивъ меблированныя комнаты. Такъ и сдѣлано. Около 19 декабря отъ бывшей квартиры Ландсберговъ отдѣлена комната съ балкономъ и присоединена къ новой Янсенской. — Въ эту новую квартиру стали переносить нѣкоторыя вещи Вѣры Ивановны, потомъ привезли изъ дома Балашова мебель, взятую изъ дачи въ Павловскѣ, напримѣръ золотую беседку, и другія золоченыя вещи. 15 января 1864 г. отпраздновали свадьбу и бракосочетавшіеся поселились на новомъ мѣстѣ. Теперь имъ ставятъ въ главную улику, въ одну изъ самыхъ существенныхъ, отдѣленіе комнаты: украли, значитъ, комнату, въ нее спрятали похищенное, и ее спрятали въ карманъ, чтобъ нельзя было ничего отыскать — обвиненіе въ высшей степени спутанное и по истинѣ удивительное, котораго цѣли и до сихъ поръ не могу себѣ уяснить. Украдена комната, а для чего? Для сокрытія золотой мебели; но золотая мебель привезена изъ Павловска въ Петербургъ и помѣщена въ комнатѣ съ балкономъ уже послѣ отдѣленія этой комнаты отъ бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ. Или для сокрытія мебели, бывшей въ квартирѣ Ландсберговъ; но Шишкины вовсе не скрывали, что они переселяются изъ старой квартиры на новую, и Шишкина на глазахъ у всѣхъ перенесла туда всѣ свои пожитки: рояль, органъ и дру-

гія вещи и мебель, которую она признаетъ своею собственностью. И чтоже значитъ это обвиненіе въ сокрытіи мебели? Если бы еще эту комнату, которую отдѣлили и въ которую помѣстили мебель, замуровали со всѣхъ сторонъ, тогда можно было бы сказать что скрыли; но дѣло извѣстное, что перехода на другую квартиру и отдѣла комнаты ни отъ кого не скрывали. Разборъ статей имущества, которое предполагается похищеннымъ, разборъ тяжелый, утомительный, скучный, оставляетъ только то впечатлѣніе, что нельзя разобрать, кому какая вещь принадлежала, что права собственности крайне перепутаны, и не разобрать—что было мужнино и что женино. Но эта запутанность можетъ хотя отчасти, быть устранена, если отъ мелочей мы перейдемъ къ общему и, вмѣсто того, чтобы перебрать каждый стулъ, столикъ, рамку отдѣльно, спросимъ себя объ источникахъ происхожденія этихъ предметовъ, или о состоятельности лицъ, которыхъ отношенія мы разбираемъ: кто изъ нихъ богатъ, кто бѣденъ: жена ли и Шишкинъ жили на счетъ мужа или Ландсбергъ держался средствами своей жены и своего пріятеля? Вопросъ громадной важности, дающій всему дѣлу новое освѣщеніе, вопросъ, который даже и не поставило обвиненіе, а между тѣмъ въ немъ вся суть, въ немъ корень дѣла. Если Шишкины — голые паразиты, обвившіеся кругомъ богача, то они присвоили чужое имущество; если Ландсбергъ, проспекулировавшійся банкротъ, то тѣ сотни тысячъ, которыя отыскиваетъ гражданскій истецъ, не болѣе, какъ мифъ, мечта воображенія, мыльный пузырь, и тогда правдоподобіе на той сторонѣ, которая богаче. Г-жа Шишкина изъ рода зажиточныхъ купцовъ Калугиныхъ, она имѣла домъ, это ея неоспоримая и неотъемлемая собственность; съ дома получала доходы, внесла въ него приданое. Самъ гражданскій истецъ не отвергалъ здѣсь, что Калугины имѣли значительные капиталы, но онъ говоритъ только, что капиталы эти долговые. Г. Шишкинъ также изъ купе-

ческихъ дѣтей—у родителей его домъ въ С.-Петербургѣ. Самъ онъ имѣетъ кирпичный заводъ. Спрашивается, чтоже такое Ландсбергъ? Гдѣ его золотоносные рудники? Гдѣ нажился этотъ новый Монтекристо? Гдѣ его имѣнія, конторы? То вѣроятно, что онъ не торговалъ, подъ ручные залоги денегъ не давалъ, акціонерныхъ компаній не основывалъ; онъ только откупщикъ по виннымъ откупамъ, не болѣе. Какъ откупщикъ, онъ имѣетъ свои откупныя книги. Эти книги есть, и если бы совокупною дѣятельностью обвиненія и защиты, при пособіи экспертовъ по откупному дѣлу, можно было разобрать ихъ, то тогда опредѣлилось бы состояніе Ландсберга до копѣйки. Обвиненіе не взялось за эту работу и защита не нашла нужнымъ прибѣгать къ ней, — для защиты достаточно и тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя были прочитаны при судебномъ сдѣдствіи и которыя изображаютъ, какъ нельзя лучше положеніе Давида Ландсберга—его страшное безденежье, его медленную финансовую агонію. Съ 1851 — 1857 год. Ландсбергъ содержитъ откупъ яранскій. Въ пакетѣ № 7 есть его записка съ обозначеніемъ выручки—недобора 152,000 р. Съ тѣхъ поръ начинаются его слезныя записки къ начальнику губерніи о раззореніи, о безвыходномъ положеніи, о спасеніи, если не его, то залогодателей,—его вопли и стоны, его прошеніе къ Государю (прошеніе 2 марта 1860 г.) о томъ, что онъ внесъ 33,000 руб., и еще остается внести 134,000 р., и такъ какъ онъ такихъ средствъ не имѣетъ дабы расплатиться, то проситъ ихъ сложить. Съ большихъ откуповъ онъ сходитъ на мелкіе, беретъ въ 1859 г. два незначительные откупа—варнавинскій и солигаличскій. Онъ такъ стѣсненъ, что проситъ костромскую казенную палату отпустить ему вина въ 1859 г. подъ залоги Орловой. Въ тоже время Утинъ отнимаетъ у него залоги по варнавинскому и солигаличскому откупамъ. Въ началѣ 1862 г. и этихъ откуповъ онъ содержать не въ силахъ: 1-го февраля яранскій откупъ перешелъ къ Расланину, 7 іюня солигаличскій—

къ Вѣткину, не за деньги, а просто за документы, за векселя, за которые никто теперь и 10 рублей не даетъ, потому что и Расланинъ и Вѣткинъ сдѣлались банкротами. Конецъ всѣхъ отношеній и вѣнецъ откупной дѣятельности Ландсберга—это отношеніе с-петербургской казенной палаты отъ 19 мая 1864 г. въ вятскую казенную палату о казенной недоимкѣ въ 93,905 руб., которая, по недостаточности залоговъ (27,000), должна быть пополнена изъ всего его имущества. Такимъ образомъ имущество Ландсберга, не плюсъ, а минусъ, призракъ, миражъ въ пустынѣ, и я удивляюсь смѣлости и рѣшительности гражданскаго истца, старающагося взять эту тяжелую, претяжелую ношу.

Тщательно скрываемый дефицитъ въ концѣ операцій, минусъ въ кассѣ, скрываемый за тремя замками и семью печатями, доставляютъ намъ возможность разгадать Ландсберга, его характеръ, его дѣятельность, и раскрыть весь секретъ Ландсбергова наслѣдства. Этотъ проскуровскій еврей, бѣгущій отъ своей семьи, бросаетъ свое имущество, которое потомъ продается съ публичнаго торга, продолжаетъ вездѣ потомъ ту же самую игру, ведетъ жизнь таинственную, загадочную — смѣсь блеска и тумана. Блескъ этотъ чисто наружный— перстни на пальцахъ, богатая пріемная, серебро столовое, хотя и взятое въ долгъ, ложа въ театрѣ, хотя бы потомъ пришлось сидѣть въ долговомъ отдѣленіи. Всякая операція построена на одномъ только кредитѣ; кредитъ поддерживается ловкимъ образомъ дѣйствій — умѣньемъ показать немногое за многое, оцѣнкою своего имущества въ десять разъ болѣе противъ настоящей стоимости. Въ концѣ концовъ послѣ каждой операціи— fiasco, паденіе, и опять повтореніе той же сизифовой работы, но, между тѣмъ, цѣль достигнута, — и жизнь пройдена, если не безъ колючекъ и терній, то, по крайней мѣрѣ, со всѣми признаками, а порою и наслажденіями великой роскоши, великаго богатства. Картина, которую я рисую, можетъ быть и не красива. Я прошу

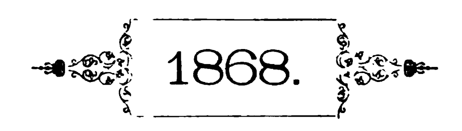
извиненія у моей довѣрительницы и у гражданскаго истца, что я ее изображаю, что память мужа и отца можетъ пострадать отъ судебнаго состязанія и выйти не совсѣмъ чистою изъ этого засѣданія; но интересы правды выше всякихъ другихъ интересовъ, а въ отношеніи мертвыхъ, если мы чѣмъ либо обязаны, то только одною чистою и ничѣмъ неприкрываемою истиною — нагою истиною, безъ покрывала, какъ изображала ее древность. Гг. присяжные, во имя этой истины я прошу васъ, въ интересѣ моей довѣрительницы, вникнуть въ то, что такое наслѣдство Ландсберга и вы увидите, что оно все состоитъ не изъ настоящаго богатства, а изъ фальшивой репутаціи о мнимомъ богатствѣ, которая Шишкину давитъ и не даетъ ей жить. Я не сомнѣваюсь, что вы освободите ее отъ этого фальшиваго наслѣдства, то есть, что вы признаете ее невинною въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя такъ не юридически и не согласно съ дѣйствительностью взводятся на нее гражданскимъ истцомъ и обвинительною властью.

Для обсужденія присяжныхъ были постановлены слѣдующіе вопросы:

1) Виновна ли бывшая вдова выборгскаго купца Ландсберга, нынѣ жена инженеръ штабсъ-капитана, Вѣра Ивановна Шишкина, въ томъ, что присвоила часть не принадлежащаго ей имущества или денежнаго капитала, оставшагося послѣ умершаго, 20 октября, купца Давида Ландсберга, на сумму свыше 300 руб.?

2) Виновенъ ли въ томъ же преступленіи отставной инженеръ штабсъ-капитанъ Шишкинъ?

На оба вопроса присяжные засѣдатели отвѣтили отрицательно, почему судъ объявилъ подсудимыхъ свободными.

4.

Дѣло о графѣ Ираклiѣ Морковѣ, судимомъ за убiенiе крестьянина Будилы.

Дѣло докладывалось 7 мая 1868 г. во 2 отдѣленiи 5 департамента правительствующаго сената.

1) Гг. Сенаторы! 26 декабря 1866 г. совершено таинственное убiйство крестьянина Будилы, а въ ночь съ 3 на 4 января еще болѣе таинственное похищенiе головы трупа того же Будилы. По стеченiю нѣсколькихъ уликъ, на графа Моркова направлено обвиненiе въ томъ, что онъ похитилъ голову у трупа, а такъ какъ въ похищенiи головы могъ быть заинтересованъ только убiйца, для сокрытiя слѣдовъ преступленiя, то и выведено было заключенiе, что убiйца графъ Морковъ. Къ этой догадкѣ пришла сначала слѣдственная коммиссiя, ее разнесла потомъ широко молва, вслѣдъ за молвою явились оговоры, со стороны лицъ болѣе или менѣе замѣшанныхъ въ дѣло. По этимъ даннымъ графъ Морковъ попалъ въ тюрьму и приговоренъ подольскою уголовною палатою къ 12½ лѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Прямыхъ доказательствъ противъ него нѣтъ, онъ съ

негодованіемъ отвергалъ и отвергаетъ обвиненіе. Какой же вѣсъ для усиленія его могутъ имѣть слова какого нибудь Тишковскаго или Замеховскаго; графъ Морковъ для нихъ лѣстница, по которой они надѣются выбраться изъ острожной ямы. Самъ Флорчукъ, столь неправильно спрошенный коммиссіею подъ присягою, есть лицо прикосновенное къ дѣлу, укрыватель давшій при первоначальномъ слѣдствіи лживое показаніе. Если устранить всѣ эти три поздніе сомнительные оговоры, то останутся однѣ лишь улики. Я бы могъ въ этомъ случаѣ сказать бездну вещей о томъ, какъ опасно судить по уликамъ, основывать приговоръ на уликахъ и какъ ошибочны бываютъ догадки. Идя отъ догадки къ догадкѣ, отъ предположенія къ предположенію, можно достигнуть до заключеній повидимому логически правильныхъ, а между тѣмъ совершенно нелѣпыхъ, то есть не согласныхъ съ истиною. Я могъ бы за тѣмъ бить на то, что судъ, въ которомъ я имѣю честь говорить, есть судъ по старому закону, связанный строгою теоріею законныхъ доказательствъ, то есть присуждающій къ наказанію только тогда, когда есть прямыя и несомнѣнныя, закономъ предусмотрѣнныя, доказательства вины. Я могъ бы заключить мою рѣчь разными пошлостями въ родѣ той, что лучше оправдать десять виновныхъ нежели осудить одного невиннаго. Однако положеніе мое какъ защитника графа Моркова вовсе не столь отчаянное, чтобы прибѣгать къ подобнымъ избитымъ пріемамъ, которые надлежитъ предоставить защитникамъ совершенно потерянныхъ дѣлъ и окончательно пропадающихъ подсудимыхъ. Судись это дѣло десять лѣтъ тому назадъ, я бы могъ ссылаться, съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха, на эту старинную теорію законныхъ доказательствъ, потому что она кое какъ еще соблюдалась. Но нынѣ время взяло свое; въ практику даже и старыхъ судовъ вошелъ обычай постановлять приговоры по совокупности обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго, то есть въ сущности по внутрен-

нему убѣжденію и совѣсти, потому, строго говоря, въ дѣйствительности нѣтъ обстоятельствъ, исключающихъ возможность недоумѣвать о винѣ подсудимаго. Въ сущности и вы, гг. сенаторы, рѣшаете огромное число дѣлъ, какъ присяжные, по голосу совѣсти и внутреннему убѣжденію, а потому я и попрошу васъ, чтобы вы такимъ образомъ судили графа Моркова. Я буду говорить передъ вами, какъ говорилъ бы передъ присяжными, но такъ какъ говорить мнѣ все таки будетъ труднѣе нежели передъ присяжными по невозможности ссылаться на несуществующее въ настоящемъ случаѣ судебное слѣдствіе, то я попрошу вашего особеннаго снисхожденія, вниманія и терпѣнія, то есть прошу васъ дать мнѣ высказаться цѣликомъ и до конца, хотя бы рѣчь моя и утомила васъ своею длиннотою. Я думаю, что имѣю право на это вниманіе не потому, что Морковъ знатный человѣкъ, графъ, но просто потому, что это молодой человѣкъ исполненный силъ, коего судьба могла бы лежать на совѣсти тѣхъ, кои бы осудили его быть заживо погребеннымъ въ рудникахъ Сибири. Я не берусь разоблачить тайну убійства и указать кто его виновникъ, но я увѣренъ что докажу, что виновникомъ убійства никакъ не могъ быть Морковъ.

2) Разстояніе отъ села Мазепинецъ до усадьбы Одои, принадлежащей тому же помѣщику, 2 1/2 версты. Дорога отъ дома священника идетъ сначала селеніемъ, причемъ по правой сторонѣ остается церковь съ кладбищемъ, потомъ она поворачиваетъ направо черезъ мостикъ, лѣсомъ. Передъ самымъ въѣздомъ въ усадьбу и экономическимъ строеніемъ стоитъ одиноко домикъ, занимаемый семействомъ экономическаго писаря Замеховскаго. Вдоль этой дороги, по правой ея сторонѣ, нѣсколько прудовъ, изъ коихъ одинъ весьма большой близъ самихъ Одоевъ. Въ усадьбѣ Одояхъ проживалъ гусарскій отставной поручикъ графъ Ираклій Морковъ, имѣвшій 26 лѣтъ во время происшествія, возбудившаго слѣдствіе, человѣкъ холостой. И слѣдователи въ своихъ заключеніяхъ

и уголовная подольская палата въ своемъ приговорѣ стараются всячески унизить графа Моркова въ нравственномъ отношеніи, представить его какимъ то малограмотнымъ дикаремъ, буяномъ, выгнаннымъ изъ службы за дурные поступки. Дѣло въ томъ, что Морковъ не литераторъ, не ученый, онъ ни въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ не былъ, а прямо изъ юнкеровъ дослужился до офицерскаго чина, однажды въ полку, поссорившись съ товарищемъ Сипягинымъ, ударилъ его въ лицо, за что и наказанъ двухмѣсячнымъ содержаніемъ въ крѣпости (наказаніе весьма снисходительное, можетъ быть, вся вина была на сторонѣ Сипягина). Морковъ самъ добровольно вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Всѣ спрошенные по дѣлу одобрили его поведеніе и характеръ, никто никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ пороковъ за нимъ не указалъ, даже невидно, чтобы онъ имѣлъ привычку предаваться пьянству. Какъ молодой человѣкъ, онъ любилъ иногда погулять и выпить въ компаніи, напримѣръ въ великіе праздники, когда всѣ бражничаютъ отъ мала до велика.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ и былъ день Рождества Христова 25 дек. 1866 года. Какъ подобаетъ въ праздникъ, и графъ и его люди отправились утромъ въ церковь въ Мазепинцы къ обѣднѣ, при выходѣ изъ церкви дворовые графа Юшка съ Блащукомъ стали зазывать къ себѣ въ Одои скрипача Сорокопуда. Сорокопудъ спросилъ позволенія ѣхать у священника, взялъ съ собою игравшаго на бубнѣ мальчика Марка Будилу и поѣхалъ въ Одои. Вскорѣ туда же прибылъ и священникъ Лозинскій поздравить помѣщика. Графъ Морковъ угощалъ священника, музыка играла на кухнѣ. Подъ вечеръ и дворню и музыканта позвали въ покои графа. Священникъ былъ порядочно выпивши, графъ навеселѣ; графъ угощалъ всѣхъ водкой и заставилъ плясать. У скрипача Сорокопуда лопнула струна; когда онъ сталъ перевязывать ее, священникъ сказалъ: «смотри, я тебѣ задамъ, если еще разъ порвется». Порвалась таки, тогда

священникъ собственною рукою заушилъ музыканта такъ, что пошла кровь изъ носу. Скрипачь перестадъ играть и хотѣлъ было отправиться пѣшкомъ обратно въ Мазепинцы, но его вернули Одоецкіе люди и онъ легъ спать на кухнѣ. Между тѣмъ священникъ пригласилъ къ себѣ графа въ гости, и оба они вмѣстѣ на парѣ графскихъ лошадей и на графскихъ саняхъ съ кучеромъ Тишковскимъ отправились къ священнику въ Мазепинцы.

Графъ ѣхалъ въ гости и не имѣлъ при себѣ никакого оружія. У священника Лозинскаго графъ загулялъ до поздней ночи, причемъ люди священника Керекеша, Мазуръ и молодой 19 лѣтній парень Павелъ Будило приходили колядовать, причемъ графъ вынулъ изъ кармана 4 или 5 штукъ серебряныхъ монетъ, передалъ ихъ Будилѣ, а Будило подѣлился потомъ этими деньгами съ товарищами, но расплатился съ ними не серебромъ, а мѣдью. Есть показанія, что и Тишковскій былъ въ числѣ колядовавшихъ, хотя съ другой стороны онъ утверждаетъ, что напившись пьянъ онъ завалился спать на кухнѣ у священника. Я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что у Будилы была мѣдь, что къ нему перешли и тѣ 4 или 5 штукъ серебра, которые происходили отъ щедротъ графа, кромѣ того, мать его показала, что наканунѣ Рождества она дала ему 3 р. 35 к. с. на покупку водки на Одоецкой винокурнѣ, которой онъ однако не купилъ. Я считаю это обстоятельство важнымъ, потому что, такъ какъ при трупѣ Будилы не оказалось потомъ ни копѣйки въ порожнемъ кожаномъ кошелькѣ, то неизвѣстно куда дѣвались деньги и зарождается сомнѣніе, не съ корыстною ли цѣлью совершено убійство.

Отъужинали сытно и плотно; никто не смотрѣлъ на часы, но было далеко за полночь—часа 3 или 4 утра, когда графъ сталъ собираться къ отъѣзду. Такъ какъ на дворѣ, по показанію священника, была мятель и вьюга, то онъ и распорядился припречь къ парѣ графской свою пару, причемъ на графскихъ лошадей надѣта

была упряжь священника. Графъ долго не выходилъ, тогда Будило, Керекеша и Тишковскій стали проѣзжать четверню. Графъ вышелъ и съ пьяна повздорилъ на прощаніи со священникомъ. Онъ разсердился за то, что лошадей не было и приходилось ждать; ему не понравилось, что въ сани запряжены были лошади священника, наконецъ онъ вышелъ изъ себя, когда Будила не далъ ему возжей въ руки, потому что священникъ не-приказалъ дать ихъ графу. Морковъ велѣлъ выпречь лошадей священника,—священникъ велѣлъ выпречь всю четверню, что и исполнено Будилою и Керекешею, такъ какъ на графскихъ лошадяхъ была упряжь священника. «Воръ арестовалъ моихъ лошадей, сказалъ графъ, ни за что не поѣду, лучше найму лошадей или пѣшкомъ пойду въ Одои...» и направился съ Тишковскимъ пѣшкомъ. Изъ дѣла видно, что Тишковскій стучался къ крестьянину Слобонюку и хотѣлъ нанять у него лошадей; самъ ли онъ по своему усмотрѣнію это дѣлалъ или по приказанію графа, неизвѣстно; графъ говоритъ, что онъ его не посылалъ. Между тѣмъ какъ они шли пѣшкомъ, Будило и Керекеша успѣли переложить сбрую. Священникъ отправилъ Будилу на парѣ графскихъ, съ колокольчикомъ въ погоню за графомъ и сказалъ ему: «проводи графа до дому, а если графъ не захочетъ, то воротись». Будила нагналъ графа и Тишковскаго за деревнею у мостика, передалъ возжи Тишковскому, а самъ помѣстился на запяткахъ. Графъ не кричалъ, не обнаружилъ ни малѣйшаго признака злобы къ Будилѣ, еслибы онъ питалъ злобу, то онъ бы тутъ его прибилъ, но питать эту злобу къ Будилѣ онъ не могъ. Онъ зналъ, что Будило дѣлалъ то, что ему приказано; что если слѣдуетъ гнѣваться, то только на священника, который «арестовалъ лошадей». Такимъ образомъ падаетъ сама собою вся приводимая въ приговорѣ палаты теорія мотивовъ, заставившихъ будто - бы Моркова предпринять съ предумышленіемъ убійство Будилы. Я не отрицаю, что отъ Моркова можно было бы ожидать, что разсердившись на Будилу, онъ

ударитъ его; но дать ему сѣсть на запяткахъ, обдумать въ теченіе ѣзды планъ убійства, запастись пистолетами, запречь лошадей и ѣхать съ тѣмъ, чтобы убить человѣка, который ему лично никакого зла не сдѣлалъ, а дѣйствовалъ по чужому приказанію, это такая психологическая невозможность, которая не выдерживаетъ критики. Не доѣзжая за нѣсколько десятковъ шаговъ до господскаго дома, Будило спрыгнулъ съ саней подъ горкою, съ тѣхъ поръ никто уже его живымъ и не видалъ.

Въ господскомъ домѣ графа были уже люди на ногахъ, а на людской кухнѣ потѣшалась прислуга. Дворня графа разбудила музыканта, пѣла и плясала до бѣлаго утра. Слѣдуетъ разсмотрѣть въ подробности, что происходило въ это время въ господскихъ комнатахъ и на кухнѣ, что и дастъ возможность разрѣшить, по показаніямъ свидѣтелей, капитальный вопросъ, который упущенъ былъ изъ виду и слѣдствіемъ и судомъ, между тѣмъ какъ отъ него зависитъ сама возможность преступленія со стороны Моркова, вопросъ о часѣ ночи, когда графъ пріѣхалъ домой.

Въ комнатахъ своихъ Морковъ засталъ на ногахъ Семена Флорчука поваренка, который отворилъ ему двери, прачку Рогальскую, съ которою онъ имѣлъ связь и которая занимала комнату возлѣ его спальни, служанку Ульяну Мельникову и ключницу Янковскую, которая суетилась возлѣ больного Никиты Старыхъ и поила его чаемъ. Самоваръ ставила Мельникова, ключницу разбудили, когда надобно было заварить чай. Она говоритъ, что легла въ 11 ч., а проспала 5 или 6 часовъ, слѣдовательно, разбужена была въ 4 или 5 утра. Графъ спросилъ Никиту о здоровьѣ, потребовалъ себѣ стаканъ чаю, отправился въ спальню и легъ. Янковская подъ присягою и Рогальская безъ присяги показываютъ, что графъ никуда затѣмъ ночью не уѣзжалъ, легъ въ постель и спалъ до самаго утра. Съ другой стороны скрипачъ Сорокопудъ разсказываетъ, что за два примѣрно часа до дня, слѣдовательно, въ шестомъ часу (такъ какъ въ концѣ

декабря свѣтаетъ въ восьмомъ), его разбудила графская прислуга и заставила играть. Въ то же время Ульяна Мельникова пришла ставить самоваръ. Сорокопудъ говоритъ, что онъ съигралъ два или три танца, когда раздался говоръ, что графъ пріѣхалъ, изъ чего можно заключить, что пріѣздъ графа былъ никакъ не раньше 5 или 6 часовъ утра. Затѣмъ показаніе Сорокопуда становится еще интереснѣе, оно пріобрѣтаетъ такую громадную важность, что въ немъ можетъ быть и заключается вся разгадка великой тайны убійства. Сорокопудъ утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что *полчаса* спустя послѣ пріѣзда графа въ кухню вошелъ Тишковскій весь въ снѣгу, съ подмерзшими волосами и усами. Сорокопудъ удивился откуда взялся Тишковскій весь обмерзшій, такъ какъ уже полчаса прошло съ пріѣзда графа. На вопросъ «куда ты ѣздилъ» Тишковскій отвѣтилъ: «ты хочешь знать куда я ѣздилъ? чертъ знаетъ куда?—чертей глушить я ѣздилъ!» Послѣ сихъ зловѣщихъ словъ Тишковскій взялъ свѣчу и отправился на конюшню распрягать лошадей, откуда вернулся черезъ *пять* минутъ. Важность показанія Сорокопу да заключается въ томъ, что оно удостовѣряетъ: 1) что по пріѣздѣ графа Тишковскій, не распрягая лошадей, кудато пропадалъ въ теченіи ½ часа, именно въ тотъ самый получасъ, когда графъ навѣщалъ Никиту и пилъ чай; 2) что онъ вернулся весь въ снѣгу; 3) что онъ произнесъ загадочныя, двусмысленныя и зловѣщія слова. Все что происходило затѣмъ на кухнѣ, можетъ быть до точнѣйшихъ подробностей возстановлено не по одному только показанію Сорокопуда, но и по совершенно согласному съ нимъ показанію прикащика Родзеевскаго. Въ промежуткѣ времени, когда Тишковскій пошелъ распрягать лошадей, а оставался еще часъ до разсвѣта, въ конюшню вошелъ Родзеевскій, уже вставшій отъ сна, совершенно трезвый. При немъ уже на кухню пришли писарь Замеховскій въ короткомъ сюртукѣ, а за нимъ и Тишковскій въ тулупѣ или кожухѣ и свитѣ. Тишковскій

потребовалъ, чтобы Сорокопудъ игралъ, самъ же пустился плясать; плясалъ сначала въ кожухѣ, а потомъ сбросилъ кожухъ и танцовалъ въ одной рубахѣ и подштанникахъ. Потомъ онъ присталъ къ ключницѣ Янковской, требуя водки, но ключница ему отказала, сказавъ, что графъ спитъ и что она не пойдетъ его будить. За симъ, хотя музыка и пляска продолжались до совершеннаго разсвѣта, Тишковскій исчезъ изъ кухни и Родзеевскій видѣлъ его днемъ спящимъ на конюшнѣ, въ то время, какъ по приказанію Родзеевскаго Блащукъ и другіе работники давали кормъ лошадямъ.

Таковы подробности всего происходившаго ночью въ усадьбѣ Одояхъ, въ ночь съ 25 на 26 декабря. На слѣдующій день въ 9 часовъ утра найденъ на снѣжномъ полѣ въ окрестностяхъ Мазепинецъ трупъ Будилы.

3) 26 декабря, между 9 и 10 часами утра, въ лѣсу близь самой дороги въ 1$^1/_2$ версты отъ Одои и въ 1 верстѣ отъ Мазепинецъ найденъ ничкомъ распростертый на снѣгу мертвый человѣкъ, оказавшійся Будилою. На немъ была свита, полушубокъ, рубаха, подштанники и шерстяные штаны полосатые, сапоги съ длинными голенищами, въ карманѣ пустой кожаный кошелекъ, на шеѣ красный шерстяной шарфъ или шаликъ, возлѣ трупа валялась барашковая шапка. Крестьяне и священникъ Лозинскій, ѣхавшій въ Одои, осмотрѣли трупъ, не снимая шарфа съ шеи, опускали штаны до голенищъ и поднимали рубаху до шеи, но ничего на тѣлѣ не замѣтили. Лицо умершаго было въ крови, но осматривавшіе излагали, что кровь шла изъ носа и что онъ замерзъ. Но когда трупъ привезли въ Мазепинцы и въ теплой избѣ обмыли водою, то оказалась сквозная рана въ головѣ отъ лѣваго уха до праваго глаза. Отверстіе этой раны ниже уха прикрыто было краснымъ шарфомъ, изъ чего можно было заключить или, что шарфъ надѣтъ на рану послѣ убійства или, что онъ надвинутъ на рану послѣ убійства. Подъ трупомъ и даже подъ частью лица, прилегавшаго къ снѣгу, крови найдено мало, изъ чего

можно заключить, что убійство совершено не въ томъ мѣстѣ гдѣ найденъ трупъ. Такъ какъ ранѣ сдѣланъ только наружный осмотръ, послѣ котораго до пріѣзда врача голова умершаго была похищена, то всѣ сужденія о причинахъ смерти Будилы могутъ быть основаны только или на признакахъ описанныхъ въ актѣ становаго пристава Грищенки, или на личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ лицъ, бывшихъ при составленіи этого акта. Каждое слово, каждая черта въ этомъ актѣ имѣетъ значеніе. Я постараюсь передать ихъ вполнѣ.

Одно отверстіе раны было на шеѣ со стороны лѣваго уха ниже онаго. Рана продолговатая, величиною въ мѣдный трехкопѣечникъ, говорятъ актъ и священникъ Лозинскій, въ большой палецъ, говорятъ Ковальчукъ и Мельнючукъ, въ пять мѣдныхъ копѣекъ, говоритъ гр. Морковъ. По удостовѣренію пристава Грищенки и матери Будилы, въ эту рану вкладывалъ при нихъ одинъ изъ понятыхъ два пальца. Другое меньшее отверстіе, по единогласному удостовѣренію всѣхъ видѣвшихъ, возлѣ носа подъ правымъ глазомъ величиною въ мизинецъ. Дыра круглая по акту, совсѣмъ круглая по удостовѣренію священника, продолговатая по словамъ Мельнючука и Ковальчука. Актъ говоритъ, что большее отверстіе на шеѣ наполнено закипѣвшею кровью. Одинъ только Ковальчукъ и то не при первомъ, а при позднѣйшемъ допросѣ (16 марта III) показалъ, что вокругъ раны замѣтно было довольно большое въ полъ ладони черное пятно. Эти два признака, запекшаяся кровь въ ранѣ и кровяное пятно вокругъ раны, даютъ намъ возможность сказать почти навѣрное, что рана нанесена живому человѣку. Всякій учебникъ судебной медицины скажетъ, что если вокругъ раны было подкожное черное пятно, это кровяной подтекъ (sugillatio), а кровяной подтекъ образуется всегда, когда вслѣдствіе ушиба, удара, раны, разрываются волосные кровеносные сосуды и кровь еще теплая, не свернувшаяся изливается въ ткань кожи. На трупѣ цвѣтъ подтековъ бываетъ

темнѣе съ буровато-краснымъ или чернымъ оттѣнкомъ, но чѣмъ больше времени прошло съ момента смерти, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы отъ удара могъ образоваться подтекъ, наконецъ, когда кровь свернулась въ сосудахъ умершаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ всякая возможность образованія подтека. Точно также и обиліе запекшейся крови въ ранѣ, указываетъ прямо, что кровь ключемъ текла въ жилахъ, когда нанесенъ ударъ, слѣдовательно рана нанесена живому, а не мертвому Будилѣ.

Какая рана?—конечно не *порѣзанная* и не *порубленная*, а или *колотая* или *огнестрѣльная*. Первая мысль осматривавшихъ трупъ 27 декабря была та, что голова пробита насквозь какимъ-то острымъ желѣзнымъ орудіемъ, на подобіе пики, но въ тоже время мать умершаго, солдатка Будилиха, бывшая съ мужемъ въ Севастополѣ и видавшая много ранъ, утверждала, что сынъ не пробитъ желѣзомъ, а прострѣленъ пулею. Которое изъ этихъ предположеній правильнѣе, рѣшить трудно при отсутствіи раненой части тѣла; но если сообразить тѣ немногія данныя, которыя собраны 27 декабря, то надо прійти къ заключенію, что гораздо правдоподобнѣе, что рана была *колотая*, уже просто потому, что невѣроятно, чтобы пуля могла произвести рану въ 5 копѣекъ. Въ актѣ и въ своемъ отзывѣ становой приставъ Грищенко проводитъ ту мысль, что въ огнестрѣльной ранѣ отверстіе входное бываетъ меньше выходнаго, что не совсѣмъ вѣрно. Во всѣхъ новѣйшихъ руководствахъ и учебникахъ судебной медицины, принято за достовѣрное, что выходное отверстіе равно или немножко меньше входнаго, но разница между ними ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть столь велика, какъ въ настоящемъ случаѣ (2 пальца и мизинецъ). Исключеніе изъ общаго правила составляетъ выстрѣлъ на весьма близкомъ разстояніи, почти въ упоръ. Тогда тѣло подвергается дѣйствію не только пули, не только пыжа загоняемаго въ рану, но и внезапно расширеннаго столба воздуха, слѣдовательно над-

лежало-бы предположить, что если Будило застрѣленъ, то онъ застрѣленъ въ упоръ. Но принять подобное предположеніе рѣшительно не возможно: при выстрѣлѣ на очень близкомъ разстояніи, вспыхивающее пламя зажигаетъ платье, опаляетъ кожу, оставляетъ на ней пороховыя синеватыя пятна. Раскаленныя частицы угля, не сгорѣвшія зернышки пороха располагаются на краяхъ раны, черными, весьма замѣтными, и очень характеристическими крапинками, слѣды обжога бываютъ замѣтны при выстрѣлахъ на разстояніи 2, 3 и даже 4 футовъ отъ дула. Отсутствіе этихъ признаковъ исключаетъ возможность предполагать рану въ упоръ, а при стрѣльбѣ на дальнемъ разстояніи не мыслимо столь разительное различіе отверстій. Такимъ образомъ не вѣроятно, чтобы рана была огнестрѣльная; что же касается до соображеній по вопросу какимъ огнестрѣльнымъ орудіемъ нанесена рана, ружьемъ или пистолетомъ, то ихъ надобно отнести къ области чистѣйшей фантазіи. И изъ ружья можно произвести выстрѣлъ отъ лѣваго уха къ правому глазу, стрѣляя не съ низу вверхъ а просто горизонтально, при извѣстномъ наклонѣ внизъ головою того, въ кого стрѣляютъ.

Таковы были слѣды преступленія на трупѣ. Кромѣ того обнаружены одновременно нѣкоторыя весьма важныя улики преступленія. Въ мѣстѣ лежанія трупа замѣченъ засыпанный не много снѣгомъ слѣдъ отъ саней. Сани были съ крыльями, взята мѣра ширины полозьевъ но нигдѣ въ Одояхъ не найдено саней, къ этому слѣду подходящихъ. Тѣ сани, на которыхъ ѣздилъ графъ имѣли полозья на 1 дюймъ и безъ крыльевъ. Слѣдъ шелъ отъ домика Замеховскаго до мѣста, гдѣ нашли трупъ и исчезалъ въ лѣсу. Другая важная примѣта найдена близь домика Замеховскаго, въ 114 шагахъ отъ домика тотъ же слѣдъ на дорогѣ и возлѣ него кровь, въ значительномъ количествѣ подъ выпавшимъ снѣгомъ, изъ чего можно заключить, что тутъ то и было совершено убійство. Спросъ прислуги Замеховскаго обнаруживаетъ

слѣдующее. Замеховскій съ женою и съ служанкою Соломеею Серветниковою былъ въ Одояхъ во дворѣ въ первый день Рождества до вечера. Когда баринъ уѣхалъ въ Мазепинцы, Замеховскій съ женою и служанкою отправился также домой и легъ спать. Ночью передъ разсвѣтомъ, по показанію работницы Варвары Кудрихи, кто то стукнулъ въ окно, крича „Замеховскій“, онъ съ просонковъ отвѣтилъ „слухамъ“, побѣжалъ босикомъ не одѣтый въ сѣни, потомъ воротился, надѣлъ сапоги сертукъ съ барашками и побѣжалъ неизвѣстно куда. Полчаса спустя жена Замеховскаго, полагая, что онъ отправился на дворъ Одоецкій, велѣла Серветниковой взять овчинный тулупъ и снести его къ мужу. Серветникова поднялась мѣшкая, взяла тулупъ и вышла, но едва сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію ко двору, какъ кто то крикнулъ сзади. Она оглянулась, Замеховскій стоялъ на порогѣ дома, явившись неизвѣстно откуда и кликнулъ ее назадъ. Замеховскій не могъ и не хотѣлъ объяснить, кто его вызывалъ ночью, онъ былъ смущенъ и дрожалъ отъ страха. Онъ показываетъ, что передъ разсвѣтомъ, никѣмъ незванный, пошелъ на господскій дворъ въ людскую кухню, гдѣ еще играла музыка. Что онъ былъ вызванъ нѣтъ сомнѣнія и это обстоятельство остается не раскрытымъ и темнымъ. Для насъ важно, что онъ пробылъ внѣ дома, какіе нибудь три четверти часа, или часъ, а по показанію дворни графа и Родзеевскаго онъ появился почти одновременно съ Тишковскимъ на кухнѣ, въ то время когда Тишковскій взялъ свѣчу распрягать лошадей. Становой Грищенко хотѣлъ доискиваться не обнаружатся ли у людей одоецкихъ слѣды крови на платьѣ, но поиски его остались тщетными. На тулупѣ Тишковскаго найдены правда какіе то затертыя пятна, не то сальныя, не то кровяныя—онъ отозвался что клалъ себѣ въ карманъ тулупа пищу, рыбу, когда ѣздилъ съ бариномъ. У Замеховскаго въ лѣвомъ карманѣ сертука на подкладкѣ оказались грязныя пятна и крапинки крови. Онъ отозвался, что стрѣлялъ во-

робьевъ и клалъ ихъ въ карманъ, что возможно. У него въ домѣ найденъ фартухъ окровавленный, но кровь происходила отъ мѣсячныхъ очищеній жены. За симъ, кончивъ первоначальное дознаніе, Грищенко распорядился о помѣщеніи и храненіи трупа впредь до пріѣзда врача. Вырыли яму на кладбищѣ, уложили Будилу въ гробъ, на который Морковъ отпустилъ досокъ изъ своего амбара, опустили въ яму, прикрыли яму 4 досками и на доски навалили земли, предоставивъ крестьянамъ держать караулъ у могилы. Здѣсь выходитъ разногласіе между Грищенкою и крестьянами. Онъ утверждаетъ, что велѣлъ крестьянамъ сторожить умершаго, смѣняясь днемъ и ночью, они же говорятъ, что велѣно имъ только навѣдываться по утрамъ и вечерамъ.

4) Церковь Мазепинецкая и кладбище помѣщаются въ концѣ деревни, т. е. на окраинѣ ея между двумя почти паралельными дорогами, изъ коихъ одна ведетъ изъ Мазепинецъ въ Одои, а другая изъ Старо-Константинова въ Сальницу. Ночью съ 3 на 4 января никто не караулилъ могилу. Утромъ 4 января крестьяне, которымъ старостою Ковальчукомъ приказано было осматривать могилу, нашли, что доски, прикрывавшія ее, раздвинуты и крышка гроба не пристаетъ къ нему плотно. Позвали старосту Ковальчука, сотскаго Коломійца, сняли крышку и нашли, что у трупа нѣтъ головы, что голова отрѣзана тупымъ ножемъ ниже отверстія раны, такъ что вся рана съ головой вмѣстѣ исчезла. Ножемъ обрѣзаны были мясныя части, но такъ какъ ножъ не могъ перерѣзать кость, то эта кость скручена по всей вѣроятности руками. Первое предположеніе совершенно правильное, которое должно было явиться у каждаго, было то, что голова унесена, чтобы поставить судъ въ невозможность опредѣлить родъ убійства. Желать достиженія этой цѣли могъ разумѣется только или самъ убійца, или кто нибудь по его внушенію и навѣту. Какъ ни хитро была придумана эта штука, однако

нельзя было спрятать всѣ концы, похитителямъ измѣнилъ снѣгъ, сохранившій отпечатки ихъ ногъ. Не смотря на принятыя похитителями предосторожности обнаружено, что похитителей было двое, что у одного нога была поменьше и тотъ шелъ первый, у другого нога побольше и тотъ ступалъ въ слѣды перваго и уничтожалъ эти отпечатки. Похитители пришли на кладбище съ дороги Сальницко-Константиновской и ушли, совершивъ свое дѣло, на ту же дорогу. Слѣдъ меньшей стопы не могъ быть опредѣленъ и возстановленъ, что же касается до слѣда большей ноги, то священникъ Лозинскій вырѣзалъ мѣтку одного изъ каблуковъ. Каблуки были простые, очевидно принадлежащіе парѣ неуклюжихъ крестьянскихъ сапоговъ, подкованные гвоздями, причемъ замѣчено, что число гвоздей было не ровное на каблукахъ, что на одномъ каблукѣ было двумя гвоздями больше, нежели на другомъ, и изъ этихъ двухъ гвоздей у одного головка сломана. При изученіи этихъ слѣдовъ на скорую руку, крестьянами и священникомъ сдѣланы *три* существенные промаха и упущенія, которые подвергаютъ сильнѣйшему сомнѣнію всѣ выводы изъ числа гвоздей: а) Вышло разногласіе относительно числа гвоздей. Въ актѣ становаго пристава Грищенки сказано (5 января), по словамъ свидѣтелей, что гвоздей было 11 на одномъ и 13 на другомъ каблукѣ, Ковальчукъ и Павлюкъ говорятъ, что ихъ было 12 и 14. Затѣмъ со словъ ихъ и въ приговорѣ Подольской уголовной палаты значится вездѣ 12 и 14, въ противность акту 5 января. б) Не отмѣчено расположеніе гвоздей, по которому вѣрнѣе нежели по числу гвоздей можно было бы доискаться владѣльца сапоговъ. в) Наконецъ не отмѣчено по слѣдамъ на снѣгу, который каблукъ на правой или на лѣвой ногѣ имѣетъ 11 (или 12) и который 13 (или 14) гвоздей.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ характеристическихъ признаковъ обращено вниманіе на одно только число гвоздей и при томъ само это число опредѣлено разно-

рѣчиво. Затѣмъ начался осмотръ сапоговъ у всей дворни одоецкой и оказалось, что подходящіе сапоги находятся у 38-ми лѣтняго работника на одоецкой конюшнѣ Кузьмы Блащука — то есть что у Блащука на каблукахъ оказалось на одномъ двумя гвоздями меньше, нежели на другомъ и изъ лишнихъ двухъ на одномъ недостаетъ головки. Особенность замѣчательная и характеристичная, но тогда, когда она совпадаетъ съ другими подробностями и уликами, въ настоящемъ же случаѣ нельзя сказать, чтобы она совпадала, потому что каблуки Блащука не оказались одинаковой величины съ слѣдами на снѣгу. Это несходство каблуковъ со слѣдами по величинѣ я вывожу изъ акта 5 января. Изъ этого акта видно, что мѣрка слѣда снимаема была на снѣгу двукратно, сначала въ день отрѣзанія головы, священникомъ и старостой. Этотъ слѣдъ не пришелся къ сапогу Блащука, онъ оказался больше; но есть еще мѣрка другая, снятая на слѣдующій день Грищенкомъ, мѣрка относительно которой сказано было въ актѣ, что она меньше священнической, потому что нынѣ по случаю «оттепели и отъ таянія снѣга слѣды измѣнились». Эта мѣрка дѣйствительно пришлась къ сапогамъ Блащука, но она видимо и положительно невѣрная. И такъ на основаніи шаткихъ данныхъ, которыя обнаружены были при дознаніи относительно слѣдовъ на снѣгу, сомнительно, отъ сапоговъ ли Блащука произошли эти слѣды. Я считаю этотъ фактъ положительно не доказаннымъ. Но если бы онъ и былъ доказанъ, то изъ открытія слѣдовъ сапоговъ Блащука на кладбищѣ еще нельзя заключить о присутствіи самаго Блащука и тѣмъ менѣе графа Моркова на этомъ кладбищѣ. Напротивъ того, если давать какую нибудь вѣру свидѣтельскимъ показаніямъ, надо принять за достовѣрное, что Блащукъ не могъ быть на кладбищѣ въ ночь съ 3 на 4, потому что всю эту ночь онъ пробылъ въ Одояхъ.

Похищеніе головы совершилось въ темнотѣ ночи до разсвѣта: 1) потому что на разсвѣтѣ приходили кре-

стьяне навѣдываться въ какомъ положеніи могила, 2) что днемъ люди ходятъ и ѣздятъ по староконстантиновской дорогѣ и замѣтили бы пришельцевъ, но ихъ никто не видалъ. По мѣсяцеслову Бердичевскому солнце восходитъ 4 января въ 7 ч. 56 м., свѣтаетъ, положимъ, въ 7 часовъ, и такъ похищеніе совершилось никакъ не позже 7 или 8 часовъ. Между тѣмъ всю ночь до разсвѣта Блащукъ провелъ въ Одояхъ, въ экономической пекарнѣ. По словамъ его и служанки Мельниковой, новые сапоги, подходящіе по числу гвоздей къ слѣдамъ, онъ надѣлъ въ первый разъ 3 января, но они были неподкованы и потому онъ ихъ подковалъ гвоздями, вымазалъ дегтемъ и поставилъ на печкѣ сохнуть, а самъ легъ спать раздѣвшись въ той же пекарнѣ и не выходилъ всю ночь. Спавшія въ той же пекарнѣ двѣ служанки Мельникова и Мотра Осаулова показали, что на разсвѣтѣ видѣли его въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, т. е. совершенно раздѣтымъ, въ какомъ видѣли его вечеромъ, когда онъ ложился спать. Есть еще и другой фактъ, подтверждающій тоже. Пѣшкомъ нельзя совершить странствованія; если отъ Одои до Мазепинецъ 2½ версты, то дабы объѣхать прудъ и попасть на кладбище съ другаго пути Сальницко-Константиновскаго, нужно сдѣлать по крайней мѣрѣ 5 верстъ; чтобы совершить этотъ путь необходимы лошади. Между тѣмъ кучеръ Высоцкій, спавшій въ конюшнѣ, утверждаетъ, что никто на конюшню въ ночь съ 3 на 4 не приходилъ и лошадей не бралъ.

Съ разсвѣтомъ, когда начало сѣрѣть, т. е. примѣрно въ 7 часовъ (никакъ не раньше половины 7-го) Блащукъ всталъ, пошелъ въ конюшню и получилъ приказаніе отъ эконома Родзеевскаго запрягать лошадей, чтобы отвезти его въ Игнатовку нанимать рабочихъ. Пока Родзеевскій заходилъ на домъ за желѣзомъ, чтобы въ Игнатовкѣ заодно подковать лошадей, вышелъ графъ и распорядился иначе, сѣлъ на сани, приготовленныя для Родзеевскаго и поѣхалъ на вѣтряную мельницу. Это

обстоятельство объясняется по словамъ Моркова очень просто: былъ сильный вѣтеръ и Моркову хотѣлось видѣть дѣйствіе мельницы. Такъ какъ на дворѣ только свѣтало, а внутри мельницы было еще темно, то по приказанію графа мельникъ Матеушъ зажегъ свѣчу и повелъ графа на верхъ показать машину. Съ вѣтряной мельницы Морковъ поѣхалъ на конную, гдѣ пробылъ не долго и гдѣ его видѣли Давыдъ Мокодай и Иванъ Левицкій, потомъ онъ отправился на винокуренный заводъ, гдѣ его видѣли мастеръ Ааронъ и подвальный Юдко Гольденбергъ. Слѣдователи старались выставить какъ можно рельефнѣе неестественность появленія графа на мельницахъ, въ столь раннюю пору, и дѣствительно, по отзывамъ мельниковъ, онъ никогда столь рано не бывалъ на мельницахъ, но съ другой стороны Юдко и Ааронъ удостовѣряютъ, что графъ всякій день приходилъ на заводъ рано въ 7, 8 и 9 часовъ. Пріѣхавъ на заводъ, графъ отпустилъ Блащука, который вернулся съ поѣздки спустя часъ послѣ выѣзда съ графомъ по показанію Юдки, слѣдовательно въ ясный день. Здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какихъ сапогахъ ѣздилъ Блащукъ, въ старыхъ или въ новыхъ? Въ этомъ отношеніи онъ сби вался въ показаніяхъ и при слѣдствіи и въ уголовной палатѣ, сначала говорилъ, что въ новыхъ, а затѣмъ утверждалъ, что въ старыхъ, что ему памятно потому, что сильно въ ногахъ озябъ, надѣлъ же новые сапоги вернувшись, при чемъ не замѣтилъ чтобы они были ношены или запачканы. Я полагаю, что это разногласіе слѣдуетъ отнести къ запамятованію обстоятельствъ, потому что какое ни взять изъ двухъ предположеній, всетаки изъ нихъ ничего не можетъ выйти, никакого заключенія относительно похищенія головы. Если Блащукъ съѣздилъ въ старыхъ сапогахъ, то значитъ не его ноги въ этихъ сапогахъ странствовали на кладбище: если онъ ѣздилъ въ новыхъ, то значитъ не его сапоги отпечатлѣли слѣдъ, а сапоги похожіе, потому что не могъ же онъ въ одно и тоже время быть и на вѣтря-

ной мельницѣ и за 5 верстъ на Старо-Константиновской дорогѣ. Здѣсь обрывается нить руководящая и кончается разборъ серьезныхъ фактовъ дѣла, остальные факты, по моему мнѣнію, не серьезные, подозрѣнія, слухи, молва и наконецъ оговоры со стороны лицъ замѣшанныхъ и заподозрѣнныхъ въ преступленіи. Я долженъ теперь приступить къ этимъ оговорамъ, но я не иначе могу ихъ разсмотрѣть какъ совмѣстно съ разборомъ образа дѣйствія слѣдственныхъ коммиссій, съ которыми они имѣютъ тѣснѣйшую связь. Первая коммиссія направила подозрѣніе на Моркова, второй велѣно было искать вокругъ Моркова, она стала искать, тогда и явились запоздалые оговоры. Насколько эти оговоры заслуживаютъ вѣры, это легко опредѣлить изъ соображенія ихъ съ открытыми и достовѣрными обстоятельствами дѣла.

5) Когда совершится какое нибудь таинственное и загадочное преступленіе, то прежде чѣмъ слѣдствіе раскроетъ истину, въ народѣ слагаются легенды, фантастическіе разсказы, догадка превращается мгновенно въ достовѣрность и начинаютъ ходить самые обстоятельные слухи, которые повторяетъ каждый встрѣчный, не имѣя возможности и не стараясь указать на источникъ. Первыя догадки должны были непремѣнно направиться на графа и на Тишковскаго. Вѣроятно очень многіе разсуждали, какъ разсуждала мать Будилы: «Графъ Морковъ долженъ знать кто убилъ Будилу, — сына моего убилъ графъ Морковъ, потому что сынъ мой съ нимъ ѣздилъ». По всей вѣроятности эти же слухи уже распространились когда начато слѣдствіе коммиссіею подъ предсѣдательствомъ судебнаго слѣдователя Василевскаго 21 февраля, слѣдовательно спустя 2 мѣсяца послѣ происшествія. Очень понятно, что подозрѣніе направилось на Тишковскаго, котораго загадочныя слова и появленіе чрезъ полчаса послѣ пріѣзда изъ Мазепинецъ графа должны были возбудить сомнѣніе, и на Замеховскаго, который неизвѣстно кѣмъ былъ вызванъ ночью, какъ будто для совѣщаній, куда спря-

тать трупъ Будилы, убитаго близь его дома. Но я не могу не видѣть вліянія молвы и предубѣжденія отъ слуховъ въ разсужденіяхъ коммиссіи о происхожденіи раны. Коммиссія разсудила 25 февраля 1867 г., что рана имѣетъ круглый видъ, слѣдовательно сдѣлана непремѣнно пулею, что произвольно, потому что рана была продолговатая и могла быть произведена острымъ оружіемъ; мало того—коммиссія заключила, что рана произведена непремѣнно пистолетомъ, что еще болѣе произвольно, потому что и изъ ружья можно стрѣлять снизу вверхъ и сдѣлать рану подобную ранѣ Будилы; можно причинить такую же рану горизонтальнымъ выстрѣломъ при извѣстномъ наклоненіи головы или даже выстрѣломъ сверху внизъ, если стрѣлять въ лежащаго ничкомъ человѣка. Подобныя заключенія, при всей своей произвольности, мѣтили прямо въ Моркова, потому что пѣшни, пики, острыя желѣзныя орудія могли найтись у всѣхъ, ружья у немногихъ, а пистолеты въ этомъ околодкѣ ни у кого кромѣ Моркова. Наконецъ, къ довершенію произвола, въ протоколѣ 26 марта коммиссія вопреки очевидности, полагаетъ за достовѣрное, что рана произведена въ упоръ. Такимъ образомъ возникло, выработалось и принято на вѣру какъ нѣчто несомнѣнное, положеніе, на которомъ потомъ построенъ весь приговоръ палаты, что Будила убитъ изъ пистолета.

Была еще и другая улика, которая погубила Моркова въ глазахъ первой коммиссіи и уголовной палаты, хотя это такая улика, которая при малѣйшей критикѣ должна бы быть отклонена, я разумѣю похищеніе головы у Будилы. Въ похищеніи головы нельзя было подозрѣвать ни Тишковскаго ни Замеховскаго потому, что они содержались подъ карауломъ; Морковъ оставался на свободѣ и коммиссія заподозрила Моркова. Въ логикѣ принято за правило дѣлать заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ достовѣрнаго къ предполагаемому. Если-бы было достовѣрно извѣстно, что Будилу убилъ Морковъ, то я допускаю что можно было

бы заключить, что и голову похитилъ Морковъ. Но убіеніе Будилы Морковымъ была и есть только догадка, подъ которую подыскивались основанія. Изъ этой догадки коммиссія вывела вторую догадку: если Будилу убилъ Морковъ, то и голову похитилъ Морковъ, а эта послѣдняя догадка обращена потомъ въ свою очередь въ средство, подкрѣпленіе и подтвержденіе первой: если голову похитилъ Морковъ, то по всей вѣроятности онъ же и убилъ Будилу. Выходитъ то, что называютъ въ логикѣ *circulus vitiosus*. На этихъ весьма непрочныхъ основаніяхъ первая коммиссія заключила, оканчивая слѣдствіе, что въ убійствѣ Будилы можно, если не обвинить, то заподозрить Тишковскаго и Замеховскаго, съ которыми участвовалъ еще кто-нибудь, а можетъ быть и самъ графъ Морковъ.

Не знаю чѣмъ руководилась уголовная палата, слухами ли дошедшими въ Каменецъ-Подольскъ или иными соображеніями, но она высказалась въ этомъ дѣлѣ еще прямѣе и рѣшительнѣе нежели коммиссія (указъ 19 мая 1867 г. № 153). Она нашла, направляя дѣло къ дослѣдованію, что *въ слѣдствіи нѣтъ ни тѣни стремленія обнаружить истину*, что коммиссія *закрыла истину*, что *главный виновникъ убійства не обнаруженъ*, а слѣдовательно вина второстепенныхъ участниковъ неизвѣстна еще положительно, что *если-бы всѣ прикосновенные къ дѣлу, а въ томъ числѣ и графъ Морковъ, были арестованы, то они не могли бы подготовить къ отвѣтамъ свидѣтелей*. Я привожу подлинныя выраженія указа, въ коемъ палата предрѣшила дѣло по существу и прямо указала новой коммиссіи, чего она должна искать и кто по ея мнѣнію убійца. Новая коммиссія взялась за дѣло съ усердіемъ и въ духѣ указа палаты, но весьма не согласно съ закономъ. Съ начала до конца она дѣйствовала одностороннимъ образомъ и съ недостаточнымъ уваженіемъ къ истинѣ.

Она заковала Тишковскаго и Замеховскаго въ ручные и ножные кандалы, за симъ съ полнѣйшимъ пре-

небреженіемъ къ 5 п. 215 ст. II части XV т., запрещающему допрашивать свидѣтелей по слуху, коммиссія начала съ допроса доносчика, который былъ только свидѣтелемъ по слуху и передавалъ съ десятыхъ устъ былину, потому только что эта былина гласила объ убійствѣ Будилы Морковымъ. Этотъ свидѣтель былъ отставной дьячекъ *Палій*. Онъ указалъ на Флорчука, Флорчукъ вмѣстѣ съ Тишковскимъ и Замеховскимъ повторяютъ слово въ слово разсказъ дьячка, разнообразя его незначительными прибавленіями. Хотя, по собственному признанію Флорчука, онъ оказался виновнымъ въ сокрытіи трупа, и слѣдовательно прикосновеннымъ къ дѣлу, коммиссія вопреки I пунк. 216 ст. 2 ч. XV т. привела его къ присягѣ и заручившись этими тремя оговорами, всѣхъ несогласныхъ съ ними въ показаніяхъ или арестовала, какъ напримѣръ, Островецкаго, Блащука или подвергла полицейскому надзору, какъ напримѣръ, Никиту Старыхъ, Шлему Шафира, чѣмъ не могла не навести всеобщій страхъ на допрашиваемыхъ. Забѣгая впередъ рѣшенію суда, коммиссія опредѣлила, что Флорчукъ не подлежитъ отвѣтственности, ни дѣйствія его вмѣненію, наконецъ, замѣтивъ въ показаніяхъ оговаривающихъ нѣкоторыя противорѣчія, коммиссія рѣшаетъ очныхъ ставокъ не давать, такъ какъ противорѣчія произошли отъ того, что одинъ изъ оговорщиковъ, Тишковскій, былъ пьянъ. Невдаваясь въ разборъ всѣхъ неправильностей въ дѣйствіяхъ второй коммиссіи, перехожу прямо къ результатамъ ея дѣйствій, къ тѣмъ оговорамъ, которымъ она придала такой вѣсъ и значеніе. Сначала я передамъ вкратцѣ содержаніе оговоровъ, а потомъ разберу, сходны ли они съ обстоятельствами дѣла.

Вотъ что они разсказываютъ—Тишковскій, Флорчукъ и Замеховскій: на возвратномъ пути изъ Мазепинецъ, графъ Морковъ велѣлъТишковскому остановиться у дома Замеховскаго и кликнуть сего послѣдняго къ себѣ во дворъ, потомъ, вернувшись домой, вошелъ черезъ двери,

которыя отворилъ ему Флорчукъ въ спальню, стрѣлялъ изъ пистоновъ, очищая пистолеты и спросилъ у Флорчука умѣетъ ли онъ стрѣлять голубей. Тутъ же явился въ спальню Замеховскій, которому графъ сказалъ: «поѣдемъ волковъ стрѣлять» (съ пистолетомъ и притомъ въ мятель и вьюгу?). Всѣ трое пошли на дворъ къ конюшнѣ, гдѣ Тишковскій и Будило распрягали лошадей. Велѣно опять запречь лошадей, Тишковскій оставленъ, на козлы сѣлъ съ правой стороны Замеховскій (не возница) слѣва Будила, (богъ-вѣсть зачѣмъ; если охотиться на волковъ, то должны же бы быть чѣмъ нибудь вооружены всѣ охотники), Флорчукъ на запяткахъ. У домика Замеховскаго графъ внезапно выстрѣлилъ въ Будилу, на такомъ близкомъ разстояніи отъ Замеховскаго, что сей послѣдній на лѣвое ухо оглохъ. Затѣмъ Замеховскій держалъ лошадей, а графъ и Флорчукъ возились съ трупомъ и бросали на него снѣгъ. Отпустивъ Замеховскаго домой, графъ вернулся во дворъ Одоецкій, зашелъ къ лакею Никитѣ и велѣлъ ставить самоваръ. Но пришедши въ спальню графъ опять засуетился, что трупъ нехорошо спрятанъ и приказалъ Флорчуку запрягать лошадей во второй разъ. Флорчукъ зашелъ на кухню, вызвалъ Тишковскаго, который успѣлъ выспаться на конюшнѣ и зайти гдѣ играла музыка. Пока Тишковскій запрягалъ, Флорчукъ по приказанію барина вынесъ ему водки и пирожковъ. Поѣхали втроемъ: Флорчукъ, Тишковскій и графъ, подняли трупъ, положили въ сани и повезли черезъ дворъ на винокуренный заводъ мимо конюшни. Здѣсь одна изъ лошадей пристала, ее перемѣнили, повезли трупъ на прудъ, искали проруби, ненашли, поѣхали по дорогѣ въ Сальницу; здѣсь лошади стали подъ горою, тогда графъ велѣлъ направиться опять во дворъ. Здѣсь повстрѣчали на дворѣ Родзеевскаго, графъ соскочилъ съ саней, сталъ разговаривать съ Родзеевскимъ и сказалъ Флорчуку и Тишковскому, чтобы они куда нибудь отвезли и бросили трупъ. Самъ онъ отправился въ свои комнаты и легъ спать. Тиш-

ковскій и Флорчукъ отвезли трупъ Будилы на полъ дороги отъ Мазепинецъ и бросили его. Возвратившись Тишковскій зашелъ на кухню, плясалъ и сказалъ слова: «чертей глушить ѣздилъ». Тутъ же явился и Замеховскій, который выспавшись отправился тоже на разсвѣтѣ въ кухню и тоже принималъ участіе въ увеселеніяхъ. Такова сущность разсказа, за исключеніемъ мелочей и живописныхъ подробностей, которыхъ нельзя повѣрить: какъ напримѣръ, что Флорчука волосы стали дыбомъ и съ головы свалилась шапка, что Замеховскій оглохъ на лѣвое ухо. Оговорщики указали и сани на которыхъ будто бы возили трупъ, это тѣ самыя сани, на которыхъ пріѣхалъ Морковъ изъ Мазепинецъ, съ пятнами красными будто бы отъ крови на этихъ саняхъ.

Въ сущности всѣ эти оговоры вполнѣ согласны и съ показаніями Палія, но легко усмотрѣть, что они находятся въ положительномъ противорѣчіи со всѣми обстоятельствами дѣла. Для того, чтобы выйти изъ этого противорѣчія, необходимо сдѣлать одно изъ двухъ, или пожертвовать обстоятельствами дѣла оговорамъ или на оборотъ, оговорами въ пользу несомнѣнныхъ обстоятельствъ дѣла. 1) Можно сказать, что всѣ свидѣтели лгутъ, что они находятся подъ вліяніемъ помѣщика, что они подговорены, подкуплены, но это объясненіе есть обоюдоострое оружіе. Если-бы дѣло случилось при крѣпостной зависимости, то еще въ нѣкоторой степени понятно было бы рѣшительное вліяніе помѣщика на крестьянъ, но въ 1866 и 1867 годахъ и притомъ въ западныхъ губерніяхъ, скорѣе можно допустить противное, то есть, что оговоры внушены были страхомъ, который навела коммиссія, что коль скоро сдѣлалось извѣстнымъ чего она ищетъ и какой ея взглядъ на дѣло, тотчасъ же по образцу показанія Палія даны всѣ оговоры столкнувшимися оговорщиками изъ коихъ двое спасали сами себя. 2) Гораздо основательнѣе сказать, что оговорщики показываютъ неправду, коль скоро ихъ показанія прямо противны обстоятельствамъ дѣла и по-

казаніямъ другихъ свидѣтелей. Если такимъ образомъ отнестись къ оговорамъ, то они падутъ неминуемо. Оговорщики показываютъ неправду; потому что ихъ показанія неоправдались; сани, на которыхъ они указываютъ и на которыхъ ѣздилъ Морковъ, не похожи на сани, оставившія слѣдъ на снѣгу, онѣ уже на дюймъ; что слѣдовъ крови на саняхъ этихъ при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ не оказалось, а только жиръ, грязь, смола и окраска. Оговорщики показывали неправду, потому, что ни одна, кромѣ нихъ, душа во дворѣ не видѣла двукратнаго выѣзда графа ночью, что вся прислуга графа прямо отрицаетъ всякую бытность Замеховскаго въ покояхъ графа. Они показываютъ неправду потому, что на волковъ не ѣздятъ съ пистолетами, не ѣздятъ въ мятель, что еслибы графъ стрѣлялъ въ Будилу, сидѣвшаго предъ нимъ влѣво отъ него на козлахъ, то прострѣлилъ бы ему голову отъ праваго уха къ лѣвому глазу, а не отъ лѣваго уха къ правому глазу. Они показываютъ неправду потому, что весь ихъ разсказъ не совмѣщается съ разсказомъ Сорокопуда и людей, бывшихъ на кухнѣ, о времени появленія Тишковскаго и Замеховскаго въ кухнѣ, о томъ, что черезъ полчаса по пріѣздѣ барина вошелъ Тишковскій засыпанный снѣгомъ, что тогда онъ сказалъ: «чертей глушить ѣздилъ», что тогда онъ вышелъ, но только на пять минутъ, что послѣ пяти минутъ онъ появился почти одновременно съ Замеховскимъ, что оба они пробыли въ кухнѣ до разсвѣта.

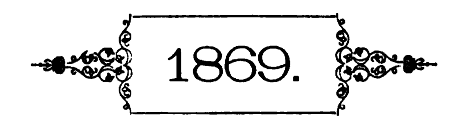
Разсказъ этотъ видимо сочиненъ и при томъ не ловко, при такихъ условіяхъ, что для составленія его приняты въ соображеніе заключенія прежней коммиссіи, въ особенности ея соображенія о пистолетѣ.

6) Дѣло объ убійствѣ Будилы послѣ всѣхъ изслѣдованій и объясненій остается все-таки загадочнымъ и темнымъ, но дѣлъ уголовныхъ, темныхъ и неразгаданныхъ весьма много, по крайней мѣрѣ десятая часть совершающихся преступленій остается нераскрытою.

Есть два обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, препятствуютъ допустить, чтобы кто-нибудь изъ допрошенныхъ лицъ былъ убійцею Будилы: 1-ое несходство саней въ усадьбѣ Одояхъ со слѣдами таковыхъ на снѣгу и 2-е изумительное спокойствіе всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ тотчасъ послѣ убійства, непостижимое даже въ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣяхъ. Графъ и Флорчукъ идутъ спать, Тишковскій и Замеховскій потѣшаются и пляшутъ. И такъ нельзя положительно сказать, кто убійца, но похищеніе головы наводитъ на мысль, что убійца былъ лицо близкое, кто нибудь изъ жителей Одоевъ или Мазепинецъ. Впрочемъ, если подозрѣвать въ убійствѣ спрошенныхъ по дѣлу лицъ, то скорѣе Тишковскаго, который неизвѣстно куда ѣздилъ въ теченіи получаса послѣ пріѣзда Моркова и Замеховскаго, котораго неизвѣстно кто вызывалъ ночью изъ дому. Какая побудительная причина могла заставить ихъ дѣйствовать? Можетъ быть корысть. Бывали убійства съ корыстною цѣлью изъ-за ничтожныхъ выгодъ и малыхъ денегъ; можетъ быть дѣйствовали и другіе мотивы, которыхъ мы не знаемъ и которые посему непонятны. Если непонятны мотивы, которые бы могли руководить къ убійству Тишковскаго и Замеховскаго, то еще непонятнѣе они со стороны графа Моркова. По всѣмъ симъ даннымъ Моркова слѣдуетъ освободить, какъ человѣка совершенно непричастнаго преступленію и ничѣмъ не навлекающаго на себя даже подозрѣнія. Я убѣжденъ, что Вы его оправдаете, гг. сенаторы.

Дѣло о графѣ Морковѣ по разногласію восходило до Государственнаго Совѣта. Въ 1870 г. Морковъ былъ по обвиненію въ убійствѣ Будилы оправданъ.

5.

Дѣло о скопцахъ Плотицыныхъ и др.

Тамбовская уголовная палата, по дѣлу о скопцахъ Плотицыныхъ и др., 13 мая 1869 г., между прочимъ, опредѣлила: I) моршанскихъ 1-й гильдіи купцовъ, почетныхъ гражданъ, Максима Кузьмина, 63 лѣтъ и Татьяну Егорову, 70 лѣтъ, Плотицыныхъ, за принадлежность къ скопческой сектѣ, покровительство скопцамъ и распространеніе ереси, и изъ нихъ Татьяну Плотицыну за укрывательство ея оскопителя, на основаніи 197 и 201 ст. уложенія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, и изъ нихъ Максима Плотицына 3-хъ медалей и ордена святой Анны, сослать на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученіемъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства, о чемъ въ отношеніи ихъ увѣдомить тобольскій приказъ о ссыльныхъ; II) моршанскаго мѣщанина, объявленнаго скопцомъ, Іевлія Степанова Зыкина, 79 лѣтъ, за продерживаніе въ домѣ своемъ женщинъ, оказавшихся оскопленными и укрывавшаго принадлежность свою къ скопческой сектѣ, на основаніи 202 и 201 ст. улож., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводы на 4 года, о чемъ тобольскій приказъ о ссыльныхъ увѣдомить; но такъ какъ Зыкинъ продерживалъ у себя женщинъ многіе года, которыя, со всею вѣроятностью, подверглись оскопленію въ давнишнее время, то ходатайствовать также у правительствующаго сената объ отмѣнѣ Зыкину наказанія за давностью.

На это опредѣленіе подана была въ V департаментъ правительствующаго сената аппеляціонная жалоба и представлены защитою личныя объясненія.

Разбирательство происходило въ 1-мъ отдѣленіи V-го департамента правительствующаго сената 20-го августа 1869 года.

Отрывокъ изъ рѣчи защитника Татьяны Плотицыной и Іова Зыкина, *прис. пов. Спасовича.*

Настоящее дѣло о моршанскихъ скопцахъ есть, конечно, одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи скопчества въ Россіи. Посему, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ изъ исторіи скопчества; данныя я заимствую изъ книги Надеждина, на которую сослался и защитникъ Плотицына. Скопчество выродилось изъ такъ называемой хлыстовщины, появившейся въ 1733 г., въ царствованіе Анны Іоанновны. Начало скопчеству положилъ въ концѣ прошлаго столѣтія Кондратъ Селивановъ, выдававшій себя за Петра III и за Христа. Онъ проповѣдывалъ свое ученіе въ Моршанскѣ, въ Сосновкѣ, въ той самой Сосновкѣ, о которой упоминается столько разъ въ дѣлѣ Плотицынскомъ; здѣсь онъ наказанъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Въ царствованіе Павла I онъ былъ вызванъ изъ ссылки и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Въ 1802 г. онъ былъ выпущенъ; въ періодъ религіозной терпимости, въ первые годы царствованія Александра I, снова дѣйствовалъ, съ 1802 г. по 1820 г. заводилъ круги и братства, наконецъ, въ 1820 г. заточенъ въ суздальскій монастырь, гдѣ и умеръ. Въ числѣ его послѣдователей была Анна Сафоновна, скопческая пророчица, дочь Сафона Попова изъ Сосновки, одного изъ первыхъ послѣдователей Селиванова. Она жила еще въ Моршанскѣ въ то время, когда Надеждинъ писалъ свою книгу, т. е. въ 1844 г. Такимъ образомъ, Моршанскъ и вся мѣстность вокругъ, суть та почва, которая породила и выростила скопчество. Когда начались преслѣдованія, то верхушки ереси были срѣзаны, но корни остались; потомъ о нихъ и забыли. Нынѣ, когда вновь моршанскимъ дѣломъ было обращено вниманіе общества на скопчество, то оказалось, что оно не истреблено, и существуетъ, хотя нѣтъ данныхъ, чтобы оно особенно распространялось. Число скопцовъ по Надеждину въ сороковыхъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 т.; можетъ быть ихъ и теперь не меньше.

Оказалось по настоящему дѣлу, что въ Моршанскѣ, Сосновкѣ, Правыхъ-Ломкахъ, Атмановомъ-углѣ, есть цѣлыя гнѣзда скопческія, которыя не значатся въ спискахъ правительства. Если-бы розыски пошли далѣе этой стороны, то можетъ быть обнаружилось-бы больше неизвѣстныхъ правительству скопцовъ. Такъ, за послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ по газетамъ, что скопчество распространяется въ средѣ крестьянъ петербургской губерніи, даже между лютеранами. Но слѣдствіе съ перваго раза было озабочено не тѣмъ, чтобы какъ можно больше раскрыть и привлечь лицъ, приверженцевъ скопчества, а чтобы ударить на главные центры скопчества. Мнѣ кажется, что дѣло не приняло бы такихъ размѣровъ, если бы съ перваго раза не было направлено противъ человѣка, который дѣйствительно выходилъ изъ ряда простонародья, по своему положенію въ обществѣ, и о которомъ молва гласила, что онъ весьма богатый человѣкъ, обладаетъ цѣлыми милліонами. Этотъ человѣкъ Максимъ Плотицынъ, живущій купно съ двоюродною сестрою, которую считаютъ скопчихою, хотя слѣдствіемъ обнаружено, что Плотицынъ далеко не имѣетъ тѣхъ несмѣтныхъ сокровищъ о которыхъ гласила молва, хотя оказалось, что онъ вовсе не скопецъ, и не воспріялъ ни огненнаго крещенія, ни такъ называемой царской печати, хотя ни у кого изъ живущихъ въ домѣ его мужчинъ не найдено, чтобы они были изувѣчены, хотя даже женщины, которыя были найдены въ его домѣ, весьма сомнительныя скопчихи, а относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно положительно сказать, что онѣ ничуть не оскоплены, хотя недоказано, чтобы Плотицынъ кого либо совращалъ, а жилъ весьма уединенно, такъ что нѣтъ собственно никакихъ ровно признаковъ, по которымъ можно-бы было причислить его къ распространителямъ ереси. Дѣйствительно, у него и у его сестры были найдены нѣкоторые подозрительные предметы, но изъ нихъ можно заключить не о принадлежности его къ скопческой сектѣ, но лишь о

связяхъ, знакомствѣ съ скопцами или, пожалуй, даже о нѣкоторомъ сочувствіи ихъ ученію. Онъ и живущіе въ его домѣ люди странны, не ѣдятъ мяса и живутъ затворнически; въ домѣ его, надъ его кроватью, найденъ портретъ Селиванова; у Татьяны портретъ Петра III съ мистическимъ ореоломъ и факелами. Попались и другія вещи, довольно загадочныя, какъ-то: волоса, миндалины, молитвы, замѣтка въ книгѣ: «дождусь словесника и трехъ государей». Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ образуетъ то, что уголовной палатѣ угодно было назвать скопческой обстановкой, но я никакъ не могу согласиться на это наименованіе и называю всѣ эти вещи только признаками, по которымъ можно заключить лишь о связяхъ Плотицына съ скопцами, о его общеніи съ ними. Допустимъ даже, что эти признаки изобличаютъ его вполнѣ въ личномъ его сочувствіи къ ученію скопчества. На основаніи одной только этой такъ называемой неправильно скопческой обстановки Плотицыны привлечены и преданы суду, надъ ними виситъ строгая кара закона, преслѣдующаго распространеніе сектантскихъ ересей въ Россіи.

Гг. сенаторы! Вы должны примѣнить законъ, какъ бы онъ строгъ небылъ; вы судъ, а судъ не милуетъ, онъ только примѣняетъ законъ, но самый законъ долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумѣніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ; толкованіе его можетъ быть широкое и можетъ быть узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣли и намѣреніямъ законодателя. Вотъ почему, предварительно разсмотрѣнія вопроса, идутъ-ли тѣ законы которые установлены для скопцовъ, къ Плотицынымъ, да будетъ мнѣ позволено остановиться на вопросѣ: какая цѣль руководила законодателемъ при установленіи такихъ строгихъ законовъ о скопчествѣ? ради чего преслѣдуются скопцы? Изъ за вѣры-ли? Я думаю, что нѣтъ. Въ настоящее время грѣшно сказать, что могутъ быть какія либо преслѣдованія за вѣру. Не намъ, людямъ

XIX вѣка, возстановлять память о прежнихъ гоненіяхъ, пятиться въ средніе вѣка; нашъ законъ — святая вѣротерпимость, неприкосновенность личныхъ убѣжденій. Не намъ принуждать къ единенію въ вѣрѣ человѣка, какъ бы онъ нибылъ странно убѣжденъ, коль скоро онъ никому не вредитъ. Я полагаю, что таково отношеніе государства ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; оно терпитъ и евреевъ и магометанъ и раскольниковъ. Я полагаю, что такъ относится къ расколу и наша православная церковь; извѣстно, что она не отличается особеннымъ духомъ гоненія. Я просилъ бы вспомнить прочитанный при докладѣ отзывъ протоіерея Коптевскаго о Плотицыныхъ. Протоіерей моршанскаго собора свидѣтельствуетъ, что Максимъ Плотицынъ, его сестра и всѣ живущіе въ ихъ домѣ исполняли весьма ревностно всѣ обязанности, всѣ обряды христіанской вѣры, и что онъ, священникъ, вообще считаетъ Плотицыныхъ хорошими христіанами. Конечно, не могли не дойти до духовенства слухи, что Плотицынъ принадлежитъ къ сектѣ скопцовъ, не могло оно не имѣть въ виду не посѣщаетъ-ли онъ церквей страха ради іудейска, но такъ какъ онъ никого не совращалъ, то духовенство разсуждало: пускай живетъ затворнически, монашески, и онъ и его сестра со своими дѣвицами — скучная, пасмурная жизнь, безъ всѣхъ тѣхъ радостей, безъ которыхъ жизнь намъ бы опостыла; тѣмъ менѣе вѣроятности, что найдутся послѣдователи, которые пойдутъ тою же стезею.

Если преслѣдованіе не проистекаетъ изъ религіи, то не совершается-ли оно изъ видовъ политическихъ, потому что скопцы вредны въ государственномъ отношеніи? Я полагаю, что этотъ взглядъ дѣйствительно когда-то господствовалъ у насъ; подъ его вліяніемъ сложились законы о скопцахъ, имъ пропитана книга, писанная Надеждинымъ; онъ говоритъ, что это люди богатые, образуютъ тѣсное братство, что они толкуютъ о пришествіи Христа своего, который придетъ изъ

страны Иркутскія и ударитъ въ колоколъ успенскій; что этимъ вѣрованіемъ крамольники наши могутъ воспользоваться и произвести безпорядки. Этотъ взглядъ теперь всѣми оставленъ; исторія послѣднихъ лѣтъ доказала, что вообще расколъ въ Россіи нисколько не опасенъ, не имѣетъ никакого значенія, даже никакого элемента политическаго, что онъ не поддается искушеніямъ и навѣтамъ, что раскольники такіе же вѣрные слуги государства и государя, какъ и православные, и даже тѣ изъ нихъ, которые отвергаютъ государство, исполняютъ однако по долгу и совѣсти всѣ государственныя повинности и обязанности.

Итакъ, во имя чего же должны быть преслѣдуемы скопцы? Во имя человѣческой природы, во имя чувствъ человѣческихъ, оскорбляемыхъ жестокимъ изувѣрствомъ. Государству нѣтъ дѣла до того, во что кто вѣруетъ, но оно можетъ сказать: живите смирно, не смѣйте калѣчить другъ друга, не смѣйте вредить другъ другу, не смѣйте и сами себя калѣчить. Всякаго нарушителя этого запрета государство вправѣ подвергнуть самому строгому наказанію, все равно съ какою бы цѣлью онъ ни сдѣлалъ это нарушеніе. Я полагаю, что эта точка зрѣнія самая вѣрная, самая раціональная. Я не могу сказать, чтобы она была точка зрѣнія нашего законодательства, потому, что если бы наше законодательство стояло на ней, то оно отнесло бы оскопленіе къ разряду тяжкихъ увѣчій, между тѣмъ какъ законы о скопцахъ помѣщены въ раздѣлѣ улож. о преступленіяхъ противъ вѣры. Но я полагаю, что точка зрѣнія, которой я осмѣливаюсь дать названіе раціональной, не далека однако отъ той, на которой стоитъ наше законодательство. Я заключаю это, во-1-хъ, изъ того, что законъ, 1477 ст. улож., за тяжкое изувѣченіе, за лишеніе дѣтородныхъ частей, полагаетъ наказаніе совершенно такое же, какое положено и за оскопленіе; слѣдовательно, законъ наказываетъ одинаково увѣчье съ какою бы цѣлью оно ни было сдѣлано, съ цѣлью

религіозною или не религіозною. Во-2-хъ, изъ того, что законодательство (201 и 202 ст. улож.) главное вниманіе обращаетъ на матеріальный фактъ оскопленія, а не на исповѣданіе скопческихъ догматовъ. Въ этихъ статьяхъ полагается наказаніе не за принадлежность къ скопческой сектѣ, а за самое оскопленіе себя и другихъ. Всѣ законоположенія о скопцахъ сводятся къ слѣдующимъ 5 пунктамъ: 1) всякій оскопившій себя наказывается ссылкою въ Восточную Сибирь; 2) всякій найденный оскопленнымъ, если не укажетъ оскопителя, считается оскопившимъ себя самъ и ссылается въ Восточную Сибирь; 3) всякій оскопляющій другихъ подвергается ссылкѣ въ каторжныя работы на срокъ до 6 лѣтъ; 4) *хозяинъ скопецъ*, держащій у себя другихъ, не обозначенныхъ въ паспортѣ скопцами, считается оскопившимъ ихъ и подвергается наказанію какъ оскопитель; 5) наконецъ, тотъ, кто распространяетъ скопческую ересь и совращаетъ въ оную другихъ, подвергается, по 197 ст. улож., ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири. Но здѣсь законъ прямо говоритъ: если онъ кого совратилъ въ свою вѣру. Такимъ образомъ, для того, чтобы подвести кого-либо подъ дѣйствіе законовъ о скопцахъ, необходимо, чтобы подводимый или а) оскопилъ себя, или б) оскопилъ другихъ, или в) распространялъ скопческое ученіе и совратилъ другихъ въ эту ересь. . . . .

Если Татьяна Плотицына не оскоплена, о чемъ едва даже слѣдуетъ спрашивать медицинскій совѣтъ, если она не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ оскопленія, то тотчасъ же падаютъ всѣ тѣ обвиненія, которыя противъ нея выставлены. Она не оскоплена—слѣдовательно сама себя не оскопила, она не оскоплена—слѣдовательно не укрывала своего оскопителя; она и не обвиняется въ передержательствѣ другихъ оскопленныхъ женщинъ, по 202 ст. улож. о нак., но если даже у нея и проживали такія женщины, у которыхъ оказались бы знаки на дѣтородныхъ частяхъ, то все-таки

къ ней не можетъ быть примѣнена 202 ст. улож. о нак., потому что 202 ст. говоритъ, что если у *хозяина скопца* окажется на жительствѣ или въ услуженіи оскопленный и въ паспортѣ этого не будетъ оговорено, то виновные подвергаются такому то наказанію. А такъ какъ *хозяиномъ* былъ Максимъ Плотицынъ, а не Татьяна Плотицына, и притомъ ни онъ, ни она не скопцы, то и объ обвиненіи въ передержательствѣ не можетъ быть и рѣчи. За что-же будетъ судиться Татьяна Плотицына? За свои религіозныя убѣжденія, за то, что не ѣла мяса, за то, что жила вмѣстѣ съ дѣвами, которыя вели такую же жизнь, какъ и она, за затворническую, скучную жизнь, за то, что была совершенно чужда помышленій о плотскомъ совокупленіи, за то, что называется скопчествомъ по духу и за добровольное воздержаніе отъ похоти? Но это такое явленіе, которое было во всѣ времена исторіи. У евреевъ были іесеи; средніе вѣка исполнены такихъ цѣломудренниковъ и цѣломудренницъ; есть они и теперь въ Европѣ. Да что же, наконецъ, такое монастыри, какъ не учрежденія, установленныя съ тою же аскетическою цѣлью. Здѣсь невольно навязывается сравненіе. Есть любопытная книжка, переведенная на всѣ европейскіе языки: «Новая Америка», Диксона, въ которой описываются поселенія такъ называемыхъ шекеровъ или трясушекъ. Въ Сѣверной Америкѣ существуютъ совершенно явно цѣлыя общины мужчинъ и женщинъ, которыя исповѣдуютъ догматы очень близко подходящіе къ скопческимъ, живутъ вмѣстѣ—мужчины съ женщинами въ безбрачіи, думаютъ, что ихъ братство и есть второе пришествіе Христа, не ѣдятъ мяса, молятся стихами. Никто не думаетъ ихъ преслѣдовать и Диксонъ полагаетъ, что они имѣютъ значительное вліяніе на религіозную жизнь въ Сѣверной Америкѣ.

Мало того, если Татьяна Плотицына будетъ наказана, то нельзя сказать, чтобы она подверглась наказанію за ея убѣжденія (это скорѣй можетъ быть у

Максима Плотицына); она будетъ казнена только за свою преданность семейнымъ воспоминаніямъ; вся семья у нея скопческая, отецъ ея скопецъ, дядя скопецъ. Но за это невозможно наказывать и я полагаю, что правительствующій сенатъ не применитъ къ ней техъ строгихъ уголовныхъ законовъ, которые применила уголовная палата.

Кроме того, я долженъ сказать несколько словъ еще о другомъ моемъ кліенте—объ Іове Зыкине. Онъ 80-ти летній старикъ, совершенно дряхлый, воинъ наполеоновскихъ временъ, оскопленъ въ 1809 г., а въ 1838 г. получилъ разрешеніе жить въ Моршанске и въ скопческую ересь никого не совращалъ. Но изъ дела оказывается, что въ доме его жили уже 30 летъ три женщины, которыя оказались необъявленными скопчихами, но по совершенно такимъ же признакамъ, какіе имеетъ Татьяна Плотицына и друг., такъ что еще сомнительно могутъ ли оне быть признаны скопчихами. Къ нему примененъ законъ о передержательстве безъ паспортовъ. Но надо заметить, что все три женщины живутъ у него 30 летъ и перешли къ нему вместе съ домомъ, въ которомъ проживалъ Зыковъ и въ которомъ проживали родители одной изъ этихъ трехъ женщинъ. Затемъ, когда домъ перешелъ къ г. Зыкину, то и женщины остались жить въ этомъ же доме. Паспортовъ у нихъ не было, да и не могло быть, такъ какъ оне моршанскія мещанки. Уголовная палата проситъ объ отмене Зыкину наказанія за давностью, я же прошу того, о чемъ ходатайствуется не въ виде милости, а въ виде строгой справедливости.

Правительствующій сенатъ определилъ: а) признавъ апелляціонный отзывъ не заслуживающимъ уваженія, Плотицыну, какъ скопчиху, не подходящую подъ условія 589 ст. 2 кн. XV т. Св. Зак., по руководству 588 ст. техъ же тома и книги, на основаніи 3 ч. 197 ст. улож., по лишеніи всехъ правъ состоянія сослать въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ея строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства, съ последствіями для нея въ

22, 23, 26—28 ст. улож. опредѣленными, причемъ находящійся въ Моршанскомъ отдѣленіи гос. банка капиталъ Плотицыной и прочее имущество ея передать въ вѣдѣніе Тамбовскаго губернскаго правленія впредь до выдачи оныхъ законнымъ наслѣдникамъ Плотицыной, — и подвергнуть ее, согласно 483 ст. 2 кн. XV Т. Св. Зак., взысканію гербовыхъ пошлинъ и б) признавъ ходатайство бывшей Тамбовской угол. палаты объ отмѣнѣ наказанія за принадлежность къ скопческой ереси, укрывательство оскопителей и продерживаніе объявленными скопцами у себя на жительствѣ не объявленныхъ скопчихъ, за давностью — не заслуживающимъ уваженія, — мѣщанина Іова Зыкина, за продерживаніе въ своемъ домѣ оскопленныхъ женщинъ, непринадлежащихъ къ числу объявленныхъ скопчихъ на основаніи 2 ч. 202, 201 и 74 ст. улож., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6.

Дѣло о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судимомъ по поводу изданія имъ перевода «Писемъ объ Англіи» Луи-Блана.

Дѣло разбиралось въ С.-Петербургской судебной палатѣ 12-го августа 1869 года.

Рѣдко мнѣ случалось выступать защитникомъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, какъ по настоящему дѣлу. По инымъ дѣламъ мнѣ приходилось обращаться къ снисхожденію судей, къ чувству справедливости и т. п. По дѣлу Щапова я могу прямо сказать, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что вы, гг. судьи, не накажете вовсе Щапова, то есть лично его никоимъ образомъ уже потому одному, что онъ стоитъ передъ вами закрытый непроницаемымъ щитомъ. Щитъ этотъ есть недавнее рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу Павленкова, рѣшеніе, которое должно быть примѣнено и къ настоящему случаю. Правительствующимъ сенатомъ по дѣлу Павленкова разрѣшенъ вопросъ, какого рода осуществленію злой воли соотвѣтствуетъ представленіе издателемъ на предварительный просмотръ въ цензуру отпечатанныхъ экземпляровъ книги безъ выпуска книги въ обращеніе, есть ли здѣсь одно только

приготовленіе къ преступленію, покушеніе, или уже совершенное преступленіе? Правительствующій сенатъ рѣшилъ, что представленіе въ цензуру отпечатаннаго сочиненія никоимъ образомъ иначе названо быть не можетъ, какъ только однимъ приготовленіемъ; а такъ какъ приготовленіе къ преступленію ненаказуемо за исключеніемъ особенныхъ, въ законѣ указанныхъ, случаевъ, какъ-то воззванія къ бунту, къ сопротивленію установленнымъ властямъ, оскорбленія величества и къ нѣкоторымъ другимъ самымъ тяжкимъ политическимъ преступленіямъ, то такимъ образомъ и Павленковъ былъ освобожденъ отъ наказанія, и утверждено начало, что вообще издатель при подобныхъ условіяхъ ненаказуемъ. Я полагаю, что это рѣшеніе правительствующаго сената на основаніи 933 ст. уст. уг. суд. должно служить для судебной палаты полнѣйшимъ авторитетомъ при рѣшеніи дѣла о Щаповѣ. Такимъ образомъ я полагаю, что Щаповъ не можетъ быть наказанъ, какъ говоритъ пословица, «ни рублемъ, ни дубьемъ», ни арестомъ, ни штрафомъ. Остается одна только книга его, которая независимо отъ освобожденія отъ наказанія личности издателя, можетъ быть запрещена, изъ которой могутъ быть выключены, вырваны нѣкоторыя страницы, вымараны нѣкоторыя мѣста. Конечно, судьба книги касается косвенно и самого Щапова въ имущественномъ отношеніи; онъ пострадаетъ, какъ торговецъ, онъ уже пострадалъ: книга лежала нѣсколько лѣтъ, не пущенная въ торговлю; если она будетъ обрѣзана, то, конечно, она не пойдетъ такъ хорошо, не будетъ такъ хорошо раскупаться. Но все-таки книга не живой предметъ, способный страдать, и мнѣ кажется, что судъ не поцеремонится съ нею, обрѣжетъ, даже совершенно задержитъ, если она *вредна*. Но въ этомъ то и заключается вся суть дѣла: *если она вредна!* Если же она не вредна, если она содержитъ мысли хорошія и трезвыя; тогда уничтоженіе, или изуродованіе ея будетъ, смѣю сказать, сильнымъ

ударомъ направленнымъ на свободу мысли, на литературу вообще, будетъ нарушеніемъ закона 6 апрѣля 1865 г., который изданъ въ виду дарованія большей свободы отечественной печати, и будетъ дѣйствіемъ противнымъ волѣ законодателя, который издалъ этотъ законъ. Вотъ почему дѣло настоящее пріобрѣтаетъ громадный интересъ. Щаповъ стушевывается, и на скамьѣ подсудимыхъ въ лицѣ Щапова садится сама наша литература, и отъ васъ, гг. судьи, ожидается установленіе границъ, въ какихъ можетъ она трактовать серіознымъ и приличнымъ образомъ о предметахъ важныхъ: о правѣ, морали, религіи и государствѣ. И вотъ почему еще особеннаго вниманія заслуживаетъ настоящее дѣло. Привлекается къ суду сочиненіе не какого нибудь изъ нашихъ доморощенныхъ публицистовъ, но сочиненіе одного изъ людей весьма знаменитыхъ на западѣ, изъ первостепенныхъ историковъ, человѣка, которому каждый изъ насъ одолженъ многими хорошими минутами, потому что нѣтъ болѣе хорошихъ минутъ, какъ тѣ, которыя проводятся въ обществѣ талантливаго художника и первостепеннаго мыслителя. Эта книга обвиняется по двумъ пунктамъ. Первый пунктъ заключается въ томъ, что книга Луи-Блана содержитъ въ себѣ такія мысли и взгляды, противные христіанскому ученію, которые, если бы она была препровождена первоначально на просмотръ духовной цензуры, были бы исключены. Другой пунктъ обвиненія заключается въ томъ, что въ ней заключаются мысли, противныя монархическому образу правленія. Сообразно этой системѣ обвиненія, я долженъ раздѣлить на двѣ части и мою защиту. Первая часть защиты будетъ посвящена разбору обвиненія въ нерелигіозности.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что книга Щапова есть настоящій калейдоскопъ; это сборникъ разнообразныхъ корреспонденцій Луи-Блана, писемъ, сочиненныхъ имъ въ 1862 г. Извѣстно, что Луи-Бланъ послѣ февральской революціи изъ Франціи, своей ро-

дины, долженъ былъ бѣжать въ Англію, и такъ какъ онъ человѣкъ, который снискивалъ себѣ пропитаніе перомъ, то онъ и писалъ корреспонденціи въ разныя газеты. Въ нихъ затрогиваются самые разнообразные предметы и вопросы, говорится и о д'Израэли, и о Пальмерстонѣ, о парламентѣ и эпсомскихъ скачкахъ, о королевѣ, армстронговыхъ пушкахъ и мониторахъ. Такъ какъ въ англійскомъ обществѣ и государствѣ весьма важное значеніе имѣетъ духовенство, то, конечно, и о немъ говорится часто въ этихъ корреспонденціяхъ. Изображенъ въ карикатурѣ рочестерскій списокъ или такъ называемый циркулярный списокъ, циркулярами внушающій своимъ священникамъ, чтобы они брили бороду. Передается множество анекдотовъ о проповѣдникахъ и о скукѣ, какую наводятъ проповѣди ихъ. Передается, наконецъ, перечень извѣстныхъ новѣйшихъ сочиненій, которыя появились въ духовно-клерикальномъ мірѣ, и сдѣланъ разборъ одной книги: «Essays and Reviews», которая произвела нѣкотораго рода движеніе въ англиканской церкви. Сочиненіе это не отличается особенною прогрессивностію. Мнѣ кажется, что если бы оно появилось въ Германіи, то на него посмотрѣли бы свысока, потому что англичане, хотя весьма свободный въ политической жизни народъ, въ то же время не отличаются особенною смѣлостью мышленія, весьма постепенны и не дѣлаютъ ничего скачками. То, что у нихъ считается передовымъ и новымъ, едва ли сочтено было бы таковымъ въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи, которая гораздо дальше Англіи ушла въ исторической критикѣ и философіи, да, можетъ быть, и у многихъ изъ насъ, потому что у насъ складъ ума таковъ, что мы любимъ скакать впередъ, и если пускаемся впередъ, то непремѣнно додумаемся до послѣднихъ столбиковъ въ мышленіи. Въ своихъ письмахъ Луи-Бланъ передаетъ содержаніе книги «Essays and Reviews», въ которой говорится, между прочимъ, что библія не можетъ служить въ наше время авторитетомъ

въ наукахъ естественныхъ, что вся космогонія моисеева теперь едва ли годится, что нѣтъ чудесъ, и они невозможны, и что разсказы объ нихъ слѣдуетъ толковать иносказательно. Наконецъ, сообщаются мнѣнія и результаты изслѣдованій риттера-фонъ-Бунзена, друга умершей королевы прусской и Александра Гумбольдта, бывшаго прусскаго посланника въ Англіи, протестантскаго мистика и глубокаго ученаго, который полагалъ, что книга Даніила есть поэма, написанная при одномъ изъ Антіоховъ, что разсказы библіи надо толковать фигурально, что грѣхопаденіе, рай и адъ должны быть понимаемы не матеріально, что адъ будетъ состоять въ терзаніяхъ совѣсти и т. п. Вотъ и все, что извлекъ Луи-Бланъ изъ «Essays and Reviews»; вотъ все, что пишутъ всѣ мистеры Гудвинъ, Вильямъ Тэмпль, Поуэль и другіе профессора оксфордскіе и высокопоставленныя въ англійскомъ духовенствѣ лица. Луи-Блана отличаетъ не особенная новость мыслей и взглядовъ въ книгѣ «Essays and Reviews», потому что новаго собственно тутъ ничего нѣтъ; онъ замѣчаетъ только то, что почти всѣ эти лица занимаютъ высокое положеніе, что нѣкоторыя изъ нихъ, звѣзды оскофордскаго университета, а другіе, чуть ли не епископы. Вотъ въ этомъ то явленіи, въ томъ, что человѣкъ, принадлежащій къ высшему духовенству, можетъ писать однако, свободно о религіи, не подвергаясь преслѣдованію, вносить въ религію принципъ свободнаго разсужденія, видитъ онъ торжество протестантизма, и этому принципу онъ сочувствуетъ, потому что при такихъ условіяхъ вѣроисповѣданіе дѣлается неспособнымъ къ тираніи. Я извлекъ все религіозное изъ книги Луи-Блана. Нѣтъ, ошибаюсь, не все; есть еще одна маленькая выходка, маленькая фраза, не составляющая передачи чужихъ мнѣній; фразу эту проронилъ мимоходомъ Луи-Бланъ; въ ней сказался дѣйствительно соціалистъ со всѣми увлеченіями и, можетъ быть, и со всѣми несбыточными мечтами этого направленія. Это то мѣсто, въ которомъ

авторъ разсуждаетъ о тюрьмахъ. Прежде, говоритъ онъ, преступника казнили, вѣшали; это былъ самый дешевый и скорый способъ расправы. Затѣмъ заведена была ссылка, которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока колоніи не отказались ссыльныхъ принимать. Надо было слѣдовательно прибѣгать къ другимъ средствамъ. Заведены тюрьмы. Тюрьмы дорого стоятъ, и онѣ мало исправляютъ: общество постоянно въ опасности. Послѣ того Луи-Бланъ, разсуждая, какъ соціалистъ, проводитъ мысль, что преступленіе есть продуктъ нищеты, невѣжества, голода, однимъ словомъ всей внѣшней обстановки человѣка. Попробуйте уничтожить преступленіе въ его корнѣ, попытайтесь уничтожить нищету. Приводимое мною мѣсто заключается фразою, которую да будетъ мнѣ дозволено привести въ подлинныхъ словахъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, говоритъ онъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе»? Въ этихъ словахъ цензурный комитетъ находитъ попытку уронить нравственное значеніе христіанства. Вотъ и все, что содержитъ въ себѣ антицензурная, по мнѣнію цензурнаго комитета, книга. Прежде всего замѣчу, что, на мой взглядъ, между мнѣніемъ цензурнаго комитета, которое передано въ обвинительномъ актѣ, и требованіями, которыя поставлены со стороны прокурорскаго надзора есть нѣкотораго рода несоотвѣтствіе. По моему мнѣнію, если дѣйствительно въ книгѣ Луи-Блана есть мѣста, которыя содержатъ въ себѣ разсужденія, враждебныя христіанству, отрицающія откровеніе и направленныя къ поколебанію авторитета библіи, то, конечно, Щаповъ долженъ судиться не по 1024 ст., а по 181 ст. улож., за порицаніе христіанской вѣры и церкви православной. Вотъ куда ведетъ прямо Щапова заключеніе цензурнаго комитета. Прокурорская власть измѣнила обвиненіе и подводила Щапова только подъ 1024 ст., но такъ какъ все таки въ обвинительномъ актѣ прописано цѣликомъ заключеніе цензурнаго комитета, и такъ какъ я боюсь, чтобы гг. судьи не остались подъ

впечатлѣніемъ заключенія цензурнаго комитета, то прежде, нежели я приступлю къ доказательствамъ, что къ Щапову не идетъ статья 1024, долгомъ считаю заявить прямо, что всѣ тѣ мѣста, которыя приведены въ обвинительномъ актѣ, нисколько не противны христіанству; мало того, нѣтъ въ письмахъ Луи-Блана ни одного такого мѣста, которое не могло бы исходить изъ устъ хорошаго и истиннаго христіанина и даже православнаго человѣка.

Если бы всѣ тѣ мѣста, кои отмѣчены у Луи-Блана, составляли не передачу чужихъ мнѣній, но выраженіе собственныхъ убѣжденій автора, то и въ такомъ случаѣ они не содержали бы ничего противнаго хрістіанству. То, что библія не можетъ служить авторитетомъ для наукъ естественныхъ, — это извѣстно уже со временъ Галилея и Коперника: земля вертится, а солнце стоитъ. Точно также и въ геологіи и въ палеонтологіи значительно измѣнились взгляды на теорію міровданія, изложенную въ книгѣ Бытія. Съ каждымъ днемъ кругозоръ научный расширяется, открываются новые законы, несходные съ мнѣніями и положеніями библіи. Спрашивается, сокрушается ли отъ этого религія? Я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что нисколько, потому что библія учитъ насъ не географіи, не астрономіи, а только морали и благочестію. Мнѣ же кажется, что не будетъ вовсе согласно съ истиннымъ благочестіемъ коснѣніе въ невѣжествѣ, отказываніе себѣ въ знакомствѣ съ новѣйшими изобрѣтеніями и изслѣдованіями науки. Наука основана на знаніяхъ, религія же основана не на знаніяхъ, а на религіозномъ чувствѣ. Какъ бы ни былъ великъ прогрессъ въ знаніяхъ, положительная наука не можетъ разрѣшить нѣкоторыхъ вопросовъ, которыхъ разрѣшеніе составляетъ функцію религіи. Испоконъ вѣка религія привыкла дѣлать уступки наукѣ; уступки эти дѣлаются и дѣлались; онѣ не только не колебали авторитета религіи, но, напротивъ того, скорѣе его укрѣпляли. Религія уступила наукѣ вѣру въ неподвижность

солнца и положеніе о шести дняхъ міозданія. Я могу указать на весьма серіозныя сочиненія, чисто богословскія, напр., на книгу Пфлейдерера «Die Religion», 1869 г., въ которыхъ доказывается, что для религіи совершенно безразлично, отъ одной или отъ многихъ паръ произошелъ родъ человѣческій. То же сочиненіе устраняетъ вопросъ о чудесахъ, устраняя понятіе о чудесахъ, какъ явленіяхъ сверхъестественныхъ, которыя немыслимы, потому что съ допущеніемъ ихъ надобно-бы уничтожить всѣ науки естественныя, основанныя на томъ, что законы природы неизмѣнны. Затѣмъ едва ли нужно добавлять, что Библія можетъ быть изслѣдуема критически, точно такъ же, какъ всякая другая историческая книга. Я утверждаю, и оно, конечно, и вамъ, гг. судьи, не безъизвѣстно, что въ Германіи произведены громаднѣйшія критическія работы надъ св. писаніемъ, и произведены не какими нибудь мірянами, но знаменитѣйшими профессорами богословскихъ факультетовъ тюбингенскаго, берлинскаго и другихъ. Теперь уже сомнѣнію не подлежитъ, что все пятикнижіе моѵсеево не написано въ одно и то же время, что второзаконіе возникло позднѣе, въ періодъ царей.—Послѣ того нѣтъ ничего особеннаго и страннаго въ отзывѣ Бунзена о книгѣ Даніила.

И такъ, если бы Луи-Бланъ выдавалъ все, что онъ писалъ о библіи, за свои собственныя мнѣнія, и въ такомъ случаѣ мнѣнія эти надлежало бы пропустить. Но я утверждаю къ тому же, что Луи-Бланъ всѣ эти мнѣнія выдаетъ не за свои собственныя, а только за то, что вообще пишется о св. писаніи въ Англіи. Правда, онъ выражаетъ при этомъ свое сочувствіе — чему? принципу свободнаго изслѣдованія. Замѣчу, что я могу вовсе не сочувствовать результатамъ извѣстнаго изслѣдованія, —тѣмъ не менѣе, однако, я вполнѣ сочувствую распространенію и свободѣ изслѣдованія вообще; я ни въ малѣйшей степени не сочувствую взглядамъ г. Юрія Самарина въ его *Окраинахъ Россіи*; я также раздѣляю

далеко не всѣ мнѣнія и взгляды профессора Ширрена въ его отвѣтѣ г. Самарину, тѣмъ не менѣе я желалъ бы, чтобы какъ можно болѣе разбирался остзейскій вопросъ, потому что это вопросъ серіозный и весьма существенный. Слѣдовательно за что же нападать на Луи-Блана? Развѣ за то, что онъ отстаиваетъ принципъ свободнаго изслѣдованія въ области религіозныхъ вопросовъ? Но спрашивается, развѣ это дурной принципъ. Да вѣдь мы обязаны этому принципу большею половиною нашей цивилизаціи. Мы всѣ въ нѣкоторой степени дѣти Лютера и его реформы. Вѣдь, благодаря этому принципу, люди теперь спокойно живутъ, не рѣжутся, не сожигаютъ другъ друга, принадлежа къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, благодаря этому принципу, придетъ время, когда они привыкнутъ уживаться въ одномъ и томъ же государствѣ, говоря на разныхъ языкахъ. Этотъ принципъ нельзя не отстаивать, потому что, если уничтожить его, то людямъ мысли придется положить перья и отказаться отъ всякой работы. Мало того, я полагаю, что этотъ принципъ свободнаго изслѣдованія необходимо поддерживать въ видахъ чисто-религіозныхъ: онъ необходимъ для распространенія благочестія. Коль скоро не будетъ свободнаго изслѣдованія вопросовъ религіи, коль скоро не будетъ споровъ и изслѣдованій о дѣлахъ вѣры, то, спрашивается, чѣмъ будетъ питаться благочестіе? Оно питается именно тѣмъ, что есть что дѣлать, есть кого убѣждать, есть кому проповѣдывать. Если не будетъ споровъ, то благочестіе уснетъ. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ согласенъ съ мыслію Луи-Блана, за которую вооружается на него обвинительный актъ. «Человѣческій разумъ рискуетъ погибнуть тамъ, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей». Я бы только измѣнилъ редакцію этой мысли такимъ образомъ: истинная вѣра рискуетъ погибнуть, гдѣ вѣрованія фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ людей.

Если исключить все то, что говоритъ Луи-Бланъ со словъ мистеровъ Поуэля, Гудвина и другихъ, если

исключить также все то, что онъ говоритъ о принципѣ свободнаго изслѣдованія, останется одна только фраза, одна только, какъ я ее назвалъ, соціалистическая выходка, въ словахъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Искупитель, когда же наступитъ искупленіе»? Въ этой выходкѣ цензурный комитетъ находитъ намѣреніе уронить нравственное значеніе христіанства. Я полагаю, что этотъ выводъ основанъ на легкомъ измѣненіи настоящаго смысла сочиненія Луи-Блана. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ выражается только тотъ взглядъ, что Іисусъ Христосъ былъ *и великій соціальный реформаторъ*; цензурный же комитетъ, полагаетъ, что, по мнѣнію Луи-Блана, Іисусъ Христосъ былъ *только* соціальный реформаторъ. Не касаясь вовсе догмата божества Іисуса Христа, спрашиваю, можно ли отрицать то, что Іисусъ Христосъ дѣйствительно былъ великій реформаторъ? Стоитъ только свести балансъ исторіи за послѣднія 2,000 лѣтъ. Что мы видимъ до того времени? Рабство, какъ главный остовъ общественнаго быта. Что послѣ того? Нѣтъ рабства, и трудъ свободенъ; значитъ— произошла перемѣна въ соціальномъ быту: рабство, которое существовало, исчезло не вдругъ; рабство изъ грубыхъ формъ невольничества перешло въ болѣе тонкія — крѣпостнаго права, и затѣмъ является еще и нынѣ, по мнѣнію Луи-Блана, въ видѣ зависимости человѣка отъ разныхъ внѣшнихъ условій его существованія. Представимъ себѣ, что и теперь еще продолжается та война, которая такъ недавно обагряла кровію сѣверную Америку, война изъ-за невольничества, и что явился проповѣдникъ, который въ проповѣди перепечатанной и у насъ, сказалъ: «Вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а рабы все еще существуютъ!» или если у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кто либо сказалъ, что вотъ уже 2,000 лѣтъ, какъ умеръ Іисусъ Христосъ, а крѣпостное состояніе существуетъ! Мнѣ кажется, что въ этихъ случаяхъ въ приведенныхъ фразахъ не заключалось бы ровно ничего антирелигіоз-

наго. Мнѣ кажется также, что въ фразѣ, порицаемой у Луи-Блана, нѣтъ также ничего предосудительнаго. Я не отрицаю, чтобы въ ней не проглядывали утопическія, можетъ быть, надежды, которыя не сбудутся; но я не вижу тутъ попытки уронить значеніе ученія Христа. Луи-Бланъ полагаетъ, что рабство существуетъ еще и до сихъ поръ, но въ иной формѣ; онъ признаетъ рабство въ нищетѣ, онъ вѣруетъ въ то, что нищету можно истребить... Я полагаю, что это вѣрованіе можно отстаивать даже съ точки зрѣнія чисто ортодоксальной. Спрашивается: совершилось ли уже теперь искупленіе всего рода человѣческаго? Конечно, нѣтъ. Искупленіе совершается вѣрою во Христа и христіанскою жизнію: цѣлая треть рода человѣческаго пребываетъ въ буддизмѣ, другая треть приходится, конечно на еврейство, махометанство и язычничество и, наконецъ, одна только треть вѣруетъ въ ученіе Христа. Мало того, и въ этой послѣдней трети есть еще весьма много такихъ, которые только имя носятъ христіанъ, которые дѣйствительно окроплены водою крещенія, но которые не живутъ по христіански, и поэтому мнѣ кажется, что и въ настоящее время еще слѣдуетъ усердно проповѣдывать объ искупленіи Христомъ, и я не знаю, кто выше и достойнѣе, тотъ ли, который говоритъ: «душа моя яждь, пей и веселись: Искупитель, женихъ пришелъ»... или тотъ, который непрестанно, неусыпно продолжаетъ работу евангельскую?

Съ мнѣніемъ цензурнаго комитета я совершенно покончилъ; я пришелъ къ тому результату, что во всемъ приведенномъ и сказанномъ Луи-Бланомъ, нѣтъ даже и тѣни антихристіанскаго. Теперь приступаю къ обвиненію, которое поставлено прокурорскою властью. Издатель Луи-Блана обвиняется не въ томъ, что перевелъ письма, а въ томъ, что напечатавъ ихъ, не соблюлъ 38 § цензурнаго устава, что напечаталъ это сочиненіе безъ предварительнаго представленія его въ духовную цензуру. Мнѣ кажется, что тутъ вышло нѣкоторое не-

доразумѣніе, или просмотръ. Мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, что должно подлежать предварительному просмотру духовной цензуры, и что не должно подлежать, разрѣшенъ окончательно по дѣлу, которое разбиралось въ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ и, наконецъ, въ сенатѣ, какъ въ кассаціонной инстанціи. Я разумѣю дѣло Гайдебурова, напечатавшаго переводъ учебника Вундта: «Душа человѣка и животныхъ». Въ учебникѣ этомъ 5 лекцій посвящены разбору религіознаго чувства и произведеній религіознаго чувства, т. е. религіи, разбору происхожденія всѣхъ миѳовъ, и въ языческихъ религіяхъ и въ христіанской. Кажется, это предметъ, близко касающійся религіи. Цензурный комитетъ эту книгу предалъ суду, и с.-п.-б. окружный судъ, и судебная палата находили, что дѣйствительно въ этой книгѣ есть пять лекцій духовнаго содержанія. Но правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе окружнаго суда и судебной палаты и установилъ слѣдующее толкованіе 38 § цензурнаго устава. Въ 38 § цензурнаго устава говорится, что просмотру духовной цензуры подлежатъ сочиненія или совершенно богословскаго содержанія, или такія, въ которыхъ есть мѣста совершенно духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ нашелъ, что тѣ пять лекцій, въ которыхъ разбирается происхожденіе религіознаго чувства, никакъ нельзя было признать мѣстами *совершенно духовнаго* содержанія; хотя въ нихъ и содержатся отрывочныя умозрѣнія, или сужденія, касающіяся догматовъ церкви или св. писанія. Такіе отрывки, по мнѣнію сената, никоимъ образомъ не должны быть отсылаемы на просмотръ духовной цензуры по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что если въ 181 ст. положены наказанія за богохулѣніе и кощунство въ сочиненіяхъ свѣтскаго содержанія, изданныхъ безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, значитъ тутъ рѣчь о книгахъ свѣтскихъ, разсуждавшихъ о Богѣ и вѣрѣ и не представленныхъ предварительно въ духовную цензуру. Во вторыхъ — и

этотъ мотивъ несравненно важнѣе перваго — правительствующій сенатъ нашелъ, что если бы всякую книгу, которая содержитъ какое нибудь сужденіе о вѣрѣ или священномъ писаніи, отсылать въ духовную цензуру, то, такъ какъ нѣтъ почти ни одного сочинителя, который бы не затронулъ какой либо догматъ вѣры или фактъ изъ св. писанія, — ни одинъ изъ сочинителей не былъ бы увѣренъ, не слѣдуетъ ли ему прибѣгнуть къ духовной цензурѣ, и не будетъ ли сочиненіе его задержано, и такимъ образомъ, всякій сочинитель представлялъ бы свою книгу въ цензуру свѣтскую для отправленія въ духовную. Такимъ образомъ снова была бы возстановлена въ прежнемъ видѣ предварительная цензура, и законъ 6-го апрѣля 1865 года былъ бы de facto отмѣненъ. Въ виду этихъ соображеній правительствующій сенатъ не только освободилъ Гайдебурова отъ всякой отвѣтственности, но и книгу его, въ которой 5 лекцій исключительно посвящены разбору различныхъ вѣрованій, освободилъ отъ разсмотрѣнія духовной цензуры.

Перейдемъ къ книгѣ Луи-Блана и посмотримъ, что такое она содержала бы, на столько богословскаго, чтобы ее слѣдовало отправить предварительно въ духовную цензуру. Та выходка, о которой я говорилъ, называя ее соціалистическою, есть не болѣе, какъ отрывочное сужденіе свѣтскаго человѣка. Сочувствіе, выраженное имъ же вѣротерпимости и свободному изслѣдованію въ дѣлахъ вѣры, есть опять предметъ чисто свѣтскій, нисколько церкви не касающійся. Тутъ говорится о томъ, какъ должно поступать государство въ отношеніи различныхъ вѣроисповѣданій, на сколько должна быть дарована свобода разсуждать или не разсуждать о вопросахъ вѣры. Наконецъ, что касается въ письмахъ Луи-Блана до книги «Essays and Reviews» и ея разбора, то это, какъ уже мною высказано, не есть изложеніе убѣжденія самого Луи-Блана, а только передача мнѣній нѣскольких протестантскихъ писателей

англійскаго толка. Спрашивается, за чѣмъ ходить этой книгѣ въ духовную цензуру, и что можетъ сказать о ней духовная цензура? Будетъ ли она посылаться въ духовную цензуру на то только, чтобы констатированъ былъ фактъ существованія этой книги и вѣрной передачи ея содержанія? Но о томъ, что проиходитъ въ нѣдрахъ англиканской церкви, наша цензура, конечно, ничего не знаетъ. Или отошлется эта книга въ духовную цензуру, чтобы духовная цензура рѣшила, на сколько согласны мнѣнія мистеровъ Поуэля, Гудвина и др. съ догматами православной церкви? Но, разумѣется, что они несогласны, что и понятно. Въ IX вѣкѣ случился расколъ: раздѣлились двѣ церкви восточная и западная; въ XVI опять новый расколъ: въ нѣдрахъ римскаго католичества явилась протестантская вѣра, образовалась англиканская церковь, и за тѣмъ въ этомъ новомъ расколѣ появляются новаторы, которые грозятъ породить новый расколъ, который, само собою, не согласенъ съ догматами православной церкви. Конечно, духовная цензура забракуетъ мнѣнія, приведенныя въ письмахъ Луи-Блана; но если она забракуетъ мнѣнія эти, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть забракованы и всѣ свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ нѣдрахъ церквей римско-католической и протестантской. Далѣе, если быть послѣдовательнымъ, то слѣдуетъ забраковать и всѣ статьи, которыя появились у насъ о нашемъ расколѣ, которыя помѣщаются, напримѣръ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Равнымъ образомъ подлежалъ бы строжайшему запрещенію переводъ книги «New America» Диксона, который знакомитъ насъ съ сектами въ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, надлежало бы вычеркнуть въ любомъ учебникѣ географіи свѣдѣніе о томъ, что есть, молъ, сектанты, называемые мормонами, живущіе при Соляномъ озерѣ, которые вѣруютъ въ то-то. Я полагаю, что если и такое мѣсто изъ учебника географіи и все прочее, мною названное, будетъ забраковано, выброшено, то изъ этого выйдетъ все, что угодно, но только не

торжество религіи. Я полагаю, что 38 § устава цензурнаго долженъ быть совершенно иначе толкованъ, чѣмъ онъ толкуется цензурнымъ комитетомъ. Есть сочиненія чисто богословскаго содержанія популярно-религіознаго, которыя назначены для простонародія, для публики такой, которая не относится критически къ читанному, которая воспринимаетъ все и вѣруетъ во все, что вычитаетъ. Въ такихъ книгахъ дѣйствительно надлежитъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не проскользнуло мнѣніе, несогласное съ догматами вѣры, потому что такія мнѣнія могутъ надѣлать много вреда. Но всякая книжка, назначенная для болѣе образованнаго общества и по содержанію своему свѣтская, а не богословская, не подлежитъ подобнымъ ограниченіямъ цензуры. Иностранная цензура пропустила для публики, читающей по французски, «Lettres sur l'Angleterre» Луи-Блана цѣликомъ. Мнѣ кажется, что люди, которые могутъ читать книгу „Lettres sur l'Angleterre", безъ всякаго для себя вреда могутъ прочитать и русскій переводъ этой книги, изданный г. Щаповымъ.

Кончивъ первую часть моей защиты, я обращаюсь къ обвиненію Щапова въ политическомъ преступленіи. Прежде всего я долженъ замѣтить, что съ писателями, игравшими политическую роль и съ государственными людьми, часто случается слѣдующее: если такой человѣкъ случайно въ какой нибудь исторической минутѣ извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ выказался съ какой либо стороны, хотябы и не самой выгодной, то въ этотъ одинъ моментъ своей жизни, онъ врѣзывается столь глубоко въ память общества, что все, чтобы ни дѣлалъ онъ потомъ и прежде, не въ состояніи изгладить произведенное имъ въ этотъ моментъ впечатлѣніе. Клеймо приложено—и онъ отдѣлаться отъ него не можетъ. Я полагаю, что къ числу такихъ клейменныхъ людей принадлежитъ и Луи-Бланъ. Онъ отличный писатель, замѣчательный экономистъ и историкъ; но ему посчастливилось, или, лучше сказать, непосчастливилось играть

роль въ февральской революціи и предсѣдательствовать въ извѣстныхъ ассизахъ рабочаго пролетаріата въ люксембургскомъ дворцѣ. Въ слѣдствіе того, въ глазахъ французской буржуазіи, а затѣмъ и въ глазахъ разныхъ псевдо-консерваторовъ всего свѣта, Луи-Бланъ прослылъ какимъ то «краснымъ» призракомъ, какимъ то людоѣдомъ. Его считаютъ почему то атеистомъ, коммунистомъ, революціонеромъ, замышляющимъ одну какую то всесвѣтную соціальную и демократическую республику. Я полагаю, что это предубѣжденіе повредило больше всего его письмамъ. Напиши ихъ какой нибудь Филиповъ или Ивановъ — никто бы ихъ не заподозрилъ; но съ именемъ Луи-Блана они получаютъ совершенно другое значеніе и толкуются въ другую сторону посредствомъ обобщенія. Если онъ говоритъ о монархической власти въ извѣстномъ государствѣ, сейчасъ его слова обобщаютъ, и говорятъ, что вотъ онъ разсуждаетъ о монархической власти во всѣхъ странахъ міра. Такія обобщенія ведутъ къ весьма страннымъ результатамъ. Разберемъ самымъ строгимъ образомъ, что содержатъ антимонархическаго и въ особенности, что содержатъ враждебнаго образу правленія въ Россіи письма Луи-Блана. Прежде всего замѣчу, что Луи-Бланъ въ своихъ письмахъ нисколько не касается ни Россіи, ни Германіи, ни Пруссіи, ни Австріи, если же говоритъ объ Италіи, то только по поводу толковъ объ Италіи, о Гарибальди и Кавурѣ у англичанъ. Луи-Бланъ проводитъ, правда, параллель между учрежденіями французскими и англійскими, но такую параллель, которую можно провести и въ нашей литературѣ. Сущность его мнѣній, относящихся къ Англіи, заключается въ слѣдующемъ: англійскій народъ—великій, всемірно-историческій; онъ сдѣлалъ весьма многое для цивилизаціи; политическія учрежденія его великолѣпны; существуетъ мнѣніе, что какъ римское право служитъ образцомъ для гражданскихъ законовъ народовъ Европы, такъ для государственнаго права тѣхъ же народовъ будутъ служить образцомъ

англійскія государственныя учрежденія. Намъ тѣмъ менѣе можно оспаривать это мнѣніе, что мы сами заимствовали изъ Англіи институтъ присяжныхъ и мировой институтъ. Всѣмъ, чѣмъ она есть, Англія обязана аристакратіи. Была тамъ когда-то монархическая власть сильная, суровая; она держала подъ собою два племени— поработителей и порабощенныхъ. Въ теченіе времени гнетъ ея сдѣлался столь силенъ, что поработители и порабощенные соединились на отпоръ. Аристократія стала во главѣ движенія, подала руку нижнимъ слоямъ, и никогда съ тѣхъ поръ не отдѣлялась отъ народа, не требовала для себя особыхъ привилегій. Она всегда старалась только занимать первое мѣсто въ жизни и движеніи общественномъ. Послѣдній моментъ борьбы ея съ монархіею было изгнаніе Стюартовъ въ 1688 году. Съ тѣхъ поръ утвердилась слѣдующая форма правленія: республика по существу, по формѣ монархія. Есть король или королева, но власть, имъ данная—призрачна; они только — одушевленныя статуи; они идолы, предъ которыми преклоняется «столько гордыхъ головъ». — Государство королевы, армія королевы, флотъ королевы; сама оппозиція называетъ себя «оппозиціею ея королевскаго величества», между тѣмъ скипетръ королевы не тяжелѣе веретена. Чѣмъ больше безсильна королевская власть, тѣмъ больше ей оказывается почетъ, какъ будто у этой власти сила была громадная. Луи-Бланъ, между прочимъ, описываетъ юморически обряды Drawing Room'а, церемоніалъ пріема въ одномъ изъ дворцовъ королевы, тѣсноту, толкотню, людей прыгающихъ черезъ желѣзныя барьеры, оборванные костюмы, оттиснутые бока и т. под. Сцены эти взяты прямо изъ «Пунча» (а «Пунчъ» не антимонархическій журналъ). Но есть ли возможность прійдти къ заключенію, что эти сцены могутъ быть отнесены къ нашему двору, къ царскимъ выходамъ во дворцахъ? Вся пикантность разсказа у Луи-Блана въ томъ, что въ Англіи власть королевская страшно слаба а между тѣмъ ей отдаютъ ве-

личайшія почести. У насъ — на оборотъ. У насъ, во-первыхъ, власть дѣйствительно монархическая всесильная и, во-вторыхъ, всѣ формы правленія ея гораздо проще. Но если считать такимъ образомъ, что описаніе комичныхъ церемоніаловъ, существующихъ при одномъ дворѣ, относится ко всѣмъ дворамъ вообще, то нельзя бы было изобразить напр. пріемъ у королевы Помаре, которая выходитъ безъ чулокъ, или царя Ашантіевъ, или Дагоме.. Но Луи-Бланъ, передавая только, какъ смотрятъ въ Англіи на монархическую власть, чего требуютъ отъ нея (чтобы король ничего не дѣлалъ), самъ же указываетъ оборотную сторону медали, самъ же дѣлаетъ замѣчаніе, что англійская конституція только на то и разсчитана, чтобы престолъ занимали одни посредственности, лица ничего незначущія; но съ нею трудно справиться человѣку геніальному, которому не въ моготу оставаться государемъ безъ собственной мысли, безъ иниціативы, безъ дѣйствительной жизни; конституціи грозила бы опасность, если бы такой человѣкъ воцарился. Если я хорошо понимаю эти слова, то въ нихъ заключается ѣдкая критика англійской конституціи. Хорошъ тронъ, который годится лишь для карликовъ, но не для геніальныхъ людей! Если довольствоваться тутъ простымъ и настоящимъ смысломъ сказаннаго, если не обобщать, а брать вещи, какъ онѣ есть, то изъ всѣхъ этихъ изображеній и описаній невозможно вывести никакихъ заключеній, которыя могли-бы быть примѣнены къ нашему образу правленія. Но обобщить все возможно, и посредствомъ обобщеній можно дойти до какихъ угодно послѣдствій. Говоритъ, напримѣръ, Луи-Бланъ объ епископѣ рочестерскомъ — епископъ! но епископы есть и у насъ, слѣдовательно онъ оскорбляетъ и нашъ епископатъ, а слѣдовательно и нашу церковь. Вслѣдствіе обобщенія, цензурный комитетъ влечетъ Луи-Блана къ отвѣтственности за ту шутку, которая и отмѣчена въ обвинительномъ актѣ, что вотъ греки не могутъ пріискать себѣ короля. Но мнѣ кажется, что даже посредствомъ обоб-

щеній въ этой шуткѣ для нашего образа правленія нельзя видѣть ничего предосудительнаго, потому что она могла бы къ нему относиться, еслибъ на тронѣ нашемъ сидѣлъ какой нибудь иностранецъ, а не наша династія, которая, какъ извѣстно, есть кость отъ костей народа.

Вотъ что говоритъ Луи-Бланъ объ Англіи. Другой членъ проводимой имъ параллели — Францiя. Народъ французскій не менѣе англійскаго знаменитъ; онъ провелъ еще болѣе глубокую борозду въ волнахъ всемірно-историческаго развитія. Этотъ народъ, при всей своей даровитости, не успѣлъ возстановить у себя прочный государственный порядокъ. Онъ испыталъ нѣсколько послѣдовательныхъ революцій. Послѣ каждой революціи вслѣдствіе истощенія общества, бразды правленія доставались въ руки какого нибудь человѣка сильнаго, энергическаго, честолюбиваго, который не давалъ мѣста проявленію свободной мысли, и оставлялъ только призрачное народное представительство. Луи-Бланъ не можетъ любить эту форму правленія — отъ нея то онъ бѣжалъ и пребываетъ въ изгнаніи. Англичане называютъ ее абсолютизмомъ или деспотизмомъ. Они объ ней судятъ и толкуютъ. Луи-Бланъ только передаетъ эти сужденія, и только они то и выхвачены изъ его писемъ и сопоставлены въ обвинительномъ актѣ. Между тѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что это не его собственные толки, а толки англичанъ. Они говорятъ: абсолютная власть есть рабъ своего собственнаго положенія; сегодня правитель такъ настроенъ, и такъ дѣйствуетъ — завтра необходимость заставитъ его дѣлать иное. Соразмѣрно силѣ, ему предоставленной, растутъ и ожиданія народа; эти ожиданія столь велики, что нельзя ихъ удовлетворить. Абсолютизмъ долженъ забавлять народъ, давать ему славу вмѣсто свободы, затѣвать экспедиціи мексиканскую, и иныя — вотъ почему мы, несмотря на дружбу, вооружаемъ нашихъ волонтеровъ. Все это прямо относится къ французскому правленію. Спрашивается: чѣмъ насъ могутъ касаться не одни толки Луи-Блана,

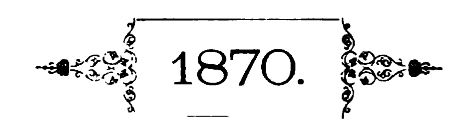
но даже и толки англичанъ о вредѣ абсолютизма, который установился безъ всякаго содѣйствія нашего, и который въ настоящее время пытается самъ себя ограничить, какъ видно изъ газетъ, созидая либеральныя учрежденія, тоже безъ всякаго нашего участія? Развѣ допустить, что есть одна только законная форма правленія на всемъ земномъ шарѣ — монархическая, и что всѣ монархіи между собою солидарны? Но мнѣ кажется, что нѣтъ лучшаго друга для Россіи, какъ напр. президентъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Наконецъ, нѣтъ ничего общаго между абсолютизмомъ, возникнувшимъ на облитой кровію мостовой при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ ему, въ странѣ, привыкшей къ свободѣ, и нашимъ правленіемъ, которое по крайней мѣрѣ въ послѣднія 15 лѣтъ дѣлаетъ совершенно противоположное тому, что творилъ французскій абсолютизмъ: уничтожило крѣпостное состояніе, создало либеральные учрежденія, упрочило законъ, поставило на стражѣ его независимый судъ, открыло публикѣ тайны государственныхъ финансовъ... Больше мнѣ говорить запрещаетъ чувство приличія. Я боюсь чтобы меня не заподозрили въ тонкой лести, или чтобы словъ моихъ не взяли за адвокатскій пріемъ, съ цѣлью выгородить моего кліента. Что касается до цитаты, приведенной въ обвинительномъ актѣ, позаимствованной Луи-Бланомъ отъ безобиднѣйшаго изъ экономистовъ Ганиля, касательно того, что въ коммерческомъ отношеніи абсолютная власть невыгодна, то съ этимъ я не могу не согласиться. Наконецъ есть еще мѣсто въ обвинительномъ актѣ, гдѣ издатель привлекается къ отвѣтственности за то, что въ книгѣ восхваляется тотъ принципъ, существующій въ Англіи, что не власти служатъ, а власть сама служитъ, что въ Англіи министры называются public servants — слугами общества. Мнѣ кажется, что нападать на эту мысль крайне неприлично въ отечествѣ Петра Великаго.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ выставленными въ обвинительномъ актѣ мѣстами изъ книги Луи-Блана,

я обращусь затѣмъ къ примѣненію къ этой книгѣ закона. Если бы книга и была вредна въ томъ смыслѣ, въ какомъ она выставлена въ обвинительномъ актѣ, то и въ такомъ случаѣ она не подходила бы подъ статьи, которыя приводятся въ обвинительномъ актѣ, а подходилабы подъ 252 ст. улож. о наказ.; но не подъ эту статью подвела обвинительная власть книгу Щипова, а подъ статью 1035. Но такъ какъ письма Луи-Блана не содержатъ ни слова о законахъ дѣйствующихъ въ Россіи и не позволяютъ себѣ оспаривать обязательную силу русскихъ законовъ или распоряженій русскихъ властей административныхъ или судебныхъ, то къ нимъ и статья 1035 примѣняема быть не можетъ. Вотъ почему не только Щаповъ отъ всякой отвѣтственности долженъ быть освобожденъ, но также, въ виду всего мною сказаннаго, прошу судебную палату и книгу его, какъ безвредную, допустить къ обращенію.

По рѣшенію палаты Щаповъ былъ по всѣмъ пунктамъ обвиненія оправданъ.

Въ правительствующемъ сенатѣ по протесту прокурора палаты состоялось въ 1870 г. 18 февраля слѣдующее рѣшеніе: 1) что въ книгѣ Луи-Блана нѣтъ никакихъ мѣстъ, подходящихъ подъ 1035 ст. улож.; 2) что изложеніе содержанія «Essays and Reviews» и статьи эдинбургскаго обозрѣнія предварительной духовной цензурѣ не подлежатъ; 3) что собственныя мысли Луи-Блана по поводу статьи эдинбургскаго обозрѣнія и поставленный имъ за словами Св. Августина вопросъ: когда-же совершится искупленіе? по совершенно духовному содержанію сихъ мѣстъ должны были быть представлены въ духовную цензуру и потому ихъ слѣдуетъ передать въ эту цензуру, не подвергая Щапова никакому наказанію.

7.

Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона.

Разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 28 и 29 марта 1870 года.

Гг. присяжные засѣдатели!

Если есть дѣло, которое могло бы прямо идти на судъ безъ судебныхъ преній, прямо послѣ судебнаго слѣдствія, такъ это именно настоящее. Фразы, слова не въ состояніи ничего ни прибавить, ни убавить къ тому сильному впечатлѣнію, которое оставилъ на васъ самый фактъ, голый, дикій, вопіющій. Въ центрѣ столицы, въ двухъ шагахъ отъ гауптвахты на Сѣнной, устраивается разбойничій притонъ, свиваетъ себѣ гнѣздо шайка злодѣевъ, распредѣляющихъ между собою работу; одни изъ нихъ заманиваютъ, другіе сидятъ въ засадѣ, ожидая добычи, и наконецъ совершается дѣло *кровавое*, надъ старикомъ, который, забывъ стыдъ и достоинство своихъ сѣдыхъ волосъ, далъ завлечь себя въ эту нечистую берлогу. Совершается дѣло крови — какъ по мановенію одного человѣка — говоритъ обвинительная власть, неизвѣстно по чьему велѣнію, говоритъ товарищъ мой по защитѣ. — Изъ этихъ двухъ предположеній, я дол-

женъ откровенно сказать, что не могу не стать на сторону перваго. Конечно, есть приличія, которыя должна соблюдать защита, но есть и истина, которая имѣетъ также свои права. Мнѣ кажется, что изъ всего судебнаго слѣдствія, изъ разсказовъ тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ преступленіи и передали всѣ мельчайшія подробности, вы не могли не убѣдиться, что главнымъ дѣятелемъ былъ одинъ Максимъ Ивановъ, который руководилъ предпріятіемъ. Преступники какъ будто бы поторопились совмѣстить въ одномъ злодѣяніи всевозможные признаки, изъ которыхъ и одного достаточно, чтобы по смыслу закона сдѣлать смертоубійство — изъ простаго особеннымъ, квалифицированнымъ. Тутъ есть и истязанія, тутъ есть и отравленіе, и задушеніе и битье утюгами. Наконецъ, къ довершенію впечатлѣнія оказывается, что изъ всѣхъ этихъ людей, только двое совершеннолѣтніе, остальные — молодежь. Дѣло, повторяю, страшное. Я и не буду пытаться ослабить то впечатлѣніе, которое оно производитъ; оно и есть общее дѣло всѣхъ соучастниковъ, значитъ и моей кліентки. Но это общее дѣяніе ложится не на всѣхъ съ одинаковою тяжестью, и въ особенности тѣ изъ нихъ, участіе которыхъ было второстепенное, имѣютъ право, чтобы ихъ судили по степени этого участія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ защитникамъ, кромѣ защитника Максима Иванова, открывается поле, не весьма широкое, сказать что нибудь въ пользу своихъ кліентовъ для смягченія наказанія. Я долженъ сказать, что это поле, эта возможность добиваться смягченія участи особенно малы, особенно ничтожны для меня, какъ защитника Авдѣевой. Возьмите только обвинительный актъ и оговоры другихъ подсудимыхъ: если бы вы слышали только этотъ обвинительный актъ и эти оговоры, невидавъ и неслыхавъ самой Авдѣевой, то вы должны бы придти къ заключенію, что изъ всѣхъ лицъ, которыя участвовали въ этомъ злодѣяніи, самое главное послѣ Максима лицо и есть Александра Авдѣева. И въ самомъ

дѣлѣ, она ѣдетъ съ Зономъ на квартиру, она вывѣдываетъ сколько у него денегъ, она воруетъ эти деньги, она потомъ если не подноситъ ему ядъ (она это отрицаетъ, я объясню впослѣдствіи, что это отрицаніе можетъ быть правдоподобно), но, во всякомъ случаѣ, чокается съ отравляемымъ Зономъ, зная, что Зонъ пьетъ ядъ; наконецъ, когда начинается убійство, когда пошли въ ходъ ремень, пледъ, утюги, она садится за фортепіано, стучитъ руками и ногами и заглушаетъ крики и стоны несчастной жертвы. Такимъ образомъ, если бы вы не имѣли передъ собою живое лицо, его послѣдовательный разсказъ, то въ вашемъ воображеніи должно бы составиться представленіе о какомъ то чудовищѣ,— что это не женщина, а какой-то демонъ, уродъ, страшилище, что въ ней нѣтъ ничего человѣческаго. Но я полагаю, что это не разрѣшеніе вопроса. Что такое чудовище? Это уклоненіе отъ естественныхъ законовъ, нѣчто необычайное, загадка. Сказавъ, что Авдѣева чудовище, вы бы поставили вмѣсто вопроса загадку. Но, затѣмъ, вы натолкнетесь на слѣдующія соображенія: какъ же могло появиться такое чудовище? Мыслило ли оно и чувствовало ли оно, какъ всѣ другія лица? Какое было его сердечное участіе въ дѣлѣ, сверхъ несомнѣннаго механическаго? Вотъ тѣ вопросы, съ которыми я шелъ къ моей кліенткѣ въ тюрьму, слушалъ ее, изучалъ, съ которыми я слѣдилъ за нею и на судебномъ слѣдствіи. Я позволю себѣ подѣлиться съ вами результатомъ моихъ наблюденій, т. е. передамъ вамъ, что я подмѣтилъ и что я изъ подмѣченнаго вывелъ. Этотъ анализъ наблюденій можетъ быть и послужитъ до нѣкоторой степени ей въ защиту, т. е. побудитъ васъ къ тому, чтобы вы не слишкомъ строго смотрѣли на Александру Авдѣеву. Александра Авдѣева, или — какъ называютъ ее товарки — «Саша большая», есть женщина, что называется, потерянная, притомъ она потерялась въ весьма раннихъ лѣтахъ, вступивъ на тотъ путь разврата, который, какъ напр. въ настоящемъ слу-

чаѣ, привелъ ее на скамью подсудимыхъ. Вы слышали, что Авдѣевой 17 лѣтъ—18-й; два года назадъ она уже была въ публичномъ домѣ, слѣдовательно, къ 15-лѣтнему возрасту относится то обстоятельство, когда она была соблазнена. Она дочь бѣдныхъ родителей; отецъ ея, портной, умеръ очень рано; она жила отчасти въ деревнѣ, отчасти въ городѣ; ѣздила въ Москву, дорогою познакомилась съ офицеромъ, который увлекъ ее и съ которымъ она прожила недѣлю, предавшись ему даромъ. Это было на 15 году ея жизни; затѣмъ, она возвратилась, была въ ученьи, потомъ переѣхала жить къ матери. Жить было тѣсно, скучно; она стала бѣгать отъ матери,—два мѣсяца пропадала. Мать была очень строгая, такъ что Александра хотѣла утопиться, чтобы избѣжать ея гнѣва. Въ этихъ странствованіяхъ она познакомилась съ нѣкоторыми подругами, которыя твердили ей: «зачѣмъ тебѣ работать, еще успѣешь, наработаешься, ты можешь жить лучше, имѣть шелковыя платья, пить вино, водку, веселиться» и т. д. И вотъ, вслѣдствіе такихъ наставленій, Авдѣева, едва достигши 15-ти лѣтъ, переходитъ жить въ публичный домъ Рыбаковой или Рыбаковской, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ и пробыла 2 года. Извѣстенъ бытъ проститутки — весьма однообразный при всемъ своемъ безобразіи: неимѣніе никакой собственности,—все, что на тѣлѣ, принадлежитъ хозяйкѣ; у женщины, которая промышляетъ собою никогда нѣтъ ни копѣйки за душою; ее кормятъ, поятъ... если найдется кому угостить... Такъ проводила время Авдѣева здѣсь зимою въ Петербургѣ, а лѣтомъ на островахъ. И вотъ, въ Новой деревнѣ, въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній, такихъ же точно, какъ и Эльдорадо, въ Элизіумѣ, она столкнулась съ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ сманилъ ее къ себѣ въ концѣ іюля 1869 года, въ день Петергофскаго гулянья. Ее привезли въ домъ Максима Иванова, пріодѣли, а ея платье отослали къ прежней хозяйкѣ, и она осталась жить и промышлять своимъ тѣломъ для

Максима Иванова. Жить ей было тутъ получше, ее не такъ тѣснили: Максимъ Ивановъ вообще былъ къ ней снисходительнѣе, нежели прежняя хозяйка; Турбина также была съ ней добра.

Вы знаете, что такое квартира Максима Иванова. Въ Спасскомъ переулкѣ, на заднемъ дворѣ, было помѣщеніе, залъ — нарядная комната въ 2 окна, для пріема гостей, затѣмъ спальня, кухня и передняя; собственно всего двѣ комнаты, и въ нихъ отъ 7 до 8 жильцовъ. Въ кухнѣ, какъ могутъ мѣстятся, какъ сельди въ боченкѣ, мужчины, изъ которыхъ только одинъ Грачевъ исполняетъ необходимую роль лакея, а остальные, Федоровъ и Ивановъ, живутъ такъ, дожидая пока явится хорошій случай: затѣмъ залъ — для гостей, въ передней помѣщается самъ Максимъ Ивановъ съ Дарьей и наконецъ спальня также для гостей или для двухъ трехъ женщинъ; тутъ, какъ вы слышали, спали и другія приходившія женщины — Елена и Клавдія; разумѣется что одна или двѣ спятъ здѣсь въ одно время, а остальныя рыскаютъ по городу. Все это общество, довольно многочисленное, держится вкупѣ однимъ Максимомъ Ивановымъ. Максимъ Ивановъ имѣлъ двоякое отношеніе къ своимъ жильцамъ: къ женскому населенію, и къ половинѣ мужской. Между этими двумя половинами положительно не было никакой связи. Я спрашивалъ Александру Авдѣеву, какія отношенія были между ними и людьми, жившими на кухнѣ? Изъ нихъ Грачевъ постоянно прислуживалъ, исполнялъ всѣ порученія: бѣгалъ въ лавку, убиралъ комнаты и проч., да и остальные прислуживали также когда не было Грачева — и только. Что касается до женщинъ, то условія ихъ съ Максимомъ могутъ быть возстановлены по разсказамъ Александры Авдѣевой и другой Александры — «Саши маленькой». Каждая изъ нихъ, какъ вы слышали, жила у Максима Иванова точно также, какъ онѣ обыкновенно живутъ у всѣхъ содержателей; тамъ онѣ были въ полнѣйшей, безусловной зависимости отъ своего хозяина;

каждая изъ нихъ должна была платить по 40 рублей въ мѣсяцъ за кушанье и квартиру; срерхъ того ей ставили на счетъ одежду; разумѣется ни одна изъ нихъ не могла покрыть всего, что насчитывали на нее, тѣмъ болѣе что насчитывали за вещи вдвое больше противу настоящей стоимости. Такимъ образомъ у Александры Авдѣевой точно также какъ и у Семеновой, какъ у всякой подобной женщины, никогда не было ни гроша. Авдѣева тотчасъ же послѣ поступленія къ Максиму Иванову — я не могу скрыть этого — присутствовала при отравленіи котовъ; она смотрѣла какъ кормили ихъ насильно ядомъ, какъ они потомъ издыхали; это она сама подтвердила. Затѣмъ что было, какіе разговоры шли? Хорошихъ не было; говорили какъ бы завлечь кого, убить, ограбить, и на добытыя деньги жить въ Москвѣ. Она и это сама разсказала съ полною откровенностью. Спрашивается, какимъ образомъ женщина, попавъ въ этотъ вертепъ, слыша постоянно всѣ эти разговоры, присутствуя при отравленіи котовъ и при приготовленіяхъ къ отравленію людей, не бѣжала оттуда, если не изъ того, что ея чувства должны были возмутиться, то изъ боязни отвѣтственности, изъ опасенія чтобы не попасться вмѣстѣ съ другими разбойниками? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я скажу слѣдующее.

Вы сообразили можетъ быть, гг. присяжные засѣдатели, изъ тѣхъ разсказовъ, которые вы слышали, что это за субъектъ Авдѣева, какой уровень ея нравственнаго и умственнаго образованія? Она разсказывала, кажется довольно толково, но о чемъ же? О внѣшнихъ предметахъ: какъ что было, кто что сказалъ, что дѣлалъ, какъ распорядились. Въ ней видна извѣстная снаровка говорить, но та снаровка, которая пріобрѣтается въ Эльдорадо и подобныхъ заведеніяхъ; она вѣроятно умѣетъ также шутить съ мужчинами, поддержать съ ними извѣстнаго рода разговоръ, но дальше этого не идетъ. Отбросьте этотъ эльдорадный лоскъ, и эта

женщина окажется въ полномъ смыслѣ слова дикаркою. Она, гг. присяжные засѣдатели, не имѣетъ никакого образованія; она читаетъ только печатанное большими буквами, и то плохо; она ничему не училась. Я старался объяснить, умѣетъ ли она играть на фортепьяно, оказалось что она и понятія не имѣла объ игрѣ,—кулаками била по клавишамъ и топала ногами, когда понадобилась ея игра. Неграмотность не всегда доказываетъ отсутствіе всякаго образованія: есть неграмотные люди, но весьма умные, дѣльные. Первый признакъ человѣка, какъ человѣка, то есть какъ существа разумнаго, то чѣмъ человѣкъ прежде всего отличается отъ животнаго, заключается въ томъ, что онъ думаетъ о себѣ, что онъ «себѣ на умѣ», что онъ старается сдѣлаться самостоятельнымъ, не подчиняться другимъ, а напротивъ того возвышается надъ ними и самъ старается подчинить другихъ своему вліянію. Хотя это чистый эгоизмъ, но такой эгоизмъ, который свойственъ только человѣку. Вотъ этого то признака человѣка у Александры Авдѣевой и не было. Она въ полномъ смыслѣ слова дикарка; такова она была у прежней хозяйки, такова и у Максима Иванова; она дѣйствовала совершенно пассивно, она дѣлала только то, что ей приказываютъ: ей говорятъ—привези фона-Зона,—она привозитъ; говорятъ — узнай сколько у него денегъ,—она узнаетъ; говорятъ—вытащи ихъ,—она вытаскиваетъ; играй, стучи, — она стучитъ кулаками и ногами!—Она дѣйствуетъ во всемъ какъ дрессированная собачка. Посмотримъ какое участіе принимаетъ она и въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ, въ дѣлежѣ добычи. Добыча дѣлится такъ, какъ угодно Максиму Иванову: Авдѣевой выдѣляется 5 рублей, она и этимъ не воспользовалась. Вольно вамъ вѣрить ей или Максиму Иванову... но я думаю, что нѣтъ причины отдавать предпочтеніе въ этомъ отношеніи Максиму Иванову.—Если, бы у нея были деньги, то она куда нибудь да ушла бы, но нѣтъ слѣда чтобы у нея была хотя одна ко-

пѣйка: все забралъ себѣ Максимъ Ивановъ. Изъ всѣхъ умственныхъ способностей, какія только проявляются въ ея дѣйствіяхъ, замѣтнѣе только одно, — это какое то ребяческое любопытство. Она желаетъ смотрѣть какъ будутъ издыхать дрыгая ногами коты, она хочетъ знать какъ дѣйствуетъ отрава и на Зона. На слѣдующій день она просится въ спальню смотрѣть, какъ Зонъ лежитъ подъ кроватью. Наконецъ изъ всѣхъ подсудимыхъ она одна выноситъ спокойно зрѣлище, котораго не выносятъ и мужчины, люди съ болѣе крѣпкими нервами. Они, самъ Максимъ, не хотѣли присутствовать при открытіи чемодана и выниманіи полусгнившаго трупа несчастной жертвы, она подходитъ и осматриваетъ его внимательно, заглядываетъ въ лицо, обходитъ кругомъ. Когда я ее спрашивалъ, какъ она могла вынести это ужасное зрѣлище, она отвѣчала: «что же мнѣ дѣлать! когда у меня такой характеръ». Это, господа, умственное ея развитіе; перейдемъ къ нравственному ея образованію. Оно оказывается еще ниже. Эта женщина безъ всякихъ привязанностей; никогда никого она не любила. Отца она лишилась очень рано; мать ея была строга къ ней, и она ее боялась, такъ что хотѣла топиться. Она такъ рано предалась разврату, что у нея не было почти того промежуточнаго періода между состояніемъ, когда у дитяти еще нѣтъ стыдливости и состояніемъ, когда уже нѣтъ и не можетъ быть никакой стыдливости. Она такъ сказать, съ самаго дѣтства перешла прямо въ публичный домъ. Она никого не любила, знакомство съ офицеромъ было мимолетное; въ публичномъ домѣ она въ полномъ смыслѣ была рабочая сила, зарабатывала деньги для хозяевъ, исполняла все что отъ нея требовали; отношеній съ людьми, которые могли бы имѣть на нее хорошее вліяніе, она не имѣла; она не встрѣчалась ни съ кѣмъ, кто бы могъ познакомить ее хотя съ понятіями о добрѣ и злѣ, объ обязанностяхъ нравственныхъ и гражданскихъ, который бы могъ вселить въ нее какую нибудь наклонность къ чему нибудь идеальному. Вся

жизнь ея не выходитъ изъ области самаго грубаго цинизма. При такомъ состояніи полнѣйшаго нравственнаго неразвитія не можетъ быть сознанія объ обязанностяхъ гражданскихъ и нравственныхъ, нѣтъ того, что называется гуманностью, человѣчностью. Вы знаете, гг. присяжные, что такое человѣчность? Я изобразилъ вамъ эгоизмъ какъ первую ступень человѣческаго бытія; вторая затѣмъ, которая ставитъ его еще выше, есть человѣчность или способность чувствовать не только за себя, но и за другихъ, видѣть какъ другой страдаетъ и самому переживать ту самую боль, тѣ самыя мученія, которыя испытываетъ страдалецъ. Эта то способность и отсутствуетъ вполнѣ у Авдѣевой. Нельзя сказать, чтобы она была женщина безъ всякаго чувства: она не камень, она имѣетъ нервы, она при мнѣ плакала, но плакала только о себѣ, не о другихъ. Эта безчувственность въ отношеніи къ страданіямъ другихъ не можетъ быть поставлена вполнѣ ей въ вину. Разберите, гг. присяжные засѣдатели, эти признаки, которые я старался изобразить. Мнѣ кажется, этими признаками, этимъ недостаткомъ умственнаго и нравственнаго развитія, при содѣйствіи еще одного агента—вина, которое она выпила въ ночь 7 ноября, и объясняется весь образъ дѣйствій Авдѣевой съ 7 на 8 ноября. Она съ поступленія своего въ заведеніе Максимова постоянно слышитъ разговоры, что надо кого нибудь завлечь, ограбить, убить; но это до нея не касается, это дѣло Максима Иванова, притомъ это только предположенія, которыя еще не воплощались въ какое либо опредѣленное дѣйствіе. Затѣмъ ей говорятъ: «приведи Зона», она приводитъ,—для нее это не ново, она всегда приводила съ собою мужчинъ... Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы съ самаго пріѣзда на квартиру былъ обдуманный планъ дѣйствій, сочиненный всѣми участвовавшими; планъ этотъ если существовалъ, то въ головѣ одного Максима Иванова, всѣ другіе присоединяются когда уже пришлось дѣйствовать, т. е. только

въ ту минуту, когда Зонъ, ушедши изъ квартиры, вернулся опять назадъ. Осуществленіе этого замысла идетъ такимъ порядкомъ, что въ залѣ остается съ фонъ-Зономъ одинъ только Максимъ Ивановъ; входятъ Александра Авдѣева и Дарья Турбина, остальныя лица находятся въ кухнѣ; Александра Семенова и Елена Дмитріева спятъ. Что происходитъ въ это время въ залѣ— извѣстно весьма поверхностно. Максимъ Ивановъ идетъ въ кухню, не предупредивъ даже женщинъ о томъ, что онъ будетъ дѣлать, и приготовляетъ то вещество, которое считалось ядомъ; было или не было оно ядомъ, это вопросъ другой и если разсмотрѣть его отдѣльно, то онъ долженъ быть разрѣшенъ скорѣе отрицательно. По всей вѣроятности это ядовитое вещество попортилось, оно не могло имѣть никакого вреднаго вліянія; но для меня это совершенно безразлично, я мирюсь даже съ тѣмъ, что дѣйствовавшіе считали это вещество ядомъ, считала его ядомъ и Александра Авдѣева. Если вамъ угодно будетъ, вмѣсто ея отрицанія на счетъ вливанія яда, принять разсказъ другихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ же преступленіи, которыя говорятъ, что Авдѣева вливала ядъ, то для меня въ этомъ нѣтъ значительной разницы, — то въ чемъ она признается выходитъ на одно и тоже съ тѣмъ, что говорятъ другіе: она сознается, что когда Максимъ Ивановъ говорилъ фонъ-Зону: «пейте же», и когда онъ приглашалъ ее подчивать гостя, она, наливъ себѣ стаканъ вина, чокалась съ фонъ-Зономъ и значитъ склоняла его къ принятію яда. Потомъ началась сцена съ ремнемъ и битье утюгами. Вотъ при этой сценѣ Авдѣева, по приказанію хозяина, стучала, топтала, кричала до тѣхъ поръ, пока ее не отправили въ кухню, гдѣ она преспокойно улеглась съ Александрой Семеновою и проспала до слѣдующаго утра. Все, что можетъ отяготить участь Авдѣевой, относится къ событіямъ этой ночи; затѣмъ въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ другихъ участниковъ преступленія она не принимала никакого непосредственнаго участія: продажа

вещей, покупка чемодана, укладываніе и отправка трупа, дѣлежка денегъ—это все дѣйствія, которыя совершались безъ нея, потому что даже тѣ 5 руб., которые приходились на ея долю, Максимъ Ивановъ забралъ къ себѣ. Затѣмъ совершилось слѣдующее: весь этотъ домъ, вся эта какъ бы семья, вся шайка какъ до убійства была дружна и крѣпко держалась авторитетомъ Максима Иванова, такъ потомъ подъ вліяніемъ совершеннаго преступленія начинаетъ раздробляться; съ самаго начала отдѣляется Иванъ Федоровъ, который взялъ деньги на поѣздку и ихъ не возвратилъ; далѣе происходитъ ссора между Максимомъ Ивановымъ и Александромъ Ивановымъ, сссора между Максимомъ и Турбиною, между Авдѣевою и Александромъ Ивановымъ. Всѣ перессорились, такъ что сама Александра Авдѣева хочетъ бѣжать отъ Максима къ другой хозяйкѣ. Александръ Ивановъ отправляется въ сыскное отдѣленіе, дѣлаетъ доносъ, по доносу всѣхъ арестуютъ и съ перваго же раза Авдѣева разсказываетъ все съ полной откровенностью, такъ какъ она передала всѣ подробности здѣсь передъ вами. Я долженъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, на которое былъ только намекъ въ слѣдствіи, а именно о предположеніи убить Клавдію Стрешневу и воспользоваться ея пожитками. Это предположеніе передавалось такимъ образомъ: жительницамъ дома Максима Иванова будто бы понравились вещи Клавдіи, и Максимъ Ивановъ поэтому будто бы хотѣлъ убить ее, чтобы вещи отдать Авдѣевой. Такъ какъ мужской половинѣ своего заведенія онъ не хотѣлъ дать участія въ дѣлежѣ добычи, то это и послужило побудительною причиною къ ссорѣ съ Александромъ Ивановымъ. Я думаю, что во всѣхъ этихъ событіяхъ единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ является одинъ Максимъ Ивановъ. Если онъ пріохотился, разъ совершивши убійство, тотчасъ составилъ новый планъ убійства, то нѣтъ никакой надобности предполагать, чтобы въ составленіи этого плана участвовала непремѣнно Александра Ав-

дѣева; Максимъ могъ дѣйствительно желать воспользоваться вещами Клавдіи съ тѣмъ, чтобы подарить ихъ потомъ или Турбиной, или Авдѣевой, причемъ Авдѣева могла и не подстрекать его кѣ этому новому убійству. Но если бы даже и допустить, что она и сама наускивала его на убіеніе Клавдіи, то и тутъ вы не встрѣтите ничего, чтобы отступало отъ изображеннаго мною очерка ея характера: эта женщина такъ мало развита, и потомъ, преступленіе которое совершилось на ея глазахъ, до такой степени могло подѣйствовать на еще большее ея паденіе, стереть совершенно всѣ ея нравственныя понятія, что она точно также не сознавала гнусности и преступности убійства Клавдіи, какъ не сознавала преступности убійства фонъ-Зона. Она не сознавала, что есть обязанность, лежащая на всякомъ человѣкѣ, когда онъ видитъ, что убиваютъ другаго, вмѣшаться и заслонить его хотя бы своею собственною грудью; наконецъ она вовсе не знала и не понимала, что надобно бѣжать, что надо открыть преступленіе, во избѣжаніе отвѣтственности. Сознаніе есть плодъ опытности, знанія, а этой-то опытности, этого знанія и не было у Александры Авдѣевой.

До сего времени, гг. присяжные засѣдатели, я только разсказывалъ и описывалъ, но мнѣ кажется, что это то описаніе и послужитъ въ защиту Авдѣевой. Сообразите, — вы видите теперь что это за субъектъ? Онъ измельчалъ при внимательномъ разборѣ. Вмѣсто чудовища, наводящаго ужасъ, вмѣсто демона, вмѣсто женщины, увлеченной сильнымъ порывомъ страсти,—оказывается въ дѣйствительности только существо едва походящее на человѣка недоразвитаго, существо съ которымъ только и можно обойтись какъ съ неразумнымъ животнымъ. Эта женщина нельзя сказать чтобы была совершенно неспособна къ развитію, къ исправленію; вы слышали, что разсказъ ея довольно толковый... и если постигнетъ ее та кара, которая грозитъ ей, то я думаю, что это наказаніе для нея всетаки будетъ благотворно,

потому что оно не можетъ на нее не подѣйствовать. Положеніе, которое будетъ создано для нея вашимъ вердиктомъ, какъ оно ни ужасно, для нея будетъ всетаки лучше, нежели то положеніе, въ которомъ она находилась у Максима Иванова. Кромѣ того она существо совершенно пассивное: не будь она въ домѣ Максима Иванова, попади она въ другое мѣсто, она была бы самая обыкновенная публичная женщина. Точно также и всѣ остальныя лица, которыя сидятъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, кромѣ Максима Иванова.—Это совершенно обыкновенные люди, такъ что, собственно говоря, они должны возбуждать скорѣе жалость... Вы соразмѣрите строгость вашего приговора съ дѣйствительною виною каждаго изъ нихъ. Вотъ почему я думаю, что, оцѣнивъ малый уровень развитія Александры Авдѣевой, вы признаете за нею два обстоятельства: во первыхъ, что она заслуживаетъ снисхожденія и во вторыхъ то, (что для меня совершенно ясно), что она дѣйствовала не самостоятельно, а была вовлечена въ это преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ, которое имѣло въ глазахъ ея большую силу, большой авторитетъ, потому что то былъ ея хозяинъ, распоряжался ею, какъ своимъ товаромъ. Я кончилъ.

Признанная присяжными заслуживающею снисхожденія Авдѣева приговорена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

1871.

8.

Дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи. (Нечаевское дѣло).

Осенью 1869 года образовалось въ Москвѣ тайное общество, члены котораго обвинены въ томъ, что поставили себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи правительства и измѣненіе образа правленія. Произведеннымъ по сему дѣлу предварительнымъ слѣдствіемъ были привлечены къ отвѣтственности 84 подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на 11 группъ. Каждая изъ этихъ группъ въ послѣдовательномъ порядкѣ судилась въ особомъ присутствіи С.-Петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло разбиралось съ 1 іюля по 28 августа 1871 года. Первая группа обнимала 11-ти подсудимыхъ, въ числѣ которыхъ обвинялись:

а) купеческій сынъ *Алексѣй Кирилловъ Кузнецовъ*, въ томъ: во 1-хъ, что, по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ и другими лицами, они составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлью ниспроверженія правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ злоумышленіе ихъ открыто было правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ; и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 года убійство слушателя Петровской академіи Иванова, заманивъ его въ

уединенное мѣсто, т. е. обвинялся въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249. 250, 13 и 3 п. 1453 ст. улож. о наказ., изд. 1866 г.

б) Кандидатъ правъ *Петръ Никитинъ Ткачевъ* и др., въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить образъ правленія совершилъ для сего приготовительныя дѣйствія, причемъ злоумышленіе его открыто было правительствомъ заблаговременно въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. улож.

в) Жена полковника *Елизавета Христіановна Томилова* въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершать приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть правительство и перемѣнить образъ правленія, причемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 249 и 250 ст. улож. о наказ.

Рѣчь въ защиту Алексѣя Кузнецова.

Гг. Судьи. Въ городѣ Херсонѣ было купеческое семейство, одно изъ рѣдкихъ въ купеческомъ быту: отецъ и три сына. Самыя нѣжныя отношенія соединяли ихъ между собою. Отношенія эти были скорѣе дружественныя, нежели основанныя на строгой власти. Отецъ не поскупился дать своимъ сыновьямъ возможно хорошее воспитаніе по своимъ средствамъ. Онъ помѣстилъ старшаго сына Алексѣя сначала въ коммерческое училище, а потомъ въ земледѣльческую Петровскую академію, одно изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Особенныя надежды возлагались на этого Алексѣя Кузнецова, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ хорошимъ человѣкомъ. Такимъ знали его въ академіи. Онъ совершенно искренно могъ сказать, что въ теченіе многихъ лѣтъ не имѣлъ ни одного врага, ни одного недоброжелателя. Онъ былъ добрый сынъ, добрый другъ и товарищъ, внимательный, снисходительный, любящій. Таковъ былъ Алексѣй Кузнецовъ въ сентябрѣ 1869 года. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря, по истеченіи не болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, мы находимъ того же Кузне-

цова оторваннымъ отъ почвы и занятій, бросившимся въ омутъ агитаціи, пропагандирующимъ, читающимъ студентамъ правила организаціи и участвующимъ, съ вѣдома или безъ вѣдома, въ такихъ махинаціяхъ, въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя по мысли учредителя заговора клонились къ тому, чтобы произвести страшный переворотъ въ Россійской Имперіи, поставить вверхъ дномъ все существующее, точно метлой вымести всѣ высшіе классы и заварить такую кашу не только россійскую, но даже европейскую, какъ сказано въ одномъ изъ писемъ Нечаева, которую и черезъ 50 лѣтъ не разхлебали бы наши потомки. Добро бы перемѣна эта произошла только въ одномъ образѣ мыслей Кузнецова. Всякій знаетъ, что помыслы юношей измѣнчивы какъ морская волна. Всякому изъ насъ случалось испытать на себѣ или подмѣчать весьма часто измѣненія въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ отъ школьной жизни переходитъ къ жизни дѣйствительной и практической, или когда еще въ школѣ передъ нимъ разверзается новый міръ, вслѣдствіе того, что этотъ молодой человѣкъ приходитъ въ соприкосновеніе съ требованіями времени, съ духомъ вѣка. Онъ въ немногіе мѣсяцы переживаетъ цѣлые періоды, главныя фазы развитія человѣчества; на разстояніи нѣсколькихъ недѣль онъ можетъ быть и мистикомъ, и крайнимъ скептикомъ, консерваторомъ и революціонеромъ, протестантомъ, римскимъ католикомъ и ультра-православнымъ. У каждаго изъ насъ была такая пора въ жизни, когда онъ смотрѣлъ титаномъ, готовымъ весь міръ объять, пересоздать и превратить въ земной рай. Потомъ пора эта проходитъ: титанъ возвращается къ обыденнымъ занятіямъ и становится самымъ добродушнымъ филистеромъ, самымъ усерднымъ и аккуратнымъ чиновникомъ. Если бы въ эту бурную пору молодости случилось такому молодому человѣку войти даже въ союзъ съ другими подобно мыслящими людьми, составить, что называется, тайное общество, то и это еще не большая бѣда. Безчисленное множе-

ство такихъ тайныхъ обществъ возникаетъ. Они не могутъ не возникать, потому что первое чувство, являющееся въ молодомъ человѣкѣ, который обладаетъ новою идеею—страстное желаніе подѣлиться ею съ другими и сдѣлать другихъ соучастниками этой идеи. Если бы онъ даже и попался въ этомъ случаѣ, то, конечно, подвергся бы весьма непріятнымъ послѣдствіямъ, заключенію, ссылкѣ, но его натура такая крѣпкая, что заключеніе это, отъ котораго многіе изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу зачахли, погибли, не сломило бы его; притомъ надо замѣтить, что наказанія за принадлежность къ тайнымъ обществамъ не въ примѣръ слабѣе тѣхъ, коимъ подвергались люди за то же самое, на моей памяти, лѣтъ двадцать тому назадъ. Но съ Кузнецовымъ случилось худшее несчастье. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, въ эти два съ половиною мѣсяца онъ, попавъ въ омутъ заговора, не только увлекъ за собою многихъ другихъ, но еще окровавилъ свои руки убійствомъ; онъ принялъ участіе, хотя и не главное, въ трагической смерти человѣка невиннаго; въ смерти друга, товарища, къ которому питалъ уваженіе, котораго обязанъ былъ защищать. Когда случается внезапная перемѣна въ жизни человѣка, вслѣдствіе которой онъ выходитъ совершенно не похожимъ на то, чѣмъ былъ прежде, то такія перемѣны можно объяснить двоякимъ образомъ: или психологическимъ процессомъ его собственнаго развитія, тѣмъ, что бывъ извѣстнымъ образомъ воспитанъ, имѣя извѣстное направленіе и бывъ поставленъ въ извѣстныя условія жизни, онъ собственнымъ умомъ додумался до извѣстныхъ результатовъ и собственною силою воли рѣшился на извѣстное дѣйствіе; или же перемѣна можетъ быть объясняема вліяніемъ другаго лица, которое на него до того сильно подѣйствовало, что увлекло его и толкнуло на несвойственный ему путь. Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то кажется несомнѣнно можно сказать, что здѣсь имѣлъ мѣсто второй случай, т. е. что Алексѣй

Кузнецовъ былъ увлеченъ Нечаевымъ. Безъ сомнѣнія, вы, гг. судьи, признаете, что Кузнецовъ былъ болѣе увлеченъ, чѣмъ другіе люди, которые стоятъ рядомъ съ нимъ въ организаціи и на скамьѣ подсудимыхъ. Онъ былъ увлеченъ болѣе нежели Успенскій, Прыжовъ, люди болѣе его образованные, хотя я долженъ сказать, что онъ былъ увлеченъ менѣе нежели Николаевъ, гораздо менѣе развитый нежели Кузнецовъ, а извѣстно, что кому меньше дано, отъ того меньше и взыщется. Спрашивается, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого положенія, которое я считаю безспорнымъ? Не оправдать ли Кузнецова, не отрицать ли всякую его отвѣтственность? Я никогда не рѣшился бы поставить защиту на столь шаткое основаніе, я никогда не рѣшился бы прибѣгнуть къ столь рискованному средству. Ни одинъ судъ въ государствѣ не можетъ слѣдовать такой теоріи; принявъ ее, пришлось бы оправдать и самого Нечаева, если бы его судили, такъ какъ и Нечаевъ есть продуктъ своего вѣка и той атмосферы, въ которой онъ жилъ и вращался. Притомъ подобное объясненіе совсѣмъ противорѣчило бы натурѣ Кузнецова. Кузнецовъ вовсе не слабое созданіе, это человѣкъ съ характеромъ, прямой и довольно устойчивый, съ хорошими задатками и зачатками, съ качествами, хотя не блистательными, но солидными. Итакъ, я полагаю, что скажу правду, когда отнесу увлеченіе Кузнецова къ смягчающимъ его вину обстоятельствамъ. На этомъ можно бы и покончить защиту, но тогда она была бы весьма банальная, потому что, что же значитъ для судьи увлеченіе, когда не опредѣлены ни мѣра его, ни степень, когда не опредѣлено, какая сила увлекала Кузнецова, легко ли было сопротивляться ей или не легко. Надобно сравнить эту силу съ тѣмъ субъектомъ, который увлеченъ, рядомъ поставить искусителя и искушаемаго, опредѣлить свойства и пріемы искушенія, заглянуть въ душу подсудимаго — тогда можно будетъ съ достовѣрностью заключить, чего бы стоило Кузне-

цову сопротивляться и, значитъ, заслуживаетъ ли онъ снисхожденія. Если вы убѣдитесь, что сопротивляться было трудно, то вы не откажетесь признать его заслуживающимъ снисхожденія, даже особеннаго снисхожденія, по крайней мѣрѣ такого, которое даетъ вамъ въ руки законъ, потому что законъ предоставляетъ вамъ права, по вашему внутреннему убѣжденію и безъ приведенія даже основаній, понизить наказаніе на одну или двѣ степени. Кромѣ того, если-бы вы не признали его заслуживающимъ снисхожденія, если-бы была къ нему примѣнена полная мѣра наказанія, налагаемая за его преступленіе закономъ (какъ бы ни была велика эта казнь, онъ не сочтетъ ее несоотвѣтствующею его винѣ, которая весьма велика), то самъ разсказъ, который я прошу выслушать, будетъ все-таки полезенъ для моего кліента, онъ будетъ дополненіемъ той искренней исповѣди, которую онъ принесъ на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ. Въ рѣчи г. прокурора сквозила та мысль, что Кузнецовъ какъ будто бы не все сказалъ что знаетъ, что онъ скрываетъ нѣкоторые факты. Я полагаю, что онъ сказалъ все весьма искренно, что слова его, это исповѣдь человѣка, который былъ въ чаду, въ бреду, а теперь стоитъ предъ вами отрезвленнымъ и совершенно обновленнымъ не похожимъ на того Кузнецова, который былъ арестованъ 2-го декабря, въ такой же степени, въ какой арестованный Кузнецовъ не похожъ былъ на Кузнецова въ академіи.

Изложивъ планъ моей защиты, я по необходимости долженъ начать разсказъ мой съ человѣка, которымъ все дѣло полно, хотя его здѣсь нѣтъ, съ Дмитрія Өедорова, съ Кинявскаго, съ Ивана Петровича или Ивана Павлова, съ офицера путей сообщенія Панина, однимъ словомъ съ того Протея, который подъ сотнею именъ вдоль и поперекъ изъѣздилъ землю русскую — съ Нечаева.

Въ обвинительномъ актѣ проведена та мысль, что студенческія волненія, которыя начались въ 1868 и

окончились катастрофой въ мартѣ 1869 года, были главнымъ образомъ произведены лицами, стоявшими внѣ университета и совершенно ему чуждыми, которыя мутили молодежь. Въ числѣ лицъ этихъ упоминается и Нечаевъ. Хотя Нечаевъ — лицо весьма недавно здѣсь бывшее, однако онъ походитъ на сказочнаго героя. Его называютъ сыномъ священника, но оказывается, что онъ сынъ мѣщанина-живописца; иные даютъ ему 19, иные 23 года; иные говорятъ, что онъ не получилъ никакого образованія, что 16-ти лѣтъ едва зналъ грамоту и затѣмъ въ 3 года достигъ такого совершенства, что читалъ по-нѣмецки, по-французски и понималъ философскія книги. Я знаю только то, что Нечаевъ былъ учителемъ въ Сергіевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ и въ качествѣ вольнослушателя посѣщалъ университетъ. Подсудимая Томилова, бывшая въ университетѣ, видѣла вѣшалку, на которой висѣло его платье съ надписью его фамиліи. Если онъ былъ вольнослушателемъ, то онъ долженъ былъ бы имѣть гимназическій аттестатъ. Въ университетѣ всѣ тѣ, которые посѣщаютъ его, вольнослушатели и студенты, собственно говоря, находятся въ одинаковомъ къ университету отношеніи, они одинаково къ университету близки и одинаково пользуются въ немъ правомъ гражданства. Какъ пользовался Нечаевъ этимъ правомъ гражданства — это другое дѣло. Ему и въ то время было, повидимому, уже присуще то направленіе, тѣ затѣи, которыя опредѣлили его дальнѣйшую дѣятельность. И тогда уже онъ старался возбуждать студентовъ, и тогда уже онъ проговаривался, что наука не нужна, что она мѣшаетъ смотрѣть на вещи прямо, что она онанизмъ мысли въ дни практическаго дѣла, что надо подталкивать людей, что наше общество состоитъ изъ холоповъ; и тогда уже онъ собиралъ подписку на петицію, которая должна была быть подана отъ имени всей учащейся молодежи и въ которой молодежь должна была протестовать, отъ всѣхъ учебныхъ заведеній, противъ условій своего умствен-

наго воспитанія и развитія. Но какъ бы ни было опредѣленно тогда уже то направленіе, которому и потомъ слѣдовалъ Нечаевъ, мнѣ кажется ему многаго еще не доставало. Его мало слушали, на него мало обращали вниманія. Когда молодежь собирается на шумную сходку, то всѣ толпятся, галдятъ, кричатъ; въ этомъ крикѣ трудно отличиться и заставить себя слушать. Нечаеву нужно было во что бы то ни стало взойти на пьедесталъ, стать на подмостки, выставить себя выше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ возъимѣлъ еще въ январѣ 1869 г. мысль геніальную, онъ задумалъ (живой человѣкъ) создать самому для себя легенду, сдѣлаться мученикомъ и прослыть таковымъ на всю землю русскую. Не знаю, вызывали ли его, за студенческія сходки, къ отвѣту къ г. Колышкину или нѣтъ; можетъ быть и призывали, но во всякомъ случаѣ онъ арестованъ не былъ. Задумавъ исчезнуть изъ Петербурга, онъ озаботился препроводить къ друзьямъ чрезъ Вѣру Засуличъ записку о вымышленномъ своемъ арестѣ. Въ этой запискѣ онъ притворяется отправленнымъ въ крѣпость и проситъ друзей похлопотать и помочь ему. Явившись въ Москву, онъ разнообразитъ эту тему болѣе и болѣе живописными варіяціями. Его сажали въ промерзлый казематъ Петербургской крѣпости; онъ до того окоченѣвалъ въ этихъ стѣнахъ покрытыхъ льдомъ, что ему ножемъ разнимали при допросѣ стиснутые зубы, чтобы впустить нѣсколько капель спирта; онъ ушелъ, надѣвъ шинель какого то генерала и очутился въ Москвѣ. Изъ Москвы отправился онъ въ Одессу. Тутъ новая сказка: его арестуютъ и везутъ въ кибиткѣ — жандармъ и чиновникъ; но онъ далъ тумака одному и другому и явился опять въ Москву. Наконецъ Нечаевъ заправду нырнулъ и очутился за границей. Поѣздка эта была крайне необходима; она должна была поставить его въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частію русской эмиграціи, отъ которой онъ и надѣялся получить, такъ сказать, рукоположеніе, заручиться такимъ авторитетомъ,

предъ которымъ бы безпрекословно преклонялись люди, на коихъ онъ намѣревался дѣйствовать. Гг. судьи, я долженъ теперь коснуться предмета весьма тонкаго и труднаго, котораго не слѣдовало бы касаться, если бы его можно было обойти—я разумѣю отношенія Нечаева къ русской эмиграціи. Собственно слѣдовало бы и не говорить объ эмигрантахъ, такъ какъ ихъ здѣсь нѣтъ, они не могутъ отвѣчать и защищаться, но я не могу обойти молчаніемъ этотъ предметъ и долженъ коснуться его хотя въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ обвиненіе представляетъ вообще все дѣло организаціи выросшимъ цѣликомъ на русской почвѣ, безъ всякихъ приходящихъ элементовъ изъ-за границы. Здѣсь оно, будто бы, задумано еще въ мартѣ мѣсяцѣ, постепенно осуществлялось и дошло до катастрофы. Мнѣ кажется, что на исключительно русской почвѣ дѣло это не могло бы сложиться, что для него необходимъ былъ привходящій элементъ, что много заимствовано оттуда Нечаевымъ самаго существеннаго, того, что помогло ему дѣйствовать на русскую молодежь, что онъ позаимствовалъ отъ эмиграціи извѣстный образъ дѣйствій, извѣстныя идеи, извѣстную даже организацію. О своихъ сношеніяхъ съ эмигрантами Нечаевъ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію во второй разъ, разсказывалъ дивныя вещи. Мы слышали отъ князя Черкезова, что Нечаевъ попалъ будто-бы въ Бельгію, гдѣ поступилъ въ рабочіе, устроилъ стачку рабочихъ; затѣмъ этими рабочими онъ отправленъ былъ делегатомъ въ Женеву, гдѣ познакомился съ Бакунинымъ, послѣ чего сдѣлался членомъ такъ называемаго интернаціональнаго или международнаго общества рабочихъ. Подсудимому Успенскому Нечаевъ передавалъ о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ (умершимъ 1870 г. 7-го января). Герценъ будто-бы говорилъ про него: «что у васъ, Сергѣй Геннадьевичъ, все рѣзня на умѣ!» Николаеву, который гораздо болѣе простъ и довѣрчивъ, Нечаевъ сообщилъ, что столь недовѣрчиво относился къ нему Герценъ только сначала, но что затѣмъ Нечаевъ

подъѣхалъ къ нему поближе, употребивъ нѣсколько недѣль на то, чтобы его обработать, достигъ того, что Герценъ сдѣлался совершенно его сторонникомъ, вполнѣ сочувствующимъ всему тому, что выражено въ „Народной расправѣ".

Многое еще передавалъ Нечаевъ о Бакунинѣ, Огаревѣ, Герценѣ, о герценовской книгѣ автографовъ; наконецъ онъ даже показывалъ стихотвореніе Огарева, игравшее немаловажную роль въ волненіи студентовъ, подъ заглавіемъ: „Къ моему другу Нечаеву". Нечаевъ особенно старался распространить эти стихи и даже пріискивалъ къ нимъ музыку, чтобы молодые люди пѣли ихъ. Конечно, въ этихъ разсказахъ есть бездна придуманнаго, лживаго. Вообще можно сказать, если Нечаевъ выкроенъ по типу одного изъ героевъ романа Гончарова «Обрывъ»—Марка Волохова, то, кромѣ того, въ немъ есть еще много хлестаковскаго. Маркъ Волоховъ былъ правдивъ, а Нечаевъ не былъ правдивъ, и вралъ немилосердно. Это вранье явилось въ немъ, по всей вѣроятности, потому, что въ планѣ его дѣйствій была ложь, какъ средство для достиженія извѣстной цѣли; но извѣстно, что такое средство весьма опасно дѣйствуетъ на характеръ. Оно до такой степени входитъ въ плоть и въ кровь лжеца, что сей послѣдній незамѣтно привыкаетъ употреблять ее потомъ безъ всякой нужды, просто изъ любви къ искуству. Я могъ бы привести бездну примѣровъ недостовѣрности или сомнительности разсказовъ Нечаева объ эмиграціи. Для доказательства возьму хотя бы стихотвореніе «Студентъ», тотъ маленькій листокъ, отпечатанный на одной страницѣ, который я просилъ бы приложить къ числу вещественныхъ доказательствъ. Этотъ листокъ носитъ подпись Н. Огарева. Хотя Огаревъ не первостепенный поэтъ, но стихи эти до такой степени слабы и плохи, что трудно предполагать, чтобы даже и на старости лѣтъ они вышли изъ-подъ пера Огарева... Вдумаемся въ смыслъ отношеній, который они предполагаютъ между

Нечаевымъ и Огаревымъ. Если бы они были огаревскіе, то надлежало бы заключить, что Огаревъ вступилъ въ заговоръ съ Нечаевымъ съ цѣлью надуть русскую публику безъ всякой пользы для дѣла. въ личную угоду въ личное одолженіе одному только Нечаеву, мало того: даже во вредъ дѣлу. Если бы Нечаевъ не имѣлъ намѣренія возвратиться въ Россію, то можно бы подумать, что престарѣлый авторъ поддался слѣдующимъ соображеніямъ: „пускай у русскаго народа прибавится одинъ лишній мученикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавится лишній отчетецъ народу съ правиельствомъ“. Но замѣтьте,что Нечаевъ ѣхалъ въ Петербургъ и Москву, тамъ его должны были знать, и съ перваго же разу онъ не могъ не встрѣтить знакомыхъ, а если бы увидѣли, что Нечаевъ живъ, то этого одного уже достаточно, чтобы обличить во лжи, какъ его, такъ и Огарева. Мало того; въ этой пьесѣ есть стихи, которые въ устахъ Огарева звучатъ какъ самая адская насмѣшка: *„но, весь вѣкъ нелицемѣренъ, онъ борьбѣ остался вѣренъ“*. Не верхъ ли это лицемѣрія выдавать себя за мученика не бывъ таковымъ никогда? Наконецъ, есть одна фраза, которая положительно не могла выйти изъ подъ пера Огарева: „Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ...“ и т. д. Это совершенно противорѣчитъ совсѣмъ нерелигіозному, какъ извѣстно, образу мыслей Огарева. Такимъ образомъ я думаю, что нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы стихотвореніе „Студентъ“ было писано Огаревымъ, чтобы оно вышло изъ Женевы; оно скорѣе суздальское издѣліе, отпечатанное подпольно ручнымъ станкомъ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ или за границей, гдѣ по словамъ Нечаева, готовились кой какіе оттиски. Я указалъ на то, какъ осторожно надо пользоваться данными, исходящими отъ Нечаева. Но если Нечаевъ дѣйствительно многое сочинялъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что онъ находился въ тѣсной связи съ нѣкоторыми выходцами, напримѣръ съ Бакунинымъ. На судѣ была прочитана записка писанная рукою Бакунина, съ № 2,771,

въ которой рекомендуется агентъ, долженствующій изображать собою этотъ нумеръ русской революціонной организаціи. Есть свѣдѣніе, что въ Москвѣ по рукамъ ходитъ уставъ интернаціональнаго общества, съ собственноручною припискою Бакунина, извлеченною изъ одной его прокламаціи. Къ Бакунину долженъ былъ посылаться, по словамъ Успенскаго, подсудимый Прыжовъ для передачи отчета. Всего важнѣе, наконецъ, разсказъ Успенскаго о событіи, относящемся къ періоду. предшествовавшему пріѣзду Нечаева въ Россію. именно къ лѣту 1869 года. Лѣтомъ 1868 г. пріѣзжалъ изъ-за границы нѣкто Негрескулъ (нынѣ умершій), человѣкъ весьма замѣчательный. находившійся въ весьма дурныхъ отношеніяхъ съ Нечаевымъ и съ которымъ, вѣроятно, случилось бы въ Петербургѣ то же самое, что съ Ивановымъ въ Москвѣ, если бы онъ сталъ противодѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Нечаева. Этотъ человѣкъ, нимало несочувствовавшій Нечаеву и ненавидѣвшій его, разсказывалъ, что бывъ въ Женевѣ, видѣлъ Бакунина и Нечаева вмѣстѣ и что Бакунинъ, трепля Нечаева по плечу говорилъ: «вотъ какіе у насъ въ Россіи люди есть». Эти данныя не оставляютъ сомнѣнія, что съ нѣкоторыми изъ эмигрантовъ Нечаевъ имѣлъ сношенія. Вѣроятно явившись въ Женеву Нечаевъ наговорилъ три короба лжи о томъ, что дѣлается въ Россіи, какъ революція близка, какъ она ростетъ по днямъ, какъ волнуется вся молодежъ и т. д. Подобные разсказы для людей находящихся въ положеніи эмигрантовъ, давно оторванныхъ отъ Россіи, не знающихъ, что въ ней дѣлается, но желающихъ на нее вліять, точно то же, что манна небесная. Они готовы вѣрить всякой сказкѣ, небылицѣ, мало мальски совпадающей съ ихъ пожеланіями. Является человѣкъ энергическій. смѣлый, который говоритъ самымъ рѣшительнымъ образомъ,—какъ же его не одобрить и какъ же его не благословить. если онъ говоритъ, что отправляется на мѣсто родины. Но благословить чѣмъ? день-

гами? нѣтъ, не деньгами, — по всей вѣроятности ихъ немного у выходцевъ и свои деньги они вообще берегутъ. Притомъ Нечаевъ разсказывалъ, что у него есть связи, есть друзья, есть готовыя средства, ставилъ себя въ такое положеніе, что и просить денегъ было неловко, развѣ на то, чтобы добраться до границы. Но отчего же не благословить Нечаева тѣмъ, что такъ не трудно, что такъ дешево, что стоитъ немного дороже молитвы, а именно прокламаціями, нѣсколькими брошюрками, нѣсколькими печатными листками. И вотъ, съ этимъ то легкимъ багажемъ отправляется Нечаевъ въ Россію. Кромѣ этихъ вещей съ нимъ или за нимъ отправляется печатка съ топоромъ, да еще одна книжечка, писанная шифромъ, которую онъ берегъ весьма тщательно, которую онъ отдалъ потомъ на сохраненіе Успенскому и которой онъ никому не читалъ. Это такъ называемый катехизисъ революціонера.

Да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ объ этой книжкѣ, которая весьма замѣчательна; она самая характерная изъ всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ документовъ. Нѣкоторыя изъ прокламацій, которыя были привезены Нечаевымъ и доставлены потомъ по почтѣ, очевидно были назначены для того, чтобы только запугивать правительство; къ такимъ прокламаціямъ я причисляю безъ всякаго колебанія ту потѣшную прокламацію отъ брюссельскаго революціоннаго комитета, гдѣ говорится о томъ, что русское дворянство съ потомкомъ Рюрика во главѣ должно занять подобающее мѣсто на государственной аренѣ, согнавъ чиновную мелюзгу и нѣмецкую челядь. Очевидно это воззваніе, должно быть, предназначалось для разсылки его въ Россіи, только для того, чтобы лица, получившія это воззваніе, отсылали его въ полицію или въ III отдѣленіе. Весьма любопытно было бы знать то впечатлѣніе, какое произведетъ на г. барона Вольфа, коего дѣтей училъ Нечаевъ, такая прокламація, гдѣ говорится объ истребленіи нѣмецкой челяди. Очевидно, что эта прокламація была на

то и назначена, чтобы ее сейчасъ же передали въ полицію. Кромѣ того были такія прокламаціи, которыя имѣли цѣлію дѣйствовать на молодежъ извѣстнымъ образомъ, какъ напримѣръ «Народная расправа», имѣющая весьма эфектное мѣсто, гдѣ Нечаевъ сопоставляется съ Бакунинымъ, и гдѣ его прокламаціи «Къ учащимся» дается предпочтеніе предъ бакунинской. Что касается до катехизиса, то онъ занимаетъ особое мѣсто и выдаваемъ былъ за особый знакъ, отличающій коммисара или агента международнаго общества. Если бы этотъ катехизисъ употреблялся только какъ знакъ, то непонятно, отчего же брать именно этотъ знакъ, а не изобрѣсти другой, напримѣръ печатку съ изображеніемъ на ней вмѣсто одного топора двухъ топоровъ, или чего нибудь подобнаго. Всякому знаку повѣрили бы люди русскіе. Если задаться вопросомъ, почему этотъ катехизисъ, столь старательно составленный, никому не читался, то надо прійти къ заключенію, что не читался онъ потому, что если бы читался, то произвелъ бы самое гадкое впечатлѣніе. Даже молодежь, такъ не критически относящаяся къ дѣлу, не могла не задуматься, когда прочла одиннадцатый параграфъ, въ которомъ говорится, что каждый членъ организаціи разсматривается какъ капиталъ, состоящій въ распоряженіи организаціи, и если попадется, то организація озаботится его освобожденіемъ только тогда, когда на это освобожденіе не потребуется особенно значительныхъ затратъ, въ противномъ случаѣ онъ предоставляется на произволъ судьбы. Такое же впечатлѣніе произвелъ бы и тотъ параграфъ, въ которомъ говорится, что надо искоренить въ себѣ всѣ чувства дружбы, любви, благодарности и даже чувство чести. Отвратительное впечатлѣніе произвело бы то мѣсто катехизиса, въ которомъ предписывается втираться во всякія общества, къ людямъ, не дѣлающимъ собственно никому никакого зла, но виновнымъ только тѣмъ, что у нихъ есть связи, положеніе или деньги; ихъ предписывается опутать,

завладѣть ихъ тайнами и потомъ выдать головою правительству. Весьма многіе съ негодованіемъ отступили бы отъ дикой идеи, что единственный надежный революціонеръ въ Россіи — это лихой разбойничій людъ. Наконецъ, всякаго мыслящаго человѣка озадачило бы то, что въ концѣ концовъ катехизисъ ни до чего не договаривается и совсѣмъ даже отрицаетъ какую бы то ни было цѣль переворота. Какое устройство будетъ дано обществу—неизвѣстно, совершенная темень. Сказано, что устройство будетъ безсословное, безпоповское, безгосударственное, но это признаки чисто отрицательные; за исключеніемъ ихъ ничего и не остается. Я полагаю, что гораздо болѣе смысла даже въ программѣ революціи, не знаю кому принадлежащей, найденной у г-жи Антоновой, въ которой говорится, по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ данный моментъ съѣдутся юристы и экономисты революціи, которые и установятъ форму правленія и устройства Россіи; но въ катехизисѣ ничего подобнаго нѣтъ. Я полагаю, что этотъ катехизисъ въ своихъ коренныхъ началахъ мало отходитъ отъ убѣжденій Нечаева и почти съ ними совпадаетъ, т. е., что Нечаевъ осуществлялъ на дѣлѣ, по мѣрѣ возможности, теоріи катехизиса. Но между авторомъ катехизиса и Нечаевымъ есть и громадная разница, а именно такая, какая существуетъ между революціонеромъ дѣла и революціонеромъ мысли. Нечаевъ былъ прежде всего революціонеръ дѣла. Если онъ и думалъ то, что написано въ катехизисѣ, то никому бы, однако, не сообщилъ, что людей нужно надувать, потому что въ такомъ случаѣ кто же бы согласился, чтобы его завѣдомо надули? никто бы, конечно, при такихъ условіяхъ и не поступилъ въ организацію. Возясь съ этими мыслями, Нечаевъ, конечно, поступалъ бы, какъ король французскій Людовикъ XI, который говаривалъ, что если бы шляпа его знала что у него въ головѣ, то онъ бы ее бросилъ въ огонь. Между тѣмъ, въ авторѣ катехизиса мы видимъ теоретика, который на досугѣ, вдали

отъ дѣла, сочиняетъ революцію, графитъ бумагу, раздѣляетъ людей на разряды по этимъ графамъ, однихъ обрекаетъ на смерть, другихъ полагаетъ ограбить, третьихъ запугать, и т. д. Это чистѣйшая отвлеченная теорія. Я вижу въ содержаніи этого катехизиса большое сродство, такъ сказать химическое, съ образомъ мыслей Нечаева. Нечаевъ многое оттуда позаимствовалъ. Вспомните, гг. судьи, слова, которыя онъ сказалъ Кузнецову послѣ убійства: «теперь ты обреченный человѣкъ». Это слово «обреченный» повторяется нѣсколько разъ въ томъ же смыслѣ въ катехизисѣ. Вспомнимъ то мѣсто, въ которомъ говорится о разбойничьемъ людѣ, который надо вербовать. Эта мысль безпрерывно вертится на умѣ у Нечаева, когда онъ пріѣхалъ въ Москву; съ этою цѣлью знакомится онъ съ Прыжовымъ, съ этимъ добрякомъ, простымъ какъ дитя, съ этимъ фантазеромъ, любящимъ толкаться между народомъ безъ всякой опредѣленной задачи. Вспомните, что Нечаевъ пытается создать кружокъ около Прыжова для вербованія публичныхъ женщинъ, жуликовъ и тому подобнаго люда. Такимъ образомъ я полагаю, что катехизисъ есть эмиграціонное сочиненіе, произведшее на Нечаева извѣстное впечатлѣніе и принятое имъ во многихъ частяхъ въ руководство. Я не смѣю приписывать его Бакунину; но во всякомъ случаѣ происхожденіе его эмиграціонное.

Съ такимъ легкимъ багажемъ, какъ я уже описалъ, этотъ человѣкъ поѣхалъ одинъ въ Россію, одинъ, съ тѣмъ чтобы безъ денегъ, безъ средствъ, совершить государственный переворотъ. Средствъ у него не было никакихъ — онъ долженъ былъ ихъ создать, а созидать ихъ и добывать доводилось ему только обманомъ и ложью. Къ этимъ способамъ Нечаевъ и прибѣгалъ ежеминутно. Какъ на примѣръ безцеремонности, я могу указать на взятіе векселя въ 6,000 рублей отъ г. Колачевскаго, о чемъ узналъ Скипскій въ Петербургѣ, векселя, который былъ переданъ Кузнецову.

Конечно, въ то время, когда Нечаевъ ѣхалъ въ Россію, у него не было еще готовыхъ списанныхъ на бланкѣ правилъ организаціи, сѣтей для отдѣленій, прокламацій отъ сплотившихся къ разрозненнымъ; всѣ эти документы принадлежали къ позднѣйшему времени, когда Нечаевъ былъ въ Москвѣ. Но, конечно, и тогда, лѣтомъ 1869 г., въ головѣ его былъ планъ организаціи, который въ общихъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Организація состояла изъ кружковъ. Сами по себѣ кружки не новость: это обыкновенный, неизбѣжный пріемъ всякой революціи, самая старая, но невыходящая никогда изъ употребленія рутина. Если въ древней Ниневіи или Египтѣ были какія нибудь тайныя общества, то несомнѣнно и они прибѣгали къ устройству кружковъ. Разница могла быть только въ мелочахъ, въ числѣ членовъ и т. п. Я полагаю, что идею кружковъ Нечаевъ не заимствовалъ ни отъ каракозовскаго заговора, ни вообще откуда бы то ни было. Кружки эти явились естественнымъ образомъ, сами собою. Но важны градація степеней и связь высшихъ изъ этихъ степеней съ заграницей. Организація должна была быть по идеѣ создателя слѣдующая. Внизу кружки первой степени; когда ихъ образуется много, то заводится центральный кружокъ, въ который входятъ представители отдѣльныхъ кружковъ первой степени. Затѣмъ, когда центральныхъ кружковъ заведено много, то для цѣлой страны, для цѣлой мѣстности, напримѣръ для Петербурга, Москвы, учреждается отдѣленіе, съ особымъ кружкомъ отдѣленія во главѣ, изъ представителей центральныхъ кружковъ; отдѣленіе, вмѣщающее въ себѣ кружокъ отдѣленія, центральные кружки и кружки первой степени, образуетъ особую единицу и получаетъ особый нумеръ. Такъ для Петербурга была цифра 9, для Москвы 3, для Молдо-Валахіи 4, и такъ далѣе— однимъ словомъ дѣлалось то, что дѣлаютъ издатели газетъ, которые, чтобы показать, что у нихъ много подписчиковъ, выдаютъ билеты съ 2,000-го и т. д. нуме-

ровъ. Этотъ фиктивный нумеръ дѣлается для того, чтобы показать, что много подписчиковъ. Въ цѣломъ отдѣленіи сверху до низу должно было быть проведено одно начало: все основано на личномъ довѣріи къ тому, кто являлся представителемъ единицы высшаго порядка. Члены организаціи разныхъ кружковъ не должны были знать другъ друга; въ отдѣльные кружки должны были наѣзжать часто ревизоры; кружки постоянно должны находиться подъ впечатлѣніемъ, что кто нибудь явится записывать, что они дѣлаютъ и какъ работаютъ. Въ такомъ кружкѣ стоялъ Нечаевъ, окруженный товарищами. Этими товарищами онъ могъ руководить своими словами, личнымъ своимъ авторитетомъ; но этого было ему мало: онъ привыкъ командовать и не могъ терпѣть разсужденій. И вотъ для достиженія этой цѣли, для усиленія своей власти, онъ созидалъ и ставилъ за своими плечами цѣлый рядъ призраковъ. Онъ измышляетъ, что есть особый комитетъ поблизости, въ Москвѣ, съ которымъ онъ сносится, отъ котораго получаетъ распоряженія. За этимъ комитетомъ мистическая сѣть или русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго общества, наконецъ само всемірное революціонное общество, отождествляемое Нечаевымъ, съ международнымъ обществомъ рабочихъ. Для русскаго человѣка, мало знающаго, что дѣлается за границею, весьма легко смѣшать этотъ всемірный революціонный союзъ съ дѣйствительно существующимъ интернаціональнымъ обществомъ рабочихъ, имѣющимъ свои опредѣленныя цѣли, свои задачи, но котораго какое бы то ни было отношеніе къ настоящему дѣлу не усматривается; въ дѣлѣ нѣтъ на то никакихъ данныхъ. Таковы были основныя правила организаціи, въ которыхъ было, между прочимъ, сказано, что цѣль организаціи не убѣждать, а готовое только сплачивать, что вступившій въ отдѣленіе не споритъ и не распрашиваетъ, но даетъ обязательство, что онъ будетъ подчиняться во всемъ тому, чего потребуетъ отъ него комитетъ. Такова была основа органи-

заціи. Этимъ основамъ соотвѣтствовали въ умѣ организатора самыя блистательныя надежды, которыя должны были заключаться въ слѣдующемъ: общество растетъ, число отдѣленій увеличивается, вслѣдъ за московскимъ образуется петербургскій, работа кипитъ, переносится въ губернскіе города, за тѣмъ въ уѣздные, пропаганда обхватываетъ всѣ селенія, привлекаются крестьяне, образуются шайки воровъ и мошенниковъ, наконецъ финалъ 19 февраля 1870 г.—это всеобщій кавардакъ, преставленіе свѣта, всеобщее движеніе. Чѣмъ болѣе приближалось это 19-е февраля, тѣмъ больше отдалялась вѣроятность достигнуть желаемаго именно 19-го февраля 1870 г.; но для людей, которые на этомъ пути останавливали Нечаева, онъ имѣлъ различные отвѣты, что, конечно, 19-е февраля 1870 г., будетъ только исходнымъ пунктомъ движенія, началомъ работы, но сама работа продолжится 3—4 года; она будетъ длиннѣе, но полезно, чтобы большинство, не относящееся критически къ дѣлу, вѣрило, что все 19-мъ февраля и покончится. Вотъ его организація, его планы, его намѣренія. Его путь пролегалъ съ юга, чрезъ Бессарабскую область, гдѣ онъ былъ въ августѣ 1869 г. и ѣхалъ въ Москву. Этотъ страшный, роковой человѣкъ всюду, гдѣ онъ ни останавливался, приносилъ заразу, смерть, аресты, уничтоженіе. Есть легенда, изображающая повѣтріе въ видѣ женщины съ кровавымъ платкомъ. Гдѣ она появится, тамъ люди мрутъ тысячами. Мнѣ кажется, Нечаевъ совершенно походитъ на это сказачное олицетвореніе моровой язвы. Читались показанія студента Енишерлова, который дошелъ до того, что подозрѣвалъ, не былъ ли Нечаевъ сыщикомъ. Я далекъ отъ этой мысли, но долженъ сказать, что если-бы сыщикъ съ извѣстною цѣлью задался планомъ какъ можно болѣе изловить людей готовыхъ къ революціи, то онъ дѣйствительно не могъ искуснѣе взяться за это дѣло нежели Нечаевъ.

Я перехожу къ тому живому матеріалу, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, т. е. къ тѣмъ

людямъ, изъ которыхъ онъ сплачивалъ свою организацію. Живой матеріалъ, на который долженъ былъ дѣйствовать Нечаевъ, состоялъ, во-первыхъ, изъ его земляковъ. Такихъ было нѣсколько: Орловъ, Николаевъ, Аметистовъ. Всѣ эти люди были безъ ума отъ него, они его любили — это заявилъ прокуроръ, и это совершенно вѣрно. Съ ними Нечаевъ могъ не стѣсняться, онъ могъ говорить совершенно откровенно. Съ такимъ мало развитымъ человѣкомъ, какъ Николаевъ, онъ имѣлъ, однако, разговоръ о комитетѣ. Николаевъ сказалъ ему: „Да самъ ты что ли комитетъ?“ Другой разрядъ людей составляли тѣ, которые знавали его учителемъ Сергіевскаго училища или во время бѣгства изъ крѣпости въ Москву въ началѣ 1869 года. Къ третьему разряду я отношу людей, съ которыми Нечаевъ познакомился въ первый разъ только послѣ пріѣзда въ Москву. Нечаевъ имѣлъ удивительную способность комбинировать эти элементы и такъ ихъ сочетать, чтобы они производили впечатлѣніе огромной силы, огромнаго количества. Конечно если одного человѣка поставить въ десяти разныхъ мѣстахъ, то можно подумать, что стоятъ десять человѣкъ. Такъ дѣлалъ Нечаевъ. Вспомните пріѣздъ Лихутина. Нужно внушить москвичамъ, что за ними наблюдаетъ женевскій комитетъ. Нечаевъ отправляется нарочно въ Петербургъ, въ концѣ сентября, беретъ тамъ офицера Лихутина, котораго знавалъ на сходкахъ, превращаетъ его въ агента женевскаго комитета, привозитъ его въ Москву, гдѣ Лихутинъ и разыгрываетъ свою роль; этимъ искуствомъ «de la mise en scène» обладалъ Нечаевъ въ высшей степени. Вспомнимъ, что онъ говоритъ о кучкахъ, которыя будто бы арестованы въ Петербургѣ, вспомнимъ, какъ онъ вдругъ является въ офицерскомъ платьѣ, говорилъ, что иначе онъ не могъ явиться, такъ какъ сейчасъ былъ на сходкѣ офицеровъ и т. д.

Кромѣ этого дѣленія людей, вошедшихъ въ организацію, можно сдѣлать еще другое, не менѣе важное, на которое я прошу обратить особенное вниманіе. Въ

организацію вошли, во-первыхъ, люди, прошедшіе сквозь извѣстный огнь житейскій, испытавшіе кое что въ жизни, избравшіе затѣмъ извѣстное дѣло, извѣстный родъ занятій; таковъ, напримѣръ, былъ Успенскій. Во-вторыхъ, въ организацію вошли школяры, люди, незнающіе практическаго дѣла и сидящіе за тетрадями, книжками; это учащаяся молодежь. Отношенія Нечаева къ этимъ двумъ категоріямъ были существенно различны. Съ людьми первой категоріи, то есть съ такими, на которыхъ ему указывали какъ на недовольныхъ, ему было легче сходиться, потому что это были люди подготовленные, у которыхъ на душѣ лежалъ горькій осадокъ ѣдкихъ воспоминаній и неудовлетворенныхъ желаній. Въ каждомъ обществѣ, какомъ бы то нибыло, есть партіи, есть оппозиція. Это необходимое условіе жизни обществъ. Въ каждомъ обществѣ бываютъ моменты медленнаго и постепеннаго развитія и моменты порывистыхъ движеній, бываетъ поперемѣнно акція и реакція. Именно въ этихъ порывистыхъ движеніяхъ и умножается число людей недовольныхъ. Вы слышали здѣсь показаніе Прыжова. Онъ говорилъ, что видалъ двѣ реакціи: первую 1848 г., вторую 1862 г., но Прыжовъ, сравнительно съ другими подсудимыми, человѣкъ старый; всѣ другіе прошли одну только реакцію. Впрочемъ я долженъ сказать, что эта реакція была по своимъ составнымъ элементамъ двойная и потому сильная. Нашъ вѣкъ пережилъ два важныя движенія: одно, которое привело къ великимъ реформамъ — къ положенію 19-го февраля, къ новому судебному устройству, къ земскимъ учрежденіямъ. Правительство предусмотрѣло, предупредило и направило это движеніе; оно провело реформы весьма сильной рукою, причемъ ему содѣйствовали всѣ ряды прогрессистовъ, начиная съ самыхъ умѣренныхъ и до самыхъ крайнихъ. Когда реформы проведены, то бываетъ одновременно слѣдующее: наступаетъ извѣстный моментъ остановки, чтобы сжиться съ новымъ, привыкнуть къ нему, ввести его въ дѣй-

ствіе. Такая реакція необходима послѣ каждаго движенія реформистическаго и революціоннаго. Другое движеніе, испытанное потомъ обществомъ, но не предусмотрѣнное, это движеніе извѣстное подъ именемъ польскаго мятежа, которому дѣлались сначала уступки, а потомъ живьемъ его укротили, что вызвало тоже реакцію. Во время этой двойной реакціи пришлось пострадать весьма многимъ, быть оторваннымъ отъ своихъ, потерять свое семейство, свое состояніе. Было очень много недовольныхъ, и это недовольство нельзя имъ вмѣнить въ вину, такъ какъ порядокъ вещей для нихъ въ самомъ дѣлѣ былъ тяжелъ, если стать на ихъ точку зрѣнія. Къ такимъ людямъ легко было приступить Нечаеву, легко было сказать: вы недовольны — я васъ избавлю отъ этого положенія и введу въ міръ вашихъ мечтаній, дайте мнѣ руку. Съ такими людьми онъ могъ быть даже весьма откровененъ, могъ сообщить, что для пользы дѣла нужно кое-что измыслить, представить существующимъ комитетъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ и не существуетъ, и тому подобное. Затѣмъ другой разрядъ вербуемыхъ — это учащіеся школяры. Тутъ пріемъ вербовки былъ уже гораздо труднѣе; надо было измыслить что нибудь другое, чтобы подѣйствовать на это юношество, узнать съ какой стороны за него взяться. Я долженъ сказать, что пріемъ, который употребилъ Нечаевъ, дѣлаетъ честь его уму и почти неотразимъ при извѣстныхъ условіяхъ воспитанія и развитія нашего общества. Остановимся на этихъ юношахъ. У молодаго человѣка нашего вѣка главное, первенствующее чувство, съ которымъ онъ вступаетъ въ міръ, есть чувство прекрасное, преблагородное, это чувство любви къ народу, чувство демократическое, желаніе идти въ этотъ народъ, сжиться съ нимъ. Я самъ на своемъ вѣку видѣлъ дѣтей аристократовъ, которые надѣвали крестьянскія сермяги и поселялись между крестьянами. У многихъ чувство это проходитъ потомъ, когда наступитъ зрѣлость или когда мечтанія столкнутся съ матеріальными интересами; но

многіе также до конца жизни остаются людьми этого закала. Это неопредѣленное демократическое чувство должно чѣмъ либо выражаться. Способъ его выраженія въ значительной степени зависитъ отъ національности. Возьмемъ для примѣра двухъ людей: молодаго поляка и молодаго русскаго. Полякъ любитъ народъ, т. е. свой народъ, у этого народа есть богатое прошлое, есть въ прошломъ многое, отъ чего и донынѣ бьется сердце у современниковъ. Это прошлое и возникаетъ передъ его глазами въ пурпурѣ и златѣ, въ дивномъ величіи, и онъ кидается въ это національное прошлое съ тѣмъ, чтобы осуществить посредствомъ него свои демократическія мечтанія. Вотъ какимъ способомъ дѣлается онъ революціонеромъ. Другое дѣло русскій юноша. Прошлое его не богато, весьма не богато, что ни говори славянофильство; настоящее сухо, бѣдно, голо, какъ степь раскатистая, въ которой можно разгуляться, но не на чемъ остановиться! Та размашистость русской натуры, о которой такъ много говорятъ, тотъ радикализмъ, который замѣтенъ въ большинствѣ русскихъ дѣятелей, происходятъ именно отъ неимѣнія прошлаго, отъ отсутствія культуры, отъ того, что не на что опереться. Радикализмъ этотъ есть самая крупная, всего болѣе выдающаяся черта въ дѣятеляхъ русскихъ; почти всякій молодой человѣкъ дѣлается радикаломъ, то есть по необходимости, по естественному ходу идетъ докапываться до корня вещей, до сути отношеній, до самой сокровеннѣйшей подкладки; онъ пробивается разлагающимъ эти отношенія умомъ сквозь государство, сословность, религію, науки, искуство, сквозь всѣ эти оболочки, и останавливается на томъ, откуда дальше и пути никакого нѣтъ — на экономическомъ основаніи быта, на противоположностяхъ и борьбѣ съ одной стороны капитала и собственности, съ другой стороны — труда. Когда онъ остановился на этой точкѣ, то здѣсь встрѣчаетъ цѣлую богатую литературу иностранную о рабочемъ вопросѣ на западѣ и по необходимости дѣлается

соціалистомъ. Можно сказать, что почти всѣ мы тамъ были, въ этой соціалистической странѣ, и что эти путешествія не происходятъ отъ какого бы то ни было заговора, напримѣръ отъ каракозовскаго, и даже не отъ того такъ называемаго тайнаго общества, которое называютъ именемъ Петрушевскаго. Мысль русскаго молодаго человѣка принимаетъ этотъ складъ самымъ естественнымъ образомъ и порядкомъ.

Русскій соціализмъ не заключаетъ самъ въ себѣ ничего вреднаго для государства. Само по себѣ благородно предпріятіе составить ассоціацію эксплуатируемыхъ, выстроившихся фалангою, чтобы честнымъ образомъ и дружными усиліями побороть эксплуататоровъ на почвѣ законности, чтобы создать земледѣльческія образцовыя фермы, рабочія артели, школы и т. п. Во всѣхъ этихъ благихъ предпріятіяхъ есть однако одинъ коренной недостатокъ — страшная несоразмѣрность между богатствомъ ожидаемыхъ въ будущемъ благъ съ крайнею бѣдностью непосредственныхъ результатовъ дѣятельности при самомъ усиленномъ трудѣ. Собралась, положимъ, артель состоящая изъ 5, 6, допустимъ изъ 20 человѣкъ, изъ двадцати бѣлоручекъ, которые взялись по книжкамъ землю пахать или сыры варить. Конечно, они весь свой вѣкъ ничего великаго, обширнаго не сдѣлаютъ. Съ простымъ народомъ они не сойдутся. Русскій мужичекъ имѣетъ свою ассоціацію, свою общину, которая ему подъ часъ очень тяжела — извѣстно, что польза крестьянской общины есть еще вопросъ спорный. Что касается рабочаго фабричнаго люда, то его у насъ мало и нѣтъ матеріала, на который можно было бы дѣйствовать съ такими идеями, какъ напр. идеи Шульце-Делича или Лассаля. Кромѣ предмѣстья Чулкова въ Тулѣ есть можетъ быть двѣ, три мѣстности, въ которыхъ бѣдствуютъ фабричные рабочіе. Такимъ образомъ выходитъ на практикѣ, что ассоціація представляется толченіемъ воды. Затѣмъ, малостью результатовъ вводится разладъ

между дѣятелями, они расходятся. Кто поступаетъ въ чиновники, кто въ контору, кто думаетъ о томъ, какъ бы переселиться въ другія страны, напримѣръ въ Америку. Такими идеалистическими соціалистами являются если не всѣ, то значительное большинство молодыхъ людей, которые привлечены къ дѣлу, не только по настоящей группѣ, но и по всѣмъ послѣдующимъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Кузнецовъ. Онъ былъ въ земледѣльческой Петровской академіи, онъ думалъ о томъ, чтобы устроить земледѣльческую образцовую ферму, или о томъ, чтобы образовать артель бродячихъ школьныхъ учителей. Образъ дѣйствія Нечаева былъ слѣдующій. Я излагалъ уже идеи Нечаева, идеи сумасбродныя; могло показаться страннымъ, какъ могъ онъ подыскать столько подобныхъ себѣ сумасшедшихъ. Съ другой стороны, вы замѣтили, гг. судьи, что всѣ соумышленники его, изображаютъ его человѣкомъ страшно сильнымъ, энергическимъ, которому противостоять не было никакой возможности, который и въ діалектикѣ былъ первостепенный боецъ, такъ что всякаго одолѣетъ, и характеръ имѣетъ такой желѣзный, что заставляетъ всѣхъ передъ собою трепетать. По справедливости, выслушавъ подсудимыхъ, г. прокуроръ могъ поставить вопросъ: неужели же человѣкъ этотъ былъ выше роста человѣческаго, а всѣ остальные ниже обыкновеннаго уровня человѣческой природы? Между тѣмъ сомнѣніе объясняется просто. Нечаевъ былъ человѣкъ дѣла. Всякій человѣкъ дѣла, котораго всѣ силы направлены въ одну какую-либо сторону, дѣлается страшно одностороннимъ, но и пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на другихъ, когда ему удается подѣйствовать на нихъ именно этою стороной. Представимъ же себѣ человѣка, у котораго одна только идея и засѣла въ головѣ, да притомъ засѣла гвоздемъ, такъ что все, что онъ видитъ, слышитъ, читаетъ, онъ относитъ къ этой идеѣ и посредствомъ ея перерабатываетъ—идея о неизбѣжности, о близости революціи въ Россіи. Толкуя съ сотнями

людей различныхъ классовъ все объ одной и той же идеѣ, онъ натурально изловчился до такой степени, что знаетъ какъ кого убѣдить. Всѣ описываютъ какъ онъ ловко умѣлъ диспутировать; ему говорятъ, напримѣръ, что прокламаціи вздоръ, онъ отвѣчаетъ: прокламаціи хороши, потому что пріучаютъ публику къ самостоятельности, къ болѣе правильной постановкѣ вопросовъ. Ему говорятъ позволительно-ли обманывать, не войдетъ ли ложь въ плоть и кровь? Нѣтъ—говоритъ онъ—регуляторомъ и охранителемъ должна служить человѣку идея. Ему говорятъ: все что вы преслѣдуете противорѣчитъ русской исторіи. Нѣтъ—говоритъ онъ—русская исторія имѣетъ только двѣ эпохи, все же остальное не русская исторія; только въ эти два момента и жилъ русскій народъ: эпоха Стеньки Разина, да эпоха Емельки Пугачева, и т. д.

Разсмотримъ теперь какимъ образомъ сошлись Кузнецовъ съ Нечаевымъ. Кузнецовъ былъ соціалистъ и радикалъ, съ этихъ обѣихъ сторонъ и прихлопнулъ его Нечаевъ. Предъ радикаломъ онъ явился радикаломъ наирадикальнѣйшимъ, какого можно только себѣ представить, т. е. такимъ, о каковомъ Кузнецовъ и понятія отродясь не имѣлъ — безпредѣльнымъ, безшабашнымъ; онъ явился также и соціалистомъ, но положилъ вмѣстѣ съ тѣмъ палецъ на болящее мѣсто соціализма. «Дѣйствуя такъ, какъ ты дѣйствуешь, вѣдь въ 1.000 лѣтъ одной версты не уѣдешь». Слѣдовалъ вопросъ: почему не уѣдешь? «Да потому, что доѣхать некуда, впереди пустота». Но Нечаевъ этого то послѣдняго и не сказалъ. Онъ представилъ дѣло такъ: «твои соціальныя розы не расцвѣтутъ на гниломъ болотѣ, васъ разгонятъ, уничтожатъ, правительство недопуститъ». Затѣмъ Нечаевъ сказалъ: «знаешь-ли ты, что въ Европѣ есть такое сякое интернаціональное общество, громадный союзъ изъ многихъ милліоновъ людей: знаешь ли что этотъ союзъ имѣетъ сотни рукъ; знаешь ли, что онъ произвелъ студенческія сходки въ Петербургѣ, что произ-

водитъ волненія рабочихъ, волненія крестьянъ въ 8 губерніяхъ, страдающихъ голодомъ, что моментъ избавить голодающій людъ приближается шибко, что Петербургъ горитъ, что Москва горитъ, что сейчасъ и сдѣлается переворотъ. И такъ, если ты человѣкъ дѣла, а не праздной мысли, то ты долженъ бросить свои соціалистическія утопіи и приступить прежде всего къ уничтоженію того порядка, при коемъ нельзя ихъ осуществить; если ты живой человѣкъ, а не мертвецъ, то становись вмѣстѣ со мною и подай мнѣ руку».

Въ положеніи Кузнецова, пріемъ этотъ былъ почти неотразимъ. Мечтателю всего больше жаль отказаться отъ своихъ утопій. Притомъ отъ него какъ будто немного требовалось: подай только руку и будь готовъ, когда наступитъ часъ переворота. Какъ было не стать на эту почву? Но прежде чѣмъ рѣшиться, Кузнецовъ колебался. Страшныя мысли приходили ему въ голову; «да скажите же, какія средства, какія цѣли этого общества». Но тутъ у Нечаева былъ готовый отвѣтъ: это тайна, всѣ вы баре привыкли сидѣть, разсуждать да совѣтовать и генеральствовать, а не угодно ли вамъ стать въ рядъ простыхъ солдатъ и, соблюдая тайну высшихъ лицъ, дѣлать то, что вамъ будетъ приказано. Потомъ, когда вы сподобитесь болѣе высокой степени, вамъ скажутъ. Ежели вы не баринъ, а настоящій демократъ, то должны покориться этому». Конечно Кузнецовъ человѣкъ слабый, ему слѣдовало бы поступить такъ, какъ поступилъ Прокофьевъ, который, не обѣщаясь войти въ организацію сразу, сказалъ: дѣло серьозное— надо подумать. Но Кузнецовъ рѣшился и вошелъ. Въ легендахъ есть разсказъ о томъ, какъ дьяволъ заключаетъ договоръ съ человѣкомъ о его душѣ. Здѣсь произошло нѣчто подобное; разница только въ томъ, что дьяволъ давалъ человѣку всѣ блага земныя и бралъ только будущую жизнь; Кузнецову даже и личныхъ благъ не предлагалось. Онъ и не требовалъ никакого личнаго счастія; онъ вступилъ весь, какъ есть, со всѣми

своими силами и обрекъ себя, закрѣпостилъ себя этому невѣдомому обществу безъ всякихъ условій.

Съ этихъ именно поръ и начинается исторія постепеннаго паденія Кузнецова: съ каждымъ днемъ онъ опутывается больше и больше. Я разскажу суду эту исторію паденія. Разсказъ мой займетъ немного времени, такъ какъ большая часть фактовъ уже окончательно выяснена. Нечаевъ, по пріѣздѣ въ Москву, прежде всего возобновилъ свое знакомство съ Успенскимъ; чрезъ Успенскаго онъ познакомился съ Прыжовымъ, добрѣйшею душою, мечтателемъ, на котораго Нечаевъ возлагалъ огромныя надежды, чтобы посредствомъ него сойтись съ подонками общества, съ подпольнымъ людомъ, копошащимся въ разныхъ мѣстностяхъ Москвы. Чрезъ Успенскаго Нечаевъ успѣлъ найти притонъ себѣ въ Петровской академіи и завербовалъ бездну лицъ. Въ академіи познакомился онъ съ Долговымъ, а черезъ Долгова съ Ивановымъ, Кузнецовымъ и Рипманомъ. Изъ этихъ-то лицъ онъ и образовалъ первый кружокъ. Замѣтимъ, что эта организація не шла по первоначальному плану Нечаева; это былъ планъ идеальный; но тутъ пришлось начинать съ крыши, съ центральнаго кружка и затѣмъ предлагать каждому изъ членовъ центральнаго кружка, чтобы онъ образовалъ, въ свою очередь, вокругъ себя кружки первой степени и прочитывалъ имъ правила организаціи. Кузнецовъ вошелъ въ эту организацію и былъ весьма полезенъ. Онъ вообще человѣкъ прямой, что обѣщаетъ, то старается сдержать точно; на что пошелъ, то исполнитъ. Ему предоставлено было собирать деньги, которыя необходимы были для того, чтобы быть готовыми въ моментъ производства революціи. По идеѣ Нечаева всѣ кружки должны были дѣлиться на два разряда: одни назначались для собиранія средствъ и денегъ, нужныхъ на поддержку общества на всякій случай; другой разрядъ кружковъ предназначался для того, чтобы прямо идти въ народъ, дѣйствовать на него и вести его подъ картечь. Затѣмъ образовался централь-

ный кружокъ. Изъ этого кружка въ скоромъ времени взятъ былъ Кузнецовъ вмѣстѣ съ Ивановымъ, и оба перемѣщены въ кружокъ отдѣленія. Затѣмъ всѣ сношенія Кузнецова съ первоначально образованнымъ имъ кружкомъ и съ центральнымъ кружкомъ кончились. Собственно отдѣленіе должно было стоять надъ нѣсколькими центральными кружками; но оказалось не такъ: кружокъ отдѣленія былъ точно также недодѣланная работа, опять-таки крыша, по построеніи которой подводится подъ нее основаніе. По составленіи кружка отдѣленія, предполагалось додѣлать нѣсколько центральныхъ кружковъ, отъ которыхъ должны были разойтись въ свою очередь кружки первой степени. Такъ Кузнецову предложено сойтись съ Черкезовымъ и Скипскимъ, образовать кружокъ Прыжова и т. д. Но до этой работы не дошло. Затѣмъ Нечаевъ предложилъ Кузнецову переѣхать въ Москву. Кузнецовъ поселяется въ Москвѣ; а потомъ, въ началѣ октября, ему говорятъ опять: поѣзжай въ Петербургъ. Наконецъ 21-го числа совершается убійство Иванова. Такова хронологія событій. Какое-же участіе принималъ въ нихъ Кузнецовъ? Участіе это заключалось въ слѣдующемъ: во-первыхъ, съ поступленіемъ въ кружокъ отдѣленія ему поручено вести пропаганду въ купеческой средѣ, отыскивать тамъ людей и средства. Кузнецовъ не былъ знакомъ съ купечествомъ, Это знакомство я совершенно отвергаю: оно ничѣмъ не доказано. Кузнецовъ былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе. Съ одной стороны на него возлагаютъ надежды, и онъ горячо желаетъ ихъ поддержать и оправдать; съ другой стороны выполнить возложенное на него онъ не въ силахъ. Онъ и прибѣгаетъ къ притворству. Онъ вноситъ въ кассу свои собственныя деньги, говоря, что это собранныя, и вноситъ болѣе даже чѣмъ всѣ остальные—около 300 рублей. Въ этой организаціи, исполненной фальши, всякій старается представить, что онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Кузнецовъ начинаетъ уже стѣсняться непріятными

условіями, въ которыя онъ поставленъ, именно шпіонствомъ. За нимъ постоянно кто-нибудь надзираетъ, наблюдаетъ; постоянно возникаютъ споры о томъ, что такой-то членъ разсказалъ тому или другому, чего онъ не долженъ былъ разсказывать. Шпіонство вообще противно во всякой организаціи, а тѣмъ болѣе въ тайномъ обществѣ. Поэтому Кузнецовъ былъ собственно даже радъ, когда ему сказали, что ему надо переселиться изъ академіи въ Москву. Онъ былъ радъ потому, что поселясь въ Москвѣ, онъ думалъ, что отдалится отъ товарищей, окончитъ курсъ и сдастъ экзаменъ. Вышло совсѣмъ не такъ какъ онъ расчитывалъ: квартира его сдѣлалась притономъ для другихъ—сказали что тутъ будетъ складъ костюмовъ; да наконецъ посадили человѣка весьма сомнительнаго, котораго Кузнецовъ не могъ раскусить, именно Николаева, которому въ свою очередь было внушено, чтобы онъ скрытничалъ, не проговаривался и держалъ въ тайнѣ, что онъ переписывалъ прокламаціи. Такимъ образомъ Кузнецовъ и Николаевъ сидятъ рядомъ, наблюдаютъ одинъ за другимъ, и одинъ страшится другаго. Кузнецовъ опять бѣжитъ изъ этой квартиры, шляется по библіотекамъ, по своимъ знакомымъ, опять лжетъ, сочиняетъ; самъ онъ ненавидитъ хлестаковщину, но, однако, чувствуетъ какъ хлестаковщина его заѣдаетъ, какъ онъ въ нее погружается. Онъ не имѣетъ ни пріюта, ни собственнности, оторвался отъ всего, совсѣмъ сбился съ толку. Вотъ первый плодъ принадлежности его къ организаціи. Когда 12-го ноября ему велѣно ѣхать въ Петербургъ, то онъ въ сущности былъ радъ перемѣнѣ, потому что житья ему не было въ Москвѣ.

Но, прежде чѣмъ онъ выѣхалъ, дано ему было участвовать помимо его воли и желанія, въ одной изъ страшнѣйшихъ драмъ, какія только можно себѣ представить, именно въ убійствѣ Иванова. Я долженъ передать логическое развитіе этой драмы. Я сказалъ уже, что Нечаевъ, для усиленія своей власти, для сообщенія

себѣ большаго авторитета, прибѣгалъ къ призракамъ. Такимъ призракомъ былъ комитетъ, который долженъ былъ парить, стоять надъ всѣми членами отдѣленія и внушать къ себѣ страхъ и уваженіе. Собственно никакой надобности въ этомъ комитетѣ не существовало для кружковъ 1-й степени и для центральныхъ кружковъ, такъ какъ даже имени комитета нѣтъ въ общихъ правилахъ организаціи. Комитетъ существовалъ только для отдѣленія. Но съ какой же цѣлью? съ какимъ рискомъ? Съ большимъ. Положимъ, что члены даже вѣрятъ въ комитетъ и подчиняются ему, но вѣдь придетъ минута, когда они разувѣрятся и тогда окажется, что вся власть построена на обманѣ. Конечно практичнѣе было бы сказать, что комитетъ и есть само отдѣленіе; отдѣленіе имѣло бы тогда громадный авторитетъ и первенствующее значеніе. Но Нечаевъ былъ человѣкъ, который предпочиталъ спокойно властвовать и командовать, нежели разсуждать. Привычка генеральствовать какъ будто была врождена ему, та привычка, въ которой онъ обвинялъ всѣхъ тѣхъ, которые его распрашивали объ обществѣ. Я не думаю, чтобы изъ членовъ организаціи всѣ были одинаково увѣрены, что комитетъ существуетъ. Съ положительною ясностью изъ показанія Успенскаго выходитъ, что онъ зналъ, что никакого комитета нѣтъ, когда онъ оставался одинъ въ Москвѣ при отъѣздѣ Нечаева, когда все дѣлопроизводство было въ его рукахъ и когда всѣ отчеты для отсылки за границу къ Бакунину готовились у него для отправленія. Что касается до Прыжова, то вопросъ о комитетѣ не былъ его дѣломъ и его заботою. Это человѣкъ совершенно посторонній, выходившій изъ ряда другихъ и менѣе всего заботившійся о самыхъ пружинахъ организаціи. Затѣмъ Бѣляева, это тоже оригинальное лицо, и та не спрашивала. Остаются Кузнецовъ и Ивановъ. Кузнецовъ смѣло и безусловно вѣрилъ въ существованіе комитета. Это былъ человѣкъ прежде всего прямой, онъ шелъ постоянно одною дорогою, пока

не натолкнулся головою на стѣну, пока не увидалъ воочію неправду. Но Ивановъ былъ человѣкъ совершенно иного рода. Все то, что собрано относительно Иванова, говоритъ только въ его пользу. Это былъ настоящій демократъ, сынъ народа, крестьянинъ, воспитывавшійся на Жмуди, пріѣхавшій въ Москву, учившійся въ страшной бѣдности и пробивавшійся уроками. Бывали мѣсяцы, въ которые онъ, какъ говорятъ, не принималъ горячей пищи по неимѣнію денегъ. Но онъ былъ самостоятеленъ, любилъ относиться критически ко всякому дѣлу, и преблагородная черта въ его характерѣ—это настоящая любовь къ свободѣ, т. е. отвращеніе его отъ всякаго притѣсненія, отъ кого бы оно ни исходило. Есть еще одна черта, на которую указывали стороны при разборѣ настоящаго дѣла и о которой говорили мой товарищъ по защитѣ князь Урусовъ и прокуроръ—это извѣстнаго рода честолюбіе. Можетъ быть Ивановъ, вступивши въ организацію, не хотѣлъ быть простою пѣшкою, машиною, а хотѣлъ сознательно учавствовать въ дѣлѣ и можетъ быть играть общественную роль. Но вообще самое основаніе характера его—это качества какъ нельзя больше благороднаго, какъ нельзя больше честнаго человѣка. Этотъ человѣкъ былъ сначала подъ полнѣйшимъ обаяніемъ Нечаева, но мало по малу онъ, можетъ быть, началъ соображать, относиться критически, оспаривать нѣкоторыя распоряженія Нечаева. Какъ разрѣшить ихъ? Обращеніемъ къ комитету. Но изъ комитета всегда выходятъ распоряженія, которыя подтверждаютъ повелѣнія Нечаева. Значитъ является мысль, что комитетъ этотъ есть Нечаевъ. Эту мысль высказывалъ Ивановъ передъ товарищами. Эта-то мысль и встревожила Нечаева до такой степени, что она необходимо должна была сдѣлаться предметомъ разговоровъ съ приближенными, по крайней мѣрѣ съ Успенскимъ, и предметомъ того именно теоретическаго разговора, о которомъ Успенскій говорилъ и въ которомъ, можетъ быть, не называя Иванова, онъ описывалъ однако

вопросъ такимъ образомъ: что дѣлать съ Ивановымъ? Въ разговорѣ съ Успенскимъ Нечаевъ употребилъ весьма замѣчательный, весьма характеристическій пріемъ. Успенскій сомнѣвался насчетъ предѣловъ власти общества, насчетъ того, въ правѣ ли общество располагать жизнью человѣка? На это Нечаевъ сказалъ на отрѣзъ: «вы о подсудности, что ли, говорите? Есть препятствіе, значитъ его надо устранить». Такимъ образомъ вопросъ собственно былъ уже заранѣе въ идеѣ рѣшенъ. Одно изъ главныхъ столкновеній Нечаева съ Ивановымъ произошло 4-го ноября. Этого числа на сходкѣ была высказана мысль о томъ, чтобы извѣстнаго рода прокламаціи выставлять въ кухмистерской студентовъ. Но студенты дорожили этой кухмистерской, это было одно изъ корпоративныхъ учрежденій академистовъ, весьма для нихъ полезное. Ивановъ воспротивился этой мысли. Тогда говоритъ ему Нечаевъ: «а если комитетъ прикажетъ?» На это Ивановъ отвѣчаетъ: «Я и комитета не послушаю, когда онъ какой нибудь вздоръ прикажетъ дѣлать.»—«Такъ ты и комитета не послушаешь?» Затѣмъ пошли большіе споры; струна личныхъ отношеній натягивалась больше и больше, до такой степени, что связь готова была разорваться. Вмѣшался Кузнецовъ, остановилъ спорящихъ; ему даже удалось на минуту примирить ихъ—Ивановъ уступилъ. Тогда теоретически вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что слѣдуетъ ли вообще подчиняться распоряженіямъ комитета? На этотъ разъ вопросъ разрѣшился кое какъ и дѣло пошло обычнымъ чередомъ. Нечаевъ возымѣлъ мысль уѣхать въ Петербургъ. Но передъ самымъ отъѣздомъ случилось слѣдующее. Ивановъ разорвалъ связь съ Нечаевымъ, сказалъ: «я не буду подчиняться» и передалъ это Прыжову, причемъ сказалъ, что хочетъ устроить свой особый кружокъ и учредить особую кассу. Этотъ разговоръ съ Прыжовымъ происходилъ 19-го ноября. На другой день, 20-го числа, Прыжовъ передалъ извѣстіе Успенскому, и въ тотъ же день Николаевъ отъ Успенскаго поѣхалъ къ Нечаеву

съ этимъ извѣстіемъ. Нечаевъ приходитъ къ Кузнецову, котораго ему пришлось ждать. Кузнецовъ въ этотъ день собирался ѣхать въ Петербургъ, но до отъѣзда онъ въ тотъ же день съ другой запиской Прыжова былъ въ Разумовскомъ, гдѣ Ивановъ угощалъ его чаемъ и объяснялся съ нимъ самымъ спокойнымъ образомъ, ничего не подозрѣвая. Внезапно въ 8 часовъ вечера къ Кузнецову является Нечаевъ и говоритъ ему, что теперь дѣло не до поѣздки, что Ивановъ бунтуетъ, что Ивановъ сопротивляется, что надо какъ-нибудь покончить съ нимъ: «мнѣ комитетъ велѣлъ — такъ какъ я ввелъ его въ общество—расправиться съ Ивановымъ и устранить его». Кузнецовъ былъ озадаченъ этимъ въ высшей степени; онъ понималъ, что происходитъ нѣчто недоброе. Онъ притворяется, показываетъ видъ, что не понимаетъ, куда клонитъ Нечаевъ. Приходятъ къ Успенскому. Здѣсь завязывается длинный разговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе и г. Прыжовъ; но г. Прыжовъ скоро оставляетъ спорящихъ: ему эти разсужденія противны. Остаются Нечаевъ, Успенскій и Кузнецовъ. Нечаевъ гнетъ на то, чтобы Иванова устранить, уничтожить. Кузнецовъ притворяется, что непонимаетъ, говоритъ, что это неудобно, что это невозможно—однимъ словомъ, старается какъ-нибудь разстроить предпріятіе. Тогда Успенскій, уже прежде рѣшившій теоретически вопросъ объ убійствѣ во время происходившаго передъ тѣмъ разговора, сказалъ, что нельзя останавливаться, надо покончить съ Ивановымъ. Дѣло рѣшено Нечаевымъ; онъ повелѣваетъ именемъ комитета. Кузнецовъ, который вѣритъ въ существованіе комитета и который считаетъ себя связаннымъ обѣщаніемъ подчиняться всѣмъ распоряженіямъ комитета, долженъ замолчать. Затѣмъ начинаются разсужденія, какъ привести это рѣшеніе въ исполненіе. Предлагаются различные способы: ядъ, удушеніе и т. д. Кузнецовъ представляетъ всевозможныя возраженія противъ каждаго изъ этихъ способовъ: и то неудобно, и этого нельзя, и это невозможно. Тутъ Не-

чаевъ вспомнилъ гротъ, въ которомъ былъ когда-то въ академіи. Кузнецовъ замѣчаетъ, что въ гротѣ нельзя, что есть сторожа, что люди ходятъ. Нечаевъ говоритъ: «вздоръ, рѣшено!» и послѣ этого рѣшенія Кузнецовъ, какъ шальной, въ страшномъ волненіи, самъ не зная что дѣлаетъ, возвращается домой. Здѣсь я теряю почти всякую возможность защищать Кузнецова. Я вполнѣ сознаю, что онъ нехорошо поступилъ, весьма нехорошо; ему слѣдовало бы, выходя отъ Успенскаго, взять извощика и отправиться къ Иванову предупредить его. Правда, онъ имѣлъ въ своей квартирѣ Николаева, который, какъ казалось Кузнецову, слѣдилъ за его дѣйствіями; ему слѣдовало отправиться въ академію утромъ, ему слѣдовало не идти въ трактиръ, ему не слѣдовало идти за Николаевымъ, когда Николаевъ отправился за Ивановымъ къ Лау, ему не слѣдовало идти въ гротъ, ему не слѣдовало присутствовать при тѣхъ опытахъ, когда Нечаевъ, въ первый разъ испытывая свою силу, и готовясь къ первому въ жизни кровавому дѣйствію, закидывалъ себѣ веревку на шею и самъ себя душилъ, спрашивая другихъ, слышатъ ли они его хрипѣніе или нѣтъ. Кузнецову слѣдовало бы бѣжать сказать Иванову: бѣги, но онъ не бѣжалъ, онъ не сказалъ, онъ подчинился и автоматически исполнялъ все, что ему приказывали. Онъ исполнялъ не потому, чтобы не возмущался всѣмъ, что происходило; напротивъ, все нутро его переворачивалось отъ страшнаго мученія, отъ кошмара, который давилъ его. Всѣ люди, которые видѣли его, говорятъ, что они его не узнавали, что на немъ лица человѣческаго не было. Но это такой человѣкъ, который, разъ обѣщавши что-нибудь, исполнитъ пока въ приказывающаго вѣритъ. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать то, о чемъ говорилъ, т. е. пойти и предупредить Иванова, сказать ему бѣги, ему надо было разбить всѣ свои идеалы, разбить представленіе о томъ общемъ дѣлѣ, которому онъ всѣмъ пожертвовалъ, о томъ, что оно существуетъ и требуетъ подчиненія безпрекословнаго и

самоотверженнаго. Онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ всего этого, а событія шли съ неимовѣрной быстротой: 20-го числа послѣдовало рѣшеніе, а на слѣдующій день Ивановъ уже не жилъ, и Кузнецовъ самъ былъ при этой смерти. Но онъ не принималъ никакого участія, не налагалъ своей руки на Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Ему сунули въ руки деньги изъ портмонэ Иванова — онъ бросилъ эти деньги; ему велѣли тащить тѣло — тащили всѣ. Затѣмъ онъ одинъ возвратился на квартиру, потому что ему противны были всѣ, противны были Николаевъ и Успенскій.—Въ квартирѣ онъ ставилъ самоваръ въ то время, когда убійцы смывали съ себя кровь и жгли платье въ печи и когда затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. На слѣдующій день Нечаевъ взялъ съ собою Кузнецова и полетѣлъ въ Петербургъ. Прежде чѣмъ я окончу мой разсказъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этого убійства, о томъ, какія побужденія могли влечь Нечаева къ совершенію этого преступленія и на сколько оно извинительно, даже при условіяхъ тайной организаціи, подпольнаго, тайнаго общества. Я полагаю, гг. судьи, что тайное общество, заговоръ, вслѣдствіе органической необходимости своего существованія, долженъ допускать возможность насильственной смерти членовъ, но только въ одномъ единственномъ случаѣ, только въ случаѣ грозящей ему измѣны. Я полагаю, что каждый членъ, вербуемый въ тайное общество, долженъ или не вступать въ него, или, разъ вступивъ, знать, что когда дѣло зрѣетъ, когда сотни людей работаютъ, когда одного слова достаточно для того, чтобы вся эта выведенная уже постройка могла вдругъ обрушиться, вдругъ нашелся доносщикъ, шпіонъ, который намѣренъ раскрыть тайну дѣла, то въ такомъ случаѣ трудно не рѣшиться казнить его, чтобы предупредить доносъ. Это дѣяніе будетъ преступно съ уголовной точки зрѣнія; но съ нравственной оно до нѣкоторой степени извинительно. Внѣ этого единственнаго случая я не допускаю смерти

человѣка. Положимъ, что между многими находящимися въ обществѣ начинаются антагонизмъ и распря; каждый изъ спорщиковъ проводитъ свою идею. Развѣ изъ этого выходитъ необходимость убійства?.. Нисколько. Если двое мужчинъ любятъ одну женщину и одинъ изъ нихъ, видя, что она предпочитаетъ ему другаго, рѣшается убить этого другаго изъ-за угла, очевидно, что тутъ никакого оправданія допустить нельзя. Нельзя его допустить между соперниками по одному общему дѣлу. Если бы у г. Нечаева была капля благородства въ характерѣ, если бы онъ былъ не насквозь деспотъ, то онъ конечно нашелъ бы способъ выйти изъ своего столкновенія съ Ивановымъ; еслибы онъ обладалъ сколько нибудь благородствомъ и имѣлъ какую нибудь преданность дѣлу, то онъ просто могъ бы сказать Иванову: братъ, ты думаешь дѣйствовать такъ, а я иначе; если по твоему лучше, то замѣни меня и сядь на мое мѣсто; это дѣло общее, слѣдовательно надо дѣйствовать согласно. Или онъ могъ бы ему сказать: братъ, ты ошибаешься; возьмемъ товарищей, они будутъ посредниками между нами и скажутъ, кто правъ, кто виноватъ; мы люди благородные, честные, положимъ передъ товарищами наши мнѣнія, и на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, тотъ и останется, а другой уйдетъ и не будетъ мѣшать. По всей вѣроятности, такой судъ принялъ бы Ивановъ, этотъ добродушный, мягкій человѣкъ, который, когда ему говорятъ: иди въ гротъ открывать типографскій станокъ, идетъ безъ всякаго подозрѣнія, безъ всякой злобы къ Нечаеву. Если бы было какое нибудь малѣйшее озлобленіе или какой нибудь упрекъ на совѣсти у Иванова, если бы онъ опасался этихъ людей и сколько нибудь подозрѣвалъ, что они такъ съ нимъ поступятъ, онъ конечно никогда не пошелъ бы на вѣрную смерть, онъ не пошелъ бы, если бы узналъ, что съ нимъ расправятся такимъ способомъ, какъ расправился съ нимъ Нечаевъ. Нечаевъ, разъ остановившись на этой ложной дорогѣ, подъискалъ сейчасъ и разные

болѣе или менѣе убѣдительные мотивы: надо провести идею подчиненности; Ивановъ нарушилъ данное слово, даже обязательство подчиняться распоряженіямъ комитета; надо притомъ дать примѣръ другимъ, навести на нихъ спасительный страхъ, цементировать кровью дѣло, которое всего лучше скрѣпляется кровью. Жалкіе софизмы! Подчиненность какъ основаніе организаціи—это подчиненность общему дѣлу, а не г. Нечаеву. Обязательство безпрекословно повиноваться распоряженіямъ комитета можетъ существовать только подъ условіемъ, что и самъ комитетъ дѣйствительно существуетъ. Но какъ скоро оказывается, что этого комитета нѣтъ, то весьма естественно было со стороны членовъ отклонить обязательство ему подчиняться и сказать: да дѣйствительно, я далъ обязательство подчиняться комитету, но если оказывается, что такого комитета нѣтъ, то я не хочу быть обманутымъ и беру свое обязательство назадъ. Что касается до укрѣпленія дѣла кровью, то я вполнѣ понимаю это изрѣченіе Нечаева. Союзъ былъ скрѣпленъ, но только между четырьмя убійцами, связавшимися другъ съ другомъ—они и сидятъ всѣ четверо на скамьѣ подсудимыхъ, но эта кровь не скрѣпила организаціи. Великія и благородныя дѣла, совершаемыя во имя блага народа, никогда не цементируются невинною, напрасно пролитою, кровью. И не правда то, будто бы Ивановъ, бывъ на мѣстѣ Нечаева, прибѣгнулъ бы тоже къ убійству. Ивановъ никогда бы этого не сдѣлалъ — онъ былъ благородный, хорошій человѣкъ.

Затѣмъ мнѣ остается сказать немного словъ. Я перехожу къ поѣздкѣ въ Петербургъ Нечаева и Кузнецова. Кузнецовъ не можетъ спать. Онъ самъ не свой, онъ точно также пассивно, какъ и въ Москвѣ, исполняетъ то, что ему приказываютъ; говорятъ: иди, сообщи, подъищи такое то лицо—онъ идетъ и исполняетъ. Онъ ходилъ по городу... Ему ставятъ въ вину, что онъ, будучи государственнымъ преступникомъ, ходилъ открыто по улицамъ, пѣшкомъ. Но спрашивается: какъ же не

по улицамъ ходить? И почему не ходить пѣшкомъ, когда у него хорошія ноги есть, когда это физическое движеніе ему помогало; наконецъ, онъ совсѣмъ не объ опасности думалъ, онъ не думалъ, найдутъ его или нѣтъ, онъ искалъ спасенія во внѣшней дѣятельности отъ тѣхъ страшныхъ воспоминаній, которыя его преслѣдовали въ продолженіе всей бытности его въ Петербургѣ. До отъѣзда и послѣ отъѣзда Нечаева онъ дѣлалъ кое что, прочелъ правила организаціи двумъ молодымъ людямъ, Топоркову и Святскому; онъ былъ при отъѣздѣ Нечаева въ Москву, онъ взялъ бумаги, чтобы тотчасъ же передать ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ. Когда онъ былъ арестованъ, когда въ тюрьмѣ онъ остался наединѣ съ собою, предъ нимъ воскресли съ необычайною силою тѣ образы, которые преслѣдовали его, и которые онъ старался отогнать; онъ дошелъ до галлюцинацій, ему чудились призраки отца и убитаго Иванова. Онъ былъ почти помѣшанный. Но онъ — натура сильная, онъ отрѣзвился, переживъ страшныя муки, онъ все разсказалъ, гг. судьи.... Вы имѣете передъ собою этого человѣка, и я полагаю, что вы найдете основаніе къ значительному смягченію его участи. Я поручаю судьбу его вамъ.

Рѣчь въ защиту Петра Ткачева.

Гг. судьи! Я готовился говорить весьма много; я готовился защищать Ткачева по обвиненію въ государственномъ преступленіи, имѣющемъ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка. Обвиненіе это, хотя не основывалось на сильныхъ данныхъ, хотя, по правдѣ скажу, оно и ни на чемъ не основывалось, кромѣ образа мыслей и знакомства Ткачева съ Нечаевымъ, но все таки было строго формулировано въ обвинительномъ актѣ. За тѣмъ судебное слѣдствіе не прибавило ничего, не убавило ничего. Но г. прокуроръ отказался отъ обвиненія Ткачева. Хотя отказъ г. прокурора не избавляетъ васъ отъ постановки вопроса по обвинительному акту, такъ какъ извѣстно, что ex nihilo nihil, то я и

не буду утомлять вашего вниманія защищеніемъ Ткачева, по предмету, по которому онъ, по крайнему моему разумѣнію, совершенно безопасенъ. Мнѣ приходится защищать его только въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ самъ, какъ подобаетъ честному и благородному человѣку, здѣсь предъ вами откровенно сознался, при томъ сознался, никѣмъ не принуждаемый. Данныхъ, которыя прямо на него указывали бы, кромѣ слуховъ, не было. Если бы онъ самъ не сознался, то вы, вѣроятно, затруднились бы признать его виновнымъ, даже и въ написаніи прокламаціи «къ обществу». Онъ не одинъ виновенъ въ этой прокламаціи: вмѣстѣ съ нимъ участвовала г-жа Дементьева. Это былъ союзъ лицъ совершенно, можно сказать, равный. Онъ—писатель, она—содержательница типографіи. Они рѣшили дѣло вмѣстѣ. Неизвѣстно, кому первому пришла мысль. Вѣроятно, что никто другъ друга не увлекалъ. Эта прокламація проистекла изъ совершенно одинаковаго сердечнаго отношенія обоихъ къ студенческому дѣлу. Сердечныя отношенія обоихъ къ студенческому дѣлу такъ хорошо, съ такою логическою послѣдовательностью, такъ талантливо были изложены г-ою Дементьевой, что этой стороны дѣла, какъ шла студенческая исторія, я не буду касаться и остановлюсь, за тѣмъ, только на самой прокламаціи. Я постараюсь ее разобрать; я постараюсь потомъ подвести ее подъ ту или другую статью закона и опредѣлить то наказаніе, которое, по моему мнѣнію, долженъ понести Ткачевъ.

Прежде всего да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько чиселъ для поясненія, когда именно послѣдовали тѣ событія, которыя вызвали прокламацію, и сопоставить съ ними время выпуска прокламаціи. 15-го марта была закрыта медико-хирургическая академія; 19-го марта была сходка въ технологическомъ институтѣ; сходка, которая требовала у директора Ламанскаго кассы и другихъ преимуществъ; 18, 19 и 20-го были бурныя сходки въ университетѣ, послѣ которыхъ 20

числа судъ университетскій собрался судить 9 лицъ. Когда приговоръ его былъ объявленъ 21, то 22 были новыя сходки, и опять 72 человѣка были преданы суду. Затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кончилось это дѣло совсѣмъ и произошли тѣ высылки, о которыхъ много говорилось въ дѣлѣ. Выслано всего 68 человѣкъ, изъ которыхъ 32 изъ Университета, 28 изъ медико-хирургической академіи, 8 изъ технологическаго института. Сама прокламація помѣчена 20-мъ числомъ; 22 числа она была опубликована въ газетѣ «Вѣсть». Такимъ образомъ между моментомъ, который далъ импульсъ этому дѣлу, т. е. между 19-мъ и 20-мъ марта, и временемъ сочиненія и опубликованія прокламаціи, былъ такой ничтожный промежутокъ, что можно сказать, что эта прокламація прямо и непосредственно явилась подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; она вылилась непосредственно изъ подъ пера Ткачева; некогда было совѣщаться, собираться и т. д.; она вылилась и тотчасъ же была отпечатана и пущена.

По всей вѣроятности, скоростью ея выпуска и объясняется отчасти та рѣзкость формы, которая дана прокламаціи. Можетъ быть, еслибъ она составлялась обдуманно, то сгладились бы ея угловатости. Теперь разсмотримъ ее по содержанію, т. е. по основной мысли, которая въ ней лежитъ, и по формѣ. Ткачевъ до настоящаго времени убѣжденъ—я долженъ это заявить—что онъ правъ по содержанію прокламаціи. Онъ убѣжденъ—и я долженъ привести это убѣжденіе какъ смягчающее его вину—что если съ 50-хъ годовъ вплоть до настоящаго времени происходитъ почти непрерывный рядъ студенческихъ исторій во всѣхъ университетахъ и всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, если эти волненія происходятъ и въ тѣ эпохи, когда общество возбуждено, и въ тѣ эпохи, когда общество не возбуждено, во времена такъ называемой реакціи, то, конечно, причина этого явленія должна быть внутренняя. Значитъ не всѣ условія умственнаго воспитанія юношества нормальны

и хороши. Эти самыя мнѣнія заявлялись въ печати; они заявлялись здѣсь, даже и въ показаніяхъ свидѣтелей. Я́ долженъ привести слова изъ показанія, прочитаннаго на судѣ, студента Енишерлова. Енишерловъ опредѣлилъ такимъ образомъ причины недовольства: «Безтолковая долбня тетрадей за малую субсидію, которая можетъ быть отнята по усмотрѣнію непосредственнаго начальства». При томъ эта субсидія выдается не смотря на заслуги, а смотря по тому, кто какъ о ней проситъ и заискиваетъ. Значитъ трудность для человѣка бѣднаго найти себѣ дорогу въ университетъ—громадная. Преподаваніе во многихъ отношеніяхъ слабо и плохо. Невозможно при томъ воспользоваться помощью товарища. Вотъ причины неудовольствія. Я долженъ сказать, хотя я не берусь совсѣмъ быть судьею въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но дѣйствительно, гг. судьи, въ жизни народной не всѣ отрасли дѣятельности идутъ паралельно. Иногда выдается особенно какая нибудь сторона, напримѣръ сторона военная, иногда сторона законодательная, иногда науки и искуства. Нашъ вѣкъ весьма замѣчателенъ тѣмъ, что нѣкоторыя стороны жизни въ немъ особенно выдались, напримѣръ сторона законодательная. Но я долженъ сказать также, что сторона науки, искуства, воспитанія, стоитъ на заднемъ планѣ, и общество весьма мало интересуется этимъ вопросомъ. Г. прокуроръ указывалъ вамъ, что если бы та же мысль, которую выразилъ Ткачевъ, была выражена въ болѣе приличной формѣ, то она могла бы быть помѣщена въ газетѣ. Я не знаю, была ли бы она помѣщена въ какой нибудь газетѣ, потому что случалось, что газеты получали предостереженія за вопросы о воспитаніи. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, еслибы она была помѣщена въ газетѣ, то ни одна газета не подверглась бы уголовному преслѣдованію за подобную статью. Вотъ что я могу сказать о содержаніи прокламаціи. Что касается до формы, то нельзя сказать, чтобы способъ выраженія мысли, избранный Ткачевымъ, былъ безу-

коризненъ. Въ способѣ выраженія этой мысли оказались отчасти тѣ, не скажу недостатки, но качества умственной организаціи Ткачева, которыя здѣсь передъ вами были раскрыты однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, именно г. Анненскимъ. Г. Анненскій говорилъ—и это совершенная правда—что Ткачевъ человѣкъ весьма сосредоточенный, углубленный въ себя, молчаливый, человѣкъ прежде всего книжный, абстрактный, который живетъ въ отвлеченностяхъ, у котораго сильна рефлексія, т. е. заднiй умъ, который не имѣетъ качествъ пропагатора и даже не дѣйствуетъ сильно на молодежь. Если онъ дѣйствуетъ на молодежь, то скорѣе съ перомъ въ рукахъ, посредствомъ своихъ сочиненій, а никакъ не посредствомъ живаго слова. У него недостаетъ въ характерѣ той способности сейчасъ ощупью натолкнуться на симпатическую черту характера каждаго другаго лица. Молодые люди говорили, что Ткачевъ важничаетъ. Это не было важничанье: это былъ естественный образъ отношеній Ткачева къ другимъ лицамъ. Именно эта сосредоточенность, именно эта жизнь въ абстрактой сферѣ и незнаніе жизни дѣйствительной и заставили Ткачева допустить въ способѣ выраженія своей идеи нѣсколько коренныхъ, капитальныхъ ошибокъ. Первая ошибка была та, что онъ думалъ, что этотъ вопросъ о воспитаніи есть такой капитальный вопросъ, которымъ все общество заинтересовано, вопросъ первѣйшей важности. Оказалось, что нѣтъ. Какъ я заявлялъ, общество наше считаетъ этотъ вопросъ, который въ будущемъ займетъ видное мѣсто, вопросомъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, Ткачевъ ошибся и насчетъ общественнаго мнѣнія, къ которому онъ обращался. Онъ полагалъ, что общественное мнѣніе у насъ такая сила, на которую можно расчитывать, съ которой можно говорить. Наше общественное мнѣніе еще дѣтски-молодое; оно увлекается легко, увлекается слѣпо и въ ту, и въ другую сторону. Наконецъ онъ ошибался, въ-треть-

ихъ, и въ томъ, что этимъ обращеніемъ къ общественному мнѣнію думалъ склонить къ чему-нибудь правительство. Если правительство выслушиваетъ общественное мнѣніе; то оно выслушиваетъ его къ свѣдѣнію, а не къ руководству. Такое обращеніе къ обществу могло скорѣе попортить дѣло, чѣмъ привести его къ желанному результату. Наконецъ, что касается до самой внѣшней формы выраженій, то тутъ, мнѣ кажется, есть также нескладности. Безъимянная прокламація, подписанная «студенты», ставитъ это произведеніе какъ будто въ одинъ рядъ съ тѣми подпольными произведеніями, которыя носятъ на себѣ извѣстный планъ и съ которыми эта прокламація не имѣла ничего общаго — съ «Великоруссомъ», «Молодою Россіею» и т. под. Мнѣ кажется, что Ткачеву было гораздо прямѣе и гораздо лучше просто подписаться: Ткачевъ. Конечно спросили бы: что за птица Ткачевъ? Онъ хотя и имѣлъ нѣкоторую извѣстность, но въ ограниченномъ кругу читателей. Можетъ быть онъ отчасти побоялся того гомерическаго хохота, который раздастся, когда увидятъ, что является одинъ человѣкъ, отвергающій все то, что совершается. Кромѣ того сообразимъ, что онъ долженъ былъ стараться и о томъ, чтобы не выдать г-жу Дементьеву. Онъ старался, чтобъ за его вину не пострадала г-жа Дементьева, въ типографіи которой печаталось это произведеніе. Такимъ образомъ Ткачевъ издалъ эту штуку. По его мнѣнію она была задумана, очень искусно, но тѣмъ не менѣе она открыта, обнаружена и привела его на скамью подсудимыхъ. Теперь единственный вопросъ—это подведеніе этого преступленія подъ ту или другую статью закона. Значитъ надо перебрать всѣ тѣ статьи закона, которыя грозятъ наказаніемъ за преступленіе печати подобнаго рода, потомъ разобрать прокламацію и найти, какіе признаки находятся въ ней, по которымъ можно бы ее подвести подъ ту или другую статью. Господа судьи! Мнѣ всегда въ процессахъ политическихъ приходитъ на мысль изрѣченіе отца Жозефа

который былъ правой рукой кардинала Ришелье, что достаточно имѣть двѣ строки человѣка, чтобы его повѣсить. Съ извѣстной точки зрѣнія можно сказать, что достаточно какой нибудь оппозиціонной статьи, чтобы усмотрѣть въ ней оскорбленіе Величества, измѣну, или что нибудь подобное. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, говорится о властяхъ, о правительствѣ не упоминается, но всякая власть, установленная правительствомъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель Государя. Слѣдовательно во всякой прокламаціи, хотя бы направленной и противъ властей, можно видѣть неуваженіе къ верховной власти. Самъ даже прокуроръ, когда разбиралъ эту прокламацію, намекалъ на то, что тутъ есть неуваженіе къ верховной власти. Идя этимъ путемъ, можно бы судить Ткачева по первымъ двумъ пунктамъ, какъ говорилось въ старину или по 251 ст., гдѣ говорится о посягательствѣ на неприкосновенность верховной власти. Но вѣдь такимъ образомъ судить никого нельзя. Нужно держаться почвы реальной, нужно разобрать эту прокламацію по ея существеннымъ признакамъ, а не по однимъ предположеніямъ. И такъ, изъ двухъ статей, которыя могутъ быть примѣнены къ этой прокламаціи, возможными я считаю только двѣ: одна 274-я, подъ которую г. прокуроръ требуетъ, чтобы было подведено это дѣло, вторая статья 1,035.

Затѣмъ я долженъ сказать, что въ наукѣ уголовнаго права принято за неопровержимую аксіому, что когда опредѣляется родъ преступленія, когда рѣшается вопросъ о томъ, подъ какое преступленіе подвести извѣстное дѣяніе, то это опредѣленіе дѣлается единственно и исключительно только по объективной сторонѣ дѣянія, т. е. не потому, совершено ли оно Ткачевымъ, Петровымъ, Ивановымъ, а потому только, какимъ представляется оно съ внѣшней его стороны, совершенно независимо отъ субъекта. Субъектъ, его образъ мыслей, его направленіе, могутъ конечно вліять на установленіе мѣры наказанія въ извѣстныхъ предѣлахъ, высшей

низшей мѣры наказанія; но родъ преступленія опредѣляется всегда свойствами дѣянія. Значитъ, при опредѣленіи рода преступленія, подъ которое слѣдуетъ подвести дѣйствіе Ткачева, я прошу, гг. судьи, не обращать вниманія на то, какова была его литературная дѣятельность, былъ ли онъ человѣкъ крайній, забыть, что онъ самъ себя назвалъ *нигилистомъ,* и даже не обращать вниманія на ту теорію фиктивнаго брака, которую онъ развивалъ. Слово нигилистъ—весьма новое. Оно изобрѣтено Тургеневымъ въ его *извѣстномъ* романѣ «Отцы и Дѣти», но оно попало какъ разъ подъ стать обществу. Одна часть общества усвоила его себѣ какъ обидную кличку, которою обозвала людей отрицательнаго крайняго направленія; другая часть общества взяла эту кличку какъ знамя и стала подъ это знамя. Въ этомъ самомъ отрицательномъ направленіи были люди высокоталантливые, принесшіе извѣстную долю пользы, потому что когда шли реформы за реформами, тогда и все подвигалось разомъ, и эти реформы были, надо сказать, весьма радикальны; несомнѣнно, что онѣ не были бы столь радикальны, еслибы вопросы не были затронуты до дна самою безпощадною критикою, если бы въ ихъ разработкѣ не участвовали всѣ органы, рѣшительно всѣ направленія, даже самыя крайнія. Крайнія направленія именно тѣмъ и полезны, что разсѣкаютъ предметъ до корня, что ставятъ всякій вопросъ ребромъ. Это отрицательное направленіе не есть нѣчто навѣянное, нѣчто принесенное извнѣ, оно вовсе не проистекаетъ изъ дѣла Каракозова, ни изъ иныхъ прежнихъ тайныхъ обществъ, но оно есть вполнѣ естественное произведеніе русской почвы и климата. Вамъ случалось, гг. судьи, живать въ деревнѣ, въ маѣ и въ іюнѣ, когда являются комары безчисленными толпами; они непріятны; но чтобы вы сказали тому, кто задумалъ бы ихъ истреблять цѣлыми массами въ извѣстной мѣстности: истребишь одного, являются тысячи другихъ. Но вѣдь всякому также извѣстно, что придетъ іюль, и всѣ ко-

мары пропадутъ сами собою, потому что измѣнятся климатическія условія. И вотъ, я думаю, что по политическому календарю Россіи былъ май въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, что въ настоящее время мы переживаемъ іюнь, и что дастъ Богъ, мы доживемъ до іюля. Я приведу, гг. судьи, для историческаго сравненія слова одного изъ величайшихъ государей—Сигизмунда I, который говорилъ, когда ему предлагали истреблять протестантовъ: «я хочу быть королемъ и надъ козлами и надъ овцами». И это былъ тотъ самый король, который говорилъ, «что онъ спокойно можетъ переночевать у каждаго изъ своихъ подданныхъ». Я думаю, что и наше правительство держится того же мнѣнія, что оно вступило на тотъ путь широкой, открытой терпимости религіозной, терпимости политической. Вотъ почему я полагаю, что то соображеніе, что Ткачевъ назвалъ себя нигилистомъ и что въ особенности его теорія фиктивнаго брака, не будутъ имѣть никакого вліянія. Эта теорія брака, я долженъ сказать, мнѣ самому противна; но, гг. судьи, въ нашемъ обществѣ такъ много фарисейства. такъ много лжи, что если выбирать изъ двухъ золъ, то лучше зло открытое, чѣмъ лицемѣріе и фарисейство. Да будетъ мнѣ позволено сослаться на притчу о блудной женѣ. Кто же, спрашиваю я, броситъ въ этихъ людей камень за ихъ мысли? Я, по крайней мѣрѣ, не осмѣлился бы на это, потому что я видалъ въ нашемъ суетномъ обществѣ такъ много примѣровъ торга человѣческой совѣстью и человѣкомъ вообще.

Затѣмъ, послѣ этого предисловія, я приступлю прямо къ прокламаціи. Вотъ два преступленія: одно изъ нихъ по статьѣ 274 заключается въ распространеніи сочиненій съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ отъ правительства установленнымъ. Двугая статья — 1,035 гласитъ о напечатаніи оскорбительныхъ отзывовъ о законахъ, о постановленіяхъ и распоряженіяхъ властей, объ оспариваніи въ печати обязательной силы законовъ и одобреніи воспре-

щенныхъ закономъ дѣйствій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ закону. Подъ какую же статью подвести прокламацію? Какія основныя черты этихъ двухъ преступленій? Я искалъ этихъ основаній въ рѣчи г. прокурора. Онъ, между прочимъ, главнымъ образомъ налегалъ на рѣзкость выраженій: «будь эти выраженія менѣе рѣзки, говоритъ онъ, то преступленіе могло бы быть подведено подъ статью 1,035, но такъ какъ они весьма рѣзки, то и слѣдуетъ подвести ихъ подъ статью 274». Я думаю, что рѣзкость выраженій не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи состава преступленія, потому что нѣтъ такого словаря, по которому можно было бы сказать, что одни выраженія болѣе рѣзки, другія менѣе. Если бы Ткачевъ выбралъ другую форму, если бы вмѣсто того, чтобы сказать «общество куетъ на себя оковы», онъ сказалъ: «общество подготовляетъ себѣ узы», если бы вмѣсто; «задыхаются въ казематахъ и ссылкахъ», онъ сказалъ: «пропадаютъ вдали отъ родины», то все-таки мысль была бы та же самая и все-таки изъ прокламаціи нельзя было бы вывести ничего другаго, кромѣ того, что въ ней содержится. Но были и другія основанія въ рѣчи г. прокурора. Онъ говорилъ слѣдующее: «прокламація была пущена въ ходъ тогда, когда общество было возбуждено, и будь это въ болѣе спокойное время, то не представлялось бы такой опасности. Но такъ какъ она была выпущена тогда, когда общество было возбуждено, то и заслуживаетъ болѣе строгой мѣры». Но, гг. судьи, возбуждено или не возбуждено общество—это такой фактъ, который слѣдуетъ провѣрить; откуда знать, было ли оно возбуждено или въ спокойномъ состояніи въ то время. Мнѣ кажется, что общество всегда бываетъ возбуждено. Физіологія насъ учитъ, что глазъ получаетъ впечатлѣніе свѣта даже и тогда, когда вѣки закрыты, даже и въ темнотѣ. Я думаю, что точно тоже можно сказать и объ обществѣ, что и оно всегда находится въ возбужденномъ состояніи, но въ спеціально

возбужденномъ состояніи оно не могло быть и не было, потому что кто же былъ возбужденъ: студенты или общество? Студенты были уже укрощены, сидѣли въ карцерахъ, ихъ ссылали — значитъ исторія кончилась, и именно потому, что она кончилась и появляется воззваніе къ обществу; а общество и не откликнулось, не обратило на студенческое движеніе никакого вниманія. Единственная газета, напечатавшая это воззваніе, была совершенно противоположныхъ убѣжденій, эта газета—„Вѣсть". Слѣдовательно и это основаніе уходитъ изъ подъ ногъ и на немъ нельзя держаться. Можно было бы привести еще то основаніе. что преступленіе по 274-й статьѣ—воззваніе; что когда сочинитель взываетъ къ гражданамъ: «сдѣлайте то-то и то-то», то совершается преступленіе, предусмотрѣнное въ 274 статьѣ. Когда же мысль выражается критически, безъ прямаго обращенія къ гражданамъ, то это будетъ преступленіе, подходящее подъ 1,035 статью. Но опять таки эти основанія шатки, потому что и воззваніе можетъ не заключать въ себѣ ничего такого, чтобы могло подвести его подъ 274-ю статью. Я приведу такой примѣръ: у насъ бываютъ каждый годъ публичные университетскіе обѣды; положимъ, что полиція вдругъ запретила бы дѣлать такой обѣдъ публично, и кто нибудь бы вздумалъ пустить такую прокламацію: «я приглашаю всѣхъ своихъ бывшихъ сотоварищей ко мнѣ отобѣдать». Конечно это воззваніе и даже печатное, но какъ же подвести его подъ ст. 274, подъ ссылку въ Сибирь на поселеніе? Или, напримѣръ, является такого рода воззваніе: «завтра казнятъ такого-то человѣка; да не выходитъ народъ на улицу смотрѣть казнь; да запрется каждый дома и да покажетъ этимъ воздержаніемъ, что онъ скорбитъ объ участи казненнаго». Опять-таки—это воззваніе, но такое, которое не ведетъ къ сопротивленію властямъ, которое не ведетъ къ неповиновенію, и опять-таки это воззваніе, которое если и можетъ быть караемо закономъ, то только не по

статьѣ 274. Съ другой стороны, я долженъ сказать, что могутъ быть заявленія и въ критической формѣ, но такія, которыя прямо подходятъ подъ понятіе воззванія. Напримѣръ, если бы кто-нибудь напечаталъ статью такого содержанія: «Какъ глупы петербургскіе жители! какъ имъ не придетъ въ голову, что можно за одинъ разъ, прогнать всю полицію». Тутъ всѣ выраженія — въ видѣ простой замѣтки, но въ сущности это настоящее воззваніе, которое стоитъ того, чтобы его подвести подъ ст. 274. Такимъ образомъ, гг. судьи, по моему крайнему убѣжденію, надо судить о прокламаціи Ткачева не по формѣ ея, не по тому, есть ли это воззваніе или нѣтъ, есть ли въ ней рѣзкія выраженія или нѣтъ, а по содержанію, т. е. по тому, на что должна дѣйствовать эта прокламація или статья, должна ли дѣйствовать на чувство и умъ критическимъ разборомъ или возбужденіемъ неудовольствія, негодованія, или же она идетъ далѣе, указываетъ на прямое неповиновеніе или сопротивленіе извѣстной власти. Если она останавливается на первомъ, то, конечно, это нехорошо, но, во всякомъ случаѣ, представляется менѣе преступнымъ, нежели прямое указаніе: «вооружайтесь противъ такой-то власти и сдѣлайте то-то». Я напримѣръ, совершенно вѣрю, что энциклопедисты, Вольтеръ и Руссо значительно подготовили французскую революцію; но они подготовили ее, дѣйствуя на чувство и на умъ, и между ними и какимъ нибудь Маратомъ есть громадная, неизмѣримая разница. Слѣдовательно, если такимъ образомъ дѣйствовать на чувство, на умъ, то, конечно, это будетъ преступленіе по ст. 1,035; но если взывать къ возстанію противъ опредѣленной власти съ указаніемъ что надо дѣлать, напримѣръ: «не платите податей, прорвите цѣпь полицейскихъ, которая поставлена» и т. п., то вотъ это преступленіе предусмотрѣно дѣйствительно 274 ст. Это такъ ясно, что и разговоровъ быть не можетъ. Вы, гг. судьи, не присяжные, вамъ принадлежитъ примѣненіе самаго закона и опредѣленіе

мѣры наказанія. Вамъ могутъ сказать, что наказаніе по 1,035 ст. слишкомъ слабо, что она грозитъ заключеніемъ въ тюрьмѣ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ. Насчетъ этой слабости, гг. судьи, еще можно поспорить. Мой товарищъ по защитѣ, князь Урусовъ, приводилъ нѣкоторые иностранные законы; да будетъ мнѣ позволено привести одну маленькую статью изъ того же Сѣверо-Германскаго Кодекса, законодательства самаго новаго, изданія 31-го мая 1870 г., существующаго менѣе года, и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательства народа, который признается самымъ крѣпкимъ, самымъ здоровымъ въ политическомъ отношеніи. Спрашивается: какія же наказанія полагаются въ немъ за аналогическія съ настоящимъ дѣйствія. А вотъ какія наказанія. Я прочту ст. 110 этого кодекса. По этой статьѣ за воззваніе въ рѣчи или посредствомъ выставленныхъ или вывѣшенныхъ объявленій и плакатовъ къ неповиновенію или сопротивленію законамъ или постановленіямъ и распоряженіямъ властей въ предѣлахъ ихъ вѣдомства, полагается наказаніе: денежный штрафъ до 200 талеровъ или тюрьма до двухъ лѣтъ. Значитъ то преступленіе, которое предусмотрѣно въ 274 ст. улож. подводится въ Германіи подъ наказаніе несравненно болѣе легкое: тюрьма и штрафъ вмѣсто ссылки въ Сибирь на поселеніе. Какъ же послѣ того подводить еще подъ этотъ строгій законъ такія дѣйствія, которыя подъ него прямо не подходятъ?

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ я полагаю, что нельзя подвести прокламацію Ткачева подъ какую бы то ни было статью, кромѣ ст. 1,035. Затѣмъ, что касается до мѣры наказанія, то мѣру эту въ тѣхъ предѣлахъ, которые я привелъ въ 1,035 ст., я предоставлю совершенно вашему усмотрѣнію; я не буду и касаться этого. Замѣчу только, что Ткачевъ сидитъ съ 26 марта 1869 г. въ заключеніи, слѣдовательно 2 1/2 года, и сидитъ въ заключеніи одиночномъ, т. е. въ самомъ тяжеломъ какое только у насъ существуетъ. Я кончилъ.

Рѣчь въ защиту Елизаветы Томиловой.

Гг. судьи! Въ двухъ предыдущихъ моихъ рѣчахъ я стоялъ на почвѣ обвиненія. Въ дѣлѣ Кузнецова я признавалъ во всей полнотѣ и обширности приведенные обвинителемъ факты; въ дѣлѣ Ткачева хотя я и отрицалъ содержаніе обвинительнаго акта, но самъ прокуроръ отступился отъ части обвиненія и обвинялъ Ткачева только въ извѣстной прокламаціи. Но въ защитѣ г-жи Томиловой я долженъ отрицать самый фактъ, приводимый обвинительнымъ актомъ въ самомъ его основаніи. Этотъ обвинительный актъ, по моему мнѣнію, составленъ не совсѣмъ логически; въ немъ нѣтъ точной связи; онъ можетъ быть расколотъ на нѣсколько частей. Между лицами, которыя сведены въ немъ въ одну группу, нѣтъ ничего общаго. Мы видимъ въ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, по крайней мѣрѣ, такихъ лицъ, которыя участвовали въ организаціи. Онн стоятъ очевидно гораздо ближе къ 33 другимъ, которые будутъ судиться въ слѣдующей группѣ, нежели ко всѣмъ остальнымъ своимъ прежнимъ товарищамъ; остальные же подсудимые тутъ ни при чемъ. Между одной категоріей лицъ и другой категоріей нѣтъ ровно никакихъ общихъ дѣйствій. Въ настоящую минуту можно сказать, что обвиненіе падаетъ относительно Коринфскаго; другое обвиненіе совершенно измѣнилось относнтельно Ткачева и Дементьевой; затѣмъ изъ остальныхъ 8, по крайней мѣрѣ, три такія лица, которыя стоятъ совершенно особо отъ перваго разряда, потому что связь тѣхъ и другихъ только самъ Нечаевъ, предполагаемое возникновеніе всего тайнаго общества, еще весною 1869 года, и развитіе дальнѣйшаго этого предпріятія общими силами до самаго конца. Если бы Нечаевъ здѣсь судился, то это было бы понятно; тогда онъ былъ бы тѣмъ центромъ, къ которому стекались всѣ эти люди, какъ лучи. Но какъ скоро его нѣтъ, то внѣшнія дѣйствія пропадаютъ, то вся связь основана на чисто-субъективныхъ признакахъ, на предполагаемомъ одинаковомъ отношеніи

всѣхъ дѣйствовавшихъ къ общему дѣлу. На основаніи такихъ субъективныхъ признаковъ не бываетъ дѣленія подсудимыхъ на группы. Я думалъ, что обвиненіе впослѣдствіи отступится отъ этого дѣленія, по крайней мѣрѣ относительно Орлова, Томиловой и Волховскаго; но оно поддерживается, слѣдовательно я долженъ его оспаривать. Прежде чѣмъ я перейду къ отвѣту на всѣ возраженія обвиненія и воспользуюсь выгодами оборонительнаго положенія, я поставлю нѣсколько тезисовъ совершенно безспорныхъ, которыя помогутъ мнѣ уяснить дѣло и разрѣшить его относительно Томиловой. *Первый* тезисъ тотъ, что во всякомъ дѣлѣ преступномъ, совершенномъ однимъ человѣкомъ или многими лицами сообща, необходимо доказать въ каждомъ изъ преступниковъ присутствіе воли совершить дѣйствіе, которое произведено особнякомъ или сообща и знаніе ближайшихъ его послѣдствій. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ никто не говоритъ; они ускользаютъ отъ ума человѣческаго. Напримѣръ я даю цѣлковый нищему и не знаю, не пойдетъ ли онъ и не купитъ ли ножъ и не зарѣжетъ ли кого нибудь. Но я за это не отвѣчаю, такъ какъ мое знаніе не простиралось дальше того, что этотъ рубль очутится въ рукахъ человѣка который что съ нимъ сдѣлаетъ — неизвѣстно. Вотъ это то знаніе и должно быть доказано; его легче доказать въ ничтожныхъ обыкновенныхъ преступленіяхъ, напримѣръ въ кражѣ, подлогѣ, убійствѣ и т. п. Трудность увеличивается, когда число обвиняемыхъ ростетъ; оно велико даже и при совершенно организованномъ заговорѣ. И такъ возьмемъ настоящую организацію. Она вмѣщала въ себѣ до 50 лицъ, изъ которыхъ, не всѣ находятся на лицо; но между здѣсь находящимися лицами, какъ трудно доказать степень знанія цѣли и средствъ, осъ которыхъ зависитъ и самая квалификація преступленія: политическій заговоръ или тайное общество; напримѣръ Кузнецовъ, который далеко не зналъ конечной цѣли организаціи; да она, можетъ бить, и не была никому изъ под-

судимыхъ вполнѣ извѣстна. Трудность становится чрезвычайно большою, когда не было тайной организаціи, сложившейся въ сплоченный организмъ, когда люди дѣйствовали одушевленные одною мыслью, ибо трудно рѣшить, какъ они дѣйствуютъ — заговоромъ или скопомъ, съ согласія или безъ согласія. Во всякомъ обществѣ есть партіи. Особенность всякой партіи та, что всѣ входящія въ ея составъ лица дѣйствуютъ дружно, какъ по приказу, безъ всякаго на то между собою соглашенія. Когда является общее движеніе въ массахъ, предполагать, что это подстрекательство, значило бы поступать какъ тотъ публицистъ, который, въ виду ли французской революціи, или польскаго движенія, или студенческихъ сходокъ, или сепаратистическихъ стремленій, кричитъ не умолкая: «интрига! интрига!» Очевидно, что такое объясненіе доказываетъ только или убожество пониманія, или неразборчивость въ средствахъ, или то и другое вмѣстѣ. Люди одной партіи идутъ не сговариваясь, какъ солдаты, въ одну шеренгу, въ предѣлахъ и до предѣловъ законнаго порядка. Бываютъ такіе случаи, когда приходится перескочить черезъ этотъ барьеръ и очутиться внѣ предѣловъ законнаго порядка; перескочитъ одинъ, другой, третій; но нельзя предполагать, чтобы при перескакиваніи они были въ заговорѣ. Убѣдительный примѣръ такого дѣйствія сообща, безъ заговора—это прокламаціи по поводу студентовъ, потому что Енишерловъ пишетъ ихъ, есть нѣчто подобное и у Волховскаго, наконецъ является прокламація «Къ обществу» Ткачева. Предполагать, что всѣ эти три статьи исходятъ изъ одного источника невозможно, но они порождены одною причиною. *Второе* мое положеніе слѣдующее: одинъ и тотъ же человѣкъ мѣняется въ различные періоды своей жизни и дѣятельности. Напримѣръ Магницкій, другъ и домашній у Сперанскаго, не похожъ на Магницкаго, попечителя Казанскаго университета. Сперанскій много разъ мѣняется. Бонапарте консулъ не похожъ на Наполеона императора. Перемѣна

въ лицѣ бываетъ на столько велика, что ее надо принимать въ соображеніе въ особенности когда привлекается кто-нибудь къ отвѣтственности на основаніи знакомства съ этимъ мѣняющимся въ своихъ качествахъ лицомъ. Нужно сказать къ какому періоду знакомства относится то или другое обстоятельство, въ которомъ обвиняютъ человѣка. Въ настоящемъ случаѣ этихъ періодовъ два и они обозначены рѣзко и въ обвинительномъ актѣ и въ обвинительной рѣчи г. прокурора. Г. прокуроръ раздѣляетъ преступную дѣятельность Нечаева отъ студенческихъ сходокъ до пріѣзда его въ Россію и затѣмъ отъ пріѣзда въ Россію до конца. Между этими періодами находятся, безъ сомнѣнія, бытность Нечаева въ Женевѣ, связь его съ лицами, тамъ находящимися, полученіе отъ нихъ извѣстныхъ идей, извѣстныхъ правилъ, которыми онъ позаимствовался. Наконецъ, *третье* мое положеніе слѣдующее: что государственный преступникъ, заговорщикъ, имѣющій въ виду ниспроверженіе существующаго порядка, есть все-таки, несмотря ни на что, человѣкъ, т. е. лицо, которое имѣетъ своихъ знакомыхъ, родныхъ, близкихъ; значитъ, если даже онъ находится на незаконномъ пути, и они, зная это, давали ему деньги, оказывали какую нибудь услугу, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ помощь была непремѣнною лептою на альтарь общаго дѣла. Она можетъ быть просто на просто личнымъ одолженіемъ. Она можетъ истекать изъ личныхъ отношеній того, кто оказалъ, тому, кому оказана. Допустимъ такой случай: приходитъ къ кому-нибудь пріятель, преслѣдуемый, хотя бы за студенческое движеніе, хотя бы даже и за большее преступленіе, и говоритъ: «Я пропадаю. Дай мнѣ сто рублей, они мнѣ необходимы, чтобы бѣжать». Дать ему—это, можетъ быть, составитъ укрывательство; но считать, чтобы этотъ человѣкъ тою дачею, которую онъ сдѣлалъ, вошелъ въ заговоръ и сдѣлался соучастникомъ революціи—вотъ что невозможно. Теперь послѣ этихъ положеній постараюсь объяснить и вполнѣ оправдать Томилову.

Исторія ея весьма коротка. Вѣроятно, всякій изъ насъ знаетъ дома средней руки, небогатые, но гостепріимные и открытые, въ особенности для молодыхъ людей. Хозяева ихъ чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Несмотря на ограниченныя средства, у нихъ всегда найдется для гостя лишній приборъ за столомъ, лишняя чашка чаю и даже лишняя кровать. Хозяева небогаты, но и гости невзыскательны; здѣсь господствуютъ неумолкаемый смѣхъ, неподдѣльная веселость. Умѣнье со стороны хозяина стать на одну доску съ молодыми людьми дѣлаетъ то, что исчезаетъ различіе возрастовъ. Я знаю, что память о такихъ домахъ принадлежитъ къ самымъ чистымъ и золотымъ воспоминаніямъ моей юности. Такимъ домомъ былъ домъ полковника Томилова. Томиловъ отставной горный инженеръ, больной, любящій книги, любящій молодежь, большой идеалистъ. Заключеніе его жены свело его въ могилу. Она урожденная Дриттенпрейсъ, женщина прилежная, трудящаяся. Они были бездѣтны; средства ихъ были малыя, такъ что, вслѣдствіе этого стѣсненнаго положенія, она должна была купить швейную машину, принимать заказы и заниматься работой. Въ этотъ домъ, тихій, спокойный, весьма буржуазный, вошелъ Нечаевъ и внесъ несказанное горе. Нечаевъ явился къ Томиловой въ 1868 году, познакомясь съ нею совершенно случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Онъ пришелъ къ ней подъ видомъ полученія латинскихъ уроковъ, познакомился, зашелъ разъ, другой, понравился, какъ человѣкъ бойкій; рѣзкость его манеръ, рѣзкость рѣчи принимали за откровенность и прямоту. Нечаевъ, вообще, человѣкъ, могущій производить впечатлѣніе, внушать уваженіе къ себѣ и даже привязывать, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ привязывался. Отношенія были еще довольно далеки до тѣхъ поръ, пока Нечаевъ не вздумалъ помѣстить свою сестру у г-жи Томиловой. Извѣстно, какъ состоялось дѣло. Сестра жила у брата. Она приходила къ Томиловой только работать, и вечеромъ кто-нибудь,

или Томилова или Евлампій Аметистовъ, отводили ее изъ Поварскаго въ Сергіевскую. Такъ было до Рождества. Послѣ Рождества сестра Нечаева заболѣла тифомъ. У брата не было женщины, которая бы могла быть сидѣлкой; въ квартирѣ у него были классы и нѣсколько комнатъ, гдѣ жили онъ да Аметистовъ. Вотъ г-жа Томилова, изъ состраданія къ этой молодой дѣвушкѣ, которую она полюбила, потому что эта дѣвушка необразованная, полуграмотная, неразвитая, имѣла, однако, прирожденныя способности и хорошія наклонности, стала ходить и просиживать у ней вечера до поздней ночи. Тутъ, весьма естественно, она сблизилась со студенческимъ движеніемъ, которое впрочемъ, не было для нея новостью. Я думаю, что едва-ли кто-нибудь изъ петербургскихъ жителей высшихъ классовъ не соприкасался со студенческимъ движеніемъ 1861 года. Г-жа Томилова охотно согласилась пойти на сходки и бывала на нихъ. Къ ней доходили слухи о томъ, какъ развивается это движеніе, что такое Езерскій, что такое Нечаевъ, какія противоположности партій. Наконецъ Нечаевъ начинаетъ поговаривать, что онъ опасается за себя, что его требуютъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера. Разъ приходитъ онъ встревоженный и говоритъ: «прощайте! можетъ быть, не увидимся», и исчезаетъ. Чрезъ нѣсколько дней является записка отъ студента и отъ Нечаева, записка, которая служила документомъ, удостовѣряющимъ поддѣльное бѣгство Нечаева изъ Петербурга. Г. прокуроръ указывалъ на то, что отношенія Томиловой должны были быть близки къ Нечаеву, когда она такъ встревожилась запискою, что, несмотря на то, что была больна, заразившись тифомъ, бѣгала, отыскивала, хотѣла разъяснить дѣло. Я могу вывести изъ этого факта совершенно другое заключеніе: я вижу только, что отношенія Томиловой къ Нечаеву были искреннія; но они не были искренни со стороны Нечаева къ г-жѣ Томиловой, когда онъ и для нея сдѣлалъ изъ бѣгства

секретъ и обманъ, когда прислалъ эту бумагу и заставилъ ее таскаться по Васильевскому острову и другимъ мѣстамъ. Однимъ словомъ, до конца 1869 года не можетъ быть рѣчи ни о какой отвѣтственности г-жи Томиловой, ни о знанiи ея о намѣренiяхъ и планахъ Нечаева. Первый видный слѣдъ революцiонныхъ замысловъ по указанiю обвиненiя—это та безъимянная программа революцiи, которая ходила по рукамъ, и которую считаютъ доказательствомъ, что планъ дѣйствiй Нечаева явился раньше бѣгства его за границу, документъ весьма сомнительный. Исходною точкою этой революцiонной программѣ служитъ фактъ позднѣйшiй — высылка студентовъ изъ Петербурга, случившаяся въ апрѣлѣ, а Нечаевъ бѣжалъ въ концѣ января. Слѣдовательно, до бѣгства Нечаева изъ Петербурга въ Москву г-жа Томилова совершенно къ дѣлу не причастна. Значитъ, когда же она сдѣлалась причастною? Когда-нибудь должно было явиться знанiе и одушевленное знанiемъ содѣйствiе. Г. прокуроръ строго проводилъ эту мысль для всѣхъ подсудимыхъ въ этомъ преступленiи, то есть предусмотрѣнномъ 249-ю и 250-ю ст. уложенiя. Онъ поставилъ себѣ задачею показать въ каждомъ изъ подсудимыхъ знанiе о цѣли и совершенiе прiуготовительныхъ дѣйствiй, разумѣется, совершенныхъ съ знанiемъ цѣли, а о знанiи цѣли были кое-какiя данныя и намеки, но относительно всѣхъ подсудимыхъ, кромѣ первыхъ четырехъ, прiуготовительныя дѣйствiя обойдены у г. прокурора молчанiемъ, потому что ихъ въ дѣлѣ нѣтъ. Если г-жа Томилова вошла въ это общество формально, или поддерживала самое революцiонное предпрiятiе хотя и не формально, то она должна была быть кѣмъ нибудь посвящена въ это общество или предпрiятiе. Единственнымъ такимъ лицомъ является Орловъ. Отъ него вполнѣ зависитъ обвиненiе г-жи Томиловой: виноватъ Орловъ—тогда еще вопросъ виновата ли г-жа Томилова или нѣтъ, но когда Орловъ не виноватъ, тогда не можетъ быть и рѣчи объ обвиненiи Томило-

вой, потому что единственной уликой противъ Томиловой служатъ тѣ письма, изъ которыхъ одно было къ Орлову, тѣ деньги, относительно которыхъ Орловъ сказалъ, что онъ просилъ Томилову послать ихъ Нечаеву; затѣмъ записки Орлова и, наконецъ, послѣднее письмо, котораго г-жа Томилова не читала и, слѣдовательно, за которое она не можетъ отвѣчать. Итакъ, вотъ положеніе дѣла: или Орловъ виноватъ, и тогда о виновности Томиловой еще можно поспорить; или Орловъ не виноватъ, и тогда всякое сомнѣніе относительно виновности Томиловой падаетъ само собою. Что касается до отношеній Орлова къ Томиловой, то прежде всего надо опредѣлить, что за человѣкъ Орловъ? При этомъ я долженъ оговориться... Я нисколько не желаю бросать тѣнь на показанія Орлова и на способъ его держать себя на судѣ; но, однако-же, я не могу согласиться съ нѣкоторыми его объясненіями, которыя противорѣчатъ показаніямъ Томиловой. Г. Орловъ, человѣкъ не очень бойкій и развязный; онъ съ трудомъ соединяетъ и высказываетъ свои идеи; товарищи считали его способнымъ и говорили даже, что изъ него выйдетъ другой Пушкинъ. Но во всякомъ случаѣ большой послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ и мысляхъ нѣтъ; онъ самъ признавался, что не можетъ объяснить многаго, что говорилъ и писалъ. Орловъ едва ли по своей натурѣ можетъ быть способенъ къ дѣятельному участію въ дѣлѣ, хотя такомъ, какъ настоящее, требующемъ все-таки гораздо болѣе послѣдовательности. Орловъ объясняетъ свой пріѣздъ въ Петербургъ въ мартѣ разными соображеніями, напримѣръ сердечною наклонностью къ Нечаевой. Это можетъ быть, но во всякомъ случаѣ въ этомъ разсказѣ о Петербургѣ для меня есть много сомнительнаго, напримѣръ, его болѣзненное нежеланіе быть нахлѣбникомъ. Онъ нахлѣбникомъ не былъ у Томиловой; домъ ея былъ открытый и слѣдовательно, если ему случилось переночевать одинъ—два раза и даже много разъ, то это еще не значитъ нахлѣбничество—въ этомъ

гостепріимномъ домѣ бывали многіе. Я полагаю, что дѣло объясняется весьма просто: Орловъ струсилъ и сталъ даже отказываться отъ такихъ вещей, въ которыхъ онъ могъ бы чистосердечно и искренно сознаться. Орловъ, узнавъ, что Нечаевъ такой страшный преступникъ, такая, какъ онъ выразился, позорная личность, говоритъ, что онъ не питалъ къ нему особенной дружбы, что единственное, что влекло его къ Нечаеву, это была любовь къ его сестрѣ. Но весьма легко предположить, что онъ былъ подъ вліяніемъ Нечаева не организатора, сговаривавшагося въ Женевѣ съ выходцами, а Нечаева-товарища, который велъ студенческія движенія и который убѣжалъ изъ Петербурга. Для этого-то Нечаева, изъ личной къ нему дружбы, онъ старался дѣлать многое, но эта услужливость не можетъ быть уликой противъ Орлова въ государственномъ преступленіи, даже если-бы и было обнаружено по дѣлу, что Орловъ зналъ, что Нечаевъ отправился за границу; еслибы онъ получалъ какія нибудь письма изъ-за границы, то и это также еще ничего не значитъ, потому что письма изъ-за границы можетъ получать всякій. Зналъ-ли Орловъ, что будетъ къ нему письмо отъ Нечаева,. или нѣтъ — я не знаю; но если бы онъ зналъ, что письма будутъ, то и въ этомъ еще нѣтъ ничего преступнаго. Письмо получается; письмо это пришло около 14-го или 15-го марта; оно, какъ говоритъ г-жа Томилова, было предназначено для Орлова, содержало требованіе денегъ; Орловъ отрицаетъ это обстоятельство, но есть свидѣтельница—сестра Нечаева, которая подтвердила полученіе этого письма. Поэтому я полагаю, что есть основаніе думать, что письмо было. Можетъ быть оно было написано безъ вѣдома Орлова, но во всякомъ случаѣ было прислано письмо изъ Брюсселя, въ которомъ говорилось; «пришли денегъ». Орловъ туда-сюда, но денегъ найти не можетъ, товарищи не даютъ, взять негдѣ, онъ и обратился съ просьбою къ Томиловой. Въ этомъ дѣлѣ онъ поставилъ себя слѣдующимъ образомъ: онъ

позировалъ, онъ хотѣлъ возбудить участіе къ себѣ въ молодой дѣвушкѣ, но чѣмъ же выразить это участіе, какъ не тѣмъ, чтобы показать, что онъ интересуется тѣмъ дѣломъ, которое велъ ея братъ; что онъ знается съ тѣми лицами, которыя помогаютъ студентамъ; наконецъ онъ самъ намѣренъ собирать складчину. Съ другой стороны онъ, стараясь возвысить себя тѣмъ, что онъ человѣкъ образованный, развивалъ предъ ними разныя соціальныя теоріи. Г. Орловъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, денегъ у него не было, онъ и обратился къ г-жѣ Томиловой: «дайте, пошлите, я черезъ три недѣли доставлю». У Томиловой средства весьма ограниченныя, но какъ разъ у ней подвернулись сто рублей, она согласилась, отправилась къ Гинсбургу и послала деньги по адресу: Николаеву, въ Брюссель. Она значитъ знала, что въ Брюсселѣ съ паспортомъ Николаева сидитъ Нечаевъ, бѣжавшій съ чужимъ паспортомъ за студенческую исторію, человѣкъ знакомый, пріятель. Если бы такъ случилось, что положимъ разбойникъ, совершившій одно убійство, пришелъ бы къ пріятелю и сказалъ: «я умираю съ голоду, дай мнѣ поѣсть!» тотъ накормилъ, разбойникъ ушелъ и совершилъ два или три убійства, можно ли допустить, чтобы въ этомъ кускѣ хлѣба, данномъ этому разбойнику, заключалось приготовительное средство для совершенія двухъ или трехъ убійствъ, средство къ совершенію преступленія—средство объективное, а не средство для поддержанія существованія самого преступника. Такимъ образомъ по этому пункту Томилова не подлежитъ ровно никакой отвѣтственности. Она дала деньги, дала ихъ заимообразно и надѣялась выручить ихъ, потому что Орловъ сказалъ, что онъ знаетъ людей, которые занимаются складчиной для студентовъ, и что эти деньги можно собрать въ селѣ Ивановѣ и въ другихъ мѣстахъ. Но Орловъ увидѣлъ вскорѣ, что денегъ этихъ ему все таки не достать, увидѣлъ также, что студенческое движеніе, о которомъ онъ такъ много разсказывалъ г-жѣ

Томиловой, тоже принимаетъ оборотъ весьма неблагопріятный. Наконецъ, какъ человѣкъ не героическаго характера, онъ просто струсилъ. Одно письмо пришло изъ-за границы все-таки отъ бѣглеца, можетъ быть придетъ другое, третье. Всѣ эти причины въ совокупности ихъ и заставили Орлова убояться и удрать изъ Петербурга куда нибудь подальше, въ землю Донскихъ казаковъ. Уѣзжая, онъ хотѣлъ какъ нибудь развязаться съ г-жею Томиловой, чѣмъ нибудь свое обязательство замазать—онъ уѣзжаетъ, а деньги не возвращены. Онъ и выбралъ послѣднія 10 минутъ до отхода поѣзда, приходитъ къ ней, суетъ ей въ руки записки и говоритъ: «я уѣзжаю, вотъ это записки, вы дадите тѣмъ, которые собираютъ складчину!» Г-жа Томилова оставила эти записки, довольно подозрительныя, въ которыхъ говорится «ходъ дѣла», «планъ дѣла», «всѣ друзья по дѣлу» и т. д. Но, гг. судьи, возьмите, во 1-хъ, въ соображеніе, какія лица названы въ этихъ запискахъ? Ралли, Аметистовъ, т. е. тѣ лица, которыя знались съ Нечаевымъ только во время студенческой исторіи и которыя въ организаціи не бывали. Затѣмъ темнота выраженія ничего не доказываетъ, потому что Орловъ далеко не логическій человѣкъ, какъ всѣ остальные: многое у него перепутывалось въ головѣ, ну это и сказалось въ запискахъ. Говорятъ: «зачѣмъ же она не уничтожила эти записки, зачѣмъ она сохранила ихъ?» Да, дѣйствительно, ей слѣдовала бы уничтожить. Впрочемъ не только женщина, но и мужчина иногда попадается вслѣдствіе того, что не уничтожилъ извѣстнаго письма, документа—много бываетъ такихъ случаевъ. У г. Ткачева есть письмо г-жи Еврейновой, отрывокъ изъ котораго довольно подозрителенъ. Но на отрывокъ этотъ обвинительная власть даже не ссылается, потому что если взять этотъ отрывокъ въ связи съ другимъ письмомъ, то всякое подозрѣніе исчезнетъ и только отдѣльныя фразы могли показаться подозрительными. Точно также было и здѣсь. Г-жа Томилова не уничто-

жила ихъ, потому что она, по ея словамъ, надѣялась посредствомъ этихъ записокъ выручить свои деньги. Я могу прибавить еще другое. Эта женщина довольно чувствительная, а для женщины чувствительной чрезвычайную драгоцѣнность составляютъ малѣйшія воспоминанія: отъ одного она беретъ ленточку, отъ другого книгу, записку и т. д. Я зналъ женщинъ, у которыхъ цѣлые комоды и шкапы были завалены такими сувенирами, въ числѣ которыхъ были и весьма громоздкіе. За это сохраненіе нѣтъ возможности обвинять г-жу Томилову; она женщина весьма добродушная, ко всѣмъ относится одинаково: и Нечаевъ хорошій человѣкъ, и Орловъ хорошій человѣкъ, хотя чудакъ—эти записки его, какъ сувениры, она и уложила у себя и оставила.

Затѣмъ идетъ второе письмо, уже болѣе темное, полученное послѣ отъѣзда Орлова. Оно было сожжено. Письмо это заставило г-жу Томилову задуматься. Потомъ она получила вторую телеграмму, 29-го марта, тоже совсѣмъ непонятную для нея, о какомъ-то Стопинскомъ, который такъ-таки и остался неразгаданнымъ человѣкомъ. И эта телеграмма осталась безъ передачи, потому что Орлова не было. Томилова сожгла телеграмму. Наконецъ получается третье письмо. Г. прокуроръ предполагалъ изъ того, что я требовалъ, чтобы письмо вошло въ число вещественныхъ доказательствъ въ подлинникѣ, а не въ копіи, что я будто мѣчу на то чтобы исключить эту копію изъ числа вещественныхъ доказательствъ. Мысль моя была совершенно другая. Препровожденная копія доставлена изъ III Отдѣленія. Томилова утверждаетъ, что при первоначальномъ дознаніи ей показывали копію и втораго письма, которое она уничтожила. Я полагаю, что и первое письмо было извѣстно, можетъ быть даже копія его существуетъ, изъ чего я заключаю, что въ цѣлой предыдущей корреспонденціи Нечаева не заключалось ничего предосудительнаго и подозрительнаго. Значитъ вся сила только въ этомъ третьемъ письмѣ, гдѣ говорится: «за чѣмъ ко мнѣ не пишете, зачѣмъ не

присылаете мнѣ денегъ; я сгораю нетерпѣніемъ, дѣло идетъ быстро, заварится каша не только въ Россіи, но и во всей Европѣ». Гг. судьи, если бы было доказано, что послѣ прочтенія этого письма г-жа Томилова сдѣлала что нибудь для Нечаева, послала ему денегъ, оказала какую нибудь помощь, то можно бы еще подумать, что она была поставлена въ извѣстность о дѣйствіяхъ Нечаева; но эти письма и суть первое поставленіе ее въ избѣстность о революціонномъ дѣлѣ. Г. прокуроръ указываетъ, что отношенія Нечаева и Томиловой были искренни; если онъ писалъ ей такія письма, то слѣдоватольно это были отношенія дружбы. Но я уже говорилъ, что если эти отношенія были дружественны со стороны Томиловой, то со стороны Нечаева, наоборотъ. Г. Нечаевъ, по всему, что мы о немъ знаемъ, такой человѣкъ, который именно этихъ чувствъ не питаетъ особенно ни къ кому, и это свойство онъ возводитъ даже въ теорію, въ принципъ; вы читали катехизисъ и знаете что тамъ говорилось: «прочь всякая сантиментальность и всякій романтизмъ, нужно жертвовать всѣмъ». Вы знаете какъ опредѣлялись отношенія къ женщинамъ низшихъ категорій, говорилось, что ими можно пользоваться какъ мужчинами первыхъ категорій, т. е. ихъ можно топить, подводить и т. д. Нечаевъ дѣйствительно считаетъ себя обреченнымъ дѣлу революціи; но эту революцію онъ считалъ своею собственностю, значитъ располагалъ безцеремонно въ свою пользу всѣми людьми, завербованными въ дѣло, и даже незавербованными, какъ капиталомъ. Онъ дѣлалъ это на каждомъ шагу, и съ какою при томъ безсердечностью?— вспомните тотъ эпилогъ той комедіи, которая разыгралась на Руси, эпилогъ весьма печальный. Въ то время когда Успенскій взятъ и сидитъ въ тюрьмѣ, когда схвачены многіе, когда большая часть организаціи выловлена и люди, которыхъ Нечаевъ подводилъ, наполняютъ казематы, въ это самое время Нечаевъ ѣдетъ въ Москву и сочиняетъ извѣстное вамъ послѣднее свое

литературное произведеніе о томъ, какъ Нечаева поймали въ Тамбовѣ, какъ везутъ его въ Пермь, какъ отвозятъ потомъ дальше и держатъ тамъ, и наконецъ, какъ извѣстіе о его смерти доводится по телеграфу до Петербурга. Съ этимъ извѣстіемъ онъ послалъ г-жу Александровскую въ Женеву. Александровская была арестована 11-го января 1870 г.

Я кончилъ, гг. судьи! Полагаю, что во всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять Томилову. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Оно сложное; оно состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ—за границею и не подлежитъ суду, другой—здѣсь; общій узелъ Нечаевъ, который не находится въ рукахъ правосудія. Возмѣщать на одномъ изъ факторовъ все что сдѣлано обоими, было бы крайне несправедливо. Еще несправедливѣе казнить за Нечаева, за государственное преступленіе женщину, которая только тѣмъ согрѣшила, что была добродушна и сострадательна. Что касается до перваго элемента, государственнаго преступленія, то и противъ него приняты самыя дѣйствительныя мѣры — это опубликованіе преступныхъ дѣйствій, представленіе ихъ на судъ публики, на судъ всей Россіи, на судъ всей Европы. Я полагаю, что нѣтъ средства болѣе сильнаго, болѣе способнаго поразить этихъ людей, какъ та широкая, полнѣйшая гласность, съ которою происходитъ первый политическій процессъ въ Россіи.

По резолюціи суда 15 іюля о подсудимыхъ первой группы, Кузнецовъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ, Ткачевъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 годъ и 4 мѣсяца. Томилова была оправдана.

(См. «Правительственный Вѣстникъ» 1871 г. № 156 и послѣдующіе).

9.

Дѣло дворянина Полякова, обвиняемаго въ нарушенiи законовъ о печати.

Дворянинъ Поляковъ издалъ книгу I-й томъ сочиненія Гартполя Лекки, переведенную съ англійскаго А. Н. Пыпинымъ, подъ заглавіемъ: «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ». Цензурный комитетъ призналъ, что эта книга содержитъ въ себѣ сужденія о религіозныхъ предметахъ, и потому должна подлежать предварительно разсмотрѣнію духовной цензуры. А такъ какъ она была издана безъ предварительнаго просмотра духовной цензуры, то, арестовавъ экземпляры, комитетъ возбудилъ противъ издателя уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1024 ст. улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда 13 сентября 1871 г.

Гг. судьи, 5-го апрѣля 1865 года изданъ законъ, даровавшій такъ-называемую свободу печати, т. е. право авторамъ печатать произведенія извѣстнаго рода и объема, не посылая свои рукописи предварительно въ цензуру. Въ 1866 году вошли въ дѣйствіе новые суды, получившіе власть разрѣшать непредвидѣнные въ законѣ случаи по общему духу законовъ. Какъ ни молоды наши законы о печати, какъ ни новы наши судьи, тѣмъ не менѣе, образовались уже нѣкоторые прецеденты, есть протоптанныя дорожки, вслѣдствіе чего, при возникновеніи какого-нибудь вопроса, необходимо прежде

всего обратиться къ этимъ прецедентамъ, разобрать ихъ, и, такъ сказать, выжать изъ нихъ весь сокъ. Такимъ образомъ, я прежде всего начну съ разбора этихъ прецедентовъ и, затѣмъ, обращусь къ разсмотрѣнію самой книги. Прецедентовъ этихъ три: вопервыхъ, дѣло Павленкова, разрѣшенное въ іюлѣ 1869 года, затѣмъ, дѣло Гайдебурова по поводу книги Вундта «О душѣ», и, наконецъ, приговоръ сената о книгѣ, изданной Щаповымъ, «Письма объ Англіи Луи-Блана». Первое изъ этихъ рѣшеній, по дѣлу Павленкова, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно важное начало, а именно то, что напечатаніе книги, еслибъ въ немъ и заключалось преступленіе, безъ выпуска книги въ свѣтъ, есть вообще, само по себѣ, только приготовленіе къ преступленію, а такъ какъ вообще приготовленіе, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, ненаказуемо, то ни о какой личной отвѣтственности издателя не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, и въ двухъ другихъ рѣшеніяхъ по дѣлу Гайдебурова и Щапова сенатъ занялся чрезвычайно важнымъ вопросомъ проведеніемъ границъ между свободою печатнаго слова и вѣдомствомъ духовной цензуры. Вопросъ этотъ не могъ даже и возникать прежде, потому что были два вѣдомства цензурныя: одно духовное, другое свѣтское. Споръ о томъ, которому изъ двухъ подлежалъ просмотръ книги, разрѣшался сношеніемъ этихъ двухъ вѣдомствъ, причемъ самъ авторъ не принимался въ разсчетъ. Рукопись поступала къ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, а потомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, который отмѣчалъ то, что подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры и сколько мнѣ извѣстно, никогда духовная цензура не считала, что ей отмѣчено слишкомъ мало мѣстъ подлежащихъ ея сужденію; если и были какія-нибудь столкновенія, то они разрѣшались непосредственнымъ сношеніемъ между двумя администраціями. Положеніе это существенно измѣнилось, когда авторамъ предоставлено было право печатать свои произведенія безъ представленія рукописей въ цензуру.

Стали лицомъ къ лицу, съ одной стороны, вѣдомство духовное, съ другой—частный человѣкъ съ его правами и интересами. Очевидно, что при разграниченіи могли быть двѣ крайности, между которыми надлежало проложить средній путь. Одна крайность заключалась бы въ томъ, еслибъ въ духовную цензуру ничего не было отсылаемо. Ясно, что законъ 5-го апрѣля 1865 года относительно этого вопроса сохранялъ полнѣйшее *statu-quo*, т. е., предоставляя свободу печати, нисколько не предполагалъ умалить вѣдѣніе духовной цензуры или дать какое-нибудь послабленіе распространенію въ народѣ книгъ антирелигіознаго содержанія. Другая крайность имѣла бы мѣсто, еслибъ съ закономъ 5-го апрѣля, въ вѣдомство духовной цензуры перешла гораздо большая часть произведеній, чѣмъ прежде, еслибъ въ это вѣдомство должны были поступать всѣ книги научнаго содержанія, гдѣ говорится что-нибудь о Богѣ, о предметахъ религіозныхъ и вообще о проявленіяхъ религіозныхъ чувствъ, безъ каковыхъ предметовъ никакая серьезная книга обходиться не можетъ. Сенатъ рѣшилъ этотъ вопросъ по дѣлу Гайдебурова, сказавъ, что указъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ задачею расширить вѣдомство духовной цензуры. Такое расширеніе, которое бы подчинило вѣдѣнію духовной цензуры всѣ сочиненія, касающіяся, въ какомъ бы то ни было отношеніи, духовныхъ предметовъ, было бы даже вредно религіи: оно не содѣйствовало бы распространенію религіознаго чувства, потому что тогда, во избѣжаніе стѣснительныхъ формальностей, авторы старались бы избѣгать всего, что только касается божественнаго, и литература стала бы относиться крайне индиферентно къ богословскимъ вопросамъ. Въ интересахъ духовной цензуры поставленъ однако, былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли наказывать сочинителя, или издателя, который бы не усомнился, нѣтъ ли въ книгѣ его чего нибудь подлежащаго просмотру духовной цензуры, и который бы, не усомнившись, не представилъ книги на предварительный просмотръ, а

между тѣмъ, въ ней оказались бы мѣста духовнаго содержанія. Правительствующій сенатъ по дѣлу Гайдебурова положительно разрѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что никакая обязанность сомнѣваться и догадываться, нѣтъ ли въ книгѣ мѣстъ, подлежащихъ духовной цензурѣ не лежитъ на авторѣ, или издателѣ, и что за непредставленіе книги, или такихъ мѣстъ въ книгѣ, въ духовную цензуру, онъ не можетъ подлежать никакой отвѣтственности. Но какимъ образомъ опредѣлить, должна ли книга идти въ духовную цензуру, когда авторъ утверждаетъ, что не должна? Для этого слѣдуетъ обратиться къ толкованію 37-го и 38-го §§ цензурнаго устава. На основаніи этихъ двухъ статей, предварительной духовной цензурѣ можетъ подлежать книга или въ цѣломъ объемѣ, или въ отдѣльныхъ частяхъ. Что касается книгъ, подлежащихъ предварительной духовной цензурѣ въ цѣломъ объемѣ, то въ ст. 37-й онѣ опредѣляются такимъ образомъ: «Книги, *занимающіяся изложеніемъ догматовъ вѣры, толкованіемъ священнаго писанія*, *проповѣди* и т. п., словомъ, всѣ тѣ книги, которыя гораздо подробнѣе перечислены въ ст. 199-й ценз. устава, съ подраздѣленіемъ ихъ на 8 различныхъ категорій, а именно: сочиненія, относящіяся до церковнаго служенія, и житія святыхъ; коментаріи на священное писаніе; церковная исторія; книги, предназначаемыя для употребленія въ духовныхъ училищахъ и т. д. и т. д. Слѣдовательно, для признанія книги подлежащею въ цѣломъ составѣ предварительной духовной цензурѣ, необходимо признать, что она подходитъ подъ одинъ изъ 8-ми разрядовъ, указанныхъ и въ ст. 199-й устава; если же книга не содержитъ въ себѣ ничего подобнаго, то она не можетъ подлежать духовной цензурѣ, не подлежитъ также и какая-нибудь цѣльная отдѣльная ея часть. По дѣлу Гайдебурова о книгѣ Вундта, указываемо было на 8 лекцій, посвященныхъ религіозному чувству и его различнымъ проявленіямъ, происхожденію религій и т. п. Сенатъ при-

зналъ, что всѣ эти восемь лекцій, составляющія часть книги, подлежатъ духовной цензурѣ. Что касается отдѣльныхъ мѣстъ въ книгѣ совершенно духовнаго содержанія, то правительствующій сенатъ занимался этимъ вопросомъ преимущественно по дѣлу Щапова и пришелъ, по этому поводу, къ такимъ заключеніямъ, которыя могутъ имѣть отчасти руководящее значеніе. Въ данномъ случаѣ правительствующій сенатъ нашелъ, что авторъ можетъ разсуждать о всѣхъ церквахъ и вѣроисповѣданіяхъ, кромѣ православнаго, т. е., что можно разбирать все, происходящее въ нѣдрахъ римскаго католицизма и протестантизма, что можно даже свободно разсказывать о томъ, что происходитъ въ русскомъ расколѣ, такъ какъ подобныя сужденія и сообщенія допускались цензурою свѣтскою безъ отсылки въ цензуру духовную; значитъ и на будущее время слѣдуетъ держаться той-же самой практики. Что же касается общихъ сужденій и умозаключеній, касающихся догматовъ вѣры и религіозныхъ ученій, то на этотъ счетъ сенатъ остановился на слѣдующемъ различіи: бывали случаи, когда авторъ, излагая свое убѣжденіе, старается что-нибудь доказать и убѣдить въ томъ же другихъ, то-есть, когда онъ придаетъ излагаемой имъ мысли дидактическую форму. Въ такомъ случаѣ произведеніе его подлежитъ вѣдѣнію духовной цензуры; если же авторъ только разсказываетъ о томъ, что происходило въ православной церкви, то мѣста эти не подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры.

По дѣлу Щапова представляется слѣдующій замѣчательный примѣръ: Луи-Бланъ разсуждаетъ въ одномъ письмѣ о преимуществѣ протестантизма передъ католицизмомъ и видитъ одно изъ самыхъ существенныхъ преимуществъ протестантизма въ томъ, что онъ неспособенъ къ тираніи, т. е. предоставляетъ болѣе простора каждому вѣрить по своему. Эта мысль найдена правительствующимъ сенатомъ совершенно возможною въ печати, безъ отсылки книги въ духовную цензуру, потому что это сужденіе иновѣрца объ иновѣрческихъ же

вѣроисповѣданіяхъ и, слѣдовательно, не касается православія. Подлежащими духовной цензурѣ найдены только два мѣста, отчасти дидактическаго характера. Если остановиться на этомъ коренномъ правилѣ, которое дано сенатомъ для руководства судамъ въ подобныхъ случаяхъ, то надо сознаться, что правило это чрезвычайно тонкое, что если оно и послужило къ разрѣшенію недоумѣній по дѣлу Щапова, то къ другимъ подобнымъ же случаямъ оно должно быть примѣняемо съ разборчивостью и осторожностью. Правило это столь тонко, какъ, напримѣръ, остріе иголки: оно основано на формѣ; но всякій знаетъ, что форма въ сочиненіи не есть самое главное, что авторъ въ другой формѣ можетъ провести ту же мысль и произвести то же самое впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, одною только ловкою группировкою фактовъ можно достичь того, что изъ нихъ всякимъ смышленнымъ читателемъ будетъ выведено то заключеніе, котораго желалъ авторъ и которое другой авторъ облекъ бы въ дидактическую, поучительную форму. Такимъ образомъ, всегда представляется возможность обойти то правило, которое поставлено въ руководство правительствующимъ сенатомъ. Сверхъ того, я полагаю, что сенатъ, конечно, не имѣлъ въ виду отсылать въ духовную цензуру такія сужденія, даже и въ дидактической формѣ, которыя, очевидно, согласны съ катехизисомъ и не противорѣчатъ ни христіанской вѣрѣ, ни православію. Напримѣръ, еслибъ я хотѣлъ выразить мысль, что я вполнѣ вѣрю въ будущую жизнь, что я вполнѣ вѣрую въ Христа, какъ Спасителя рода человѣческаго, то, спрашивается, возможно ли, чтобъ такая мысль, очевидно вполнѣ согласная съ ученіемъ православной церкви, подлежала просмотру духовной цензуры и чтобъ авторъ, ее выразившій, долженъ былъ подвергаться той задержкѣ, тѣмъ стѣсненіямъ, какими сопровождается отсылка книгъ вообще въ какую угодно предварительную цензуру. Однимъ словомъ, я полагаю, что и сенатъ, оставляя два мѣста у Луи-Блана, под-

лежащія отсылкѣ въ духовную цензуру, вникъ въ ихъ содержаніе и, по крайней мѣрѣ, усомнился въ томъ, согласны ли эти два мѣста съ катехизисомъ. Я полагаю, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходитъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ нѣчто подобное тому, что происходило въ римско-католической церкви въ средніе вѣка. Тогда судилъ еретика сначала судъ духовный, который, произнеся надъ нимъ, такъ сказать, *теоретическое* осужденіе, отсылалъ его суду свѣтскому, который и совершалъ надъ нимъ ауто-да-фе. У насъ съ книгою поступается наоборотъ: ее просматриваетъ сначала судъ свѣтскій; но когда онъ отсылаетъ отдѣльныя мѣста въ духовную цензуру, то его отсылка по отношенію къ этимъ мѣстамъ имѣетъ для этихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ, значеніе обвинительнаго акта. Важнѣе чѣмъ руководящее начало сената, основанное на формѣ, то, что сенатъ пропустилъ лекціи Вундта, касающіяся исторіи религій, и призналъ, что сочиненія научнаго содержанія должны подвергаться гораздо меньшимъ стѣсненіямъ, чѣмъ сочиненія легкія, беллетристическія. Думаю, что я покончилъ со всѣми прецедентами и теперь могу прямо обратиться къ книгѣ Лекки, т. е. разобрать ее по содержанію.

Всякая книга, по закону, можетъ подлежать предварительной духовной цензурѣ или въ цѣломъ объемѣ, по 37-й ст. цен. уст., или въ отдѣльныхъ частяхъ, на основ. 38-й ст. Изъ рѣчи товарища прокурора для меня остался неразъясненнымъ вопросъ о томъ, какъ онъ полагаетъ распорядиться съ книгой: послать ли ее въ духовную цензуру въ цѣломъ объемѣ, или же въ тѣхъ страницахъ, на которыя онъ указалъ. Если взять обвинительный актъ, то можно заключить, что духовная цензура, а вслѣдъ затѣмъ, и прокурорскій надзоръ полагаютъ всю книгу отослать въ духовную цензуру на томъ основаніи, что книга эта, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, *главнымъ образомъ* религіознаго содержанія. Я полагаю, что такъ нельзя относиться къ

этому предмету: въ законѣ говорится «*совершенно* духовнаго содержанія», а говорить «*главнымъ образомъ*» значитъ распространять смыслъ закона, значитъ раздвигать предѣлы вѣдѣнія духовной цензуры, между тѣмъ, какъ въ рѣшеніи сената по дѣлу Гайдебурова сказано, что законъ 5-го апрѣля нисколько не имѣлъ въ виду расширеніе вѣдѣнія духовной цензуры. Сверхъ того, въ обвинительномъ актѣ сдѣлана слѣдующая замѣна словъ, имѣющая чрезвычайно важное значеніе; вмѣсто «*духовнаго* содержанія», сказано: «*религіознаго* содержанія»; но всякій пойметъ, что между словами «*духовный*» и «*религіозный*» есть громадная разница, что понятіе «*религіозный*» гораздо обширнѣе, что о религіи могутъ писаться книги и духовныя и свѣтскія. Если потребуются доказательства, я могу ихъ привести. Я, напримѣръ, пишу обширный трактатъ о религіи древнихъ индѣйцевъ или персовъ, толкованіе корана или исторію миѳологіи греческой. Конечно, мнѣ могутъ сказать, что это лжерелигіи; но лже или не лже, а онѣ, всетаки, религіи, притомъ, онѣ касаются вѣроисповѣданій весьма распространенныхъ, такъ какъ послѣдователи другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ христіанскихъ, въ прошедшемъ и въ настоящее время, безъ сомнѣнія, составляютъ большинство въ родѣ человѣческомъ. Во-вторыхъ, книгою не духовнаго, а свѣтскаго содержанія должна считаться всякая, которая содержитъ философскія разсужденія о религіи, причемъ эссенція религіи отдѣляется отъ исторической оболочки религіи, отъ миѳологіи, отъ религіознаго міросозерцанія даннаго народа. Если я дѣлаю то, что сдѣлано Вундтомъ въ его 8 лекціяхъ, если я выдѣлю изъ книги Вундта эти 8 лекцій и выпущу ихъ особо, то изданіе мое не можетъ подлежать духовной цензурѣ, какъ это признано рѣшеніемъ сената по дѣлу Гайдебурова. Въ третьихъ, въ самой области христіанства я могу брать предметы для своихъ произведеній, не спросясь у духовной цензуры, могу писать книги о христіанствѣ, лишь бы не о православномъ.

Всякому извѣстно, что православная церковь имѣетъ общіе корни со всѣми другими христіанскими вѣроисповѣданіями и что корни эти даже заходятъ въ исторію еврейскую. Вотъ этихъ-то общихъ мѣстъ и корней еврейскихъ и нельзя касаться; разсуждать же обо всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданіяхъ можно совершенно свободно, особенно если разсуждающій иноверѣцъ; это будетъ разсужденіе иновѣрца объ иновѣрческихъ вѣроисповѣданіяхъ и нѣчто, до православной церкви не относящееся. Эту свободу разсужденія о фактахъ, касающихся даже христіанскихъ вѣроисповѣданій, можно изобразить графически въ видѣ огромной рѣки, которая у устья своего раздѣляется на множество рукавовъ; одно русло главное, всѣ же остальныя побочныя; по всѣмъ побочнымъ рукавамъ можно плавать свободно, и только въ этомъ главномъ руслѣ требуется предварительный пропускъ. Слѣдовательно, можно говорить свободно, безъ предварительнаго спроса, и о протестантизмѣ, и о католицизмѣ, и даже о русскомъ расколѣ: это вполнѣ признано сенатомъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, я признаю свободу печати безъ предварительной цензуры за особымъ родомъ историческихъ сочиненій, на который прошу обратить особенное вниманіе. Это такой родъ, который имѣетъ своимъ предметомъ не исторію возникновенія вѣры или церкви, но исторію религіозныхъ убѣжденій и нравовъ общества въ извѣстное время, позднѣйшее, когда религія уже сложилась. Я, напримѣръ, хочу писать о христіанствѣ, но я не изображаю при этомъ ни земной жизни Христа, ни апостоловъ и святителей церкви, я не касаюсь даже церкви, ея соборовъ и постановленій, я все это оставляю въ сторонѣ; я начинаю мое историческое изложеніе съ того вѣка, когда перестали твориться чудеса, когда всѣ догматы уже формулированы; притомъ, я изслѣдую не то, чтò истинно и чтò неистинно въ извѣстномъ вѣроисповѣданіи, а только то, какъ люди вѣровали въ XII-мъ, XIII-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ; я слѣжу за ними и въ массахъ и въ самыхъ

главныхъ представителяхъ общества, великихъ людяхъ, мыслителяхъ и вывожу заключеніе о томъ, какъ они представляли себѣ Бога и т. п. И тутъ я не критикую ихъ убѣжденій, а просто только опредѣляю, что въ такомъ-то вѣкѣ общество думало такъ-то и такъ-то. Понятно, что о такихъ историческихъ сочиненіяхъ нельзя сказать, что онѣ посвящены исторіи церкви или исторіи религіи. Эти сочиненія особаго рода, которыя возможны также, какъ возможна логика, какъ возможна исторія, критика. Логика есть наука, имѣющая предметомъ самый процесъ мышленія безъ его содержанія, она теорія этого процеса. Занимаясь теоріей критики я изучаю, напримѣръ, не самаго Пушкина, а мнѣ пришло на мысль изучить, какъ смотрѣли на Пушкина Кирѣевскій, Бѣлинскій, Писаревъ; я изучаю, положимъ, не самаго Данта, а только коментаторовъ Данта; моя книга будетъ рефлексомъ рефлекса. Если мнѣ запрещено дѣлать наблюденія надъ спектромъ солнечнымъ то я, всетаки, могу дѣлать наблюденія надъ луннымъ спектромъ, такъ какъ запрещеніе существуетъ только относительно солнечнаго. Всякая религія отражается извѣстнымъ образомъ въ словахъ какъ массъ, такъ и великихъ людей, представителей эпохи. Возможна ли такая исторія? Весьма возможна и полезна. Нынѣ принято, что гораздо бо̀льшее значеніе имѣетъ бытовая исторія народа, чѣмъ политическая; въ этой послѣдней много шуму и треску въ такъ-называемыхъ большихъ міровыхъ событіяхъ, но если вникнуть въ смыслъ этихъ событій то оказывается, что они подготовлены вѣками, что они произошли вслѣдствіе того, что общество пріобрѣло извѣстный складъ ума, извѣстныя привычки, извѣстные нравы. Если будутъ изучаемы не вѣра сама въ себѣ, а вѣрованія людей и общества въ различныя эпохи, то спрашивается, относить ли подобныя сочиненія къ тѣмъ, которыя могутъ печататься свободно, безъ просмотра духовною цензурой, или къ тѣмъ, которыя этой отсылкѣ подлежатъ? Но гдѣ же у духовной цензуры тотъ гла-

зомѣръ, то мѣрило, которымъ она можетъ мѣрить подобнаго рода сочиненія. Я излагаю, напримѣръ, какъ вѣрили Декартъ, Спиноза, Шлейермахеръ, какія были ихъ понятія о религіи вообще; спрашивается, что будетъ дѣлать духовная цензура...

Предсѣдатель. Я прошу васъ на минуту остановиться; вы вдаетесь въ область, вовсе не подлежащую обсужденію суда; вы разбираете вопросъ о дѣйствіяхъ, какія должны происходить въ духовной цензурѣ и которыя, въ настоящее время, вовсе не касаются суда. Вопросъ, подлежащій въ данномъ случаѣ разрѣшенію суда, заключается въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ извѣстную книгу, или отдѣльныя мѣста этой книги отослать для просмотра въ духовную цензуру; затѣмъ, вопросъ о дѣйствіяхъ духовной цензуры никакого значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я заговорилъ о духовной цензурѣ, чтобъ вывести заключеніе, что, по моему мнѣнію, священная исторія и церковная исторія составляютъ такой предметъ, по которому сочиненія не могутъ быть печатаемы безъ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры, но что этой цензурѣ не можетъ подлежать исторія вѣрованій людей, принадлежащихъ къ церкви иновѣрческой въ историческія эпохи, которыя послѣдовали за раздѣленіемъ церквей. Теперь подведемъ подъ это мѣрило книгу Уилльяма Гартполя Лекки. Она появилась въ 1865 году и имѣла три изданія въ два года и много переводовъ. Вы, гг. судьи, вѣроятно, читали эту книгу; она оставляетъ такое впечатлѣніе, что авторъ ея стоитъ весьма близко къ Боклю и къ другимъ знаменитымъ историкамъ его націи, что онъ восторженный апостолъ знанія, что онъ изучаетъ вліяніе успѣховъ знанія на идеи массъ и на образъ дѣйствій массъ. Первой изъ этихъ задачъ посвящена «Исторія раціонализма»; второй—«Исторія нравовъ въ Европѣ»—сочиненіе, донынѣ неоконченное. Гартполь Лекки не излагаетъ собственно самыхъ открытій и изобрѣтеній, которыя обогатили человѣчес-

кое знаніе: онъ не предлагаетъ намъ исторіи этихъ открытій—онъ представляетъ только вліяніе этихъ открытій на идеи массъ. Результаты этого вліянія могутъ быть отдѣлены отъ самаго открытія весьма продолжительнымъ періодомъ времени, нѣсколькими десятками, нѣсколькими сотнями лѣтъ. Для примѣра возьмемъ космографію вселенной. Въ VI столѣтіи былъ въ Александріи монахъ Козьма Индикоплевстъ, великій путешественникъ и космографъ, который, на основаніи текстовъ священнаго писанія, изобразилъ землю, какъ плоскій паралелограмъ, кругомъ его четыре стѣны и крыша—небесный сводъ. Въ книгахъ Моисея сказано, что вселенная устроена подобно шатру скиніи завѣта, а шатеръ устроенъ такъ что на сѣверѣ земли гора, вокругъ которой обращаются мѣсяцъ и солнце. Словами св. писанія опровергалось существованіе антиподовъ. Прошли крестовые походы, Колумбъ, Коперникъ. Несмотря на открытія, космографія Козьмы оставалась въ такой силѣ, что конгрегація кардиналовъ осудила, въ 1616 году, ученіе Коперника, а потомъ осудила и подвергла, кажется, пыткѣ Галилея. Что же случилось? То, что̀ въ концѣ-концевъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: съ одной стороны, совершено отступленіе, въ виду невозможности спорить противъ очевидности; съ другой, пріобрѣтено то, что вѣрованіе сдѣлалось чище и тоньше, оно освободилось отъ фактовъ неистинныхъ, которые принимались за истину, между тѣмъ, какъ они были только предразсудкомъ. Точно также не вдругъ, но постепенно поколеблена была вѣра въ магію, въ прямое вмѣшательство злыхъ духовъ, вѣра въ то, когда явилась смерть. Невозможно было отстаивать положеніе, что смерть вошла въ міръ черезъ перваго человѣка; когда геологія научила, что смерть господствовала въ громадныхъ размѣрахъ и прежде появленія человѣка, въ періодъ мастодонтовъ и динотеріевъ. Слѣдя за процесомъ измѣненія религіозныхъ вѣрованій, Лекки замѣчаетъ, что вѣрованія эти почти никогда не измѣнялись

вслѣдствіе доводовъ и аргументовъ богословскихъ. Ведется, положимъ, ожесточенный споръ, приводятся доводы самые убѣдительные въ подтверждение извѣстнаго мнѣнія, но они не производятъ ровно никакого впечатлѣнія и проходятъ безслѣдно, потому что общество не расположено къ ихъ принятію. Попробовалъ бы кто-нибудь распространяться съ самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ о свободѣ вѣроисповѣданій передъ Торквемадою или какимъ удодно трибуналомъ инквизиціи; его, разумѣется, тѣмъ скорѣе засудили бы и сдѣлали бы auto da fe. Но послѣ спора проходитъ нѣсколько времени, въ теченіи котораго атмосфера измѣнилась, была болѣе богословская, а потомъ сдѣлалась болѣе свѣтскою, и тотъ-же самый аргументъ, который не производилъ никакого впечатлѣнія, принимается съ энтузіазмомъ и совершаетъ, повидимому, переворотъ. Мало того, въ исторіи были и такіе случаи (Лекки приводитъ ихъ много), что вѣрованія, повидимому, весьма крѣпкія, подобныя дубу, раскинувшему во всѣ стороны свои вѣтви, покрытыя листьями, вдругъ, безъ всякой видимой причины, рушились, проваливались, пропадали. Чтò же оказывалось? Что дубъ держался, но корни его давно перегнили, а сердцевина истлѣла. Когда началось гніеніе? Оказывается, что очень давно, можетъ быть, за сто, можетъ быть за пятьдесятъ лѣтъ произведено какое-нибудь открытіе въ статикѣ, химіи, физикѣ, то есть въ знаніяхъ, которыя не имѣютъ, повидимому, ни малѣйшей связи съ богословіемъ, однакожъ, вліяніе его отразилось на богословіи. Мало того, люди, которые дѣлали это открытіе, которые сообщили обществу извѣстныя умственныя привычки, стояли сами подъ сѣнью дуба и совсѣмъ не подозрѣвали, что ихъ ученіе, что открытіе ими извѣстнаго закона произведетъ упадокъ раздѣляемаго ими самими вѣрованія. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этой истины? Тотъ ли, что религія падаетъ, что знаніе водружаетъ свое побѣдное знамя на развалинахъ религіи, ступаетъ ногою на церковь? Нисколько.

Если прочитать какъ тѣ самыя страницы, на которыя указывалъ г. товарищъ прокурора, такъ и тѣ, на которыя прошу обратить вниманіе, то придется вывести заключеніе, что книга Лекки не только не противна катехизису, но способствуетъ укрѣпленію религіознаго чувства. Прошу прочесть страницу 143-ю: смыслъ ея тотъ, что никогда религія не изсякнетъ, никогда не прекратится, что основаніе ея—вѣра, а вѣра есть родъ нравственнаго познанія; что критика можетъ только уничтожить ту или другую подробность въ общей картинѣ религіознаго міросозерцанія, но корень и основаніе всякаго вѣроученія вѣчны. Религія можетъ признать тѣ подробности, тѣ обстоятельства, которыя несогласны съ успѣхами знанія, несущественными; если ея представители отстаиваютъ упорно эти подробности, то не обходится безъ борьбы, безъ тягостнаго столкновенія, но въ концѣ концовъ, эта подробность, оказывающаяся противною очевидности, противною здравому смыслу, будетъ, всетаки, взорвана и устранена. Очень часто случается такъ, что эта подробность, которая оказывается несогласною съ успѣхами знанія, обходится нѣкоторое время съ той и другой стороны; на нее прямо не нападаютъ, ее прямо и не отстаиваютъ, но, по безмолвному соглашенію сторонъ, происходитъ то, что, бывъ прежде центральнымъ представленіемъ въ извѣстномъ міросозерцаніи, она отодвигается въ окружность и уходитъ, наконецъ, въ ту оболочку, которая окружаетъ всякую живую вѣру—въ область недѣйствительнаго и не дѣйствующаго, въ край призраковъ и тѣней, къ которымъ нельзя относиться серьезно. Иногда же бываетъ, что тѣ представленія, которыя были религіею прошлаго, дѣлаются поэзіею послѣдующаго времени; что когда охладѣваетъ живая религіозная вѣра, то тѣ образы, которые ее окружали въ прежнемъ міросозерцаніи, дѣлаются предметомъ творческой фантазіи народовъ. Такое явленіе было въ древней Греціи и въ Западной Европѣ въ періодъ возрожденія. Это же самое солнце, которое,

когда стояло на зенитѣ, было религіей и согрѣвало, потомъ, склоняясь къ закату, посылаетъ еще яркіе лучи, но лучи, уже лишенные теплоты.

Измѣняемость подробностей всякаго вѣроисповѣданія приводитъ необходимо къ заключенію, что въ религін самое важное, самое существенное не догматическая ея система, а сторона ея нравственная. Догматическія системы мѣняются. Лекки представляетъ превосходно эту измѣняемость слѣдующимъ образомъ. Представимъ себѣ солнце, оно окружено облаками; облака свѣтятся ярко отъ солнечныхъ лучей, и насѣкомое, которое живетъ одну минуту, можетъ, глядя на эти облака, думать, что ихъ складки и суть настоящій источникъ свѣта и теплоты. Но черезъ нѣсколько минутъ дунетъ вѣтеръ, эти облака разсѣются и солнце будетъ сіять еще ярче или озлатитъ другія облака. Утверждая, что догматическая сторона имѣетъ теперь гораздо меньше важности, чѣмъ въ прежнія времена, Лекки не выражаетъ своего собственнаго убѣжденія: онъ говоритъ только, что вѣкъ нашъ придаетъ догматической формѣ менѣе значенія, чѣмъ сторонѣ нравственной, вслѣдствіе чего на видъ можетъ показаться, что нынѣ какъ будто бы менѣе религіозной ревности, меньше усердія къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ, гораздо меньше чудеснаго, изъ чего не вытекаетъ нисколько, чтобъ въ этомъ вѣкѣ было меньше христіанскихъ плодовъ любви и милосердія, было меньше помощи ближнимъ, меньше заботливости о судьбѣ неимущихъ, о водвореніи равенства и братства между людьми. Въ этомъ отношеніи свѣтъ христіанства сіяетъ въ наше время самымъ полнымъ блескомъ. Я передалъ, по возможности, словами самаго Лекки главныя положенія его книги. Сказаннаго мною достаточно, чтобъ опровергнуть тѣ мнѣнія, несовсѣмъ справедливыя, которыя выражены въ обвинительномъ актѣ и поддерживались здѣсь на судѣ. Я полагаю, что невѣрно то, будто бы это сочиненіе было не только исключительно, но даже

главнымъ образомъ духовнаго или религіознаго содержанія, потому что, какъ вы видите, господа судьи, оно касается не возникновенія, не сущности религіи, а только религіозныхъ идей, въ вѣкахъ довольно близкихъ къ намъ, когда религія уже сложилась. Оно не главнымъ образомъ религіознаго содержанія потому, что въ ней столько же мѣста занимаетъ исторія искуствъ и успѣхи знанія, какъ и вѣрованія религіозныя. Я полагаю, что несправедливо также и то положеніе обвинительнаго акта, будто бы Лекки излагаетъ вѣрованія и ученія отцовъ церкви IV, V, VI вѣковъ. Онъ этихъ вѣковъ не касается. Исторія раціонализма начинается только съ того момента, когда родился самъ раціонализмъ, то есть, съ XII вѣка; но не простирается на тѣ вѣка наивность вѣры, когда люди не сомнѣвались. Только въ томъ вѣкѣ, по мнѣнію Лекки, человѣкъ началъ сомнѣваться, но не дошелъ еще до того, что это сомнѣніе невиновно, и считалъ его величайшимъ грѣхомъ, вслѣдствіе чего самъ вѣкъ сталъ сумрачный и печальный. Болѣе грознымъ явился сатана, менѣе ободряющимъ—Христосъ. Самый видъ Христа измѣнился въ иконописи и, вмѣсто добраго пастыря, явился Rex tremendae majestatis изъ Dies irae.

Но слѣдя за религіознымъ сомнѣніемъ, Лекки изучаетъ его въ обществахъ западно-европейскихъ, а не въ русскомъ, во всѣхъ христіанскихъ религіяхъ, кромѣ православной. Такимъ образомъ, я полагаю, что обвиненіе Лекки въ томъ, что книга его изучаетъ IV, V и VI столѣтія, то есть, общехристіанскую церковь, несправедливо. Равнымъ образомъ, я полагаю, что совершенно несправедливо обвиненіе Лекки, будто онъ утверждаетъ, что въ религіи все то, что̀ не можетъ быть объяснено разумомъ, необязательно и должно быть исключено изъ религіи, и что Лекки ставитъ судьей въ дѣлѣ обязательности религіозныхъ вѣрованій личную совѣсть. Лекки никогда не произноситъ такой нелѣпости, будто въ религіи должно заключаться только то,

что̀ объяснимо умомъ. Далеко не все въ мірѣ можетъ быть объяснено умомъ. Лекки прямо говоритъ, что глубокая тайна лежитъ въ существѣ всякой вещи. Мы можемъ открыть извѣстный законъ, напримѣръ, законъ тяготѣнія, но самое тяготѣніе остается тайной. Тайны всегда будутъ, какъ бы велики ни были успѣхи знанія. Всякое вѣрованіе религіозное покоится на томъ, что̀ навсегда останется непостижимымъ уму. Лекки только доказываетъ, что съ теченіемъ времени отъ вѣрованія отходитъ все, что оказывается противнымъ здравому смыслу. Точно также я не могу согласиться съ тѣмъ, будто онъ придаетъ такое значеніе совѣсти, что совѣсть есть единственный судья въ дѣлѣ религіи. Говоря о совѣсти, Лекки разумѣетъ не совѣсть индивидуальную, но общественную; онъ развиваетъ ту мысль, что вѣрованія религіозныя приводятъ въ соотвѣтствіе съ совѣстью цѣлаго общества, то есть, съ суммою нравственныхъ идей, которыя выработаны въ данную минуту; что общество съ точки зрѣнія этихъ идей, можетъ относиться такъ или иначе къ своимъ вѣрованіямъ; что оно, соображаясь съ суммою накопленныхъ идей, выдвигаетъ нѣкоторыя вѣрованія на первый планъ, вслѣдствіе чего другія отходятъ на задній. и теряютъ то первенствующее значеніе, которое имѣли до сихъ поръ. Лекки излагаетъ это не какъ свое личное мнѣніе, но какъ выводъ изъ исторіи человѣчества. Замѣтимъ, что Лекки протестантъ и что̀ значитъ это мнѣніе иновѣрца о томъ, что происходитъ въ иновѣрческихъ обществахъ? Замѣтимъ, притомъ, что эта мысль о совѣсти есть повтореніе въ другой формѣ положенія, которое, дѣйствительно, составляетъ краеугольный камень его книги, и которое, кажется, не имѣетъ ничего антирелигіознаго и антицерковнаго, а именно, что догматическая сторона въ религіи въ нашъ вѣкъ имѣетъ менѣе значенія, нежели нравственная. Наконецъ, замѣтимъ, что эта идея, что совѣсть общества есть о̀рганъ религіозный, и повѣрочная способность относи-

тельно оцѣнки вѣрованія есть ничто иное, какъ выраженная въ научной формулѣ сущность протестантизма, какъ культурной идеи. Спрашивается, какимъ же образомъ культурная идея протестантизма можетъ быть отсылаема въ духовную цензуру православную? Въ такомъ случаѣ пришлось бы отсылать туда очень многое, напримѣръ, «Натана Мудраго» Лессинга, потому что, собственно говоря, основная идея этой драмы есть не что иное, какъ религіозная терпимость; въ этой драмѣ сопоставляются три лица: храмовникъ, рабби Натанъ и Саладинъ и оказывается, что самый религіозный изъ нихъ — Натанъ Мудрый, его вѣрованія чище, потому что онъ гуманнѣе другихъ. Однако, сколько мнѣ извѣстно, эта драма, явившаяся у насъ недавно въ переводѣ, не отсылалась въ духовную цензуру.

Я разобралъ книгу Лекки, и мнѣ кажется, что эта книга, въ своемъ объемѣ, посвящена предметамъ свѣтскимъ, и хотя касается вѣрованій религіозныхъ, но со стороны свѣтской; значитъ, въ цѣломъ объемѣ она не подлежитъ духовной цензурѣ. Спрашивается, могутъ ли подлежать духовной цензурѣ отдѣльныя мѣста изъ этой книги? Въ обвинительномъ актѣ я не встрѣтилъ никакого указанія на страницы: тамъ сказано глухо, что эта книга касается нѣкоторыхъ догматовъ, которые потомъ перечислены. Мнѣ предстояла-бы работа дѣлать собственно не мое дѣло—читать книгу, помѣчая страницы, чтобъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли заключаются въ ней мѣста, которыя могутъ быть отнесены къ изложенію догматовъ религіозной и церковной исторіи. Нынѣ я слышалъ указанія на нѣкоторыя страницы, между прочимъ, на страницы: 9, 56, 59, 150, 145-ю. Я не знаю, что̀ на этихъ страницахъ стоитъ— такъ скоро я не могу справиться, я ихъ не прочелъ— но я позволю себѣ взять обвинительный актъ и разобрать подробно тѣ догматы, которые приведены въ обвинительномъ актѣ, чтобъ доказать, что если книга

Лекки и касается этихъ догматовъ, то такимъ образомъ, что не выходитъ за предѣлы нашей свободы печати. Въ обвинительномъ актѣ изъ догматовъ указана церковь, то есть, девятый членъ символа вѣры.

Да, но какая это церковь? XII и послѣдующихъ вѣковъ, когда великій расколъ уже совершился. Лекки слѣдитъ за ходомъ идей въ тѣхъ частяхъ христіанства, которыя отдѣлились отъ православія, въ римско-католической и протестантской церквахъ. Приведенъ въ актѣ догматъ будущей жизни, то-есть XII членъ символа вѣры. Да, Лекки касается этого ученія. Но какъ касается? отвергаетъ эту будущую жизнь? Нѣтъ, не отвергаетъ. На страницахъ 263-й и 264 онъ утверждаетъ положительно, что нѣтъ ни одной религіозной системы христіанства до настоящаго времени, которая могла бы обойтись безъ догмата будущей жизни. Спрашивается: описываетъ ли онъ, какова будетъ эта жизнь? Нѣтъ, напротивъ: онъ утверждаетъ, что во всѣхъ катехизисахъ римско-католическихъ и протестантскихъ ученіе это было гораздо подробнѣе развиваемо въ прежніе вѣка, чѣмъ нынѣ. Да оно и понятно; въ средніе вѣка эта будущая жизнь людямъ, которые были болѣе матерьяльны, представлялась какъ жизнь, сопровождаемая матерьяльными муками и матерьяльнымъ блаженствомъ. Они представляли ее въ видѣ вѣчнаго огня, который опаляетъ души, а души понимались какъ тончайшія и, притомъ, несгораемыя тѣла. Это представленіе составляло центральный пунктъ міросозерцанія христіанскаго, закрѣпленіе всего закона нравственнаго, главное побужденіе къ тому, чтобъ быть добродѣтельнымъ. Мало того, видъ страданій несчастныхъ, ввергнутыхъ въ огонь вѣчный, входитъ, какъ составной элементъ, въ счастье блаженныхъ. Какіе результаты должна была дать подобная постановка этого вопроса въ общей системѣ религіозной? Тѣ, что она должна была ожесточать человѣка, вѣчно помышлявшаго о страшныхъ мукахъ, которымъ бо̀льшая часть человѣчества будетъ

предана; свыкаясь съ чужими муками, онъ не могъ быть мягкосердечнымъ. Представленіе объ адскомъ огнѣ, понимаемомъ какъ огонь буквально, и пытка въ законѣ гражданскомъ—это два однородныя явленія, произрастающія на одномъ корнѣ. Когда Декартъ сталъ учить, что существо души заключается въ мышленіи и что она не матеріальна, то изъ этого положенія вытекаетъ, что душа не можетъ быть опаляема огнемъ, значитъ огонь ада надо понимать въ переносномъ значеніи, какъ его понимали нѣкоторые немногіе учители среднихъ вѣковъ, напримѣръ, Іоаннъ Скотъ Эригенъ. Съ тѣхъ поръ картина вѣчныхъ мукъ въ догматической системѣ западно-европейскаго христіанства отодвигается отъ центра болѣе къ окружности, само понятіе ада изъ живой картины, дѣтствующей потрясающимъ образомъ на нервы, превращается въ логическій постулатъ. И дѣйствительно, въ современныхъ катехизисахъ уже не описываются муки ада и будущая жизнь обозначается самыми общими чертами. Сверхъ того, боязнь мукъ замѣнена отчасти чувствомъ справедливости, правиломъ: дѣлать добро для добра. Гораздо болѣе затрудненій, нежели будущая жизнь, у Лекки представляютъ тѣ мѣста, въ которыхъ Лекки касается догмата о первородномъ грѣхѣ и о вѣчной гибели какъ всѣхъ некрещенныхъ дѣтей, такъ и язычниковъ. Есть религіи, которыя за исходную точку принимаютъ гордое сознаніе чувства достоинства человѣка, и есть религіи, которыя за ту же точку принимаютъ смиренное сознаніе грѣха. Христіанская религія принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Родъ человѣческій упалъ, искупленъ только Христомъ: что станется съ неискупленными? Выводъ, что они обречены на вѣчныя муки, былъ развитъ съ гораздо бо̀льшею, нежели въ римскомъ католицизмѣ, послѣдовательностью протестантами. Лютеръ и Кальвинъ не допускали никакого исключенія въ этомъ отношеніи. Если слѣдовать этому догмату со всею строгостью, то необходимо предположить, что есть двоякаго рода мораль: мораль

человѣка и мораль Бога. Преслѣдованіе всѣхъ людей за . грѣхъ наслѣдственный, совершенный не ими, не совпадалъ съ выработывающимся въ житейскихъ отношеніяхъ началомъ, что наслѣдственной вины быть не можетъ. Вотъ почему, мало по малу, стало распространяться воззрѣніе, что, можетъ быть, и язычники могутъ сподобиться блаженства. Представителемъ этого мнѣнія былъ Цвингли. Въ своемъ предсмертномъ исповѣданіи онъ изобразилъ великолѣпную картину: небо, въ которомъ великіе отцы христіанской церкви соединяются съ великими людьми языческаго міра, Сократомъ, Катономъ и др. Лютеръ, прочитавъ это исповѣданіе, отчаявался за спасеніе Цвингли; Боссюэтъ приводитъ это мнѣніе, какъ самое высшее изъ обвиненій противъ Цвингли. Въ настоящее время оно если не преобладаетъ, то весьма распространено. Въ катехизисахъ обходятъ догматъ о погибели некрещенныхъ дѣтей и самое понятіе объ участи язычниковъ смягчилось. Я обращаюсь къ вамъ, гг. судьи. Не правда ли, ученіе это не дѣйствуетъ въ такой силѣ, какъ въ прежнее время? Не испытывали ли вы, прощаясь съ умирающимъ, котораго вы считали хорошимъ человѣкомъ, но который принадлежалъ къ другой вѣрѣ, что онъ пропавшая, погибшая душа? Озабочивала ли васъ его будущая судьба? Вы, вѣроятно, думали: Богъ правосуденъ. Я обращаюсь къ воспоминаніямъ моего дѣтства; я видалъ, какъ хоронили православнаго человѣка хорошаго; римско-католическое духовенство выходило въ облаченіи и окропляло гробъ священною водой. Я видѣлъ, какъ православные священники совершали панихиды по умершимъ иновѣрцамъ. Не есть ли это подтвержденіе того положенія, которое приводитъ Лекки? Я полагаю, что это несомнѣнно. Въ обвинительномъ актѣ, въ числѣ догматовъ, упомянуто, что у Лекки затронуто поклоненіе святымъ иконамъ, святымъ мощамъ и другимъ церковнымъ предметамъ. Да, конечно, Лекки касается вскользь и этихъ предметовъ религіознаго по-

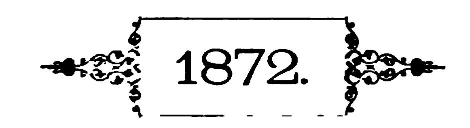
читанія не православной, а римско-католической церкви. Но, вѣдь, онъ и не можетъ не касаться ихъ, какъ скоро онъ излагаетъ исторію христіанской символики, живописи, пластики. Къ тому же, я полагаю, что иконы, святыя мощи и т. д. не вошли въ символъ вѣры и что, поэтому, ихъ почитаніе не есть такой предметъ, который бы составлялъ коренное основаніе вѣры, о которомъ нельзя бы совсѣмъ разсуждать, хоть бы приводя слова священнаго писанія, хотя бы ссылаясь, на примѣръ, на 20-ю главу 4-й и 5-й стихи книги Исхода, гдѣ говорится: «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго другого подобія».

Предсѣдатель. Г. защитникъ, вы возбуждаете споръ по такимъ вопросамъ, которые рѣшены вселенскими соборами; вопросъ о поклоненіи иконамъ рѣшенъ никейскимъ соборомъ. Я покорнѣйше прошу васъ воздержаться отъ контроверсовъ, въ которыхъ судъ не компетентенъ.

Пр. пов. Спасовичъ. Я скажу лишь нѣсколько словъ еще о двухъ догматахъ, которые упомянуты въ обвинительномъ актѣ: о чудесахъ и о бытіи злыхъ духовъ и дьявола. Я прошу васъ обратить вниманіе, что глава, гдѣ говорится о чудесахъ, озаглавлена: «Чудеса римской церкви»... Глава эта озаглавлена такъ потому, что одно изъ отличій протестантизма отъ римскаго католичества состоитъ въ томъ, что протестантская церковь не утверждаетъ вовсе, чтобъ въ настоящее время совершались чудеса. Но есть ли во всей этой главѣ хотя одна страница, въ которой бы чудеса эти отвергались? Нѣтъ; въ ней проводится та мысль, что вѣра въ чудеса постепенно ослабѣвала и что, наконецъ, въ настоящее время всякій разсказъ о нихъ встрѣчается съ недовѣріемъ. Какъ объяснить перемѣну? Лекки объясняетъ ее тѣмъ, что складъ ума сдѣлался другой, то есть, что во всѣхъ тѣхъ необычайныхъ явленіяхъ, въ которыхъ въ прежнія времена человѣкъ доискивался вмѣшательства сверхестественныхъ силъ, нынѣ онъ доискивается вѣчныхъ законовъ, причемъ представленіе о главномъ созда-

телѣ и руководителѣ вселенной, какъ о высшемъ вѣчномъ законѣ, становится преобладающимъ. Относительно вопроса о бытіи злыхъ духовъ я замѣчу слѣдующее: въ средніе вѣка и послѣ среднихъ вѣковъ, въ XVII сильно была распространена вѣра въ волшебство. Являлись нѣкоторые сомнѣвающіеся люди, но строгіе ревнители римскаго католицизма, нисколько не колеблясь, называли сомнѣвающихся въ магіи атеистами. Таковъ смыслъ сочиненій Жана Бодена въ XVI, Гленвиля и Кедворта въ XVII ст. Конечно, съ теченіемъ времени эта вѣра вымерла окончательно. Я полагаю, что она исчезла окончательно въ виду указа Екатерины II-й, 1782 года, вошедшаго въ сводъ законовъ, т. 14 и 15, въ которомъ волшебство и чародѣйство прямо названо обманомъ: «кто будетъ чудесничать и чародѣйствовать, т. е. совершать обманъ, происходящій отъ суевѣрія, невѣжества и мошенничества». Магія, такимъ образомъ, пала; остаются злые духи. Но Лекки не разбираетъ вопроса о бытіи злыхъ духовъ, онъ говоритъ только, что вѣра въ непосредственное вмѣшательство дьявола исчезла, и это несомнѣнно справедливо. Гг. судьи, есть одно начало, на которомъ построена вся книга Лекки, то, чтò онъ называетъ *морфологическимъ представленіемъ мнѣній,* именно, что вѣрованія религіозныя, какъ и всякія другія вѣрованія, видоизмѣняются и совершенствуются. Это положеніе, выработанное свѣтскою наукой, не можетъ быть отсылаемо въ духовную цензуру; это положеніе до такой степени важно, что, недопустивъ его, придется страшно стѣснить литературу. Настоящій споръ, по виду, какъ будто чисто формальный, имѣетъ для литературы вообще весьма существенное, весьма матерьяльное значеніе. Вотъ почему я прошу разрѣшить этотъ спорный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для защиты, т. е. признать книгу, ни въ цѣломъ ея объемѣ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ, неподлежащею отсылкѣ въ духовную цензуру.

Судъ призналъ подсудимаго Полякова неподлежащимъ наказанію по ст. 1,024 ул., такъ какъ книга была арестована до выхода ея въ обращеніе, что составляетъ приготовленіе къ преступленію, ненаказуемое по закону; самую же книгу судъ заключилъ всю передать на разсмотрѣніе духовной цензуры. Судебная палата, куда было перенесено дѣло вслѣдствіе апелляціоннаго отзыва Полякова, нашла, что нѣкоторыя мѣста книги Лекки подлежатъ предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры и, въ измѣненіе приговора окружнаго суда, опредѣлила: 1) означенныя мѣста препроводить на разсмотрѣніе духовной цензуры, для просмотра, послѣ котораго и разрѣшить выпускъ книги и 2) но такъ какъ мѣста эти могутъ представляться непонятными, безъ соображенія со всѣмъ содержаніемъ сочиненія Лекки, то сіе послѣднее для сего соображенія также препроводить въ духовную цензуру.

10.

Дѣло о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Евгеній Исаковичъ Утинъ, обвинялся въ томъ, что, по вызову титулярнаго совѣтника Александра Ѳедорова Жохова, вышелъ, 14-го мая 1872 года, близь большой муринской дороги, въ лѣсномъ участкѣ Беклешова, съ Жоховымъ на поединокъ, послѣдствіемъ котораго произошла смерть Жохова отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему Утинымъ, каковое преступленіе предусмотрѣно ст. 1507-ю улож. о наказ. Разборъ дѣла происходилъ въ 3 отдѣленіи. С.-Петербургскаго окружнаго суда 16 августа 1872 г.

Статья 1,503-я, подъ которую подходитъ дѣйствіе подсудимаго Утина, степенитъ наказаніе слѣдующимъ образомъ. Она назначаетъ бо̀льшее тому, кто былъ причиной поединка, кто первый обидѣлъ, и если этого нельзя узнать съ достовѣрностью, то кто сдѣлалъ вызовъ; затѣмъ, мѐньшее наказаніе тому, кто не былъ причиной поединка, или если этого съ достовѣрностью узнать нельзя, кто принялъ вызовъ. Такимъ образомъ, по требованію 1,503-й ст., нѣтъ никакой возможности миновать разборъ вопроса, кто далъ поводъ къ обидѣ, кто былъ первою причиной поединка; необходимо раз-

смотрѣть этотъ вопросъ въ предѣлахъ того, что выяснилось на судебномъ слѣдствіи, и, затѣмъ только, если будетъ доказано, что подсудимый Утинъ не обидѣлъ, не далъ повода къ поединку, что онъ безъ всякой своей вины вовлеченъ въ поединокъ, то я полагаю, что это обстоятельство можетъ послужить смягчающимъ преступность его обстоятельствомъ. Вотъ почему я вскрою причины поединка и представлю ихъ во всемъ взаимнодѣйствіи, отъ возникновенія ихъ до окончательнаго результата. Причины событій бываютъ крошечно — ничтожны, какъ сѣмя, какъ маленькое зерно; но если это сѣмя или зерно упадетъ на плодородную почву, увлажится дождемъ и согрѣется солнцемъ, то и выростетъ въ рослый колосъ, въ сосну, или въ дубъ. Такимъ зерномъ въ настоящемъ случаѣ было дѣло Гончарова, на стенографическій отчетъ о которомъ я просилъ позволенія ссылаться, по крайней мѣрѣ, на рѣчь Утина. Дѣло Гончарова заключалось въ томъ, что не доучившійся, незрѣлый юноша написалъ, напечаталъ и распустилъ нелѣпыя, возмутительныя прокламаціи. Когда его арестовали, то онъ при первоначальномъ дознаніи показалъ, что причиной его дѣйствій были тяжелыя нравственныя обстоятельства. На предварительномъ слѣдствіи онъ взялъ назадъ это показаніе, изъ чего можно было заключить, что имѣется въ виду серьезный политическій дѣятель. Наконецъ, когда принялъ его защиту Утинъ, увидѣлся съ нимъ въ тюрьмѣ, то между подсудимымъ Гончаровымъ и защитникомъ установилось такое полное соглашеніе, что Гончаровъ ничего не прибавилъ къ защитѣ и сослался только на первоначальное свое показаніе при дознаніи. Защита г. Утина, можетъ быть, была плоха, не даровита—это вопросъ личнаго вкуса, но нельзя не сказать, что эта защита была вполнѣ добросовѣстная. Она была вполнѣ согласна съ тѣми правилами, которыя выработались въ нашемъ сословіи и которыя мы хранимъ строго и свято. Утинъ, конечно, не возвелъ своего кліента въ герои, не сдѣ-

далъ его тѣмъ, чѣмъ онъ совсѣмъ не былъ: онъ представилъ его въ видѣ человѣка, который рѣшился покончить съ жизнью, но, не имѣя рѣшимости пустить себѣ пулю въ лобъ, вознамѣрился попасть, по крайней мѣрѣ, въ каторжную работу; онъ представилъ его не сумасшедшимъ, а находящимся въ состояніи психической подавленности, въ томъ, которое прежніе психіатры называли меланхоліей и которое граничитъ съ сумасшествіемъ и ведетъ къ сумасшествію. Указавъ на это состояніе, онъ долженъ былъ объяснить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и причину этой подавленности. Онъ указалъ на несчастную женитьбу, на то, что Гончаровъ, женившись разошелся потомъ съ женой...

Предсѣдательствующій. Я просилъ бы васъ эти подробности нѣсколько обойти, потому что дѣло идетъ не о достоинствѣ рѣчи г. Утина, а о поводахъ къ настоящей дуэли...

Присяжный повѣренный Спасовичъ. Позвольте мнѣ заявить только, что въ рѣчи Утина даже имя г-жи Гончаровой не было произнесено, не было сказано, кто виноватъ: можно было думать, что оба они не сошлись, не поладили... Можно было быть какого угодно мнѣнія о мужѣ и женѣ. Нельзя сказать, чтобъ эта защита была даже неуспѣшна: подсудимый Гончаровъ былъ признанъ виновнымъ, по 245-й статьѣ улож., т. е. по такой статьѣ, которая грозитъ наказаніемъ отъ 10 до 12 лѣтъ.

Предсѣдатель. Я только-что сейчасъ просилъ васъ устранить сужденія о томъ, насколько удовлетворительна была рѣчь г. Утина по дѣлу Гончарова. Мы здѣсь не входимъ въ обсужденіе тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя вытекали для Гончарова.

Присяжный повѣренный Спасовичъ. И такъ, гг. судьи, Гончаровъ сходитъ со сцены, но по поводу его и въ особенности по поводу его защиты сплелись, спутались страннымъ образомъ отношенія между тремя лицами, до того страннымъ, что ихъ потомъ пришлось

разрубать картелью, выстрѣломъ и смертью. Г-жа Гончарова не была знакома съ Утинымъ. Она познакомилась и съ Жоховымъ незадолго до дѣла мужа. Жоховъ не зналъ лично и въ глаза никогда не видалъ Гончарова. Когда они стали толковать о защитѣ Гончарова, Жоховъ и г-жа Гончарова пришли къ тому заключенію, что этой защитѣ нужно придать болѣе серьезный, политическій характеръ (я ссылаюсь на посмертныя письма Жохова), что нельзя сводить это дѣло до шальной выходки; а надо, конечно, не приписывая Гончарову намѣренія возбудить къ бунту, напугать тѣхъ лицъ, которыя дѣлаютъ дѣйствительный вредъ Россіи и затѣмъ явиться обличителемъ этихъ лицъ на судѣ. (Это также находится въ письмахъ и явствуетъ изъ показанія свидѣтеля Арсеньева). Кому первому пришла эта мысль, теперь трудно сказать, но ключъ къ этому вопросу находится тоже въ письмахъ. Жоховъ пишетъ, что г-жа Гончарова не захотѣла, чтобъ мужъ ея представлялся такимъ жалкимъ, ничтожнымъ и пошлымъ человѣкомъ, какъ большинство замѣшанныхъ по нечаевскому дѣлу. Вотъ почему пишетъ Жоховъ: «Она просила меня дать ей совѣтъ, какъ показывать мужу», начертить планъ показанія, который она, по ея словамъ, имѣла возможность сообщить Гончарову. Этотъ разсказъ какъ нельзя больше натураленъ; г-жа Гончарова, какъ женщина, какъ жена человѣка, имя котораго она носитъ, хотя и разошлась съ нимъ, естественно желала, чтобъ это лицо явилось достойнѣе, эфектнѣе передъ судомъ. Но Жоховъ не знаетъ Гончарова и, какъ человѣкъ практическій, онъ усматриваетъ возможность осуществить извѣстную политическую цѣль. Чтобъ заставить Гончарова показывать, какъ имъ хотѣлось, сговорившіеся должны были убѣдить, уломать защитника. Вотъ почему Жоховъ, отношенія котораго къ Утину были далеко не короткія, подходитъ къ нему на одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ, приглашаетъ на домъ къ г-жѣ Гончаровой; тамъ, у г-жи Гончаровой, и происходятъ переговоры, относительно

содержанія которыхъ господствуетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Спорные пункты слѣдующіе: Жоховъ въ предсмертномъ письмѣ къ г-жѣ Гончаровой и въ другомъ— къ брату, напираетъ на то, что онъ хотѣлъ осмыслить не само дѣло, а только показаніе Гончарова. Я полагаю, что это—игра словъ, незаслуживающая вниманія. Дѣло осмыслить не было въ силѣ и власти Утина, а можно было осмыслить только показаніе. А какъ это сдѣлать? Подложить подъ него такой смыслъ, котораго оно не имѣло. Но измѣненіемъ смысла показанія, измѣнялся характеръ дѣла, значитъ оно и осмысливалось. Слѣдовательно, тутъ споръ о словахъ, а не о дѣлѣ. Сверхъ того, есть еще одно разнорѣчіе. Утинъ утверждаетъ, что онъ положительно отвергъ этотъ планъ защиты, находя его неудобнымъ, между тѣмъ, какъ Жоховъ стоитъ на томъ, что Утинъ, будто бы, отвѣчалъ уклончиво, не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Мнѣ кажется, и это разнорѣчіе не важно. Возьмемъ же среднюю пропорціональную между двумя величинами. Утинъ, конечно, не прочелъ нравоученія, не отказалъ наотрѣзъ. Сказать рѣшительное „нѣтъ“ онъ не могъ еще, не зная Гончарова, но его оттолкнуло отъ плана Жохова, такъ сказать, по инстинкту. Затѣмъ, когда Утинъ сошелся ближе съ Гончаровымъ, когда онъ у него побывалъ и поговорилъ съ этимъ жалкимъ, бѣднымъ, но безхарактернымъ человѣкомъ, тогда у него и сложилось то строгое мнѣніе о г-жѣ Гончаровой и о Жоховѣ, которое онъ высказалъ нѣсколькимъ близкимъ ему лицамъ. Совѣтъ Жохова въ самомъ дѣлѣ нехорошъ, и тѣмъ меньше нравится, чѣмъ больше въ него вдумываешься. Онъ нехорошъ, вопервыхъ, по той причинѣ, по которой его не могъ одобрить, напримѣръ, г. Арсеньевъ, который сказалъ, выразившись, конечно, весьма мягко и вѣжливо, чтобъ не оскорбить Жохова, что находитъ его неудобнымъ, рискованнымъ, по крайней мѣрѣ, неосторожнымъ, весьма неосторожнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой бы ни былъ исходъ дѣла, но такая постановка вопроса,

какая предлагалась, могла только усилить и значительно усилить наказаніе Гончарова на нѣсколько лѣтъ каторжной работы. Но, вовторыхъ, совѣтъ Жохова поражаетъ еще по другому соображенію. Мысль критическая никогда не останавливается на отдѣльномъ клочкѣ, на одномъ поступкѣ изъ жизни человѣка: она заключаетъ изъ части о цѣломъ... Предложеніе Жохова не могло не освѣщать, извѣстнымъ образомъ, невыгоднымъ для Жохова, характеръ Жохова; оно давало основаніе и поводъ Утину составить убѣжденіе, невыгодное для Жохова, о его характерѣ вообще. Я не имѣю намѣренія и мысли сказать что-нибудь оскорбительное для памяти умершаго. Я самъ былъ его пріятелемъ до конца его жизни и уважалъ его, какъ дѣятеля полезнаго, но не могу сказать того же, что сказалъ Утинъ, для поясненія только взгляда Утина на Жохова, а именно, что Утинъ принялъ его за натуру агитаторскую, то-есть, такую, для которой люди и отношенія—это пѣшки, которыми можно смѣло играть по произволу. Есть такія агитаторскія натуры; онѣ бываютъ бойки, предпріимчивы и потому часто полезны, но особенность ихъ заключается въ томъ, что у нихъ своя особенная мораль, не такая, какъ у другихъ, т. е. они считаютъ совершенно позволительнымъ то, отъ чего другіе сторонятся; онѣ очень гибки, легко становятся на точку зрѣнія другихъ людей, способны быстро подмѣчать слабыя стороны другихъ, онѣ способны увлекать другихъ и властвовать. Для оцѣнки людей у нихъ есть своя мѣрка, свой аршинъ, который они прикладываютъ ко всякому. Въ большинствѣ случаевъ, мѣрка эта совершенно вѣрная, но иногда имъ приходится также и ошибаться... Этимъ я и ограничусь относительно характеристики Жохова. Онъ былъ именно одна изъ подобныхъ натуръ; онъ имѣлъ необычайно обширный кругъ знакомства; дѣлая карьеру, имѣлъ видное положеніе на службѣ и участвовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ редакціи «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» — газетѣ, имѣющей направ-

леніе весьма извѣстнаго умѣренно-либеральнаго характера; онъ имѣлъ еще обширныя связи въ кругу молодежи. Что ему приходилось иногда ошибаться, наталкиваясь на людей которые относительно выбора средствъ держались болѣе строгихъ принциповъ, это доказывается обращеніемъ его къ Утину и выборомъ такихъ посредниковъ, какъ Арсеньевъ и Буренинъ. Почему онъ обратился къ Утину? Онъ не былъ съ нимъ близокъ, они были скорѣе непріязненно настроены другъ къ другу задолго, а именно за годъ до дѣла Гончарова. Еще и не предвидѣлось дѣла Гончарова, когда Утинъ имѣлъ стычку съ Жоховымъ, довольно сильную, о которой разсказывалъ здѣсь свидѣтель Пыпинъ. Между ними не было почти ничего общаго, нечѣмъ имъ было другъ у друга позаимствоваться. Почему же обратился Жоховъ къ Утину? Я полагаю, что этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, разрѣшается предсмертнымъ письмомъ Жохова, въ которомъ говорится, что г-жа Гончарова сказала: «надо выбрать защитника, который подходилъ бы къ образу мыслей моего мужа»; Жоховъ одобрилъ этотъ планъ. Значитъ, онъ считалъ Утина человѣкомъ въ родѣ Гончарова, человѣкомъ легкимъ, энтузіастомъ, способнымъ осуществить такой планъ защиты, какого именно хотѣлось. Онъ его выбралъ, не обдумавъ послѣдствій. Тутъ опять проявилась та же безпринципность въ дѣйствіяхъ, о которой я уже говорилъ: выбираютъ человѣка, увлекающагося по ихъ понятіямъ, и предлагаютъ ему роль, которую, еслибъ онъ ее взялъ на себя и выполнилъ, то подвергъ бы риску не только подсудимаго Гончарова, но и самого себя. Утинъ былъ здѣсь тоже пѣшка. Но разсчетъ не удался: Утинъ не принялъ ихъ предложенія, далъ отвѣтъ, положимъ, нерѣшительный на первыхъ порахъ, сказалъ, что ничего не можетъ еще рѣшить, потому что не видѣлся съ подсудимымъ. Но когда онъ переговорилъ съ Гончаровымъ и они ближе сошлись и когда онъ убѣдился, что это человѣкъ, преступленіе котораго проистекло изъ совер-

шенно другихъ причинъ, тогда онъ дѣйствительно составилъ въ себѣ невыгодное мнѣніе и о г-жѣ Гончаровой, и о Жоховѣ, и это мнѣніе сообщилъ нѣсколькимъ лицамъ. Кому онъ сообщилъ и въ какой формѣ? Это главный и существенный вопросъ, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе другого вопроса: обидѣлъ ли Утинъ Жохова и, слѣдовательно, далъ ли онъ поводъ къ дуэли, или нѣтъ? Что же касается лицъ, которымъ были сообщаемы неблагопріятные отзывы о Жоховѣ, то Утинъ назвалъ ихъ, а именно: гг. Арсеньева, Буренина и Пыпина. Оказалось, что былъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ Утинъ имѣлъ разговоръ о Жоховѣ и котораго Утинъ позабылъ. Это—Чайковскій. Сверхъ этихъ лицъ, изъ которыхъ объ Арсеньевѣ Жоховъ ничего не зналъ, Жоховъ упоминаетъ, съ своей стороны, о Суворинѣ; но это невѣрно. Суворина можно прямо устранить; изъ разговора съ Суворинымъ Жоховъ не могъ вывести никакого заключенія объ Утинѣ. Это явствуетъ изъ показанія Суворина. Напротивъ онъ съ предвзятымъ уже намѣреніемъ объясняется съ Утинымъ. Жоховъ явился къ Суворину и выпытывалъ у него, не говорилъ ли ему чего-нибудь Утинъ о Жоховѣ и, узнавши, что нѣтъ, ушелъ. Затѣмъ, остаются только эти три или четыре лица. Кто эти лица? Вопервыхъ, Арсеньевъ, Буренинъ и Пыпинъ— лица очень между собою близкія: всѣ они участвуютъ или въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», или въ «Вѣстникѣ Европы»; сходятся почти еженедѣльно или еще чаще; всѣ они литераторы, видятся очень часто другъ съ другомъ и, какъ люди, принадлежащіе къ одному кружку, зорко наблюдаютъ за поступками каждаго; у нихъ нѣтъ тайнъ; они строго слѣдятъ другъ за другомъ, потому, что отъ этой строгости зависитъ порядочность того кружка, къ которому они принадлежатъ. Чтò же передавалъ ему Утинъ? передавалъ ли онъ что-нибудь положительное, опредѣленное? Нѣтъ. Онъ выражался дѣйствительно неблагопріятно о Жоховѣ, съ указаніемъ, положимъ, на дѣло Гончарова. Такъ, Пыпину

онъ говорилъ, что не слѣдуетъ знаться съ Жоховымъ. Мнѣніе, какъ мнѣніе, оно заключаетъ въ себѣ только порицаніе—порицать можно всякаго. Свобода порицанія, это необходимое условіе общественнаго мнѣнія, иначе оно не свободно. Порицая, онъ дѣлалъ ссылки на дѣло Гончарова. И это ничего; онъ указывалъ на вѣрный, дѣйствительный фактъ, на событіе, изъ котораго Утинъ выводилъ свое мнѣніе о Жоховѣ: онъ не совершалъ клеветы и не распространялъ ложныхъ слуховъ. Притомъ, и порицаніе и ссылка были сдѣланы въ такой формѣ, что, напримѣръ, Пыпинъ и не счелъ нужнымъ измѣнить свои хорошія отношенія къ Жохову и даже предупредилъ его, не указавъ, конечно, на источникъ, что о немъ ходятъ такіе-то слухи. Жоховъ потомъ самъ догадался, какой это источникъ и предположилъ не безъ основанія, что, вѣроятно, извѣстіе идетъ отъ Утина. Перехожу къ Буренину. Утинъ сказалъ ему, что онъ находилъ поведеніе Жохова страннымъ по дѣлу Гончарова. Здѣсь, опять-таки, порицаніе и указаніе на фактъ. Третій человѣкъ — г. Арсеньевъ; ему тоже сообщилъ Утинъ свое неодобреніе по поводу плана защиты по гончаровскому дѣлу, но также не вдаваясь въ детали. Значитъ, всѣ эти три показанія, вмѣстѣ взятыя, давали, конечно, право Жохову очиститься, оправдаться и вызвать Утина на объясненіе; но больше никакого права ему не давали. Что касается показанія Чайковскаго, то я нахожусь въ такомъ положеніи относительно этого свидѣтеля, что не совсѣмъ вѣрю тому, что онъ говорилъ. Онъ показывалъ, будто бы Утинъ передавалъ ему, что г-жа Гончарова совѣтовала не щадить мужа, причемъ Жоховъ молчалъ, изъ чего явственно для Чайковскаго вытекало предположеніе, что г-жа Гончарова преслѣдовала въ планѣ защиты свои личные виды, желала вредить мужу? Но въ первый разъ является это извѣстіе. Еслибъ такія слова были сказаны Гончаровою, то я здѣсь не понимаю, почему бы ихъ не повторить Утину. Они не были сказаны; онъ передавалъ Чайков-

скому только общее впечатлѣніе по дѣлу Гончарова и, притомъ, по очень простому случаю, котораго Утинъ никакъ не искалъ. Не Утинъ обратился къ Чайковскому для сообщенія ему неблагопріятнаго мнѣнія о Жоховѣ, а Чайковскій пришелъ къ Утину объясниться по дѣлу Гончарова и заявилъ свое несочувствіе плану защиты Утина; при этомъ разговорѣ Утинъ, между прочимъ, сказалъ Чайковскому то же самое, что и Арсеньеву, Пыпину и Буренину. Словомъ, изъ всѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ подъ рукой видно, что больше никакихъ другихъ нѣтъ, потому что еслибъ ихъ было больше, то они нашлись бы и были бы заявлены Жоховымъ въ предсмертныхъ его письмахъ. Выходитъ, что Утинъ ничего не сказалъ о личныхъ отношеніяхъ Жохова къ Гончаровой, что никому онъ не намекалъ на стачку, съ цѣлью какъ можно глубже запрятать Гончарова; онъ не сообщалъ ничего подобнаго и не могъ сообщать. Замѣтьте, гг. судьи, еще одну странность въ этомъ дѣлѣ: единственное лицо изъ всѣхъ спрошенныхъ, которое постоянно намекаетъ, что Утинымъ былъ сдѣланъ неблаговидный намекъ на г-жу Гончарову и которое мотивируетъ этимъ, какъ клеветой, свой вызовъ, является одинъ только Жоховъ. Мало того, Жоховъ передъ смертью требуетъ еще подписанія одного удостовѣренія, которое, однако, не было подписано Утинымъ, слѣдующаго содержанія: «такіе-то обязуемся, выходя на дуэль, причинъ дуэли не открывать, потому что тутъ замѣшано имя женщины». Утинъ не могъ подписать этого удостовѣренія, потому что для лицъ, близко знающихъ дѣло, оно ровно ничего не выражаетъ, а незнающимъ даетъ возможность предполагать очень многое и, притомъ, скабрезное. Для постороннихъ оно содержитъ туманные намеки, вслѣдствіе которыхъ можно предполагать Богъ знаетъ что. Не по рыцарски поступилъ бы Утинъ, еслибъ подписалъ это заявленіе. Онъ не хотѣлъ признать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана женщина, и дѣйствительно женщина не была замѣшана, а

замѣшана была г-жа Гончарова, какъ политическая союзница Жохова, и ея дѣйствіе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она легко относилась къ мужу. Я полагаю, что послѣ этихъ объясненій можно заключить съ полною достовѣрностью и совершенно правильно, что Утинъ никакого повода къ дуэли не давалъ. Почему же онъ вызванъ; какъ сложилась у Жохова рѣшимость вызвать Утина на поединокъ? Кто намъ поможетъ разрѣшить эту загадку? Да очень просто — самъ Жоховъ; онъ самъ и есть лучшій свидѣтель. Въ дѣлѣ находятся два письма Жохова къ его брату и г-жѣ Гончаровой. Въ обоихъ этихъ письмахъ онъ излагаетъ мотивы и факты, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ практическій выводъ—вызовъ Утина на дуэль. Эти факты слѣдующіе: «Двадцать дней тому назадъ—пишетъ Жоховъ—одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я очень люблю (Суворинъ), сказалъ мнѣ при другихъ, что я человѣкъ нечестный. Слово было сказано въ запальчивости. Я просилъ его объясниться письменно; онъ пришелъ ко мнѣ и извинился при тѣхъ же лицахъ, объяснивъ, что былъ введенъ въ заблужденіе. При нашемъ объясненіи, происходившемъ одинъ на одинъ, онъ высказалъ, что про меня говорятъ, будто я причиной погибели Гончарова». Далѣе: «Одному лицу онъ (Утинъ) говорилъ, что знаетъ компрометирующіе меня факты (оказалось, что это былъ г. Буренинъ); предъ другимъ удивлялся, что со мной знакомы (это г. Пыпинъ); а Вѣра Ивановна (Грибоѣдова) передавала, что Чайковскій и Ватсонъ слышали отъ Утина предположеніе, будто я желалъ погубить вашего мужа, чтобъ обвѣнчаться съ вами». Этого Чайковскій здѣсь не подтвердилъ; если онъ и говорилъ про Утина, то только то, что Утинъ былъ раздраженъ противъ г-жи Гончаровой; но о предполагаемой связи Жохова съ Гончаровой нѣтъ ни малѣйшаго намека даже въ показаніяхъ Чайковскаго. Спрашивается: изъ этихъ двухъ-трехъ данныхъ, изъ того, что Утинъ говорилъ, можетъ быть, еще кому-нибудь, что Жоховъ

не хорошо относился къ дѣлу Гончарова, какъ можно вывести то практическое заключенiе, что Утина нужно вызвать на дуэль? Для того, чтобъ объяснить какимъ-нибудь способомъ эту рѣшимость Жохова, я полагаю, что опять также нужно обратиться къ особенностямъ его положенiя и къ его характеру, которымъ обусловливалось это положенiе. Какъ извѣстно, Жоховъ, на что указывали многiе, имѣлъ обширный кругъ знакомства въ разнообразныхъ сферахъ. Человѣкъ, который такимъ образомъ разбрасывается, необходимо дóлженъ чрезвычайно чутко и подозрительно относиться къ тому, чтó про него говорятъ. Мы, люди обыкновенные, болѣе ограниченные въ своей дѣятельности, конечно, бываемъ недовольны, когда о насъ говорятъ дурное; но мы покоряемся судьбѣ и думаемъ: поговорятъ-поговорятъ, да и перестанутъ; мы не принимаемъ никакихъ мѣръ противъ этихъ разговоровъ. Но для Жохова предупрежденiе этихъ слуховъ составляло почти необходимое условiе существованiя. Я повторяю, чтó уже говорилъ, что считаю его человѣкомъ безъ принциповъ въ своихъ дѣйствiяхъ, не такой строгой морали, какъ другiе. Подобные люди, естественно, избирая какое-нибудь средство, часто сами не понимаютъ, что это средство не придется понутру другимъ лицамъ, имѣющимъ болѣе строгiе принципы, требующимъ нетолько, чтобъ конечныя цѣли человѣка были хороши, но чтобъ и всякiя средства подходили къ руководящей идеѣ. Я не смѣю заподозрить, чтобъ коренныя идеи Жохова были нехороши; онъ, повидимому, былъ человѣкъ глубоко и искренно преданный тому направленiю, раздѣляемому литературнымъ кружкóмъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ. Но что касается отношенiй его къ другимъ лицамъ, то я полагаю, что еще до начала дѣла Гончарова между нимъ и этими другими лицами, съ болѣе строгими принципами, возникала и возвышалась, мало по малу, та стѣна, которой онъ одинъ только не замѣчалъ; постепенно и мало по малу возникали нѣкоторыя подозрѣнiя, ни на

чемъ, повидимому, неоснованныя. Люди, строго держащіеся одного направленія и одного рода дѣятельности, чрезвычайно подозрительны. Если кто-нибудь изъ близкихъ къ нимъ успѣваетъ чрезъ мѣру на многихъ и притомъ, совершенно противоположныхъ поприщахъ, то у нихъ является подозрѣніе, что ему трудно не свихнуться, трудно ладить съ тѣмъ и другимъ дѣломъ, что онъ долженъ будетъ потерять балансъ и или погибнетъ, или превратится въ простого обыкновеннаго честолюбца, который броситъ свою идею, отречется отъ своихъ убѣжденій. Вотъ почему отъ него отдалялись такіе люди, какъ, напримѣръ, г. Суворинъ. Но когда начнется подобное отчужденіе, то люди, подобные Жохову, никакъ не понимаютъ и не замѣчаютъ этого отчужденія и особенно его причинъ. Какъ только такой человѣкъ видитъ, что на него косятся и смотрятъ подозрительно, то онъ тотчасъ же объясняетъ этотъ фактъ либо завистью, которая въ настоящемъ случаѣ, конечно, не могла имѣть мѣста, либо сплетнями, то-есть, распространеніемъ какихъ-либо фактовъ невѣрныхъ, вымышленныхъ, вредящихъ репутаціи и составляющихъ клевету. Предположеніе о клеветѣ заставляетъ принимать мѣры, какъ возстановить свою репутацію. Но какъ возстановить репутацію? какъ уничтожить вредные слухи въ источникѣ? Одно средство — обратиться къ этому человѣку и объясниться. Жоховъ и обратился къ Суворину, разсказалъ ему всю свою жизнь и примирился съ нимъ. Но есть люди, съ которыми объясненіе не поможетъ и не поведетъ ни къ чему. Что же тогда остается дѣлать? Остается обращеніе къ кулаку. Я не могу не назвать дуэли облагороженною кулачною дракой, она, все-таки, не что иное, какъ употребленіе грубой силы. По положенію Жохова, по его связямъ, воспитанію — по всему, поединокъ долженъ былъ, съ его стороны, казаться весьма страннымъ и невѣроятнымъ. Всякій бы отвѣтилъ ему сразу, какъ отвѣчалъ Пыпинъ, когда зашла рѣчь объ обычаѣ, что бываютъ обычаи весьма

глупые. Вотъ почему Жоховъ, рѣшившись вызвать Утина на дуэль, соединилъ съ этимъ средствомъ, на которомъ онъ остановился, еще другое средство — объясненіе предъ посредниками. При вызовѣ Утина на дуэль, я полагаю, что у Жохова была та практическая цѣль, которую онъ и высказалъ—заставить замолкнуть то, что онъ считалъ клеветой, уничтожить въ зародышѣ слухи, которые о немъ ходятъ и источникомъ которыхъ онъ считалъ Утина. Что тутъ не было участія никакого другого чувства, напримѣръ, зависти, ненависти, личнаго раздраженія въ отношеніи къ Утину— это я могу положительно доказать. Жоховъ, какъ человѣкъ безпринципный, для котораго люди и отношенія были не болѣе какъ пѣшки, какъ вещи, который рѣшается холодно, по обдуманному разсчету, въ одномъ письмѣ дать слѣдующую характеристику Утина: «Я не думаю, чтобъ Утинъ сознательно говорилъ неправду; онъ могъ спутать и, затѣмъ, увлеченный озлобленіемъ противъ г-жи Гончаровой, причинъ котораго я, впрочемъ, не знаю, приписать мнѣ всѣ ужасы. Причиной всего была его увлекающаяся натура, сочувствіе къ несчастнымъ, характеръ и нѣкоторое легкомысліе». Прямо вызвать Утина Жоховъ почти не могъ; это значило бы получить отказъ и Утинъ такъ не вышелъ бы на дуэль съ Жоховымъ. Притомъ, вызовъ безъ объясненія неблаговиденъ былъ бы въ томъ кружкѣ, въ которомъ онъ старался возстановить свою репутацію. Надо было прежде объясниться, и вотъ Жоховъ подбираетъ людей для объясненія; но и въ этихъ людяхъ онъ ошибается. Подбирая этихъ людей, онъ, вѣроятно, думалъ, что онъ вызоветъ Утина на объясненіе при нихъ, представитъ, что предлагавшійся имъ планъ защиты прекрасенъ, потому что далъ бы такіе-то хорошіе результаты, планъ этотъ будетъ одобренъ, а Утинъ нравственно побитъ и потомъ, побитый на этомъ объясненіи, онъ долженъ будетъ или дать письмо, въ которомъ бы повинился, отъ начала до конца, во всѣхъ

слухахъ, или выдти на поединокъ. Жоховъ выбираетъ Арсеньева, Суворина и де-Роберти. Объясненіе не состоялось при этихъ лицахъ. Повидимому, Жоховъ требуетъ настоящихъ третчиковъ, рѣшителей, до которыхъ непосредственно не доходили слухи, будто бы пускаемые Утинымъ. (О г. Арсеньевѣ онъ не зналъ, что ему извѣстны эти слухи). Онъ беретъ, между прочимъ, Суворина, потому что Суворинъ въ ссорѣ съ Утинымъ. Утинъ, напротивъ, стоитъ на томъ, чтобъ объясненіе происходило при тѣхъ лицахъ, которымъ онъ что-нибудь передавалъ. Такимъ образомъ, объясненіе состоялось въ присутствіи гг. Арсеньева и Буренина. Жоховъ подчинился этому желанію Утина. Но я не могу думать, чтобъ онъ подчинился ихъ рѣшенію, не надѣясь, что тѣ рѣшатъ въ его пользу. Онъ былъ убѣжденъ, что его одобрятъ, что съ нимъ согласятся, примутъ его планъ и совершенно оправдаютъ. Онъ жестоко ошибся. Объясненіе вышло совершенно не въ его пользу, потому что г. Арсеньевъ и г. Буренинъ сказали ему, конечно, въ весьма мягкихъ выраженіяхъ, что планъ защиты его былъ совсѣмъ нехорошъ. Отвѣтъ посредниковъ вмѣщалъ въ себѣ, при мягкости формъ, прямое порицаніе образа дѣйствій Жохова по дѣлу Гончарова. Тогда Жоховъ прямо, бросивши объясненія, которыя не могли дать ему благопріятнаго результата, тутъ же протестуетъ противъ мнѣнія посредниковъ, обращается къ Утину и вызываетъ его на дуэль. Вызовъ былъ самый неожиданный; Утинъ принялъ вызовъ, и дѣло вступило въ новую фазу. Эта фаза будетъ, вѣроятно, подробно изложена моими товарищами по защитѣ, потому что она касается больше секундантовъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ принятъ вызовъ, жрецами обряда являются секунданты, а сами дерущіеся дѣлаются пассивными лицами до встрѣчи на полѣ поединка. Но и въ этотъ короткій промежутокъ времени, который раздѣлялъ среду, 10-го мая, и воскресенье, 14-го мая, когда поединокъ состоялся, я не могу не указать на характеристическія

особенности въ образѣ дѣйствій какъ Жохова, такъ и Утина. Жоховъ во всѣ эти дни какъ будто бы неутомимо, нетерпѣливо и нещадно гонитъ событія впередъ, старается ихъ ускорить и какъ бы озабоченъ, чтобъ Утинъ не ушелъ, чтобъ дѣло не кончилось миролюбивымъ образомъ. Письмо, которое писалось у г. Арсеньева, не привело ни къ какому результату. Жоховъ съ четверга старается, чтобъ поединокъ былъ непремѣнно въ субботу. Въ четвергъ собраніе у де-Роберти. Секунданты и Утинъ стараются отдалить встрѣчу до понедѣльника. Секунданты, затѣмъ, рѣшаютъ удвоить свое число; сначала ихъ было только двое, а вечеромъ приглашены еще двое, Неклюдовъ и Ватсонъ. Секунданты и, по ихъ настоянію, Утинъ дѣлаютъ еще отчаянное усиліе, чтобъ предотвратить поединокъ; они склоняютъ Утина написать письмо. Они старались представить Утину, что Жоховъ могъ поторопиться, сдѣлавъ вызовъ, но вслѣдствіе вызова, сталъ въ столь неловкое положеніе, что не можетъ уже сдѣлать первый шагъ къ примиренію, что нужно открыть ему какую-нибудь возможность взять свой вызовъ назадъ. Вотъ почему въ письмѣ Утина повторяется все то, что было заявлено у г. Арсеньева, что я, Утинъ, вотъ что передавалъ о васъ, и такъ какъ больше ничего не передавалъ, кромѣ того, что случилось въ самомъ дѣлѣ, то и прошу васъ при такихъ условіяхъ взять вызовъ назадъ. Письмо это привозится на совѣщаніе секундантовъ; всѣ четверо признаютъ его удовлетворительнымъ. Ватсонъ идетъ къ Жохову, убѣждаетъ его цѣлый часъ, но получаетъ отказъ и слышитъ желаніе, чтобъ какъ можно скорѣе состоялась дуэль. Потомъ, послѣ этого отказа, за обѣдомъ въ Лѣтнемъ Саду, между секундантами были приняты условія, которыя представляли самую наименьшую опасность для стрѣляющихся. Кто же недоволенъ этими условіями? Утинъ принимаетъ ихъ пассивно. Жоховъ требуетъ болѣе строгихъ. Въ субботу происходятъ переговоры о мѣстѣ поединка и тутъ дѣлается

еще попытка къ примиренію. У Ватсона является мысль, нельзя ли, для удовлетворенія Жохова, добыть родъ протокола объясненія, бывшаго при гг. Буренинѣ и Арсеньевѣ, у послѣдняго. Но отъ Буренина Ватсонъ узнаетъ, что этотъ способъ былъ уже испытанъ и отвергнутъ. Несмотря на то, Ватсонъ ѣдетъ къ Жохову и предлагаетъ ему этотъ способъ, но получаетъ отказъ; Жоховъ заявляетъ ему, что не можетъ удовольствоваться наканунѣ дуэли тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ удовлетворенъ за нѣсколько дней. Въ воскресенье пріѣзжаютъ на мѣсто поединка: дѣлается предложеніе со стороны секундантовъ о примиреніи. Д-ръ Воловскій обращается къ противникамъ и отъ Утина получаетъ отвѣтъ, что онъ не можетъ сказать ни да, ни нѣтъ; онъ явился на поединокъ, на который вызовъ былъ не отъ него, а Жоховъ отвѣчаетъ положительнымъ нежеланіемъ мириться. Наконецъ, противники становятся въ позицію, и начинается дуэль. Въ этой дуэли, которая кончилась такъ несчастливо для Жохова, какую роль принимаетъ Утинъ съ момента принятія вызова до момента, когда дуэль кончилась такъ плачевно? имѣлъ ли онъ малѣйшую возможность въ какой нибудь моментъ, въ теченіи времени отъ 10-го до 14-го мая, повліять или на то, чтобъ дуэль не состоялась, или на то, чтобъ она кончилась менѣе кровопролитно? Что же, спрашивается, могъ онъ сдѣлать? Не принять вызова? Полноте, такъ ли? Еслибъ кто нибудь сказалъ, что онъ могъ не принять вызова, то я скажу, что это онъ говоритъ потому, что ничего подобнаго не испыталъ, что онъ не имѣетъ, въ виду, никакого конкретнаго случая; но еслибъ ему самому пришлось быть въ подобномъ положеніи, то онъ бы не выдержалъ. Мы всѣ — люди, которые не поглощены всецѣло офиціальною или иною специальною дѣятельностью и которые претендуютъ, всетаки, на то, чтобъ насъ считали свѣтскими людьми, находимся всегда въ такомъ состояніи, что тотъ, кто пожелалъ бы настоятельно вовлечь насъ въ дуэль, могъ бы почти всегда

достигнуть своей цѣли. Для всякаго изъ насъ гораздо лучше выйти на дуэль, нежели подвергаться риску получить обиду публично, гдѣ-нибудь на улицѣ, въ театрѣ. Конечно, обидчика засадятъ въ тюрьму, но этого мало. Человѣкъ не вполнѣ поглощается государствомъ, честь его не совершенно охраняется государствомъ, и для большинства людей обиженный такъ и останется навсегда со слѣдами обиды на лицѣ. Это глупо, но это вѣрно. Я констатирую фактъ и не думаю, чтобъ кто-нибудь сталъ оспаривать его. Что же, затѣмъ, могъ сдѣлать Утинъ, и чего онъ не дѣлалъ? Былъ ли какой нибудь моментъ, въ который онъ могъ бы повліять на то, чтобъ дуэль не состоялась? Письмо предложить? Оно было предложено, но противники разошлись на весьма существенномъ пунктѣ: отъ Утина требовали, чтобъ онъ написалъ неправду, что онъ ничего предосудительнаго о Жоховѣ и о г-жѣ Гончаровой не говорилъ, между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, что находитъ образъ дѣйствій ихъ по дѣлу Гончарова неодобрительнымъ, заслуживающимъ порицанія. Послѣ объясненія у г. Арсеньева, онъ былъ раздраженъ противъ Жохова; онъ думалъ, что Жоховъ нарочно вовлекъ его въ объясненіе, поставивъ ему ловушку, чтобъ заставить его выйти на дуэль. Несмотря на то, онъ не прочь мириться; его убѣждаютъ секунданты, онъ пишетъ еще письмо; но когда и это письмо не подѣйствовало, когда всѣ средства примиренія были истощены, то съ тѣхъ поръ до самой встрѣчи не могло быть и рѣчи о мирѣ.

Утинъ долженъ былъ выдти на дуэль. Какъ же онъ долженъ былъ дѣйствовать? Воздержаться отъ выстрѣла, какъ дѣлаетъ человѣкъ, который хотя не одобряетъ поединка, но чтобъ показать, что онъ не трусъ, становится подъ выстрѣлъ? Или, можетъ быть, выстрѣлить на воздухъ? Да, конечно, если разсуждать хладнокровно и отвлеченно, то это такъ, но, гг. судьи, человѣкъ не камень, онъ состоитъ не изъ однихъ только костей да мяса. У него есть нервы—весьма тонкій инструментъ,

на которомъ играютъ внѣшнія событія, раздражительность и впечатлительность весьма различны у различныхъ людей. Представимъ, что передъ нами субъектъ очень нервный, съ которымъ часто случается истерика, у котораго есть, притомъ, порокъ сердца и случаются зачастую обмороки; онъ находится въ возбужденномъ состояніи въ теченіи цѣлой недѣли; въ началѣ недѣли его зовутъ письмами на объясненіе, весьма серьезное; съ каждымъ письмомъ выраженія становятся рѣзче съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ, слѣдуетъ объясненіе у г. Арсеньева, во время котораго онъ имѣетъ основаніе думать (хотя я не полагаю, чтобъ это было такъ), что само объясненіе не что иное, какъ ловушка, что его нарочно завлекали, чтобъ бросить ему въ глаза вызовъ; онъ раздраженъ, несмотря на то, что настолько владѣетъ собою, что не уклоняется отъ примиренія и пишетъ письмо. Наконецъ, всѣ средства истощены; ѣдутъ и становятся на свои позиціи. Я смѣло могъ бы утверждать то же самое, что утверждали секунданты, что, при избранныхъ условіяхъ поединка, результатъ его объясняется только слѣпымъ случаемъ. Но я могу сдѣлать предположеніе еще другое. Я полагаю, что Утинъ не думалъ стрѣляться, желалъ выстрѣлить на воздухъ; когда ихъ поставили на позицію, когда присутствіе того, котораго Утинъ считалъ своимъ противникомъ, вызвавшимъ его на поединокъ понапрасну, озлобленнаго противъ него, еще больше раздражило Утина, и когда, наконецъ, онъ увидѣлъ что дуло пистолета противника направлено ему прямо между глазъ, тогда инстинктивно, по чувству, которое онъ и самъ не въ состояніи теперь объяснить, ненависти или самосохраненія, въ одно мгновеніе, почти непроизвольно, палецъ сдѣлалъ движеніе и спущенъ былъ курокъ, пуля полетѣла и попала въ самый лобъ противнику. Упалъ Жоховъ, а чрезъ минуту упалъ на мокрую траву и Утинъ, потому что съ нимъ случился истерическій припадокъ.

Гг. судьи, еслибъ это былъ судъ съ присяжными, то я на этомъ окончилъ бы защиту; но въ судѣ безъ присяжныхъ я обязанъ коснуться стороны юридической, вопроса о примѣненіи наказанія. Я полагаю, какъ и г. прокуроръ, что дѣйствія Утина подходятъ подъ 1503-ю ст. уложенія о нак., подъ 2-ю ея часть. Но вы имѣете, по 774-й ст. уст. уголов. судопр., полное право по всякому преступленію, безъ исключенія, значитъ и по поединку, если найдете обстоятельства смягчающія вину подсудимаго, понизить ему наказаніе одною или двумя степенями. Допустимъ что эти обстоятельства есть (я возвращусь къ этому вопросу)—спрашивается, какъ понизить наказаніе? По 1503 ст. полагается заключеніе въ крѣпости на время отъ 2 до 4 лѣтъ. Значитъ чтобъ понизить, нужно отыскать въ заключеніи крѣпостномъ одну или 2 степени, примыкающія къ сроку отъ 2 до 4 лѣтъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе; заключеніе въ крѣпости—наказаніе особое, которое не стоитъ въ общей лѣстницѣ наказаній; оно и смирительный домъ совершенно въ сторонѣ; оно имѣетъ свои степени, изложенныя въ 34-й и 35-й ст. уложенія, пять степеней, которыя идутъ отъ заключенія отъ четырехъ недѣль до заключенія на четыре года. Но вотъ въ чемъ еще новое затрудненіе: эти степени заключенія въ 34-й и въ 35-й ст. нисколько не сходятся, ни качественно, ни количественно, съ наказаніями, полагаемыми за дуэли во главѣ 4-й раздѣла X-го уложенія; въ качественномъ отношеніи потому, что въ главѣ 4-й полагаются совершенно иные сроки заключенія, а въ количественномъ потому, что въ 34-й ст. говорится о заключеніи съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ—между тѣмъ, какъ заключеніе въ крѣпости за дуэль налагается болѣе легкое и никогда не влечетъ за собою лишенія правъ. Однако, степени всетаки надо отыскать. Я полагаю, что ихъ можно отыскать на практикѣ по теоріи. Я ссылаюсь на сочиненіе г. Таганцева «О преступленіяхъ противъ жизни», 2-й томъ. Если сопоставить

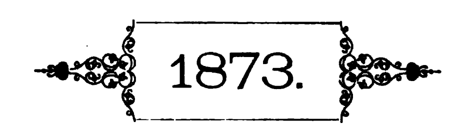
всѣ наказанія, которыя полагаются за дуэль въ главѣ 4-й раздѣла X-го, то изъ нихъ образуется своя особая лѣстница, по которой можно спускаться. Если обратить вниманіе на 3-ю часть 1503-й ст., то можно увидѣть, что сейчасъ же послѣ наказанія заключеніемъ въ крѣпости на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, идетъ заключеніе отъ 8-ми мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ, въ 1507-й ст. полагается наказаніе секундантамъ въ размѣрѣ образующемъ новую ступень — отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Еще можно отыскать одну степень—отъ 2-хъ до 4-хъ мѣсяцевъ, а если подниматься вверхъ то можно отыскать степени отъ 4-хъ до 6-ти и 8-ми мѣсяцевъ и даже до 10 лѣтъ. Такимъ образомъ, изъ соображенія наказаній, полагаемыхъ собственно за дуэли, можно составить особую лѣстницу наказаній и, слѣдовательно, можно понизить наказаніе, опредѣленное въ 1503-й ст., и перейти отъ заключенія въ крѣпости отъ 2 до 4 лѣтъ, до заключенія отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Затѣмъ, если подсудимый будетъ найденъ заслуживающимъ еще большаго снисхожденія, то можно будетъ понизить наказаніе отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и дойти такимъ образомъ до самой послѣдней грани снисхожденія, на которой уже исчерпываются ваши полномочія—до 4 мѣсяцевъ. Я и прошу именно, чтобъ подсудимый Утинъ былъ присужденъ къ этому послѣднему наказанію. Причины, по которымъ я прошу этого смягченія, заключаются въ слѣдующемъ. Вашъ судъ отличенъ отъ суда присяжныхъ тѣмъ, что вы должны мотивировать смягченіе участи подсудимаго, вы должны указать на смягчающія обстоятельства. Есть цѣлый перечень этихъ смягчающихъ обстоятельствъ въ 134-й ст. уложенія, въ 9 ея пунктахъ. Я полагаю, что между этими пунктами найдутся многіе, которые подходятъ къ Утину. Я по крайней мѣрѣ, нахожу 1-й пунктъ, т. е., что подсудимый тотчасъ заявилъ о совершившемся преступленіи и чисто-сердечно призналъ себя виновнымъ, и 5-й пунктъ— сильное раздраженіе, въ которое былъ поставленъ Утинъ

образомъ дѣйствій своего противника. Но этотъ перечень въ статьѣ 134-й данъ только въ видѣ примѣра; кромѣ этихъ обстоятельствъ, которыя въ 134-й ст. перечислены, вы можете пріискать еще весьма многія, заимствованныя изъ натуры самаго преступленія. Вы можете стать именно на точку зрѣнія прокурора, но вы должны будете, ставъ на эту точку зрѣнія, придти къ другимъ, нежели онъ даетъ заключеніямъ. Натура преступленія и то обстоятельство, что оно совершено образованными людьми, располагаютъ не къ строгости, а къ снисхожденію, по причинамъ, которыя я постараюсь изложить. На поединокъ можно смотрѣть различно, прежде всего, какъ на преступленіе противъ жизни. Есть теоретики, которые подводятъ дуэль подъ эту категорію, разсуждая съ отвлеченной точки зрѣнія, но взглядъ этотъ ведетъ къ систематической безнаказанности дуэлей вездѣ, гдѣ дуэли судятся судомъ присяжныхъ. Народное сознаніе идетъ въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ съ теоріей и закономъ. Я думаю, что можно смотрѣть на поединокъ не какъ на преступленіе противъ жизни, а только какъ на преступленіе противъ государства, противъ его судебной власти, какъ на самосудъ, самоуправство. Конечно, оно можетъ быть разсматриваемо, какъ особый видъ самоуправства; но за это нельзя наказывать жестоко, какъ жестоко наказывали въ прежнія времена; да и къ чему же повели эти жестокія наказанія? Поединки сдѣлались чаще, когда дуэлистовъ вѣшали, напримѣръ, при Ришельё. Вообще, государство и законодательство въ настоящее время смотрятъ иначе на поединки и ограничиваются гораздо болѣе легкими наказаніями. Поединокъ заслуживаетъ этого вниманія потому, что онъ основывается на весьма древнемъ, стариномъ европейскомъ обычаѣ. Вы можете назвать какъ угодно этотъ обычай: глупымъ предразсудкомъ, барскою привычкой, плодомъ праздности, въ которой живутъ богатые классы, но, тѣмъ не менѣе, практика будетъ опровергать на каждомъ шагу ваши положенія, потому

что этотъ обычай, будто бы дворянскій, былъ распространенъ повсюду именно тогда, когда было отмѣнено въ Европѣ дворянство, когда стали драться блузники и буржуа. Оттуда онъ перешелъ къ намъ, привился и дѣйствуетъ. Взгляните, какіе люди стали драться? Развѣ Жоховъ—баричъ? Это—человѣкъ дѣловой и нисколько не аристократическій. Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ и обычаемъ весьма сильнымъ; онъ существуетъ, и нельзя поручиться, что не будетъ существовать еще 100, 200 или больше лѣтъ. Почему? Потому что въ этомъ обычаѣ, хотя и въ грубой формѣ, есть нѣчто такое, что заставляетъ людей стоять за него; въ этой грубой, безобразной формѣ проявляется, однакожъ, извѣстное чувство, одно изъ тѣхъ, о которыхъ заставляетъ насъ забывать цивилизація. Эта цивилизація наша внушаетъ человѣку: себя не защищай, я тебѣ гарантирую всевозможныя блага, только богатѣй, учись да старайся быть какъ можно ловчѣй, старайся только не забѣгать въ область уголовнаго права, и будешь ты знатенъ, и уважаемъ, и богатъ. Обычай поединка является среди этой цивилизаціи какъ символъ того, что человѣкъ можетъ и долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ для себя благомъ — своею жизнью, за вещи, которыя съ матеріалистической точки зрѣнія, не имѣютъ значенія и смысла—за вѣру, родину, хотя бы за честь; вотъ почему этимъ обычаемъ нельзя поступаться. Онъ имѣетъ основаніе то же, что и война. Вѣдь война тоже фактъ грубый, дикій, безобразный, противъ войны писались цѣлые томы, ученые будутъ доказывать, какъ безобразенъ этотъ фактъ, поэты будутъ бросать проклятія на воюющихъ, будутъ составляться общества, собираться конгресы друзей мира — и что же? Война будетъ продолжать существовать, и одинъ мигъ такой грозы очиститъ воздухъ гораздо въ большей степени, нежели десятки лѣтъ жаркаго мира, среди котораго растутъ хорошія растенія, но растутъ и сорныя травы. Я бы сказалъ finis Европѣ, еслибъ всѣ

европейскіе народы устроились такъ, чтобъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не воевать. Я не думаю, чтобъ сила рождала право, но думаю, что всякому нужно быть сильнымъ, мужественнымъ и храбрымъ, чтобъ отстаивать свое право. Вотъ почему въ поединкѣ важно входить не во внѣшнюю сторону дѣла, а въ сокровенныя причины и побужденія къ вызову и прослѣдить дѣйствія человѣка отъ начала дѣла до конца, безупречно или нѣтъ его поведеніе. Если оно безупречно, если результатъ поединка слѣдуетъ приписать стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, то надлежитъ по справедливости понизить наказаніе до послѣдней грани, до которой позволяетъ вамъ доходить законъ.

Окружный судъ, признавая подсудимаго Утина виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 отд. 1503 ст. улож. о наказ., постановилъ: заключить его въ крѣпость на 2 года, но не приводя сего приговора въ исполненіе, по вступленіи таковаго въ законую силу, въ виду особыхъ уваженій къ облегченію участи подсудимаго, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ чрезъ министра юстиціи о смягченіи наказанія заключеніемъ въ крѣпость на 5 мѣсяцевъ.

11.

Дѣло о надворномъ совѣтникѣ Пальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ.

Надворный совѣтникъ Александръ Ивановъ Пальмъ обвинялся, во первыхъ, въ томъ, что, состоя управляющимъ Полтавскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка и получивъ въ качествѣ управляющаго казенную сумму, препровожденную Полтавской земской конюшней на храненіе въ отдѣленіе банка, самовольно употребилъ въ свою пользу четырнадцать тысячъ рублей серебромъ и не возвратилъ таковыхъ денегъ и послѣ открытія сего злоупотребленія, и, во вторыхъ, въ томъ, что для сокрытія присвоенія или растраты составилъ подъ вымышленными нумерами ложныя извѣщенія о поступленіи на храненіе въ отдѣленіе банка принятыхъ имъ денегъ, между тѣмъ какъ эти деньги въ отдѣленіе банка имъ, Пальмомъ, внесены не были и по книгамъ отдѣленія не значатся, каковыя преступленія предусмотрѣны 3 ч. 354 и 359 ст. улож. о накав. Разборъ дѣла происходилъ въ уголовномъ отдѣленіи Харьковской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 27 марта 1873 года.

«Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Подсудимому, который, подобно настоящему, сознается въ своемъ преступленіи, практическій исходъ дѣла почти безразличенъ. Пословица гласитъ: «семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ». Повинившись, подсудимый можетъ махнуть ру-

кою на всѣ юридическія подробности. Но не таково положеніе защитника; онъ, по званію своему, обязанъ воспользоваться всѣми способами защиты; онъ долженъ стараться хотя на одинъ волосъ уменьшить отвѣтственность, а слѣдовательно, и наказаніе. Вотъ почему, состязаясь съ обвиненіемъ, я постараюсь, по-крайней-мѣрѣ, одинъ изъ пунктовъ обвиненія уничтожить и разрушить. Я вполнѣ признаю фактъ растраты чужихъ денегъ, но я полагаю, что можно опровергнуть другое обвиненіе — въ подлогѣ, въ составленіи подсудимымъ лживыхъ бумагъ, съ цѣлью скрыть преступленіе. Это будетъ составлять первую часть моей задачи. Затѣмъ, во второй, по вопросу о растратѣ, я, не касаясь юридической стороны дѣла, буду ходатайствовать только о снисхожденіи къ подсудимому, и полагаю, что вы найдете весьма много причинъ, располагающихъ къ этому снисхожденію.

«Начинаю съ вопроса о подлогѣ. Да будетъ мнѣ позволено коснуться фактической основы дѣла, которая чрезвычайно проста и ясна. Въ 1868 году Пальмъ переведенъ въ Полтаву изъ Кишинева въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ; его преслѣдовали долги, которые по разнымъ обстоятельствамъ дошли до громадной, по средствамъ его, цифры 17,000 руб. На него подавались взысканія въ полицію, въ судъ, слухи объ этихъ долгахъ доходили до самого министра финансовъ. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ, человѣкъ ему близкій, пріятель, съ которымъ онъ былъ на «ты», полковникъ фонъ-Белли, просилъ его, предложилъ ему или по-крайней-мѣрѣ заявилъ ему, что хочетъ перенести въ отдѣленіе Государственнаго Банка, капиталъ земской конюшни, который прежде находился въ уѣздномъ казначействѣ, гдѣ неудобно было для конюшни его держать, потому что приходилось много разъ туда ходить и тратить время. Извѣстно, что былъ изданъ циркуляръ министромъ финансовъ, въ которомъ предлагалось разнымъ вѣдомствамъ, казеннымъ и частнымъ, помѣ-

щать свои капиталы въ отдѣленія банка. Затрудненіе состояло въ томъ, что Белли не хотѣлъ платить за храненіе капитала въ отдѣленіи банка; но Пальмъ взялся устроить это затрудненіе, обѣщавъ сдѣлать представленіе въ правленіе Государственнаго Банка о томъ, чтобы этотъ капиталъ конюшни былъ принятъ безплатно въ отдѣленіе банка. По состоявшемуся между Пальмомъ и Белли предварительному соглашенію, 23-го января с. г. Пальмъ сообщилъ Белли о распоряженіи министра финансовъ, слѣдствіемъ чего была бумага фонъ-Белли отъ 27-го февраля, съ которою г. фонъ-Белли привезъ въ Банкъ капиталъ конюшни въ процентныхъ бумагахъ, и тутъ же передалъ его Пальму. Тутъ представляется вопросъ, которому всего больше времени посвящаетъ г. товарищъ прокурора: зналъ ли или не зналъ г. фонъ-Белли, что Пальмъ употребитъ капиталъ конюшни въ свою пользу, что онъ будетъ на этотъ капиталъ дѣлать спекуляціи? Это обстоятельство въ сущности, съ юридической точки зрѣнія, совершенно не важное и безразличное. Хотя бы и было согласіе со стороны г. фонъ-Белли, г. Пальмъ самъ не могъ не знать, что этотъ капиталъ чужой, что онъ принадлежитъ не г. Белли, а земству, и что имъ нельзя пользоваться; онъ долженъ былъ отклонить отъ себя искушеніе и отказаться отъ дружеской услуги на чужой счетъ, еслибъ таковая предлагалась ему со стороны г. фонъ-Белли, такъ что Пальмъ, во всякомъ случаѣ, виновенъ. Но еслибъ оказалось, что г. фонъ-Белли совсѣмъ не зналъ о томъ, какъ будетъ пользоваться г. Пальмъ этимъ капиталомъ, то къ растратѣ капитала присоединится еще новый элементъ — нарушеніе довѣрія пріятеля, предательство, частная измѣна, которая дѣлаетъ преступленіе Пальма въ нравственномъ отношеніи гораздо худшимъ, менѣе извинительнымъ. Я полагаю, что для подсудимаго въ его нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи единственная услуга, которую можно оказать ему, это самая суровая, самая безпощадная правда, безъ всякой фальши, безъ

всякихъ прикрасъ, и защита должна выставить его поступокъ, какъ онъ есть, нисколько не хуже того, какимъ онъ былъ, но и не лучше. Такъ понимая мою задачу, я откровенно говорю, что я не вѣрю тому, будто г. фонъ-Белли далъ свое прямое и открытое согласіе на то употребленіе капитала, которое сдѣлано Пальмомъ. Я не вѣрю, во-первыхъ, потому, что «своя рубашка ближе къ тѣлу», что дружба дружбой, а все-таки она не можетъ простираться до того, чтобъ отдавать чужую собственность другу и пріятелю. Я не могу этому повѣрить, потому что еслибъ г. фонъ-Белли дѣйствительно далъ свое соизволеніе, то во всякомъ случаѣ, когда онъ переѣзжалъ изъ Полтавы въ Елизаветградъ и покидалъ должность, то онъ не могъ не спросить отчета въ дѣйствіяхъ у Пальма; не могъ не обязать Пальма передать полностью капиталъ преемнику фонъ-Белли, г. Эммануэлю. Я не вѣрю, чтобъ г. Пальмъ велъ дѣло съ фонъ-Белли откровенно и на чистоту. Но, съ другой стороны, увѣренія Пальма по этому предмету столь сильны, столь настойчивы, что я не могу и съ его стороны допустить сознательной, и во всякомъ случаѣ безполезной лжи. Я полагаю, что слѣдуетъ избрать при возстановленіи истины средній путь и допустить, что имѣлъ мѣсто психическій самообманъ, самообольщеніе со стороны Пальма. Г. Пальмъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ г. фонъ-Белли; онъ былъ увѣренъ, что еслибъ онъ сказалъ фонъ-Белли прямо: «мнѣ нужны деньги», то фонъ-Белли согласился бы на услугу. Но та услуга непріятна, о которой откровенно и говорить совѣстно съ ближайшими друзьями. Кому не случалось часто въ общежитіи слѣдующее: я хочу попросить пріятеля о чемъ-то нехорошемъ, мнѣ стыдно говорить прямо, я дѣлаю намеки, которые не отвергаются; мой пріятель какъ будто бы дѣлаетъ видъ, что онъ меня понимаетъ, и предложеніями моими нисколько не смущается; тогда я дѣлаю заключеніе, что мой другъ и пріятель соглашается смотрѣть сквозь

пальцы, и тогда это молчаніе принимается за согласіе; а такъ какъ желается, чтобъ отвѣтъ былъ таковъ, то и вѣрится тому, что онъ былъ именно таковъ. Я полагаю, что съ Пальмомъ произошло нѣчто подобное тому, чтò я разсказалъ. Г. Пальмъ былъ такъ близокъ съ г. фонъ-Белли, что я не совсѣмъ вѣрю г. фонъ-Белли на счетъ того, чтобъ онъ не зналъ о всей затруднительности положенія г. Пальма, которое было извѣстно въ городѣ Полтавѣ многимъ и весьма многимъ. Пальмъ сообщаетъ, положимъ, фонъ-Белли о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а г. фонъ-Белли говоритъ ему тутъ же, что деньги земской конюшни будутъ долго лежать въ банкѣ, что изъ нихъ потребуется ежегодно на расходы не болѣе 1,500 или 2000 руб.; г. Пальмъ говоритъ: «Я не могу теперь выдать квитанціи, я долженъ объ этомъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка»; хорошо, говоритъ фонъ-Белли, беретъ вмѣсто квитанціи временную росписку и довольствуется ею, никогда уже потомъ не заикаясь о перемѣнѣ росписки на квитанцію, и такъ проходятъ мѣсяцы; кончается годъ. Вотъ что могло навести г. Пальма на мысль, что г. фонъ-Белли смекаетъ, въ чемъ дѣло; а такъ какъ онъ человѣкъ съ живымъ воображеніемъ, то онъ увѣровалъ тому, чему желалъ увѣровать, а именно, что г. фонъ-Белли не прочь дать ему, Пальму, пользоваться капиталомъ конюшни. Такъ продолжалось до смѣны г. фонъ-Белли; тутъ наступила критическая минута; г. Пальмъ могъ опасаться, что г. Эммануэль потребуетъ деньги, но г. Эммануэль не являлся, ничего не требовалъ. Такъ жилось до 10-го апрѣля безъ разсчету подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, что разъяснится неопредѣленное положеніе, что раскроется растрата, съ Богъ вѣсть на чемъ основанными надеждами, напр., «авось какъ-нибудь вывернусь». Изъ долгаго молчанія Эммануэля Пальмъ заключалъ, что, можетъ быть, Белли и Эммануэля убѣдитъ дать Пальму пользоваться капиталомъ. Вспомните, гг. присяжные, изъ показанія Эммануэля, что когда раскрылась рас-

трата, то Пальмъ спросилъ его наивно: «а развѣ вамъ г. фонъ-Белли ничего не передавалъ»? Онъ такъ надѣялся, что фонъ-Белли такъ хорошо знаетъ его положеніе, что, можетъ быть, даже и передалъ эти свѣдѣнія другу своему, Эммануэлю. Вотъ какія странныя заблужденія были у этого человѣка.

«Я объяснялъ до-сихъ-поръ, какимъ образомъ капиталъ конюшни перешелъ къ Пальму. Спрашивается теперь, во-первыхъ, какое изъ нихъ употребленіе сдѣлалъ г. Пальмъ и, во-вторыхъ, въ какомъ видѣ отношенія Пальма и Белли къ капиталу представлялось на бумагѣ? какъ оно было оформлено въ офиціальной корреспонденціи между отдѣленіемъ Государственнаго Банка и земской конюшней? Что касается перваго вопроса, то онъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Процентныя бумаги конюшни были получены, и вмѣсто передачи въ банкъ остались на рукахъ у подсудимаго, который и сталъ ими пользоваться на покрытіе своихъ частныхъ долговъ; билеты конюшни можно было закладывать и въ томъ же отдѣленіи банка, во избѣжаніе продажи перезакладывать; когда же имъ будетъ грозить продажа, ихъ можно выкупать и опять закладывать. 27-го января былъ заложенъ одинъ билетъ въ 5,000 руб. за № 5,114; затѣмъ послѣдовалъ закладъ другихъ билетовъ: заложенъ былъ другой билетъ въ 5,000 руб. за № 5,117, затѣмъ заложены были 2 билета по 300 руб. каждый. Всѣ эти билеты закладывались и перезакладывались передъ срокомъ и послѣ срока; иногда Пальмъ дѣлалъ слѣдующее: закладывалъ не самые билеты, а вносилъ ихъ въ банкъ вкладомъ на храненіе, бралъ сохранную росписку и эту сохранную росписку закладывалъ. Въ апрѣлѣ 1869 года вслѣдъ за билетами стали закладываться и серіи. Что касается билетовъ государственнаго казначейства, то Пальмъ держалъ равновѣсіе въ своихъ сдѣлкахъ съ кредиторами довольно хорошо до іюня мѣсяца 1870 г., но въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 г. денегъ у него не хватило на то, чтобъ выкупить банковый билетъ конюшни въ

5.000 руб., такъ что этотъ билетъ былъ проданъ Государственнымъ банкомъ. Такимъ образомъ одинъ конецъ растраты оставался неизбѣжно неприкрытымъ, явно изобличающимъ Пальма въ растратѣ; при малѣйшемъ стараніи, при малѣйшей развѣдкѣ о томъ, куда ушли билеты, растрата должна была обнаружиться. Другіе билеты закладывались, перезакладывались такимъ образомъ, что конецъ сроковъ истекалъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ растрата была обнаружена. Что касается серій, то онѣ были въ цѣлости до послѣдняго времени, хотя и показывались проданными, такъ что даже въ послѣднемъ отчетѣ, данномъ г. Пальмомъ конюшнѣ, значилось гораздо менѣе серій, чѣмъ было ихъ въ дѣйствительности; значитъ — частью этихъ серій можно было даже покрыть тотъ недочетъ, который происходилъ отъ продажи банкомъ билета въ 5,000 р. въ іюнѣ 1869 года. Пальмъ разсказалъ обстоятельства, предшествовавшія раскрытію растраты. Были-ли тутъ при чемъ нибудь написанная имъ пьеса «Просвѣтители» и то озлобленіе, которая пьеса вызвала въ Полтавѣ — я не берусь судить; ясно только то, что 10-го апрѣля явился въ банкъ полковникъ Эммануэль, потребовалъ капиталъ, капиталъ не могъ быть данъ, растрата была очевидна, и тотчасъ же огласилась. Съ-тѣхъ-поръ прошло одиннадцать дней между обнаруженіемъ растраты и первымъ допросомъ г. Пальма. Въ этотъ одиннадцатидневный промежутокъ случилось обстоятельство, на которое особенно сильно налегаетъ обвиненіе, а именно продажа билетовъ конюшни, заложенныхъ банку, и притомъ продажа по распоряженію Пальма. Я никакъ не могу допустить, чтобъ это обстоятельство отягощало вину Пальма, чтобъ оно вину эту видоизмѣняло. Еслибъ процентный билетъ конюшни на 5,000 и серіи на 5,500 руб., всего на 10,500 руб., лежали въ банкѣ, еслибъ конюшня предъявила свои права на нихъ, тогда они можетъ быть и поступили бы въ конюшню, но остался бы недочетъ по банку, и г. Пальмъ былъ бы отвѣт-

ственъ и передъ банкомъ, и передъ конюшней. Я полагаю, что нѣтъ ничего естественнѣе его желанія отвѣчать передъ однимъ взыскателемъ, а не передъ двумя. По банку онъ остался совершенно чистъ, всѣ дѣла по банку найдены въ порядкѣ; между тѣмъ онъ не остался бы чистъ передъ банкомъ, еслибъ билеты не были проданы, потому что растрата 14,000 р. получила уже такую громкую огласку въ Полтавѣ, что Пальму не было никакой возможности получить какую бы то ни было сумму въ займы. Онъ и обращется къ г. Боссе и говоритъ ему: «Продай билеты и покрой долгъ». Пальмъ въ ту минуту не разсчитывалъ, сколько останется отъ продажи и что̀ онъ сдѣлаетъ съ остаткомъ; онъ былъ тогда совершенно разстроенъ и растерянъ; порученіе продать дано было имъ за два дня до его заарестованія. Боссе объяснилъ вамъ, что для продажи билетовъ, т. е. для полученія за нихъ денегъ онъ поднесъ Пальму бумагу и сказалъ: «Распишитесь». Пальмъ расписался. Если потомъ Боссе принесъ остатокъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ рублей и отдалъ ихъ женѣ Пальма, и если г-жа Пальмъ взяла эти деньги, и какъ утверждаетъ Боссе, не спрося, откуда онѣ, взяла ихъ и не передала Пальму—то что же тутъ удивительнаго, страннаго? Если встрѣчается въ дѣлѣ какое-нибудь сомнѣніе, то оно должно быть толкуемо не во вредъ обвиняемому, а въ пользу его—такъ говоритъ и законъ. Наконецъ, обвинительная власть могла же пригласить г-жу Пальмъ, которая была спрошена на предварительномъ слѣдствіи, и тогда вы бы услышали отъ нея объясненіе того обстоятельства, что она денегъ мужу не передавала, что эти деньги послужили ей на первое время на прокормъ семейства, послѣ того какъ Пальмъ былъ заарестованъ, и въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

«Я разсмотрѣлъ, какъ пользовался Пальмъ капиталами конюшни. Теперь остается изучить, какимъ представлялось на бумагѣ положеніе капитала, врученнаго

Пальму, каковы были соглашенія и уговоры г. фонъ-Белли съ г. Пальмомъ. Оказывается несомнѣннымъ, что капиталъ конюшни передавалъ не г. фонъ-Белли, а управляющій земскою конюшнею, не г. Пальму, а управляющему отдѣленіемъ Государственнаго банка, лицу официальному. Такая передача суммъ официальнаго лица лицу официальному даетъ преступленію Пальма неизгладимый характеръ преступленія по должности, чего я и не отрицаю. Такая официальная передача общественной суммы между должностными лицами никакъ не могла обойтись безъ облаченія этой сдѣлки въ форму законнаго акта и безъ того, чтобъ въ этомъ актѣ не было извѣстной коренной фальши, извѣстнаго искаженія истины. Эта неправда заключается въ настоящемъ случаѣ въ томъ, что при самомъ полученіи капитала Пальмъ выдаетъ фонъ-Белли тутъ же, на мѣстѣ, росписку 27-го января 1869 года, въ которой онъ удостовѣряетъ, что взялъ этотъ капиталъ на храненіе въ отдѣленіе банка. въ его сундукѣ, и обѣщалъ войти съ представленіемъ въ правленіе банка о томъ, чтобъ ему было разрѣшено безплатно хранить эти бумаги, послѣ чего выдана будетъ г. фонъ-Белли надлежащая квитанція. Въ этой роспискѣ неправда состоитъ въ томъ, что деньги показаны взятыми на храненіе въ отдѣленіе банка, что̀ служило бы полнымъ ручательствомъ для конюшни относительно того, что деньги будутъ въ цѣлости. Выдача такой росписки ставила г. Пальма въ такое положеніе, что онъ долженъ былъ быть постоянно на сторожѣ, долженъ былъ постоянно заботиться о томъ, чтобъ чиновники земской конюшни, явившись въ банкъ, не вошли въ отдѣленіе банка и не обратились помимо его къ контролеру, потому что они не могли бы найти тѣхъ бумагъ, которыя были отданы г-номъ фонъ-Белли г-ну Пальму, чтобъ они только съ нимъ, Пальмомъ, объяснялись и разсчитывались. Выдавая по всякому требованію проценты и самый капиталъ по частямъ, Пальмъ могъ бы взять назадъ первоначальную росписку 27-го января и замѣ-

нить ее новою, послѣ чего повторять каждый разъ эту замѣну старыхъ росписокъ новыми при каждой выдачѣ и каждомъ разсчетѣ. Но Пальмъ этого не сдѣлалъ и предпочелъ оставить основаніемъ всѣхъ своихъ отношеній къ конюшнѣ первоначальную росписку 27-го января 1869 г. со всѣми нумерами билетовъ, присовокупляя къ ней постепенно въ дополненіе рядъ увѣдомленій, отъ имени управляющаго, въ которомъ сообщалось конюшнѣ, какъ измѣнялся каждый разъ разсчетъ конюшни съ банкомъ и сколько процентныхъ бумагъ остается еще на храненіи. Этихъ отношеній прочитано нѣсколько; всѣ они выданы отъ управляющаго отдѣленіемъ банка, всѣ они, за исключеніемъ одного, на его бланкѣ, а не на бланкѣ отдѣленія, всѣ они за одною Пальма подписью, многія писаны даже его рукою. На всѣхъ этихъ отношеніяхъ были выставлены, какъ я уже замѣтилъ, такъ-называемые летучіе, т. е. вымышленные нумера, несоотвѣтствующіе нумерамъ исходящей книги, въ которой они и не значились. Подобные нумера ставились произвольно, приблизительно; но это происходило безъ всякаго особеннаго злоумысла, потому что особенной исходящей книги для управляющаго банкомъ не было ведено въ банкѣ, а была только общая, въ которую записывались бумаги по надлежащей формѣ дѣлопроизводства, за подписью управляющаго и контролера и за скрѣпою помощника контролера. Вся остальная переписка управляющаго не только съ частными лицами, но даже съ Государственнымъ банкомъ, г. Ламанскимъ, велась подъ летучими, приблизительными нумерами, и на это не обращалось вниманія; таковъ былъ порядокъ. Въ этихъ летучихъ нумерахъ нельзя искать какой-нибудь особой козни, злаго ухищренія; зло явно заключалось въ томъ только, что въ этихъ отношеніяхъ писалось, что на храненіи въ банкѣ остается 15,400 р. 14-го января, потомъ, 8-го декабря 1870 г., что остается 14,000 р.; между тѣмъ какъ въ банкѣ этихъ денегъ не было на храненіи, а онѣ были въ частныхъ

рукахъ. За эти-то отношенія, за этотъ-то рядъ бумагъ, который начинается роспискою 27-го января 1869 года и кончается отношеніемъ отъ 8-го декабря 1870 года г. Пальмъ обвиняется по ст. 359 улож. о нак. въ особомъ видѣ подлога — въ томъ, что, растративъ деньги, онъ, для сокрытія этой растраты прибѣгнулъ къ составленію поддѣльныхъ документовъ. Отъ этого пункта обвиненія я надѣюсь, что успѣю защитить Пальма, опровергнувъ неосновательную на мой взглядъ аргументацію прокуратуры.

«Я прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, обратить вниманіе на всѣ тонкости опредѣленія преступленія, предусмотрѣннаго въ 359 статьѣ уложенія. Это опредѣленіе требуетъ двухъ необходимыхъ примѣтъ: во-первыхъ, того, чтобъ непремѣнно былъ составленъ поддѣльный документъ, и во-вторыхъ, того, чтобъ этотъ документъ былъ составленъ съ спеціальною цѣлью скрыть растрату. Разберемъ же съ этихъ двухъ сторонъ содержаніе тѣхъ бумагъ, которыми обличаютъ Пальма въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 359 статьею; фальшивые ли это документы или нѣтъ? Собственно говоря, не фальшивые. Фальшивыми документами можно признать такіе, которые написаны отъ чужого имени, подъ чужую руку; тогда несомнѣнно представился бы подлогъ; но въ настоящемъ случаѣ документы подлинные: Пальмъ пишетъ отъ своего имени, самъ подписывается. Иное дѣло, еслибъ Пальмъ сочинилъ квитанцію отъ имени банка, которую онъ обѣщалъ дать въ бумагѣ отъ 27-го января, и подъ этой бумагой выставилъ свою подпись, подпись контролера и скрѣпу помощника контролера; еслибъ онъ далъ такой документъ, то это былъ бы подлогъ. Мнѣ могутъ сказать: бумаги слѣдуетъ считать фальшивыми не потому, что онѣ писаны отъ Пальма и имъ подписаны, но потому, что онѣ содержатъ неправду, фальшивое удостовѣреніе въ томъ, что въ банкѣ хранятся 17, потомъ 15, наконецъ, 14 тысячъ рублей, между тѣмъ какъ эти капиталы не хра-

нились вовсе въ банкѣ. На это возраженіе я отвѣчаю слѣдующее: вообще подлогъ есть именно—написаніе бумаги отъ другого лица, подписаніе бумаги подъ чужую руку. Еслибъ я, частный человѣкъ, написалъ какую угодно неправду, вымыселъ, еслибъ ввелъ этою неправдою въ заблужденіе другихъ, меня могли бы судить за обманъ, но никакъ не за подлогъ. Но всякое офиціальное лицо, занимающее правительственную должность, поставлено въ такое положеніе, его слово на бумагѣ имѣетъ такой большой вѣсъ и значеніе и можетъ причинить столько вреда введеніемъ въ заблужденіе другихъ властей, что всякая сознательная ложь, допущенная имъ въ офиціальной бумагѣ, что всякое искаженіе, всякая неправильная справка уравнены законодателемъ съ подлогомъ, уподоблены подлогу въ 362 ст. улож. о наказ. Эта статья ввела въ уголовную систему особенный подлогъ, такъ называемый подлогъ по службѣ, состоящій въ томъ, когда кто скроетъ истину въ офиціальныхъ актахъ или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства. Еслибъ подводили дѣйствія г. Пальма собственно подъ эту статью, то я не возражалъ бы, потому что его поступокъ дѣйствительно подходитъ подъ эту 362 ст., но все-таки этотъ поступокъ въ сущности не подлогъ, а неправда, уравненная съ подлогомъ законодателемъ. Но если эту неправду можно подводить подъ 362 ст. улож. о наказ., то ее нельзя, однако, подводить подъ 359 ст. уложенія, которая непремѣнно требуетъ, чтобъ подлогъ былъ совершенъ съ цѣлью сокрыть растрату. Вникнемъ въ то, были-ли уличающія Пальма бумаги составлены съ цѣлью сокрыть растрату? Прежде всего разберемъ главный изъ этихъ документовъ, тотъ документъ, который составляетъ основаніе дѣла, тотъ документъ, о которомъ зашла рѣчь тотчасъ по обнаруженіи пропажи капитала, именно: квитанцію или росписку 27-го января 1869 г. Она такъ важна, что когда г. Эммануэль телеграфировалъ г. фонъ-Велли о пропажѣ капитала, тотъ отвѣтилъ немедленно,

что квитанція управляющаго находится въ дѣлѣ конюшни. Можетъ-ли эта квитанція или росписка считаться поддѣльною? Нисколько. Она удостовѣряетъ, что деньги приняты Пальмомъ для внесенія въ банкъ. Могла-ли она служить средствомъ сокрытія растраты? Нисколько. Она не слѣдовала за растратою, а предшествовала растратѣ. Г. фонъ-Белли держалъ свои процентныя бумаги, такъ сказать, при себѣ, пока ему не выдали удостовѣренія, онъ не выходилъ все это время изъ отдѣленія, ждалъ полчаса или и болѣе. Для меня важно только то, что росписка выдана предварительно растраты одновременно съ врученіемъ капитала г. Пальму 27-го января 1869 г., и что безъ полученія ея фонъ-Белли не оставилъ бы процентныхъ бумагъ въ банкѣ. Росписка 27-го января облегчила возможность растраты, но ни чуть не прикрывала этой растраты. Что же сказать о всѣхъ остальныхъ бумагахъ? Онѣ только видоизмѣняютъ количество суммы: разъ извѣщаютъ конюшню, что хранится 15,000 р., потомъ, что—14,000 руб. Сами по себѣ эти бумаги самостоятельнаго значенія не имѣютъ; по этимъ документамъ нельзя было получить капитала, капиталъ могъ быть полученъ, когда была-бы принесена первоначальная квитанція или росписка 27-го января 1869 г., и когда она была бы принесена, раскрылась бы растрата. Каждый изъ этихъ документовъ, удостовѣряющій о нахожденіи капитала у Пальма, выдавалъ его гловою тому, кто имѣлъ эти бумаги. Достаточно было явиться лицу съ бумагою въ банкъ, достаточно было показать ее чиновнику банка, спросить о выдачѣ капитала— и растрата тотчасъ же должна была обнаружиться. Другое дѣло, гг. присяжные, еслибъ Пальмъ дѣйствительно думалъ скрыть преступленіе, то онъ могъ бы это сдѣлать вотъ какимъ образомъ: онъ могъ сочинить подложную квитанцію отъ фонъ-Белли или отъ Эммануэля, что деньги ими получены, и тогда бы онъ защищался этой квитанціей, а до-тѣхъ-поръ пока еще раскрыли бы что квитанція подложная, онъ

бы не былъ въ отвѣтѣ. Вотъ это былъ бы подлогъ, о которомъ говорится въ 359 ст. улож. о наказ. Бумаги, выданныя Пальмомъ конюшнѣ, назначенія скрывать растрату не имѣли. Вотъ почему я полагаю, что, признавая фактъ растраты, факта подлога для сокрытія преступленія, вы не признаете. Если обвиненіе будетъ ставить вопросъ такъ: виновенъ-ли Пальмъ въ томъ преступленіи, которое предусмотрѣно въ 362 ст. улож., то я возражать не буду; но по 359 ст. онъ обвиненъ быть не можетъ.

«Гг. присяжные засѣдатели, я покончилъ со всею юридическою стороною дѣла, со всѣми подробностями, со всѣми статьями закона. Послѣ всѣхъ разсказовъ, разборовъ, объясненій, остается нерастворимый осадокъ, непріятный, нечистый—растрата чужой собственности, нарушеніе простѣйшаго правила общественной морали—не трогай чужого—нарушеніе одной изъ десяти заповѣдей Моисеевыхъ и нѣсколькихъ статей уголовнаго кодекса. Еслибъ ваша работа была механическая, еслибъ вашъ приговоръ состоялъ въ томъ, чтобъ признать, что въ данномъ случаѣ есть поступокъ подходящій подъ форму, одинаковую, однообразную, установленную закономъ, послѣ чего судьямъ пришлось бы точно также этотъ отвлеченный поступокъ подвести подъ отвлеченную и разнообразную по качеству и по количеству мѣру наказанія, то мнѣ пришлось бы замолчать и остановиться. Но дѣло въ томъ, гг. присяжные засѣдатели, что вы судьи живого дѣла, живого человѣка; вы должны разрѣшить вопросъ не объ одинаковой, а о большей или меньшей виновности этого человѣка, взвѣсить, на сколько его проступокъ воленъ или неволенъ, вынужденъ внѣшними обстоятельствами или не вынужденъ; наконецъ, если въ этомъ человѣкѣ не все еще испорчено, то слѣдуетъ сострадательно отнестись къ нему, подать ему руку, какъ брату въ человѣчествѣ, какъ брату во Христѣ. Законъ даетъ намъ на этотъ счетъ самыя обширныя, самыя безграничныя полномочія;

этими полномочіями можно злоупотреблять; но вы знаете, что у меня не было такого помышленія; я не старался представлять вамъ бѣлое чернымъ, и наоборотъ; я, однако, утверждаю, что вы обязаны пользоваться этими полномочіями, когда представляется къ тому подходящій случай. Я полагаю, что совокупною дѣятельностью вашею, гг. присяжные засѣдатели и гг. судьи, будетъ установленъ такой приговоръ, который будетъ соотвѣтствовать настоящей правдѣ жизни, а не одной только отвлеченной правдѣ закона».

Человѣкъ, котораго вы судите—старый, надломленный, на склонѣ лѣтъ; онъ имѣетъ на своихъ плечахъ полвѣка. Жизнь была ему, можно сказать, не мать, а мачиха; никогда онъ не имѣлъ положенія прочнаго, обезпеченнаго, въ которомъ могъ бы держать устойчивое равновѣсіе. Въ разсказѣ «Алексѣй Слободинъ», который есть отчасти и автобіографія, изображенъ молодой офицеръ Морицъ, его дружба съ Рудковскимъ и общее бѣдствіе. Морицъ—это самъ авторъ, Рудковскій—Дуровъ, а общее бѣдствіе—это дѣло, извѣстное подъ именемъ Петрашевскаго. Сынъ бѣдныхъ родителей, Пальмъ воспитывался въ дворянскомъ полку на весьма скудныя средства, вышелъ въ офицеры и примкнулъ къ кружку людей, мечтавшихъ несвоевременно о такихъ перемѣнахъ въ обществѣ, которыя впослѣдствіи въ значительной части и осуществились; но въ то время мечтанія эти считались несвоевременными и преступными. Страшная бѣда поднялась на кружокъ этотъ, и въ томъ числѣ на Пальма: онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, потомъ прощенъ и отправленъ въ одинъ армейскій полкъ, съ тѣмъ, чтобъ никогда не быть повышаемымъ въ чинѣ. Прошло много лѣтъ, загорѣлась война, оштрафованный офицеръ своею грудью храбро отстаивалъ границы Россіи, шелъ черезъ Дунай, участвовалъ отъ начала до самаго конца въ осадѣ Силистріи, въ славной оборонѣ Севастополя; единственная награда, которой онъ удостоился, была только та, что ему позволили выйти

въ отставку. Военная карьера, въ которой онъ предназначалъ себя по воспитанію, была совершенно потеряна. При выходѣ въ отставку, ему повидимому улыбнулось счастіе; онъ женился на племянницѣ человѣка, который располагалъ громадными средствами, милліонера: строителя севастопольскихъ доковъ, поставщика матеріаловъ на оборону Севастополя, предпринимателя общественныхъ построекъ въ Одесѣ и откупщика— Данилы Волохова. Пальмъ поступилъ на службу, къ Волохову. Этотъ мужъ племянницы Волохова, завѣдывавшій его дѣлами, съ правомъ, по довѣренности, покупать, кредитоваться, продавать, закладывать, почти обезпечилъ себя: онъ уже заработалъ у Волохова 25.000 руб. и получилъ въ этой суммѣ закладную на этотъ долгъ отъ Волохова. Но дѣла Волохова, между тѣмъ, разстроились, казна ему не заплатила всего того, на что онъ претендовалъ за севастопольскія работы, откупа лопались, не принося ожидаемаго дохода, не хватало капиталовъ. Тогда Волоховъ обратился съ просьбою къ Пальму—освободить его домъ отъ закладной, съ тѣмъ чтобъ можно было его заложить въ третьихъ рукахъ. Г. Пальмъ, ни минуты не колеблясь, росписался на закладной въ полученіи всего долга сполна, чѣмъ и лишилъ себя всякаго обезпеченія, чѣмъ и лишилъ себя всего пріобрѣтеннаго достоянія. Назовите какъ хотите этотъ поступокъ—великодушіемъ или слабостью, но во всякомъ случаѣ нехорошимъ назвать его нельзя. Этотъ поступокъ не спасъ Волохова: кончилось тѣмъ, что Волоховъ обанкрутился и застрѣлился въ Петербургѣ въ 1866 году. Домъ, заложенный Пальму, былъ для него потерянъ; вмѣсто закладной онъ получилъ тѣ росписки князя Трубецкаго, которыя сдѣлались для него настоящимъ несчастіемъ. Г. Пальму лучше было бы этихъ росписокъ совсѣмъ не имѣть; тогда, по крайней мѣрѣ, онъ не имѣлъ бы надежды что-нибудь получить и когда бы то не было посредствомъ нихъ расплатиться съ кредиторами. Потерявъ 25,000 р. наличными

деньгами, потерявъ мѣсто, г. Пальмъ задолжалъ и былъ въ критическомъ положеніи, когда его друзья выхлопотали ему должность управляющаго кишиневскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Жалованье, получаемое имъ на этой должности было незначительно (2,000 р.), а долгу у него было до 3,000 р.; изъ жалованья нельзя было и долги платить, и жить съ семьею. Нельзя сказать, чтобъ онъ жилъ роскошно, чтобъ онъ моталъ деньги; но по самому получаемому содержанію не было возможности свести концы съ концами, и долги по жидовскимъ процентамъ возросли съ трехъ до десяти тысячъ рублей. Съ этими долгами Пальмъ былъ переведенъ на новое мѣсто, въ Полтаву. Новое мѣсто было лучше; здѣсь, кромѣ жалованья, выдавались еще наградныя, была еще и казенная квартира. Но съ Пальмомъ переѣхали изъ Кишинева въ Полтаву и его кредиторы и пристали къ нему съ требованіями немедленнаго платежа, основанными на улучшеніи положенія; его стали осаждать со всѣхъ сторонъ. Тогда въ этой крайности Пальмъ рѣшился на поступокъ, за который онъ судится теперь: онъ воспользовался капиталомъ, который былъ ему предложенъ на храненіе г-мъ фонъ-Белли. Но вотъ, гг. присяжные засѣдатели, гдѣ обнаруживается необычайная странность, а вмѣстѣ съ тѣмъ живучесть и даровитость этой исключительно-талантливой натуры. Въ то самое время, когда скандалъ широко разгласился, когда отъ Пальма отвернулись не только фарисеи, но даже и люди безукоризненно честные, суровыхъ, строгихъ правилъ, въ то самое время, когда всякій другой на мѣстѣ Пальма окончательно упалъ бы духомъ, у Пальма является лучшее развитіе, лучшее проявленіе его литературнаго творчества: онъ взялся за перо, и между допросами, подъ слѣдствіемъ, написалъ лучшія свои произведенія, задуманныя едва-ли не въ тюрьмѣ, которыя обратили на него вниманіе читающей Россіи: своего «Стараго Барина» и «Алексѣя Слободина». Не ищите въ этихъ произведеніяхъ ху-

дожественной законченности и совершенства отдѣлки. Въ «Старомъ Баринѣ» изображено одно лицо, но оно живое: это—отжившій свой вѣкъ идеалистъ былаго времени, очутившійся среди поколѣнія, которое ни о какихъ идеалахъ не помышляетъ, а занято только тѣмъ, какъ наслаждаться, пользоваться жизнью и пр. Въ «Алексѣѣ Слободинѣ» цѣлое запутано и походитъ на тѣ узоры, которые морозъ выводитъ на стеклахъ окошекъ; но возьмите отдѣльно каждую часть, образъ, типъ, картину—они дышатъ такою правдою жизни, такою полнотою чувствъ, что въ памяти неизгладимо запечатлѣваются картины крѣпостнаго права съ его рубцами, раскола, семинаристовъ, выкрестовъ-евреевъ, бѣднаго Личарда и поджога дома Милонова. Это не та элегантная, но холодная сатира Салтыкова, которая безпощадно и не моргнувъ глазомъ бичуетъ до крови пороки общества. Въ „Слободинѣ“ вы слышите вопль сердца негодующаго и болящаго, въ нихъ сказалось все прочувствованное и выстраданное. Кто знаетъ жизнь автора, какъ вы ее теперь знаете, тотъ скажетъ, что эти картины написаны кровью сердца. Читая эти картины чувствуешь себя нравственно поднятымъ, а это и есть величайшая заслуга автора и лучшая услуга, какую литература можетъ оказывать обществу.

Какъ могъ человѣкъ, такой живой и даровитый, съ такими хорошими инстинктами, упасть столь низко, какъ онъ могъ посягнуть на чужое добро, какъ онъ могъ явиться расточителемъ общественныхъ денегъ? Гг. присяжные засѣдатели, эта загадка, которую объяснить трудно, но которая предлагается вамъ въ жизни безчисленное множество разъ и на каждомъ шагу. Ежеминутно и въ себѣ, и въ другихъ вы наблюдаете разладъ между убѣжденіемъ и дѣломъ; человѣку надо быть постоянно на-сторожѣ, чтобъ не упасть и ни разу не пошатнуться; но разъ онъ пошатнулся—остальное уже додѣлаетъ роковая послѣдовательность человѣческихъ дѣйствій. Я позволю себѣ заимствовать слѣдующія сло-

ва изъ «Алексѣя Слободина»: «Разъ пошатнулся, разъ солгалъ—ну и шатайся и лги до самаго конца, сознавая всю отвратительность лжи и шатанія, потому что людская ходячая мораль такъ сложена, что не даетъ другаго выхода, и того только не клеймитъ, кто искуснѣе и до конца съумѣетъ лгать, кто, шатаясь въ сумеркахъ, умѣетъ твердо ходить днемъ, когда на него смотрятъ». Я не раздѣляю этого желчнаго взгляда на людскую мораль, я не допускаю, чтобъ были двѣ морали—одна обыденная для обыкновенныхъ людей, и другая для людей съ талантомъ, и чтобъ люди даровитые не признавали надъ собой законовъ обыденной морали. Но вотъ что я скажу: человѣкъ человѣку рознь, и нельзя не судить каждаго по его натурѣ, нельзя не обращать вниманія на крупныя, коренныя различія въ душевной организаціи. Есть люди мелкіе, средніе, обыкновенные, которые такъ втянулись въ эту лямку, въ это ярмо житейской морали общепринятыхъ правилъ и приличій, что они тянутъ эту лямку спокойно всю жизнь, никогда не чувствуя поползновенія ни падать, ни переступать границы общепринятаго закона, ни воспрянуть и нестись въ какую-то невѣдомую даль. Таково большинство, такова почтенная масса. Есть въ обществѣ также люди ловкіе, организаціи эгоистичныя, ястребиныя, которыя умѣютъ всю жизнь такъ искусно ходить по самой опушкѣ морали, никогда не заходя къ уголовщину, что они всегда правы передъ закономъ, всегда торжествуютъ и сыты. Они всегда почти успѣваютъ втереться между сильныхъ міра сего, на нихъ то и указываютъ обыкновенно пальцами, какъ на примѣръ владычествующаго зла. Наконецъ, есть люди непослѣдовательные, неровные и падкіе, которые однако, столь богаты умомъ и сердцемъ, что, упавъ, способны воспрянуть и стать выше того, какими они были до паденія, способны достигнуть такой высоты, до какой никогда не доходили моральныя черепахи и устрицы. Такую натуру вы должны цѣнить по корен-

нымъ условіямъ ея организаціи. Таковъ, напримѣръ, въ «Алексѣѣ Слободинѣ» воришка лакей Личарда, который идетъ въ рекруты, чтобъ только помочь стѣсненному положенію своихъ господъ. Я полагаю, что таковъ и самъ Пальмъ. Взгляните на него и съ этой стороны, гг. присяжные. Его авторскій трудъ, предпринятый при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, есть добро, есть подвигъ, есть очищеніе до извѣстной степени отъ вины. Онъ упалъ вслѣдствіе служенія мамонѣ, вслѣдствіе дѣятельности, для него не созданной; онъ требуетъ искупить вину честнымъ трудомъ, на поприщѣ гораздо болѣе къ нему подходящемъ. Такъ и хочется сказать этому человѣку: «Бодрись, братъ, не унывай; естѣ въ заслуженномъ страданіи геройство; не падай духомъ; многое тебѣ за то, что ты любилъ, будетъ прощено. Бѣдная наша страна, убогая культурою, убогая талантами—и ей приходится иногда самой казнить эти таланты! Но эта страна необычайно богата состраданіемъ и незлопамятованіемъ. Міръ не безъ добрыхъ людей: твоя семья, твоя жена и дѣти не погибнутъ». Вотъ тотъ совѣтъ, который я хотѣлъ бы преподать моему кліенту. Что же касается васъ, гг. присяжные, то я могу сказать: и у васъ сердце не камень; вы оцѣните по достоинству и воздадите по принадлежности Богово Богови и Кесарево—Кесареви; подъ Кесаремъ я понимаю общество и государство. Признавая виновнымъ подсудимаго, вы дадите ваше снисхожденіе до послѣднихъ границъ возможнаго. Вы, конечно, будете разсуждать, какъ разсуждаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ «Слободина»: «Въ наказаніи видно не то, кто былъ битъ и за что, а то, что изъ него выбито посредствомъ наказанія».

По окончаніи рѣчи защитника раздались въ публикѣ продолжительныя рукоплесканія. Предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія. Затѣмъ стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Предсѣдатель. «Подсудимый, что вы имѣете еще добавить въ ваше оправданіе?»

Подсудимый Пальмъ. «Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели. Въ 40-хъ годахъ, еще въ молодости, я горячо и страстно вѣрилъ въ тѣ идеи, которыя осуществились теперь и обновили нашу жизнь. Въ числѣ этихъ идей былъ и судъ присяжныхъ, это высокое учрежденіе, на которомъ разоблачаются не только одни формальныя, внѣшнія такъ сказать, обстоятельства нашихъ житейскихъ отношеній и дѣйствій, но разоблачается вся внутренняя жизнь человѣка. Я бы хотѣлъ вамъ многое сказать объ этомъ, но мой защитникъ разсказалъ это такъ хорошо, что я не въ состояніи ничего болѣе къ этому прибавить. Скажу только, что вся жизнь моя полна промаховъ, ошибокъ, несчастій, потому что я человѣкъ вовсе не практичный. Вамъ извѣстно, что я въ самомъ началѣ жизни испортилъ свою карьеру, такъ что исправить ее не могъ; и боевая жизнь въ Силистріи и Севастополѣ не возвратила мнѣ всего того, что я потерялъ. Я старался добиться чего-нибудь и получилъ большую милость—забвеніе моихъ грѣховъ. Въ молодости, гг. присяжные засѣдатели, кто изъ насъ практиченъ? Мнѣ кажется даже, что практичность въ молодости—это дурное, отталкивающее явленіе. Но не отъ этой непрактичности послѣдовали несчастія въ послѣдній періодъ моей жизни. Вы знаете мои отношенія къ Волохову, у котораго я работалъ. Хотя обвинительная власть и говоритъ, будто я могъ быть причиною его разоренія, но тогда я былъ бы обезпеченъ — я же остался нищимъ, а Волоховъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Послѣдніе два года я былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ существованію. Я получалъ на содержаніе 10 р., и долженъ былъ жить на это съ семьей; тогда я принялся работать. О достоинствѣ моихъ работъ не мнѣ судить, но скажу, однако, что мои пьесы въ теченіе этой зимы внесли въ кассу императорскихъ театровъ 25 руб. Я человѣкъ не погибшій, могу что-нибудь сдѣлать. Я обращаюсь къ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, прося у васъ милости, милости

во имя человѣческаго достоинства, которое во мнѣ есть, милости къ моей бѣдной семьѣ, которая ни въ чемъ не повинна... Прося у васъ милости, я позволю себѣ сказать, гг. присяжные засѣдатели, что въ настоящемъ случаѣ вамъ предстоитъ обсуждать не столько преступленіе, сколько несчастіе.

Судебною палатою были постановлены слѣдующія вопросы: 1) Виновенъ-ли надворный совѣтникъ Алекс. Ив. Пальмъ въ томъ, что получивъ по должности управляющаго отдѣленіемъ банка, при формальномъ отношеніи управляющаго земскою конюшнею, процентныя бумаги этой конюшни, не внесъ ихъ, какъ требовалось въ упомянутомъ отношеніи, на храненіе въ означенный банкъ, а напротивъ закладывалъ эти бумаги отъ своего имени, употребивъ такимъ образомъ 14,000 р. на свои расходы, и невозвратилъ израсходованныхъ имъ денегъ и послѣ открытія его злоупотребленій? 2) Если Пальмъ виновенъ по первому вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что съ цѣлью сокрытія этого противузаконнаго дѣянія, составилъ подъ вымышленными нумерами отношенія управляющему земской конюшнею и при всѣхъ этихъ отношеніяхъ помѣщалъ завѣдомо-ложныя свѣдѣнія о храненіи будто бы процентныхъ бумагъ въ кассѣ отдѣленія государственнаго банка, между тѣмъ какъ эти билеты не находились на храненіи банка?

На первый вопросъ присяжные засѣдатели отвѣтили: «Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія», а на второй вопросъ: «Нѣтъ, не виновенъ». Судебная палата постановила: «Надворнаго совѣтника А. И. Пальма, 50 лѣтъ, лишивъ всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Самарскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки съ мѣста жительства впродолженіи трехъ лѣтъ, и взыскать съ него растраченную сумму 14,000 руб. и судебныя издержки».

12.

Дѣло о старшемъ фейерверкерѣ петербургской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшемся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ.

Старшій фейерверкеръ Акимъ Дементьевъ обвинялся въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагаева и оскорбленіи этого офицера словами и въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ. Преступленія эти предусмотрѣны 106-ю, 107-ю и 113-ю ст. XXII кн. св. воен. пост. Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, 15 мая 1873 года.

Гг. судьи! Хотя судьба, а можетъ быть и жизнь трехъ людей виситъ на концѣ пера, которымъ судъ подпишетъ свой приговоръ, защита не станетъ обращаться къ чувству гг. судей, играть на нервахъ, какъ на струнахъ. Она считаетъ себя не въ правѣ прибѣгнуть къ такого рода пріему, потому что настоящее дѣло похоже на палку, которая имѣетъ два конца. Одинъ только конецъ разсматривается теперь, другой еще впереди. Въ этомъ дѣлѣ такъ слились два элемента: то, что сдѣлалъ солдатъ, и то, что сдѣлалъ офицеръ, что раздѣлить ихъ можно только мысленно, а въ дѣйствительности но и нераздѣлимы: насколько смягчится участь

солдата, настолько отягчится участь офицера, насколько палка опустится для одного, настолько она поднимется для другаго. Подсудимый находится въ очень трудномъ положеніи, вслѣдствіе особенностей военнаго судопроизводства, вслѣдствіе примѣчанія къ ст. 769, въ силу котораго въ виду соображеній высшаго порядка поручикъ Дагаевъ не можетъ быть вызванъ въ судъ. Его отсутствіе чрезвычайно затрудняетъ работу разоблаченія истины, разобранія, кто говоритъ правду, кто говоритъ неправду. Еслибъ г. Дагаевъ былъ на судѣ, еслибъ онъ могъ живымъ словомъ передать подробности происшествія, то какъ человѣкъ молодой, образованный, можетъ быть, онъ и измѣнилъ бы отчасти показанія, данныя имъ на предварительномъ слѣдствіи, и, можетъ быть, участь подсудимаго была бы смягчена. Но еслибъ даже онъ и не измѣнилъ своихъ показаній, то изъ словъ его, изъ образа дѣйствій на судѣ сквозила бы та истина, до которой приходится теперь добираться путемъ весьма труднымъ, окольнымъ, путемъ соображеній, сопоставленій, сравненій, заключеній. Путь этотъ требуетъ бо̀льшаго хладнокровія, нужно приступить къ дѣлу со скальпелемъ въ рукахъ, съ вѣсами, какъ для химическаго анализа, и только такимъ образомъ, сказавъ сердцу, чтобъ оно молчало, обуздавъ чувство, установить фактъ. Разъ установивъ фактъ, можно будетъ дать чувству разыграться противъ того, кто окажется виновнымъ, дать мѣсто состраданію къ тому и другому, потому что обѣ стороны одинаково нуждаются въ немъ, потому что офицеръ, если не оклеветалъ, то ввелъ въ искушеніе своимъ образомъ дѣйствій солдата, и виновенъ въ томъ, что ему грозитъ теперь тяжкое наказаніе. Тогда можно будетъ руководиться соображеніями, почерпнутыми изъ сферы военнаго быта, изъ сознанія глубокой необходимости строгой дисциплины. Но до установленія самаго факта нельзя руководиться этими соображеніями; до установленія факта для суда не существуетъ офицера и нижняго чина, а существуетъ только Дагаевъ и Дементьевъ.

Приступая къ установленію факта защита не можетъ держаться того порядка, котораго держалась обвинительная власть, которая начала съ конца. Все дѣло развивалось весьма логически изъ перваго шага; изъ перваго шага событія, логически развивавшіяся, довели до послѣдняго результата.

Слѣдуетъ начать съ начала, съ г-жи Даниловой и ея собаки.

На улицѣ Малой Дворянской есть большой домъ, занимаемый внизу простонародьемъ; бэль-этажъ занимаетъ г-жа Данилова и другіе жильцы; затѣмъ въ мезонинѣ живетъ Дементьевъ съ женой и дочерью. У г-жи Даниловой есть собака, большая и злая. Изъ приговора мироваго судьи видно, что она бросалась на дѣтей и пугала ихъ. 5-го апрѣля настоящаго года эта собака ужаснѣйшимъ образомъ испугала малолѣтнюю дочь Дементьева, которую отецъ страстно любитъ, ради которой онъ промѣнялъ свою свободу на военную дисциплину. Дѣвочка шла съ лѣстницы по порученію родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолѣтка испугалась, закусила губу въ кровь и съ крикомъ бросилась бѣжать. На крикъ дочери отецъ выбѣжалъ въ чемъ былъ, въ рубашкѣ, въ панталонахъ, въ сапогахъ, не было только сюртука. Онъ простой чечовѣкъ, онъ нижній чинъ, ему часто случалось ходить такимъ образомъ и на дворъ, и въ лавочку. А тутъ рузсуждать некогда, собака можетъ быть бѣшеная. Собаку втаскиваютъ въ квартиру, онъ идетъ за ней, входитъ въ переднюю и заявляетъ: «Какъ вамъ не стыдно держать такую собаку». Чтобъ онъ сказалъ что-нибудь оскорбительное, изъ дѣла не видно; г-жа Данилова на это не жаловалась. Все неприличіе заключалось въ томъ, что онъ вошелъ безъ сюртука, въ рубашкѣ и съ палкой; г-жа Данилова говоритъ, что онъ ударилъ собаку, онъ говоритъ, что собака сама на него лаяла и бросилась. Насчетъ неприличія существуютъ понятія весьма различныя. Къ человѣку своего круга относишься

иначе, чѣмъ къ человѣку низшаго круга. Если человѣкъ своего круга войдетъ въ гостиную безъ сюртука, на него можно обидѣться. Но Дементьевъ, хотя и кандидатъ, нижній чинъ, онъ зналъ свое мѣсто въ домѣ вдовы надворнаго совѣтника и не пошелъ дальше передней. Г-жа Данилова оскорбилась тѣмъ, что простой человѣкъ вошелъ въ ея переднюю безъ сюртука, и это неудовольствіе увеличилось отъ того, что изъ-за него ее пригласили къ мировому судьѣ. Съ дамами пожилыми, воспитанными въ старыхъ понятіяхъ, чрезвычайно трудно бываетъ разсуждать объ обстоятельствахъ, касающихся ихъ лично. Дама, можетъ быть очень благородная, очень сердобольная, но ей трудно втолковать, что право, что не право, трудно заставить ее стать на объективную точку зрѣнія по личному вопросу, трудно дать почувствовать, что то, что не больно ей, другимъ можетъ быть больно. Въ семействѣ г-жи Даниловой сложились вѣроятно такого рода представленія: собака насъ не кусаетъ, на насъ не лаетъ; не вѣроятно, чтобъ она могла кусаться и пугать кого-нибудь. Собака невинна, а люди, которые взводятъ все это на нее, кляузники. Г-жа Данилова никого не зоветъ къ мировому судьѣ, почему же ее зовутъ? Это кровная обида. По всей вѣроятности тутъ и образовалось такое представленіе, что не жильцы—жертвы собаки, а сама владѣлица ея жертва людской злобы, она—надворная совѣтница страдаетъ, отъ кого—отъ нижняго чина, отъ солдата! Всѣ эти соображенія конечно были переданы г. Дагаеву, когда онъ пришелъ 7-го числа, и тещей, и служанкой, и въ особенности женой. Жена весьма сильно, какъ оказывается, передавала, что они страдаютъ отъ нахала, жильца мезонина. По всей вѣроятности, тутъ явились внушенія такого рода: «вѣдь это солдатъ, вѣдь вы офицеръ, покажите, что вы офицеръ, проявите свою власть, призовите, распеките солдата, ему нужно дать острастку». Нужно извѣстнаго рода мужество, извѣстнаго рода твердость характера, чтобъ противостоять

этимъ внушеніямъ, когда внушаютъ люди весьма близкіе, весьма любимые. Должно явиться сильное желаніе показаться героемъ. Вотъ почему г. Дагаевъ, не разсуждая, повѣривъ вполнѣ тому, что ему передавали, приказалъ позвать къ себѣ солдата. Это была съ его стороны чрезвычайно важная ошибка, которая положила основаніе всему дѣлу. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права звать къ себѣ кандидата. Скоро между Дементьевымъ и г-жей Даниловой былъ споръ гражданскій, который долженъ былъ разрѣшить мировой судья. Всякій офицеръ можетъ требовать отъ нижняго чина почтенія не только для себя, но и для своего семейства, когда солдатъ знаетъ, что это семейство офицера, и образомъ своихъ дѣйствій относительно этого семейства сознательно оскорбляетъ офицера. Но Дементьевъ даже не зналъ о существованіи г-жи Даниловой до 5-го апрѣля; что въ семьѣ были офицеры, это онъ узналъ только 7-го числа, когда его стали звать къ офицеру. При такихъ обстоятельствахъ заявлять превосходство своего офицерскаго званія надъ человѣкомъ, который связанъ по рукамъ и по ногамъ военной дисциплиной, звать его по этому частному дѣлу въ квартиру г-жи Даниловой было дѣйствіемъ совершенно неправильнымъ. Дементьевъ не пошелъ и вслѣдствіе этого его обвиняютъ по ст. 113, за неисполненіе приказанія начальника. Примѣнить эту статью къ человѣку въ положеніи Дементьева на взглядъ защиты чрезвычайно трудно. Было ли здѣсь приказаніе начальника? Нѣтъ, по тому что г. Дагаевъ не командовалъ въ той командѣ, въ которой состоялъ подсудимый. По статьѣ 110 оскорбленіе нижнимъ чиномъ всякаго офицера приравнивается къ оскорбленію начальника. Но это дѣло совершенно другаго рода, оно основано на другихъ соображеніяхъ. Въ законѣ есть цѣлый рядъ преступленій: неповиновеніе, неисполненіе требованій и т. п. Кто бы ни былъ нижній чинъ и кто бы ни былъ офицеръ, если нижній чинъ оскорбилъ его, то онъ наказывается какъ оскорбившій начальника. Но

ст. 113 говоритъ только о неповиновеніи начальнику, о неисполненіи приказанія подчиненнымъ. Давать ей болѣе широкое толкованіе значило бы ставить всѣхъ солдатъ въ такую страшную зависимость отъ всѣхъ офицеровъ, которая едва-ли согласна съ пользами и требованіями дисциплины. Затѣмъ самое слово приказаніе очень неопредѣленно въ законѣ. При сравненіи этой статьи закона съ подобными же статьями въ другихъ законодательствахъ оказывается, что въ прусскомъ, напримѣръ, употребленъ терминъ «Dienstbefehl» т. е. служебное приказаніе, и это весьма понятно. Точно также и у насъ нельзя понимать это слово въ неограниченномъ смыслѣ, подразумѣвать подъ нимъ всякое приказаніе. Въ самомъ законѣ есть постановленіе, что если нижній чинъ совершитъ по требованію начальника дѣяніе явно преступное, то онъ все-таки отвѣчаетъ. Слѣдовательно, изъ общаго понятія о приказаніи исключаются приказанія явно преступныя. То же самое можно сказать и о приказаніяхъ явно безнравственныхъ, какъ еслибъ, напримѣръ, офицеръ приказалъ солдату привести къ себѣ его жену или дочь. Вообще, законность или незаконность приказанія имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ предполагаетъ представитель обвинительной власти. По прусскому кодексу, который считается лучшимъ, нижній чинъ, получившій незаконное приказаніе можетъ сдѣлать представленіе начальнику, онъ долженъ исполнить приказаніе, но имѣетъ право жаловаться и во всякомъ случаѣ эта незаконность приказанія значительно ослабляетъ и смягчаетъ его вину. Поэтому никакъ нельзя подводить дѣйствіе Дементьева, то, что онъ не отправился въ квартиру Даниловой, подъ неповиновеніе. Если же судъ вопреки доводамъ защиты признаетъ подсудимаго виновнымъ въ неповиновеніи, то онъ долженъ будетъ въ весьма значительной степени смягчить размѣръ отвѣтственности Дементьева, потому что приказаніе было незаконное, и еслибъ оно было исполнено, Богъ знаетъ, въ какомъ положеніи былъ

бы теперь подсудимый. Его зовутъ въ домъ, гдѣ противъ него вооружены и гдѣ нѣтъ ни одной души, которая могла бы свидѣтельствовать за него. Если на улицѣ его чуть не зарубили, то тоже могло произойти и въ квартирѣ. На улицѣ по-крайней-мѣрѣ нашлись свидѣтели, которые подтверждаютъ, что и того и этого не было. Деменьтевъ боялся столкновенія съ офицеромъ, онъ предвидѣлъ сцену, въ которой ему, человѣку почти равному, который къ Пасхѣ можетъ быть получитъ производство въ офицеры, грозитъ, что его могутъ съѣздить по физіономіи, онъ боялся этого и потому не пошелъ.

Съ 2-хъ часовъ квартира Дементьева была почти постоянно въ осадѣ до шестого часу, когда произошла катастрофа. Впродолженіе трехъ часовъ г. Дагаевъ, рѣшившись вызвать Дементьева и распечь, употребляетъ всѣ мѣры, чтобъ поставить на своемъ, причемъ каждая неудачная попытка должна увеличивать его раздраженіе, усиливать его гнѣвъ.

Напомнивъ показаніе самого Дагаева о посылкѣ сперва кухарки, затѣмъ двухъ городовыхъ, наконецъ дворника, принесшаго отвѣтъ, что «если офицеру угодно выйти, то я готовъ съ нимъ объясниться», отвѣтъ, вслѣдствіе котораго, по словамъ г. Дагаева, у него явилась мысль жаловаться по начальству на солдата, почему онъ и вышелъ изъ квартиры г-жи Даниловой, защитникъ заявилъ, что считаетъ это показаніе совершенно несогласнымъ съ истиной. Чтобъ жаловаться начальнику, нужно знать, кто этотъ начальникъ; г. Дагаевъ этого не зналъ; ему извѣстно было только, что Дементьевъ кандидатъ; для того, чтобъ узнать, кому жаловаться, онъ послалъ дворника за домовой книгой; но дворникъ еще не возвращался, когда Дагаевъ вышелъ изъ квартиры Даниловой. Значитъ г. офицеръ пошелъ совсѣмъ не для того, чтобъ жаловаться начальнику Дементьева. Это можно доказать и другимъ путемъ. По словамъ самого г. Дагаева, прошло пять, шесть минутъ

между тѣмъ временемъ, какъ онъ сошелъ, и тѣмъ временемъ, какъ вышелъ Дементьевъ; по показанію г-жи Даниловой прошло четверть часа между его уходомъ и возвращеніемъ. Если принять, что все послѣдующее совершилось чрезвычайно быстро, почти мгновенно, то слѣдуетъ предположить, что не менѣе 12-ти минутъ прошло между тѣмъ временемъ, когда г. Дагаевъ вышелъ отъ г-жи Даниловой, и тѣмъ временемъ, когда совершилась катастрофа. Что же онъ дѣлалъ это время? Шелъ къ начальнику Дементьева? Начальникъ Дементьева живетъ въ крѣпости, и за это время можно было бы дойти почти до Троицкаго моста. Итакъ, онъ не шелъ, онъ поджидалъ Дементьева, который, какъ ему было извѣстно, часто выходитъ изъ дому. Можно себѣ представить, насколько разгорячало это ожиданіе его гнѣвъ. Наконецъ, Дементьевъ вышелъ, катастрофа произошла. Въ этой катастрофѣ есть множество существенныхъ вопросовъ, которыхъ не выяснило слѣдствіе, какъ напримѣръ, вопросъ о шинели, о ссадинѣ на подбородкѣ Дементьева, объ оторваніи его уса. Дементьевъ не помнитъ, когда онъ потерялъ этотъ усъ, такъ быстро шли событія. Но какъ ни быстро они шли, ихъ можно раздѣлить на два момента: одинъ до обнаженія сабли офицеромъ и другой—послѣ обнаженія. До обнаженія сабли происходилъ только крупный разговоръ у подъѣзда на улицѣ. Увидѣвъ офицера, Дементьевъ дѣлаетъ ему подъ козырекъ; при этомъ движеніи, такъ какъ шинель его была въ накидку, г. Дагаевъ не могъ не увидѣть нашивокъ, которыя находятся у него на рукавѣ, и которыя должны бы были установить нѣкоторое отличіе между Дементьевымъ и простымъ нижнимъ чиномъ; онъ не могъ не увидѣть георгіевскаго креста, который такъ уважается всѣми военными людьми. Но г. Дагаевъ говоритъ, что орденовъ не было. Откуда же взялись ордена, лежавшіе на землѣ, которые видѣли въ первую минуту схватки два свидѣтеля: мальчикъ Лопатинъ и Кругловъ? Не могли же они быть подброшены

до событія, когда неизвѣстно было, чѣмъ оно разрѣшится; не могли они быть подброшены и послѣ, потому что въ то время, когда катастрофа еще не была кончена, въ корридоръ вошли люди и видѣли эти ордена лежащими.

Начинается разговоръ; по мнѣнію представителя обвинительной власти, вопросъ относительно этого разговора можетъ быть разрѣшенъ только безусловнымъ принятіемъ одного изъ двухъ показаній: показанія офицера или подсудимаго. Но защита полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ весьма важно показаніе свидѣтеля, въ которомъ не сомнѣвается самъ прокуроръ, мальчика Лопатина. Мальчикъ разсказалъ вещи весьма драгоцѣнныя; о шинели, о волосахъ и пр. Это все такія обстоятельства, которыя приходилось слышать въ первый разъ. Изъ показаній мальчика видно, что офицеру не было нанесено оскорбленія солдатомъ. Но если даже не дать вѣры показанію мальчика, то изъ простаго сопоставленія двухъ разсказовъ — разсказа офицера и разсказа солдата, для всякаго непредупрежденнаго человѣка станетъ ясно, что правда находится не на сторонѣ г. Дагаева.

Если принимать за достовѣрное показаніе офицерское только потому, что оно офицерское, независимо отъ всякихъ другихъ причинъ, то защищать Дементьева невозможно. Но странно, что это офицерское показаніе находится въ несомнѣнномъ, рѣшительномъ противорѣчіи съ тремя генеральскими отзывами, которые заслуживаютъ вниманія. Есть люди, о которыхъ, не зная, какъ они поступили въ данномъ случаѣ, можно сказать навѣрное: «я знаю этого человѣка, онъ честенъ, онъ не могъ украсть». То же самое можно сказать относительно Дементьева: если по отзывамъ одного изъ генераловъ, Осипова, онъ характера тихаго, смирнаго, если по отзыву генерала Платова онъ строго исполняетъ свои служебныя обязанности, если по отзыву генерала Фриде это такой человѣкъ, въ которомъ военная дисциплина въѣлась до мозга костей, то рѣшительно

невѣроятно, какъ такой человѣкъ могъ совершить то, что ему приписываютъ. Это идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошедшимъ.

Дементьевъ, сходя, держитъ руку подъ козырекъ; самъ офицеръ признаетъ это, онъ говоритъ только, что онъ то поднималъ руку, то дерзко опускалъ. Если онъ рѣшился явно грубить, то ему не за чѣмъ было держать руку подъ козырекъ. Г. прокуроръ ставитъ въ вину подсудимому, что послѣ перваго столкновенія онъ бѣжалъ въ домъ, а не на улицу, гдѣ легче могъ укрыться. Но Дементьевъ не зналъ, что его будутъ рубить, онъ зналъ только, что съ нимъ грубо обращаются, что офицеръ его можетъ ударить въ лицо—и потому движеніе его назадъ весьма характеристично; оно можетъ быть объяснено только стыдливостью, нежеланіемъ, чтобъ люди видѣли, какъ съ нимъ обращается офицеръ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній защита считаетъ совершенно доказаннымъ, что разсказъ солдата вѣренъ, и что оскорбленія словами офицера со стороны Дементьева не было.

Затѣмъ является обнаженіе сабли. Тутъ, въ этой сценѣ въ корридорѣ, есть два вопроса довольно загадочные: первый вопросъ о шинели; была ли она застегнута или нѣтъ, и когда она была сброшена; второй—о ссадинѣ на подбородкѣ и объ отсутствіи праваго уса. Отъ сабли раны имѣютъ форму линейную, а эта ссадина имѣетъ видъ кругловатый, слѣдовательно она произошла не отъ сабли; точно также не саблей могъ быть отрѣзанъ усъ, она слишкомъ тупа для этого. Чтобъ вырвать усъ нужно было выдернуть его рукою. Чтобъ объяснить фактъ исчезновенія этого уса, нужно обратиться къ тому порядку, въ которомъ были нанесены раны и по нимъ прослѣдить ходъ событій. Первая рана, которую Дементьевъ получилъ еще на лѣстницѣ, была рана на правомъ глазу, пересѣкающая верхнее вѣко праваго глаза, идущая черезъ високъ и теряющаяся въ волосахъ. Если допустить, что эта рана была нанесена

въ то время, когда офицеръ съ солдатомъ стояли лицемъ къ лицу, то значитъ, офицеръ держалъ свою правую руку на-искосокъ, такъ что конецъ шпаги задѣлъ сначала вѣко праваго глаза и, разрѣзавъ кожу, прошелъ черезъ високъ. Другая рана на макушкѣ головы, слѣдующая къ лѣвому уху; это опять рана, которая должна была быть нанесена на-искосокъ отъ половины головы и затѣмъ скользнула по головѣ. Затѣмъ есть двѣ ссадины на внутренней поверхности лѣваго предплечья у конца локтевой кости. По этимъ ссадинамъ можно заключить, что Дементьевъ защищалъ себя локтемъ, а не руками, какъ показывали свидѣтели. Вотъ порядокъ ранъ по разсказамъ свидѣтелей и даже по разсказу самаго Дагаева.

Спрашивается, къ какому же моменту слѣдуетъ отнести сорваніе погоновъ, самый важный, самый существенный вопросъ въ дѣлѣ. По словамъ г. Дагаева онъ вынулъ шпагу еще на улицѣ и на улицѣ ударилъ Дементьева въ спину. Ударъ по плечу въ шинели могъ быть не почувствованъ солдатомъ, но вѣроятно этотъ ударъ и согнулъ шпагу. Затѣмъ, говоритъ г. Дагаевъ, когда они уже были въ корридорѣ, «я хотѣлъ нанести, а можетъ быть и нанесъ ударъ солдату, когда онъ вцѣпился въ мои погоны и оторвалъ ихъ». Значитъ, по показанію самого Дагаева, сорваніе погоновъ произошло послѣ того, какъ онъ стегнулъ Дементьева шпагой по глазу, и эта шпага произвела тотъ рубецъ, который проходилъ до волосъ. Если принять въ соображеніе показаніе мальчика, который видѣлъ, какъ офицеръ сталкивалъ солдата съ лѣстницы, то легко представить, что офицеръ сначала сбросилъ шинель и лѣвою рукою схватился за усъ, а правою нанесъ ударъ, послѣ чего, по его словамъ, солдатъ вцѣпился въ его погоны. Можно ли допустить нѣчто подобное со стороны Дементьева? Такой сильный ударъ по глазу, разсѣкающій вѣко, ударъ, отъ котораго не могло не заболѣть яблоко глаза, долженъ былъ на 30, на 40 секундъ совершенно лишить

человѣка способности относиться сознательно къ тому, что̀ происходитъ вокругъ него; у него движенія могли быть только рефлексы. Обыкновенно между получаемымъ впечатлѣніемъ и движеніемъ человѣка становится цѣлая область размышленій, соображеній, привычекъ, то, что составляетъ характеръ человѣка. Но здѣсь этого быть не могло, здѣсь былъ такой безпромежуточный переходъ отъ удара къ рефлексу, что еслибъ въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ этотъ ударъ, онъ раздробилъ офицеру голову, ударилъ его въ лицо, онъ долженъ бы былъ быть признанъ сдѣлавшимъ это въ безсознательномъ состояніи. Г. прокуроръ доказывалъ, что судъ не въ правѣ признать безсознательности, потому что не было экспертизы. Экспертиза нужна только для опредѣленія болѣзненнаго состоянія; но кромѣ болѣзни есть еще цѣлая громадная область того, что называется аффектами, сильными душевными волненіями, вызванными внезапнымъ событіемъ. Всякому извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производитъ испугъ на организмъ не только людей, но и животныхъ. Извѣстно, что дѣлается съ медвѣдемъ, когда онъ чего-нибудь испугается. Для такого рода явленій нѣтъ экспертовъ. Слѣдовательно, есть основанія допустить у Дементьева, послѣ полученнаго имъ удара, такое безсознательное состояніе, при которомъ ему не можетъ быть вмѣнено въ вину, что бы онъ ни сдѣлалъ.

Но если даже допустить, что онъ не лишился сознанія, защита не понимаетъ, почему г. прокуроръ отрицаетъ, что было состояніе необходимой обороны. При всей строгости воинскаго устава, ограничивающаго необходимую оборону, онъ все-таки допускаетъ ее въ отношеніи начальника, если дѣйствія этого начальника угрожаютъ подчиненному явной опасностью. А тутъ развѣ не было явной опасности? Вѣдь смертью могло угрожать нападеніе на человѣка безоружнаго, которому наносятъ удары въ голову, а бѣжать некуда. Онъ хотѣлъ бѣжать къ себѣ въ квартиру, но его стащили

внизъ, мало того оторвали усъ. Опасность была неминуемая, неотвратимая.

Но не смотря на такую возможность защищать подсудимаго на основанiи состоянiя необходимой обороны, защита не прибѣгла къ ней вслѣдствiе глубокаго убѣжденiя, что не Дементьевъ сорвалъ погоны съ офицера. Въ какомъ бы положенiи человѣкъ ни былъ, у него не можетъ быть двухъ идей въ одно и то же время. Очевидно, что въ ту минуту, когда Дементьеву нанесли ударъ по глазу, въ немъ прежде всего должно было заговорить чувство самосохраненiя и не дать мѣста другимъ размышленiямъ. Между тѣмъ предполагаютъ, что въ ту минуту, какъ Дементьевъ получилъ ударъ, за которымъ грозили послѣдовать другiе, онъ совершилъ въ умѣ слѣдующiй рядъ силлогизмовъ: «Офицеръ меня обидѣлъ, надо отмстить офицеру. Какъ ему отмстить почувствительнѣе? Что у полка знамя, то у офицера эполетъ, погонъ—символъ чести. Сорвать погонъ самое чувствительное оскорбленiе: дайка я сорву съ него погоны, а потомъ подумаю какъ спастись, если до того времени меня не зарубитъ мой противникъ, который можетъ искрошить меня, какъ кочанъ капусты». Вотъ какiя соображенiя должны бы были быть у него, еслибъ онъ рѣшился сорвать погоны и привелъ въ исполненiе свое намѣренiе. Но это психологическая невозможность. Еслибъ элементъ мести примѣшивался къ чувству самосохраненiя, то онъ попытался бы ударить по той рукѣ, которая наносила удары, вырвать шпагу, нанести ударъ въ лицо, сдѣлать однимъ словомъ что-нибудь, чтобъ защититься. Между тѣмъ ничего этого не было. Мало того, есть еще другiя обстоятельства, которыя наводятъ на мысль, что обвинять Дементьева въ сорванiи погоновъ съ г. Дагаева невозможно. Одно изъ такихъ важныхъ обстоятельствъ—это тотъ погонъ, съ которымъ Дементьевъ пошелъ къ начальству. Еслибъ Дементьевъ продѣлалъ въ умѣ своемъ въ сознательномъ состоянiи то, что ему приписываютъ, сорвалъ погоны, чтобъ

отмстить, то это движеніе должно было оставить слѣдъ въ его сознаніи и первымъ его дѣломъ, когда ему подсовывали этотъ погонъ было бы отбросить его, чтобъ не установить никакой связи между собою и этимъ погономъ. Онъ же напротивъ, беретъ его самымъ наивнымъ образомъ и заявляетъ, что вотъ по этому погону можно узнать офицера, и въ участкѣ только узнаетъ, что его обвиняютъ въ сорваніи погоновъ.

Но спрашивается, кто же сорвалъ эти погоны? Кто нибудь долженъ же былъ ихъ сорвать. Если не Дементьевъ, то необходимо предположить, что Дагаевъ. Защита могла бы не касаться этого предположенія, съ нея довольно, если судъ будетъ внутренно убѣжденъ, что Дементьевъ не могъ совершить этого сорванія; но чтобъ досказать свою мысль до конца, она должна сознаться, что выйти изъ дилеммы нельзя иначе, какъ предположивъ, что погоны сорваны офицеромъ. Для этого нѣтъ необходимости дѣлать обводнаго предположенія, которое было высказано г. прокуроромъ, что офицеръ, видя, что увлекся, понимая, что ему грозитъ большая отвѣтственность, хотѣлъ подготовить средство къ защитѣ, хотя защита не можетъ согласиться съ опроверженіемъ, представленнымъ на это предположеніе г. прокуроромъ, а именно, что Дагаевъ былъ въ состояніи сильнаго гнѣва, при которомъ невозможенъ такой холодный разсчетъ. Нужно отличать гнѣвъ какъ аффектъ, отъ гнѣва какъ страсти. Гнѣвъ, который разжигался въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ часовъ, былъ уже не аффектомъ, а страстью, подъ вліяніемъ которой человѣкъ можетъ дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ послѣдствій. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ надобности въ этомъ предположеніи, возможно и другое. Очень можетъ быть, что г. Дагаевъ не былъ въ такомъ хладнокровномъ состояніи, когда влетѣлъ со шпагой въ рукѣ въ корридоръ. Онъ кажется изъ тифлисскихъ дворянъ, онъ уроженецъ юга, гдѣ люди раздражаются скорѣе, чувствуютъ живѣе, чѣмъ люди сѣвернаго климата,

болѣе сдержанные, болѣе флегматичные. Очень можетъ быть, что такой человѣкъ, придя въ ярость, теряетъ сознаніе, готовъ самъ себя бить, способенъ самъ себя ранить. Онъ могъ сорвать одинъ погонъ, когда сбрасывалъ шинель, другой послѣ и забыть объ этомъ. Противъ этого приводятъ то, что онъ сейчасъ же заявилъ о сорваніи погона. Но въ томъ то и дѣло, что первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ послѣ этого событія, была г-жа Данилова, и ей онъ ничего объ этомъ не сказалъ. Онъ заявилъ о сорваніи у него погоновъ въ первый разъ въ участкѣ, черезъ четверть часа или 20 минутъ послѣ того, какъ видѣлся съ г-жею Даниловой. Этого времени было совершенно достаточно, чтобъ пораздумать, сообразить; не зная, какъ онъ потерялъ погоны, онъ могъ придти къ заключенію, что, вѣроятно, ихъ сорвалъ солдатъ и занесъ объ этомъ обстоятельствѣ въ протоколъ, видя въ немъ средство защиты себя. Самое показаніе Дагаева подтверждаетъ мысль, что онъ могъ сорвать погоны съ себя и не замѣтить этого. Въ этомъ показаніи г. Дагаевъ отрицаетъ такіе факты, которые были совершены при многочисленной публикѣ. Такъ, онъ говоритъ, что не билъ на улицѣ Дементьева, когда люди видѣли, что онъ билъ; говоритъ, что не выправлялъ шпаги, когда люди видѣли, что онъ выправлялъ ее. Поэтому можно утверждать, что онъ былъ въ такомъ же разгоряченномъ состояніи, какъ Дементьевъ, хотя сталъ въ него по доброй волѣ, и что онъ могъ дѣйствительно многаго не помнить.

«Подводя итоги всему сказанному» — «я не могу придти къ другому заключенію какъ то, что Дементьевъ невиненъ и прошу его оправдать, оправдать вполнѣ, еще и потому, что это событіе особаго рода, это такая палка, которая дѣйствительно должна кого-нибудь поразить. Его она поражаетъ несправедливо. Она должна обратиться на кого-нибудь другого. Я полагаю, что къ военной дисциплинѣ совершенно примѣнимо то, что говорили средневѣковые мыслители о справедливости:

justitia regnorum fundamentum, основа царства есть правосудіе. Я полагаю, что правосудіе есть основаніе всякаго устройства, будетъ ли то политическое общество, будетъ ли то строй военный. Дисциплина, если брать это слово въ этимологическомъ значеніи, есть выправка, обученіе начальниковъ ихъ правамъ, подчиненныхъ ихъ обязанностямъ. Дисциплина нарушается одинаково, когда подчиненные бунтуютъ и волнуются, и совершенно въ равной степени, когда начальникъ совершаетъ то, что ему не подобаетъ, когда человѣку заслуженному приходится труднѣе въ мирное время передъ офицеромъ своей же арміи, нежели подъ выстрѣлами турокъ, когда георгіевскому кавалеру, который изъятъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, наносятъ оскорбленіе по лицу, отрываютъ усъ, когда лицо его покрывается безславными рубцами. Я васъ прошу о правосудіи».

На вопросъ предсѣдателя, что можетъ подсудимый прибавить въ свое оправданіе, подсудимый Дементьевъ произнесъ: «Ваше высокоблагородіе, обратите на мои лѣта и на мою службу и на семейныя обстоятельства ваше милостивое вниманіе. Больше я ничего не могу дополнить».

Военно-окружной судъ призналъ обвиненіе Дементьева въ отказѣ исполнить приказаніе поручика Дагаева и въ оскорбленіи его словами и дѣйствіемъ недоказаннымъ, а потому постановилъ считать Дементьева по суду оправданнымъ.

1874.

13.

Дѣло по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго маіора Сергѣя Ивановича Терпигорева: титулярнаго совѣтника Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщанкѣ Екатеринѣ Купріяновой и коллежскому ассесору Хилкову объ уничтоженіи аренднаго договора, совершеннаго съ послѣдними маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 г., въ бывшей Тамбовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда.

17-го іюня 1870 года умеръ отставной маіоръ, козловскій помѣщикъ Сергѣй Ивановичъ Терпигоревъ, надъ имуществомъ котораго состояли опекунами Чаплыгинъ и Бехтѣевъ. Передъ смертью, 7-го апрѣля 1870 г. онъ былъ признанъ Тамбовскимъ губернскимъ присутствіемъ одержимымъ хроническимъ страданіемъ мозга, лишающимъ его возможности дѣйствовать сознательно и самостоятельно. Затѣмъ, при вскрытіи черепа умершаго въ мозгу были найдены такія болѣзненныя измѣненія, которыя заставляли съ достовѣрностью заключить о полнѣйшемъ разстройствѣ его душевныхъ способностей, развивавшемся постепенно и длившемся многіе годы до его кончины. Съ женою своею Терпигоревъ давно не жилъ, отъ родственниковъ отсталъ; какъ жизнь его, такъ и все имущество находилось въ полной власти и распоряженіи его экономки, Екатерины Купріяновой, пользовавшейся

въ своихъ отношеніяхъ къ Терпигореву наставленіями и совѣтами мужа младшей сестры своей Авдотьи, Өедора Хилкова. Оба названныя лица, обвинявшіяся также по особому уголовному дѣлу въ расхищеніи и присвоеніи капиталовъ и движимости Терпигорева, успѣли достигнуть того, что Терпигоревъ выдалъ на имя какъ ихъ, такъ и жены Хилкова Авдотьи Хилковой разныя обязательства и, между прочимъ, арендный контрактъ 16-го января 1870 г. объ отдачѣ части земель села его, Песчанаго, съ господскимъ домомъ и строеніями за 25,000 р., взятыхъ будто бы впередъ, Хилкову и Купріяновой на 12 лѣтъ. Хотя выдавая эти обязательства, Терпигоревъ не состоялъ еще подъ опекою, но опекуны, ссылаясь на цѣлый рядъ свидѣтелей и заключеніе экспертовъ, доказывали, что Терпигоревъ не могъ, совершая названные акты, имѣть того сознанія и той свободы воли, которыми обусловливается дѣйствительность всякой гражданской сдѣлки и всякаго вообще изъявленія воли въ области юридическихъ отношеній, а потому просили Тамбовскій окружный судъ, признать недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы арендный контрактъ 16-го января 1870 года.

Засѣданія Тамбовскаго окружнаго суда происходили съ 8-го по 14 марта 1873 года. Судъ опредѣлилъ договоръ, заключенный маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 года объ отдачѣ имъ (Терпигоревымъ) въ аренду земли при селѣ Песчаномъ, Козловскаго уѣзда, г. Хилкову и мѣщанкѣ Купріяновой, признать недѣйствительнымъ, взыскавъ въ пользу истцовъ вознагражденіе за веденіе дѣла и судебныя издержки.

Вслѣдствіе апелляціонныхъ жалобъ, поданныхъ повѣренными отвѣтчиковъ, дѣло было перенесено въ Саратовскую судебную палату, гдѣ слушалось 9-го января 1874 года.

Гг. судьи! Большое преимущество апелляціоннаго производства заключается въ томъ, что дѣло разсматривается во второй инстанціи только въ предѣлахъ апелляціи, что существо его представляется чище, свободнѣе отъ всякихъ налетовъ, отъ всякихъ усложненій и побочныхъ обстоятельствъ, за которыми стороны держались какъ за ретраншементами, но которые они должны были оставить, какъ ненужные, убѣдясь, что въ этихъ укрѣпленіяхъ пробиты бреши, что за ними нельзя держаться.

Такихъ налетовъ было много въ первой инстанціи. Къ числу ихъ я отношу вопросы, можетъ ли быть

уничтожаемъ договоръ совершенный лицомъ, которое въ то время еще не признавалось оффиціально сумасшедшимъ, можетъ ли быть уничтожаемъ такой договоръ, если онъ былъ явленъ у крѣпостныхъ дѣлъ?

По первому вопросу сама противная сторона признала превосходство прогрессивнаго взгляда, допускающаго недѣйствительность актовъ лицъ, еще въ сумасшествіи неосвидѣтельствованныхъ.

По второму вопросу противная сторона не оспорила заключенія Тамбовскаго окружнаго суда, что явка акта у крѣпостныхъ дѣлъ есть доказательство только подлинности акта, но не психическаго здоровья контрагентовъ. которое могло и не существовать, но не быть у крѣпостныхъ дѣлъ замѣчено. Нынѣ судебное состязаніе сведено къ самой сути спора, къ простому и единственному вопросу: былъ ли Терпигоревъ сумасшедшимъ въ теченіе 1870 г. или нѣтъ? Если былъ сумасшедшимъ, значитъ дѣйствія его не могутъ быть оспариваемы.

Вопросъ этотъ, относясь къ области прошлаго, есть вопросъ чисто-историческій. Правильное его рѣшеніе обусловливается прежде всего качествомъ и количествомъ источниковъ. Если бы этотъ вопросъ былъ только историческій, тогда онъ могъ бы быть перерѣшаемъ много разъ до безконечности по вновь открывающимся источникамъ. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ судебный. Судебные вопросы имѣютъ свои сроки, до истеченія которыхъ они остаются открытыми. Въ первой инстанціи вопросъ оставался открытымъ, пока судьи ушли совѣщаться. Во второй онъ опять открытъ подачею апелляціи. Еще въ настоящую минуту стороны вправѣ представлять новыя доказательства, ссылаться на новыхъ свидѣтелей.

Если бы противная сторона просила о спросѣ новыхъ свидѣтелей, то и мы съ своей стороны, вызвали бы по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые, бывъ вызваны въ Тамбовскій судъ, не явились и остались неспрошен-

ными, напримѣръ докторъ Взоровъ, участвовавшій въ вскрытіи черепа Терпигорева, тамбовскій врачебный инспекторъ докторъ Зедергольмъ, кирсановскій исправникъ и многіе другіе. За свидѣтелями дѣло не станетъ, но, по моему мнѣнію, они совершенно излишни. Всѣ будущіе свидѣтели могутъ быть заранѣе подраздѣлены на двѣ категоріи: одни изъ нихъ сообщатъ нѣсколько новыхъ курьезовъ, странностей, причудъ и анекдотовъ о Терпигоревѣ, которыхъ и безъ того набралось достаточно: другіе скажутъ, что ничего не знаютъ и хотя и видали, не ничего въ немъ не замѣчали, потому что наблюдали поверхностно (нпр., докторъ Николаевъ). Такіе отрицательные свидѣтели, всѣ вмѣстѣ взятые, ничего но значатъ и не должны быть принимаемы въ разсчетъ, потому что все наше знаніе пріобрѣтено наблюденіями крайне малаго числа наблюдателей, а результаты наблюденій немногихъ — принимаются на вѣру всѣми и считаются истиною.

Два—три достойные вѣры человѣка знаютъ о фактѣ наглядно, непосредственно; но этого достаточно, чтобы фактъ считался несомнѣннымъ. Конечно, и свидѣтели, показывающіе о не нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Терпигорева, могли бы быть отвергнуты, но только въ такомъ случаѣ, когда бы было доказано, что у Терпигорева послѣ смерти, при вскрытіи черепа, не оказалось: размягченія мозга, срощенія твердой мозговой оболочки съ черепомъ, атрофіи мозга, смѣшенія въ немъ сѣраго вещества съ бѣлымъ; когда бы было доказано, что онъ не смѣшивалъ Хмѣлевой съ Липецкимъ, однихъ съ другими, что у него не было сведенія руки, и т. п. Но дѣло въ томъ, что сами отвѣтчики въ своей апелляціонной жалобѣ не опровергаютъ вовсе свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ признанію Терпигорева сумасшедшимъ. Они сами признаютъ—что и требовалось доказать—именно *ненормальность* психическихъ отправленій и разложеніе силъ души и тѣла, разложеніе, по ихъ словамъ, только начинающееся, но

которое я считаю завершеннымъ, конченнымъ, прошедшимъ весь свой циклъ. Сами отвѣтчики не могутъ отрицать, что нѣтъ ни единой черты въ первой части заключенія экспертовъ, которая бы не была живьемъ взята изъ источниковъ. Они въ претензіи только за то, что въ эту картину не занесены всѣ тѣ показанія, которыя удостовѣряютъ, что хотя мозгъ у Терпигорева былъ атрофированъ, размягченъ, но этотъ мозгъ не вполнѣ бездѣйствовалъ, что Терпигоревъ все-таки до конца жизни своей говорилъ, ходилъ, сопротивлялся, когда его заставляли дѣлать то или другое. Но съ этимъ, гг. судьи, и мы вполнѣ согласны; мы сами не отрицаемъ того, что Терпигоревъ до конца своей жизни говорилъ, хотя запинаясь, отвѣчалъ, хотя не кстати, ходилъ, хотя спотыкаясь, бралъ вещи, хотя онѣ у него изъ рукъ валились, чего-то желалъ, хотя окружающіе его могли имъ управлять какъ двухлѣтнимъ ребенкомъ. Болѣзнь Терпигорева поражаетъ еще одною особенностью весьма рѣдкою. Ходъ ея можно прослѣдить съ начала до конца; этотъ ходъ былъ необыкновенно послѣдовательный, чрезвычайно правильный. Въ большинствѣ случаевъ сумасшествіе является или вслѣдствіе внезапной случайности, напримѣръ вслѣдствіе сильной болѣзни физической, которая потрясла и подкопала весь организмъ человѣка, или вслѣдствіе того, что человѣкъ потерпѣлъ страшное горе, потери, неудачи, что это горе надломило его вдругъ и разслабило его и душевно и тѣлесно. Ничего подобнаго не случилось съ Терпигоревымъ, никакихъ острыхъ болѣзней и надломовъ, никакихъ трудно изслѣдуемыхъ вліяній физическаго на психическое и наоборотъ, а присутствовали мы при изслѣдованіи увяданія и отцвѣтанія организма, обреченнаго роковымъ образомъ на сумасшествіе отъ самаго рожденія и даже прежде рожденія, еще въ утробѣ матери.

Черепъ у этого человѣка былъ неправильный, *несиметрическій*, притомъ непропорціонально-малый. Есть

въ жизни каждаго человѣка періоды роста, зрѣлости, увяданія. Обыкновенно это увяданіе или отцвѣтаніе начинается съ оконечностей: руки, ноги отказываются служить; но умъ свѣжъ и мозгъ питается и дѣйствуетъ. У Терпигорева отцвѣтаніе, остановка жизненныхъ функцій началась съ того органа, которымъ его обидѣла природа. Онъ страдалъ постоянными приливами крови къ мозгу, а впослѣдствіи воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и приращеніемъ къ кости черепа. Потомъ послѣдовали атероматозныя, костяныя отложенія на стѣнкахъ вѣнъ, вслѣдствіе чего кровеобращеніе замедлилось, питаніе мозга остановилось, послѣдовала атрофія мозга, а за атрофіей размягченіе мозга, съ паралитическимъ состояніемъ оконечностей, а въ концѣ этого процесса смерть отъ болѣзни органа мышленія.

Картина столь полна, фактъ столь обстоятельно прослѣженъ отъ начала до конца, что прибавлять къ нему нечего; нѣтъ надобности ни въ какихъ новыхъ свидѣтеляхъ, очевидцахъ послѣднихъ дней жизни Терпигорева. Но, покончивъ съ свидѣтелями, я отдѣлался только отъ одной части моей задачи. За свидѣтелями слѣдуютъ эксперты, давшіе заключеніе въ пользу сумасшествія Терпигорева.

Всѣ усилія отвѣтчиковъ направлены къ тому, чтобы подорвать, разрушить эту экспертизу. Но если устранить эту экспертизу и добиваться новой, то и эта новая можетъ повторить результаты первой, значитъ дать неблагопріятный отзывъ для отвѣтчиковъ. Вотъ почему они стараются поколебать довѣріе ко всякой психіатрической экспертизѣ вообще. По ихъ понятіямъ, экспертиза можетъ имѣть научный авторитетъ только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ. Иногда эксперты призываются сказать суду о такихъ фактахъ, которые имъ только однимъ, какъ спеціалистамъ, могутъ быть извѣстны,—тогда слова ихъ имѣютъ за собою авторитетъ науки, напримѣръ какъ по дѣлу Бабаева, именующагося княземъ Гокчайскимъ, вызывался сенаторъ

Торнау сказать, какіе рόды признаются княжескими въ Персіи. Но иногда эксперты призываются только съ тѣмъ, чтобы изъ извѣстныхъ фактовъ помочь суду сдѣлать выводы. Тогда ихъ мнѣніе совсѣмъ не авторитетъ. Судъ можетъ его игнорировать, потому что оцѣнка того, доказаны ли факты доказательствами, которыя представлены къ дѣлу, есть исключительно дѣло суда и судебнаго разбирательства, потому что самый опытнѣйшій изъ экспертовъ, знающій всю глубь человѣческой природы, менѣе смыслитъ въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ на основаніи доказательствъ, нежели самый неопытный судья. Сильно сказано, надо признаться: жаль только, что вся эта теорія есть рядъ однихъ .парадоксовъ, которые можно весьма легко разбить. Слава Богу, не надо далеко ходить за примѣрами. Существуетъ неподалеку институтъ присяжныхъ, основанный на томъ началѣ, что каждый простой смертный въ дѣлѣ открытія истины скорѣе способенъ установить достовѣрность фактовъ первѣйшей важности, почерпаемыхъ изъ доказательствъ, фактовъ уголовныхъ, нежели записные юристы. Если бы у насъ существовала донынѣ искуственная теорія доказательствъ, доступная однимъ только юристамъ и достигающая искуственной, условной истины, искуственными путями, тогда можно бы было еще сказать, что никто не можетъ устанавливать достовѣрности фактовъ, кромѣ судей. Но такъ какъ достовѣрность достигается не посредствомъ особыхъ и спеціальныхъ пріемовъ, а просто по внутреннему убѣжденію, по внушеніямъ здраваго смысла, которыми по крайней мѣрѣ эксперты одарены въ одинаковой степени, какъ и всѣ остальные люди, и такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ экспертами являются люди высоко образованные, представители одной изъ самыхъ великихъ и трудныхъ наукъ о человѣкѣ, психологіи, то я полагаю, что въ дѣлѣ установленія достовѣрности фактовъ они стояли въ одномъ уровнѣ съ судьями, дѣлая выводы изъ предлагаемыхъ источни-

ковъ. Если эксперты съ своей стороны, а судьи съ своей изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ вывели одни и тѣ же факты, пришли изъ этихъ фактовъ къ одинаковымъ заключеніямъ, то можно прямо сказать, что фактическая сторона дѣла обставлена великолѣпно. Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, какіе элементы вносятъ въ судъ эксперты, что̀ изъ внесеннаго ими можетъ быть судомъ игнорируемо. Законъ отдѣляетъ экспертовъ отъ свидѣтелей; они не вызываются сказать о томъ, что̀ видѣли, слышали, ощущали своими собственными чувствами; они призываются сказать свое мнѣніе, за которое не подвергаются никакой отвѣтственности. Они въ правѣ отказаться отъ своего назначенія. Они не могутъ быть судимы за подачу того или другаго мнѣнія, какъ, напримѣръ, свидѣтели за ложное показаніе. Въ качествѣ экспертовъ порою являются простѣйшіе люди, но являются также и первостепенныя знаменитости, первосвященники науки, колоссы знанія. Въ лицѣ ихъ наука снисходитъ къ тому, что оказываетъ пособіе обществу при устроеніи житейскихъ дѣлъ и разрѣшеніи споровъ. Наука и судъ, сходясь, хранятъ каждый свою свободу и самостоятельность. Экспертъ въ своемъ мнѣніи свободенъ; но и судъ въ своихъ убѣжденіяхъ тоже свободенъ и нисколько не связанъ тѣмъ, что̀ скажутъ эксперты. Ст. 533 уст. уг. суд. говоритъ: «судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей». Если брать эту фразу дословно, то выходитъ, что судъ можетъ не убѣдиться даже и фактомъ, который только и можетъ быть сообщенъ спеціалистомъ, напримѣръ о дворянскихъ ро̀дахъ въ Персіи. Конечно, это такъ съ формальной точки зрѣнія. Судъ только по внутреннему убѣжденію рѣшаетъ дѣло; никто ему не навязываетъ этого убѣжденія, судъ можетъ отказать во взысканіи даже по закладной или по векселю, признанному векселедателемъ. Этого, однако, не бываетъ, потому что въ судѣ дѣла рѣшаются не по капризу или лицепріятію, а по резонамъ, потому что

рѣшеніе бываетъ не безотчетное, а мотивированное, и что въ той же 533 ст., въ которой сказано, что судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, вслѣдъ за тѣмъ прибавлено: «несогласному съ обстоятельствами дѣла». Итакъ, необходимо разобрать критически во всякой экспертизѣ вообще и въ особенности въ заключеніи экспертовъ—психіатровъ Мержеевскаго, Чечота и Чехова о Терпигоревѣ, дабы опредѣлить что въ этой экспертизѣ если не формально, то логически обязательно для суда, что въ этой экспертизѣ имѣетъ за собою авторитетъ науки. Знаніе, умѣнье, спеціальность оказываютъ свои услуги суду двоякимъ образомъ: знаніе теоретическое или наука, и знаніе практическое, или искуство. Иногда вызываются только люди искуства, для того, чтобы продѣлать передъ судомъ извѣстныя дѣйствія, которыя и могли быть совершены только весьма искусными руками и которыя необходимы для разъясненія истины. Напримѣръ, оружейниковъ зовутъ для того, чтобы они испробовали какъ далеко стрѣляютъ пистолеты, химика, чтобы разложить чернила, которыми писаны документы, архитектора, чтобы узнать, сколько употреблено кирпича для постройки зданія. Что же касается до зданія теоретическаго, то или требуется знаніе какихъ либо дробныхъ, мелкихъ фактовъ, которыхъ совокупность никогда не можетъ составить науки, или знаніе общихъ фактовъ, или такъ-называемыхъ законовъ жизни, законовъ мірозданія. Для объясненія значенія этихъ общихъ научныхъ законовъ въ приговорѣ суда, я долженъ присовокупить, что существуютъ два метода мышленія: индукція и дедукція. Всякое мышленіе бываетъ сперва индуктивно, пока изъ частности не выведенъ общій законъ. Напримѣръ: Иванъ умеръ, Петръ умеръ, Степанъ умеръ, значитъ всѣ люди смертны. Затѣмъ заручась общимъ закономъ, можно его примѣнять къ отдѣльнымъ случаямъ, можно выводить изъ него всѣ содержащіяся въ немъ частности посредствомъ дедукціи,

посредствомъ такъ-называемаго силлогизма: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, значитъ и Иванъ смертенъ. Всякое рѣшеніе суда есть въ сущности ничто иное, какъ силлогизмъ, и судоговореніе есть работа построенія такого силлогизма. Въ настоящемъ дѣлѣ силлогизмъ, который требуется построить, такой: первая посылка: кто одержимъ такими-то признаками болѣзни, тотъ сумасшедшій, а слѣдовательно неправоспособный человѣкъ; вторая посылка: Терпигореву были тогда-то присущи эти признаки, заключеніе—значитъ Терпигоревъ былъ когда то сумасшедшій. Вывести авторитетное заключеніе изъ имѣющихся двухъ посылокъ есть исключительно дѣло суда. Суду дана полнѣйшая свобода не подчиняться экспертамъ; но, разумѣется, что никому и никогда не дано не подчиняться законамъ логики, законамъ здраваго смысла, которое если не строго—юридически, то нравственно для всякаго обязательны. Если бы изъ двухъ посылокъ: всѣ люди смертны, Иванъ человѣкъ, какой ни есть судъ вывелъ заключеніе: слѣдовательно Иванъ безсмертенъ, то это былъ бы чистѣйшій абсурдъ, несмотря на какіе бы то ни было авторитеты. Что-же касается до второй посылки, т. е. о томъ, были ли замѣчены въ Терпигоревѣ такіе-то болѣзненные признаки въ его физическихъ и психическихъ отправленіяхъ, то этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться и судомъ и экспертами совмѣстно. Этотъ вопросъ доступенъ пониманію каждаго человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ. Сначала эксперты констатировали факты, вывели признаки болѣзни изъ доказательствъ; затѣмъ, окончивъ свою работу, они ее представили суду, который повѣрилъ ее и дополнилъ, причемъ самъ вопросъ остался открытымъ, такъ что повѣрить ее можетъ и вторая инстанція. Способъ повѣрки объясню примѣрами. Положимъ эксперты занесли въ историческую часть своего заключенія, что Терпигоревъ страдалъ зубною болью, между тѣмъ какъ никто изъ свидѣтелей этого не показывалъ. Судъ, повѣряя, долженъ этотъ

признакъ устранить и отвергнуть какъ совсѣмъ недоказанный обстоятельствами дѣла. Про Терпигорева говорятъ одни свидѣтели одно, другіе другое. Эксперты взвѣсили и тѣ и другія показанія, отвергли или приняли фактъ; судъ затѣмъ долженъ совершить ту же самую работу. Противная сторона не обвиняетъ экспертовъ вовсе въ томъ, что они внесли въ картину болѣзни Терпигорева несуществующіе и недостовѣрные факты; всѣ черты этой картины отвѣтчики принимаютъ оптомъ; всѣ факты записаны экспертами. Они въ претензіи лишь за то, что эксперты не опредѣлили, сознательно ли относился Терпигоревъ къ контракту 16-го января 1870 года. Имъ незачѣмъ было и опредѣлять. И истцы и эксперты допускаютъ, что Терпигоревъ не былъ въ безсознательномъ состояніи 16-го января. Но безсознательность и сумасшествіе двѣ вещи разныя. Большая часть сумасшедшихъ дѣйствуютъ сознательно.

Отвѣтчики жалуются еще на то, что эксперты извлекли изъ матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, только то, что говорило въ пользу истцовъ и обошли все то, что говорило въ пользу отвѣтчиковъ. Положимъ, что эксперты не воспользовались показаніями Николаева, Евдокимова, Благонравова, не занесли ихъ въ свое заключеніе, какъ данныя недостовѣрныя, сомнительныя; но этотъ недостатокъ, если онъ и былъ, пополненъ судомъ, критически оцѣнившемъ показанія Николаева, Евдокимова и Благонравова. Итакъ, вторая посылка построена вѣрно. Остается первая или большая посылка. Я не ошибусь, когда скажу, что установить ее, дать ее суду только и могли эксперты-спеціалисты, и что суду приходилось либо повѣрить имъ, либо, по ст. 526 уст. угол. суд. назначить новую экспертизу и ей точно также повѣрить, во всякомъ случаѣ повѣрить кому-либо, потому что судъ самъ не можетъ установить эту посылку, если въ средѣ его нѣтъ психіатровъ.

Гг. члены судебной палаты! Я не оскорблю никого изъ васъ, утверждая, что въ психіатрическихъ вопросахъ

незанимавшійся спеціально психіатріею не можетъ выдавать свои идеи и фантазіи за выводы науки, за научныя истины. Безбрежно море знаній человѣческихъ, и необходимо правильное раздѣленіе труда. Отдѣльная голова, отдѣльный умъ не въ состояніи вмѣстить тысячной части накопившагося цѣлыми вѣками капитализированнаго опыта. Каждая спеціальность доработалась до особыхъ законовъ. Если случится суду или частному человѣку необходимость въ другой спеціальности, тогда, вмѣсто того, чтобы начать изучать всю ту спеціальность и, такъ сказать, ѣхать открывать Америку, можно прямо обратиться съ спеціалисту по той или другой спеціальности и взять у него готовую формулу, не заботясь уже нисколько, какимъ образомъ она выведена. Положимъ, мнѣ дали уравненіе четвертой степени, а я знаю только уравненіе второй степени. Положимъ, мнѣ нужно знать, съ какою скоростью летитъ и съ какою силою ударяетъ масса, падающая съ извѣстной высоты. Я обращаюсь къ математику или механику, который и разрѣшитъ мои сомнѣнія въ одну минуту.

У меня въ рукахъ документъ неизвѣстнаго языка и вѣка. Вмѣсто того, чтобы изучить всю филологію и всю исторію, я иду къ историку или филологу, и онъ прочтетъ документъ и передастъ мнѣ его содержаніе. Если бы судъ состоялъ изъ психіатровъ, въ такомъ случаѣ полезно бы было призвать еще болѣе опытныхъ психіатровъ, на томъ основаніи, что умъ хорошо, а два лучше, и что занимаясь судомъ, судьи можетъ быть немного поотстали отъ науки и не знаютъ послѣднихъ ея результатовъ. Но если судьи не психіатры, то какъ имъ справиться съ задачей?—обложить себя книгами, прочесть Пинеля, Эквироля, Гризингера, Маудоли, Тардье. Но кто изъ нихъ лучше? И не открыли ли еще послѣ нихъ чего-нибудь новаго?

Или придется сѣсть на школьную скамью, посѣщать клиники, выучиться психологіи? Но на это у судей

нѣтъ времени, нѣтъ досуга. Остается одно только средство: обратиться къ свѣдущимъ людямъ, наблюдавшимъ тысячи сумасшедшихъ, знающимъ и физіологію и психологію и пріобрѣвшимъ навыкъ, сноровку. Способные индуктивно заключать изъ частностей объ общемъ, изъ дѣйствій человѣка и физическихъ его отправленій: движеній, походки, произнесенія словъ—о процессѣ мышленія и состояніи мыслительнаго органа, какъ центра нервной системы, и наоборотъ дедуктивно заключать изъ того, что у такого-то человѣка мозговой снарядъ попорченъ, о томъ, что у него должны быть такія-то неправильности въ дѣйствіяхъ, тѣлодвиженіяхъ и поступкахъ. Эксперты и дали суду требуемую имъ большую посылку, до которой судъ своими средствами никогда бы не добрался. Они сказали: сумма такихъ-то признаковъ въ какомъ бы то ни было субъектѣ есть показатель сумасшествія. Таковъ ихъ выводъ въ общихъ чертахъ. Его можно разложить на множество частныхъ. Я разберу эти частные законы и покажу, что ни къ одному изъ нихъ судъ не имѣетъ ключа, и что кто не прошелъ всей науки, тотъ не въ состояніи ни одного изъ нихъ повѣрить. Итакъ, напримѣръ: лихорадка и сильныя головныя боли, затѣмъ общее разстройство нервной системы съ сосредоточеніемъ всѣхъ умственныхъ способностей на своей болѣзни есть ипохондрія, первичная форма помѣшательства. Синкрозъ черепныхъ костей, приращеніе твердой мозговой оболочки къ черепу, воспаленіе мягкихъ оболочекъ, атрофія мозга, водянка, атероматозъ, все это въ совокупности должно было выразиться въ ипохондріи и дойти до полнѣйшаго сумасшествія. Размягченіе мозга въ одномъ изъ полушарій его сопровождается паралитическимъ и паретическимъ состояніемъ противоположныхъ оконечностей. Наоборотъ, параличъ лѣвой руки, ноги, сведеніе ихъ заставляютъ предполагать поврежденіе праваго полушарія мозга. У кого оказались такія то хроническія измѣненія въ регрессивномъ періодѣ бо-

лѣзни, до воспослѣдовавшаго почти безразличія между сѣрымъ и бѣлымъ веществами мозга, тотъ долженъ былъ весьма за долго передъ тѣмъ страдать извѣстнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ за два года. Сумма болѣзней, обрѣтенныхъ въ мозгу при вскрытіи, вмѣстѣ съ суммою наблюденныхъ прижизненныхъ явленій, соотвѣтствуетъ виду психической болѣзни, называемому dementia, безуміе, и подвиду его dementia paralitica senilis. Этотъ подвидъ содержится въ родѣ разстройства, которому законъ присвоиваетъ названіе сумасшествія. Такое безуміе есть неизлѣчимое, полное разстройство умственныхъ способностей, безъ возврата самообладанія. Такое безуміе не допускаетъ свѣтлыхъ промежутковъ, а только временное послабленіе болѣзни, въ теченіе котораго хотя и существуетъ разстройство, но дѣлается менѣе замѣтнымъ. Пускай хотя одинъ профанъ скажетъ, а если скажетъ, то докажетъ, что любое изъ этихъ положеній невѣрно. Сказать могутъ только новые эксперты. Я ничего не имѣю противъ новой экспертизы, хотя я и не вижу никакихъ къ назначенію ея основаній, тѣмъ болѣе, что мои противники не указали, почему они желаютъ вызова новыхъ экспертовъ. Разберемъ сдѣланныя ими нападки на экспертизу и экспертовъ. Эксперты не обратили вниманія на теоріи, которыя допускаютъ сумасшествіе при неповрежденномъ мозгѣ и сумасшествіе при поврежденномъ.

Экспертовъ не спрашивали, какихъ они держались теорій. Любопытно было бы, конечно, еслибы эксперты въ своемъ заключеніи изложили въ историческомъ порядкѣ теоріи психіатріи съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ; но эта исторія такъ же мало шла бы къ терпигоревскому дѣлу, какъ изложеніе астрономическихъ теорій отъ Птоломея до Коперника, Ньютона или Гершеля. Второй упрекъ: эксперты не опредѣлили того минимума самообладанія, которое необходимо для того, чтобы человѣкъ считался дѣеспособнымъ. Объ этомъ ихъ не спрашивали, да и не могли спрашивать.

Самъ вопросъ былъ бы противенъ здравому смыслу и похожъ на слѣдующую задачу: опредѣлить кубическими футами чьи-либо познанія, способности, или пудами измѣрить силу патріотизма, которая должна быть присуща обществу для того, чтобы оно держалось. Отъ экспертовъ требуютъ бездѣлицы, которую если бы они совершили, то заслужили бы, чтобы имъ поставленъ былъ памятникъ превыше Наполеонова столба и даже любой египетской пирамиды. Еслибы они дали мѣрку, которою мѣрили бы minimum человѣческихъ способностей, то, во-первыхъ, не нужно было бы никакихъ сроковъ для гражданскаго совершеннолѣтія, и во-вторыхъ, такую мѣрку можно бы приложить ко всѣмъ званіямъ и занятіямъ. Можно было бы заранѣе сказать, что такого-то minimum'а храбрости потребно для солдата, такого-то количества ума для того чтобы быть судьею, сенаторомъ, министромъ такого-то minimum'а геніальности, чтобы сдѣлать какое-нибудь открытіе въ наукѣ, и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что опредѣлить силу души человѣка почти невозможно, что судятъ о способностяхъ каждаго человѣка только по внѣшнимъ проявленіямъ, только приблизительно; ни одинъ физіологъ и психологъ не скажутъ вамъ опредѣлительно: вотъ безошибочные признаки типа: глупый человѣкъ; но по словамъ и поступкамъ даннаго лица судятъ всѣ, что онъ глупый или умный человѣкъ. И такъ, и первая и вторая посылки непоколебимы въ рѣшеніи тамбовскаго суда. Что же касается до заключенія, то его вывелъ самъ судъ, и вывелъ совершенно согласно съ посылками. Я прошу это рѣшеніе суда утвердить; но если судъ найдетъ необходимымъ предварительно рѣшенія дѣла по существу назначить новую экспертизу, то я бы просилъ сдѣлать выборъ самый строгій. Спеціалистовъ по этой части въ Россіи не много: всего можетъ быть какихъ-нибудь семь, восемь человѣкъ.

Судебная палата опредѣлила: рѣшеніе тамбовскаго окружнаго суда, 15-го марта 1873 г. состоявшееся, утвердить; частную жалобу Хилкова и Купріяновой оставить безъ послѣдствій, и судебныя и за веденіе дѣла издержки апелляціоннаго производства въ размѣрѣ четырехсотъ четырнадцати рублей 98 коп. взыскать съ Хилкова и Купріяновой.

14.

Дѣло объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н., обвинявшихся въ убійствѣ коллежскаго ассесора П. Чихачева.

Отставной штабсъ-капитанъ Николай Петровъ Н., 36 лѣтъ, и жена его Евгенія Александрова Н., 27 лѣтъ, были преданы суду: первый по обвиненію въ томъ, что 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ убить коллежскаго ассесора Петра Чихачева, нанесъ ему ножемъ нѣсколько ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ, а вторая по обвиненію въ томъ, что того же 26 ноября 1873 г. въ запальчивости и раздраженіи, но не случайно, а съ намѣреніемъ, убить Чихачева, выстрѣлила въ него два раза изъ револьвера, но выстрѣлы эти по причинамъ отъ воли ея независѣвшимъ въ Чихачева не попали. Преступленія эти предусмотрѣны въ отношеніи Н. 2 ч. 1455 ст. улож. о нак. и въ отношеніи жены его 9, 114 и 2 ч. той же 1455 ст. улож. о нак. Засѣданіе по этому дѣлу происходило 2-го и 3-го марта 1874 года, въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Въ дѣлѣ, подобномъ настоящему, въ которомъ главными двигающими силами являются не денежные разсчеты, не волчья корысть, но гнѣвъ, месть, любовь, ненависть, словомъ самыя сильнѣйшія страсти, какія могутъ волновать душу человѣка, самое послѣднее тотъ окончательный результатъ, тотъ ударъ ножемъ или выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ

кончается продолжительная драма, важнѣе всего психологическое развитіе страсти, анализъ трехъ характеровъ, которыхъ столкновеніе составляетъ содержаніе этой драмы. Если бы я забылъ на одну минуту то, что главная суть дѣла,—его психологическая сторона, то мнѣ напомнилъ эту истину мой талантливый противникъ *), который съ свойственнымъ ему чутьемъ перенесъ дѣло почти цѣликомъ на психологическую почву такъ, что мнѣ необходимо идти по его слѣдамъ и разбирать тѣ же психологическіе факты только при нѣсколько иномъ освѣщеніи и въ иной группировкѣ. Въ предстоящемъ мнѣ и моему товарищу по защитѣ состязаніи, мы сравнительно съ обвиняющею стороною находимся не въ авантажѣ. Наше положеніе чрезвычайно трудное. Если мы будемъ идти рука объ руку съ моимъ товарищемъ по защитѣ и закрывать нашихъ кліентовъ взаимно, скажутъ что подсудимые стакнулись между собою. Станетъ наговаривать мужъ на жену, а жена на мужа, то произведено будетъ на васъ то непріятное впечатлѣніе, которое бываетъ всегда, когда кто нибудь выгораживаетъ себя на счетъ другого, хотя бы онъ и говорилъ настоящую правду. Каждый изъ нашихъ кліентовъ давалъ намъ такое порученіе: «обо мнѣ не заботьтесь; старайтесь только спасти моего мужа или мою жену. Каждый изъ нашихъ кліентовъ готовъ былъ самъ себя обличать лишь бы только облегчить участь своего супруга. Но пока они дѣлали другъ другу реверансы можно было предвидѣть, что присяжные засѣдатели ихъ засудятъ, потому что имъ до этихъ нѣжностей нѣтъ никакого дѣла. Я полагаю, что есть однако средство выйти изъ самаго труднаго положенія, и что для сего нужно только отыскать ту золотую середину, по которой можно не спотыкаясь пройти, какъ проходитъ акробатъ по натянутому канату. Эта середина можетъ быть обрѣтена. Первое правило при отысканіи ея за-

---

*) А. Ѳ. Кони. См. его «Судебныя Рѣчи», стр. 309.

ключается въ томъ, чтобы говорить правду и одну только правду, но конечно не всю правду, конечно обходя нѣкоторыя подробности; вы легко поймете въ полслова. Во всякой любви, какъ бы она ни была возвышенна, и въ какихъ бы ни витала эмпиреяхъ, есть нѣчто чувственное, сильное. Таковъ уже по природѣ своей человѣкъ: полубогъ, полуживотное. Гдѣ есть насиженное мѣсто, тамъ найдутся непремѣнно и кучи навоза и бываютъ любители, которые первымъ долгомъ считаютъ отправиться на заднiй дворъ и раскапывать эти кучи. Я полагаю, что вамъ, гг. присяжные, не подобаетъ эта работа; васъ интересовать могутъ не эти подробности, а общiя начертанiя предмета. Представлять вамъ дѣло должны состязающiяся стороны не прибѣгая къ средствамъ и прiемамъ китайской живописи изображающей отдѣльно и отчетливо каждый волосокъ въ бородѣ, каждую бородавку на тѣлѣ, а скорѣе подражая прiемамъ античной скульптуры, которая, если надо было представить гадкiй, непрiятный предметъ, напр, трупъ человѣка или лицо искаженное страданiемъ, то накидывала на этотъ предметъ покрывало. Такъ сдѣлаю и я и скрою многое подъ покрываломъ и укажу только, намекну, что въ такомъ то мѣстѣ есть рана, а въ такомъ-то мѣстѣ нарывъ.

Извѣстное намъ дѣло происходитъ во времени и подраздѣляется на дѣйствiя. Дѣйствiе первое происходитъ въ Пищинѣ у Дьяконовыхъ и происходитъ между Евгенiею Дьяконовою и Чихачевымъ. Дьяконова дочь весьма бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ новоржевскаго уѣзда. Такъ какъ сестра ея была преподавательницею музыки въ Смольномъ институтѣ, то по ея протекцiи и Евгенiя Дьяконова принята въ тотъ же институтъ. Смольный есть одно изъ аристократическихъ женскихъ учебныхъ заведенiй; аристократическое женское заведенiе всегда аристократичнѣе мужскаго. Въ каждомъ классѣ имѣются такъ сказать царицы заведенiя которыхъ особенно ласкаютъ и отличаютъ потому, что у нихъ есть связи или деньги

на лакомства и прихоти или острый языкъ или наконецъ милость начальницъ. Есть также плебсъ, на который мало обращаютъ вниманія, который держатъ въ черномъ тѣлѣ. Это держаніе въ черномъ тѣлѣ выражается не въ томъ, чтобы этихъ дѣвицъ хуже, чѣмъ другихъ кормили, одѣвали, а въ томъ, что ихъ хуже воспитываютъ или лучше сказать почти совсѣмъ не воспитываютъ, за ними почти совсѣмъ не смотрятъ и требуютъ, чтобы передъ начальствомъ онѣ не портили общаго впечатлѣнія отъ заведенія; легко понять, что изъ замкнутаго заведенія, въ которомъ внутреннюю его жизнь мало кто знаетъ, а только внѣшняя жизнь на показъ блистательна, можетъ выйти дитя природы, дѣвушка неразвитая, полудикарка. Она выучилась говорить по французски, имѣетъ нѣкоторый внѣшній лоскъ при отсутствіи положительнаго знанія, при отсутствіи также всякой нравственной дрессировки, т. е. умѣнья держаться чинно, строго, порядочно при людяхъ и безъ людей, наблюдать за собою каждый часъ и каждую минуту. Такое дитя природы и была Евгенія Дьяконова при выходѣ изъ института. Природа не обдѣлила ее; она имѣла, если не красивую, то миловидную наружность, умъ не лишенный остроты, сердце доброе, мягкое, сердобольное, но она была до того не воспитана, до того принаровилась держать себя небрежно, вальяжно, фамиліарно со всѣми, что это невниманіе къ себѣ могло почесться распущенностью въ глазахъ людей, которые ее мало знали. Ей ничего не стоило выйти къ мужчинѣ въ пеньюарѣ или легко одѣтой, мужъ долженъ былъ учить ее и передѣлывать ея манеры. Когда такая дѣвушка неопытная и дурно воспитанная по выходѣ изъ института, встрѣтится съ мужчинами, то положеніе ее можетъ быть весьма опасно, если она не съумѣетъ съ перваго раза провести ту границу, которая должна быть строго наблюдаема. Мужчина, въ особенности тотъ, который считаетъ себя опытнымъ съ женщинами, можетъ очень легко принять эту

фамиліярность за авансы, эту наивную, неподозрѣвающую зла нескромность за безстыдство этой дѣвушки, за потерянную женщину, что и случилось съ Дьяконовой. Ея соблазнителемъ явился г. Чихачевъ. Сначала Евгенія Дьяконова жила у родителей. Жизнь бѣдная, тяжелая, средства скудныя, каждый кусокъ хлѣба сосчитанъ. Она переѣхала гостить къ брату, который жилъ въ Новоржевскомъ уѣздѣ въ Пищинѣ, также не имѣлъ большихъ средствъ и хлопоталъ о мѣстѣ судебнаго пристава или нотаріуса. Въ этомъ домѣ бывали разные люди, въ томъ числѣ и Чихачевъ, родственникъ жены хозяина—Дьяконовой. Казалось бы, что говорить о Чихачевѣ для меня затруднительно, такъ какъ de mortuis aut bene aut nihil, и такъ какъ я, говоря дурно о немъ, то подвергаю подсудимыхъ тому, что объ нихъ скажутъ: убили, да въ добавокъ еще и очернили. Но эта задача, съ виду трудная, упрощается тѣмъ, что Чихачева всѣ хвалятъ и что сами Н—ны отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, добромъ, но только безхарактерномъ, у котораго еслибы было побольше твердости, то онъ былъ бы вполнѣ хорошій человѣкъ. Жизнь общественная Чихачева вполнѣ безупречна. Всегда сочувствующій всякимъ благимъ начинаніямъ, всегда щедрый, Чихачевъ былъ весьма полезный дѣятель, его даже любили гораздо болѣе, чѣмъ Н—на, потому что былъ человѣкъ мягкій, податливый, идущій всегда по теченію и незаходящій никому поперегъ дороги. Что касается до его отношеній къ женскому полу, то я долженъ сказать, что онъ былъ то, что называется *любитель* женскаго пола, хотя нельзя сказать чтобы счастливый. Красавица-жена, въ которую онъ былъ, говорятъ, влюбленъ, покинула его для другаго и потомъ играла съ нимъ: то привлекала, то отталкивала. Въ жизни Чихачева сближеніе съ женщинами было любимымъ занятіемъ, занимало много мѣста. Онъ любилъ особенно женщинъ извѣстнаго сорта, женщинъ-полусвѣта. Даже та подробность, которая была открыта при осмотрѣ его квартиры, указы-

ваетъ на нѣкоторыя застарѣлыя и легко извиняемыя привычки дебоширства. Отношенія г. Чихачева къ дѣвицѣ Дьяконовой всего лучше обрисовываются его же письмами. Въ черновой запискѣ, служившей первоначальнымъ проектомъ письма къ Н—ой, нѣсколько словъ, изображающихъ самое начало связи: «Однажды вы мнѣ предложили придти въ комнату послѣ ужина продолжать бесѣду. Вы были въ кровати и раздѣты. Вспомните, какъ я держалъ себя въ этотъ вечеръ: самая наивная изъ наивныхъ понимаетъ, что такъ немного опасно бесѣдовать». Вотъ все, что говоритъ намъ Чихачевъ. Его родные добавляютъ съ его словъ, слышанныхъ при жизни, кое-что. Прибавки эти не въ пользу Н—ыхъ, а болѣе въ пользу Чихачева, что объясняется расположеніемъ и любовью этихъ родныхъ къ умершему, а также тѣмъ, что устное преданіе всегда искажаетъ событіе и передаетъ только одну его сторону, да и ту въ преувеличенномъ видѣ. По словамъ фонъ-Раабена, Чихачевъ не воспользовался въ первый вечеръ фамиліарностью Дьяконовой, но даже далъ ей урокъ, наставленіе какъ ей себя держать. Странно, гг. присяжные засѣдатели, что тотъ самый человѣкъ, который читалъ ей мораль заходилъ къ ней на слѣдующій день уже въ халатѣ. По всей вѣроятности, онъ не морализировалъ и въ первый разъ. Племянникъ г. Чихачева лицеистъ Поповъ съ благороднымъ, но весьма юношескимъ увлеченіемъ выражался при предварительномъ слѣдствіи, что если кто нибудь былъ изнасилованъ, такъ это его дядя. Съ другой стороны Н—на твердитъ, что Чихачевъ ее почти изнасиловалъ, что онъ творилъ съ нею вещи отвратительно гадкія. Она его ненавидитъ, такъ сказать, всѣми силами души. Хотя эта ненависть запоздалая и нѣсколько напускная, но она не можетъ быть безъ весьма глубокихъ причинъ. Вспомните, что это была дѣвушка только что вышедшая изъ института, что, по всей вѣроятности она была до встрѣчи съ Чихачевымъ невинная, что въ провинціальномъ захолустьѣ, обиль-

номъ сплетнями, никто дурнаго слова про нее не сказалъ, что когда она вышла замужъ за Н—на, то она сдѣлалась вѣрною и хорошею женой и такою пробыла пять лѣтъ. Если сопоставить всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя, если сообразить, что Чихачевъ человѣкъ бывалый, что онъ имѣлъ связи съ женщинами и въ особенности съ женщинами-полусвѣта, то необходимо придти къ такому заключенію, что этотъ человѣкъ, знающій женщинъ съ извѣстной только стороны, нашелъ дѣвушку совершенно наивную, которую принялъ за испытанную, знающую всѣ тайны половыхъ отношеній. Онъ соблазнилъ эту дѣвушку, онъ это совершилъ безъ любви, безъ страсти, безъ увлеченія, такъ, какъ выпиваютъ рюмку коньяку послѣ сытнаго обѣда.

Что онъ дѣйствовалъ безъ любви — это ясно изъ того, что до послѣдняго времени единственная женщина, имъ любимая, была его жена и что кромѣ этой страсти къ женѣ у него не было никакой другой. Нѣсколькихъ словъ жены было достаточно для отвлеченія отъ Дьяконовой. Нельзя также объяснить связь Чихачева съ Дьяконовой тѣмъ, что Чихачевъ сказалъ себѣ: «попробую, либо меня увлечетъ другая женщина, либо я влюблюсь въ нее и забуду о женѣ». Ни на одну минуту Чихачевъ не переставалъ помышлять о женѣ. По всей вѣроятности началось съ того, что Чихачевъ плакалъ передъ Дьяконовою и изливалъ свое горе по поводу того, что жена его покинула; Дьяконова его утѣшала и соболѣзновала. Онъ разсудилъ такимъ образомъ: «она плачетъ, сожалѣетъ; она меня любитъ; если она въ меня влюблена, то отчего не угодить ей; отчего не удовлетворить ея пожеланій?»..... Связь длилась недолго и конечно по иниціативѣ Чихачева сопровождалась грязными циническими предосторожностями, которыя я долженъ обойти. Когда сношенія прекратились, этотъ человѣкъ думалъ, что онъ совершенно расквитался съ нею, что связь эта совершенно такая, какъ между двумя собесѣдниками, которые сошлись пообѣдать, вмѣстѣ по-

обѣдали и разошлись. Рыцарскія чувства Чихачева внушаютъ ему только то, чтобы имѣя связь съ дѣвушкой потомъ объ этой связи никому не говорить. Завѣтъ молчанія онъ сохранилъ, но не больше. Вотъ, что содержитъ его письмо къ Н—ой: «въ отношеніи къ вамъ я сдѣлалъ все: хранилъ тайну и до настоящей исторіи никто не смѣлъ вамъ сказать ни слова». Это было правда. Дѣйствительно до 22 іюня никто не зналъ о прежнихъ отношеніяхъ Н—ой къ Чихачеву. Съ своей точки зрѣнія Чихачевъ даже старался до извѣстной степени загладить свою вину, признать ее, участвуя въ выходѣ ея замужъ за другаго. Когда знакомый его—Н—нъ сдѣлалъ предложеніе Дьяконовой, предложеніе, которое было принято, Чихачевъ предложилъ себя обязательно въ посаженые отцы. Чья эта была мысль? Что ни говорятъ о томъ будто Н—на просила настоятельно, чтобы Чихачевъ былъ посаженымъ отцомъ, я этому не повѣрю, потому что настоящій, прямой интересъ въ томъ, чтобы быть посаженымъ отцомъ былъ у Чихачева, а не у Дьяконовой. Если-бы въ первую ночь открылось, что она не невинна, еслибы по этому поводу у мужа возникли подозрѣнія, то отъ этихъ подозрѣній ее не защитило бы ничто, она бы страдала независимо отъ того, кто былъ ея посаженый отецъ. Но для Чихачева очень важно было быть посаженымъ отцомъ; онъ становится черезъ то въ такое положеніе, что былъ самый послѣдній изъ всѣхъ, на которыхъ могло направиться подозрѣніе Н—на. Психологически разбирая этотъ вопросъ, становится несомнѣннымъ, что въ посаженые отцы напросился самъ Чихачевъ, который былъ близко знакомъ съ Н—ымъ и былъ сотоварищемъ Н—на и даже его пріятелемъ. Н—нъ еще и теперь помнитъ, что за годъ до его свадьбы Чихачевъ его спрашивалъ, можно-ли имѣя жену, имѣть и любовницу. Тогда Н—нъ никакъ не могъ подозрѣвать, что разговоръ этотъ такъ близко касается его самого. Въ отношеніи къ Н—ну образъ дѣйствій Чихачева при свадьбѣ былъ родомъ предательства, измѣны. И такъ,

мною сказаннаго вытекаетъ то заключеніе, что если Чихачевъ былъ хорошій дѣятель въ дѣлахъ общественныхъ, если онъ и былъ честный человѣкъ въ дѣлахъ денежныхъ, то не все было рыцарское въ его отношеніяхъ къ женскому полу; что въ его организаціи былъ отшибленный уголъ, было нѣкоторое притупленіе нравственнаго чувства, за что онъ и поплатился жестоко въ дальнѣйшемъ ходу этой исторіи. Перехожу ко второму дѣйствію. Оно очень долгое, оно длится 5 лѣтъ, начинается со свадьбы Н—ыхъ, съ 1868 г. и до объясненія съ мужемъ 21 іюня 1873 года. Въ томъ же Новоржевскомъ уѣздѣ былъ другой помѣщикъ, человѣкъ молодой, служившій въ военной службѣ въ должности капитана генеральнаго штаба и вышедшій въ отставку. Онъ поступилъ также въ мировые посредники при введеніи въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, былъ предсѣдателемъ земской управы при введеніи земской реформы, наконецъ избранъ мировымъ судьею. Оба они— и онъ и Чихачевъ принадлежали къ одной и той-же партіи. Я повторяю—«къ одной партіи» потому, что въ каждомъ уѣздномъ захолустьѣ есть партіи, что я и буду утверждать, не смотря на слова свидѣтеля Львова — помѣщика Новоржевскаго уѣзда, доказывающаго, что Новоржевскій уѣздъ, есть такой особый уѣздъ, въ которомъ никакихъ партій не бываетъ. Партія, къ которой принадлежали Чихачевъ и Н—нъ, была партія прогресса, которая добивалась разныхъ хорошихъ вещей, разныхъ преобразованій, совершающихся съ большимъ трудомъ, очень туго въ настоящій періодъ, который можно назвать періодомъ застоя послѣ великихъ реформъ, періодомъ, въ которомъ организмъ покоится и среди сна продолжается одинъ только процессъ—перевариванія воспринятыхъ нововведеній. По иниціативѣ Н—на заводились школы, больницы, натуральныя повинности перелагались въ денежныя. Дѣло дѣлалось и спорилось, хотя отчетность велась не совсѣмъ аккуратно. Сильная оппозиція образовалась въ 1868 г. противъ соб-

ственно земской управы и ея направленія. Н—нъ своимъ характеромъ способствовалъ ея образованію, потому что былъ рѣзкій, желчный человѣкъ и всякому всегда говорилъ правду, въ глаза, не стѣсняясь выраженіями. Я не могу согласиться съ г. прокуроромъ, что будто бы онъ человѣкъ самолюбивый и безсердечный, въ одной только семейной жизни могущій находить счастье. Напротивъ того, онъ весь былъ поглощенъ общественною жизнью, общественными интересами и ради этого качества общество извиняло ему рѣзкость выраженій. Объ немъ сложилось въ уѣздѣ такое представленіе, что всѣхъ онъ коститъ, всѣхъ ругаетъ, а тѣ, которые имъ обруганы выбираютъ его при всякихъ выборахъ въ самыя важнѣйшія общественныя должности. Въ 1868 г. въ промежутокъ между готовившеюся неудачею по управѣ и выборомъ въ миров. судьи Н—нъ познакомился въ домѣ Дьяконовыхъ съ будущей своей женой. Сначала она не произвела на него большаго впечатлѣнія; но при третьемъ свиданіи онъ уже влюбился и, не долго думая, весною 1868 г. сдѣлалъ ей предложеніе. Она отправилась за покупками въ Петербургъ. Во время ея отсутствія у него появились разныя предчувствія, колебанія—онъ хотѣлъ отложить свою женитьбу. Онъ еще не былъ такъ страстно влюбленъ, какъ впослѣдствіи. Его поражала неразвитость жены, необходимость учить ее, перевоспитывать. Когда свадьба, порѣшенная мамой стала подходить, невѣста предложила Чихачева въ посаженые отцы. «Почему?» спрашиваетъ ее Н—нъ. Да вотъ братъ мой (Дьяконовъ) стѣсняется, говоритъ, что это сопряжено съ расходами, а онъ человѣкъ не богатый. Чихачевъ же такой смѣшной, уморительный, онъ ухаживалъ за мною и въ отчаяніи, что я выхожу за тебя замужъ. Н—нъ согласился. Свадьба состоялась благополучно и добраго отношенія супруговъ не разрушили открытія первой, проведенной ими вмѣстѣ ночи. Н—нъ, имѣя нѣкоторыя подозрѣнія, распрашивалъ жену, не была ли она больна, распрашивалъ о привычкахъ воспитанія и успо-

коился, получивъ отрицательные отвѣты. Она отнесла къ его деликатности прекращеніе дальнѣйшихъ распросовъ, за что была ему весьма благодарна. Ему и въ мысль не приходило, что она была кѣмъ нибудь обольщена. Все, что пугало и томило Н—на до свадьбы разсѣялось и настал долгій, ясный солнечный день полнѣйшаго супружескаго счастья. Ничто не предвѣщало, чтобы это счастье могло разрушиться внезапно. Спустя нѣкоторое время въ 1869 г. Н—нъ былъ выбранъ мировымъ судьей. Ему опять открывалась та публичная дѣятельность, которую онъ такъ страстно любилъ. Въ это время онъ переселился въ Андрюшино—свою усадьбу. Онъ работалъ, жена ему помогала. Все было хорошо до 21 іюня 1873 года, до того времени, когда *въ ночь* съ 21 на 22 іюня она сама открыла свои прежнія отношенія къ Чихачеву и была причиною того взрыва, который отравилъ всеихъ будущее.

Что заставило ее открыться мужу? Въ дневникѣ своемъ Н—на говоритъ: «какъ я жалѣю, что у меня сорвались эти слова». Но можно ли предполагать такую нечаянность? Мужъ утверждаетъ, что жена открылась ему не сразу и своими настойчивыми намеками на фактъ вызвала съ его стороны распросы. Если слова вырвались не случайно, то какія же причины побудили Н—ну къ признанію и прежде всего не было ли внѣшнихъ причинъ, тѣхъ именно, о которыхъ спрашивалъ г. предсѣдатель. Я утверждаю, что внѣшнихъ причинъ не было никакихъ. Есть какой-то разсказъ о томъ, что Н—на поражена была дурными о ней отзывами г-жи Чихачевой, что г-жа Чихачева ревновала ее къ своему мужу. Но это слишкомъ далекое обстоятельство, дающее поводъ предполагать, что г-жа Чихачева знала о прошедшемъ г. Н—ой что либо предосудительное. Небыло ли причинъ *внутреннихъ*? Не раскаяніе ли привело Н—ну къ самообличенію? Не думаю. Я понимаю, что раскаяніе могло явится сейчасъ же за событіемъ, даже черезъ годъ, но по прошествіи 5 лѣтъ? Почему Н—на не открылась мужу у колыбели ребенка,

у его могилы? Нѣтъ, она промолчала 5 лѣтъ. Я думаю, что съ опасностью сживается человѣкъ, и что, кто 5 лѣтъ прожилъ неоткрывшись, тотъ похожъ на человѣка, который построилъ виллу на скатѣ кратера вулкана, и который такъ привыкъ къ землетрясеніямъ и взрывамъ, что опасность его не безпокоитъ. Я теряюсь въ догадкахъ; для меня объясненіе Н—ой съ мужемъ необъяснимый психологическій фактъ, а такъ какъ нѣтъ человѣческаго дѣйствія безъ достаточной причины; то я и полагаю, что этому дѣйствію есть своя причина, которой я не знаю. Заявляя, что я ее не знаю, я позволю себѣ построить догадку, которая можетъ отчасти способствовать къ уразумѣнію этого событія. Гг. прис. засѣдатели! Вы знаете безъ сомнѣнія, что такое дитя, какія психологическія особенности этого возраста. У дитяти слаба дѣятельность разсудка, т. е. та именно дѣятельность, которая граничитъ между воспринимаемыми впечатлѣніями и рефлексами, перерабатываетъ впечатлѣнія и задерживаетъ рефлексы. Есть люди, у которыхъ эта разсудочная дѣятельность никогда не достигаетъ полнаго развитія, и которые остаются такъ сказать цѣлую жизнь дѣтьми до сѣдыхъ волосъ. Я полагаю, что г-жа Н—на есть именно такое дитя. Передавая эту же мысль иными словами, я скажу, что у дитяти критика слаба и есть постоянныя увлеченія, какъ въ воспроизведеніи наблюдаемыхъ фактовъ, такъ и въ составленіи замысловъ не по силамъ. Примѣровъ такого увлеченія и легковѣрія у Н—ой бездна. Ими объясняется то, что она повѣрила Чихачеву и приняла за наличную монету всѣ тѣ комплименты, увѣренія и обѣщанія, которыя онъ расточалъ по своему обыкновенію. Она повѣрила, что онъ влюбленъ въ нее, что онъ готовъ пожертвовать ей жизнью: какъ не повѣрить, когда онъ поклялся. Она беретъ его за слово и дѣлая скачекъ, котораго не сдѣлалъ бы ни одинъ разсудительный человѣкъ, она вывела заключеніе, что онъ долженъ лишить себя жизни, если того потребуютъ.

Тѣ же увлеченія явственны въ перепискѣ Н—ой. Мой противникъ говорилъ, что письмо Н—ой къ Чихачеву написано подъ диктовку мужа, что въ немъ даже выраженія мужа. Я этого вліянія не замѣтилъ; напротивъ, я полагаю, что ея письмо къ Чихачеву оригинально и не носитъ отпечатка ни слога, ни мыслей Н—на. Оно нисколько не похоже на проектъ его берлинскаго письма. Въ письмѣ Н—ой пропасть фразъ напыщенныхъ, исполненныхъ афектаціи. «Не вамъ знать, пишетъ она, какой адъ въ моей душѣ; моя тѣнь будетъ преслѣдовать васъ, вездѣ будетъ кричать вамъ: безчестный! Никакіе океаны не отгонятъ эту тѣнь отъ васъ», и т. д. Вся переписка Н—ой въ такомъ родѣ. У нея есть несомнѣнная наклонность къ такъ называемой экзальтаціи; эта наклонность можетъ превратиться у человѣка въ привычку, въ постоянную черту характера. Такою я и представляю себѣ г. Н—ну. Представьте же теперь, что это взрослое дитя хранитъ тайну, отъ которой зависитъ семейное счастье и что она играетъ этою тайною точно зажженнымъ фитилемъ или коробочкою спичекъ возлѣ бочки съ порохомъ. Въ 1868 г. ея мужъ былъ особенно къ ней нѣженъ. Однажды онъ сказалъ ей, что у него аневризмъ и ужасался при мысли, что можетъ быть по смерти его она сдѣлается женою другого. Очень могло быть, что и она разчувствовалась и сказала: «Ахъ, какой вы добрый человѣкъ! я гораздо менѣе достойна васъ, чѣмъ вы думали, я во многомъ передъ вами виновата». Я не могу конечно излагать вамъ, гг. присяжные, что такое чувство, и что такое страсть: тотъ не пойметъ страсти, кто самъ ея не испыталъ, кто не заливался горькими слезами, кто не худалъ и не чахъ отъ душевныхъ страданій, отъ горя и любви. Во всѣхъ психическихъ процессахъ, какъ умственныхъ, такъ и иныхъ, далеко не все сознательно, а многое совершается безсознательно, машинально, по старой привычкѣ, по заученнымъ пріемамъ. Можно работать не думая, можно даже молиться наизусть, не зная, что

произносятъ уста; какъ есть привычки ума и привычки воли, такъ есть привычки чувствъ, они называются страстями. Когда человѣкъ сильно пораженъ, когда весь онъ пораженъ этимъ ударомъ, когда привычка чувства пріобрѣтена, поселилась въ немъ, когда она находитъ пищу, то эта страсть можетъ завладѣть всѣмъ существомъ человѣка, поработить его и исказить его психическій организмъ. Она похожа на изнурительную лихорадку, на тифъ. Подъ ея вліяніемъ дѣятельность человѣка получаетъ одностороннее направленіе, онъ дѣлается несправедливымъ, даже жестокимъ въ отношеніи къ другимъ. Если ударъ поразившій человѣка шелъ извнѣ и зависѣлъ отъ неразумныхъ силъ природы, то самыя глубокія раны если ихъ вынесетъ страдающее лицо, залѣчиваетъ время, великій лѣкарь. Но если ударъ нанесенъ какимъ нибудь злымъ человѣкомъ, если этотъ ударъ нанесенъ братомъ, пріятелемъ, любимою женщиною, тогда послѣдствія зависятъ вполнѣ отъ натуры страдающаго лица. Есть натуры мягкія, слабыя, дряблыя, которыя раскиснутъ, расплачутся и станутъ отливать свое горе въ жалобахъ и вздохахъ, но ни на что нерѣшаются. Люди болѣе крѣпкаго закала, люди мощные, энергическіе возмутятся причиняемымъ имъ зломъ, измѣною до глубины души, они вознегодуютъ и проникнутся чувствами ненависти и мести. Надо быть необыкновенно нравственнымъ, высоконравственнымъ человѣкомъ, чтобы одолѣть себя, наложить узду на свое негодованіе и убѣдить себя въ томъ, что есть еще другія цѣли, кромѣ мести: что есть еще общество, есть природа, есть искуство, есть наука, есть Богъ, есть разныя другія блага, которыя краше, лучше и желательнѣе удовлетворенія чувства мести. До такой нравственной высоты доходятъ весьма немногіе, это удѣлъ избранныхъ. Н—нъ не принадлежалъ къ этой послѣдней категоріи, не принадлежалъ онъ и къ первой, людей раскисающихъ, плаксивыхъ, а принадлежалъ ко второй, къ людямъ обыкновеннымъ, сильно ненавидящимъ

тѣхъ, которые имъ причинили зло. Онъ вознегодовалъ всею душою, точно въ него вонзилось жало змѣи. Онъ подумалъ: какъ долженъ былъ въ душѣ насмѣхаться и издѣваться надо мною Чихачевъ, который полѣзъ въ посаженые отцы, выдавъ за меня дѣвушку, которую онъ осквернилъ. Любимая женщина оказывалась немногимъ лучше публичной. Онъ былъ проведенъ человѣкомъ, котораго считалъ едва ли не идіотомъ. Рана была глубокая, мысль стала работать, сондируя ее. У Н—на явилось непреодолимое желаніе узнать всю истину, самое худшее, самое гадкое. Непреодолимая потребность влекла Н—на къ тому, чтобы возстановить въ полнѣйшей наготѣ позоръ жены и измѣну пріятеля. Точно клещами сталъ онъ вытягивать отъ жены кусокъ за кускомъ, подробность за подробностью—всѣ обстоятельства ея связи съ Чихачевымъ, самыя сильныя, самыя циничныя. Но въ томъ то и дѣло, что лицо ослѣпляемое страстью никакъ не можетъ быть хорошимъ изслѣдователемъ истины. Разъ онъ усомнился, онъ уже не остановится и при всякомъ открытіи будетъ доискиваться еще худшаго еще болѣе сквернаго. Мало того, онъ желаетъ отыскать еще нѣчто худшее, потому что это худшее дастъ ему возможность оправдывать жену и сваливать всю вину на третье лицо, на Чихачева. Бѣдная женщина была поставлена по собственной волѣ въ такое положеніе, что для успокоенія человѣка, который сталъ почти съ ума сходить отъ сообщеннаго ему, она въ угоду ему стала выдумывать и прибавлять, стала сочинять, а потомъ когда онъ порывался ѣхать къ Чихачеву, она, удерживая его, отрекаясь отъ всего сказаннаго, брала опять всю отвѣтственность на себя. По ея разсказамъ оказывалось, что она безобразничала съ Чихачевымъ и въ Ашевѣ, и въ Новоржевѣ, много разъ и въ самой чудовищной обстановкѣ. Какъ не ослѣпленъ былъ Н—нъ страстью, не могъ онъ не замѣтить, что онъ истратилъ на распросы 3 или 4 недѣли даромъ, что онъ меньше знаетъ теперь, чѣмъ 22 іюня. Тогда явилась

потребность узнать все, какъ было? Поставивъ жену съ очей на очи съ Чихачевымъ, и принудивъ ее уличать Чихачева разсказывая ему подробности ихъ связи. Такова была причина первой поѣздки въ Ашеѥо съ тѣмъ, чтобы: во 1-хъ, объясниться съ Чихачевымъ и узнать всю истину, во 2-хъ, отомстить ему. Месть—чувство нехорошее, но я полагаю, что вы будете менѣе претендовать къ Н—ну если я употреблю другое, болѣе практичное слово, искупающее многое и скрадывающее многое, Н—нъ рѣшился потребовать удовлетворенія отъ Чихачева. Вы знаете, что такое значитъ искать удовлетворенія. Въ высшемъ обществѣ, которое имѣетъ нѣкоторыя культурныя традиціи, преданія рыцарства, сильно развитое чувство чести, есть извѣстный обычай, на который намекалъ и мой противникъ. Обычай этотъ поединокъ. Когда нельзя ничего добиться судомъ обыкновеннымъ, остается одно: обратиться къ Божьему суду. Есть извѣстный кодексъ чести, который простъ, какъ таблица умноженія, и по которому, если къ человѣку порядочному, джентльмену обращаются и требуютъ удовлетворенія, то онъ въ этомъ удовлетвореніи не можетъ отказать и долженъ либо загладить свою вину, либо, если это невозможно, драться, искать удовлетворенія. Что съ этимъ именно намѣреніемъ отправился Н. въ Ашево—это не подлежитъ сомнѣнію. Я полагаю, что и Чихачевъ, и Н. были люди, принадлежащіе къ тому обществу, которое признаетъ культъ чести и обычай поединка. Самъ Чихачевъ, какъ это видно изъ его писемъ, сознавалъ обязанность дать удовлетвореніе со шпагою или пистолетомъ въ рукахъ. Передъ своей поѣздкой Н—нъ купилъ дуэльныя шпаги въ Петербургѣ у Шафа. Что онъ хотѣлъ сдѣлать вызовъ на дуэль, этого не отвергаетъ и обвиненіе. Если слово о дуэли не было произнесено на первомъ свиданіи въ Ашевѣ. то очевидно потому, что объясненія еще не кончились и должны были возобновиться. 11 августа, не заставъ Чихачева, Н—нч передаетъ ему вызовъ на дуэль посредствомъ Церешке-

вича. Онъ повторяетъ вызовъ вновь во всѣхъ своихъ письмахъ, въ формахъ правда грубыхъ, неприличныхъ. Извѣстно, что человѣкъ, ослѣпленный страстью дѣлается дѣйствительно неприличнымъ, грубымъ, и что огромное преимущество предъ нимъ имѣетъ человѣкъ спокойный.

Не буду описывать всѣхъ подробностей первой поѣздки въ Ашево въ концѣ іюля. Н—ны остановились на постоялом дворѣ, не у родственниковъ. Н—нъ отправился къ Церешкевичу за Чихачевымъ, вызвалъ его къ женѣ и заперъ двери. Изъ участвовавшихъ въ объясненіи лицъ, каждое находилось въ ложномъ положеніи, каждое заблуждалось на счетъ своихъ отношеній къ другимъ и намѣреній другихъ; Н—нъ *инквизитировалъ,* но при такихъ условіяхъ, при которыхъ изъ его затѣй не могло выйти никакого результата. Очная ставка, устроенная Н—ымъ, была такого рода, что каковъ бы не былъ Чихачевъ трусъ или храбрый человѣкъ, онъ необходимо долженъ былъ принять на себя вину, трусъ—чтобы освободиться поскорѣе отъ объясненія, храбрый—чтобы облегчить положеніе женщины, съ которою имѣлъ связь; Чихачевъ повинился, сказавъ: «не я, такъ другой сдѣлалъ бы тоже», онъ утверждалъ только что не насиловалъ, и что Н—на сама ему далась, но все-таки Н—нъ не могъ узнать, какъ возникла и установилась связь между любовниками. Г-жа Н—на съ своей стороны не столько свидѣтельствовала противъ Чихачева, сколько рисовалась и позировала. Она прочла длинную рацею, потомъ обругала его, наконецъ сдѣлала совершенно женскій скачекъ въ умозаключеніи, предложивъ ему убраться поскорѣе на тотъ свѣтъ: «вы мнѣ обѣщали пожертвовать жизнью, такъ не угодно ли исполнить это обѣщаніе». Этотъ прыжокъ весьма романическій и совершенно женскій, не могъ бы совершиться ни въ какой мужской головѣ. Н—нъ съ злобною радостью наблюдалъ какъ отнесется къ этой неожиданности Чихачевъ. Чихачевъ сначала засмѣялся, а потомъ струсилъ, предположилъ, что покушаются на его жизнь и сказалъ: «я подумаю». Тогда Н—на вынула

у мужа часы изъ кармана и назначила Чихачеву 5 минутъ. Но размышленія, еще не прошли, какъ появился Церешкевичъ, прервавшій объясненіе. Чихачевъ былъ отпущенъ, но съ него было взято слово, что онъ придетъ вечеромъ. Придавать серьезное значеніе выходкѣ Н—ой нѣтъ никакой возможности. Спрашивается: чего же хотѣли достигнуть Н—ны? Хотѣли ли они дѣйствительно склонить Чихачева къ самоубійству? Но развѣ возможно допустить, чтобы кто либо внимая чьимъ бы то ни было самымъ страстнымъ, самымъ краснорѣчивымъ убѣжденіямъ, согласился сдѣлать противное своей природѣ, рѣшится убить самого себя? Нельзя предположить, чтобы Н—ны замышляли довести тутъ же Чихачева до самоубійства, еще и потому, что у нихъ на рукахъ остался бы трупъ, на нихъ бы пало подозрѣніе въ убійствѣ, которое бы они не отвели отъ себя никакими средствами. Если бы Н—ны пріѣхали затѣмъ, чтобы просто на просто убить Чихачева, то они конечно не предлагали бы ему поединка. То, что Н—нъ пріѣхалъ въ Ашево не одинъ, а съ женою, объясняется тѣмъ состояніемъ страсти, при которомъ человѣкъ не владѣетъ собою на столько, чтобы сообразить избираемыя средства съ предполагаемою цѣлью. Притомъ жена сама навязалась ѣхать, она боялась, что когда Чихачевъ станетъ отрицать фактъ связи съ нею, то она окажется солгавшею въ глазахъ мужа. Ножъ и револьверъ сопутствовали Н—ну въ этой поѣздкѣ потому, что они сопутствовали Н—ну во всѣхъ его поѣздкахъ Такъ какъ Чихачевъ сильно струсилъ, то въ его глазахъ ножъ превратился въ кинжалъ и вся обстановка свиданія получила такой видъ, какъ будто бы скрывалась тутъ какая то засада. Н—нъ считалъ до такой степени объясненіе не конченнымъ, что не дождавшись Чихачева въ 5 часовъ, ходилъ къ нему и въ 5 и въ 8 часовъ, послѣ чего посылалъ письмо чрезъ фельдшера, наконецъ самъ назначилъ свиданіе у себя въ Андрюшинѣ, между 4 и 8 августа. И этотъ срокъ прошелъ даромъ,

Чихачевъ не торопился ѣхать. Тогда Н—ны отправились за нимъ въ Ашево и началась та гоньба за нимъ, которую вы знаете и во время которой Н—нъ передалъ Церешкевичу, а сей послѣдній Чихачеву вызовъ на дуэль. Потомъ наступилъ продолжительный перерывъ въ сношеніяхъ между враждующими сторонами, потому что Чихачевъ ускакалъ изъ Новоржева въ С.-Петербургъ, распустивъ вѣсть о томъ, что будто бы онъ уѣхалъ заграницу. Съ другой стороны, Н—нъ былъ раздраженъ до бѣшенства, во-первыхъ, раскрытымъ фактомъ связи, во-вторыхъ, уклоненіемъ Чихачева отъ дуэли и въ-третьихъ, баснословными, но не выгодными слухами, которые ходили объ исторіи, распускаемые Церешкевичемъ и другими доброжелателями. Захотѣли отдохнуть, освѣжиться, забыться и рѣшились ѣхать заграницу. Они и уѣхали, но вовсе не въ Парижъ, гдѣ разглашаемо было, что пребываетъ Чихачевъ. Они посѣтили вѣнскую выставку, Тироль, Флоренцію, Римъ, потомъ вернулись назадъ чрезъ Берлинъ.

Прежде чѣмъ я перейду къ изображенію ихъ возвращенія и катастрофы 26 ноября, да будетъ мнѣ позволено остановиться и сдѣлать обзоръ положенія воюющихъ сторонъ, свести итоги и сказать, кто въ чемъ правъ и въ чемъ неправъ. Былъ ли совершенно правъ въ своемъ уклоненіи отъ дуэли Чихачевъ? Я увѣренъ, что въ глазахъ большинства людей, Чихачевъ будетъ признанъ поступившимъ вполнѣ благоразумно, хотя мнѣ кажется, что онъ подвергалъ себя гораздо большому риску, бѣгая отъ дуэли какъ *подстрѣленный заяцъ*, нежели если бы онъ вышелъ драться. Всѣ поединки обставлены стѣсняющими произволъ обрядами. Въ каждомъ поединкѣ есть шансы благополучнаго его исхода, есть секунданты старающіяся примирить, есть возможность еще извиниться на полѣ боя до боя, или послѣ первой пролитой крови, есть возможность драться на рапирахъ, на шпагахъ, которыя, по большей части, не такъ опасны, какъ огнестрѣльное оружіе.

Но если бы большинство и оправдывало Чихачева, то для меньшинства, состоящаго изъ людей, соблюдающихъ обыкновенный кодексъ чести, такой образъ дѣйствія не можетъ казаться правильнымъ, безупречнымъ и хорошимъ. Чихачевъ могъ отвергнуть прямо рѣшеніе дѣла оружіемъ, сказавъ: «Я предъ вами ни въ чемъ невиноватъ, чего вы привязались ко мнѣ? Я не хочу съ вами имѣть никакого дѣла». Но нѣтъ, Чихачевъ не такъ поступилъ: онъ взялъ на себя вину связи съ нимъ Н—ной. Кто винится, тотъ долженъ отвѣчать за свою вину и ея послѣдствія, отвѣчать по пословицѣ: «любишь кататься, люби и саночки возить». Никакого другаго выхода нѣтъ. Если же не хочешь выходить на дуэль, то рискуешь тѣмъ, что тебя побьютъ. Непринятіе дуэли повинившемся, еще было бы понятно со стороны лица отвергающаго обычай дуэли, какъ нѣчто устарѣлое, отжившее и нелѣпое; онъ могъ бы просто сказать, что не вѣритъ въ дуэль, что отвергаетъ ее въ принципѣ. Но Чихачевъ признавалъ поединокъ, въ доказательство чего я приведу слова его письма: «Въ то время у меня не было исхода, какъ принять предложеніе, дѣлаемое въ подобныхъ случаяхъ. Я былъ увѣренъ, что получу отвѣтъ достойный честнаго человѣка». Но какъ только случилось предложеніе г-жи Н—ной о самоубійствѣ, Чихачевъ вмѣсто того, чтобы предложить Н—ной устранить женщину и разобрать дѣло вдвоемъ наединѣ, прибѣгнулъ къ пріему, достойному самаго ловкаго адвоката, «а они мнѣ сдѣлали предложеніе, совершенно безчеловѣчное, поэтому я съ ними расквитался и не хочу драться». Предложеніе было безумное, нелѣпое, оно могло родиться только въ женской головѣ, предложенія этого можно не принять, его можно устранить, но, всетаки, съ Н—нымъ остаются у Чихачева счеты, которые нужно свести, такъ нельзя отвертѣться отъ этихъ счетовъ. Чтобы вы сказали, если бы я долженъ былъ платить по векселю и отозвался, что не буду платить, потому что противникъ меня обидѣлъ, обругалъ. Обида

своимъ порядкомъ, а вексель своимъ. Посему я полагаю, что Чихачевъ, по его же собственнымъ принципамъ, обязанъ былъ дать удовлетвореніе Н—ну не смотря на выходку г-жи Н—ной.

Перехожу къ развязкѣ. Н—ны поѣхали заграницу, побывали и на озерѣ Гарда, и на горахъ Тироля и на развалинахъ Рима, нигдѣ не обрѣли покоя; всюду преслѣдовалъ ихъ противный образъ Чихачева. Настало для нихъ время самое тяжелое, самое грустное, котораго изображеніемъ служитъ дневникъ г-жи Н—ной. Страсть произвела свои губительныя дѣйствія. Н—нъ значительно опустился, одичалъ, упалъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ; онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, чтобы избавиться отъ безсонницы напивался, билъ жену подъ пьяную руку и обходился съ нею самымъ жестокимъ образомъ.

Въ Берлинѣ Н—нъ писалъ карандашемъ то черновое письмо, которое не было отправлено, но служитъ выраженіемъ того, каковы были его намѣренія въ отношеніи къ Чихачеву.

«Вы трусъ, гласитъ проектъ, жалѣютъ только орла, коему подрѣзаны крылья, но не червяка. У васъ нѣтъ ума. Я гнался за вами, чтобы вызвать васъ на дуэль и гнаться буду, чтобы поступить, какъ поступаютъ съ тѣми, которые отказываются отъ дуэли по трусости, т. е., чтобы отдуть васъ палкою. Вы знаете, что васъ требуютъ для объясненій, а вы разсудили, что вамъ приличнѣе бѣжать» и т. д. Тѣже окончательныя заключенія содержитъ письмо г-жи Н—ой, отправленное къ Чихачеву. Противникъ мой сказалъ, что въ немъ нѣтъ вызова на дуэль, я не утверждаю, что есть самъ вызовъ на дуэль, но есть, по крайней мѣрѣ, указаніе на то, что къ г. Чихачеву претендуютъ за не выходъ на дуэль: «Съ вами хотѣли переговорить и покончить дѣло такъ, какъ кончается между порядочными людьми». Значитъ посредствомъ поединка. И такъ отъ конца іюня до ноября, у Н—на одна мысль, одно желаніе: добиться во чтобы ни стало вызвать г. Чихачева на по-

единокъ. Тотъ къ кому относились всѣ вызовы словесные и письма, сидѣлъ въ Петербургѣ, избѣгая встрѣчи и устроилъ на мѣстѣ свой надзоръ въ особѣ Церешкевича, отъ котораго получалъ подробнѣйшія извѣстія не только о событіяхъ, но и о всѣхъ сплетняхъ, ходящихъ въ уѣздѣ. Есть основанія предполагать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ сплетенъ исходили прямо отъ самого Церешкевича. Вы замѣтили, вѣроятно, эту особенность въ г. Церешкевичѣ, что онъ умѣетъ подъ каждое дѣйствіе человѣка подкладывать самые грязные мотивы. Онъ обвинялъ Н—на и въ нечестности и въ растратѣ земскихъ денегъ. Онъ въ письмахъ проводилъ такія идеи, что Н—ны хотѣли въ Ашевѣ взять съ Чихачева какую то росписку чуть-ли не деньги, что Н—нъ хотѣлъ въ Ашевѣ сбыть съ рукъ жену и навязать ее Чихачеву, наконецъ, что Н—нъ науськиваетъ жену на убійство съ тѣмъ, что ее осудятъ, а онъ сдѣлается свободнымъ и женится на другой.

13-го ноября Церешкевичъ доноситъ Чихачеву, что Н—нъ собирается въ Петербургъ по дѣлу Клингенберга. Чихачевъ долженъ былъ, очевидно, поступить, получивъ это письмо, съ тѣмъ же благоразуміемъ съ какимъ онъ до сихъ поръ избѣгалъ встрѣчи съ Н—нымъ, т. е. собраться и уѣхать пока не пройдетъ дѣло Клингенберга, по которому Н—нъ долженъ явиться въ качествѣ свидѣтеля. На этотъ разъ Чихачевъ поступилъ иначе. Составился семейный совѣтъ изъ Поповыхъ и Раабена, на которомъ по обсужденіи обстоятельствъ рѣшено, что Чихачеву неприлично скрываться, что есть полиція, что есть родные, которые будутъ при объясненіи и помогутъ, что съ нахалами надобно покончить разъ навсегда. Со стороны Чихачева и его родныхъ было все обдумано, все приготовлено къ пріему гостей, напротивъ того, со стороны этихъ гостей, этихъ нападающихъ, только была неожиданность и случайность. Они ѣхали въ Петербургъ не зная, гдѣ Чихачевъ. Они ѣхали не для удовольствія, а по необходимости. По пріѣздѣ въ Петер-

бургъ они справились въ адресномъ столѣ и узнали, что Чихачевъ выбылъ въ Москву изъ дома сестры Поповой въ Захарьевской. Они рѣшили узнать въ домѣ Поповой его московскій адресъ и поѣхали, не переодѣваясь, въ дорожномъ платьѣ. Сверхъ всякаго ожиданія имъ говоритъ дворникъ: «Чихачевъ здѣсь, пожалуйте». Нечаянно то, чего они такъ долго добивались, должно осуществиться. У Н—на сердце забилось, но онъ еще настолько владѣетъ собою, что вспомнивъ, что у него горячій характеръ, что онъ можетъ увлечься, отдаетъ на лѣстницѣ бывшій при немъ револьверъ своей женѣ. Я не буду повторять въ подробности здѣсь случившагося въ квартирѣ Чихачева и ограничусь указаніемъ на главнѣйшіе моменты событія. Старушка, которая отворила имъ двери, не хотѣла ихъ пустить, пошла докладывать Чихачеву, который велѣлъ впустить. Входятъ въ гостиную, и г-жа Н—на стремительно направляется чрезъ гостиную въ спальню, гдѣ фонъ-Раабенъ надѣваетъ жилетъ и сюртукъ. Тутъ же на лицо и г. Поповъ. Дверь въ гостиную притворена, такъ что Раабенъ и Поповъ не могутъ слышать всего того, что происходитъ за дверью въ гостиной, гдѣ Чихачевъ объясняется съ пришедшими. Г-жа Н—на спрашиваетъ у Чихачева получилъ ли онъ ея письмо. Вмѣсто устнаго отвѣта Чихачевъ даетъ письменный, который г. Н—нъ беретъ и прячетъ въ карманъ, настаивая на объясненіи обоихъ наединѣ. «Никакихъ объясненій вы не получите» отвѣчаетъ Чихачевъ, „если нужно, то по прочтеніи письма скажите, я назначу свиданіе“. Тогда Н—нъ развертываетъ письмо, хочетъ читать его, но ему говорятъ: «здѣсь не мѣсто, убирайтесь вонъ». Н—нъ видитъ, что тотъ, кого онъ такъ долго искалъ, ускользаетъ отъ него, другого подобнаго случая вѣроятно не будетъ. Тогда онъ дѣлаетъ вызовъ на дуэль, Чихачевъ отказывается и получаетъ пощечину. Къ этой развязкѣ и шло, она предвидѣлась заранѣе. Но вотъ чего не ожидалъ Н—нъ: онъ не могъ предвидѣть, чтобы человѣкъ,

котораго онъ считалъ такимъ трусомъ, такимъ презрѣннымъ, бросился на него съ остервененіемъ, сталъ царапать ему лицо и наносить удары. Въ тоже время изъ спальни выскочили фонъ-Раабенъ и Поповъ: одинъ, схватилъ Н—на за руку, другой, фонъ-Раабенъ, потащилъ Н—на къ дивану. Чихачевъ отъ Н—на не отставалъ и продолжалъ колотить его кулакомъ. Тогда у этого человѣка, у котораго и въ мысли до сихъ поръ не было убить Чихачева, который пришелъ только для того, чтобы покончить разъ навсегда объясненія и самое большое вызвать на поединокъ, если же дуэль не состоится, то побить Чихачева, ударить его по лицу ладонью или кулакомъ (по моему мнѣнію, это одно и тоже), кровь бросилась въ голову, въ глазахъ его потемнѣло, совершенно машинально и безсознательно онъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ ножъ, раскрылъ его и сталъ наносить удары направо и налѣво Раабену, дворнику и Чихачеву, которому больше другихъ досталось потому, что онъ не отходилъ отъ Н—на и все время былъ съ Н—ымъ грудь съ грудью. Я признаю Н—на совершенно виновнымъ въ непростительномъ, преступномъ нанесеніи ударовъ нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ и Чихачеву, ударовъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть Чихачева, но я не могу признать его виновнымъ въ намѣреніи убить Чихачева. Я долженъ исправить двѣ три черты въ изложеніи событій у моего противника. Мнѣ кажется, что онъ заблуждается. Онъ полагаетъ, что когда дворникъ Воронинъ вошелъ въ гостиную, еще въ этой комнатѣ не было ни Раабена, ни Попова, а только Чихачевъ, который барахтался съ однимъ Н—нымъ на диванѣ. Этого не могло быть. Этого не видно ни изъ первоначальнаго показанія дворника Воронина, ни изъ даннаго имъ на судебномъ слѣдствіи. Воронинъ вошелъ въ квартиру Чихачева по крику, когда началась борьба, слѣдовательно когда Раабенъ и Поповъ уже были въ гостиной; они то и оттащили Н—на къ дивану. Если, по словамъ фонъ-Раабена, онъ ихъ засталъ бо-

рющихся почти у дверей спальни и потащилъ Н—на къ дивану, то ясно, что Н—нъ былъ оттащенъ фонъ-Раабеномъ къ дивану прежде, чѣмъ пришелъ дворникъ, заставшій Н—на съ Чихачевымъ на диванѣ. Что касается до момента, когда былъ вынутъ ножъ, то дѣйствительно опредѣлить этотъ моментъ трудно. Но я указываю на то. что Раабенъ положительно утверждаетъ, что ножъ онъ увидалъ только тогда, когда на диванѣ находились Чихачевъ и Н—нъ. Ножъ этотъ такой большой, что его нельзя было не замѣтить. Нанесенныя Чихачеву раны различнаго свойства: пять порѣзныхъ и одна въ грудь колотая. Если рука свободна при нанесеніи удара ножемъ, такимъ какой былъ у Н—на, то рана всегда будетъ колотая, порѣзною же она явится только тогда, когда держащая ножъ рука не въ свободномъ состояніи, когда нельзя дѣйствовать ею съ размаху. Вотъ почему я полагаю, что въ то время, когда Раабенъ тащилъ Н—на на диванъ, въ эти нѣсколько секундъ, Н—нъ успѣлъ вытащить изъ кармана ножъ, раскрыть его и порѣзать въ нѣсколькихъ мѣстахъ Чихачева. Рука его освободилась, когда Раабенъ пустилъ его, чтобы схватить его обѣими руками сзади. Въ это мгновеніе Н—нъ и нанесъ Чихачеву колотую рану, на правой сторонѣ груди. Г. Чихачевъ въ пылу борьбы не чувствовалъ удара, замѣтивъ кровь ушелъ къ сестрѣ. Н—ну вытащили на лѣстницу, Н—на заперли въ прихожей, сначала онъ ругался, потомъ когда онъ увидѣлъ кровь на ножѣ, ему стало гадко, онъ и выбросилъ ножъ этотъ за окошко, не потому, чтобы онъ хотѣлъ скрыть орудіе преступленія, а потому, что ему самому стало противно то, что онъ сдѣлалъ. Черезъ нѣкоторое время Н—нъ узналъ, что Чихачевъ сильно раненъ; онъ выразилъ Попову свое глубокое сожалѣніе, что такъ случилось и что онъ это сдѣлалъ. Надо было составлять протоколы, на что потребовалось много времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что поздно вечеромъ Н—нъ захотѣлъ ѣсть или пить, потому что животныя потребности въ человѣкѣ появляются во всякомъ его положеніи.

Гг. присяжные засѣдатели! Я полагаю, что вы отнесетесь къ этому дѣлу совершенно безпристрастно, и что, изучивъ его, вы найдете, что оно вышло изъ рокового почти столкновенія между собою трехъ лицъ, которыя всѣ безъ исключенія при дурныхъ были надѣлены и весьма хорошими качествами души, людьми исполненными и доблестей, и пороковъ, людьми представляющими, какъ и все человѣческое, удивительную смѣсь прекраснаго и гадкаго, но оцѣните, какіе сильные мотивы заставили ихъ дѣйствовать другъ противъ друга. Такъ или иначе ясное пониманіе этихъ мотивовъ должно на мой взглядъ повести къ большему снисхожденію, къ такому же снисхожденію, къ какому располагаетъ изученіе исторіи человѣчества; были въ исторіи многолѣтнія столкновенія—люди проливали взаимно нѣсколько сотъ лѣтъ свою кровь. Цѣлыя столѣтія боролись католики съ протестантами, многіе года продолжалась французская революція. Теперь, когда кончились эти войны можно отнестись къ нимъ совершенно безпристрастно. Можно понять какъ должны были ненавидѣть себя взаимно народы, какія глубокія имѣли они на то причины, какъ много и съ той и съ другой стороны было хорошаго, но нѣтъ никакой надобности раздѣлять эту ненависть, которая кончена и погасла. Я полагаю, что вы произнесете справедливый приговоръ, если признаете Н—на виновнымъ въ томъ, въ чемъ онъ несомнѣнно виновенъ и отстраните обвиненіе въ томъ, въ чемъ едвали онъ виновенъ, а именно въ намѣреніи убить. Замѣтьте, что я избѣгалъ всякихъ объясненій натянутыхъ, я не доказывалъ, что убійство совершено въ дракѣ, или въ необходимой оборонѣ. Драки не было, только Н—нъ пришелъ драться. Необходимой обороны не было, потому что кто рѣшается другаго бить, тотъ не можетъ претендовать на то,что и его побьютъ. Г. Н—нъ зналъ, что ему не грозитъ опасность жизни, что въ худшемъ случаѣ онъ будетъ только арестованъ. Я только сомнѣваюсь въ возможности того, чтобы въ Н—нѣ могло

возникнуть намѣреніе убить. Я не могу допустить, чтобы въ одномъ человѣкѣ совмѣщались одновременно три намѣренія, хотя-бы расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ: намѣреніе вызвать на дуэль, побить и наконецъ убить. И первое и второе несовмѣстно съ третьимъ: намѣреніе вызвать на дуэль не совмѣстно съ намѣреніемъ убить. Все благородство дуэли заключается въ томъ, что вызывая противника, поединщикъ самъ подвергаетъ себя одинаковой съ нимъ опасности. Я понимаю, что убійца можетъ стараться избѣгнуть наказанія за убійство, симулируя дуэль. Но, чтобы человѣкъ серьезно стремящійся къ тому, чтобы вызвать противника на дуэль имѣлъ намѣреніе убить—это для меня непонятно. Мнѣ еще непонятнѣе, какъ можно соединить намѣреніе дать пощечину съ намѣреніемъ убить. Дача пощечины выражаетъ глубочайшее презрѣніе къ тому, кого бьютъ. По естественному сочетанію понятій слѣдуетъ заключить, что получившій пощечину, побитый недостоинъ того, чтобы въ крови его марать свои руки. Въ этомъ отношеніи Н—нъ ошибся. Онъ думалъ, что Чихачевъ такой человѣкъ, что, что-бы съ нимъ не случилось, онъ не оскорбится; но какъ ни безхарактеренъ былъ Чихачевъ, однако и въ немъ очнулась мысль и разъяренный бросился онъ на Н—на, сталъ его бить въ свою очередь. Тогда выведенный изъ себя Н—нъ почти безсознательно, машинально вынулъ ножъ и сталъ рѣзать и колоть кого попало, безъ намѣренія убить, но съ намѣреніемъ ранить. Я прошу, чтобы вы разрѣшили предстоящій вамъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Н—нымъ были нанесены сознательно только раны, имѣвшія послѣдствіемъ смерть Чихачева, за что Н—нъ долженъ понести отвѣтственность.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый признанъ *виновнымъ* въ нанесеніи съ намѣреніемъ смертельныхъ ранъ, въ запальчивости и раздраженіи, но безъ умысла на убійство; подсудимая *оправдана*.

15.

Дѣло Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Осенью 1872 г. въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, у котораго нерѣдко собирались по вечерамъ знакомые, и въ томъ числѣ дворянинъ Дмоховскій. Общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ «о нормальномъ человѣкѣ», а также о пропагандѣ въ народѣ экономическихъ воззрѣній, о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ и пр.

Съ апрѣля 1873 г. начинается постепенный переѣздъ указанныхъ лицъ въ Москву, гдѣ Долгушинъ пріобрѣтаетъ въ деревнѣ Сареево, Звенигородскаго у., 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу.

На этой дачѣ въ концѣ іюня 1873 г. стали печататься прокламаціи для распространенія ихъ въ народѣ.

Отпечатано было три сорта прокламацій преступнаго содержанія: «Русскому народу», «Какъ должно жить по закону природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ».

Всѣ члены кружка согласились принять участіе въ дѣлахъ разноса прокламацій, чтенія и разъясненія ихъ простому люду, но на самомъ дѣлѣ систематически привели это въ исполненіе, въ первой половинѣ сентября 1873 г., Васильевъ, Папинъ и Плотниковъ.

На основаніи сего, между прочими, Дмоховскій обвинялся въ томъ, что, напечатавъ, въ сообществѣ съ другими лицами, прокламаціи, направленныя къ возбужденію открытаго неповиновенія верхов-

ной власти, распространялъ таковыя съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно ст. 251 улож. о наказ.

Разбирательство дѣла происходило въ особомъ присутствіи правительствующаго сената съ 9 по 15 іюля 1874 г. (Правит. Вѣстникъ отъ 10 іюля 1874 г. № 162 и слѣд.).

Рѣчь въ защиту Льва Дмоховскаго.

Общая нить, связующая воедино этихъ 12 человѣкъ, изъ которыхъ многіе другъ съ другомъ вовсе незнакомы, суть тѣ прокламаціи, или брошюры, или статейки тайно оттиснутыя, которыя ходили по рукамъ—уголовное последствіе изобрѣтенія книгопечатанія. Каждый подсудимый болѣе или менѣе къ этимъ ядовитымъ оттискамъ прикосновененъ, но прикосновенность ихъ различная. Такимъ образомъ и защита подсудимаго должна по логической необходимости раздѣлиться на часть *общую*—изученіе относительной ядовитости содержанія прокламацій, и часть *особенную*—объясненіе связи и отношенія каждаго подсудимаго къ прокламаціямъ. Что касается *общей* части, то она состоитъ изъ разбора прокламацій. Обойти этотъ разборъ нельзя, каково бы ни было мое нежеланіе злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ; можетъ быть я скажу что-нибудь и лишнее, но на мнѣ лежитъ священная обязанность защиты сказать все то, что̀ можетъ послужить къ облегченію участи подсудимаго. Я не хочу, чтобы на моей душѣ лежалъ упрекъ, что я отнесся къ дѣлу сухо, формально, что я далъ увлечь себя неумѣстнымъ соображеніямъ, хотя бы такимъ, чтобы вамъ не надоѣстъ, не наскучить. Разборъ прокламацій дѣло далеко нелегкое, оно требуетъ особеннаго такта. Я не боюсь конечно, чтобы меня упрекнули въ томъ, что, забывъ мою присягу не говорить на судѣ ничего клонящагося къ ослабленію церкви, государства, собственности и доброй нравственности, и употребляя даръ слова, данный мнѣ только для облегченія участи подсудимаго, я воспользовался имъ, чтобы пропагандировать пре-

ступныя идеи. Я скорѣе опасаюсь того, чтобы невольно не увлечься возможностью полемизировать съ заблужденіями брошюръ, съ фальшью въ нихъ содержащеюся. Это было бы тоже некстати и не у мѣста. Итакъ, не пропаганда, и не полемика, а только строгая критика и немножко исторіи—вотъ что̀ возможно въ моемъ положеніи.

Есть три брошюры, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ печатались вмѣстѣ: «Русскому народу» и «Какъ должно жить по закону природы и правды», и третья, похожая на незаконнорожденное дитя, отъ коей всѣ отрекаются и никто не приписываетъ себѣ заслуги быть ея отцомъ. Каждое изъ этихъ произведеній надо изучить отдѣльно, чтобы опредѣлить ихъ относительную преступность, а такъ какъ у нихъ много общаго, то обнаружить и филіацію идей, и исторію происхожденія одной работы изъ другой, всѣ ли онѣ или нѣкоторыя содержатъ воззваніе къ бунту, или, можетъ быть, не воззваніе къ бунту, а къ сопротивленію власти и оспариваніе началъ собственности. Въ этомъ отношеніи я бы расположилъ эти брошюры такъ: «Какъ жить по закону природы и правды», «Русскому народу» и «Къ интеллигентнымъ людямъ». Двѣ первыя брошюры содержатъ въ себѣ опытъ популярнаго изложенія простонароднымъ великорусскимъ языкомъ экономической теоріи, извѣстной подъ школьнымъ именемъ соціализма или даже коммунизма, но и онѣ не могутъ быть названы самостоятельными. Брошюрка «Какъ надо жить» есть простое сокращеніе иностраннаго произведенія «О мученикѣ Николаѣ», которое было поймано на австрійской границѣ въ то время (13-го декабря 1873 г.), когда подсудимый сидѣлъ въ тюрьмѣ. Очевидно, она должна была находиться въ Россіи раньше, потому что нельзя предположить, что эта брошюра, бывъ напечатана въ Москвѣ, пошла за границу и оттуда возвращалась въ Россію. Это произведеніе заграничное, потому что передѣлка брошюры съ увеличеніемъ вдвое ея содержанія никогда не заключается въ

однихъ только вставкахъ и прибавкахъ, но, наоборотъ, весьма легко съ помощью нѣсколькихъ штриховъ карандаша сократить бо̀льшее произведеніе и сдѣлать изъ него меньшее. Если брошюра: «Какъ жить» есть простое сокращеніе книжки «О мученикѣ Николаѣ», то брошюра «Русскому народу» есть вольное подражаніе той же книжкѣ «О мученикѣ Николаѣ», въ которой идеи книжки получили бо̀льшую ясность, опредѣленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли и часть своей силы, своей ширины, своего размаха. Послѣдовательность этихъ работъ была по-моему такая.

Мы имѣемъ дѣло съ идеями и есть извѣстный общій фондъ идей, ходячихъ между самыми крайними людьми такъ-называемаго нашего молодаго поколѣнія. Я говорю молодаго, потому что большинство люди молодые, но есть между ними и пожилые. Этотъ общій фондъ одинаковъ и у обрѣтающихся въ Россіи, и у скитающихся за границею. Литературное свое выраженіе легче находятъ эти идеи за границею, во-первыхъ потому, что для нихъ за границей существуетъ полная и почти безусловная свобода печатанія, и во-вторыхъ потому, что тамъ, за границею, сильнѣе и тѣснѣе устанавливаются умственныя связи съ волнами рабочаго движенія, съ апостолами и философами рабочаго вопроса. Вотъ почему, хотя желаніе пропагандировать было еще въ 1872 году въ кружкѣ петербургскомъ Долгушина, но осуществленіе намѣренія наступило только тогда, когда нашлась подходящая иностранная книжка «О мученикѣ Николаѣ». Эта книжка, написанная съ силою, со страстью, съ извѣстнымъ несомнѣннымъ талантомъ, оказалась однако слишкомъ абстрактною для подсудимыхъ. Они ее обрѣзали и выбросили вопросы къ Руси непримѣнимые, но и въ такомъ видѣ вещица осталась всетаки слишкомъ отвлеченною; потомъ сдѣланъ еще новый шагъ отъ абстрактнаго къ конкретному и явилось посланіе къ «Русскому народу».

Итакъ, прежде всего остановимся на брошюрѣ «О мученикѣ Николаѣ» и на ея сокращеніи. Мученикъ Николай тутъ очевидно ни причемъ. Дѣло идетъ не о чудотворцѣ Николаѣ, святителѣ Церкви. Его имя поставлено только для отведенія глазъ, для того, чтобы на таможнѣ не придрались при осмотрѣ къ такой книженкѣ божественнаго содержанія въ память чудотворца, дабы въ народѣ жило и славилось его имя, повѣствующей о томъ, какъ его били, тиранили и мучили; но это всего 6, 7 строкъ, а затѣмъ мученикъ Николай пропадаетъ и вмѣсто него является бесѣдующій съ учениками учитель, вѣщающій слова правды, открывающій новый законъ. Кто этотъ Конфуцій—не объяснено, да и не надо; очевидно книжка предназначена для простонародья, а простой народъ только и постигаетъ законъ какъ заповѣдь власть имущаго, какъ приказъ царя, какъ внушеніе святителя церкви, пророка или боговдохновеннаго человѣка. Народу истина доступнѣе въ притчѣ, сказаніи, легендѣ, нежели въ видѣ логическаго вывода изъ общихъ идей. Мало ли ходитъ по міру легендъ о Христѣ и святыхъ, легендъ несхожихъ съ св. писаніемъ? Къ нимъ легко можетъ прибавиться еще одна. При переходѣ легенды изъ устъ въ уста таинственный учитель можетъ отождествиться съ Христомъ, который тоже бесѣдовалъ съ учениками. Этою вставкою мистическаго учителя и слогомъ, разсчитаннымъ на эффектъ, поддѣлывающимся подъ простонародную проповѣдь, выкупается отсутствіе въ книжкѣ всего божественнаго въ ученіи, даже обходъ имени Бога. Не будь этого суррогата, даже простые люди были бы поражены и не могли бы уразумѣть, что сочинители созидаютъ рай безъ Бога. Если отъ внѣшней формы перейти къ содержанію брошюры, то слѣдующій первый коренной законъ правды, преподанный учителемъ, есть тотъ, что *всѣ люди равны*. Да это же законъ Христа, заповѣдь Христова! Нѣтъ, не совсѣмъ. Равенство, преподаваемое въ книжкѣ, иного рода, равенство особенное.

Люди не только равны, но даже и совсѣмъ одинаковы. При равныхъ условіяхъ воспитанія и богатства они должны походить другъ на друга какъ песчинки, какъ кирпичи, какъ тѣ тарелки изъ бѣлой жести, которыхъ производство посредствомъ машиннаго штомпованія ѣздилъ изучать подсудимый Дмоховскій. Всѣ люди родятся голыми, малыми, слабыми. Если съ пеленокъ учить, содержать и воспитывать ихъ одинаково, давая имъ равное, то не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни ученыхъ, ни безграмотныхъ, ни гордыхъ, ни смиренныхъ, и между людьми будетъ единственно и исключительно та только разница, что одни будутъ находиться ближе къ центру, другіе къ окружности, что одинъ ляжетъ кирпичемъ въ цоколь общественнаго зданія, а другой помѣстится у крыши. Всѣ могутъ быть учеными, если они равно обучены. У заграничнаго автора брошюры есть какъ будто бы нѣкоторое предчувствіе, что эта аксіома въ ея абсолютномъ видѣ невѣрна, что у Степы голова можетъ быть больше, чѣмъ у Ивана а у Васи нога больше чѣмъ у Андрея, слѣдовательно шапку для Степы — выкроить побольше и сапоги разбить для Васи на большую колодку. Уступочка крошечная, но растяните, и она въ щепки разобьетъ всю теорію, потому что можетъ быть Степѣ и ѣсть надо давать побольше и если онъ нервнѣе, впечатлительнѣе, способнѣе, то и учить его надо побольше, вслѣдствіе чего онъ выйдетъ и ученѣе и умнѣе другихъ. Перепечатчики книжки и эту уступку вычеркнули. Равенство людей у нихъ полное, абсолютное. Но если они уничтожили и устранили ту малую относительность кореннаго закона правды, заповѣданнаго учителемъ, законъ который свѣтлѣе свѣта небеснаго, восхитительнѣе всего восхитительнаго и отъ него же возрадуются люди больше чѣмъ отъ всѣхъ радостей земныхъ и небесныхъ, то они за то побоялись усвоить себѣ всѣ выводы автора изъ этого закона, а выводы эти дѣйствительно смѣлые и радикальные: 1) всѣ люди равны—значитъ грѣхъ человѣку слу-

жить у человѣка; 2) всѣ люди равны—слѣдовательно вся земля общая и нѣтъ помѣщиковъ, матушку землю закрѣпощающихъ; 3) всѣ люди равны—и земля, т. е. помѣщеніе, у всѣхъ общее, слѣдовательно домовладѣлецъ такой же разбойникъ, какъ помѣщикъ. Съ жильцовъ брать плату за квартиру есть беззаконіе и мерзость. Домъ не промыселъ, не торговое предпріятіе, а каждый годъ жители города мечутъ жребій, гдѣ кому прожить. Изъ всей системы I ч. X тома свода законовъ гражданскихъ тремя одновременными ударами вычеркиваются контракъ личнаго найма, поземельной собственности и контрактъ аренды. Изъ этихъ трехъ выводовъ перепечатчики усвоили себѣ вполнѣ только средній, отмѣну частной поземельной собственности. Вся земля общинная; бѣдный, голодный идетъ изъ города въ село какое угодно, куда захочетъ, когда наступитъ время надѣла и скажетъ: прошу, дайте мнѣ кормиться отъ груди матери нашей земли. И дадутъ ему надѣлъ равный. Злодѣи поганые, тѣ которые говорятъ, что набьется людей много и будетъ отъ нихъ тѣснота великая. Развѣ труженикъ пойдетъ, гдѣ и безъ него тѣсно. Если всѣмъ будетъ даваться равное, то тотъ, кто другихъ стѣснитъ и самъ себя стѣснитъ; для другихъ сдѣлается голодно, и самъ онъ будетъ голодать. Кто въ городѣ сытъ, развѣ пойдетъ въ село? Перепечатчики робко и издалека только нападаютъ на личный наемъ: кто другаго найметъ, чтобы землю пахать и косить, тотъ трижды проклятъ: онъ землю мать продаетъ и людей братьевъ служить себѣ заставляетъ. Наконецъ, отъ коммунизма въ домахъ и отъ жребья раздачи квартиръ они совсѣмъ отказались, вѣрно находя эту идею уже сильно неподходящею къ понятіямъ и чуждою интересовъ деревенскаго мужичья, для котораго главнѣйше и назначалась проповѣдь. Итакъ, въ брошюрѣ провозглашается законъ равенства и какъ практическое его послѣдствіе ученіе всѣхъ смолоду одинаковое, и упраздненіе поземельной собственности. Но это еще не весь

законъ правды. Какъ награда для тѣхъ, которые постигнутъ законъ равенства свѣтлымъ умомъ и чистымъ сердцемъ, предлагается любовь братская, отъ которой отъ одной счастіе и радости рождаются. Какъ видите, гг. судьи, тутъ все навыворотъ. Логическій порядокъ понятій очевидно такой: возлюбите другъ друга, доведите эту любовь до бѣлокаленія, и тогда безъ труда и сами собою и нравы смягчатся и будетъ въ равенствѣ счастіе и благодать. Но въ брошюрѣ, наоборотъ, любовь есть результатъ и порожденіе равенства: любовь въ той мѣрѣ водворяется, по словамъ брошюры, въ какой законъ равенства исполняется, таково послѣднее слово учителя, запечатлѣнное его слезою горючею. Сдѣлаемся сначала равными и одинаковыми, а затѣмъ будемъ другъ друга сладчайше любить. Такихъ перестановокъ, послѣдующаго вмѣсто предыдущаго, слѣдствія вмѣсто причины бездна въ брошюрѣ. Ни въ одномъ мѣстѣ эта логика навыворотъ, это поставленіе послѣдующаго вмѣсто предыдущаго, перестановка причинъ и слѣдствія не являются въ болѣе поразительномъ видѣ, какъ въ разрѣшеніи вопроса: откуда взялось беззаконіе и чѣмъ оно держится?

Вопросъ дѣйствительно чрезвычайно трудный и сбивающій съ толку. Если это законъ природы, то онъ долженъ бы былъ примѣняться отъ начала міра, а міръ, если имѣетъ начало, то существуетъ многія сотни тысячелѣтій; если же равенство искони не существовало, то оно не законъ природы и за него нельзя такъ крѣпко и стоять. Для людей положительной науки рѣшеніе задачи незатруднительно. Равенство есть послѣднее требованіе культуры, это есть то, до чего дорабатывается мысль человѣческая послѣ многихъ тысячелѣтій существованія. Очевидно, что этотъ законъ равенства не былъ присущъ ни допотопному человѣку — современнику мамонта и пещернаго медвѣдя, ни нашему праотцу славянину, умыкавшему женъ и продававшему дѣтей въ рабство. Но такое разрѣшеніе во-

проса располагаетъ къ тому, чтобы ожидать терпѣливо его осуществленія и содѣйствовать успѣхамъ идеи равенства неказистою медленною работою каждаго проживаемаго дня. Для подсудимыхъ это рѣшеніе не подходящее. Какое же другое рѣшеніе возможно? Оно состоитъ въ томъ, чтобы поставить уже въ прошломъ ипотезу о вѣкѣ золотомъ, послѣ котораго послѣдующее время было только паденіемъ. Это отчасти точка зрѣнія богословская. Въ этомъ одномъ пунктѣ брошюра, которая далека отъ религіозности, слѣдуетъ однако по стопамъ богослововъ. Конечно, въ ней не сказано, что все зло произошло отъ дьявола, отъ сатаны, но сказано почти тоже: «беззаконіе проистекаетъ отъ злодѣйствій и преступленія». Спрашивается откуда же взялось само преступленіе? Это рѣшеніе предлагается брошюрою и, ничего не рѣшающее, даетъ автору возможность обратиться къ исторіи и прежде всего къ русской исторіи и изобразить въ искаженномъ видѣ русскую исторію, начиная отъ Петра Великаго. Это мѣсто брошюры одно изъ самыхъ непріятныхъ для разбора. Всѣ перемѣны правленій, происходившія, считая отъ Петра Великаго, изображены какъ крамола боярская, какъ насиліе и интриги высшихъ владѣющихъ классовъ...

Первоприсутствующій. Я васъ здѣсь остановлю. Вамъ извѣстно, что чтеніе прокламацій было только для насъ, поэтому я просилъ бы васъ, на сколько возможно, не приводить того, что говорится въ брошюрѣ о русской исторіи. Да этого мнѣ кажется и не нужно...

Пр. пов. Спасовичъ. Я не могу не отмѣтить, что во всей исторіи отъ Петра нѣтъ ничего похожаго на одобреніе злодѣйствъ и насилій. Авторъ выгораживаетъ себя самымъ тщательнымъ образомъ и гласитъ: «что мы въ этихъ событіяхъ не причастны, что во всемъ виноваты противники наши, враги затѣяннаго нами движенія», апостоломъ котораго является авторъ брошюры. Я повторяю, что нѣтъ никакой солидарности между исторіей Россіи, какъ она изображена въ брошюрѣ, и авторомъ.

Я кончилъ разборъ брошюры. Если вникнуть въ содержаніе ея, то очевидно брошюра эта не хороша, очевидно, что во многихъ отношеніяхъ она вызываетъ не только рѣзкую критику, но даже, можетъ быть, и примѣненіе уголовнаго закона. Но какого рода является здѣсь преступность: въ формѣ или въ содержаніи? Я полагаю—главнымъ образомъ въ содержаніи, такъ какъ законъ не дѣлаетъ различія между формою и формою, такъ что если-бы можно было изобразить преступную мысль геометрическою фигурою или алгебраическою формулою, то мысль преступная лежитъ въ основаніи рисунка; форма популярная служитъ только обстоятельствомъ, усиливающимъ вину. И такъ брошюра осуждена. Вина есть, но какая? предусмотрѣнная въ 1037 ст. улож. о нак. Несомнѣнно, что въ этой книжкѣ есть оспариваніе начала собственности, т.-е. одного изъ самыхъ крѣпкихъ видовъ собственности — собственности поземельной. Это оспариваніе, какъ напомнилъ мой товарищъ по защитѣ, въ другихъ странахъ, при другихъ условіяхъ, не явилось-бы такимъ преступнымъ, какъ у насъ. Есть страны, гдѣ жизнь сложилась иначе и гдѣ совершенно возможны напримѣръ митинги и не только книги, но и публичныя разсужденія о томъ: существовать ли собственности, государству, религіи или не существовать? Я укажу на движенія чартистовъ въ Англіи въ 1848 году, но укажу при возможности оправданія, и на условія ненаказуемости. Условія эти суть: весьма высокая культура, нравы крѣпкіе, здоровые и обратившаяся въ плоть и кровь привычка легальности, до того сильная, что если является новая идея, то никогда и ни въ какомъ случаѣ не предполагается, чтобы она могла осуществиться, насильственно нелегальными путями. У народа съ высокой культурой, какъ у человѣка съ высокимъ образованіемъ, между впечатлѣніемъ, которое онъ принимаетъ извнѣ, и между рефлексомъ этого впечатлѣнія, т. е. дѣйствіями, поступками, есть огромная про-

межуточная область перерабатыванія впечатлѣній, вслѣдствіе котораго результаты воспринятаго являются ни въ малѣйшей степени непохожими на само воспринятое въ его первоначальной формѣ. У высоко образованныхъ народовъ есть громадная разница между словомъ и дѣломъ. Если даже такая идея, какъ отрицаніе основъ общественнаго порядка явится, но явится въ обществѣ такомъ, которое умѣетъ разсуждать, и если она явится съ тѣмъ, что она можетъ быть осуществлена никакъ не раньше 100, 200 или болѣе лѣтъ, то она вовсе не опасна, потому что чрезъ 100 или 200 лѣтъ новая идея перестанетъ быть страшною. Можетъ быть, она приладится къ существующему, можетъ быть и вытѣснитъ существующее безъ всякихъ насилій. Все таки замѣтимъ, что указанныя мною условія не существуютъ вполнѣ ни у одного изъ народовъ на материкѣ Европы; они не существуютъ и у насъ. Наши нравы грубѣе, скорѣй всего сейчасъ же происходитъ переводъ идей, примѣненіе ихъ къ дѣлу. То, что вычиталось, тотчасъ же и усвоено безъ достаточнаго обсужденія, какъ и что примѣнить. Вотъ почему законъ въ 1037 ст. улож. о нак. запрещаетъ это оспариваніе въ печати начала собственности. Подъ эту ст. 1037 подходятъ безусловно всѣ брошюры. Мало того, я полагаю, что эти брошюры подходятъ и подъ 1036 ст., которая запрещаетъ возбужденіе вражды въ одномъ классѣ населенія противъ другаго. Брошюра изобилуетъ выраженіями возбуждающими вражду, бросаемыми въ народъ какъ горящія уголья. Въ брошюрѣ сказано, что каждый свой животъ да положитъ и въ случаѣ надобности да прольетъ кровь сражаясь, т. е. отстаивая свои идеи. Въ одномъ мѣстѣ брошюры сказано, что благословеніе будетъ надъ тѣмъ, кто кровь проливаетъ, землевладѣльцевъ уничтожаетъ и богачей смиряетъ. Понятно, что эти выраженія нельзя брать въ дословномъ смыслѣ. Если взять общее впечатлѣніе, которое производитъ брошюра, то оно дѣйствительно такое, какъ говорилъ мой товарищъ по защитѣ,

что нельзя въ нихъ видѣть воззванія къ оружію, какъ нельзя видѣть въ словахъ Іисуса Христа: «Я принесъ не миръ, а мечъ»...

Первоприсутствующій. Сдѣлайте милость, оставьте это.

Пр. пов. Спасовичъ Я полагаю, что можно было бы съ нѣкоторымъ основаніемъ говорить, что подсудимые могли бы быть обвинены по 274 ст. улож. о нак., за возбужденіе къ неповиновенію или сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ. Я въ брошюрѣ вижу одно такое мѣсто, которое для подсудимыхъ въ этомъ отношеніи опасно. Здѣсь говорится только о воинствѣ и житіѣ его казарменномъ, которое между прочимъ не одному воинству а и всему народу готовили бы сами наши реформаторы. Книжка предлагаетъ солдатамъ дѣлать по возможности *тайкомъ* послабленія страдающему, укрощаемому мужику. Эти выраженія есть и вы ихъ припомните. Но если они разполагаютъ къ чему-либо противозаконному, то никакъ не къ прямому сопротивленію власти. Авторъ не предполагаетъ даже мысли о томъ, чтобы солдатъ могъ не исполнить того, что ему приказываютъ, а проситъ только о слабомъ исполненіи того, что предписывается. Затѣмъ во всей этой брошюрѣ я не вижу ничего такого, что могло бы быть подведено подъ понятіе возбужденія къ бунту. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи я схожусь съ самимъ обвинителемъ, который на эту брошюру не указалъ и замѣтилъ, что эта брошюра чисто соціалистическаго содержанія. Что касается до второй брошюры, то разборъ ея будетъ весьма коротокъ, потому что она уже разобрана моимъ товарищемъ по защитѣ. Но я обращаю вниманіе гг. судей на крупную разницу въ постановкѣ главнаго вопроса между первою и второю брошюрами. Первая идея, которая служитъ точкою отправленія, есть та откуда взялась та жизнь впроголодъ, та бѣдность, которая гнететъ и не даетъ жить свободно. Нельзя ли устроить такъ, чтобы не было этой бѣдности, чтобы всѣмъ было

хорошо? Авторъ предполагаетъ что можно; въ брошюрѣ о «мученикѣ Николаѣ» предлагались для упроченія зла двѣ вещи: равенство и братство. Въ брошюрѣ къ «Русскому народу» предлагается равенство и спутникъ его свобода. Мнѣ кажется, что подставленіе свободы вмѣсто братства нехорошо, нелогично. Мнѣ кажется, что авторъ брошюры о «Николаѣ» совершенно основательно выпустилъ свободу, а началъ равенствомъ и кончилъ любовью, потому что бракъ между равенствомъ и свободою можетъ быть только неровный, морганатическій, чего не отрицаютъ и теоретики соціализма. Собственно говоря свобода не можетъ быть спрягаема съ равенствомъ. Свобода всегда предполагаетъ возможность трудиться или лѣниться, употреблять или злоупотреблять. Свобода предполагаетъ отвѣтственность, слѣдовательно различіе въ послѣдствіяхъ отъ дѣяній человѣческихъ, значитъ и безконечныя различія между людьми, различія, которымъ законъ старается противодѣйствовать косвенно, препятствуя тому, чтобы различіе, которое образуется между людьми, отъ ихъ личныхъ качествъ и случая не сдѣлались различіями вѣковыми наслѣдственными, переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ прокламаціи «Русскому народу» свобода выводится такимъ образомъ, что гдѣ есть неравенство тамъ есть богатые и бѣдные, сильные и слабые, а гдѣ есть эти противоположности, тамъ непремѣнно угнетеніе, а гдѣ угнетеніе тамъ не можетъ быть свободы. Конечно въ обществѣ, основано ли оно на равенствѣ по идеалу подсудимыхъ, гдѣ всѣ точь въ точь другъ на друга похожи, гдѣ всѣ помѣщены одинаково и получаютъ одинаковыя порціи корму,—не будетъ угнетенія одного лица другимъ лицомъ, но будетъ хуже: подавленіе единицы массою, поглощеніе единицы стадомъ, такое построеніе общества, въ которомъ жить будетъ тошно, скучно, нежелательно, и негдѣ развернуться неисчерпаемому богатству природы человѣческой. Такова коренная ошибка въ постановкѣ вопроса. Съ высотъ этихъ теоретиче-

скихъ основаній авторъ спускается прямо на Русь, и повѣствуетъ о крѣпостномъ правѣ и его отмѣнѣ; говоритъ, что оно было уничтожено, потому что казнѣ понадобились деньги, а слѣдовательно и болѣе состоятельные плательщики податей. Затѣмъ онъ переходитъ къ тѣмъ практическимъ требованіямъ, изложеннымъ по пунктамъ, которыя уже разобраны и которыя состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ элементовъ. Первыя два требованія—одно объ уничтоженіи оброковъ и другое о передѣлѣ земли,—чисто соціалистическія; они даже цѣликомъ заимствованы изъ брошюры «О мученикѣ Николаѣ», нѣкоторыя выраженія взяты прямо изъ этой брошюры, напр. «земля общая кормилица» и т. д. Что касается до другихъ четырехъ требованій, то я могъ бы назвать ихъ проектами реформы административной съ нѣкоторыми оттѣнками политическими. Мало того, всѣ эти реформы были разбираемы нашею печатью, конечно, не съ такою рѣзкостью въ формѣ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже отчасти осуществлены законодательствомъ или будутъ осуществлены въ близкомъ будущемъ (общая воинская повинность, пересмотръ паспортнаго устава). Послѣднее требованіе, въ оцѣнку котораго я впрочемъ не вхожу, требованіе о томъ, чтобы земскіе люди участвовали въ постановленіи платимыхъ ими податей и въ расходованіи этихъ податей, ослабляется въ своей преступности—если оно преступно — тѣмъ что земскіе люди въ земскихъ собраніяхъ вотируютъ уже теперь извѣстныя подати. Мало того, нынѣ признано что отъ участія выборныхъ нисколько не измѣняется форма правленія. Въ Россіи эта форма правленія — монархическая. Ни одна строка, ни одно слово въ брошюрѣ не затрогиваетъ вопроса о формѣ правленія, вопроса о принципѣ монархіи; нѣтъ здѣсь никакого воззванія къ бунту, къ ниспроверженію существующаго порядка, къ сопротивленію распоряженіямъ правительства, къ измѣненіямъ формы правленія. Всѣ эти предложенія могли бы считаться бунтовщическими, если бы они кончались словами:

«возстанемте и осуществимъ немедленно задуманное»! Но ничего подобнаго въ брошюрѣ нѣтъ. Какимъ же образомъ предлагается осуществить всѣ эти предположенія? Можно сказать самыми комическими — иначе я не могу отнестись къ тому, что предлагаетъ авторъ. Его проектъ походитъ на то, какъ если бы человѣкъ двадцать, тридцать, сто или болѣе отправились на берегъ Невы и стали дуть на воду съ тѣмъ, чтобы произвести волненіе, и всколыхать водяную поверхность. Здѣсь тоже самое. Нѣсколько человѣкъ дворянъ и людей изъ средняго класса, въ числѣ которыхъ замѣшался только одинъ крестьянинъ, который притомъ дѣйствовалъ не самостоятельно, идутъ въ эту страшную гущу, гдѣ 70 милліоновъ, гдѣ по крайней мѣрѣ 60 милліоновъ простолюдиновъ, они несутъ народу свою программу соглашенія въ 6 пунктикахъ съ тѣмъ, чтобы изъ села въ село, изъ города въ городъ, изъ губерніи въ губернію всѣ сельскія, городскія, уѣздныя единицы отозвались на зовъ и сказали, что они шесть пунктиковъ принимаютъ. Во всякомъ случаѣ, если разбирать относительную опасность агитаціи, то я полагаю, гораздо опаснѣе тѣ люди, которые стоятъ у самой машины и хватаютъ руками за зубцы въ удобное время, въ удобный часъ, чтобы произвести какое нибудь поврежденіе въ машинѣ, чѣмъ тѣ, которые стремятся къ разрушенію общества такимъ страннымъ и окольнымъ путемъ, что сначала обходятъ народъ образомъ пѣшаго хожденія «по вѣсямъ и градамъ» Россійской Имперіи. Независимо отъ того, что подобная пропаганда сейчасъ должна была встрѣтить и встрѣтила сопротивленіе окружающей среды въ лицѣ перваго сотскаго, десятскаго и становаго пристава, она требовала еще чрезвычайно продолжительнаго времени, цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, что̀ въ политикѣ очень важно.

И такъ, если по 251 ст. напечатаніе воззванія къ бунту признается приготовленіемъ или началомъ приготовленія, то воззваніе къ «Русскому Народу», которое не

имѣетъ цѣлью даже возмутить народъ, а только подготовить почву, поставить народъ въ такое положеніе, чтобы онъ пораздумалъ и усвоилъ извѣстные пунктики, воззваніемъ къ бунту не можетъ быть признано. Вотъ почему эта брошюра подъ 251 ст. не подходитъ. Если разложить составные ея элементы, то въ ней есть соціалистическій элементъ, который подходитъ подъ статьи, о которыхъ я сказалъ въ первой части рѣчи, и затѣмъ есть элементъ политическій въ четырехъ предложеніяхъ, которыя только по формѣ предосудительны и никакъ не могутъ быть осуждаемы даже въ такой степени, въ какой достойны наказанія предложенія соціалистическія.

Мнѣ остается разобрать третью самую малую прокламацію, отъ которой всѣ открещиваются— «Къ интелигентнымъ людямъ». Она состоитъ изъ 36 строкъ и напечатана, какъ вамъ, гг. судьи, извѣстно, инымъ образомъ, нежели двѣ первыя, на немоченой бумагѣ, слѣдовательно, можетъ быть, не въ одно время съ остальными; она написана довольно цвѣтистымъ литературнымъ слогомъ. Ея начало, состоящее изъ 32 строкъ, нисколько не походитъ на четверостишіе, составляющее ея конецъ. Начало воззванія написано въ тонѣ соціалистической проповѣди, и все содержаніе этой несравненно менѣе криминальной брошюры, чѣмъ обѣ первыя, портится послѣдними четырьмя строками. Эти стихи какъ будто бы живьемъ вырваны изъ пѣсенекъ, которыхъ довольно полный подборъ имѣлся у многихъ изъ привлеченныхъ къ слѣдствію. Ихъ могъ приставить къ соціалистическому началу только человѣкъ, который слышалъ, что гдѣ то звонятъ, но не зналъ гдѣ звонятъ и у котораго перепуталась политическая агитація, съ соціалистическою. Отличительная черта соціализма есть антагонизмъ между землевладѣльцами—капиталистами и рабочимъ классомъ. Въ этомъ вся суть. Этотъ взглядъ въ соціализмѣ есть корень всего ученія, въ немъ сила, въ немъ и односторонность пониманія задачи.

Для задающагося осуществленіемъ ученія соціализма все остальное безразлично: и форма правленія и государственное устройство. Вотъ почему, если бы соціалистъ писалъ воззваніе къ интелигентнымъ людямъ, то такой политической выходкой онъ не могъ бы его окончить, и вотъ почему такъ отказываются отъ этой брошюры эти люди, считающіе себя послѣдователями соціализма.

Я кончилъ разборъ брошюръ. Я полагаю, что изъ числа ихъ нужно выдѣлить «Къ интелигентнымъ людямъ» и отнести ее не къ цѣлому обществу, а къ тому, кто ее составилъ и напечаталъ безъ участія другихъ, если онъ можетъ быть открытъ. Если его открыть нельзя, тогда эту брошюру нужно отложить. Что касается до двухъ остальныхъ, то если сложить ихъ вмѣстѣ, выходитъ, что въ нихъ имѣется оспариваніе начала собственности, имѣется возбужденіе вражды между сословіями. Что касается до того какъ вы отнесетесь къ этимъ двумъ преступленіямъ, то я полагаю, что вы, гг. судьи, отнесетесь во-первыхъ какъ юристы, привыкшіе укладывать факты жизни въ клѣточки законодательныхъ опредѣленій, во-вторыхъ, какъ люди житейски опытные, и опредѣляющіе зло не только по его вѣтвямъ, но и по корнямъ, не только по слѣдствіямъ, но и по источникамъ зла. Послѣдствія преступленія неважны, никакихъ волненій и смятеній брошюры не могли произвести. Вся эта исторія лишена драматическаго элемента. Въ ней нѣтъ никакихъ страстей, страданій, никакой пролитой крови, никакихъ злодѣяній, которыя бы осложняли ее. Если она сдѣлала несчастныхъ, то единственный несчастный это развѣ тотъ бѣдный крестьянскій мальчикъ, котораго я почти касаюсь правою рукою. Если вникать въ источникъ зла, то дѣйствительно, каждый признаетъ, что настоящее преступленіе вытекло изъ заблужденій ума, а не испорченности сердца. Противъ заблужденій ума есть великое лекарство, которое все излечиваетъ, и неизлечи-

ваетъ только того, кто, какъ говоритъ пословица, горбатъ: «горбатаго» исправитъ только могила; лекарство простое — это время. Вы знаете, что въ исторіи не только нашего народа, но всего человѣчества, заблужденія ума играютъ роль не послѣднюю. Если взять нашу исторію, то въ ней идетъ сначала цѣлая полоса заблужденій въ формѣ религіозной, даже оппозиція противъ петровскихъ реформъ облекается въ эту форму религіозности. Затѣмъ съ половины прошлаго столѣтія до второй четверти нынѣшняго идетъ полоса заблужденій политическихъ: франкъ — масоны, иллюминаты, конституціонализмъ. Въ концѣ 40 годовъ начинается цѣлая полоса заблужденій соціалистическихъ. Я былъ еще юношею, когда наказаны были фуріеристы. Съ этихъ поръ эти типы повторяются. Относительно нашего общества нужно сказать тоже, что и относительно другихъ обществъ. Россія страна, гдѣ народу бездна. Вотъ почему, какъ пошло одно заблужденіе, какъ зарядили имъ, такъ и пошло оно до безконечности, цѣлые десятки лѣтъ, пока жизнь не сложится иначе, пока не произойдетъ метаморфоза. Такъ, напримѣръ, сколько было сектъ религіозныхъ, основанныхъ на толкованіи той или другой части св. писанія, или на томъ, какъ креститься: двумя или тремя пальцами...

Первоприсутствующій. Сократите эти объясненія.

Пр. пов. Спасовичъ. Продолжительность заблужденія есть отличительная черта и нашего соціализма. Наши соціалисты такіе-же старовѣры какъ и раскольники, какъ задались они мыслью создать нормальнаго человѣка, производить подобныхъ людей способомъ педагогическаго штампованія, такъ на томъ стоятъ и донынѣ. Это опять доказываетъ, что въ настоящую минуту умъ русскій въ особенности воспріимчивъ для извѣстныхъ соціальныхъ идей...

Первоприсутствующій. Я прошу прекратить эти разсужденія. Они совершенно неумѣстны.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ особой части моей защиты, относящейся къ участію Дмоховскаго въ

дѣлѣ прокламацій. Дмоховскій занимаетъ въ этомъ дѣлѣ особое мѣсто; онъ зналъ о замышленномъ предпріятіи съ самаго его начала, и даже можетъ быть содѣйствовалъ ему, но непосредственно руки своей къ этому дѣлу не прикладывалъ. Онъ прежде всего техникъ; онъ можетъ быть болѣе техникъ, чѣмъ кто либо изъ людей, принадлежащихъ къ категоріи подсудимыхъ; притомъ онъ человѣкъ практическій, безъ малѣйшаго притязанія на литературныя дарованія и способности, онъ весь проза: онъ не могъ бы поэтически написать и двухъ строкъ. Дмоховскій познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ 1872 г.; они сошлись въ мастерской Верещагина, сошлись и подружились. У нихъ были общіе дѣловые интересы и общія сердечныя симпатіи. Они оказались оба соціалистами. Когда Долгушинъ уѣзжалъ въ началѣ 1873 г., то управленіе мастерской онъ довѣрилъ Дмоховскому, который оставался управляющимъ до марта 1873 г. Въ мартѣ 1873 г., когда Долгушинъ возвратился, мастерская была переведена въ Москву. Друзья разстались, не зная еще куда каждый изъ нихъ обратится. Дмоховскій затѣялъ поѣздку за границу. Въ поѣздкѣ этой обвиненіе усматриваетъ противозаконныя цѣли, которыхъ однако оно не объясняетъ. Изъ показаній Платонова и Верещагина извѣстно, что Дмоховскій ѣхалъ за границу во 1-хъ, изучать клеевареніе, а во 2-хъ, штампованіе посуды. За приготовленіе записки по тому и другому производству ему были обѣщаны вознагражденія. Можетъ быть сверхъ этихъ двухъ задачъ Дмоховскій имѣлъ еще какіе нибудь иные виды, которыхъ я не знаю, но я сомнѣваюсь, чтобы эта поѣздка имѣла связь съ печатаніемъ прокламацій, чтобы Дмоховскій ѣздилъ для пріобрѣтенія типографскихъ принадлежностей: машины и шрифтовъ, потому что еслибы онъ ѣздилъ за этимъ, то понятно на дачѣ въ Сареевѣ мы не встрѣтились бы со станкомъ, который напоминаетъ времена первобытныя, производство недалеко ушедшее отъ Гуттенберга. Приспособленія ти-

пографскія могли быть пріобрѣтены въ самой Россіи, не ѣздя заграницу. Вернувшись изъ путешествія въ Москву, Дмоховскій поселяется на заводѣ у Платонова. Здѣсь посредствомъ Курдаева и Сахаровой, которая пріѣхала къ нему въ Москву, возобновляются его сношенія съ Долгушинымъ; здѣсь онъ впервые узналъ отъ Курдаева о покупкѣ Долгушинымъ дачи въ Сареевѣ. Онъ ѣдетъ туда 9-го іюня съ Сахаровою, но, не доѣхавъ по причинѣ дурнаго состоянія пути, возвращается; только 13-го числа имѣетъ свиданіе со знакомыми послѣ долгой разлуки; тогда по показанію Долгушиной рѣшено было между находившимися на дачѣ мужчинами, что обѣ женщины не будутъ оставаться на дачѣ, такъ какъ онѣ своимъ присутствіемъ только мѣшали бы предпріятію. Нужно было устроить ихъ переѣздъ въ Москву. Кому поручить провожать ихъ? обязанность эту беретъ на себя Дмоховскій. Дмоховскій зналъ, или узналъ въ то время о томъ, что на дачѣ будетъ происходить печатаніе, онъ зналъ даже о содержаніи тѣхъ двухъ брошюръ, которыя приготовлялись печатать. Г. обвинитель говорилъ, что Дмоховскій ни словомъ не промолвился о томъ, что онъ зналъ, что именно печаталось. Но это произошло потому, что его не спрашивали объ этомъ, если бы его спросили, то, конечно, онъ сказалъ бы, что печатались двѣ брошюры: «Русскому народу» и «Какъ должно жить по закону природы и правды». Онъ помогъ друзьямъ и отвезъ женщинъ въ Москву по желѣзной дорогѣ 14-го іюня. Я указываю на числа и прошу ихъ запомнить. Противникъ мой говоритъ, что на цифры не нужно обращать вниманія. Я же, напротивъ, полагаю, что они чрезвычайно важны. Безъ чиселъ вы спутаете все дѣло. Будетъ какая то каша и не опредѣлится на сколько и кто къ чему причастенъ. Я вѣрю тѣмъ числамъ, которыя засвидѣтельствованы не однимъ Дмоховскимъ, но и свидѣтелями. Между данными дѣла, есть прочтенное на судѣ показаніе г-жи Долгушиной, которое признано особымъ присутствіемъ,

имѣющимъ доказательную силу, коль скоро присутствію угодно было разрѣшить его прочесть. Пріѣхавъ 14-го іюня въ Москву, женщины помѣстились въ нанятой для нихъ квартирѣ, на Шабаловкѣ. Самъ Дмоховскій занимался въ это время у Платонова. Правда, онъ не пребывалъ безотлучно на заводѣ, но по его словамъ, въ этомъ и нужды не предстояло, потому что еще не была привезена чешуя и приборъ для клееваренія не былъ готовъ. Однако же, всетаки онъ былъ на заводѣ ежедневно и Платоновъ замѣтилъ его неакуратность только тогда, когда ему пришлось ѣхать въ Сареево за женщинами. Вамъ извѣстно, что до Сареева 35 верстъ обыкновеннаго проселка, и чтобы отправиться туда, нужно потерять по крайней мѣрѣ сутки. Ѣхать по желѣзной дорогѣ неудобно, потому что отъ станціи Одинцова до дачи 11 верстъ, которыя нужно идти пѣшкомъ. Такимъ образомъ участвовать въ томъ, что дѣлалось въ Сареевѣ, Дмоховскій не могъ, хотя онъ зналъ, что тамъ дѣлается. Такія отношенія продолжались съ половины іюня до половины іюля, то-есть до того числа передъ Ильинымъ днемъ, когда совершилась по окончаніи печатанія перевозка типографскихъ принадлежностей въ Москву, удостовѣренная множествомъ крестьянъ. Почему совершилась эта перевозка? Очевидно что была окончена работа, что все, что нужно сдѣлать въ Сареевѣ, сдѣлано. Крестьяне, которые помогали перевозить вещи, говорятъ, что въ числѣ вещей были: машина, неуложенная въ ящики, касса со шрифтомъ, два боченка съ краскою, но не говорятъ, чтобы въ числѣ вещей находилась бумага напечатанная, а между тѣмъ это такой предметъ, котораго нельзя бы не замѣтить. Типографскія принадлежности были перевезены въ домъ Степанова. Они пріобрѣтены были Дмоховскимъ, имѣвшимъ на нихъ счетъ особыя намѣренія, которыя онъ изъяснилъ предъ вами. У него былъ замыселъ устроить особую тайную типографію, для печатанія статей противъ собственности. Эта идея не осуществилась, но вслѣдствіе

ея онъ купилъ типографскія принадлежности у Долгушина. Спрашивается, на какія средства онъ ихъ купилъ? Онъ получилъ 200 руб. за свои работы и на эти деньги нанялъ квартиру въ домѣ Степанова и помѣстилъ тамъ станокъ. Съ половины іюля до 15-го августа проходитъ опять цѣлый мѣсяцъ безъ всякихъ осложненій дѣла. Обвиненіе утверждаетъ, что въ это время въ домѣ Степанова продолжали печататься прокламаціи. Я не знаю, на чемъ основано это обвиненіе. На показаніи Сахаровой, данномъ на предварительномъ слѣдствіи? Но показаніе это не могло быть прочитано на судѣ, а если и могло бы быть прочитано, то во всякомъ случаѣ оно есть такое, которому вѣрить безусловно нельзя, если оно опровергается другими фактами, вслѣдствіе которыхъ нельзя допустить, чтобы происходило печатаніе въ домѣ Степанова. Факты эти заключаются въ слѣдующемъ: Эксперты сказали, что наборъ всѣхъ трехъ прокламацій былъ одинъ, что набраны были онѣ разомъ. Если бы наборъ производился два раза, т. е. въ Сареевѣ и въ домѣ Степанова, то печать прокламацій вышла бы различная въ разныхъ экземплярахъ. По словамъ экспертовъ не только наборъ, но и печатаніе двухъ главныхъ брошюръ совершены одновременно. Притомъ, чтоже могло печататься въ домѣ Степанова? То ли самое, что и на дачѣ, но зачѣмъ же печатать, если и напечатанныя прокламаціи не разошлись, а извѣстно, что онѣ разошлись и потомъ лишь въ весьма небольшомъ количествѣ. Поэтому и въ виду того, что печаталось, а также и того, что Дмоховскій не литераторъ, не сочинитель, что онъ имѣлъ только шрифтъ, который дѣйствительно былъ купленъ у Долгушина, и не имѣлъ никакой бумаги, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ печаталъ прокламаціи. Поэтому все это предположеніе о печатаніи чего то въ домѣ Степанова есть предположеніе, ни начемъ не основанное. Съ половины іюля до 15-го августа существовали отношенія слѣдующія: лица, которыя были въ Сареевѣ,

неизвѣстно куда пропали, разъѣхались въ разныя стороны. Дмоховскій пребывалъ въ домѣ Степанова и посѣщалъ заводъ Платонова. Къ 15-му августа онъ кончаетъ всѣ свои занятія и окончательно разсчитался съ Платоновымъ, послѣ чего сдѣлался совершенно свободнымъ человѣкомъ. Какъ свободный человѣкъ, онъ и отправился въ Сареево посѣтить Долгушина. Здѣсь съѣхались и другіе товарищи; явился и Ананій Васильевъ. Здѣсь случилось происшествіе, которое отчасти описалъ Васильевъ, а именно, пошла рѣчь о пропагандѣ, о томъ, чтобы идти въ народъ. Дмоховскій одобрялъ это намѣреніе. Собственно говоря по образу своихъ мыслей, онъ былъ солидаренъ съ товарищами, но не больше. Послѣ нѣсколькихъ дней бытности въ Сареевѣ, компанія отправляется въ Москву. На пути произошла встрѣча съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ, затѣмъ въ Москвѣ произведенъ дѣлежъ прокламацій въ квартирѣ Курдаева. Если при этомъ дѣлежѣ и былъ Дмоховскій, это опять не доказываетъ того, чтобы онъ бралъ на себя роль распространителя прокламацій. Напротивъ того, по своимъ замысламъ онъ долженъ былъ стоять внѣ этого дѣла, потому что онъ имѣлъ другое намѣреніе, можетъ быть болѣе крупное и серьезное. Чтобы онъ раздавалъ прохожимъ прокламаціи, чтобы онъ самъ ходилъ на пропаганду—этого изъ дѣла не видно. Единственный фактъ, который могъ бы навести судей на мысль, что уже было у него желаніе идти на пропаганду—это встрѣча его и разговоръ съ зеркальщикомъ Афанасьевымъ. Въ чемъ же состоялъ этотъ разговоръ? Предметъ его былъ самый простой: о томъ, какое житье-бытье крестьянина, какіе оброки, какая земля и т. д. Если заговорили о Стенькѣ Разинѣ, о Пугачевѣ и если Дмоховскій совѣтовалъ прочесть книжку Костомарова, или монографію Мордовцева, то это никакъ не революціонное предложеніе, не преступленіе. Совѣтъ обнаруживаетъ, что Дмоховскій человѣкъ, который относится къ народу книжно-теоретически, который не умѣетъ подойти съ надлежащей

стороны къ простому человѣку. Для простаго человѣка воспоминанія о тѣхъ давно минувшихъ дѣлахъ какъ бунтъ Стеньки Разина или Пугачева—вещь мертвая, лишенная интереса. Дмоховскій не участвовалъ въ посѣщеніи зеркальщика Долгушинымъ, потому что, если-бы этотъ зеркальщикъ встрѣтился во второй разъ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который говорилъ ему о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ и т. д., то онъ запомнилъ бы это обстоятельство. Зеркальщикъ очень хорошо замѣтилъ черты лица того человѣка, который сидѣлъ съ нимъ на возу во время двадцативерстнаго пути, что онъ имѣлъ длинный носъ, былъ высокаго роста, сухощавый, а между тѣмъ, тотъ же Афанасьевъ рѣшительно не помнитъ, какія были примѣты у товарища Долгушина. Ананій Васильевъ говоритъ, что въ Москвѣ Дмоховскій далъ ему на дорогу деньги; эта дача денегъ могла произойти по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ, а не на пропаганду, Дмоховскій могъ считать, что А. Васильевъ заслуживаетъ того, чтобы дать ему денегъ, потому что онъ недополучалъ за свою службу у Долгушина.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что могло бы наводить на мысль о томъ, что Дмоховскій принимаетъ самое непосредственное участіе въ распространеніи брошюръ. Вначалѣ сентября Дмоховскій окончательно убѣдился, что машина и станокъ и всѣ приспособленія къ печатанію, которые привезены имъ изъ Сареева, никуда не годятся. Вотъ почему онъ сжегъ станокъ и отправилъ остальныя типографскія принадлежности въ склады къ Соломатину, гдѣ онѣ и стояли. Потомъ онъ переѣхалъ въ домъ Гурина. Такъ какъ новая квартира представляла возможность осуществить ту идею, которую имѣлъ Дмоховскій, то онъ задумалъ, впрочемъ, весьма непрактически, въ то время, когда пропагандисты, его пріятели, были уже пойманы, устроить новый станокъ, который онъ заказалъ столяру Осипову. Этотъ станокъ Дмоховскій поставилъ въ квартирѣ, гдѣ онъ

и простоялъ одинъ или два дня, когда грянула вѣсть, что арестованы тотъ или другой изъ товарищей. Нужно было убираться. Дмоховскій запряталъ опять всѣ типографскія вещи въ ящики и опять отправилъ ихъ къ Соломатину; отыскалъ для г-жи Долгушиной мѣсто въ нумерахъ гостинницы близь Петербургскаго вокзала и самъ отправился странствовать: былъ въ Петербургѣ, возвратился, добылъ вещи отъ Соломатиныхъ и распродалъ ихъ. Наконецъ онъ былъ арестованъ въ Харьковѣ. Вотъ вся его исторія, вся прикосновенность къ дѣлу. Если вникнуть въ то, что онъ дѣлалъ не предубѣждаясь тѣмъ, что Дмоховскій человѣкъ смышленый, человѣкъ развитой, и что поэтому его надо считать душою предпріятія, то необходимо прійти къ убѣжденію, что Дмоховскій находился только возлѣ предпріятія, а не въ центрѣ его и даже не въ окружности, что онъ былъ пожалуй пособникомъ, оказавшимъ различныя мелкія услуги тѣмъ, что напримѣръ, давалъ деньги, привозилъ и увозилъ женщинъ, что онъ укрыватель преступниковъ, что онъ укрывалъ слѣды преступленія: шрифты и разныя желѣзныя вещи, которыя купилъ съ этою цѣлью отъ Долгушина. Вотъ и вся прикосновенность Дмоховскаго къ настоящему дѣлу.

Въ заключеніе моей защиты я долженъ упомянуть о событіи, которое случилось между врученіемъ подсудимымъ обвинительнаго акта и днемъ, когда открыто засѣданіе по сему дѣлу, а именно о воспослѣдованіи новаго закона, измѣняющаго значительно прежній законъ, о новой редакціи статей 250 и 318 улож. о наказ. Новый законъ этотъ дѣйствительно весьма важенъ. Если бы онъ существовалъ въ то время, когда приготовлялся актъ обвинительный, то обвиненіе пошло бы по этому новому закону. Я заключаю это изъ слѣдующаго. Я думаю, что нужно обвинять подсудимыхъ въ одномъ только распространеніи прокламацій, выпуская все предыдущее, какъ будто бы преступная дѣятельность этихъ людей не начиналась до того времени какъ

стали они печатать, но очевидно она началась тогда, когда они условились распространять прокламаціи и составили съ этою цѣлью противозаконное сообщество, котораго средствами дѣйствія были съ одной стороны устная пропаганда, съ другой—раздача прокламацій. Такая постановка вопроса, можетъ быть, даже хуже для Дмоховскаго потому, что онъ обвиненъ по 251-ой ст., между тѣмъ, какъ онъ не участвовалъ ни въ печатаніи, ни въ распространеніи прокламацій, слѣдовательно, если устранить сообщество, онъ могъ бы разсчитывать на то, что будетъ совсѣмъ отъ суда освобожденъ. Между тѣмъ, если считать его членомъ тайнаго общества, то онъ долженъ подлежать отвѣтственности за все послѣдовавшее послѣ того момента, когда общество образовалось. Такимъ образомъ, примѣненіе къ Дмоховскому новаго закона лично для него невыгодно, но такъ какъ его интересы солидарны съ интересами товарищей, то общее усиліе всей защиты, а въ томъ числѣ и моей, должно клониться къ тому, чтобы былъ примѣненъ новый законъ. Я думаю, что этотъ законъ долженъ быть примѣненъ по слѣдующимъ причинамъ. По прежнему закону ст. 249, съ которою измѣненная ст. 250 имѣетъ тѣсную связь, предусматривались два вида одного и того же преступленія. Одинъ видъ — это бунтъ, который сопровождался смутами и волненіемъ, а другой видъ, когда преступленіе открыто при самомъ началѣ, такъ что никакихъ смятеній не произошло, новый законъ присовокупляетъ къ этимъ двумъ видамъ или случаямъ бунта еще третій, а именно, когда не только бунтовщи-ческій заговоръ открытъ при самомъ началѣ осуществленія преступнаго намѣренія, но и злоумышленіе было такого рода, что осуществленіе предполагалось въ отдаленномъ будущемъ и не имѣлось въ виду средствъ осуществленія его насильственно. При наказаніи за прокламаціи, возбуждающія къ бунту, надлежитъ войти въ разборъ того, имѣлся ли въ виду и какой затѣвался бунтъ? Поднять населеніе противъ правительства

сейчасъ, или въ отдаленномъ будущемъ, и были ли предлагаемы населенію насильственныя средства дѣйствія, или такія средства совсѣмъ не были указаны. Я полагаю, что теперь послѣ изданія новаго закона 4-го іюня 1874 г., нельзя примѣнять 251 ст. безъ обращенія вниманія на новое дѣленіе бунта. Такимъ образомъ, если вы будете разбирать, имѣетъ ли мѣсто воззваніе къ бунту и если найдете, что оно имѣетъ мѣсто, то непремѣнно придете къ заключенію, если бы вы даже и признали, что здѣсь есть воззваніе къ бунту, т. е. посягательство на цѣлость государства и Государя, на ниспроверженіе правительства и перемѣну формы правленія, что во всякомъ случаѣ тутъ не опредѣлялись ни день, ни часъ, ни средства переворота, а все это отлагалось до будущаго времени. Вотъ почему нѣтъ возможности обойти новый законъ. На этомъ основаніи я поддерживаю просьбу моего товарища по защитѣ. По моему мнѣнію, подсудимый Дмоховскій долженъ быть судимъ и можетъ быть наказанъ, прежде всего какъ пособникъ и какъ укрыватель преступленія предусмотрѣннаго въ 1036 и 1027 ст.; если онъ не виноватъ въ большемъ, то можетъ быть обвиненъ въ пособничествѣ по 274 ст. Но если вы признаете, что Дмоховскій виноватъ какъ соучастникъ въ возбужденіи къ бунту, то во всякомъ случаѣ вы примѣните новый законъ, потому что этому закону, какъ облегчающему наказаніе, должно быть дано въ настоящемъ случаѣ дѣйствіе обратное.

Особое присутствіе сената приговорило Дмоховскаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената кассаціонную жалобу подсудимаго оставило безъ послѣдствій.

Содержаніе V тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

СТРАНИЦЫ.

1. Дѣло о Павлѣ Гайдебуровѣ, судимомъ за изданіе имъ перевода 2 тома книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ» . . . . 3— 16
2. Дѣло объ уроженцѣ царства польскаго, дворянинѣ Евстафіѣ Шомбергъ-Колонтаѣ, обвиняемомъ въ выпускѣ въ обращеніе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ. . 17— 34
3. Дѣло объ отставномъ инженеръ-штабсъ-капитанѣ Владимірѣ Шишкинѣ и женѣ его, Вѣрѣ Шишкиной, обвиняемыхъ въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества . . . . 35— 64
4. Дѣло о графѣ Ираклiѣ Морковѣ, судимомъ за убіеніе крестьянина Будилы. . . . . 65— 90
5. Дѣло о скопцахъ Плотицыныхъ и др. . . . . 91—100
6. Дѣло о почетномъ гражданинѣ Петрѣ Щаповѣ, судимомъ по поводу изданія перевода «Писемъ объ Англіи» Луи-Блана. . . . . 101—121
7. Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. . . . . 122—134
8. Дѣло о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи. (Нечаевское). . . . . 135—199
9. Дѣло дворянина Полякова, обвиняемаго въ нарушеніи законовъ о печати . . . . 201—223
10. Дѣло о дуэли между Утинымъ и Жоховымъ. . . . . 224—247
11. Дѣло о надворномъ совѣтникѣ Пальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ и въ подлогѣ. . . 248—269
12. Дѣло о старшемъ фейерверкерѣ петербургской крѣпостной артиллеріи Акимѣ Дементьевѣ, обвинявшимся въ неповиновеніи офицеру и оскорбленіи его словомъ и дѣйствіемъ . . 270—285

СТРАНИЦЫ.

13. Дѣло по иску опекуновъ надъ имѣніемъ умершаго Сергѣя Ивановича Терпигорева: титулярнаго совѣтника Чаплыгина и прапорщика Бехтѣева, къ мѣщанкѣ Екатеринѣ Купріяновой и коллежскому ассесору Хилкову объ уничтоженіи арендннаго договора совершеннаго съ послѣдними маіоромъ Терпигоревымъ 16-го января 1870 г., въ бывшей Тамбовской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда . . . . . . 286—301

14. Дѣло объ отставномъ штабсъ-капитанѣ Николаѣ и женѣ его Евгеніи Н—ныхъ, обвинявшихся въ убійствѣ коллежскаго ассесора П. Чихачева . . . . 302—328

15. Дѣло Долгушина, Дмоховскаго и др., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія. . . . . 329—355

157